9(47)(0
А 131

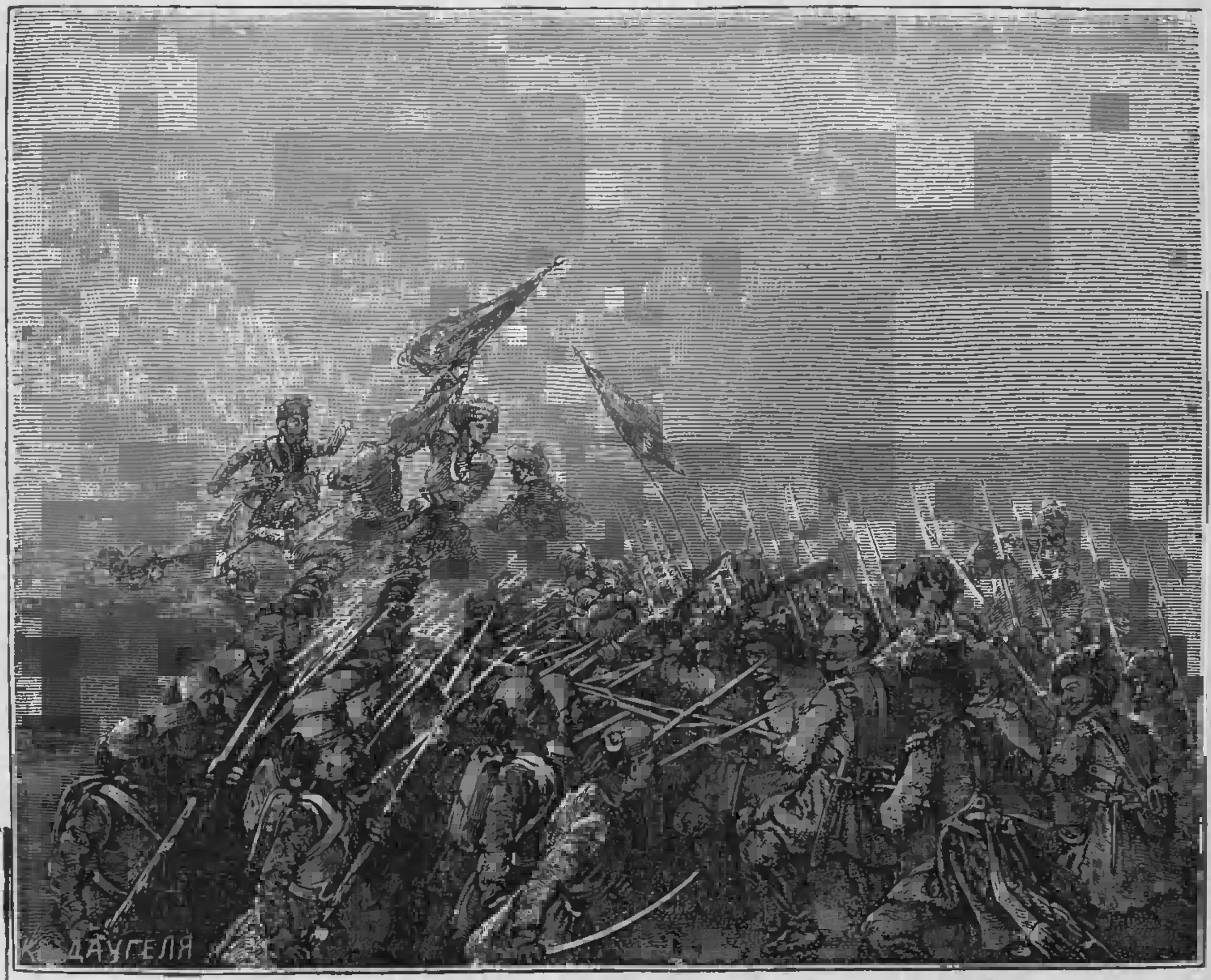
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ГЕРОИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Съ рисунками, картами и планами.

СОСТАВИЛЪ **К. К. АБАЗА.**

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.



Напечатано безъ измѣненій съ 1-го изданія, подъ заглавіемъ «Общедоступная Военно-Историческая Христоматія», **одобрено** Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для средняго и старшаго возраста.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ ☆ МОСКВА ☆ ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНІЯ

ГЕРОИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

НАРОДЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Персидскій царь Ксеркъ и сраженіе при Ѳермопилахъ. — Александръ Македонскій и завоеваніе Персидской Монархіи.—Походъ Аннбала въ Италію.—Юлій Цезарь и покореніе Галліи.—Разрушеніе Іерусалима.—Атила, царь гунновъ.—Магометъ и завоеванія арабовъ. — Завоеванія франковъ и Карлъ Великій. — Походы викинговъ. — Вилыгельмъ Завоеватель. — Проповѣдь Петра Пустынника.—Первый крестовый походъ.— Рыцарство.—Іоанна Даркъ.— Осада и взятіе Византіи турками.—Христоформъ Колумбъ.—Покореніе Мексики.—Походы Густава-Адольфа.—Янъ Собѣскій и спасеніе Вѣны.—Шведскій король Карлъ XII.—Фридрихъ Великій и Семилѣтняя война.—Защита Генуи и походъ генерала Бонапарта въ Италію въ 1800-мъ году.—Сраженіе „трехъ императоровъ“.— Война за освобожденіе Германіи и „битва народовъ“.—Вступленіе въ Парижъ.

Цѣна 1 р. 50 к.; въ изящномъ переплетѣ 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 іюля 1896.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.

ОГЛАВЛЕНІЕ

статей, съ указаніемъ страницъ и пособій, которыми составитель пользовался.

СТРАН.

Святославъ, князь Кіевскій. Съ рисункомъ 1

Завоеванія монголовъ и битва на Калкѣ. Съ рисункомъ 13

Александръ Невскій 26

Куликово поле. Съ двумя рисунками и планомъ Куликовской битвы. . . 38

Походы Тамерлана. 50

Осада и взятіе Казани. Съ тремя рисунками и планомъ 66

Украинскіе казаки („Hetmani malorossyiski i kozacy do czasow unii“ Gliszczynskiego и др.). 82

Защита Троицко-Сергіева монастыря. Съ рисункомъ и планомъ. . . . 93

Гетманъ Богданъ Хмельницкій („Дневникъ Освѣцима,“—Кіевская Старина, т. IV—VI; „Богданъ Хмельницкій“ Костомарова и др.). Съ рисункомъ. 106

Воинскія забавы и первые морскіе походы Петра Великаго 127

Нарва и Полтава („Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII вѣкѣ“, Бутурлина.—„Историческое развитіе, вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1708 г.“ Гудимы-Левковича). Съ рисункомъ и планомъ Полтавской баталіи 141

Побѣды Румянцова надъ турками („Первая Турецкая война“. Гудимы-Левковича и др.) Съ планомъ сраженія при Кагулѣ. 160

Запорожское братство (Эварницкаго: „Топографическій очеркъ Запорожья“.—„Происхожденіе запорожскихъ казаковъ“.—Кіевская Старина, Т. IX—X.—Gliszczynskiego: „Znaczenie i wewnętrzne życie Zaporoża“.—Скальковскаго: „Исторія Новой Сѣчи“). Съ рисункомъ. 169

СТРАН.

Штурмъ Измаила („Генералисимусъ князь Суворовъ". Петрушевскаго.— „Походы Румянцова, Потемкина и Суворова въ Турціи. Богдановича.— „Суворовъ и паденіе Польши". Смита). Съ рисункомъ и планомъ. . . 188

Походы Суворова въ Италіи (по Милютину: „Исторія войны 1799 года" и по Петрушевскому: „Разсказы стараго воина о Суворовѣ"). Съ картой Сѣверной Италіи и планомъ сраженія при Нови. 204

Швейцарскій походъ (тѣ-же). Съ рисункомъ и картой 222

Бородинская битва („Histoire du Consulat et de l'Empire par Thiers, vol. IV;—Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812", par Ségur. — Богдановичъ: „Исторія Отечественной войны 1812 года" и др.). Съ планомъ 239

Наши партизаны (Сочиненія Давыдова и др.). 256

Асландузская побѣда и взятіе Ленкорани (Сологуба: „Біографія генерала Котляревскаго" и др.). Съ планомъ 268

Выступленіе Наполеона изъ Москвы (По Богдановичу, Михайловскому-Данилевскому и др.). Съ рисункомъ 278

Наступленіе въ Чечню и Дагестанъ („Подвиги русскихъ воиновъ въ странахъ закавказскихъ".—„Кавказская война" Потто и др.) 289

Защита Гёргебиля (Лекціи Романовскаго и др.) 303

Кюрюкъ-Дара (Богдановича: „Исторія Восточной войны" и др.). Съ рисункомъ. 312

Черноморскіе пластуны подъ Севастополемъ 324

Блокада Карса, въ 1855 г. (Муравьева: „Война за Кавказомъ" и др.). Съ рисункомъ и планомъ 334

Экспедиція генерала Евдокимова въ Аргунское ущелье. 349

Гунибъ. Съ рисункомъ 358

Дѣло двадцати казаковъ при мысѣ Чаграѣ 371

Походъ въ Хиву, въ 1873 году (Макъ-Гахана: „Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы". — Колокольцова: „Экспедиція въ Хиву" и др.). Съ двумя рисунками 380

Остальныя пособія указаны въ другой книгѣ: „Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада".

СВЯТОСЛАВЪ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

Святославъ былъ средняго роста, но видъ имѣлъ богатырскій: шея крѣпкая, плечи широкія, усы и брови густые, голова бритая, сбоку длинный чубъ. По этому чубу узнавали людей знатнаго рода. Въ одномъ ухѣ онъ носилъ золотую серьгу съ двумя жемчужинами, между которыми былъ вставленъ красный камень, рубинъ. Святославъ, по обычаю того времени, одѣвался просто: полотняная рубаха безъ ворота, такія же исподнія и длинные простые сапоги. Жизнь онъ велъ суровую, не боялся ни холода, ни жара; во время походовъ спалъ на войлокѣ, съ сѣдломъ подъ головами; никогда не возилъ съ собой запасовъ, а питался тѣмъ, что̀ попадалось на охотѣ, и самъ жарилъ на угольяхъ конину или дичь. Всю свою жизнь Святославъ провелъ въ походахъ и битвахъ. Онъ всегда былъ готовъ принять бой. Подобно барсу, онъ перескакивалъ съ одного конца русскихъ земель на другой, побивая враговъ; но, прежде чѣмъ напасть на нихъ, посылалъ сказать: «Иду на васъ». Такая же,

какъ и князь, была дружина Святослава. Съ нею онъ дѣлилъ и радости, и горе: это была его семья, его лучшіе друзья, товарищи. Только добрый воинъ могъ служить въ дружинѣ Святослава.

Въ царствованіе греческаго императора Никифора Фоки, въ 967 году, явился изъ Цареграда въ Кіевъ посолъ и просилъ отъ имени своего государя идти войной на болгаръ. Греки никакъ не могли осилить болгаръ, и главнымъ образомъ потому, что они жили въ мѣстахъ гористыхъ, покрытыхъ лѣсами, изрытыхъ оврагами, гдѣ ни пройти, ни выйти. Одинъ греческій царь, тоже Никифоръ, какъ-то пропалъ тамъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Хитрый посолъ привезъ съ собою для раздачи дружинѣ 27 пудовъ золота, при чемъ сулилъ еще больше; онъ же подалъ князю совѣтъ удержать за собой Болгарію, какъ бы свою землю. Заманчивы были эти совѣты, заманчива казалась богатая добыча, и князь согласился. Онъ велѣлъ кликать охотниковъ, и собралось тогда 10 тыс. руссовъ, готовыхъ на все, да еще подъ начальствомъ такихъ славныхъ воеводъ, какъ старый Свѣнельдъ, богатыри Сфенкелъ, Икморъ и много другихъ. Въ августѣ того же года Днѣпръ покрылся ладьями: это были руссы. Днѣпромъ они вышли въ море и, держась все время берега, повернули въ Дунай. Болгары, почуявъ бѣду, спѣшили къ рѣкѣ, чтобъ задержать на высадкѣ страшныхъ враговъ. Ихъ собралось до 30 тыс., но руссы быстро сошли съ ладей, прикрылись щитами и, обнаживъ мечи, сразу очистили себѣ путь. Болгарская рать бѣжала въ крѣпость Дористолъ, нынѣшнюю Силистрію, а царь Болгаріи, узнавъ объ этомъ постыдномъ бѣгствѣ, умеръ съ горя. Въ два года князь Святославъ овладѣлъ всѣми городами по Дунаю и сѣлъ княжить въ Переяславцѣ, въ самомъ устьѣ рѣки. Тогда только греческій царь увидѣлъ, что призвалъ Русь на свою же голову; онъ оставилъ прежнюю гордость и приглашалъ болгаръ мириться. Тѣ съ радостью согласились, и новые друзья, чтобы скорѣе выжить Святослава, подкупили печенѣговъ напасть на Кіевъ. Такъ и случилось. Оттуда явились послы и сказали князю: «Ты, княже, чужой земли ищешь и чужую землю соблюдаешь, а свою совсѣмъ бросилъ. Чуть было не взяли насъ

печенѣги, и матерь твою, и дѣтей твоихъ!» —Святославъ покинулъ Болгарію и понесся въ Кіевъ. Поневолѣ или по своей охотѣ, но печенѣги отогнали: Кіевъ былъ спасенъ. Не долго Святославъ оставался въ родномъ городѣ; его тянуло туда, въ новый край: тамъ ждала его слава, великія дѣла. «Не любо мнѣ въ Кіевѣ, сказалъ князь матери и боярамъ, хочу жить на Дунаѣ, въ Переяславцѣ. Тотъ городокъ—середина моей земли. Туда сходится все добро: отъ грековъ золото, паволоки, вина, овощи; отъ чеховъ и венгровъ—серебро и кони; изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ, челядь». Такъ говорилъ Святославъ и, похоронивши свою престарѣлую мать, великую княгиню Ольгу, поспѣшилъ опять къ завѣтнымъ берегамъ. Но тутъ, въ Болгаріи, подулъ уже другой вѣтеръ. Болгары расхрабрились, вышли изъ города и чуть было не побили руссовъ. Въ трудную минуту, когда бойцы совсѣмъ ослабѣвали, Святославъ воскликнулъ: «Здѣсь намъ погибнуть! Полягнемъ же мужески, братья и дружина!» Руссы напрягли всѣ силы, сломили болгаръ и по ихъ же слѣдамъ взяли городъ «съ копья», т.-е. приступомъ. Послѣ того, не мѣшкая ни мало, Святославъ углубился въ страну, позабиралъ всѣ города между Дунаемъ и Балканами, въ томъ числѣ и самую столицу, Великую Преславу, гдѣ плѣнилъ царя Бориса со всей его семьей. Отсюда Святославъ послалъ сказать грекамъ: «Хочу на васъ идти, взять вашъ городъ!» Въ это время на царскій престолъ вступилъ Цимисхій, военачальникъ искусный, воинъ отважный. Онъ владѣлъ силой непомѣрной, глазомъ вѣрнымъ, рукой мѣткой; никто лучше его не кидалъ копья, не стрѣлялъ изъ лука; онъ прыгалъ какъ тигръ: поставитъ рядомъ 4 коня и сядетъ на послѣдняго. Къ людямъ же былъ ласковъ и щедръ; ходилъ самъ по больницамъ, лечилъ больныхъ. Таковъ былъ новый императоръ, съ которымъ пришлось имѣть дѣло Святославу. Вѣрный своему слову, нашъ князь перешелъ Балканы и взялъ Филиппополь. Это было весной 970 года. Съ нимъ шли болгары, венгры, печенѣги—всѣ ждали добычи, зная богатство грека. Греки, устрашенные близостію враговъ, выслали пословъ съ приказаніемъ задержать Святослава, если не силой, то хитростью.

Князь отвѣчалъ, что не выйдетъ изъ Болгаріи, пока греки не выкупятъ всѣхъ городовъ и всѣхъ плѣнныхъ, и пока не дадутъ ему великой суммы денегъ. Цимисхій, получивъ такой отвѣтъ, пригрозилъ войной. «Пусть не трудится напрасно, отвѣтилъ Святославъ, мы скоро сами поставимъ свои шатры передъ воротами Цареграда. Русь — храбрая дружина: бьетъ враговъ оружіемъ. Вашъ царь считаетъ насъ бабами и пугаетъ, какъ пугаютъ малыхъ ребятъ!»—Пока шли переговоры, царь укрѣпилъ столицу, вызвалъ изъ Азіи 10 тыс. войска, а для себя обрядилъ особую дружину подъ названіемъ «безсмертныхъ», изъ храбрѣйшихъ грековъ. Недалеко отъ Адріанополя полководецъ императора, по имени Варда Жестокій, ждалъ съ войсками руссовъ. Двѣ части отряда онъ оставилъ въ засадѣ, третью выслалъ впередъ. Болгары, печенѣги и часть руссовъ, подъ предводительствомъ княжихъ воеводъ, вступили въ битву. Одинъ русскій богатырь напалъ на самого Варду и ударилъ его мечемъ по шлему, но цареградскій шлемъ былъ крѣпокъ: Варда уцѣлѣлъ. Братъ Варды, Константинъ, подскочилъ на помощь, замахнулся мечемъ, а руссъ въ это время пригнулся; тяжелый мечъ срубилъ лошади голову. Битва кипѣла; руссы стали одолѣвать, какъ вдругъ Варда приказалъ играть въ трубы и бить въ бубны. Это былъ сигналъ, по которому должна явиться подмога. По маломъ времени засада показалась съ тыла; болгары и печенѣги бросились бѣжать, а русской дружинѣ пришлось пробиваться. На томъ война пока и кончилась.

Греки поднесли богатые дары, увѣрили въ скоромъ заключеніи мира, и Святославъ, обнадеженный, что войны больше не будетъ, ушелъ къ болгарамъ. Между тѣмъ, раннею весною, Цимисхій изготовился къ походу. Съ высокаго балкона своего цареградскаго дворца онъ смотрѣлъ, какъ 300 судовъ, собранныхъ въ заливѣ, стройно плавали, вели примѣрный бой и кидали изъ особыхъ трубъ, укрѣпленныхъ на носу, текучій огонь. Наградивъ щедро гребцовъ, царь велѣлъ двинуть флотъ въ устье Дуная, чтобы запереть руссамъ обратный путь на родину. Затѣмъ, помолившись въ храмѣ Софіи и въ храмѣ Богоматери Влахернской, избавитель-

ницы отъ нашествія тѣхъ же руссовъ, императоръ выступилъ въ походъ. Онъ ѣхалъ впереди войска на статномъ конѣ, покрытый блестящею броней со шлемомъ на головѣ. За нимъ двигался отрядъ «безсмертныхъ», дальше шла пѣхота, тысячъ около 15, за нею конница, почти столько же. Сзади вóйска двигались большіе обозы съ запаснымъ оружіемъ, съѣстными припасами, осадными машинами и разнымъ инструментомъ для копанія земли. Прежде чѣмъ углубиться въ Балканскія горы, царь разослалъ во всѣ стороны лазутчиковъ узнать, нѣтъ ли засады. Оказалось, что проходы свободны. Русскій князь, незнакомый съ обычаями грековъ, понадѣялся на мирный договоръ. Его войска были разбросаны по всей Болгаріи; самъ онъ находился въ Доростолѣ, отрядъ Сфенкела въ Преславѣ.

Совсѣмъ неожиданно для руссовъ явился Цимисхій передъ болгарской столицей. Онъ подходилъ съ великимъ торжествомъ: гремѣли бубны, стучали кимвалы, или тарелки, трубили трубы, бряцали доспѣхи, а ратные крики возвѣщали побѣду. Руссы схватили свои длинные щиты, подняли ихъ на плечи и стали передъ городомъ. Битва съ обѣихъ сторонъ была «ровная», пока царь не пустилъ своихъ безсмертныхъ; они смяли лѣвое крыло пѣшей рати, и она отступила въ городъ, гдѣ сейчасъ же разсыпалась по стѣнамъ. Полетѣли стрѣлы, камни, но скоро стемнѣло и битва прекратилась. На другой день—это было въ Великую Пятницу—Цимисхій пошелъ на приступъ. Греки кидали въ городъ изъ особыхъ камнеметныхъ машинъ тяжелые камни, пускали копья и стрѣлы; наконецъ приставили лѣстницы и полѣзли на верхъ. Сфенкелъ снялъ руссовъ со стѣнъ и отвелъ ихъ въ царскій дворецъ. Тогда греки, при помощи болгаръ, отбили ворота. Тутъ ихъ встрѣтили болгары, встрѣтилъ самъ болгарскій царь, бывшій въ плѣну, и Цимисхій, обласкавъ ихъ, приглашалъ ополчиться противъ общихъ враговъ. Греки, разсыпавшись по улицамъ, убивали встрѣчныхъ, бросались грабить и наконецъ добрались до царскаго дворца. Изъ многихъ воротъ одни стояли незаперты, собственно для приманки. Руссы поджидали скрытно подъ стѣной и сѣкли головы

всѣмъ. кто ни вбѣгалъ: мѣдные и золоченые шишаки, какъ горохъ, раскатывались по двору. Подъѣхалъ Цимисхій и послалъ на приступъ пѣхоту: руссы отбили этотъ приступъ; тогда онъ отвелъ свое войско и велѣлъ перебросить огонь. Дворецъ запылалъ; руссы въ числѣ семи тысячъ, сомкнувши ряды, оставили дворъ. Полки Варды, а также болгары, которые сражались теперь за грековъ, окружили руссовъ. Въ жестокой сѣчѣ много ихъ пало, и лишь малая часть храбрецовъ пробилась съ воеводою во главѣ. Онъ отвелъ ихъ къ Дористолу, гдѣ находился князь. Святославъ, застигнутый врасплохъ, оставался въ чужой сторонѣ безъ союзниковъ, безъ конницы. До сихъ поръ онъ нападалъ первый; теперь долженъ былъ ждать, пока на него нападутъ, искать спасенія въ оборонѣ. Такой способъ войны былъ не по немъ. Медленно приближался Цимисхій къ Дористолу. Передовой отрядъ пѣхоты осматривалъ окрестные лѣса, овраги — нѣтъ ли гдѣ засады. Нѣсколько русскихъ молодцовъ, подстерегавшихъ грековъ, были захвачены и перебиты. Когда Цимисхій подошелъ къ городу, русскія дружины ихъ ожидали, совсѣмъ готовыя къ бою. Онѣ плотно сомкнули свои щиты, выставили впередъ копья и стояли грозной стѣной, ощетинившись. Греки перестроились въ боевой порядокъ: посрединѣ стала пѣхота, на флангахъ — конница, въ желѣзныхъ латахъ; спереди, прикрывая фронтъ,—легкая пѣхота: стрѣлки изъ лука и пращники. Еще на ходу они пускали стрѣлы, метали камни. Русскія дружины продвинулись чуточку впередъ и дали отпоръ; 12 разъ они отбили нападеніе грековъ. Побѣда колебалась: ни та, ни другая сторона не могла взять верхъ. Подъ вечеръ, на закатѣ солнца, Цимисхій собралъ всю конницу и самъ повелъ ее на руссовъ; онъ первый бросилъ царское копье. Съ трубнымъ звукомъ и браннымъ кликомъ ударили всадники на утомленныхъ руссовъ, которые должны были укрыться въ городъ. Греки запѣли побѣдныя пѣсни въ честь императора. Щедрою рукою онъ раздавалъ имъ чины, награды, угощалъ обильными пирами. На другой же день греки стали окапывать свой лагерь высокими валами; сверху, на насыпи, они водружали копья и вѣшали на нихъ щиты.

Къ довершенію бѣды, показались на Дунаѣ суда, страшныя для руссовъ. Они поспѣшно убрали свои ладьи на берегъ и въ тотъ же день, въ своихъ кольчужныхъ броняхъ, съ длинными, до самыхъ ногъ щитами, вышли въ поле еще разъ перевѣдаться. Опять завязалась битва и долго шла безъ перевѣса, пока одинъ изъ грековъ не поразилъ копьемъ храбраго великана Сфенкела. Потерявши воеводу, руссы отступили. Тутъ греческій богатырь Ѳедоръ Лалаконъ побилъ ихъ множество своей желѣзной булавой; онъ размахивалъ ею какъ перомъ, дробя руссамъ головы и шлемы.

Съ той поры, какъ прибыли суда и заградили руссамъ выходъ въ море, Святославъ увидѣлъ, что надо сѣсть въ крѣпкую осаду, а потому велѣлъ обрыть глубокимъ рвомъ весь городъ. Но у него не было съѣстныхъ припасовъ, и вотъ, въ самую темную ночь, когда лилъ пресильный дождь, 2 тыс. руссовъ тихо сѣли въ свои утлыя ладьи и пошли на поиски. Они успѣли обшарить всѣ окрестныя мѣста и, нагрузившись вдоволь, уже возвращались домой, какъ замѣтили на берегу греческій обозный станъ: люди поили лошадей, собирали сѣно, рубили дрова. Въ одну минуту руссы причалили, обошли ихъ лѣсомъ, разгромили и съ богатой добычею вернулись въ городъ. Дерзость руссовъ, сидѣвшихъ въ осадѣ, поразила царя; онъ собралъ корабельныхъ воеводъ и объявилъ смертную казнь тому, кто ихъ пропуститъ на рѣку. Съ тѣхъ поръ греки стали зорко стеречь; накопали кругомъ рвы, поставили стражу и не снимали ее ни днемъ, ни ночью. Русь не унималась; ежедневно выходила въ поле, ежедневно побивала множество враговъ. Въ томъ и другомъ лагерѣ были удальцы, готовые на все, лишь бы показать свою отвагу и богатырскую силу. На одной вылазкѣ руссы сильно наступали на окопы съ тѣмъ, чтобы добраться до машинъ, кидавшихъ въ городъ камни. На нихъ пустился съ небольшимъ отрядомъ всадникъ въ дорогихъ латахъ, блестящемъ шлемѣ и на прекрасномъ конѣ; сбруя была украшена золотыми бляхами и расцвѣчена камнями. Или всадникъ былъ во хмѣлю, или лошадь его попала въ яму, только онъ свалился на-земь. Руссы подумали, что это самъ им-

нераторъ, кинулись къ нему, изрубили на мелкіе кусочки и, взявши голову съ собой, воткнули на копье и поставили его на башнѣ. Однако это былъ не императоръ, а царскій родичъ Куркуй. У руссовъ были свои богатыри; особенно прославился Икморъ, первый мужъ въ рати Святослава. Подъ его начальствомъ руссы вышли на другой же день опять на вылазку. Греки наступали своимъ обычнымъ строемъ, который назывался у нихъ «фалангой». Икморъ врѣзался въ эту фалангу и косилъ своимъ мечемъ, точно косой. Тогда наскочилъ на него грекъ Анема и нанесъ ему такой ударъ, что правая рука и голова Икмора сразу отлетѣли прочь. Руссы подняли вопль, завопили на все поле; тѣмъ смѣлѣе напирали греки, издавая крикъ побѣды. Руссы, закинувъ щиты, опять отступили въ городъ; много храбрыхъ бойцовъ покинули они въ полѣ. Наступила ночь. При яркомъ свѣтѣ луны они снова вышли, разошлись вездѣ по полю и собирали трупы; другіе въ это время готовили подъ стѣнами костеръ. Стащивши всѣ труны, закололи надъ ними нѣсколько плѣнныхъ и подожгли костеръ. Такъ они погребали своихъ братьевъ по обрядамъ языческой вѣры. На другой день Святославъ сталъ думать съ дружиной, какъ имъ быть и что́ дальше предпринять. Одни давали совѣтъ уйти въ темную, глухую ночь; другіе говорили, что лучше взять миръ. Всѣ были согласны, что греческія суда со своимъ текучимъ огнемъ страшнѣе всего: «пожгутъ они наши досчатыя ладьи!»—Тяжело вздохнулъ Святославъ; затѣмъ, мало подумавши, отвѣчалъ тѣмъ и другимъ: «Дѣды и отцы завѣщали намъ храбрыя дѣла! Станемъ крѣпко. Нѣтъ у насъ обычая спасать себя постыднымъ бѣгствомъ. Или останемся живы и побѣдимъ, или умремъ со славой! Мертвые срама не знаютъ, а убѣжавши отъ битвы, какъ глаза людямъ покажемъ?!»—Дружина отвѣчала единодушно, что рада умереть за князя, за старую дѣдичную славу.

22-го іюля Святославъ вывелъ свое войско и заперъ ворота, чтобъ никто не вздумалъ спасаться за стѣны. Въ тѣсномъ строѣ, выставивъ копья, руссы двинулись на грековъ; князь шелъ впереди. Богатырь Анема, тотъ самый, который убилъ Икмора, на-

скакалъ теперь на князя, поразилъ его въ плечо и свалилъ на землю. Кольчужная броня и щитъ спасли Святослава отъ смерти. Богатырь тутъ же поплатился жизнью за свое богатырство. Дружно и сразу ударили руссы, такъ что греки побѣжали въ-розсыпь. Но вотъ выѣхалъ самъ имшераторъ съ отрядомъ безсмертныхъ. Загремѣли бубны, зазвучали трубы; бѣжавшіе всадники повернули коней и вслѣдъ за безсмертными поскакали на руссовъ. Грозенъ былъ ихъ желѣзный, несокрушимый строй, и не сдобровать бы грекамъ, если бы па ихъ счастье не случилась бѣда. Воздухъ былъ душенъ; люди задыхались отъ жажды; во рту пересохло, нечѣмъ дѣшать. Вдругъ разразилась гроза, закрутилъ вихрь и засыпалъ руссамъ глаза. Сразу набѣжали тучи, полилъ какъ изъ ведра дождь, а въ то же время напалъ сзади Варда съ сильнымъ отрядомъ: онъ держалъ дозоръ и во-время явился, чтобъ вырвать побѣду, вѣнчавшую руссовъ. Разстроенные натискомъ спереди, тѣснимые сзади, среди вихря и ливня, они съ трудомъ пробились къ стѣнамъ, и тутъ, съ наступленіемъ ночи, битва затихла сама собой. Тяжкую ночь провелъ великій князь Святославъ! Самъ онъ раненъ, истекаетъ кровью; его лучшіе вожди-сподвижники: Сфенкелъ, Икморъ и много другихъ сложили свои богатырскія головы въ частыхъ бояхъ, а сколько простыхъ воевъ разбросали свои кости въ этой предательской землѣ—того не перечесть! Одна сегодняшняя битва стоила по меньшей мѣрѣ 15 тыс., а что же будетъ дальше? Греки сильны, путь къ Дунаю запертъ—ни пробиться, ни уйти. Долго думалъ князь, думалъ, страдая душой, и рѣшился. На другой день онъ послалъ къ Цимисхію просить мира. Греческій императоръ даже обрадовался: онъ не зналъ, какъ ему сбыть руссовъ, а теперь они сами просятся уйти! Царь на радостяхъ послалъ подарки. «Возьмемъ ихъ, сказалъ Святославъ, а когда будемъ недовольны греками, возьмемъ побольше».— Затѣмъ начались переговоры. Святославъ обязался выйти изъ Болгаріи; Цимисхій обѣщался дать свободный выходъ и снабдить на дорогу хлѣбомъ. Каждый воинъ получилъ тогда по 2 мѣры хлѣба, а всѣхъ воиновъ по этому разсчету оказалось 22 тыс.; прочіе

38 тыс. погибли въ бояхъ. По заключеніи мира обѣ стороны клялись соблюдать его вѣчно. Руссы клали къ подножіямъ идоловъ золото и говорили: «Пусть мы пожелтѣемъ, какъ это золото, пусть будемъ изрублены своими же мечами, если нарушимъ нашу клятву». Греки, какъ христіане, давали присягу передъ крестомъ и Евангеліемъ. Когда все было кончено, Святославъ просилъ царя повидаться; ему хотѣлось видѣть богатыря, который могъ его осилить. Царь и самъ былъ не прочь повидать Святослава, почему охотно согласился. Онъ пріѣхалъ на берегъ Дуная въ позлащенномъ вооруженіи, съ большою конною свитой. Отъ другого берега тѣмъ временемъ отчалила ладья, въ которой сидѣлъ могучій Святославъ, отмѣтный лишь по своей жемчужной серьгѣ; онъ гребъ весломъ заурядъ съ другими. Подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ императоръ, Святославъ поговорилъ немного, сидя въ ладьѣ, и отплылъ обратно. Лицо у него все время было мрачное, густыя брови сдвинуты.

Торжественно въѣзжалъ въ свою столицу побѣдитель руссовъ, Іоаннъ Цимисхій. Еще далеко за городской стѣной встрѣтилъ его патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, встрѣтили вельможи, горожане и при пѣніи хвалебныхъ гимновъ поднесли ему драгоцѣнные подарки, скипетры и златые вѣнцы, какъ знаки великой побѣды. Тутъ же стояла колесница, обитая золотомъ, запряженная четверкой бѣлыхъ коней. Вѣнцы и скипетры Цимисхій взялъ, но сѣсть въ колесницу отказался. Онъ поставилъ на нее икону Богоматери, взятую въ Болгаріи, а на золотой бесѣдкѣ разложилъ багряное одѣяніе и вѣнцы плѣннаго царя Бориса. Самъ же на чудномъ конѣ, увѣнчанный діадемой, слѣдовалъ сзади, держа въ рукахъ вѣнцы и скипетры. Весь городъ былъ убранъ какъ богатый теремъ. Повсюду были развѣшены багряныя одежды, золотыя паволоки, лавровые вѣники. Окончивъ шествіе, царь вступилъ въ храмъ св. Софіи и послѣ благодарственной молитвы посвятилъ Богу великолѣпный царскій вѣнецъ Болгаріи, какъ первую и главную корысть побѣды. Послѣ этого онъ торжественно шествовалъ во дворецъ, въ сопровожденіи плѣннаго царя Бориса, всѣхъ вельможъ

и всего синклита. Тутъ, во дворцѣ, было приказано Борису сложить съ себя знаки царскаго достоинства: шапку, обложенную пурпуромъ, вышитую золотомъ и осыпанную жемчугомъ багряную одежду и красныя сандаліи. Взамѣнъ того Бориса стали величать «первостепеннымъ бояриномъ».

Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ.

Въ то самое время, когда ликовалъ Цареградъ, досчатыя ладьи руссовъ пересѣкали море, направляясь въ родную землю. Но на пути ихъ ждали печенѣги, народъ-кочевникъ, совсѣмъ дикій, жившій грабежемъ. Болгары заранѣе переслали имъ вѣсть, что Святославъ идетъ съ малою дружиной, а добычу везетъ большую,— такъ они бы не зѣвали. Печенѣги ждали руссовъ у пороговъ,— это самое опасное мѣсто на всемъ длинномъ пути. «Не ходи, князь,—говорилъ старый мужъ Свѣнельдъ,—не ходи къ порогамъ;

тамъ стоятъ печенѣги...» Князь не послушался: онъ не привыкъ бросать свою дружину. Поднявшись къ порогамъ, Святославъ увидѣлъ, что пройти нельзя, и опять спустился назадъ. Онъ сталъ на зимовку по Бѣлобережью, между нынѣшнимъ Херсономъ и Николаевомъ. Его воины терпѣли здѣсь большую скудость, страдали отъ стужи, болѣли и мерли отъ голода. Когда хлѣбъ вышелъ, они ѣли конину; съѣвши конину, принялись за рыбу и ѣли ее безъ хлѣба, безъ соли. Какъ только прошелъ ледъ, руссы стали подыматься и шли теперь на пороломъ. Въ камышахъ, въ засадѣ, сидѣли печенѣги и разомъ окружили замореннныхъ руссовъ. Въ жестокой сѣчѣ погибла дружина, палъ Святославъ, и спасся лишь одинъ Свѣнельдъ; всѣ прочіе погибли. Печенѣжскій князь Куря сдѣлалъ изъ черепа Святослава чашу-братину и пилъ изъ нея въ память побѣды надъ русскимъ княземъ.

ЗАВОЕВАНІЯ МОНГОЛОВЪ И БИТВА НА КАЛКѢ.

а сѣверъ отъ Китая, въ обширной монгольской степи издревле кочевали племена монголовъ. Здѣсь они пасли стада быковъ, овецъ, табуны лошадей, и какъ только съѣдался подножный кормъ, складывали свое имущество въ кибитки и переходили на другое мѣсто. Въ то время, когда пастухи стерегли стада, прочіе кочевники или занимались охотой, или воинскими упражненіями: стрѣляли изъ лука, скакали верхомъ, арканили дикихъ лошадей, что́ было ихъ любимымъ развлеченіемъ. У нихъ даже женщины отлично стрѣляли. Если на одномъ и томъ же пастбищѣ встрѣчались два племени, то между ними начиналась война; то племя, которое оставалось побѣдителемъ, удерживало пастбище за собой, а побѣжденное уходило искать себѣ другого. Частыя безкормицы въ степи заставляли монголовъ переходить китайскую границу. Тогда китайцы, чтобы защитить свои владѣнія отъ этихъ незваныхъ гостей, сложили вдоль границы высокую стѣну, которая тянулась на тысячи верстъ.

Между ханами монгольскихъ ордъ появлялись иногда воинственные предводители; они успѣвали подчинить себѣ не только сосѣднія племена монголовъ, но устрашали китайцевъ и другіе народы. Большею же частью монгольскія племена жили розно, часто ссорились, истребляя другъ друга въ междоусобныхъ войнахъ. Такъ жили они до XIII-го вѣка. Въ это время въ одномъ изъ улусовъ, кочевавшихъ въ дальней Манжуріи, у хана Исугея родился сынъ, названный Темудзиномъ. У монголовъ сохранилось сказаніе, что ребенокъ держалъ, зажавши въ кулакъ, запекшуюся кровь. Никто не могъ понять, что̀ это значитъ, пока одинъ старикъ не объяснилъ слѣдующимъ образомъ: «Этотъ ребенокъ,—сказалъ онъ,—сдѣлается могущественнымъ монархомъ. Онъ покоритъ всѣ земныя царства, разоритъ многія страны и повергнетъ въ бѣдствіе многіе народы. Вотъ что̀ означаетъ эта кровь».—Оставшись на 13-мъ году послѣ смерти отца, Темудзинъ росъ среди постоянныхъ опасностей и тревогъ войны; въ свободное время онъ занимался охотой, или же присматривался къ тому, что̀ дѣлалось у ближайшихъ его сосѣдей, китайцевъ: изучалъ ихъ нравы, обычаи, законы. Темудзинъ съ молоду пріучилъ себя переносить муки голода и жажды, съ молоду полюбилъ военное дѣло, научился распознавать людей и постигъ трудную науку управлять народомъ. Его родовой улусъ былъ невеликъ, тысячъ 5 или 6 кибитокъ; но какъ только Темудзину исполнилось 20 лѣтъ и какъ только старшины провозгласили его ханомъ, онъ сейчасъ же началъ завоеванія. Суровый и неумолимый, когда ему сопротивлялись, Темудзинъ былъ щедръ, справедливъ, ласковъ съ тѣми, которые признавали его власть. И благодаря этому, въ какія-нибудь 20 лѣтъ онъ сдѣлался повелителемъ многочисленныхъ и воинственныхъ племенъ отъ Манжуріи до Иртыша, отъ Байкала до Тангута, что на западѣ нынѣшняго Китая. Разрозненныя и досель враждебныя племена монголовъ онъ сплотилъ въ одну силу, страшную, непобѣдимую. Въ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ, Темудзинъ собиралъ всѣхъ подвластныхъ ему хановъ, чтобы посовѣтоваться съ ними о самыхъ важныхъ дѣлахъ. На одномъ изъ такихъ собраній ханы дали Темудзину титулъ

«Чингисъ-хапа», «владыки сильныхъ»:—подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ въ исторіи.

Чтобы водворить порядокъ между подчиненными ему народами, Чингисъ-ханъ назначилъ каждому племени участокъ земли, на которомъ оно могло выпасать свои стада. Для потребностей военнаго времени каждое семейство, или кибитка, дѣлилось на десятки, изъ десятковъ составлялись сотни, изъ сотенъ—тысячи, со своими начальниками: десятникомъ, сотникомъ и тысячникомъ. Какъ только была объявлена война, каждый десятокъ выставлялъ 2 или 3 воина. Въ войскахъ Темудзина сохранялось точно такое же дѣленіе на части: десятокъ, сотня, тысяча, десять тысячъ; начальники десяти тысячъ назывались по-русски «темниками». Ни въ одномъ войскѣ не было такой строгой дисциплины, какъ у монголовъ: ослушника наказывали смертью. Начальникъ сотни или какого-бы то ни было отряда не смѣлъ безъ приказанія подать и не смѣлъ принять помощь отъ другого. За нарушеніе этого правила также казнили, какъ и за бѣгство съ поля битвы. Передъ походомъ или передъ битвой начальники дѣлали самый строгій и подробный осмотръ оружія, лошадей и положенныхъ вещей. Жалованья войска́ не получали, а довольствовались добычей, которую дѣлили на равныя части особые чиновники. Выступая въ дальніе и степные походы, монголы запасались сушенымъ или же вяленымъ мясомъ и высушеннымъ сыромъ; въ крайности—ѣли верблюдовъ, заводныхъ лошадей, не брезгали и дохлятиной. Вообще, они ѣли безъ разбора все, что попадалось. Чингисъ-ханъ запретилъ считать что-либо нечистымъ. Монголы имѣли довольно хорошее вооруженіе: лукъ съ колчаномъ для стрѣлъ, сѣкиры, кривыя сабли, копья съ крючьями, чтобы стаскивать непріятельскихъ всадниковъ; нѣкоторые надѣвали шишаки—желѣзные или кожаные; имѣли, сверхъ того, щиты. Болѣе легкая конница назначалась въ охрану, на развѣдки, а тяжелая—для послѣдняго удара. Каждый монголъ имѣлъ одну, двѣ, даже болѣе заводныхъ лошадей. Монголы отлично стрѣляли изъ лука и кидали на-лету копье; иногда спѣшивались, не уступая въ этомъ случаѣ пѣхотѣ. Для

боя монголы строили войско въ нѣсколько линій съ резервомъ; впереди у нихъ обыкновенно сражались союзники или народы побѣжденные. Въ случаѣ сильнаго отпора монголы притворно отступали, наводя противника на свои резервы, а въ это время обскакивали его съ фланговъ, пускали тучи стрѣлъ и потомъ уже кидались въ рукопашную. Иногда они обращались даже въ бѣгство; утомивъ своего врага погоней, пересаживались на заводныхъ лошадей, поворачивали къ нему фронтъ и стремительно кидались въ атаку. Разбитаго непріятеля гнали безъ устали, истребляли до послѣдняго человѣка. Во время боя начальникъ части, стоя сзади, слѣдилъ за ходомъ дѣла и подавалъ сигналы то трубой, то знаменемъ; всѣ боевыя движенія монголовъ совершались быстро, съ замѣчательною точностію и порядкомъ. Если по пути имъ встрѣчался сильно укрѣпленный городъ, то они прежде всего разоряли окрестности, чтобы лишить жителей всякой надежды на продовольствіе, потомъ старались выманить гарнизонъ изъ города и разбить въ открытомъ полѣ. Если это средство не удавалось, тогда монголы окружали городъ палисадомъ или же валами, а затѣмъ приступали къ осадѣ, хотя всѣ осадныя работы вели не сами, а при помощи окрестныхъ жителей или плѣнниковъ. Монголы умѣли дѣлать осадныя машины, знали употребленіе греческаго огня, вели подкопы, спускали воду — все то же, что̀ знали древніе греки и римляне. Но чаще всего брали города хитростью: пообѣщаютъ жителямъ пощаду или же притворно уйдутъ прочь, а потомъ набросятся и перерѣжутъ всѣхъ до единаго; городъ разрушатъ. Вообще они держались правила не оставлять никогда въ тылу городовъ. Обыкновенно Чингисъ-ханъ заранѣе собиралъ извѣстія о странѣ, которую намѣревался покорить. Для этого онъ посылалъ лазутчиковъ, большею частью подъ видомъ купцовъ, которые разузнавали на мѣстѣ, подговаривали жителей и, возвратившись домой, доносили объ успѣхѣ дѣла. Тогда на общемъ собраніи всѣхъ хановъ рѣшался походъ. Владѣтелю страны, обреченной на завоеваніе, Чингисъ-ханъ предлагалъ на выборъ: или покориться, или потерять все, что̀ имѣетъ. Покориться мон-

голамъ—значило: дать заложниковъ, принять монгольскихъ правителей, допустить исчисленіе народа, платить десятину, отдать десятаго человѣка въ ихъ войско и со ста штукъ скота—одну. Отвѣтъ требовался короткій: согласны или же несогласны. Въ послѣднемъ случаѣ монголы вступали въ непріятельскую страну; впереди и по бокамъ главной арміи двигались сильные охранные отряды; сзади гнали скотъ и заводныхъ лошадей. Какъ только встрѣчалась непріятельская армія, всѣ эти отдѣльные отряды быстро сходились въ назначенномъ мѣстѣ. Такія движенія обыкновенно приводили въ недоумѣніе непріятеля, незнавшаго, гдѣ главныя силы. Самыя широкія рѣки, напримѣръ, Аму-Дарья, Днѣпръ, не могли остановить монголовъ; обвязанные турсуками, съ оружіемъ, съ запасами, они переплывали эти рѣки, ухватившись за лошадиные хвосты; иногда тащили свою кладь сзади, на камышевыхъ плотахъ.—Таковы были монголы, бѣдные кочевники, выступившіе на степныхъ коняхъ съ намѣреніемъ завоевать весь міръ. И это былъ первый примѣръ, чтобы конница могла пуститься на такое большое дѣло.

Ставши повелителемъ Монголіи, Чингисъ-ханъ обратилъ прежде всего свои силы противъ Китая. Это было одно изъ самыхъ древнихъ государствъ міра, съ многочисленнымъ народонаселеніемъ, людными и богатыми городами, съ прекрасными почтовыми дорогами и каналами. Но китайцы никогда не отличались воинственнымъ духомъ; при защитѣ отечества они полагались больше на свои стѣны, чѣмъ на самихъ себя. Чингисъ-ханъ завоевалъ обширную Китайскую имперію по частямъ, начиная съ западныхъ границъ, именно Тангута. Въ 1211 году могущественный вождь монголовъ двинулся съ береговъ Керулани на сѣверный Китай. Въ 40 дней монголы прошли 750 верстъ, или разстояніе до Великой китайской стѣны. Лѣто простояли на отдыхѣ—монголы имѣли обыкновеніе откармливать лѣтомъ лошадей,—осенью начались военныя дѣйствія и продолжались три года. Пекинъ, столица Китая, былъ взятъ и разграбленъ; войска разбиты; богатая, людная страна пришла въ трепетъ. Монголы достали здѣсь богатѣйшую добычу и Чингисъ-ханъ

получилъ новыя средства для продолженія своихъ опустошительныхъ завоеваній. Для его властолюбія казалось еще недостаточнымъ имѣть болѣе двухсотъ милліоновъ подданныхъ. Его тянуло на западъ, въ цвѣтущія мусульманскія страны Средней Азіи, гдѣ протекаетъ Сырь-Дарья, гдѣ область Ферганская, Бухара, Хива, Балхъ, Персія—все это были владѣнія сильнаго Харезмійскаго султана Магомеда; ему принадлежала даже часть Индіи. Подосланный подъ видомъ купца, шпіонъ Чингисъ-хана былъ гдѣ-то убитъ, и этотъ пустой случай рѣшилъ судьбу обширнаго государства. Монголы откормили лошадей на берегахъ Иртыша и осенью 1219 года двинулись на югъ. Ихъ было 600 тысячъ. По пути къ нимъ пристава-ли союзники, такъ что силы монголовъ возросли до милліона. Города: Бухара, Отрарь, Джейтъ, Ходжентъ, Самаркандъ, Хива и столица Харезмійскаго царства Ургенчъ были покорены сыновьями Чингисъ-хана или его полководцами. Двѣ султанскія арміи подъ стѣнами Самарканда и Ургенча потерпѣли пораженіе; самъ султанъ, перейдя Аму-Дарью, бѣжалъ въ Персію, и въ погоню за нимъ Чингисъ-ханъ направилъ 30 тыс. конницы, подъ начальствомъ своихъ полководцевъ: Чепе, Субутая и Тугучара. Онъ далъ имъ приказъ: идти до тѣхъ поръ, пока не схватятъ султана, щадить тѣхъ, кто будетъ просить пощады и истреблять такихъ, которые сопротивляются; города ихъ предавать огню, дѣтей обращать въ рабство. «Вы должны окончить вашъ походъ въ три года», сказалъ имъ на прощанье Чингисъ: «я не останусь въ этой странѣ, возвращусь въ Монголію, и тамъ вы присоединитесь ко мнѣ, пройдя черезъ пустыни».—По слѣдамъ несчастнаго султана полководцы прошли съ огнемъ и мечемъ Хоросанъ—черезъ Балхъ, Гератъ, Нишабургъ—и приблизились къ Каспійскому морю. Крѣпость Рей, на южной сторонѣ этого моря, была срыта, жители умерщвлены. Страхъ и ужасъ напалъ на Персію. Харезмійскій султанъ ускакалъ въ крѣпость Карандаръ; его уже видѣли монголы, даже ранили его лошадь стрѣлой, но онъ скрылся на пустынномъ островкѣ и здѣсь получилъ страшное извѣстіе, что его жены, дѣти и всѣ его богатства попали въ руки монголовъ. Султанъ не пережилъ этого несчастія: потерялъ

сознаніе и скоро померъ. Не нашлось савана, чтобы одѣть трупъ бывшаго повелителя Средней Азіи: его закутали въ кожухъ и предали землѣ. Это было въ февралѣ 1221 года. Съ небольшимъ въ два года сильное царство было разрушено и большая его половина принадлежала Чингисъ-хану. Его не могли задержать ни многоводныя рѣки, ни безплодныя солончаковыя или песчаныя пустыни. Еще менѣе могли остановить завоевателя укрѣпленные города. Вотъ, напримѣръ, какъ монголы взяли г. Мервъ. Въ продолженіе трехъ недѣль туркмены дѣлали ежедневныя вылазки и не мало истребили своихъ враговъ. Такое упорство вывело изъ терпѣнія Тули, младшаго сына Чингиса. Онъ сошелъ съ коня, покрылъ голову щитомъ и бросился къ городскимъ воротамъ; монголы устремились за нимъ. Тогда туркмены скрылись въ городъ, и началась осада. Эмиръ увидѣлъ, что дальнѣйшее сопротивленіе ни къ чему не поведетъ и вышелъ изъ города съ богатыми подарками. Тули принялъ эти подарки, потомъ отдалъ приказъ снести въ одно мѣсто всѣ богатства. Двѣсти комиссаровъ должны были принять и подѣлить ихъ на равныя части. Когда это приказаніе было исполнено, жителямъ объявили, чтобы они всѣ до одного вышли изъ города. Все было исполнено безпрекословно; тогда ихъ развели по войскамъ и истребили; городъ сравняли съ землей. Баміана была взята штурмомъ. Чингисъ-ханъ, въ отмщеніе за смерть своего любимаго внука, убитаго стрѣлой, приказалъ умертвить всѣхъ защитниковъ, не различая ни пола, ни возраста. Наконецъ копныя полчища монголовъ остановились у подножія Гинду-Куша, за которымъ начиналась Индія. Этотъ высокій горный хребетъ до сихъ поръ удерживалъ многихъ завоевателей: поперекъ пути торчали высокія горы, съ крутыми подъемами, покрытыми обледенѣлымъ снѣгомъ, съ перевалами до 4-хъ верстъ высотой. Какъ только Чингисъ-ханъ получилъ извѣстіе, что Джеладинъ, сынъ и преемникъ Магомеда, собралъ близъ г. Газни армію въ 70 тыс., онъ приказалъ монголамъ подыматься въ горы. На первый разъ онъ выдвинулъ только 30 тыс., въ видѣ авангарда, но отважный Джеладинъ разбилъ этотъ авангардъ, и лишь жалкіе

его остатки присоединились къ главнымъ силамъ. Суровый монголъ пришелъ въ ярость. Онъ перешелъ Гинду-Кушъ и двинулся усиленными переходами къ Газни. Но Джеладина уже здѣсь не было: онъ отступилъ къ берегамъ Инда. Тогда Чингисъ-ханъ пошелъ дальше, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, и 9 декабря окружилъ султана, неуспѣвшаго переправиться на ту сторону рѣки, хотя суда были уже готовы. Съ ранняго утра начались атаки монголовъ; авангардъ получилъ приказаніе взять султана живьемъ, почему монголы не смѣли въ него стрѣлять. Мужественный Джеладинъ какъ вихрь носился по полю битвы со своей отборной дружиной и успѣшно отбивалъ то тамъ, то здѣсь бурныя атаки кочевниковъ. Наконецъ монголы обрушились всѣми силами; оба фланга мусульманъ были разбиты, оставался только центръ; побѣда становилась очевидной. Тогда Джеладинъ беретъ изъ центра конницу, самъ кидается въ атаку и, отогнавши монголовъ, бросается вплавь черезъ рѣку. Въ одной рукѣ онъ держитъ щитъ, прикрывая себя отъ стрѣлъ, а въ другой—знамя. Чингисъ-ханъ видѣлъ сверху этотъ подвигъ. Онъ отдалъ еще разъ приказаніе не стрѣлять въ султана и, обратившись къ своимъ сыновьямъ, сказалъ: «Если отецъ даетъ жизнь сыну, то вотъ на кого долженъ походить этотъ сынъ!»—Дѣти и всѣ богатства султана достались побѣдителямъ.

Въ виду грозной силы затрепетала Индія; Средняя Азія, обагренная кровью отъ безчеловѣчной расправы, смирилась передъ жестокимъ побѣдителемъ. Онъ былъ теперь на недосягаемой вершинѣ своего могущества; его войска сдѣлали походъ съ береговъ Иртыша по малой мѣрѣ 5 тысячъ верстъ, а отдѣльные отряды, которые онъ разсылалъ въ разные концы Харезмійскаго царства, прошли по 7—8 тысячъ верстъ. Старшій сынъ Чингиса. Джюджи, получилъ приказаніе пройти къ низовьямъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, а потомъ воевать побережья Каспійскаго и Чернаго морей. Однако Джюджи, недовольный своимъ отцомъ, не исполнилъ этого приказанія; разоривъ киргизскіе улусы, онъ остановился, скоро заболѣлъ и умеръ. Такимъ образомъ, нашему отечеству грозила опасность отъ бере-

говъ Волги, но нагрянула она съ Кавказа, откуда меньше всего можно было ея ждать. Отсюда явились летучіе отряды Чепе и Субутая, направленные, какъ было уже сказано, въ погоню за покойнымъ султаномъ. Они обошли Каспійское море, перевалили черезъ Кавказскія горы, и тутъ, на сѣверномъ ихъ склонѣ, столкнулись съ народами, преградившими имъ дальнѣйшій путь. Между этими народами были половцы, наши южные сосѣди, кочевавшіе между рѣками Волгою и Бугомъ. Чепе и Субутай черезъ своихъословъ увѣрили половецкихъ князей въ дружбѣ и велѣли сказать, что они ихъ не тронутъ, какъ народъ себѣ единоплеменный. Все это было сдѣлано только для того, чтобы отвлечь половцевъ отъ союза съ горцами. Они повѣрили и отстали. Тогда монголы безъ труда расправились съ остальными, а потомъ разбили по частямъ и половцевъ, которые безпечно расходились по своимъ кочевьямъ. Многіе уже крещеные князья были убиты, другіе спаслись бѣгствомъ въ русскую землю. Половецкій ханъ Котянъ прибѣжалъ въ Галичъ къ своему зятю Мстиславу Удалому и принесъ ему страшную вѣсть, что съ востока идетъ несмѣтная сила невѣдомыхъ людей. «Сегодня, говорилъ онъ, отняли нашу землю, завтра возьмутъ вашу». Мстиславъ Удалой объявилъ всѣмъ русскимъ князьямъ съѣзжаться въ Кіевъ. Всѣ почти съѣхались, кромѣ суздальскаго князя Юрія; тутъ былъ великій князь кіевскій Мстиславъ, другой Мстиславъ, черниговскій; здѣсь былъ еще юный, но храбрый Данило Романовичъ, князь волынскій, и много другихъ. Ханъ Котянъ щедро одарилъ русскихъ князей конями, верблюдами, буйволами, невольницами—лишь бы сговорить ихъ воевать противъ монголовъ; а другой ханъ половецкій, Бастый, принялъ тогда св. крещеніе. Мстиславъ Удалой умолялъ князей спѣшить на помощь половцамъ. Онъ говорилъ: «Если мы имъ не поможемъ, то они пристанутъ къ врагамъ по-неволѣ, чѣмъ умножать и безъ того ихъ грозную силу». —Увѣщанія Мстислава, отвага молодыхъ князей, еще невидавшихъ боя, согласили всѣхъ русскихъ князей принять участіе въ походѣ. «Лучше встрѣтить врага въ чужой землѣ, чѣмъ въ своей», говорили русскіе. Сборное мѣсто было назначено

пониже нынѣшняго Екатеринослава, на островѣ Хортицѣ. Туда двинулись со своими князьями кіевляне, черниговцы, смоляне, галичане, волынцы; весь Днѣпръ покрылся ихъ ладьями. Изъ Курска, Трубчевска, Путивля шли князья прямо черезъ степи, а тысяча галичанъ, со своими воеводами, прошли Днѣстромъ въ море и отсюда поднялись вверхъ по Днѣпру до сборнаго мѣста. У Заруба, между Каневомъ и Кіевомъ, явились къ князьямъ послы отъ татаръ. Русскіе люди называли монголовъ «татарами».—«Слыхали мы, сказали послы, что вы идете противъ насъ, а мы вашей земли не трогали—ни городовъ, ни селъ. Мы пришли, по волѣ Божіей, на своихъ холоповъ и конюховъ—половцевъ. Они и вамъ много сдѣлали зла, зато мы ихъ и бьемъ. Возьмите лучше съ нами миръ, а ихъ гоните прочь».—Русскіе князья перебили пословъ, вѣрно по совѣту половецкихъ хановъ, разъ уже обманутыхъ коварной дружбой монголовъ.

Когда сошлись всѣ дружины, князья спустились внизъ по Днѣпру до Олешья, въ нынѣшней Таврической губерніи, противъ Херсона. Здѣсь ихъ встрѣтили другіе послы. «Вы послушали половцевъ, сказали они, и перебили нашихъ пословъ, теперь идете на насъ. Пусть будетъ такъ: насъ разсудитъ Богъ».—Этихъ пословъ не тронули. Уже татарскіе разъѣзды показались у Днѣпра. По своему обычаю они завлекали русскихъ въ степь. Мстиславъ Удалой не вытерпѣлъ: взялъ свою дружину, пригласилъ Данила Романовича и вмѣстѣ пошли въ степь. Первая встрѣча была въ пользу русскихъ. Татары побѣжали, хотя, должно быть, притворно. Галичане погнались за ними, отбили множество скота, а половцы вытащили изъ ямы татарскаго воеводу Гемебега, котораго сейчасъ же убили. Въ русскомъ станѣ подъ Олешьемъ эта первая схватка съ монголами надѣлала споровъ. Князья никакъ не могли между собой согласиться: одни, болѣе опытные, говорили про монголовъ, что это отличные воины; другіе же, которые помоложе, позадорнѣе, увѣряли, что монголы хуже половцевъ, совсѣмъ простой народъ. Молодые князья торопили старыхъ; имъ, какъ небывавшимъ въ бояхъ, хотѣлось показать свою удаль, похвастать дружиной. Общаго

же вождя у нихъ не было; каждый князь считалъ себя полнымъ хозяиномъ своей дружины. Во вторникъ 21 мая 1224 года русскіе снялись со стана и пошли въ степь. По пути имъ встрѣтился боковой отрядъ монголовъ. Русскіе стрѣлки безъ труда его разсѣяли. Бодро шли наши дружины и на 8-й день похода были уже на берегу Калки, степной рѣченки, впадающей въ Азовское море, у нынѣшняго города Маріуполя. Тутъ опять появились татары, но, завязавши бой, скоро скрылись. Все обѣщало побѣду; молодые князья рвались встрѣтить врага лицомъ къ лицу. Мстиславъ Удалой горячился больше всѣхъ; его-то горячность повредила и другимъ. Мстиславъ Кіевскій, старѣйшій между князьями, не хотѣлъ переправляться черезъ Калку, говорилъ, что лучше укрѣпиться здѣсь и ждать, пока объявятся силы монголовъ. Его не послушали: переправились на другой берегъ и раскинули станъ, а кіевскій князь, выбравъ высокое, каменистое мѣсто, укрѣпилъ его палисадомъ и остался съ кіевлянами на этомъ берегу. Послѣ вышло, что онъ сдѣлалъ лучше. Въ тотъ же день Мстиславъ Удалой послалъ Данила Романовича съ половцами въ степь, а самъ съ дружиной пошелъ сзади. Вдругъ, совершенно неожиданно, передъ галичанами и половцами выросли, точно изъ земли, татарскія полчища. Данило Романовичъ кинулся впередъ и сейчасъ же былъ раненъ стрѣлою въ грудь, но, не замѣчая раны, храбро бился впереди дружины; за нимъ дрались, не съ меньшей отвагой, Мстиславъ Нѣмой и Олегъ Курскій. Какъ ни жутко пришлось нашимъ, русскіе князья успѣли бы задержать монголовъ до прибытія Мстислава Удалого; но половцы—плохіе союзники: они безъ оглядки бросились бѣжать, смяли дружину Мстислава и, прискакавши въ русскій станъ, стали кричать: «Нашихъ бьютъ!»—Данило повернулъ коня, побѣжали другіе; бѣжалъ первый разъ Мстиславъ Удалой, храбрѣйшій изъ русскихъ князей. Между тѣмъ, въ русскомъ станѣ все пришло въ смятеніе; еще раздавались крики: «Вооружайтесь, мужья!»—какъ ужъ насѣли монголы. Почти никто не успѣлъ надѣть доспѣхи. Началась рѣзня, страшная, кровавая: русскіе люди дорого платили за свою безпечность! Немногіе могли уйти отъ насѣвшей орды: кто бросался

въ рѣку, того догоняла стрѣла; кто пускался въ степь, того крошили саблей, топтали конемъ. Это была не битва, а избіеніе Спокойно смотрѣлъ съ другого берега князь кіевскій Мстиславъ и не давалъ помощи погибавшимъ князьямъ. На высокомъ, каменистомъ берегу, укрѣпленномъ частоколомъ, кромѣ Мстислава, сидѣли въ станѣ его зять и дубровицкій князь Александръ. При-

Монголы пируютъ надъ трупами русскихъ князей.

шелъ чередъ и имъ умирать. Часть орды погналась въ степь; другая перешла Калку и обступила станъ Мстислава. Три дня и три ночи добывали монголы храбрыхъ князей, и трое сутокъ князья отбивались успѣшно. Наконецъ монголы убѣдились, что имъ не одолѣть силой и пошли на хитрость. Они подослали какого-то Плоскыню, человѣка знакомаго князьямъ. Этотъ Плоскыня увѣрилъ кня-

зей, что монголы ихъ не тронутъ и даже цѣловалъ на томъ крестъ; но какъ только князья вышли изъ стана, самъ же Плоскыня перевязалъ ихъ и отдалъ монголамъ. Монголы перебили въ станѣ всѣхъ русскихъ, а связанныхъ князей прикрыли досками и усѣлись сверху праздновать побѣду. Такъ кончили жизнь несчастные князья. Татарскіе отряды гнались за русскими до самаго Днѣпра; шестерыхъ князей убили, въ томъ числѣ Мстислава Черниговскаго; Мстиславъ Удалой избѣжалъ погони; онъ даже успѣлъ истребить всѣ русскія ладьи, чтобы не пустить татаръ на тотъ берегъ; Данило Романовичъ также ушелъ.

Встрепенулась Русь, узнавши о битвѣ на Калкѣ, о гибели своихъ князей. «Кого Богъ во гнѣвѣ посылаетъ на русскую землю?»—вопрошали русскіе люди. «Откуда пришли сіи ужасные иноплеменники? Куда они ушли?»—И никто не могъ дать на это отвѣта.—Отпировавъ кровавую побѣду, Чепе и Субутай повели монголовъ въ Крымъ. Изъ Крыма орда прошла на Волгу и нижнюю Каму, разорила здѣсь цвѣтущее и сильное царство Болгарское, а потомъ скрылась въ Азію. Полководцы Чингиса присоединились къ его арміи въ то самое время, когда она возвращалась въ Монголію. По раздѣлѣ наслѣдства великаго монгола, восточныя земли достались въ удѣлъ его племяннику Батыю, и ровно черезъ 13 лѣтъ послѣ битвы на Калкѣ Батый явился получить свою часть наслѣдства. Тогда то собственно и началось тяжкое владычество монголовъ.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

Великій князь Александръ Ярославовичъ жилъ въ самое тяжкое время для русской земли. Лихіе татары прошли ее вдоль и поперекъ, пожгли города, села, потоптали нивы; самые людные края запустѣли: кто попалъ въ неволю, кто полегъ головою на своемъ пепелищѣ, а кто бѣжалъ въ непроглядные лѣса, спасаясь въ-одиночку. Тамъ, гдѣ было прежде людно, теперь рыскали волки, а гдѣ бродили прежде волки, спасались люди. Замолкла пѣсня пахаря, перестали звонить колокола, призывая православныхъ въ церкви Божіи; соха такъ и осталась торчать на недоконченной полосѣ. Обгорѣлыя церкви сиротливо стояли между грудами развалинъ, а священныя ризы пошли на попоны и халаты для невѣрныхъ. Много нужно было приложить труда, чтобы устроить землю, умиротворить людей. Русскіе люди того времени, еще неиспытавшіе ярма чужеземцевъ, не умѣли переносить его терпѣливо, какъ слѣдуетъ рабамъ. При всякомъ удобномъ случаѣ они пытались скинуть это ярмо, не разсуждая, что́ выйдетъ изъ того—лучше или хуже. Нужно было

пріучить русскихъ людей ждать терпѣливо лучшихъ временъ, а пока они наступятъ, безропотно повиноваться. Въ такое-то время жилъ князь Александръ; онъ съумѣлъ сохранить доблести прежнихъ русскихъ князей и въ то же время умѣлъ ладить съ татарами. Грозный побѣдитель Литвы, нѣмцевъ, шведовъ—низко кланялся хану и, поднося ему подарки, смиренно умолялъ пощадить виновную Русь. Такъ было нужно тогда поступать.

Еще за годъ до появленія въ русской землѣ Батыя, Александръ былъ посаженъ княжить въ Великомъ Новгородѣ. Здѣсь сидѣлъ княземъ его отецъ Ярославъ; здѣсь провелъ онъ свои молодые годы и прошелъ трудную науку управляться съ новгородской вольницей. Молодой князь былъ высокъ ростомъ, красивъ собою, рѣчистъ и голосистъ: его голосъ гремѣлъ передъ народомъ или войскомъ какъ труба. Гроза татарскаго нашествія счастливо миновала Новгородъ. Батый опустошилъ земли Рязанскую, Суздальскую и Тверскую; онъ подошелъ уже къ Торжку. Жители этого города двѣ недѣли отбивались и наконецъ обезсилили; перепуганные новгородцы не двинулись на помощь. Татары сожгли Торжокъ, жителей перерѣзали всѣхъ безъ остатка и тронулись дальше. Они шли на озеро Селигеръ: пожары обозначали ихъ путь; люди валялись, какъ полѣнья дровъ. Передовые отряды монголовъ появились верстъ за сто отъ Новгорода, какъ вдругъ Батый повернулъ назадъ и черезъ нынѣшнюю Калужскую губернію увелъ свою рать на отдыхъ въ половецкія степи. Онъ, вѣрно, испугался большой воды, потому что дѣло было ранней весной, или, можетъ быть, святые угодники отмолили близкую бѣду. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали новгородцы, гордые заступничествомъ св. Софіи.

Зато на нихъ нагрянула гроза съ другой стороны. Шведскій король выпросилъ у папы позволеніе огласить крестовый походъ на богоотступниковъ и язычниковъ финновъ. Всѣмъ, кто приметъ участіе въ походѣ, было обѣщано прощеніе грѣховъ. Охотниковъ на эту приманку нашлось много; два года продолжались сборы,—и вѣсть о нихъ дошла до новгородцевъ. Узнали они и про то, что шведы похвалялись перекрестить ихъ точно язычниковъ въ

латинство. Новгородцы провѣдали это и стали готовиться къ войнѣ: срубили по р. Шелони нѣсколько городовъ; по морскому побережью поставили надежную стражу. Въ 1240 году шведы съ норвежцами и финнами появились на Невѣ, близъ устья Ижоры; они шли прямо къ Ладогѣ, чтобы оттуда спуститься къ Новгороду. Въ сбродномъ войскѣ головорѣзовъ находились и латинскіе епископы; они шли съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой. Эти люди казались страшнѣе монголовъ, потому что они шли насиловать вѣру. Какъ только морская стража дала знать въ Новгородъ, Александръ живо обрядилъ свою дружину; онъ не сталъ дожидаться, пока придутъ отцовскія дружины или пока соберутся ратные люди съ новгородскихъ волостей. Время было дорого. Впрочемъ, многіе изъ новгородскихъ гражданъ успѣли снарядиться и пристать къ дружинѣ. По старинному обычаю собрались у св. Софіи, помолились, приняли благословеніе отъ своего владыки Спиридона и пошли въ походъ. По пути пристали къ Александру ладожане, подручники Великаго Новгорода. Спѣшно шли новгородцы; князь Александръ былъ обнадеженъ побѣдой. Новгородскій стражникъ, по имени Пельгусій, въ святомъ крещеніи Филиппъ, разсказалъ князю бывшее ему видѣніе. «Когда,—говоритъ,—я стоялъ на вскрай моря, то на самомъ восходѣ солнца услышалъ страшный шумъ и увидѣлъ одинъ насадъ; посреди насада стояли святые братья Борисъ и Глѣбъ, въ красной одеждѣ; руки подняли на плечи. Не видѣлъ я ихъ лика, но слышалъ голосъ: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ мы сроднику своему князю Александру». И стало мнѣ страшно, затрепеталъ я, а насадъ скоро скрылся изъ моихъ глазъ».—Такъ разсказывалъ Пельгусій. Князь Александръ приказалъ ему до поры до времени никому о томъ не сказывать. Изъ Ладоги Александръ повернулъ влѣво. Шведы разбили станъ въ устьѣ Ижоры и стояли безпечно, не подозрѣвая близости русскихъ. Ихъ шнеки качались, привязанные къ берегу; по всему побережью бѣлѣли шатры, и между ними—златоверхій шатеръ Биргера, предводителя шведско-финской рати. Въ день св. Владиміра, часовъ въ 11 утра, новгородцы внезапно по-

явились передъ станомъ и обнажили мечи, прежде чѣмъ враги успѣли опомниться. Смѣлымъ натискомъ прошла русская дружина черезъ непріятельскій станъ и погнала шведовъ къ берегу; князь Александръ былъ впереди; онъ нагналъ Биргера и хватилъ его острымъ копьемъ по лицу, «возложилъ ему печать на лицо». Въ дружинѣ Александра не мало нашлось удальцовъ, которые въ этотъ день покрыли себя славой. Княжій подручникъ Гаврило Олексичъ погнался за Биргеромъ до самаго корабля, соскочилъ въ воду и благополучно вернулся; послѣ того уложилъ на мѣстѣ епископа и другого знатнаго шведа, по имени Спиридона. Другой новгородецъ, Сбыславъ Якўбовичъ, съ однимъ лишь топоромъ въ рукѣ, смѣло врѣзался въ самую гущу враговъ, косилъ направо, косилъ налѣво, очищая путь, точно въ лѣсной чащѣ; за нимъ размахивалъ еще шире своимъ длиннымъ мечемъ княжій ловчій Яковъ Полочанинъ. Какъ по широкой улицѣ наступали за этими молодцами прочіе дружинники. А тамъ, на берегу, новгородецъ Миша бросился на сходни и успѣлъ потопить три судна. Княжій отрокъ Савва несся прямо на златоверхій шатеръ Биргера; онъ подсѣкъ высокій столбъ: шатеръ свалился, и возликовали новгородцы, празднуя побѣду.—Они потеряли только 20 человѣкъ убитыхъ, тогда какъ шведы нагрузили три судна тѣлами лишь начальныхъ людей, а прочихъ покинули на берегу. Живо они снялись съ якоря и поплыли домой. Эта побѣда мужественныхъ новгородцевъ показала всѣмъ русскимъ людямъ, что они еще не утратили прежней доблести, что они еще могутъ постоять и за себя, и за св. Софію. Эта же побѣда доставила Князю Александру славное прозваніе «Невскаго».

Новгородцы любили видѣть князя Александра на челѣ своихъ дружинъ, но онъ-то не любилъ ихъ своевольства, и въ самую годовщину Невской побѣды бросилъ Новгородъ и уѣхалъ къ отцу. Между тѣмъ, на русскія земли наступалъ съ другой стороны ихъ старый, еще болѣе грозный врагъ—нѣмцы. Лѣтъ за 50 до той поры осѣли на Двинѣ нѣмцы подъ названіемъ ливонскихъ рыцарей, или «братьевъ меча», меченосцевъ. Подобно многимъ другимъ

орденамъ, меченосцы были наполовину монахи, наполовину воины. Они носили на бѣломъ плащѣ красный крестъ, давали клятву повиноваться папѣ и выборнымъ начальникамъ, оставаться въ безбрачіи, держать общую казну, воевать съ невѣрными, помогать страждущимъ и больнымъ. Таковы же были обѣты и прочихъ рыцарскихъ орденовъ, о которыхъ подробно разсказано въ другой книгѣ [1])

Страну, извѣстную теперь подъ именемъ Прибалтійскаго края, или губерніи Лифляндскую, Эстляндскую и Курляндскую, населяли издавна отчасти финны, отчасти латыши. Русскіе люди того времени свободно проникали въ эту страну, торговали, селились, рубили города и обращали язычниковъ въ христіанство. Вотъ въ этотъ непочатой край явились какъ-то латинскіе монахи; стали крестить въ свою вѣру, а когда туземцы воспротивились и даже убили епископа, то монахи обратились къ папѣ съ просьбой поселить здѣсь рыцарей. Папа послалъ «братьевъ меча», велѣлъ имъ занять край и крестить людей силой. Рыцари водворились и для большей безопасности построили въ устьяхъ Двины крѣпость,—нынѣшнюю Ригу. Какъ только это случилось, начались частыя столкновенія между нѣмцами съ одной стороны, псковичами и новгородцами—съ другой. Русскіе люди подавали помощь язычникамъ, нехотѣвшимъ креститься отъ нѣмцевъ; наконецъ, они защищали свои угодья, занятыя гораздо раньше, чѣмъ пришли нѣмцы. Послѣ ряда мелкихъ стычекъ, дѣло дошло до войны. Русскіе люди и здѣсь стали считаться врагами не только святѣйшаго отца, но врагами христіанства. Папа благословилъ рыцарей воевать коренныя русскія земли. По призыву епископа Германа, рыцари, а съ ними толпа нѣмецкихъ охотниковъ, бросились на Псковъ. Одинъ изъ русскихъ князей, потерявшихъ правду въ частыхъ усобицахъ, а именно Ярославъ Владиміровичъ, велъ враговъ на своихъ же братьевъ. Въ годовщину Невской побѣды псковичи вышли къ нимъ на-встрѣчу, но были разбиты, при чемъ потеряли своего воеводу Гаврилу Го-

---

[1]) См. „Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада“.

рославича. Нѣмцы, по слѣдамъ бѣглецовъ, подошли ко Пскову, сожгли посады, окрестныя села и цѣлую недѣлю держали городъ въ осадѣ. Припертые, что называется, къ стѣнѣ, псковичи согласились на все: дали въ заложники своихъ дѣтей и приняли нѣмецкихъ воеводъ. Утвердившись во Псковѣ, нѣмцы вмѣстѣ съ чудью напали на владѣнія Великаго Новгорода, жителей обложили данью, построили крѣпость, а по берегамъ Луги забрали у сельчанъ скотъ и лошадей, такъ что имъ нечѣмъ было пахать; по дорогамъ, въ 30 верстахъ отъ города, нѣмцы били купцовъ. Вспомнили тогда новгородцы про князя Александра. Онъ одинъ могъ отвести бѣду. Поѣхалъ къ Ярославу самъ владыка новгородскій просить отца, чтобъ отпустилъ сына. И Ярославъ отпустилъ: дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Руси. Нѣмцы заранѣе уже считали своимъ достояніемъ пограничныя русскія земли; папа присудилъ ихъ эзельскому епископу, а этотъ сдѣлалъ съ рыцарями договоръ: себѣ выговорилъ десятую часть всего, что даетъ земля, а все прочее—рыбныя ловли, покосы, пашни предоставилъ рыцарямъ. Пріѣхавши въ Новгородъ, Александръ немедленно пошелъ къ Копорью; взялъ крѣпость, гарнизонъ нѣмецкій привелъ въ Новгородъ, а всѣхъ бунтовщиковъ изъ Чуди, бывшихъ за-одно съ нѣмцами, перевѣшалъ. Въ слѣдующемъ году Александръ выступилъ ко Пскову, освободилъ его отъ неволи, побилъ множество нѣмцевъ, при чемъ погибло болѣе 70 рыцарей; послѣ этого князь перешелъ р. Великую и проникъ во владѣнія меченосцевъ. Небольшой его сторожевой отрядъ, наткнувшись какъ-то на нѣмцевъ, былъ разбитъ ими на-голову; тогда князь Александръ отступилъ къ псковскому озеру, на льду котораго остановился. Это было въ первыхъ числахъ апрѣля; ледъ еще хорошо держалъ. Увидя при солнечномъ восходѣ приближеніе враговъ, Александръ поднялъ вверхъ руки и громко произнесъ: «Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!» — Нѣмцы, выставивъ длинныя копья, подвигались впередъ острымъ клиномъ, или «свиньей», какъ говорили наши. Въ кольчугахъ и шлемахъ, съ длинными мечами, они казались неуязвимы. Ратники Пскова и Новгорода,

осыпавъ непріятеля тучей стрѣлъ, разбились передъ нимъ на кучки, а князь Александръ, прикрывшись ими, провелъ свою дружину скорехонько бокомъ и ударилъ на нѣмцевъ сзади. И была тутъ сѣча великая; льда на озерѣ стало не видно,—все покрылось кровью. Русскіе гнали нѣмцевъ вплоть до берега, на разстояніи 7 верстъ; убили у нихъ 500 человѣкъ, а Чуди искрошили безчисленное множество. Съ торжествомъ возвращался во Псковъ Александръ; весь городъ вышелъ ему на-встрѣчу; игумены и священники несли хоругви, иконы, кресты; близъ княжаго коня вели 50 знатныхъ рыцарей, а сзади гнали толпой простыхъ плѣнниковъ. «Ледовое побоище» и «Невская побѣда» надолго осадили нѣмцевъ; они перестали даже думать о покореніи русскихъ земель. Вскорѣ послѣ того пріѣхали отъ нихъ послы и сказали псковичамъ: «Что заняли мы мечемъ—Водь, Лугу, Псковъ—отъ всего того отступаемся; сколько взяли вашихъ людей въ плѣнъ, тѣмъ размѣняемся: мы пришлемъ вашихъ, а вы отпустите нашихъ».—На этомъ обѣ стороны и помирились.

Былъ у Руси, кромѣ шведовъ и нѣмцевъ, третій врагъ—Литва. По обоимъ берегамъ Нѣмана и Виліи, въ дремучихъ лѣсахъ среди болотъ, жили литовцы, жили бѣдно, врозь, подъ управленіемъ своихъ князьковъ или жрецовъ; они поклонялись идоламъ. Бѣдность этого народа была такъ велика, что онъ уплачивалъ дань, налагаемую русскими князьями, лыкомъ и вѣниками. За Нѣманомъ, тамъ гдѣ обитало литовское племя пруссы, также утвердились нѣмцы подъ именемъ «Нѣмецкаго ордена». Подобно своимъ братьямъ ливонцамъ, нѣмецкіе крестоносцы сурово принялись за обращеніе язычниковъ въ латинство. Съ другой стороны наступали на литовцевъ князья русскіе; они облагали Литву данью, уводили толпы плѣнныхъ въ Полоцкъ или въ Галичъ. Эти наступательныя движенія оживили въ литовцахъ воинственный духъ. Они сами полюбили военное дѣло и взялись за оружіе, сначала только для того, чтобъ защищаться, а потомъ и для набѣговъ. Изъ мирнаго земледѣльческаго народа литовцы мало-помалу сдѣлались народомъ завоевательнымъ. У нихъ сложились

свои особые обычаи. Такъ, въ случаѣ войны, князья сзывали народъ колокольнымъ звономъ и звукомъ трубъ на «четыре вѣтра»; послѣ того держали совѣтъ и черезъ жрецовъ испрашивали волю боговъ. Если бо́ги давали хорошія предзнаменованія, то войска раздѣлялись по хоругвямъ—на пѣшее и конное. Пѣшаго у нихъ было всегда больше, чѣмъ конна́го. Въ бою литовцы дѣйствовали малыми отрядами; открытаго боя избѣгали, а нападали скрытно, внезапно, стараясь завлечь непріятеля въ засаду. На случай вторженія въ свою страну, литовцы держали на возвышенныхъ мѣстахъ готовые костры: зажженные костры служили сигналомъ, что непріятель перешелъ границу. Кромѣ того, на болѣе высокихъ мѣстахъ, стояли рубленые городки, путь къ которымъ прикрывалъ дремучій лѣсъ, озеро или же болото. Сюда, въ случаѣ опасности, спасалось населеніе, здѣсь отсиживалось, а въ крайности могло уходить черезъ подземные тайники. Оружіе литовцевъ было вначалѣ такъ же бѣдно, какъ бѣдна ихъ природа. Они брали на войну дубины, или палицы съ насаженными на нихъ каменными остріями; таскали съ собой грубые каменные топоры, лукъ и намазанныя ядомъ стрѣлы съ каменными наконечниками. Для защиты отъ стрѣлъ и копій литовцы надѣвали шишаки изъ сыромятной шкуры, шерстью вверхъ и чешуйчатыя латы изъ конскихъ копытъ; кромѣ того, употребляли щиты, кожаные или берестовые. Впрочемъ, во время Александра, многіе литовцы носили уже металлическое вооруженіе, которое переняли отъ нѣмцевъ и русскихъ. Черезъ три года послѣ «Ледового побоища» грабительскія шайки литовцевъ забрались подъ самый Торжокъ; сидѣвшій здѣсь княземъ Ярославъ Владиміровичъ вышелъ-было имъ на встрѣчу, но потерпѣлъ пораженіе. Съ большою добычею и русскими плѣнниками возвращались литовцы въ свою землю, какъ Ярославъ съ тверичанами и дмитровцами нагналъ ихъ подъ Торопцемъ. Литовцы на этотъ разъ нотерпѣли пораженіе и засѣли въ городѣ. Они отбивались съ успѣхомъ, пока не подошелъ Александръ со своею дружиною и новгородскими полками. Александръ, нимало не медля, взялъ приступомъ Торопецъ и всѣхъ засѣвшихъ

тутъ литовцевъ, въ томъ числѣ 8 князьковъ, приказалъ посѣчь мечами. Новгородцы, довольные побѣдой, вернулись во-свояси, а князь Александръ прошелъ съ дружиной внизъ по Двинѣ; одну толпу литовцевъ онъ нагналъ по дорогѣ къ Витебску, а другую рать истребилъ на обратномъ пути подъ Усвятомъ. — Такъ неустанно подвизался доблестный князь, оберегая русскую землю, охраняя православную вѣру.

Наступило время, когда и князь Александръ долженъ былъ явиться на поклоненіе къ хану Золотой орды, повелителю русскихъ земель. Батый прислалъ ему сказать: «Богъ покорилъ мнѣ многіе народы: ты ли одинъ не хочешь покориться моей державѣ? Но если хочешь сохранить за собою землю свою, приди ко мнѣ: увидишь честь и славу царства моего».—Александръ поѣхалъ въ орду, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Андреемъ. Ихъ отецъ недавно умеръ, и одинъ изъ этихъ князей долженъ былъ получить изъ рукъ хана старѣйшинство надъ всѣми прочими князьями.—Монголы и въ приволжскихъ степяхъ сохранили привычки своихъ дѣдовъ-кочевниковъ. По волѣ хановъ разбивались кибитки, украшались коврами, оружіемъ, сосудами и всѣмъ прочимъ награбленнымъ добромъ; лучше и болѣе всѣхъ была ханская ставка. Кругомъ такого города, на необозримое пространство, паслись стада верблюдовъ и барановъ, табуны коней. Прискучитъ хану это мѣсто,—онъ отдастъ только приказъ, и весь городъ укладывается въ телѣги, а черезъ недѣлю разбивается гдѣ-нибудь за сотню верстъ новый, такой точно. Прежде чѣмъ явиться къ хану, наши князья выдержали очищеніе отъ зловредныхъ чаръ: они должны были пройти между двумя огнями. Ханъ сидѣлъ на вызолоченномъ высокомъ сидѣньѣ, вродѣ нашей постели; рядомъ съ нимъ сидѣла одна изъ его женъ; по правую отъ него руку сидѣли ближніе и дальніе родичи, ханскіе чиновники, военачальники, а по лѣвую — знатныя татарки. Батый принялъ русскихъ князей ласково и сразу отличилъ Александра отъ его брата Андрея. Оба Ярославича получили приказаніе ѣхать въ Монголію, поклониться великому хану. Далекъ и труденъ былъ

путь нашихъ князей. Они ѣхали черезъ страны, еще недавно разоренныя, видѣли развалины цвѣтущихъ городовъ, встрѣчали вездѣ бѣдность, людское горе. Лишь одинъ Ташкентъ нашли они уцѣлѣвшимъ отъ общаго погрома. Особенно несносны показались имъ безводныя пустыни, гдѣ ихъ мучила нестерпимая жажда. На всемъ пути до ханской столицы везли князей на почтовыхъ, безъ задержекъ. Столица наслѣдниковъ Чингисъ-хана называлась Карокорумъ. Она тоже не имѣла постояннаго мѣста и по волѣ владыки переносилась съ одной рѣки на другую, кочуя вдоль и поперекъ сѣверной Монголіи. Многолюдный городъ, въ которомъ толпились не только всѣ народы Азіи, но даже пришлецы изъ Европы — французы, итальянцы, нѣмцы,— былъ окруженъ глиняной стѣной съ четырьмя воротами. За городомъ помѣщался обширный ханскій дворецъ. Въ торжественные дни являлся наслѣдникъ Чингиса и принималъ побѣжденныхъ, сидя на золотомъ тронѣ. Его пестрый шатеръ былъ обитъ изнутри листовымъ золотомъ. Богатства повелителя Азіи были несмѣтны; въ его распоряженіи находились тысячи ремесленниковъ, готовыхъ немедленно исполнить всякую затѣю. Но тяжелы и унизительны показались русскимъ людямъ обычаи монгольскихъ хановъ; лишь одна рабская покорность могла смягчить сердце суроваго и надменнаго повелителя половины міра. Князь Александръ, ознакомившись съ обычаями монголовъ, увидѣлъ, что настали для Руси иныя времена; не доблести, не отвага, не красота и сила получили теперь цѣну, а смиреніе, покорность, полная угодливость ханской волѣ. Тому, кто привыкъ себя считать господиномъ, горько было стать рабомъ. А все-таки поневолѣ надо было научиться иначе жить, иначе думать, потому что за вину князя отвѣчалъ не онъ одинъ, а расплачивалась вся его земля. Такъ было съ Андреемъ Ярославичемъ, который не захотѣлъ «служить хану» и сбѣжалъ съ женою въ Швецію. Батый послалъ своего темника Неврюя разорить вторично всю русскую землю.

Получивши старѣйшинство, великій князь Александръ принялъ на свое попеченіе не только свою вотчину, княжество Владимірское,

но и всѣ прочія русскія земли. Вскорѣ прошла по Руси вѣсть, что ханъ Берке приказалъ сдѣлать перепись и посылаетъ для этого особыхъ чиновниковъ. Дѣйствительно, въ земли Рязанскую, Муромскую и Суздальскую явились татарскіе численники, ставили вездѣ свои власти и переписывали жителей, чтобы обложить ихъ поголовною данью. Народу было очень тяжело сносить татарскіе наѣзды. Дошла вѣсть и до Новгорода, что туда придутъ татары. Тѣ, которые были побогаче, соглашались платить десятину, лишь бы сберечь остальное; бѣдняки и слышать не хотѣли о татарахъ. Новгородцы даже не считали себя подданными хана, потому что ихъ городъ не былъ завоеванъ, какъ всѣ прочіе русскіе города. Новгородскій князь Василій, сынъ Александра, тоже стоялъ за народъ. Пришли татары и потребовали десятину. Новгородцы на-отрѣзъ отказались платить дань, хотя приняли ханскихъ пословъ съ честью, одарили ихъ подарками и выпроводили вонъ. Тогда великій князь Александръ, чтобъ не накликать большей бѣды, наказалъ главныхъ зачинщиковъ: однихъ выселилъ въ другія мѣста, другихъ казнилъ, а сына своего Василія отправилъ въ Суздальскую землю.

На слѣдующую зиму опять явились ханскіе численники, но съ болѣе сильнымъ отрядомъ конныхъ татаръ. Разъѣзжая по волости, они собирали дань, причемъ не обходилось безъ дракъ и даже убійствъ. Непривыкшіе къ такому насилію, новгородцы снова возмутились. «Умремъ честно за св. Софію и дома ангельскіе!»—кричалъ народъ на сходкѣ. Татары испугались, заперлись на городищѣ и прислали сказать новгородцамъ: «Давайте намъ число или мы побѣжимъ». — Такъ прошло нѣсколько дней, пока богачи уговорили бѣдняковъ согласиться на перепись. Великій князь прибылъ въ городъ съ татарами. Они ѣздили по улицамъ, переписывали дворы и, покончивши свое дѣло, удалились. Прочіе русскіе города также нелегко сносили власть монголовъ. Особенно стали ненавистны ханскіе откупщики, которые взяли на откупъ дани; это были хивинскіе купцы, люди магометанской вѣры, носившіе названіе «бесерменовъ». Они были безжалостны къ народу: вымо-

гали десятину, а въ случаѣ неустойки насчитывали большіе проценты и даже забирали въ неволю людей. Народъ ожесточился. Во Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ, Переяславлѣ, Ярославлѣ и въ другихъ великорусскихъ городахъ люди собирались на вѣче и присудили перебить этихъ бесерменовъ. Ханъ Берке пришелъ въ ярость; онъ уже отдалъ приказъ собирать орду въ походъ, но Александръ поспѣшилъ въ его столицу и прожилъ тамъ безъ малаго годъ, пока не успѣлъ замолить вину русскаго народа. Это была его послѣдняя услуга. На возвратномъ пути онъ крѣпко заболѣлъ; полуживого его привезли въ Городецъ, и здѣсь, 14 ноября 1263 года, скончался заступникъ русской земли, принявши передъ кончиной чинъ монашескій. Таковъ былъ обычай у князей.

Близъ села Боголюбова встрѣтили владимірцы своего князя и провожали его тѣло до города. Въ стольномъ городѣ, въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, пролежали нетлѣнныя мощи «благовѣрнаго» князя, пока не перевезъ ихъ царь Петръ Великій на берега Невы, въ Александро-Невскую лавру, гдѣ они покоятся и понынѣ. Вѣнценосный побѣдитель шведовъ воздалъ лишь должное доблестному князю, защищавшему эти же самые берега отъ тѣхъ же самыхъ враговъ.

КУЛИКОВО ПОЛЕ.

рошло безъ малаго полтораста лѣтъ, какъ татары осилили Русь. Въ ханской столицѣ началась усобица: сегодня одинъ ханъ, завтра другой; сильные темники, или ханскіе полководцы, черезъ убійства и отравленія доходили до престола. Уже не было той желѣзной руки, которая держала бы въ повиновеніи татарскую орду. Русскіе люди хорошо это понимали. Находились удальцы, которые плавали по Волгѣ и били татаръ въ одиночку, хотя наши князья по прежнему ѣздили на-поклонъ, возили ханамъ подарки. Пришелъ чередъ ѣхать и московскому царевичу Дмитрію. Ему было всего 11 лѣтъ, но съ нимъ ѣхали умные бояре, заправлявшіе всѣми дѣлами. Митрополитъ Алексѣй провожалъ ихъ до Оки; народъ прощался съ ними, точно передъ смертью. Лѣтописцы разсказываютъ, что въ ту пору на солнцѣ были видны черныя пятна на подобіе гвоздей; въ воздухѣ стояла такая густая мгла, что птицы не могли летать, падали на землю и ходили «пѣшкомъ»; всѣ хлѣба повысохли; лѣса, боры и дубровы погорѣли, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горѣла и земля. Всѣ люди московскіе пришли въ уныніе и чаяли большой

бѣды. Однако все сошло благополучно. Дмитрій Ивановичъ видѣлъ ханскую милость и получилъ ярлыкъ, или грамоту, по которой всѣ должны были признавать его за старѣйшаго между князьями. Эта грамота давала московскимъ князьямъ власть надъ князьями другихъ земель; но зато же всякое лихо, гдѣ бы ни случилось, отзывалось на Москвѣ. Ханъ татарскій послалъ какъ-то своихъ людей въ Нижній, а они натворили тамъ безчинства, за что нижегородцы, самосудомъ, всѣхъ ихъ перебили. Этотъ случай не могъ остаться безнаказаннымъ. Вскорѣ дали знать въ Москву, что за Волгой, въ странахъ по Сурѣ, явились татарскіе отряды. Дмитрій Ивановичъ выступилъ въ походъ и, мало походя, оставилъ войско на попеченіе воеводъ, а самъ вернулся въ Москву. Ратники разсыпались по деревнямъ, воеводы веселились, пили крѣпкій медъ; о татарахъ никто и не думалъ. Скрытыми путями они нагрянули на русскихъ: многихъ убили, многихъ потопили въ рѣчкѣ Пьянѣ; остальные разбѣжались. Разграбивши Нижній, татары съ богатой добычей скрылись въ свои степи. Въ этомъ походѣ помогали имъ мордовцы. Чтобы наказать измѣнниковъ, русскіе пошли въ ихъ землю и «сотворили ее пусту». Это было въ 1378 году.

За Мордву вступился Мамай, ханскій темникъ, по правившій ордой, какъ самовластный ханъ. Онъ послалъ мурзу Бегича наказать Москву. Русскіе и монголы сошлись въ рязанской землѣ, на берегу р. Вожи. Дмитрій Ивановичъ самъ расположилъ свои войска для битвы. Монголы имѣли обычай нападать быстро и сразу всѣми силами. Такъ же думали они сдѣлать и теперь: переправившись черезъ рѣку, гикнули и пустили коней. Русскіе стояли неподвижно. Тогда татары, придержавъ коней, стали кидать стрѣлы. По данному знаку заиграли трубы, и русскіе пошли впередъ своимъ обычнымъ строемъ: по серединѣ главная рать, или Большой полкъ, а по бокамъ—полкъ Правой руки и полкъ Лѣвой руки. Они охватили татаръ съ трехъ сторонъ, притиснули къ рѣкѣ, такъ что имъ оставалось одно — бросаться въ воду. Наши били ихъ на сушѣ, топили въ водѣ, истребляли безъ малѣйшей жалости, безъ всякой пощады. Весь лагерь татаръ—шатры, кибитки, телѣги съ прина-

сами, товарами и цѣнными вещами — все попало къ русскимъ. Остатки орды бѣжали безъ оглядки. Мамай пришелъ въ ярость. Это была первая побѣда русскихъ людей: полтораста лѣтъ татары считали ихъ своими холопами, и русская земля считалась ханскою землей; кому хотѣлъ ханъ, тому ее и дарилъ. Но зато какъ велика была радость русскихъ людей, когда они прослышали о первой побѣдѣ, когда они увидѣли, что «время отступило отъ татаръ»! Теперь всякому казалось дѣломъ яснымъ, что съ ними можно мѣряться, можно надѣяться на счастье. Забитая Русь встрепенулась, ожила, точно воспрянула отъ сна, и стала подыматься на новую брань...

Какъ разъ въ это время Мамай провозгласилъ себя ханомъ. Онъ и его мурзы хорошо понимали, что силу Московскаго княжества надо сломить, панести ему смертельный ударъ, а для этого готовиться исподволь, не торопясь. «Своего войска у насъ мало, говорили мурзы, но у тебя денегъ много, пошли нанять чужихъ».— Мамай послушался. Онъ призвалъ всѣ сосѣдніе степные и горскіе народы: полочанъ, хазаръ, черкесовъ, кавказскихъ евреевъ, армянъ, изъ Крыма — генуэзцевъ. Были у татаръ друзья и кромѣ этихъ, именно: рязанскій князь Олегъ и Ягайло, князь литовскій. Олегъ присталъ къ татарамъ потому, что рязанская земля лежала имъ по пути, и чѣмъ бы тамъ дѣло ни кончилось, онъ платился одинаково; Литва же была старинным заклятымъ врагомъ Москвы. И Ягайло, и Олегъ ни мало не сомнѣвались, что Москвѣ не сдобровать, что на этотъ разъ она пропала: оба они только того и добивались.

Между тѣмъ, московскій князь готовился. Изъ Москвы разъѣхались гонцы скликать подручныхъ князей. Князья, въ свою очередь, послали бирючей по волостямъ. Такой кличъ пришелся русскимъ людямъ по душѣ: всѣ радостно откликнулись, бросали дѣла, вооружались и спѣшили на сборныя мѣста, откуда разными путями направлялись въ Москву. Около Успеньева дня всѣ пути къ Москвѣ были запружены. Дружины шли конныя и пѣшія,—конныхъ больше, чѣмъ пѣшихъ. Одежда и вооруженіе ратныхъ людей было разное,

смотря по достаткамъ. Болѣе богатые и знатные ѣхали на добрыхъ коняхъ, были обряжены въ кольчуги до колѣнъ, съ нагрудникомъ и наручниками, имѣли шишаки съ острымъ концомъ и кольчужной сѣткой, спадавшей на лицо; имѣли, кромѣ того, круглые щиты; за поясомъ, какъ водится, висѣлъ мечъ; за спиной торчалъ колчанъ со стрѣлами и лукъ. Бѣдные ратники шли кто съ чѣмъ—топоромъ, копьемъ, кистенемъ или съ палицей: всякій что-нибудь да несъ. Москва вдругъ закипѣла ратнымъ людомъ; шумъ, бряцанье оружія, конскій топотъ—не умолкали ни днемъ, ни ночью. Собирали деньги, запасы, посуду и всякій давалъ, что̀ могъ. Всякій чувствовалъ, что настало дѣло общее, всей землѣ близкое—и можайцамъ, и костромичамъ, и владимірцамъ, и ярославцамъ—людямъ одной крови, одной вѣры, дѣтямъ той же матери-земли. Вмѣстѣ съ ратными людьми прибыли въ Москву послы Мамая требовать обычной дани и покорности. Великій князь, по совѣту бояръ и духовныхъ, одарилъ пословъ и отъ себя послалъ въ орду гонца Захарія Тютчева перетолковать о мирѣ. Но отъ этого дѣло вооруженія не остановилось; оно шло своимъ чередомъ. Дмитрій Ивановичъ оповѣстилъ всѣхъ князей и воеводъ, неоспѣвшихъ въ Москву, чтобы шли прямо къ Коломнѣ. Для развѣдокъ о непріятельской силѣ выслалъ въ придонскую степь «крѣпкую сторожу» и далъ ей наказъ добыть языка. Прошло не мало времени, пока вернулся гонецъ и далъ знать, что татары наступаютъ на Русь со всею ордой, что Ягайло и Олегъ съ ними въ союзѣ. Прошелъ по землѣ слухъ, что Мамай на этотъ разъ хочетъ истребить князей, а вмѣсто нихъ посадить своихъ татаръ; всѣхъ же православныхъ обратить въ магометанство. Этотъ слухъ еще больше распалилъ ненависть къ татарамъ. Прежде чѣмъ тронуться въ путь, великій князь, вмѣстѣ со своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, поѣхалъ въ Сергіевскій монастырь взять благословеніе игумена Сергія. Старецъ любовно принялъ князей, ободрилъ ихъ на ратный подвигъ и сказалъ, что будетъ битва великая, что многіе падутъ, но великій князь останется живъ и одержитъ побѣду. Послѣ трапезы преподобный Сергій взялъ въ руки крестъ и

благословилъ великаго князя; тутъ же стояли два инока, по имени Ослябя и Пересвѣтъ, съ нашитыми крестами на схимахъ. Отпуская ихъ къ воинству, преподобный Сергій сказалъ: «Вы носите нетлѣнное оружіе; пусть крестъ служитъ вамъ вмѣсто шлемовъ».

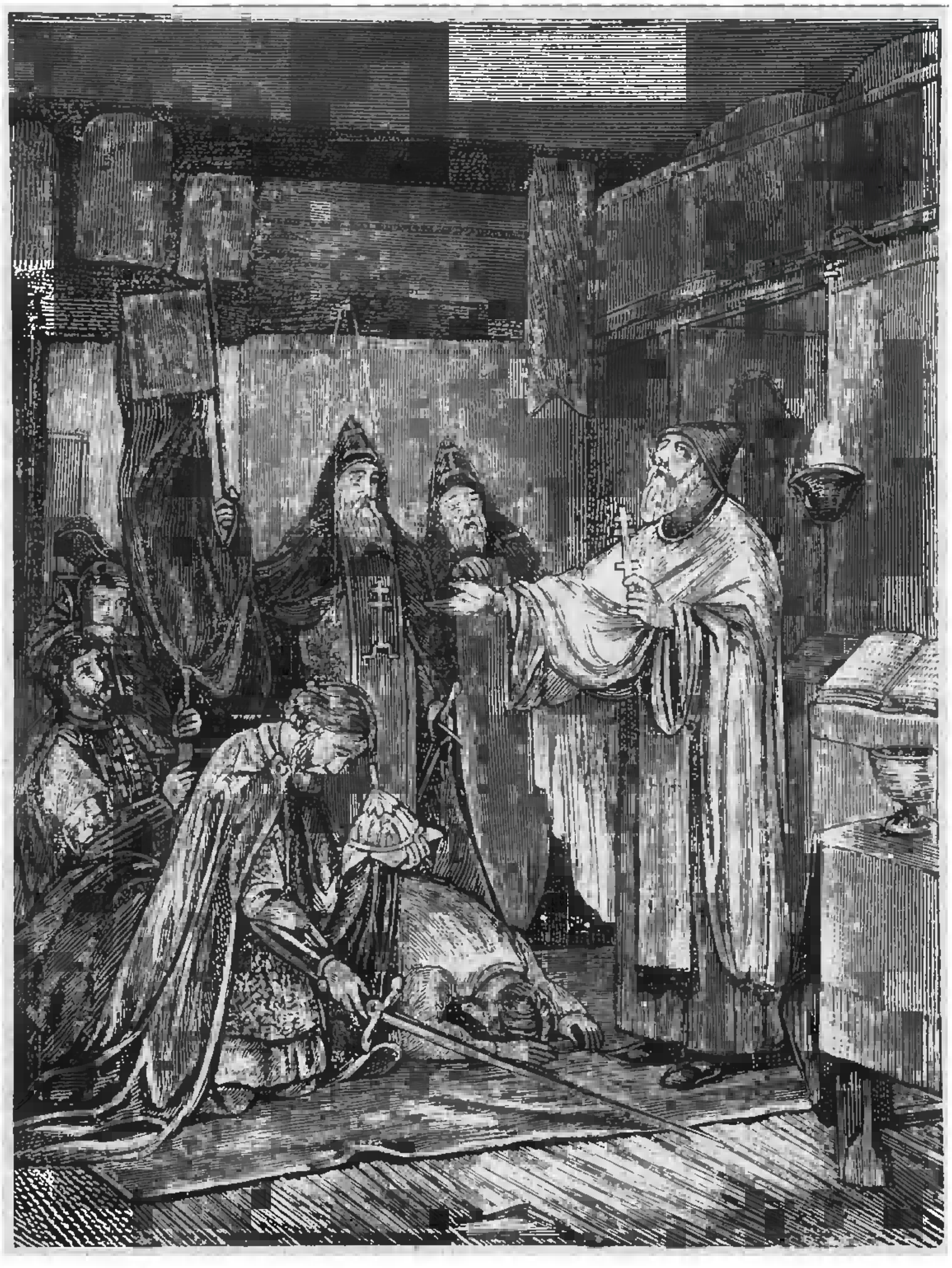
Насталъ день похода. Утро было тихое, чудесное. Рати тронулись изъ Кремля черезъ Фроловскія, Никольскія и Константино-Еленинскія ворота. Духовенство провожало ихъ съ крестами, чудотворными иконами и святою водою. Рядомъ съ войсками валилъ густой толпой народъ; матери крестили сыновей, жены протягивали младенцевъ за родительскимъ благословеніемъ. Великій князь заѣхалъ въ церковь Михаила Архангела, положилъ земные поклоны передъ гробами своихъ прародителей, попрощался со своей супругой и сказалъ ей, горько плачущей: «Богъ нашъ заступникъ». Потомъ онъ сѣлъ на коня и повелъ войско въ Коломну.

По пути къ этому городу присоединились дружины литовскихъ князей Андрея и Дмитрія; съ ними было 40 тыс. воиновъ, привычныхъ къ бою, съ добрымъ вооруженіемъ. Сами литовскіе князья были воины отважные, въ ратномъ дѣлѣ искусные; крѣпость ихъ руки и меча была всѣмъ вѣдома. Подъ Коломной, на широкомъ Дѣвичьемъ полѣ, великій князь сдѣлалъ смотръ; войска стояли ратнымъ строемъ, и была ихъ по тому времени сила большая—тысячъ на полтораста. Такой силы еще никогда не подымала русская земля!

20 августа 1380 года войско выступило изъ Коломны. Оно шло лѣвымъ берегомъ Оки,—путь немного кружный, но выгодный потому, что не заходилъ въ Рязанскую землю. Не доходя до Серпухова, у устья р. Лопасни, стали перевозиться за Оку. Тутъ ужъ начиналась Рязанская земля. Олегъ думалъ, что татары раньше вступятъ и теперь не зналъ, какъ быть: разослалъ гонцовъ къ Мамаю, къ Ягайлу, самъ кидался во всѣ стороны, боялся, какъ бы не попасть въ полонъ. Дмитрій Ивановичъ прошелъ черезъ его землю мирно и запретилъ разорять ни въ чемъ неповинныхъ сельчанъ. На пути его догналъ гонецъ изъ монастыря; вмѣстѣ съ просфорой онъ привезъ грамотку отъ Сергія: «Чтобы еси, господине, пошелъ», писалъ пре-

подобный: «а поможетъ ти Богъ, и святая Богородица, и св. Сергій».

6 сентября рати приблизились къ Дону. Здѣсь былъ доставленъ изъ сторожи плѣнный татаринъ, бывшій въ свитѣ самого



Преподобный Сергій благословляетъ вел. кн. Дмитрія Ивановича.

Мамая. Сначала онъ молчалъ; когда же пригрозили ему пыткой, татаринъ показалъ, что Мамай въ большихъ силахъ находится за Дономъ, но подходитъ медленно, потому что поджидаетъ Ягайла и Олега. О близости же русскихъ войскъ онъ, Мамай, ничего не знаетъ и полагаетъ, что Дмитрій не отважится выйти ему на-

встрѣчу; дня черезъ три Мамаю надо быть у Дона, тутъ должны сойтись къ нему литовцы и рязанцы.—Разузнавши это, русскимъ надо было теперь думать, какъ имъ поступить: переходить ли Донъ и броситься на татаръ, или же остаться тутъ и ждать, пока татары сами нападутъ? Русскіе князья держали совѣтъ. Ольгердовичи и нѣсколько другихъ говорили, что лучше идти за Донъ по многимъ причинамъ: во-первыхъ, слѣдуетъ поддержать «крѣпость духа»; во-вторыхъ, ратники будутъ охотнѣе биться, зная, что сзади рѣка и некуда бѣжать; третья выгода — мы не допустимъ къ татарамъ литовскаго князя. Другіе же князья опасались переходить Донъ, боясь оставить за спиной рязанскаго князя и Литву. На это великій князь сказалъ: «Любезные друзья и братья! Вѣдайте, что я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть или стеречь рѣку Донъ, но съ тѣмъ, дабы русскую землю отъ разоренія и плѣненія избавить или голову свою сложить. Честная смерть лучше плохого живота. Лучше бы мнѣ нейти противъ безбожныхъ татаръ, нежели, пришедъ и ничто же сотворивъ, воротиться вспять. Нынѣ же пойдемъ за Донъ и тамъ или побѣдимъ, или поляжемъ за святыя церкви, за православную вѣру и за братью нашу Христову». — Въ ночь подъ Рождество Богородицы войско стало переправляться черезъ Донъ. Берега этой рѣки, а также островки были тогда покрыты дубовымъ и кленовымъ лѣсомъ; въ перемежку съ лѣсомъ залегалъ глухой, частый кустарникъ. Повсюду струились ручейки; мѣстность была болотистая, неудобная. Для пѣхоты навели мосты, а конныя дружины переправились въ-бродъ. Въ эту же ночь прискакалъ изъ сторожи новый гонецъ и далъ знать, что татары встрепенулись. Видимо. Мамай спѣшилъ задержать на переправѣ: его орда стояла не дальше десяти верстъ. Въ то же время дали знать, что отъ Одоева идутъ литовцы. Всѣ эти вѣсти заставляли спѣшить съ переправой. Сохранилось сказаніе, что въ эту памятную ночь великій князь, взявши съ собой брата Владиміра Андреевича, князей литовскихъ и Дмитрія Волынскаго, выѣхалъ съ ними на чистое поле, промежду своихъ и татаръ. Близился разсвѣтъ; въ воздухѣ

стоялъ густой туманъ—темно, ничего не видно. Князья насторожили слухъ: съ татарской стороны слыхали они крикъ, шумъ, говоръ, точно съ большого торга; еще дальше—слышенъ вой волковъ, карканье воронъ; вороны летаютъ надъ рѣкой, плещутъ гуси на водѣ. Повернули князья въ русскую сторону—все тихо, только кое-гдѣ мерцаютъ огни. Слѣзъ волынскій князь съ коня и припалъ правымъ ухомъ къ землѣ. Долго онъ лежалъ, поднялся и опять припалъ. Тогда спросилъ его князь Дмитрій: «Ну, что, братъ?»—Волынскій князь не хотѣлъ сначала говорить, а потомъ сказалъ: «Я слышалъ, какъ земля плакала двойнымъ плачемъ: одинъ плачъ былъ, какъ плачетъ вода, другой — какъ плачетъ дѣвица... Я думаю, мы побѣдимъ, но нашихъ ляжетъ много... Не надобно никому объ этомъ сказывать въ войскѣ».

Утромъ 8-го числа, подъ прикрытіемъ густого тумана, русскіе двинулись впередъ и заняли мѣста въ углу между рѣками Дономъ и Непрядвой. Полкъ Правой руки, подъ начальствомъ Андрея Ольгердовича, примкнулъ, какъ показано на планѣ, къ оврагамъ и перелѣскамъ у рѣчки Дубика; полкъ Лѣвой руки, подъ начальствомъ князей бѣлозерскихъ, уперся лѣвымъ флангомъ въ крутогорья рѣчки Смолки; Большой полкъ, подъ начальствомъ московскаго боярина Вельяминова, сталъ между ними. Впереди боевой линіи, занимавшей 5 верстъ въ длину, расположился Передовой полкъ съ братьями Всеволодовичами во главѣ; это были почти всѣ пѣшія дружины, но съ нимъ сталъ сторожевой конный отрядъ Мелика. Полка́ми въ то время называли не то, что называютъ нынче: полки составляли изъ дружинъ—больше или меньше, смотря по важности мѣста. Такъ, въ Большомъ полку ставили всегда отборныя дружины, въ томъ числѣ великокняжескую; въ Засадный полкъ назначали отборную конницу. На этотъ разъ ее поставили за густой дубровой и отдали подъ начальство Владиміру Андреевичу и Дмитрію Боброку, тому самому, который гадалъ передъ битвой. Еще небольшой отрядъ, подъ начальствомъ Дмитрія Ольгердовича, сталъ позади Большого полка. Такъ расположилась русская рать, готовая принять бой. Впереди ея позиціи

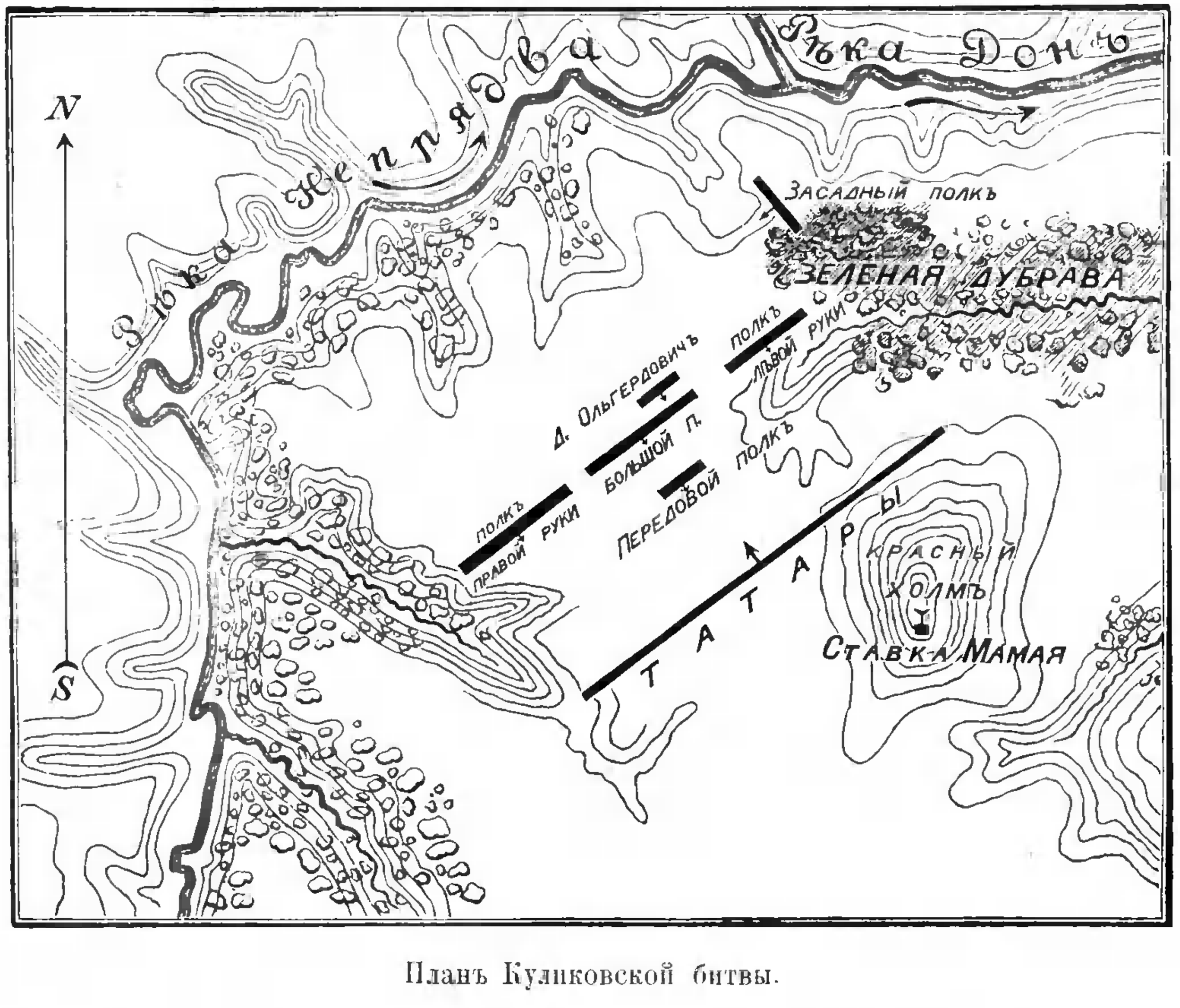
разстилалась верстъ на 8 или на 10 холмистая мѣстность, извѣстная подъ именемъ Куликова поля; удобная для коннаго боя, она какъ будто давала выгоды татарамъ, но русскія войска хорошо прикрыли свои фланги и могли быть покойны насчетъ обхвата. Зато, въ случаѣ неудачи, русскимъ угрожала гибель, потому что сзади не было путей. Въ оврагахъ, кущахъ и лѣсахъ,

Гаданье передъ битвой.

передъ Дономъ и Непрядвой, татары могли порубить все войско, однажды сбитое съ мѣста. Такія позиціи, какъ Куликово поле, называются «мѣшкомъ».

Въ 9 ч. утра туманъ сталъ расходиться. Великій князь объѣзжалъ дружины и говорилъ: «Возлюбленные отцы и братья! Господа ради, и Пречистыя Богородицы, и своего ради спасенія подвизайтесь за православную вѣру и братію нашу!» — Бодрые, воинственные клики были отвѣтомъ на эти слова; всѣ обѣщали по-

ложить свои животы за вѣру Христову. Затѣмъ Дмитрій Ивановичъ снялъ верхнюю одежду, накинулъ поверхъ брони простой плащъ и самъ, какъ простой ратникъ, отъѣхалъ въ Передовой полкъ; на свое же мѣсто, подъ большимъ великокняжескимъ стягомъ, онъ поставилъ Михаила Бренка, своего любимца. Князья и бояре не одобряли этого дѣла, говоря: «Тебѣ подобаетъ стоять особо



Планъ Куликовской битвы.

отъ битвы и смотрѣть на нее, а потомъ чествть и жаловать оставшихся въ живыхъ, творить память по убіенныхъ. Если же тебя, Государя, лишимся, то уподобимся стаду овецъ безъ пастыря: прійдутъ волки и распугаютъ насъ». — Однако великій князь ихъ не послушалъ.

Часовъ въ 11 утра обѣ рати начали одновременно находить другъ противъ друга; сошлись совсѣмъ близко — и стали. У та-

таръ по серединѣ находилась пѣхота, по флангамъ—конница и въ гораздо большемъ числѣ. Ставка Мамая возвышалась на Красномъ холмѣ, откуда онъ смотрѣлъ на битву. По обыкновенію, битва началась одиночнымъ боемъ, или «герцами». Съ нашей стороны выѣхалъ инокъ Пересвѣтъ, а со стороны непріятеля—рослый татаринъ. Ударили бойцы одинъ другого мечами и, мало побившись, оба упали мертвыми. Русскіе, завидѣвъ это, призвали въ заступничество Богородицу, татары прокричали «Алла, Алла!»—и обѣ рати сошлись въ рукопашной. Татары сбили передовой отрядъ, при чемъ пѣшая рать вся полегла костьми. Великій князь отъѣхалъ къ Большому полку. Сюда теперь кинулись татары, чтобъ разрѣзать русскій фронтъ, но въ великой тѣснотѣ имъ негдѣ было развернуться. Кони не могли двигаться; люди задыхались, умирали, раздавленные копытами татарскихъ лошадей; пѣшіе, вцѣпившись другъ въ друга, топтались на мѣстѣ, но кровь лилась повсюду, какъ вода. Татары ломили на Большой полкъ всѣми силами; вотъ-вотъ, казалось, онъ подастся. Уже московская дружина раздавлена, великокняжеское знамя подрублено и Михаилъ Брепкъ свалился, но храбрые мужи Глѣбъ Брянскій и воевода Вельяминовъ, съ владимірскими и суздальскими дружинами, сомкнули линію Большого полка и успѣли удержаться. Въ то же время татары тѣснили полкъ Лѣвой руки: когда бѣлозерскіе князья были убиты, полкъ сталъ быстро подаваться. Какъ только замѣтилъ это Дмитрій Ольгердовичъ, стоявшій сзади, онъ тронулся впередъ и прикрылъ Большой полкъ отъ удара слѣва. Все-таки русской рати грозила бѣда: татары, развернувши свои силы сзади боевой линіи, могли отбросить наше войско къ р. Непрядвѣ, загнать и затоптать его въ оврагахъ. Они наступали теперь шибко, гнали полкъ Лѣвой руки, раздаваясь сами въ ширину, но въ то же время они подставляли свой правый флангъ Засадному полку. Въ дубровѣ, на высокихъ деревьяхъ, сидѣли воины и смотрѣли на битву. Все, что они могли замѣтить, передавали вождямъ. Какъ только нашимъ приходилось гдѣ плохо, князь Владиміръ Андреевичъ порывался впередъ, но мудрый Боброкъ удерживалъ его словами: «Повремените, други:

будетъ еще съ кѣмъ вамъ тѣшиться, пить и веселиться!» Когда же татары сбили полкъ Лѣвой руки и почти-что поровнялись съ дубровой, тогда Боброкъ самъ воскликнулъ: «Теперь и нашъ часъ приспѣлъ! Дерзайте, братія и други! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» —Отборныя конныя дружины ударили татарамъ въ бокъ и сзади. Татары сразу оторопѣли, пришли въ разстройство и отступили къ Красному холму. Они старались тутъ задержаться; но въ это время пошли впередъ свѣжія дружины полка Правой руки; не отдыхая ни минуты, погнались конныя дружины Засаднаго полка—и татары не въ силахъ были удержаться: повернулись, побѣжали въ разсыпную, кто куда глядѣлъ. Самъ Мамай, увидѣвъ пораженіе орды, воскликнулъ: «Великъ Богъ христіанской земли!» и поскакалъ шибче другихъ. Русскіе гнали ихъ верстъ 50, до р. Красивой Мечи. Спаслись только тѣ, которые имѣли заводныхъ коней, какъ, напримѣръ, самъ Мамай. Побѣда была полная, пораженіе татаръ небывалое. — «Ставъ на костяхъ», подъ большимъ черным знаменемъ, князь Владиміръ Андреевичъ велѣлъ трубить побѣду. Великаго князя не было. Стали его искать и послѣ долгихъ поисковъ нашли безъ чувствъ, подъ деревомъ, въ избитыхъ доспѣхахъ. При радостныхъ кликахъ ратныхъ людей онъ скоро очнулся и, услыхавши слово: «побѣда!» возблагодарилъ Господа Бога и Пресвятую Богородицу, заступницу русскихъ людей. Стали собирать мертвыхъ, считать живыхъ, и оказалось, что было наполовину тѣхъ и другихъ. Зато весь татарскій лагерь попалъ въ ихъ руки. Тамъ оказалось множество шатровъ, телѣгъ, лошадей и верблюдовъ, навьюченныхъ товарами, одеждой, оружіемъ, коврами, утварью, деньгами. Такой добычи давно не видали наши князья.

Ягайло, узнавъ о русской побѣдѣ, такъ быстро отступилъ въ Литву, какъ будто за нимъ гнались по пятамъ. Онъ винилъ Олега Рязанскаго. — «Никогда Литва не была учима отъ Рязани! Зачѣмъ же нынѣ впалъ я въ такое безуміе?» — горько сѣтовалъ надменный литвинъ; Олегъ Рязанскій такъ и не показывался.

ПОХОДЫ ТАМЕРЛАНА.

Настоящее имя этого человѣка, безчеловѣчно истреблявшаго людей и то, что было создано людьми долгимъ, тысячелѣтнимъ трудомъ—«Тимуръ-Ленгъ», что значитъ: «Тимуръ Хромой». Небольшого роста, невзрачный и къ тому же хромой, Тамерланъ съ дѣтства отличался умомъ, воинской отвагой и 12-ти лѣтъ отъ роду участвовалъ въ битвахъ. Какъ добрый мусульманинъ, Тамерланъ изучилъ отлично коранъ; но этого мало: онъ зналъ наизусть законы Чингисъ-хана, любилъ слушать разсказы о его походахъ, битвахъ; въ досужее время игралъ въ шахматы, наѣздничалъ или предавался охотѣ. Родился Тамерланъ недалеко отъ Самарканда, въ степяхъ Средней Азіи, извѣстныхъ тогда подъ именемъ Джагатая. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ частяхъ бывшихъ владѣній Чингиса шла распря между множествомъ князьковъ, или хановъ, въ числѣ которыхъ былъ отецъ Тимура. Отецъ и сынъ, природные турки, одинаково ненавидѣли монголовъ, но Тамерланъ, до поры до времени, скрывалъ эту ненависть. Когда же она вышла наружу, ему пришлось бѣжать въ

туркменскія степи. Подобравъ себѣ шайку друзей, Тамерланъ пустился на разбой: берега Аму-Дарьи огласились побѣдными криками удалой дружины. Имя Тимура стало извѣстнымъ; онъ прослылъ богатыремъ, «батыремъ». Число его сподвижниковъ росло все больше и больше, такъ что скоро набралось за полторы тысячи лихихъ наѣздниковъ, готовыхъ на все. Тогда Тимуръ дерзнулъ на битву: онъ напалъ и разбилъ 7 тыс. монголовъ. Эта первая побѣда показала въ немъ таланты полководца.

Съ пылкимъ воображеніемъ азіата Тамерланъ соединялъ разсудительность мудреца, коварство монгола. Онъ рано задумалъ добиться того, чѣмъ былъ Чингисъ-ханъ, его великій учитель, и часто говаривалъ своимъ друзьямъ: «Если на небѣ одинъ Богъ, то на землѣ долженъ быть одинъ властитель». — Отвага юнаго вождя творила чудеса: заслышавъ его крикъ, завидя взмахъ кривой сабли, воины Тамерлана кидались какъ тигры, почуявши кровь. Они били враговъ, гнали ихъ стремительно, уничтожали окончательно. Военныя доблести Тамерлана, его умѣнье обходиться съ людьми, наконецъ, его необычайная щедрость привлекали къ нему сердца правовѣрныхъ, поселяли въ нихъ обожаніе къ своему кумиру. Тамерланъ съумѣлъ это сохранить до самой смерти. Въ числѣ первыхъ его сподвижниковъ и ближайшихъ друзей былъ братъ его жены, по имени Гуссейнъ, владѣтель Балка. Самъ Тамерланъ былъ въ ту пору владѣльцемъ Самарканда. Изъ зависти, Гуссейнъ началъ ему вредить; однажды при встрѣчѣ съ монголами онъ съ умысломъ опоздалъ на поле битвы, отчего Тамерланъ потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Но онъ не пропалъ, какъ пропалъ бы всякій другой на его мѣстѣ. Съ небольшимъ отрядомъ Тамерланъ проскользнулъ въ Ташкентъ, заручился здѣсь помощью и объявилъ Гуссейну войну. Тотъ заперся въ Балкѣ. По пути въ Балкъ явился среди войска мусульманскій отшельникъ, древній старикъ, извѣстный всему Востоку своею мудростью. Онъ поднесъ Тамерлану барабанъ и знамя, при чемъ пропѣлъ воинственную пѣснь, въ которой предсказывалъ ему великія дѣла. Молодой вождь съ жаднымъ восторгомъ выслушалъ старца, принялъ съ

благоговѣніемъ дары и съ тѣхъ поръ увѣровалъ въ свое призваніе — подчинить себѣ весь міръ. На первой же вылазкѣ изъ Балка войска Гуссейна передались; несчастный ханъ въ испугѣ забѣжалъ на минаретъ. Монголы его разыскали и привели къ Тимуру. «Оставьте его, сказалъ Тамерланъ, пусть идетъ, куда хочетъ. Я обѣщалъ его отпустить!» Нашелся услужливый монголъ, который убилъ хана, и такимъ образомъ всѣ его сокровища достались Тамерлану, но это нисколько ему не повредило, напротивъ, слава о его мудрости и великодушіи разошлась на весь Джагатай; почти всѣ мелкіе владѣтели Средней Азіи единодушно провозгласили его своимъ ханомъ. На широкомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ поставили золотой тронъ. Среди многочисленной орды пѣшихъ и конныхъ Тамерланъ взошелъ на тронъ, надѣлъ корону и опоясался дорогимъ поясомъ. Всѣ родственники и друзья новаго хана пали предъ нимъ на колѣни, величая его «владѣтелемъ рогóвъ», т.-е. Востока и Запада, а потомъ, осыпавши его съ головы до ногъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, поклялись ему на вѣрность. Въ свою очередь и Тамерланъ отдарилъ ихъ щедро, по-царски, угостилъ роскошно и, отпуская по домамъ, наказывалъ, чтобы они управляли народомъ кротко, справедливо.— Такъ происходило коронованіе Тимура, по обычаямъ монголовъ. Это было въ 1369 году.

Новый ханъ водворилъ въ странѣ порядокъ, прекратилъ разбои, грабежи, насилія; край оживился, точно воскресъ для новой жизни: земледѣлецъ сталъ пахать, купецъ — торговать, мирный путникъ смѣло проходилъ страну вдоль и поперекъ. Тамерланъ сдѣлалъ своею столицей Самаркандъ. Онъ приказалъ исправить его стѣны, настроилъ много зданій, въ томъ числѣ прекрасный дворецъ и мечеть. Эта мечеть съ гробницей Тамерлана уцѣлѣла до сихъ поръ. Но главное вниманіе Тамерланъ обратилъ на войско: онъ далъ ему новое устройство, вдохнулъ въ него преданность къ себѣ и жажду завоеваній во имя пророка. Кромѣ конницы, — обычное войско монголовъ,—Тамерланъ учредилъ пѣхоту, вооруживъ ее сѣкирами, топорами и лукомъ. Какъ пѣхота, такъ и конница раздѣлялись у

него на простую и отборную. Эта послѣдняя была лучше одѣта, имѣла лучшее оружіе, такъ, напримѣръ, часть тяжелой конницы имѣла латы, кольчуги, покрывала своихъ лошадей тигровыми шкурами. Войска́ Тамерлана получали жалованье, которое выдавалось по цѣнѣ лошади: 4 цѣны, 10 цѣнъ и т. д. Темники, или эмиры, получали до 10 тыс. лошадиныхъ цѣнъ; кромѣ того, отличныхъ воиновъ награждали прибавкой, чиномъ или почетнымъ прозвищемъ «батыря». Въ бою и на походѣ войска Тамерлана были бдительны, храбры, выносливы; какъ всѣ азіяты, его воины отличались зоркостью глаза, чуткостью уха, мѣткой стрѣльбой на всемъ скаку — и впередъ, и назадъ. Будучи разбиты, они исчезали въ степяхъ, но такъ же быстро собирались, и горе тогда безпечному противнику!—Съ такими войсками Тамерланъ въ продолженіе 13-ти лѣтъ покорилъ всѣ страны отъ Инда до горъ Кавказа, Аравіи и Персидскаго залива. Подобно Чингису, онъ привелъ въ трепетъ Азію и Европу, залилъ ихъ потоками крови, испепелилъ города, истребилъ милліоны людей. Его, какъ и Атилу, прозвали «бичемъ Божіимъ».

Чтобы испытать силу своей власти, Тамерланъ отдалъ однажды приказъ явиться въ Самаркандъ всѣмъ побѣжденнымъ ханамъ. И всѣ явились, кромѣ Пиръ-Али, хана хоросанскаго. Тамерланъ немедленно выступилъ противъ него и осадилъ Гератъ. Жители ужаснулись; войска́ упали духомъ. Пиръ-Али выслалъ свою престарѣлую мать и старшаго сына просить пощады. Тамерланъ принялъ ихъ очень ласково, одарилъ подарками, но потребовалъ, чтобы ханъ явился къ нему лично. На другой день Пиръ-Али прибылъ въ лагерь, сталъ на колѣни и прикоснулся губами къ ковру, на которомъ сидѣлъ побѣдитель. Осыпанный щедро подарками, бѣдный ханъ вернулся въ столицу; но ея стѣны были срыты, рвы засыпаны землей, а всѣ драгоцѣнности, золотые сосуды, украшенія отправлены въ Самаркандъ. Таковъ былъ Тамерланъ, когда хотѣлъ оказать милость. Но когда онъ мстилъ, то былъ не въ мѣру жестокъ, безпощаденъ, при чемъ дѣйствовалъ рѣшительно и быстро: врагъ не успѣвалъ сознать свою вину, какъ уже надъ нимъ ви-

сѣла гроза. Во время войны съ Персіей городъ Испаганъ отворилъ свои ворота и впустилъ монголовъ. Самъ Тамерланъ, въѣхавъ побѣдителемъ, скоро вернулся въ свою ставку и отдалъ приказъ отобрать отъ жителей оружіе и лошадей. Въ Испагани остался небольшой отрядъ, который расположился какъ въ мирной странѣ. Но, вотъ, однажды ночью загремѣли на улицахъ барабаны, заиграли трубы. Монголы повыскакивали изъ домовъ и тотчасъ были истреблены; городская стража у воротъ также изрублена. Небольшая толпа испаганцевъ, подъ начальствомъ кузнеца, подняла возстаніе, взбударажила весь городъ и навлекла на него жестокую кару. Нѣсколько монголовъ успѣли въ потьмахъ соскочить со стѣны и пробраться въ свой лагерь. Однако никто не рѣшался принести страшную вѣсть Тамерлану: такъ всѣ боялись его гнѣва. Тогда одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ, взявши въ одну руку саблю, а въ другую саванъ, предсталъ передъ нимъ и передалъ подробно все, какъ было. Спокойно выслушалъ вѣстника Тамерланъ; не нахмурились его брови, не измѣнилось лицо и не повысился голосъ, когда онъ спокойно повернулся къ стѣнѣ и сказалъ: «взять!» — Это страшное спокойствіе ужаснуло приближенныхъ: они поняли, что городу грозитъ казнь.—Среди роскошныхъ полей, покрытыхъ рисомъ, въ виду виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ, на которыхъ висѣли сочные персики, тихо, безъ шума, обступали монголы замершій городъ. Слышались только командныя слова да ржанье коней. Алчные монголы ждали добычи, какъ волки, почуявъ жилье. Тамерланъ подалъ знакъ, и въ одинъ мигъ все ринулось на приступъ. Черезъ два часа ворота были разломаны; на улицахъ метался народъ, кидаясь то въ подвалы, то бросаясь со стѣнъ — напрасны были ихъ попытки. Монголы не искали того кузнеца, который поднялъ населеніе, не желали знать, кто правъ, кто виноватъ. Воины Тамерлана получили приказаніе доставить по десятку головъ, но не трогать тѣхъ домовъ, гдѣ монголы нашли убѣжище во время ночной расправы. Ихъ заранѣе должны были отмѣтить особые чиновники. По меньшей мѣрѣ 70 тысячъ жителей отвѣтили за эту смѣлую попытку своими головами. Въ

назиданіе потомству Тамерланъ приказалъ изъ череповъ людскихъ сложить на цементѣ прочныя пирамиды, и долго стояли въ знойной степи ужасныя башни этой чисто-монгольской архитектуры.

Во время войны съ Персіей Тамерланъ узналъ, что ханъ Кипчакской орды, по имени Тохта, его ставленникъ, вторгнулся въ Бухарію и разорилъ Самаркандъ. Раньше было разсказано, какъ Мамай послѣ пораженія на Куликовомъ полѣ бѣжалъ въ степи; близъ Маріуполя онъ былъ встрѣченъ этимъ самымъ Тохтой, который окончательно разбилъ его и провозгласилъ себя ханомъ Золотой орды. Нѣкогда Тохта былъ сподвижникомъ Тамерлана и для борьбы съ Мамаемъ получилъ отъ него значительную помощь и войсками, и деньгами. Такимъ образомъ, кромѣ оскорбленія, онъ оказался еще неблагодарнымъ. Пока дѣло дошло до расправы, Тохта успѣлъ отомстить Москвѣ за пораженіе на Калкѣ. Онъ быстро двинулъ орду на русскія земли; её велъ рязанскій князь Олегъ—и прямо на Москву. Здѣсь едва успѣли запереть ворота; великаго князя не было; защитникомъ столицы остался князь Остѣй, внукъ литовскаго князя Ольгерда.

23 августа 1382 года подъѣхали передовые татарскіе всадники. Москвичи смотрѣли на нихъ со стѣнъ. «Здѣсь ли великій князь Дмитрій?» спрашивали татары. Имъ отвѣчали: «Нѣтъ!» — Татары объѣхали кругомъ стѣнъ, осматривали рвы, стѣны, бойницы, заборолы, ворота. Къ вечеру явилась вся татарская орда. Началась осада. Татарскіе наѣздники скакали взадъ и впередъ, пуская на всемъ скаку стрѣлы, а другіе въ это время тащили лѣстницы, веревки и лѣзли на стѣны. Москвичи храбро отбивались: они обливали враговъ кипяткомъ, кидали въ нихъ камни, бревна, палили изъ самострѣловъ. Три дня приступали татары, пока не убѣдились, что тратятъ время даромъ. Тогда они пустились на хитрость. Татарскіе мурзы подъѣхали къ стѣнѣ и запросили слова; съ ними были двое суздальскихъ князей. «Нашъ царь, сказали мурзы, хотѣлъ наказать своего холопа Дмитрія, а его нѣтъ. Отворите ворота и царь васъ пожалуетъ». Суздальскіе князья поклялись, что это правда. Москвичи повѣрили, отворили ворота и вы-

шли мѣрнымъ ходомъ на-встрѣчу Тохтѣ: впереди шелъ князь Остѣй; за нимъ несли святыя иконы; дальше шло рядами духовенство, въ полномъ облаченіи, съ иконами, крестами и хоругвями, а позади—бояре и народъ. Татары выждали, пока всѣ вышли и потомъ набросились какъ ястребы; первымъ палъ князь Остѣй; свалился крестный ходъ, подкошенный саблями; иконы и кресты повыпадали изъ рукъ. Татары, затоптавъ ногами святыню, врубились въ ворота. Какъ овцы кипулись москвичи обратно въ городъ, спасаясь въ Кремлѣ, въ церквахъ, по лавкамъ, погребамъ. Татарамъ не было нигдѣ отпора: они ломали двери, врывались въ храмы Божіи, истребляли малыхъ и большихъ; проникли въ Кремль, рыскали по лавкамъ, погребамъ, и только тогда перестали рубить, когда притупились ихъ сабли, истомились у нихъ плечи. Послѣ этого начался грабежъ, какого не испытала Москва ни до того, ни послѣ того. Всѣ церковныя сокровища, великокняжеская казна, боярское имущество, купеческіе товары — все было ограблено; остальное погибло въ пожарѣ. Разграбивши Москву, татары разсыпались по другимъ городамъ и безчинствовали до тѣхъ поръ, пока князь Владиміръ Андреевичъ, выѣхавши изъ Волока, не разбилъ на голову одинъ изъ татарскихъ загоновъ, при чемъ выручилъ множество плѣнныхъ христіанъ. Этотъ смѣлый подвигъ русскаго князя заставилъ Тохту стянуть свою орду и удалиться въ степь: онъ боялся, что поднимется вся Русь, какъ было во время Мамая.—Вотъ этотъ самый Тохта ополчился противъ своего благодѣтеля, Тамерлана.

Великъ былъ гнѣвъ Тамерлана, когда онъ узналъ, что его ставленникъ, презрѣнный ханъ Кипчакской орды дерзнулъ явиться въ Самаркандъ. Быстрыми переходами онъ вернулся въ столицу, усилилъ свое войско и сдѣлалъ ему смотръ. Трое сутокъ продолжался этотъ смотръ. На чудномъ арабскомъ конѣ, въ золотой коронѣ, съ такою же булавою въ рукахъ, медленно проѣзжалъ азіятскій монархъ по рядамъ своей арміи и осматривалъ каждаго воина. Однихъ хвалилъ, другихъ бранилъ. Военачальники, по мѣрѣ его приближенія, соскакивали съ лошадей и, падая на землю, подо-

бострастно говорили: «Да покорится цѣлый свѣтъ Тамерлану, а мы всегда готовы сложить свои головы у ногъ его лошади!» — По окончаніи смотра войско выступило черезъ Киргизскую степь къ Уралу. Тохта отступалъ все дальше и дальше, завлекая противника въ глубину степей. На 3-й мѣсяцъ похода, возлѣ Самарской луки, Тамерланъ получилъ донесеніе, что Тохта хочетъ дать битву. Тогда онъ расположилъ свои войска въ такомъ порядкѣ: часть легкой конницы, вооруженной лукомъ и дротиками, поставилъ впереди, въ авангардѣ, а остальную — сзади, на двухъ крыльяхъ, причемъ каждое крыло въ 4 линіи, уступами; тяжелую конницу расположилъ въ резервѣ, въ 3 линіи, гдѣ находился и самъ. Передъ битвой Тамерланъ сошелъ съ коня, сдѣлалъ два земныхъ поклона и прочелъ молитву; потомъ взялъ горсть земли и бросивъ ее къ сторонѣ непріятеля, произнесъ заклятье: «Пусть такъ почернѣютъ отъ стыда ваши лица, какъ черна эта земля!» — Армія Тохты была сильно растянута, отчего казалась очень велика. Авангардъ Тамерлана двинулся впередъ и тотчасъ былъ охваченъ длинными крыльями противника. Только-что началось избіеніе монгольскихъ полчищъ, какъ Тамерланъ двинулъ справа и слѣва свои крылья, а спереди ударилъ самъ тяжелой конницей. Теперь, въ свою очередь, армія Тохты попала между двухъ огней: ее рубили спереди, сзади, съ боковъ. Онъ самъ едва успѣлъ вырваться изъ этихъ страшныхъ клещей и ускакать; его полчища разсыпались; самарская степь на десятки верстъ покрылась трупами людей и лошадей. Весь огромный лагерь Тохты попалъ въ руки Тамерлану; добыча была такъ велика, что самому послѣднему конюху достались по нѣскольку сотенъ барановъ и лошадей: ихъ бросали по дорогѣ. Говорятъ, болѣе сотни тысячъ плѣнныхъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, погнали монголы въ неволю, на рынки Средней Азіи.

Какъ ни страшна была месть Тамерлана, но персидскій шахъ Мансуръ горѣлъ нетерпѣніемъ помѣряться съ нимъ силой. «Что мнѣ смерть? говорилъ онъ, мнѣ бы вонзить мечъ въ грудь врага, когда онъ будетъ торжествовать!» — На другой годъ Тамерланъ

ввелъ въ Персію 300 тыс. воиновъ. Враги встрѣтились у персидскаго города Шираза. Мансуръ подалъ знакъ къ битвѣ, и самъ первый выскакалъ съ четырьмя тысячами лихихъ наѣздниковъ. Его всадники были одѣты въ желѣзныя латы, желѣзные шлемы, и даже ихъ лошади были покрыты чешуйчатымъ желѣзомъ. Это желѣзное ополченіе врѣзалось въ ряды монголовъ, посѣкая всѣхъ встрѣчныхъ мечами, и пронеслось, какъ ураганъ, сквозь всю ихъ армію. Дерзкіе всадники остановились на холмѣ, оглядѣлись, устроились и снова ринулись — теперь ужъ назадъ, къ своимъ. Однако монголы успѣли повернуться: въ бѣшеной свалкѣ смѣшались тѣ и другіе. Мансуръ, сверкая саблей какъ молніей, замѣтилъ издали Тамерлана, бросился прямо на него и полоснулъ его два раза по золоченому шлему. Ошеломленный полководецъ не успѣлъ даже обнажить оружіе; еще ударъ—и голова его отлетѣла бы прочь, но тутъ бросились къ нему на помощь князья и мурзы; они облѣпили шаха, но тотъ разметалъ ихъ какъ щепу и поскакалъ назадъ. Битву онъ проигралъ — персы, уступая силѣ, очищали поле битвы. Тогда Мансуръ поскакалъ, какъ изступленный, на лѣвое крыло монголовъ, которымъ командовалъ сынъ Тамерлана, Шарокъ. Глаза шаха пылали яростью; его лицо было въ крови, доспѣхи изрублены, каска измята ударами булавы. Онъ чертилъ саблей круги и держалъ прямо на Шарока. Этотъ стоялъ неподвижно и ждалъ. За 20 шаговъ онъ ловко метнулъ копье— Мансуръ зашатался; тогда молодой Шарокъ кинулся впередъ, однимъ взмахомъ снесъ голову шаха и, схвативши ее, поскакалъ къ отцу: «Попирай ногами головы всѣхъ твоихъ враговъ, какъ попираешь теперь голову гордаго Мансура!» — Отецъ въ восторгѣ обнялъ сына, потомъ перецѣловалъ всѣхъ князей. Они поздравили его съ побѣдой и поднесли золотую чашу, наполненную виномъ. Всѣ по очереди испили изъ этой чаши, пока не осталось въ ней ни капли — таковъ былъ обычай праздновать большую побѣду. Почти вся древняя Персидская монархія признала власть Тамерлана. Въ г. Багдадѣ онъ узналъ, что ханъ Тохта снова собираетъ войско. Черезъ Арменію, Грузію и горы Кавказа Тамерланъ нагря-

нулъ на него вторично, чтобы на этотъ разъ предать державу Батыя «губительному вѣтру истребленія». На берегахъ р. Кубани, въ нынѣшней Черноморіи, произошла вторая битва между врагами русской земли. Тохта дрался искусно; онъ успѣлъ уже разбить правое крыло и центръ Тимура, но полководецъ самъ бросился въ сѣчу и своимъ мужествомъ вырвалъ побѣду. Отыскивая слѣды бѣглеца, Тамерланъ проникъ къ верховьямъ Дона и остановился у нынѣшняго Ельца. Бѣдность края не привлекала завоевателя; у него были другія мысли: ему мерещились богатая Индія, Китай, а что могли дать алчности завоевателя эти рубленые городки или плетеныя мазанки, въ которыхъ жилъ русскій крестьянинъ?... Давъ отдыхъ лошадямъ, Тамерланъ повернулъ назадъ, спустился къ зимнимъ кочевьямъ татарской орды, истребилъ всѣ встрѣчные улусы, испепелилъ Азовъ и Астрахань.—И вышло такъ, что этотъ страшный врагъ христіанства помогъ русской христіанской державѣ больше, чѣмъ помогли ей вѣковыя усилія, освободиться отъ тяжелаго рабства. Кипчакская орда навсегда потеряла свою силу.

Между тѣмъ, изъ столицы Персидскаго царства прибыли въ Самаркандъ архитекторы, составили планы дворцовъ и поднесли на выборъ Тамерлану. Онъ взялъ самый затѣйливый и приказалъ приступить къ работѣ. Золото, серебро, мраморъ, слоновая кость, драгоцѣнные камни, причудливая рѣзьба на деревѣ — все было пущено въ ходъ, чтобы сдѣлать дворецъ чудомъ Востока. Здѣсь работали лучшіе мастера, которыхъ монголы имѣли обыкновеніе щадить при взятіи городовъ. И вышелъ дворецъ дѣйствительно затѣйливъ; онъ сталъ еще красивѣе, когда кругомъ его былъ разбитъ садъ, съ бесѣдками, съ павильонами изъ мраморныхъ, покрытыхъ золотомъ, колоннъ. Въ роскошныхъ палатахъ дворца толпились стихотворцы, славившіе подвиги «владыки міра»; расхаживали задумчивые мудрецы, съ которыми любилъ бесѣдовать въ часы досуга Тамерланъ; глядѣли исподлобья звѣздочеты, которые умѣли сказывать по звѣздамъ судьбу человѣка. Всѣ они наперерывъ другъ передъ другомъ расточали похвалы и лесть тому, кто кидалъ имъ горстями золото, швырялъ кусками шелкъ и бархатъ.

Но суровые сподвижники Тамерлана скучали въ этомъ дворцѣ; скучалъ онъ самъ въ царскихъ чертогахъ: призывный звукъ трубы и ржаніе коней ласкали больше его слухъ, чѣмъ длинные докучные стихи. Однажды, когда всѣ были въ сборѣ, Тамерланъ сказалъ: «Мое имя устрашаетъ всю вселенную. Настало время напасть на Индію. Обратимъ въ прахъ все, что будетъ намъ противиться, и пусть Индія признаетъ меня своимъ государемъ».— Никакой походъ не былъ такъ заманчивъ азіяту, какъ походъ на-Индію: бѣднякъ разсчитывалъ обогатиться; богатый надѣялся умножить свои богатства. Подъ знамена Тамерлана стали всѣ народы Средней Азіи, но предводители были только изъ татаръ; изъ нихъ же составлялись болѣе важные отряды; остальнымъ Тамерланъ не довѣрялъ.—Въ 1398 году двинулось разными путями па Индію 200 тыс. конницы и 100 тыс. пѣхоты. По мѣрѣ приближенія къ границамъ сила арміи постепенно возрастала. Въ верховьяхъ Инда и Аму-Дарьи, въ горной странѣ, жилъ воинственный народъ, который мусульмане называли «кяфиры», что̀ значитъ «невѣрные». Тамерланъ, который велъ войну именемъ Пророка, не могъ оставить ихъ въ покоѣ. Для набѣга въ горы былъ составленъ особый отборный отрядъ, въ который вошло по 3 чел. отъ каждаго десятка; самъ Тамерланъ принялъ участіе въ этомъ набѣгѣ. Вмѣстѣ съ солдатами онъ поднялся на снѣжныя высоты Гиндукуша. Былъ іюнь мѣсяцъ; глубокій снѣгъ покрывалъ окрестныя горы. На одномъ изъ трудныхъ подъемовъ татары могли втащить только двухъ лошадей, собственно для полководца. Начали спускаться; вездѣ въ ущельяхъ и по откосамъ сидѣли храбрые кяфиры. Начальники и солдаты спускались прямо по снѣгу, а для Тамерлана сдѣлали плотъ на четырехъ веревкахъ. Особые рабочіе разгребали внизу площадку, а потомъ спускали сверху плотъ; такимъ манеромъ спускали его пять разъ, пока Тамерланъ взялъ палку и пошелъ самъ. Въ это время ему было подъ 60 лѣтъ. Три ночныхъ атаки на горцевъ принудили ихъ просить мира; они обѣщали даже принять мусульманскую вѣру, но на слѣдующій же день напали на одинъ монгольскій отрядъ и почти весь уничтожили. Тогда Тамер-

ланъ приказалъ истребить всѣхъ воиновъ безъ разбора, а женщинъ и дѣтей обратить въ рабовъ. Монголы атаковали смежную высоту, на которой засѣли горцы, и въ точности исполнили приказаніе монарха. Изъ череповъ кяфировъ сложили высокую башню.

Почти одновременно, но съ разныхъ концовъ, три арміи монголовъ проникли въ завѣтную страну. Тамерланъ соблюдалъ здѣсь тѣ же правила, что и вездѣ: если городъ не сопротивлялся, то брали съ него деньги и подарки для раздачи войску; ученые, художники, искусные ремесленники и другіе полезные люди, послѣ ласковаго пріема, отправлялись въ Самаркандъ; правитель города давалъ клятву, что онъ будетъ служить монголамъ вѣрой и правдой. Если жители не сдавались, татары брали городъ силой, грабили добро, а жителей тащили въ неволю; но самая страшная расправа была тѣмъ, которые сдались и потомъ возстали. Эта расправа кончалась пирамидами изъ череповъ, съ надписью на мраморной доскѣ — за что́ именно и сколько побито. — Въ серединѣ декабря всѣ три арміи, направляемыя искусною рукою, сошлись недалеко отъ Дели, столицы Индіи. Самъ Тимуръ съ небольшимъ отрядомъ латниковъ перешелъ рѣчку Джумну и съ высоты императорскаго дворца обозрѣвалъ будущее поле битвы, на которомъ долженъ былъ окончиться его походъ. Затѣмъ онъ собралъ всѣхъ высшихъ военачальниковъ и, по примѣру древнихъ императоровъ, преподалъ имъ главныя правила побѣды. Съ глубокимъ вниманіемъ слушали полководцы мудрыя поученія и поклялись положить свои головы, если это потребуется для славы монарха. Въ тотъ же день доложили Тамерлану, что за войскомъ находится 100 тыс. плѣнныхъ индійцевъ, и что въ случаѣ малѣйшей неудачи подъ стѣнами столицы ихъ присутствіе можетъ оказаться гибельнымъ; нѣкоторые генералы уже замѣчали на ихъ лицахъ радостную улыбку, когда осажденные вышли на вылазку. Тамерланъ долго думалъ, наконецъ отдалъ приказъ, чтобы каждый воинъ, у кого есть плѣнные, умертвилъ ихъ собственноручно; а если онъ не сдѣлаетъ этого, то будетъ умерщвленъ самъ. Въ теченіе часа

жестокое приказаніе было исполнено безпрекословно; докторъ Тамерлана, который въ своей жизни не зарѣзалъ ни одного барана, долженъ былъ убить 15 рабовъ.

1-го января вся армія перешла черезъ Джумну и расположилась на западной сторонѣ города. На зарѣ третьяго дня войска построились къ бою. Правымъ флангомъ командовалъ внукъ Тамерлана, Пиръ-Магомедъ, лѣвымъ — султанъ Гуссейнъ, а арьергардомъ — Мирза-Рустемъ. Самъ Тамерланъ сталъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ центрѣ главныхъ силъ. Индійская армія также выступила изъ города и расположилась для боя подъ начальствомъ своего императора, султана Махмуда; она состояла изъ 10 тыс. конницы, 40 тыс. пѣхоты и множества слоновъ. На спинахъ этихъ животныхъ были навьючены высокія башни, въ которыхъ сидѣли стрѣлки, а въ хоботахъ торчали кинжалы, смазанные смертоноснымъ ядомъ. По бокамъ слоновъ шли люди съ горшками, наполненными горючимъ веществомъ; они же кидали желѣзныя трубки, въ родѣ ракетъ. Появленіе такого войска смутило татаръ; но Тамерланъ еще заранѣе принялъ свои мѣры. Впереди фронта была сдѣлана ограда изъ щитовъ, окованная спереди рвомъ; за щитами поставлены буйволы съ навязанною на рогахъ колючкой. Бывшимъ тутъ монголамъ приказано, какъ только приблизятся слоны, закидывать имъ подъ ноги особые желѣзные крючья, а потомъ зажечь на буйволахъ сухую колючку. — Началось сраженіе. Слоны двинулись подобно живымъ холмамъ; они страшно ревѣли и, поднявъ хобота, сверкавшіе кинжалами, взмахивали направо и налѣво своими огромными клыками. Живая изгородь изъ буйволовъ отхлынула назадъ — войско пришло въ смятеніе. Тамерланъ приказалъ атаковать индійскую пѣхоту. Она была тотчасъ разбита; но къ страшнымъ слонамъ никто не зналъ, какъ подступиться: храбрѣйшіе взлетали на воздухъ и попадали подъ ихъ могучія ступни. Одинъ изъ татарскихъ вождей ловкимъ взмахомъ сабли отрубилъ слону хоботъ; несчастное животное заревѣло отъ боли, сбило башню и попятилось назадъ. Татары сомкнулись кучами у слоновъ и, прикрывъ себя щитами, начали ихъ истреблять тѣмъ же спосо-

бомъ. Слоны давили всадниковъ, рвали ихъ кинжалами, душили хоботами, но кучки удальцовъ росли все больше и больше—каждому хотѣлось сразить хоть одно чудовище. Почти всѣ слоны были перебиты, остатки арміи спаслись въ столицу. Султанъ Махмудъ въ ту же ночь покинулъ городъ, а на другой день надъ главными воротами уже развѣвался бунчукъ Тамерлана. Побѣдитель съ торжествомъ въѣхалъ въ древнюю столицу, украшенную богатыми и причудливыми зданіями. На площади стоялъ великолѣпный тронъ, блиставшій золотомъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями. Сидя на этомъ тронѣ, Тамерланъ принималъ знатнѣйшихъ гражданъ, послѣ которыхъ явилось больше сотни слоновъ, пріученныхъ нарочно къ такимъ торжествамъ. Покрытые узорчатыми попонами, съ золотыми кистями, они также проходили мимо и, поровнявшись съ тропомъ, падали на землю, издавая жалобные стоны.—Такъ какъ богатства города могли легко возбудить алчность татаръ, то Тамерланъ вывелъ всѣ войска и поставилъ стражу у воротъ. Нѣсколько дней прошло спокойно, но, на бѣду, жена Тамерлана выпросила позволеніе осмотрѣть султанскій дворецъ. Съ нею былъ отправленъ конвой въ тысячу человѣкъ. Какъ только отворили ворота, солдаты ворвались въ городъ и начали грабежъ. Индійцы стали защищаться; появились раненые, убитые. Тамерланъ послалъ другой отрядъ прекратить безчинство, но и этотъ отрядъ присоединился къ грабителямъ. Послали третій — то же самое. Мало-по-малу грабежъ принялъ страшные размѣры и продолжался трое сутокъ; никто не могъ его унять, потому что всѣ грабили, всѣ были виновны. Солдаты не знали, куда дѣвать награбленное добро: они навѣшивали на себя и на лошадей рубины, смарагды. жемчугъ, алмазы; кидали въ мѣшки горстями золото и серебро. Говорятъ, будто Тамерланъ велѣлъ нарочно затѣять драку, чтобъ только былъ предлогъ разрушить большой городъ, который онъ боялся оставить въ тылу. Слоны, нагруженные добычей, поволокли ее въ Самаркандъ; войска двинулись дальше, къ берегамъ священнаго Ганга. Здѣсь оказали сопротивленіе только гебры, древнѣйшіе обитатели Индіи. Татары преслѣдовали ихъ съ особенною

ненавистью, какъ язычниковъ. Исходивши берега Ганга и Джелаба, водворивъ мечемъ среди язычниковъ религію пророка, Тамерланъ вышелъ въ степь и объявилъ, что походъ оконченъ. Всѣ участники похода, всѣ индійскіе раджи и чиновники, помогавшіе монголамъ, получили щедрыя награды изъ рукъ самого монарха. Многіе изъ нихъ въ награду за вѣрность получили въ управленіе города или же области. Послѣ великолѣпной охоты, въ которой загонщиками служили нѣсколько тысячъ солдатъ и въ которой били носороговъ какъ свиней, саблями, Тамерландъ уѣхалъ въ Самаркандъ, а войска пошли южными отрогами Гималайскихъ горъ, влача за собой несмѣтную добычу. На длинномъ обратномъ пути Тамерланъ обдумывалъ средства для борьбы съ турецкимъ султаномъ Баязетомъ, славнымъ и опаснымъ соперникомъ по раздѣлу Азіи. Ихъ владѣнія раздѣляла лишь рѣка Евфратъ; оба воинственные и властолюбивые, оба жестокіе — они не могли ужиться въ мирѣ. Къ тому же Баязетъ былъ надменнѣйшій мусульманинъ; разбивши стотысячную христіанскую армію, онъ похвалялся, что скоро будетъ кормить своего коня на престолѣ св. Петра, въ Римѣ. Вражда этихъ двухъ грозныхъ владыкъ шла на пользу христіанъ; благодаря ей, Цареградъ остался во власти христіанъ еще на 50 лѣтъ.

Въ серединѣ лѣта 1402 года обѣ арміи сошлись на равнинѣ у подножія горы Стеллы, въ Малой Азіи, недалеко отъ г. Ангоры. Армія Тимура, какъ всегда, отличалась стройностью, порядкомъ и многочисленностью. Воины обожали своего предводителя и съ нетерпѣніемъ ждали сигнала къ битвѣ. Самъ Тамерланъ, съ 40 конными полками, расположился въ резервѣ; его любимый внукъ, Пиръ-Магомедъ, командовалъ на этотъ разъ центромъ; здѣсь находились отборныя дружины и главное знамя, охраняемое двумя тысячами латниковъ. Турецкіе воины смотрѣли угрюмо на враговъ, заслонившихъ собой, точно черныя тучи, весь горизонтъ. Главная ихъ опора, янычары, стояли въ центрѣ подъ начальствомъ самого султана; фронтъ прикрывали три десятка индійскихъ слоновъ; сынъ султана, Сулейманъ, командовалъ правымъ

крыломъ; лѣвое же крыло составляли сербскія дружины подъ начальствомъ храбраго князя Лазаря. Въ 6 часовъ утра въ рядахъ монголовъ раздались звуки трубъ; тотчасъ забили турецкіе барабаны. Татары прокричали: «Сюрюнъ!» а воины Баязета: «Аллахъ!» Первый ударъ палъ на сербскія дружины: татары ихъ обошли, затопили волнами своей конницы. Послѣ жестокаго боя неустрашимый Лазарь сомкнулъ своихъ латниковъ, пробился къ султану и совѣтовалъ ему отступить, потому что къ тому времени печальный исходъ битвы уже обозначился: часть праваго фланга безъ боя перешла на сторону враговъ. Гордый Баязетъ съ гнѣвомъ отвергъ предложеніе Лазаря и остался среди янычаръ; его сына, Сулеймана, увезли силою въ г. Бруссу; отступленіе остатковъ праваго крыла прикрылъ тотъ же Лазарь, а резервъ бѣжалъ въ горы. Янычары дрались съ остервенѣніемъ: ни сила татаръ, ни знойное солнце и жестокая жажда не могли сломить ихъ мужества: они дрались до вечера и почти всѣ погибли. Ночью Баязетъ бѣжалъ, но былъ пойманъ и представленъ Тимуру, вмѣстѣ съ сыномъ Музою и знатнѣйшими пашами. Тимуръ оказалъ великодушіе, достойное государя. Онъ принялъ ласково Баязета, хотя при видѣ его засмѣялся и сказалъ: «Тебѣ, кривому уроду, и мнѣ, хромому бѣдняку, тѣсно стало жить на землѣ!»

Возвратившись въ Самаркандъ, Тамерланъ уже обдумывалъ завоеваніе Китая, гдѣ господствовали потомки Чингисъ-хана; но тяжкая болѣзнь и смерть избавили народы отъ новыхъ испытаній. Умирая, онъ сказалъ окружавшимъ его ложе дѣтямъ и ближайшимъ друзьямъ: «Не кричите, не рвите своихъ одеждъ, а лучше молитесь Богу, чтобы далъ радость душѣ моей. Умираю съ отрадой, что я никогда не позволялъ сильному утѣснять слабаго. Служите моему наслѣднику вѣрно, живите между собой согласно, чтобы въ мірѣ не было безпорядка и не пропали бы мои многолѣтніе труды».— 2-го мая 1868 г., черезъ 464 года послѣ его смерти, русскіе солдаты безъ выстрѣла заняли бывшую столицу «владыки міра».

ОСАДА И ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Вскорѣ послѣ разгрома Золотой орды великимъ Тамерланомъ часть ея засѣла въ Казани, а другая овладѣла Крымомъ. Обѣ орды, казанская и крымская, стояли другъ за друга; одна помогала другой, и почти сто лѣтъ прошло въ походахъ русскихъ подъ Казань. Этотъ злой сосѣдъ стоялъ Москвѣ поперекъ пути; онъ заграждалъ ей Волгу, Каму, мѣшалъ разселенію, торговлѣ, а что еще важнѣе — раздвоялъ ея силы въ борьбѣ съ Литвой. Впрочемъ, между казанскими мурзами всегда находились благопріятели Москвы, и если эти мурзы брали верхъ, то на Казанское царство садился царемъ ставленникъ Москвы; если же одолѣвали друзья Крыма, то ставили себѣ царемъ злѣйшаго врага русской земли. Таковъ былъ, напримѣръ, казанскій царь Сафа-Гирей. Тогда Казань донекала Русь «хуже Батыева разоренья; Батый только одинъ разъ прошелъ русскую землю, словно горящая головня, а казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, жгли, убивали и таскали людей въ неволю». Съ плѣнниками обходились безчеловѣчно: выкалывали имъ глаза, обрѣ-

зывали уши, носы, обрубали руки или ноги, вѣшали за ребра на желѣзныхъ гвоздяхъ. Толпы русскихъ плѣнниковъ продавались на базарахъ, какъ продается теперь скотъ; ихъ скупали хивинскіе купцы. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, по примѣру своего отца и дѣда, продолжалъ добывать Казанское царство. Въ 1550 г. онъ приказалъ заложить городокъ Свіяжскъ на нагорной сторонѣ Волги, среди чувашей. Близость русскаго городка смирила казанцевъ и заставила ихъ принять къ себѣ царемъ Шигъ-Алея, благопріятеля Москвѣ. Въ ту пору было освобождено изъ неволи до 60 тыс. русскихъ людей. Казанцы думали, что русскій царь велитъ послѣ этого снести Свіяжскъ и возвратитъ нагорный берегъ, но въ Москвѣ было не въ обычаѣ поступаться тѣмъ, что разъ уже взято. Казанцы остались недовольны, не слушали царя Шигъ-Алея, такъ что послѣдній вынужденъ былъ ихъ покинуть, забравши съ собой стрѣльцовъ и знатнѣйшихъ мурзъ. Тогда казанцы согласились, чтобы у нихъ сидѣлъ царскій намѣстникъ, русскій воевода. Послали имъ намѣстника. Когда Семенъ Микулинскій подъѣхалъ къ городу, татары заперли ворота и не пустили русскихъ: «Ступайте, дураки, сказали они, въ свою Русь, напрасно не трудитесь; мы вамъ не сдадимся; мы и Свіяжскъ отымемъ. Ступайте, дураки!» — Всѣ прежніе враги въ Казани помирились на томъ, чтобы воевать и послали за помощью къ ногайцамъ. Оттуда прибылъ царевичъ Едигеръ съ 10-ю тыс. ногайцевъ. Вся Казанская земля стала вооружаться, даже измѣнили чуваши. Муллы распалили въ мусульманахъ ненависть къ христіанамъ, воскресили погасавшія доблести временъ Чингиса и Батыя.

По совѣту думныхъ людей царь Иванъ Васильевичъ порѣшилъ теперь покончить съ мятежною Казанью, при чемъ пожелалъ самъ принять участіе въ походѣ. Ратные люди получили приказаніе собираться въ Коломну и Каширу, изъ дальнихъ мѣстъ — подъ Муромъ и Рязань.

Ратнымъ силамъ Московскаго государства далъ устройство дѣдъ Ивана Васильевича Грознаго, также Иванъ Васильевичъ, первый единодержавный государь. Мы видѣли, что Дмитрію Ивановичу

Донскому удалось собрать большую рать, но главную ея силу составляли дружины князей, которыя выходили на войну по своей охотѣ. Рязанскій князь не захотѣлъ биться съ татарами и не пошелъ. Иванъ Васильевичъ, мудрѣйшій изъ московскихъ князей, началъ строеніе русской земли тѣмъ, что притянулъ къ Москвѣ ближайшія къ ней земли — Тверскую, часть Рязанской и земли

Ратникъ и воевода.

Великаго Новгорода. Потомки князей, лишенныхъ удѣловъ, бояре и дворяне охотно шли въ Москву на службу Государю. Онъ ихъ принималъ также охотно, раздавалъ имъ помѣстья, но съ условіемъ, что каждый дворянинъ, получившій помѣстье, долженъ выходить на войну не только самъ, а съ извѣстнымъ числомъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ. Такимъ образомъ было положено начало служилаго класса, отъ котораго произошло наше дворянство.

Раздачу помѣстій продолжали сынъ и внукъ Ивана Васильевича, отчего ратныя силы Московскаго государства постепенно умножались; наконецъ они дошли до 300 тыс. Такого войска не могло выставить въ то время ни одно изъ государствъ Европы. Лучшимъ и главнымъ войскомъ была конница. Наши ратники выѣзжали въ поле на татарскихъ лошаденкахъ, пѣгой масти и такихъ шустрыхъ, что онѣ могли скакать безъ остановки по 7 или 8 часовъ. Сидя на высокихъ татарскихъ сѣдлахъ, всадники умѣли въ одно и то же время править конемъ, управляться лукомъ, саблей, плетью, а иногда и пикой. Дворяне надѣвали кольчатое или досчатое металлическое вооруженіе; голову покрывали шлемомъ или металлической шапкой; спереди прикрывали себя круглымъ небольшимъ щитомъ. Воеводы выѣзжали въ полномъ доспѣхѣ—съ ба́рмицами, прикрывавшими плечи, на́ручами, рукавицами, наколѣнниками, поножами,—и все это было у нихъ насѣчено золотомъ, изукрашено драгоцѣнными камнями. Царскія конныя дружины и стрѣльцы были одѣты одинаково, въ кафтаны; прочіе одѣвались по своимъ достаткамъ. До Ивана Васильевича Грознаго русская пѣхота мало чѣмъ отличалась отъ пахарей; но этотъ Государь учредилъ постоянную пѣхоту, подъ названіемъ стрѣльцовъ. Въ мирное время они держали стражу; во время же войны употреблялись при осадѣ и защитѣ городовъ. Стрѣльцы получили пищали, или самопалы, и, кромѣ того, сабли и бердыши; спереди, на берендейкѣ, перекинутой черезъ лѣвое плечо, у нихъ висѣли заряды, рогъ съ порохомъ, фитиль и всякая хозяйственная мелочь. Кромѣ конницы и пѣхоты, въ войскахъ того времени числился «нарядъ»: такъ называли тогда артиллерію. Ее составляли орудія разной величины: «затинныя пищали», самыя большія; «гафуницы», поменьше, и «можжиры», въ родѣ теперешнихъ мортиръ. Прислугу у орудій называли «пушкарями». По числу орудій нашъ «нарядъ» былъ довольно великъ. Такъ, подъ Казанью находилось полтораста пищалей, кромѣ малыхъ полковыхъ орудій, стоявшихъ у царскихъ шатровъ. Расположеніе войскъ для боя и самый способъ дѣйствій напоминалъ военные обычаи татаръ. Конница строилась впереди

пѣхоты; она же и начинала бой. Подъ звуки трубъ и сурнъ, на которыхъ играли не переводя духъ, подъ удары въ бубны и набаты, съ дикимъ, оглушающимъ крикомъ, русскіе всадники смѣло и порывисто кидались на непріятеля. Они метали на всемъ скаку копья, пускали стрѣлы, старались сломить однимъ ударомъ. Но эта запальчивость продолжалась недолго; если непріятель выдерживалъ натискъ, то конница обыкновенно приходила въ безпорядокъ и укрывалась за пѣхоту, которая принимала тогда тяжесть боя на себя. Пѣхота сражалась стойко, храбро, но побѣда почти всегда зависѣла отъ перваго удара. Русскіе воеводы не умѣли, что называется, возстановить бой, т. е. поправить дѣло.—Вмѣстѣ съ войной войска́ того времени вносили въ страну разореніе. Хотя служилые люди и запасались изъ дому провизіей—пшеномъ, солониной, толокномъ, но эти запасы истощались скоро; приходилось жить грабежемъ. Зачастую воеводы кормили бѣдняковъ, голодавшихъ по нѣсколько сутокъ, Бога-ради. Истощеніе запасовъ заставляло ратныхъ людей разбѣгаться по домамъ прежде чѣмъ кончится война. Если припомнить бѣдность и малолюдность страны, безпутицу, безкормицу, то слѣдуетъ думать, что походы того времени были очень тяжелы, что ратные люди довольствовались самой скудной пищей, проводили дни и почи, лѣто и зиму подъ открытымъ небомъ, безъ всякихъ шатровъ или бараковъ, претерпѣвали холодъ, голодъ и жажду. При всемъ томъ, русскіе ратники отличались неутомимостью въ трудахъ, мужествомъ, терпѣніемъ въ нуждѣ; нападали они пылко, храбро; оборонялись стойко и умирали, не прося пощады. Какъ дѣдъ Иванъ Васильевичъ, такъ и его внукъ старались всѣми средствами водворить въ войскахъ порядокъ, дисциплину, что, конечно, было дѣломъ труднымъ среди служилаго класса; особенно трудно оказывалось ладить съ мѣстничествомъ. Родовитые бояре и князья спорили изъ-за мѣстъ, не желая подчиняться тому, чей родъ былъ ниже. Эти споры не прекращались даже въ виду непріятеля. За провинность карали лишеніемъ боярскаго сана, помѣстій, опалой или немилостью царской; простыхъ ратниковъ — торговою или даже смертной казнью. А за ратныя

заслуги награждали такъ же щедро, какъ и теперь: повышеніемъ въ боярство, золотыми медалями съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца или же Государева лица, кораблениками, шубами, кафтанами, доспѣхами, оружіемъ, серебряною утварью и прибавкой помѣстій.— Таковы были ратныя силы юнаго Московскаго государства, съ которыми оно выступило на завоеваніе татарскаго царства.

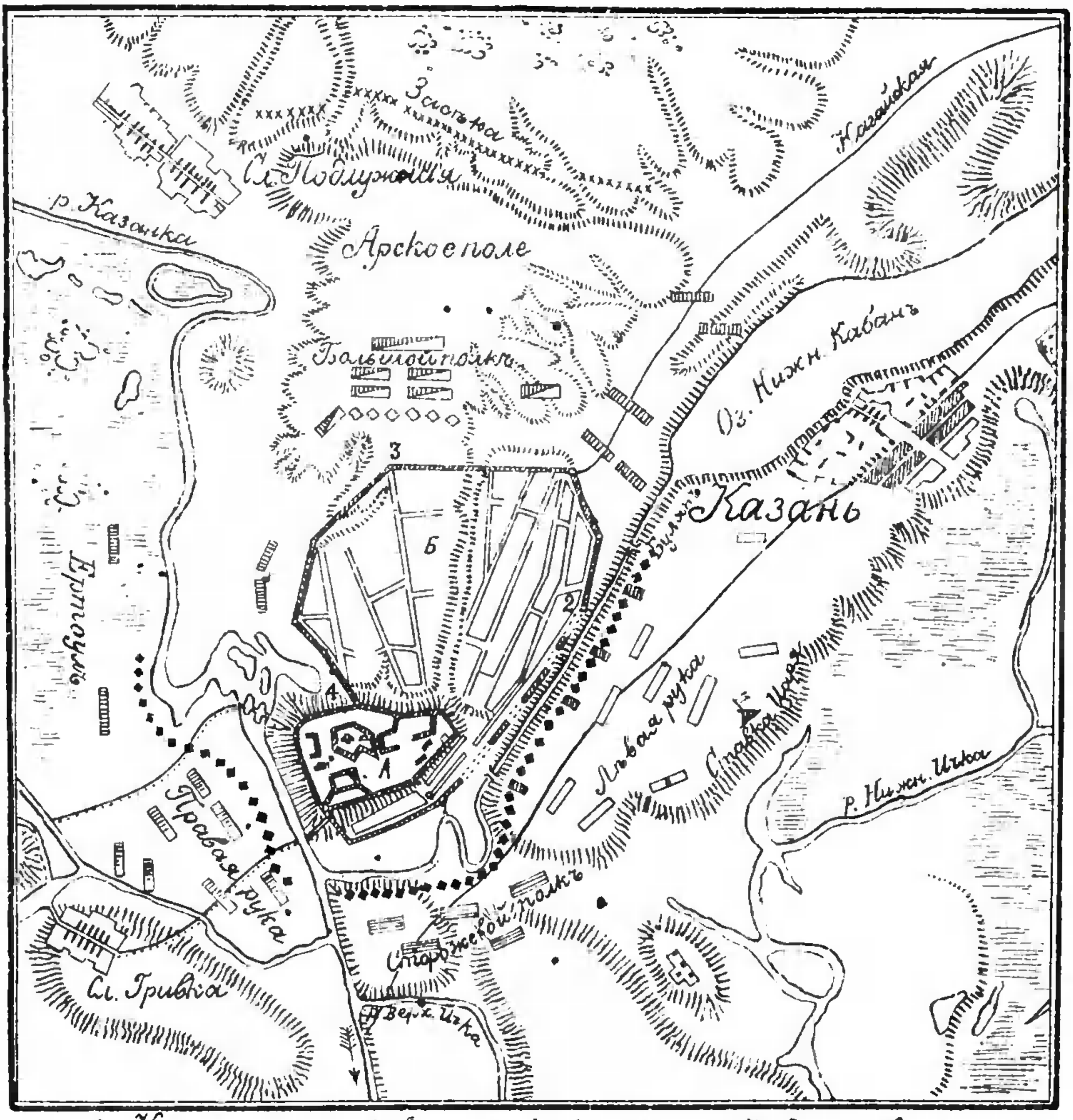
Начальный человѣкъ и простой стрѣлецъ.

16 іюня 1552 года царь оставилъ столицу. Войско двинулось подъ Казань разными путями: самъ царь шелъ на Владиміръ и Муромъ; Большой полкъ и полкъ Правой руки—на Рязань и Мещеру; Михаилу Глинскому приказано стать на берегахъ Камы, а боярину Морозову везти Волгою нарядъ. Со всѣхъ сторонъ сходились войска; ихъ вели мужи брани и совѣта: князь Владиміръ Андреевичъ, князья Турунтай, Пронскій, Хилковъ, Мстиславскій,

Воротынскій, Щенятевъ, Курбскій, Микулинскій, Владиміръ Воротынскій; бояре: Плещеевъ, Серебряный и братья Шереметевы. Во главѣ всѣхъ ратныхъ силъ находился самъ царь, еще молодой, но осторожный и разсудительный, исполненный ратнаго духа. Онъ осматривалъ по пути ратниковъ, лошадей, оружіе, росписывалъ дворянъ по сотнямъ и назначалъ имъ сотниковъ, приказывалъ наводить мосты, чинить гати. Всякую помѣху царь принималъ близко къ сердцу. Когда новгородцы били челомъ, что они за долгою службой не могутъ больше оставаться при войскѣ, то Государю была немалая скорбь отъ этого челобитья. Онъ приказалъ переписать служилыхъ людей и оповѣстить, что тѣхъ, кто хочетъ идти, Государь пожалуетъ и будетъ подъ Казанью кормить, а кому нельзя идти, тотъ пусть остается. Услыхавъ царскій отвѣтъ, всѣ сказали въ одинъ голосъ: «Готовы идти съ Государемъ. Онъ нашъ промышленникъ и здѣсь, и тамъ: промыслитъ нами, какъ ему Богъ извѣститъ».—Русскіе люди, подвигаясь къ Казани, вступили въ новый для нихъ край, полный приволья: въ густыхъ и темныхъ лѣсахъ водилось множество птицы, звѣря и меду; дикій лось самъ шелъ на убой; луга и поля были покрыты сочной травой, полноводныя рѣки кишѣли рыбой. Черемисы и мордва спѣшили встрѣтить Царя, поднося ему отъ даровъ своей богатой земли—хлѣбъ, мясо и медъ. Послѣ Успенія полки начали переправляться на луговую сторону, и хотя шли проливные дожди, дороги размыло водой, но войска подвигались бодро, перенося всѣ трудности дальняго похода.

19 августа все войско, силою въ полтораста тысячъ, расположилось въ виду Казани, на луговой сторонѣ. На другой день перебѣжалъ оттуда мурза Камай и сказалъ, что казанцы хотятъ биться на смерть, скорѣе погибнутъ, чѣмъ покорятся; что въ Казани сидитъ 30 тыс., готовыхъ къ бою, большіе запасы съѣстного, и что ногайскій князь Япанча послалъ въ Арскую Засѣку поднять противъ русскихъ весь народъ. Таковы были первыя свѣдѣнія, полученныя изъ вѣрныхъ рукъ. — Казань слыла сильной отъ природы. Верстъ за 7 отъ Волги, вверхъ по рѣчкѣ

План осады г. Казани в 1552 г.



А, Крѣпость.
Б, Городъ.

1. Аталыковы ворота.
2. Царскія ворота.
3. Арскія ворота.
4. Елбугины.

Казанкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ эту рѣчку тинистый Булакъ, находится высокая и крутая возвышенность, съ полъверсты въ длину и саженъ полтораста въ ширину. Въ этомъ-то углу и стояла крѣпость, нынѣшній Кремль. Она была обнесена деревянными стѣнами, съ деревянными же башнями, окопана рвомъ и имѣла 12 воротъ; по серединѣ крѣпости шелъ оврагъ, прикрывавшій большія каменныя зданія царева двора и мусульманскія мечети. Дальше, къ востоку, на плоской возвышенности стоялъ самый городъ, также обнесенный деревянными стѣнами съ башнями, а еще дальше—Арское поле, въ одну квадратную версту, съ обрывами по обѣ стороны; съ третьей стороны примыкалъ къ нему густой лѣсъ. Все это видно на планѣ. Подступы къ Казани были трудны; мѣстность кругомъ болотистая, покрытая кустарниками, лѣсомъ. Переправившись черезъ Казанку, русскіе расположились вокругъ города такимъ порядкомъ: Большой полкъ — тыломъ къ Арскому полю и лѣсу, лицомъ—къ городу; полкъ Правой руки—правѣе, за Казанкой, противъ самой крѣпости; полкъ Лѣвой руки—напротивъ его, за Булакомъ. Тутъ же разбили и царскую ставку. Еще не успѣли войска занять своихъ мѣстъ, какъ татары сдѣлали вылазку въ то самое время, когда Передовой полкъ подымался на Арское поле. Князья Пронскій и Львовъ послѣ жаркаго боя прогнали ихъ въ городъ. Какъ вышелъ царь на лугъ противъ Казани, то велѣлъ развернуть свое знамя, съ изображеніемъ нерукотвореннаго образа. Послѣ молебна царь позвалъ князя Владиміра Андреевича, бояръ, воеводъ, ратныхъ людей своего полка и говорилъ имъ: «Приспѣло время нашему подвигу. Потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію, православныхъ христіанъ, переносящихъ долгій плѣнъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ казанцевъ. Я съ вами самъ пришелъ. О, лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ, претерпѣвающихъ муки! Если милосердый Богъ подастъ намъ Свою помощь, то я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ, а кому случится

до смерти пострадать, радъ я женъ и дѣтей ихъ вѣчно жаловать».— Князь Владиміръ Андреевичъ отвѣчалъ отъ лица прочихъ: «Видимъ тебя, Государь, тверда въ истинномъ законѣ. и потому всѣ мы должны единодушно помереть. Дерзай, Царь, на дѣла, за которыми пришелъ! Да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просяй пріемлетъ и толкущему отверзется». Тогда Царь, взглянувъ на образъ Іисуса, громко сказалъ: «Владыко, о Твоемъ имени движемся!» — Послѣ этого приступили къ осадѣ.

На другой же день приключилась бѣда: страшная буря съ дождемъ и градомъ сломала всѣ шатры, въ томъ числѣ и царскій; на Волгѣ погибло много судовъ съ запасами. Это несчастіе смутило ратныхъ людей, но Царь не упалъ духомъ: онъ велѣлъ двинуть новые запасы изъ Свіяжска; велѣлъ объявить, чтобы каждому было вѣдомо, что онъ не отойдетъ отъ Казани, хотя бы пришлось подъ ней зимовать. Днемъ и ночью неутомимый Царь ѣздилъ кругомъ города, осматривалъ осадныя работы, указывалъ, какъ ихъ вести, ободрялъ и жаловалъ ратныхъ людей. Подъ прикрытіемъ пищальниковъ и казаковъ были поставлены первые туры *) за 50 саж. отъ городской стѣны; боярин Морозовъ прикатилъ къ турамъ большія пушки, и съ того времени пальба изъ пушекъ не утихала до конца осады. Казанцы дѣлали ежедневныя вылазки, запальчивыя, отчаянныя: они хватались за туры, лѣзли прямо на смерть, но ихъ всегда почти съ успѣхомъ отгоняли прочь. На вылазкахъ войска другъ другу помогали, при чемъ сохранялся большой порядокъ: шли только тѣ, кому назначено. Въ прежнихъ осадахъ было иначе. — Между тѣмъ князь Янанча ударилъ на станъ Передового полка сзади, изъ Арскаго лѣса. Хотя воеводы успѣли дружнымъ натискомъ отбить Янанчу, однако онъ съ этой поры не давалъ покоя. Какъ только подымется на высокой городской башнѣ большое татарское знамя, онъ сейчасъ кидается изъ лѣсу, а казанцы лѣзутъ спереди; съ обѣихъ сторонъ нажимаютъ на русскихъ. На праздникъ Усѣкновенія поставили туры и со сто-

*) Турами называются круглыя плетенки, въ родѣ корзинъ, но безъ дна. Они также видны на планѣ.

роны Казанки; теперь весь городъ былъ окруженъ: въ сухихъ мѣстахъ турами, въ низкихъ и сырыхъ — плетнемъ. Все-таки осада становилась тягостной; русское войско истомилось отъ осадныхъ работъ, отъ безпрестанныхъ вылазокъ и нападеній Япанчи. День проходилъ въ трудахъ, ночь—на сторожѣ; некогда было отдохнуть, подкрѣпиться пищей. Чтобы облегчить осаду, отдѣлили часть войскъ для дѣйствій противъ ногайцевъ: 15 тыс. пѣхоты и 30 тыс. конницы. На Александра Невскаго выступилъ противъ нихъ храбрый воевода князь Горбатый-Шуйскій съ княземъ Серебрянымъ. Главныя силы Шуйскій расположилъ въ засадѣ, а небольшой отрядъ выслалъ къ лѣсу, чтобы выманить ногайцевъ. Дѣйствительно, Япанча вышелъ изъ лѣсу, погнался и попалъ въ засаду. Тутъ его охватили со всѣхъ сторонъ, порядочно избили и втоптали въ лѣсъ. По возвращеніи Шуйскаго, Царь послалъ въ Казань грамоты, приглашая татаръ къ сдачѣ, иначе грозился перебить всѣхъ плѣнныхъ. Отвѣта не было: плѣнныхъ казнили въ виду города. На другой день Государь призвалъ размысла, — такъ называли тогда шженеровъ,—и приказалъ ему сдѣлать два подкопа: одинъ подъ тайникъ, у р. Казанки, гдѣ былъ ключъ, снабжавшій водой, а другой — подъ Арскія ворота. День и ночь работали русскіе подъ надзоромъ размысла, вкатили подъ тайникъ 11 бочекъ пороху, и 4-го сентября тайникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и часть стѣны взлетѣли на воздухъ. Много казанцевъ въ этотъ разъ погибло отъ взорванныхъ бревенъ и камней. Осажденные упали духомъ; они должны были теперь пить гнилую воду, отчего между ними пошелъ моръ. Многіе мурзы хотѣли-было просить мира, но другіе, болѣе упорные, а также ихъ муллы, ни за что не соглашались. Осада продолжалась.

Между тѣмъ, князь Горбатый-Шуйскій послѣ кровопролитнаго боя взялъ въ Арскомъ лѣсу сильно укрѣпленный острогъ, который стоялъ на крутой горѣ, между болотъ, и служилъ складомъ всякаго добра, а также продовольственныхъ и военныхъ запасовъ. Все это досталось русскимъ. Управившись здѣсь, Шуйскій пошелъ къ Арскому городку, землей, обильною садами, хлѣбомъ,

скотомъ; на каждомъ шагу попадались лѣтніе дома казанскихъ мурзъ. Жители городка разбѣжались, и Горбатый повернулъ назадъ другой дорогой; онъ исходилъ Арскую землю вплоть до самой Камы. Черезъ 10 дней отрядъ вернулся подъ Казань съ богатой добычей; сюда гнали множество скота, барановъ, везли на подводахъ муку, пшено, овощь. Кромѣ того этотъ распорядительный воевода вернулъ много русскихъ плѣнныхъ. Порадовалъ Царя поступокъ Горбатаго. Въ то же время дьякъ Выродковъ построилъ башню въ 6 саж. вышиной. Ночью ее подкатили на каткахъ къ городской стѣнѣ, противъ Царскихъ воротъ; втащили туда 60 пушекъ, а съ разсвѣтомъ открыли пальбу въ городъ, попадая сверху; пушкари громили зданія, пищальники били защитниковъ. Казанцы искали спасенія въ ямахъ; многіе прятались подъ тарасами, насыпанными землей, что однако не мѣшало имъ драться на стѣнахъ и отваживаться на вылазки. Особенно бдительно они берегли свой ровъ — широкій и глубокій, 7 саж. въ глубину. Князь Михаилъ Воротынскій успѣлъ придвинуть туры противъ Арской башни и Царевыхъ воротъ. Тутъ казанцы бились отчаянно. Однажды ратники ушли обѣдать, оставивъ за турами небольшую стражу; 10 тыс. татаръ напали на туры, стражу перебили и могли бы сильно напортить, не явись на выручку съ разныхъ сторонъ воеводы. Дружнымъ ударомъ, хотя съ большой потерей, они вогнали ихъ въ городъ. Послѣ этой вылазки много ратныхъ людей осталось на турахъ; самъ Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и уцѣлѣлъ только потому, что надѣлъ крѣпкій доспѣхъ.

Прошло пять недѣль осады; наступала осень, и русскіе люди съ нетерпѣніемъ ждали конца. Не смотря на голодъ, на жажду, на убыль защитниковъ, казанцы продолжали отбиваться такъ же храбро, такъ же неутомимо, какъ въ первые дни осады. Царь, замѣтивъ, что они укрываются отъ огня подъ тарасами, приказалъ ихъ взорвать. Наканунѣ Покрова тарасы были взорваны. Казанцы оцѣпенѣли и долго оставались въ бездѣйствіи. Тогда наши воеводы придвинули туры къ самымъ воротамъ — Арскимъ, Царевымъ и Аталыковымъ. Казанцы опомнились, бросились на вы-

лазку, и въ присутствіи Царя загорѣлся бой у самыхъ стѣнъ, у воротъ. Бились въ рукопашную, палили изъ пищалей, рубились чѣмъ попало. Наконецъ наши осилили: на плечахъ татаръ ворвались въ городъ, въ то время какъ другіе успѣли вскочить въ башню и, засѣвши въ ней, открыли огонь вдоль улицъ. Воротынскій послалъ уже просить Царя, чтобы двинулъ всѣ полки, но Иванъ Васильевичъ боялся повредить поспѣхомъ и отдалъ приказъ отойти. Башня осталась за стрѣльцами; ворота, мосты и стѣны воеводы зажгли. Татары всю ночь ставили противъ этихъ мѣстъ срубы, засыпая ихъ землей. На другой день—это былъ праздникъ Покрова—воеводы палили изъ пушекъ ядрами и камнями до тѣхъ поръ, пока сбили городскую стѣну до основанія; въ этотъ же день заполнили рвы бревнами, землей, а гдѣ нельзя было это сдѣлать, приготовили мосты. На 2-е октября, въ воскресенье, объявили всѣмъ ратнымъ людямъ, чтобы приготовились «пить общую чашу крови» и чтобы каждый воинъ «очистилъ себѣ душу», что̀ означало предстоящій приступъ.

По этому случаю всѣ пути къ Казани были заняты отдѣльными отрядами, чтобы преградить бѣглецамъ дорогу. Въ первой линіи назначено идти казакамъ съ ихъ головами и полкамъ боярскихъ дворовыхъ людей. Въ такихъ полкахъ считалось по 5 тыс. конныхъ людей, да при нихъ по тысячѣ стрѣльцовъ съ пищалями и по 800 казаковъ съ луками и рогатинами; пѣшимъ катить передъ собой щиты на каткахъ или на колесахъ. Во второй линіи идти воеводамъ съ главными силами и наступать каждому противъ указанныхъ воротъ, а въ третьей линіи, для поддержки второй, идти царской дружинѣ и находиться запаснымъ воеводамъ. Царь Иванъ Васильевичъ, прежде чѣмъ начать кровопролитіе, послалъ въ городъ мурзу Камая пригласить казанцевъ бить челомъ Государю, при чемъ выдать главныхъ измѣнниковъ. Казанцы отвѣчали единогласно: «Не бьемъ челомъ! На стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего! Мы другую стѣну поставимъ и всѣ помремъ или отсидимся».

Наступила ночь. Царь, побывши въ тайной бесѣдѣ съ духов-

никомъ, началъ вооружаться. Когда Воротынскій доложилъ, что порохъ подложенъ и мѣшкать нельзя, Царь послалъ оповѣстить полки, а самъ пошелъ къ заутренѣ. Отслушавъ заутреню, Иванъ Васильевичъ велѣлъ «наволочить» на древко великое царское знамя. Наверху этого знамени былъ водруженъ животворный крестъ, осѣнявшій русскія рати въ Куликовской битвѣ. Какъ только развернулось великое знамя, то во всѣхъ полкахъ тотчасъ были распущены свои знамена; подъ звуки набатовъ и сурнъ войска стали расходиться по своимъ мѣстамъ. Царская дружина также ушла, а самъ Государь пошелъ въ церковь слушать обѣдню. Только-что дьяконъ закончилъ чтеніе Евангелія словами: «И будетъ едино стадо и единъ пастырь!» — какъ въ это мгновеніе раздался оглушительный взрывъ. Царь вышелъ изъ церкви и увидѣлъ, какъ взлетѣли Арскія ворота, часть стѣны, а съ нею—бревна, люди... Когда же дьяконъ молился о Царѣ и произнесъ слова: «и покорити подъ нози его всякаго врага и супостата», послышался второй взрывъ, еще болѣе ужасный. Тогда русскіе люди, воскликнувъ «Съ нами Богъ!» пошли на приступъ. Казанцы встрѣтили ихъ крикомъ: «Магометъ! Всѣ помремъ за юртъ!»—Безтрепетно стояли татары на обломкахъ стѣны, презирая смерть. Они кидали въ русскихъ бревна, стрѣляли изъ луковъ, крошили саблями, обливали кипящимъ варомъ. Много нашихъ тутъ свалилось, но смѣлые лѣзли впередъ, увлекая робкихъ. Одни кинулись въ проломъ; другіе карабкались на стѣны по лѣстницамъ и бревнамъ; третьи несли другъ друга на плечахъ, подсаживая вверхъ. Царь все время молился. Уже два вѣстника прибѣжали его звать: «Государь! надо подкрѣпить войско!» Иванъ Васильевичъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ святой воды и, съѣвши кусочекъ просфоры, попросилъ благословенія: «Простите меня и благословите пострадать за православіе. Помогайте намъ молитвой!» — Затѣмъ онъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку. Когда Царь подъѣхалъ, на стѣнахъ ужъ развѣвались русскія знамена. Казанцы рѣзались на ножахъ въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ. Наши взобрались на крыши и стали бить ихъ сверху, отчего та-

тары сразу подались, очистивши улицы. Но въ эту рѣшительную минуту русскіе ратники чуть было не погубили дѣла. Многіе «корыстовники» бросились грабить дома, таскали добычу въ лагерь, снова возвращались и снова нагружались. Передовые бойцы изнемогали, а помощи не было—сзади сумятица, грабежъ. Казанцы, замѣтивши это, перешли въ наступленіе, смяли русскихъ; среди послѣднихъ раздались крики: «сѣкутъ! сѣкутъ!» Бѣглецы усѣяли дорогу. Царь, стоявшій неподалеку со своей дружиной, былъ пораженъ постыднымъ бѣгствомъ; одну минуту онъ подумалъ, что все кончено. По его приказанію, половина царской дружины сошла съ коней; къ ней пристали сѣдые, степенные бояре, отроки, окружавшіе Царя, и всѣ вмѣстѣ двинулись къ воротамъ. Въ своихъ блестящихъ доспѣхахъ, въ свѣтлыхъ шлемахъ, царская дружина врубилась въ ряды казанцевъ; царь Едигеръ быстро отошелъ къ оврагу, потомъ къ ханскому дворцу. Въ обширныхъ и каменныхъ палатахъ дворца татары защищались еще долго, часа полтора; въ то же время, въ одной изъ древнихъ мечетей, стоявшей рядомъ съ дворцомъ, бились на-смерть абáзы, знатнаго рода Магомета, и муллы, подъ предводительствомъ великаго эмира Кулшерифа. Въ послѣднемъ священномъ бою, съ именемъ пророка на устахъ, всѣ они пали до единаго. Между тѣмъ, выбитые изъ ханскаго дворца казанцы бросились въ нижній городъ, къ Елбугинымъ воротамъ, что̀ выходили на Казанку; но тутъ ихъ встрѣтили полки Андрея Курбскаго. По трупамъ своихъ, лежавшихъ въ уровень со стѣной, казанцы взобрались на башню, откуда стали говорить: «Пока стоялъ юртъ и царскій престолъ, мы бились до смерти за царя и юртъ. Теперь отдаемъ вамъ царя живого и здороваго. А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу!» — Выдавши царя, татары бросились прямо со стѣнъ на берегъ Казанки и, поснимавши доспѣхи, побрели черезъ рѣку. Воеводы перехватили имъ дорогу: почти всѣ они, тысячъ до шести, погибли въ рукопашной свалкѣ. Въ городѣ не осталось ни одного защитника,— лишь женщины да дѣти. Князь Воротынскій прислалъ сказать царю: «Радуйся, благочестивый самодержецъ! Казань — наша, ея

царь въ плѣну; народъ истребленъ. Что́ прикажешь дѣлать?» — «Славить Всевышняго!» отвѣтилъ царь. Онъ приказалъ тутъ же, подъ великимъ знаменемъ, служить молебенъ, а потомъ собственноручно водрузилъ крестъ, на мѣстѣ котораго была въ этотъ же день срублена церковь Нерукотвореннаго Спаса. Владиміръ Андреевичъ, бояре, воеводы и всѣ ратные чины поздравили Царя съ

Въѣздъ Царя Ивана Васильевича въ Казань.

побѣдой. Онъ имъ отвѣчалъ: «Богъ совершилъ это твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвой; буди воля Господня!» — Когда очистили отъ мертвыхъ тѣлъ одну изъ улицъ, Царь торжественно проѣхалъ по ней къ ханскому дворцу; впереди его ѣхали воеводы и дворяне; сзади князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-

Алей. Толпы русскихъ плѣнниковъ встрѣчали Царя, обливаясь слезами: «Избавитель ты нашъ! Изъ ада насъ вывелъ; для насъ, своихъ сиротъ, головы не пощадилъ!» — Царь приказалъ отвести ихъ къ себѣ въ станъ, накормить, а потомъ разослать по домамъ. Всѣ сокровища Казани, кромѣ плѣннаго царя, пушекъ и царскихъ знаменъ, Иванъ Васильевичъ приказалъ отдать ратнымъ людямъ, равно плѣнныхъ женъ и дѣтей.

На третій день Государь въѣзжалъ въ Казань вторично. На этотъ разъ было выбрано среди города приличное мѣсто, на которомъ заложена церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; послѣ молебна освятили воду и съ пѣснопѣніемъ обошли кругомъ по городской стѣнѣ. Память объ этомъ событіи чтится и понынѣ въ православной Казани. Вообще, ни одно событіе въ древней Руси не было такъ велико, такъ радостно, какъ этотъ подвигъ юнаго Царя и его мудрыхъ сподвижниковъ. Подъ Москвой сотни тысячъ человѣкъ вышли на встрѣчу Царю, славя его подвигъ: «Многія лѣта Царю благочестивому, побѣдителю нехристей, избавителю христіанскому!» У Срѣтенскаго монастыря ждалъ митрополитъ съ крестами. Принявъ благословеніе, Царь благодарилъ его: «А тебѣ, отцу моему и богомольцу, и всему освященному собору, вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы много челомъ бьемъ». Тутъ Царь и всѣ, кто съ нимъ былъ, поклонились въ землю; въ свою очередь и духовенство пало на землю, благодарило Царя и все войско.

Начиная съ праздника Архангела Михаила, три дня подрядъ были столы у Царя; три дня изъ царской казны раздавали дары, начиная съ митрополита и кончая послѣднимъ ратникомъ; на 48 тыс. рублей было роздано лишь деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами и конями. И ратные люди все то заслужили своими трудами, храбростью, искусствомъ. Подъ Казанью было показано искусство, удивительное для того времени, особенно по разумному употребленію артиллеріи и подкоповъ.

УКРАИНСКІЕ КАЗАКИ.

Черезъ сто лѣтъ послѣ завоеванія Руси монголами часть земель, а именно бывшія княжества Кіевское, Волынское, Черниговское и Новгородъ-Сѣверское отошли подъ власть литовскихъ государей, первое время сильныхъ и воинственныхъ. Русскимъ людямъ подъ властію Литвы жилось хорошо, потому что литовцы, бывшіе язычники и дикари, принимали русскіе обычаи, крестились въ православную вѣру, творили судъ и расправу на языкѣ русскомъ, подати брали небольшія, посильныя. Подъ ихъ властью край сталъ заселяться; возникли опять села, города; начался промыселъ и торгъ,—все пошло по старому, какъ было до татаръ. Такъ прошло безъ малаго сто лѣтъ, и не надо бы лучше, не случись вотъ что: одинъ изъ литовскихъ князей, по имени Ягайло, тотъ самый, который держалъ сторону татаръ, женился на польской королевнѣ, Ядвигѣ. Этотъ бракъ принесъ обоимъ народамъ несчастье. Польша была совершенно шляхетское государство: шляхта, или польское дворянство, издавала законы, имѣла право строить крѣпости, лить пушки, вла-

дѣть холопами, казнить смертью. Шляхтичи не только выбирали королемъ кого хотѣли, но и выбранному-то могли сопротивляться не только на словахъ, но и на дѣлѣ, т.-е. съ оружіемъ въ рукахъ. Польскіе короли стали награждать литовскихъ и русскихъ людей правами шляхетства, особенно тѣхъ, которые принимали въ угожденіе панамъ или же ксендзамъ католическую вѣру. Такимъ образомъ Литва, а за ней и Русь стали понемногу ополячиваться; потомки русскихъ князей и бояръ измѣнили вѣрѣ отцовъ, научились говорить по-польски, приняли обычаи польской шляхты. Но простой народъ не поступился ничѣмъ и, живя по старому, этимъ самымъ отшатнулся отъ своихъ прежнихъ бояръ. Между прочимъ, защита пограничнаго края лежала на немъ; вольныя дружины отбивались отъ набѣговъ татаръ, промышляли на берегахъ Дона, Днѣпра, заходили на Волгу, пробирались въ моря — то ради добычи, то ради славы. Такія дружины получили названіе казацкихъ, а воины назывались казаками, что̀ значило: «вольный человѣкъ», «воякa». — Такое же названіе носили лихіе наѣздники у татаръ. Предводителями казацкихъ дружинъ были гетманы, которыхъ назначали польскіе короли: одного въ Литву, а другого въ Украйну, или южную Русь.

Подвиги казаковъ становятся памятными со временъ гетмановъ Пшеслава Ляндцкоронскаго и князя Дмитрія Вишневецкаго, въ началѣ XVI вѣка. Къ этой же порѣ нужно отнести и устройство запорожской Сѣчи. Другъ и пріятель казацкаго гетмана Ляндцкоронскаго, по имени Стефанъ Дашкевичъ, прослышавъ о военномъ братствѣ, снустился за пороги, гдѣ сразу полюбился и былъ избранъ кошевымъ атаманомъ. Дашкевичъ, какъ человѣкъ искусный въ ратномъ дѣлѣ, храбрый, бдительный, умѣлый, ввелъ между запорожцами строгую дисциплину, снабдилъ каждаго оружіемъ, подѣлилъ ихъ на полки и сотни, завелъ правильный дѣлежъ добычи и свободный выборъ атамановъ, а что̀ главное, вдохнулъ въ нихъ тотъ рыцарскій духъ, который они, какъ увидимъ дальше, сохранили до конца. Обѣ казацкія дружины — запорожская и украинская — подъ начальствомъ доблестныхъ вождей, уже въ ту ран-

нюю пору прославили казацкое имя. Такъ, украинскій гетманъ Ляндцкоронскій съ запорожцами Дашкевича громили татарскую орду по берегамъ Чернаго моря, сожгли Очаковъ, опустошили Крымъ. Князь Дмитрій Вишневецкій, другой казацкій гетманъ, славился не только своимъ мужествомъ, но и мудрымъ правленіемъ; онъ строилъ на Украйнѣ города, за́мки, наблюдалъ въ судахъ справедливость, заселялъ опустошенный татарами край, поддерживалъ торговлю, промыселъ. Это было время, когда Польша еще уважала русскихъ людей, щедро награждая ихъ заслуги на пользу всего государства. Сдавши гетманство князю Евстафію Рожинскому, Вишневецкій подался къ запорожцамъ; устроилъ на островѣ Кодакѣ крѣпость, въ которой отсидѣлся отъ татаръ, а потомъ перешелъ на службу въ Москву, къ Царю Ивану Васильевичу. Во время крымскихъ походовъ онъ какъ-то попалъ въ плѣнъ, и турецкій султанъ приказалъ повѣсить его на крюкъ. И повисъ, захваченный за ребро, сѣдой русскій богатырь! Не смотря на страшныя муки, онъ славилъ Христа, проклиная въ то же время Магомета. Какой-то турокъ, проходя мимо, услышалъ эти проклятія и прикончилъ страдальца. Разсказывали, что турки вырѣзали его сердце, подѣлили и съѣли, въ надеждѣ прослыть такими же богатырями, какимъ былъ Вишневецкій.

Гетманъ Рожинскій далъ казацкому войску новое устройство. Онъ раздѣлилъ его на 20 полковъ, каждый въ 2 тыс. человѣкъ. Эти полки получили названіе отъ городовъ Украйны: Кіевскій, Каневскій, Черкасскій, Лубенскій и т. д.; полки раздѣлилъ на сотни, которымъ далъ названія мѣстечекъ. Казаки сами выбирали своихъ сотниковъ, полковниковъ и всю казацкую старшину, какъ-то: войскового есаула, судью, писаря, скарбничаго, или казначея. Записанные въ списки, или реестры, казаки стали называться реестровыми, въ отличіе отъ прочихъ. Половина ихъ была конная, половина пѣшая; та берегла границы, а эта стояла по городамъ, въ родѣ гарнизона. Одежду и вооруженіе каждый казакъ имѣлъ изъ дому, но во время походовъ казаки получали жалованье изъ войсковой скарбницы: простой казакъ — одинъ дукатъ въ годъ и

на 2 года кожухъ; сотники — вдвое больше; полковники и вся старшина — вчетверо больше. Строй оставленъ прежній, казацкій: въ атаку они ходили «лавой», т.-е. въ одну шеренгу; для встрѣчи— «батовались», укладывали лошадей по-парно, въ 2 шеренги; вмѣсто карре—становились въ треугольникъ. — Въ 1516 г. напалъ на Польшу крымскій ханъ. При встрѣчѣ крымцы окружили съ трехъ сторонъ казацкій таборъ, крѣпко сбитый изъ возовъ, осыпали его стрѣлами и съ гикомъ понеслись въ атаку. Дружнымъ залпомъ изъ пищалей встрѣтили казаки дикую атаку крымцевъ, сидя за возами. Татары отхлынули, подобрали мертвыхъ, вторично устроились и повторили атаку. Мѣткій огонь еще разъ пронизалъ ихъ ряды—опять татары разсыпались. Рожинскій далъ приказъ, чтобы ни одинъ казакъ подъ страхомъ смерти не вздумалъ пускаться въ погоню. Къ ночи татары широко раскинули свой станъ, расположившись на ночлегъ. Передъ самымъ разсвѣтомъ гетманъ тихо выступилъ изъ табора. Татары спали; возлѣ каждаго всадника стоялъ, привязанный къ нему, его степной конь. Десятокъ спущенныхъ ракетъ перепугалъ коней; они бросились въ разсыпную, потащили сонныхъ всадниковъ, а тутъ ударили казаки и разнесли татарскую орду. Весь ея богатый обозъ достался имъ въ награду. — Многіе поляки, прослышавъ о казацкой храбрости, о ихъ повседневной готовности воевать съ невѣрными, записывали себя или своихъ дѣтей на службу въ казацкіе полки; они считали за честь носить казацкое имя. И въ странахъ сосѣднихъ прошла о нихъ добрая слава. Молдавскій господарь Иванъ прислалъ къ гетману Свирговскому, преемнику Рожинскаго, просить помощи противъ турокъ. Въ такомъ дѣлѣ отказа не могло быть: по веснѣ 1574 г. Свирговскій выступилъ въ Молдавію съ небольшимъ отрядомъ, въ полторы тысячи казаковъ. Самъ господарь съ отборной конницей, съ боярами выѣхалъ на-встрѣчу гетману; въ молдавскомъ обозѣ палили въ знакъ радости изъ пушекъ. Послѣ знатнаго угощенія казацкимъ старшинамъ поднесли серебряныя миски, полныя червонцевъ, при чемъ было сказано: «Послѣ дальняго пути вамъ нужны деньги на баню». На это казаки отвѣчали: «Мы пришли къ вамъ,

волохи, не за деньгами, не для жалованья, а единственно для того, чтобъ доказать вамъ нашу доблесть и сразиться съ невѣрными, когда къ тому будетъ случай». Съ трудомъ молдаване уговорили ихъ взять деньги. На другой день въ шатрѣ господаря происходилъ совѣтъ. Со слезами на глазахъ Иванъ благодарилъ казаковъ за ихъ помощь: «Хотя васъ, други мои, и немного, говорилъ онъ, но одинъ вашъ видъ такъ ободрилъ меня, какъ будто васъ пришло 20 тысячъ! Сами можете уразумѣть, какъ мое сердце лежитъ къ вамъ; а что намъ пошлетъ Господь Богъ, то все раздѣлимъ съ вами пополамъ».—На это гетманъ отвѣчалъ: «Не станемъ толковать о платѣ; плату мы считаемъ послѣднимъ дѣломъ. Желаемъ сразиться съ коварнымъ и свирѣпымъ врагомъ христіанства. Намъ не страшны силы турокъ; съ Божіей помощью мы смѣло двинемся на нихъ, лишь бы выручить твои владѣнія». — Веселымъ пиромъ скрѣпилась эта дружба.

Медленно, малыми переходами, подвигались турки къ берегамъ Дуная. Ихъ велъ старикъ Капудъ-паша, твердо помнившій приказъ своего повелителя—разметать христіанское войско, а мятежнаго господаря доставить въ Стамбулъ живьемъ. Его владѣнія уже были обѣщаны валахскому господарю, который посулилъ платить двойной харачъ, если султанъ отдастъ ему Молдавію.

Грозная вѣсть дошла наконецъ до союзниковъ, стоявшихъ тогда подъ Браиловымъ. Иванъ отобралъ 12 тыс. лучшихъ воиновъ и поручилъ ихъ своему старому другу баркалабу, по-нашему коменданту, Іереміи Чарнавичу, на обязанность котораго возложилъ наблюдать теченіе Дуная. На прощанье господарь поцѣловалъ баркалаба, а тотъ сталъ на колѣни и поклялся въ вѣрности.

Прибывши къ Дунаю, Чарнавичъ увидѣлъ на другомъ берегу огромную армію, безъ малаго 200 тыс., со множествомъ пушекъ. Нѣсколько разъ турки пытались начать переправу, но вездѣ встрѣчалъ ихъ бдительный и храбрый баркалабъ. Тогда паши послали Чарнавичу 30 тыс. цехиновъ, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ его къ себѣ, на тайный разговоръ. Баркалабъ соблазнился, продалъ присягу. Онъ снялъ сторожевые посты, притворно

отступилъ, а когда турки перешли Дунай отправился къ Ивану, чтобъ навести его на гибель. Бѣдный господарь повѣрилъ, что турокъ не болѣе 10 или 15 тыс., не сообразивъ того, какъ это баркалабъ, имѣя самъ 12 тыс. лучшихъ воиновъ, допустилъ ихъ переправиться. Казаки первые замѣтили, что здѣсь что-то неладно. Они говорили: «Волохи часто продаютъ свою землю; они по природѣ измѣнчивы, а Іеремія совсѣмъ ненадеженъ. Какъ онъ не сдержалъ турокъ? Это намъ удивительно»!—Потолковавши между собой, они пошли къ господарю. «Удивляемся и тебѣ, Иванъ, какъ ты хочешь принять битву, не вѣдая ни силъ, ни намѣренія турокъ? Мы готовы биться за тебя, однако не хотимъ попасть въ засаду, какъ стадо овецъ!»—Господарь увѣрялъ ихъ, что баркалабъ Чарнавичъ самый преданный ему другъ, и что теперь, прикрывая таборъ, онъ первый встрѣтитъ турокъ, при чемъ развѣдаетъ ихъ силы. Однако казаки сами пожелали идти на развѣдку. Иванъ далъ гетману 6 тыс. конныхъ молдаванъ. Этотъ небольшой отрядъ наткнулся на турецкихъ спаговъ, отборную ихъ конницу. Послѣ жаркой схватки казакамъ удалось захватить лишь одного спага, да и то пришибленнаго. Онъ успѣлъ только сказать: «Насъ немного», и померъ. Казаки хотя и догадались, что онъ солгалъ, но господарь по прежнему стоялъ на своемъ: «Нечего бояться, говорилъ онъ, я знаю кому вѣрить!»—Союзники уставили обозъ надъ озеромъ, недалеко отъ Дуная. Хотя пѣхоты считалось у нихъ до 30 тыс., но это было не войско, а просто поселяне, плохо обученные, плохо вооруженные; 13 тыс. конницы находилось у Чарнавича. Господарь разставилъ свою пѣхоту въ обозѣ, фронтъ ея прикрылъ каменными пушками; казаки стали отдѣльно. Устроивши таборъ, Иванъ поднялся на одну изъ ближайшихъ высотъ и увидалъ передъ собою огромную турецкую армію. У него замеръ духъ: измѣна баркалаба стала очевидна. Онъ крикнулъ, чтобы къ нему позвали Іеремію, но посланные вернулись и передали, что Іеремія не можетъ явиться: онъ идетъ въ битву за своего господаря. Дѣйствительно, на глазахъ Ивана, его конница двинулась впередъ; послѣ перваго же удара знамена опустились,

мечи и копья брошены, шлемы сняты, обнаженныя головы опущены... Вѣрно измѣнникъ такъ ловко подвелъ, что они попали въ западню. Между тѣмъ, въ обозѣ раздались крики, что все пропало, что надо бѣжать. Съ трудомъ унялъ ихъ храбрый господарь, и началась битва: грянули молдаванскія пушки, но только били не турокъ, а своихъ же измѣнниковъ. Турки, шибко наступая, прикрыли свой длинный фронтъ бѣдными волохами. Всѣ они полегли передъ своимъ же обозомъ. Свирговскій съ казаками ударилъ на турокъ съ боку: они повернули назадъ, но сразу очень круто; опытный гетманъ удержалъ казаковъ отъ преслѣдованія Турки опять перешли въ наступленіе и приблизились къ обозу. Пыль и дымъ закрывали клубами солнце; нельзя было слышать человѣческаго голоса; пушкари не знали, куда имъ стрѣлять. Иванъ громко подавалъ команду: его лихой аргамакъ носился стрѣлой по всему обозу; можно было надѣяться, что турки будутъ отбиты. Вдругъ небо заволокло тучами, загудѣла буря, и вслѣдъ за нею прошелъ сильный ливень. Дѣло христіанъ пропало. Дождь подмочилъ порохъ: пушки перестали стрѣлять. Турки густыми толпами врѣзались въ ряды молдаванъ, и молдаване побѣжали. Казаки храбро погибали въ неравной битвѣ: ихъ пало до тысячи; остальные сошли съ коней и принялись за пушки; нѣсколько десятковъ успѣли стащить, а одну, которую не могли сдвинуть 12 человѣкъ, стащилъ самъ господарь. Прочія пушки забили порохомъ и, смѣшавшись съ толпой, въ страшной давкѣ, стали отступать. Къ вечеру молдаване заняли пепелище обгорѣлой деревни; ихъ оставалось еще около 20 тыс. Господарь приказалъ окопаться, но унустилъ изъ виду, что здѣсь не было ни капли воды. На другой день турки заняли окрестныя высоты; за ними разливалось какъ море зарево пожаровъ: это горѣли сосѣднія села. Прошло три дня нестерпимой муки: воды ни капли, хлѣба ни крошки! Турки прислали сказать, что если молдаване сдадутся, то имъ будетъ оказана пощада. Господарь самъ видѣлъ, что гибель отряда неизбѣжна: немного раньше или немного позже, а конецъ все тотъ же. Онъ потребовалъ отъ турокъ, чтобы казакамъ

дали свободный пропускъ на родину, чтобы молдаванамъ не дѣлали насилій, а его, господаря, отвезли на судъ самого султана Селима. «И пусть, прибавилъ Иванъ, ваши паши семикратно подтвердятъ нрисягою мои условія». Паши приняли условія и семь разъ поклялись въ присутствіи молдаванскихъ пословъ. Затѣмъ они приблизились къ обозу и приглашали господаря выйти. Онъ въ это время прощался съ казаками, раздавая имъ золото, свои драгоцѣнности, даже оружіе: «Возьмите ихъ, вѣрные товарищи, въ награду за вашу любовь. Вѣчно сохраню въ своемъ сердцѣ благодарность, въ чемъ клянусь Творцомъ-Богомъ, Которому васъ поручаю». Раздавши все, что имѣлъ, господарь отправился въ турецкій лагерь. Его привели къ Капудъ-пашѣ. Во время разговора господарь не выдержалъ и обругалъ Капудъ-пашу. Тотъ ударилъ его мечемъ, а янычары отрубили ему голову. Свирѣпые турки мочили въ крови господаря свои сабли и давали лизать ее лошадямъ. Они думали, что черезъ это сами получатъ силу и мужество Ивана, а ихъ лошади — его бодрость и живость; кости пошли на оправу оружія.—Покончивши съ Иваномъ, турки бросились на беззащитныхъ молдаванъ и сѣкли ихъ, какъ капусту. Увидя предательство, казаки хотѣли укрыться въ окопахъ, но окопы были уже заняты; тогда они стали въ тѣсный треугольникъ. Съ удивленіемъ глядѣли турки на этихъ людей, пришедшихъ издалека подать помощь единовѣрцамъ; но жалость имъ была невѣдома: мало помедливши, они вытащили ятаганы. Рванулись-было казаки впередъ и, скрестивъ сабли,—подались назадъ; снова рванулись — тутъ ихъ искрошили, затоптали, сдавили самого гетмана и вынесли его на плечахъ, живьемъ, съ 12 казаками. Прочіе всѣ погибли. Турки ласкали плѣнныхъ, обѣщая имъ почетъ, большія деньги, если они согласятся надѣть турецкую чалму и славить пророка. «Лучше мы подохнемъ, какъ собаки, лучше мы пойдемъ въ цѣпяхъ въ неволю, чѣмъ погубимъ свои души!» отвѣтили казаки. — «Пожалуй, въ цѣлой Польшѣ нѣтъ такихъ рыцарей, какъ вы?» спросили турки. «Нѣтъ, мы самые послѣдніе: между своими намъ нѣтъ мѣста, иначе мы бъ тутъ не были»...

Когда печальная вѣсть дошла до Украйны, пѣвцы сложили про своего гетмана пѣсню. Въ этой жалобной пѣснѣ вся Украйна съ тоскою вопрошаетъ: «Куда же вы подѣвали нашего гетмана?» — Ни вѣтры буйные, ни кречеты-птицы, ни орлы встрѣчные не могли дать на это отвѣта, и только жаворонки, кружась въ воздухѣ, отвѣчали:

„Въ глубокой могилѣ,
„Близъ города Киліи,
„На турецкой линіи“...

Свирговскаго замѣнилъ Ѳедоръ Богданъ. Казаки называли его попросту «Богданкомъ». Это былъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ вождей, подвиги котораго напоминаютъ подвиги древнихъ богатырей. По приказанію короля Стефана Баторія, казаки пустились въ Крымъ. Пять тысячъ запорожцевъ, подъ начальствомъ есаула Нечая, вышли на чайкахъ въ море и, поджидая Богданка, заперли гавани Кафы и Козлова; онъ шелъ туда же черезъ стень. Узнавши о приближеніи крымскаго хана Девлетъ-Гирея, казаки построились къ бою, имѣя обозъ по срединѣ, на флангахъ артиллерію. Встрѣченная мѣткими залпами, орда скрылась. Тогда казаки пошли на Перекопъ, взяли его, заняли Кафу и хотѣли идти на Бахчисарай, какъ тутъ явились съ богатыми подарками ханскіе послы и умолили взять миръ. Всѣ христіанскіе плѣнники получили свободу; Богданко съ честью, со славой вернулся въ Украйну. Только-что окончилась эта война, какъ началась другая, съ турками. Опять 3 тыс. запорожцевъ вышли въ море; Богданко пошелъ на Донъ, гдѣ немного отдохнулъ и двинулся дальше, на Кубань. Послѣ небольшихъ стычекъ съ горскими народами, казаки проникли черезъ кавказскія горы въ Арменію и Анатолію, сожгли предмѣстья Трапезонта и, опустошивъ весь азіятскій берегъ, приблизились къ проливу, противъ Цареграда. Отсюда они переправились въ европейскую Турцію, высадились гдѣ-то въ Болгаріи и попали на Килію. Она была взята штурмомъ; всѣ турки и армяне перебиты, городъ разрушенъ до основанія — это въ отместку за пораженіе Свирговскаго. Обогнувши Азовское и Черное моря, приведя въ трепетъ

окрестные народы, Богданко благополучно вернулся въ Украйну. Его подвиги и доблести Нечая также были воспѣты народными нѣвцами, или бандуристами.

Хотя король Стефанъ Баторій и наградилъ Богданка знаками гетманскаго достоинства, прославши ему бунчукъ, булаву, печать и знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла, однакоже задумалъ привести казаковъ въ послушаніе, а число ихъ уменьшить. Вмѣсто прежнихъ 20 полковъ онъ оставилъ только 6; особые чиновники получили наказъ бдительно слѣдить, чтобы поселяне не переходили самовольно въ казаки. Однако, ни самъ Богданко, ни его преемники—гетманъ Подкова, Шахъ и другіе—нимало не думали подчиняться новымъ порядкамъ: нападали на турокъ, когда вздумается, принимали въ казаки всѣхъ охотниковъ. Украинскій народъ только въ казачествѣ и спасался отъ тяжкой панщины, отъ большихъ поборовъ. Онъ привыкъ видѣть въ казачествѣ защиту старыхъ вольностей, защиту православной вѣры; особенно дорого ему стало казачество, когда на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ Третій. Въ горделивой кичливости этотъ король считалъ себя единственнымъ защитникомъ римско-католической церкви; при немъ іезуиты вершили всѣ дѣла и ловко съумѣли разжечь въ немъ ненависть къ православнымъ, которыхъ называли «схизматиками». Отцы-іезуиты задумали такъ-называемую унію, или соединеніе церквей—православной съ католической. И была она придумана собственно для простого народа; іезуиты надѣялись, что русское дворянство прямо перейдетъ въ католичество. Отчасти такъ и случилось: лѣтъ черезъ 30 дворяне уже стыдились считаться православными; но народъ, не смотря на принужденія, не хотѣлъ подчиниться папѣ. Тогда іезуиты воздвигли гоненіе на православную церковь. Въ городахъ запретили выбирать православныхъ людей на разныя должности, запретили имъ торговать, записываться въ цехи; священникамъ не позволяли хоронить съ соблюденіемъ всѣхъ церковныхъ обрядовъ и посѣщать больныхъ со св. дарами. Буйныя толпы католиковъ, съ благословенія іезуитовъ, врывались въ церкви, въ монастыри, нападали на крестные ходы, при чемъ побивали

камнями монаховъ и священниковъ, разносили церковную утварь, богослужебныя книги. Въ Кіевѣ, искони православномъ городѣ, большая часть церквей была обращена въ уніатскія, въ томъ числѣ св. Софія и Выдубицкій монастырь; Михайловскій монастырь долго оставался въ запустѣніи. Іезуиты подстрекали католиковъ, чтобы они оговаривали ложно православныхъ, будто тѣ хулили ихъ вѣру. Такихъ оговоренныхъ заключали въ оковы, кидали въ тюрьмы, пытали и, продержавши нѣсколько лѣтъ въ заключеніи, лишали имущества и чести. Церковныя богатства были захвачены іезуитами; священники и монахи скитались, какъ бездомники. Скоро жиды смекнули, что тутъ имъ будетъ пожива. Вмѣстѣ съ панскою землею и со всѣми угодьями, они стали брать на откупъ и православные храмы; церковные ключи держали у себя и за всякую требу, за каждое богослуженіе брали по таксѣ. При всякомъ удобномъ случаѣ арендаторъ чванился, насмѣхался, надругался... Если священникъ, не снося нищеты, покидалъ свой приходъ, его приписывали къ уніатской церкви, а священная утварь, одежды—переходили къ жиду. Іезуиты думали, что мѣрами насилія они скорѣе всего заставятъ православныхъ перейти въ унію. Можетъ быть, такъ бы и случилось, не будъ казаковъ. По временамъ, когда появлялся безтрепетный вождь, казаки подымались какъ одинъ человѣкъ. Эти возстанія не всегда были удачны; часто они кончались печально: гетманъ несъ голову на плаху, старшину четвертовали; простыхъ казаковъ и хло́повъ, которые имъ помогали, забивали палками или же вѣшали на перекресткахъ, а не то рѣзали носы, уши. Но эти казни ожесточали православныхъ еще больше; они пріучили себя страдать молча, затая ненависть,—и копилась эта ненависть не годы, а десятки, сотню лѣтъ. Во время возстанія Богдана Хмельницкаго она сразу вылилась бурнымъ потокомъ, поглотившимъ правыхъ и виновныхъ.

ЗАЩИТА ТРОИЦКО-СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ.

На Руси была пора, которую называютъ «смутнымъ» временемъ. И носитъ она такое названіе потому, что это была пора безначалія: истинными хозяевами земли явились бродячія шайки ляховъ, казаковъ и своихъ измѣнниковъ, приставшихъ къ нимъ ради наживы и своеволія. Со смертью Царя Ивана Васильевича Грознаго и его сына Ѳедора Ивановича древній царскій родъ пресѣкся; послѣ нихъ на престолѣ сидѣли то русскіе бояре, то самозванцы, которые величали себя именемъ покойнаго царевича Дмитрія, скончавшагося въ дѣтствѣ. Одно время случилось такъ, что въ Москвѣ сидѣлъ одинъ царь, по имени Василій Ивановичъ, а подъ Москвой жилъ въ станѣ другой, подъ именемъ Дмитрія; и русскіе люди не знали, кто изъ нихъ настоящій царь и котораго слѣдуетъ слушать. Бояре, которые сами поставили царемъ Василія Ивановича Шуйскаго, служили тому, кто больше награждалъ: поживутъ въ Москвѣ, перейдутъ къ самозванцу, опять вернутся въ Москву, и подъ конецъ смуты такъ измалодушествовались, что отъ нихъ нельзя было ждать спасенія русской землѣ.

На этотъ разъ оно пришло изъ городовъ, поднявшихся на защиту православной вѣры, за водвореніе порядка, за возстановленіе царской власти въ ея прежней силѣ. Первые подали голосъ духовные пастыри русской земли, изъ коихъ одинъ, а именно патріархъ Гермогенъ, отдалъ за это дѣло свою жизнь: его уморили голодомъ; другой, по имени Авраамій Палицынъ, былъ келаремъ Троицкой Лавры. Вотъ его-то обитель подала примѣръ доблестной защиты и съумѣла отстоять свои сокровища отъ варварскаго расхищенія. Это было въ 1608 году.

Троицкій монастырь стоитъ посреди горъ, овраговъ и окруженъ каменной стѣной, въ три сажени толщины, въ четыре вышины; въ этой стѣнѣ подѣланы двуярусныя камеры со сводами и бойницами, чтобы можно было обстрѣливать подошву рва; по угламъ и по серединѣ ограды стояло 8 башенъ съ бойницами; кругомъ всей стѣны опоясывалъ глубокій ровъ и съ двухъ сторонъ протекала рѣчка Кончура съ тремя прудами*). Кромѣ главнаго монастыря, на юго-восточной сторонѣ стоитъ отдѣльно малый монастырь, или «Подольный». Въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, въ самый разгаръ смуты, иноки и небольшое войско, засѣвши въ этихъ стѣнахъ, зорко берегли свою обитель; далеко во всѣ стороны вокругъ монастыря не было отъ нихъ ни прохода, ни проѣзда воровскимъ шайкамъ. Гонца ли пошлютъ ляхи—монастырскіе слуги поймаютъ, грамоту отнимутъ; шайка ли бредетъ безпечно на промыселъ—ратные люди накроютъ ее въ темномъ лѣсу, разобьютъ, а плѣнныхъ приведутъ въ обитель и поставятъ на работу; хлѣба ли мало въ Москвѣ, денегъ ли просятъ—изъ обители везутъ туда и хлѣбъ, и деньги.—«Доколѣ мы будемъ терпѣть это воронье гнѣздо?» спросили ляхи у тушинскаго царька. «Пусть повелитъ твое благородіе смирить ихъ, а если добромъ не покорятся, такъ мы ихъ разнесемъ!» — Царекъ согласился, и 23 сентября подошла къ монастырю по Московской дорогѣ ватага въ 30 тыс. разнаго сброда, подъ начальствомъ

---

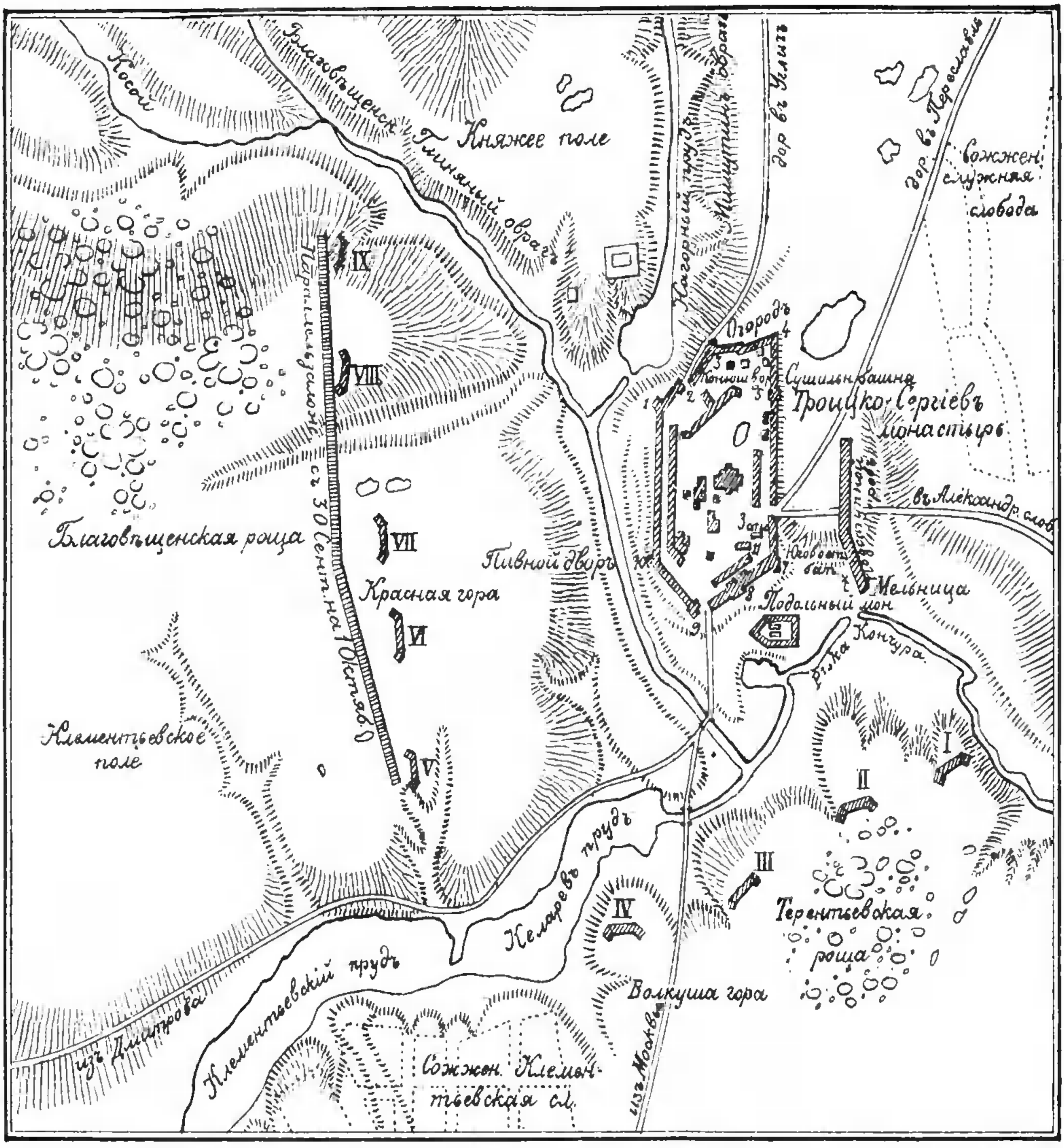
*) См. Планъ осады Троицко-Сергіева монастыря.

гетмана Сапѣги и лихого польскаго наѣздника пана Лисовскаго Монастырь издавна славился своимъ богатствомъ: было въ немъ много серебра, золота, драгоцѣнностей, большіе запасы хлѣба и овса; ратными людьми правили воеводы князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастый: оба знали свое дѣло хорошо. Какъ только воеводы завидѣли приближеніе враговъ, вышли имъ на-встрѣчу и выдержали бой; имъ надо было выгадать время, пока жители монастырскихъ слободъ переберутся въ обитель и сожгутъ свои дома; затѣмъ, сдѣлавши свое дѣло, воеводы отступили. Народу накопилось въ обители больше, чѣмъ она могла вмѣстить. Еще при первой вѣсти о намѣреніи ляховъ, жители окрестныхъ селеній искали надежнаго убѣжища въ крѣпкихъ монастырскихъ стѣнахъ; добрый архимандритъ Іоасафъ никому не дѣлалъ отказа; собственно же ратныхъ людей было немного: кромѣ нѣсколькихъ десятковъ иноковъ да служилыхъ людей, знавшихъ ратное дѣло, прочую силу составляли поселяне, вовсе необученые, къ бою непривычные. И такихъ-то защитниковъ набралось не больше 3 тысячъ. Ихъ раздѣлили на два разряда: одинъ для службы внутренней, другой—для вылазокъ или для помощи въ разныхъ мѣстахъ ограды; первыхъ подчинили особымъ головамъ изъ иноковъ или дворянъ, и разсчитали, кому гдѣ стоять—вдоль стѣнъ, на башняхъ, у воротъ или же подошвенныхъ бойницъ. Каждой сотнѣ указали свое мѣсто. Когда всѣ распоряженія были кончены, то воеводы, а равно всѣ чиновные и простые ратники, собравшись къ гробу чудотворца, цѣловали крестъ на томъ, чтобы всѣмъ дружно стоять за святыню и до послѣдней капли крови охранять ее отъ поруганія иновѣрцевъ.

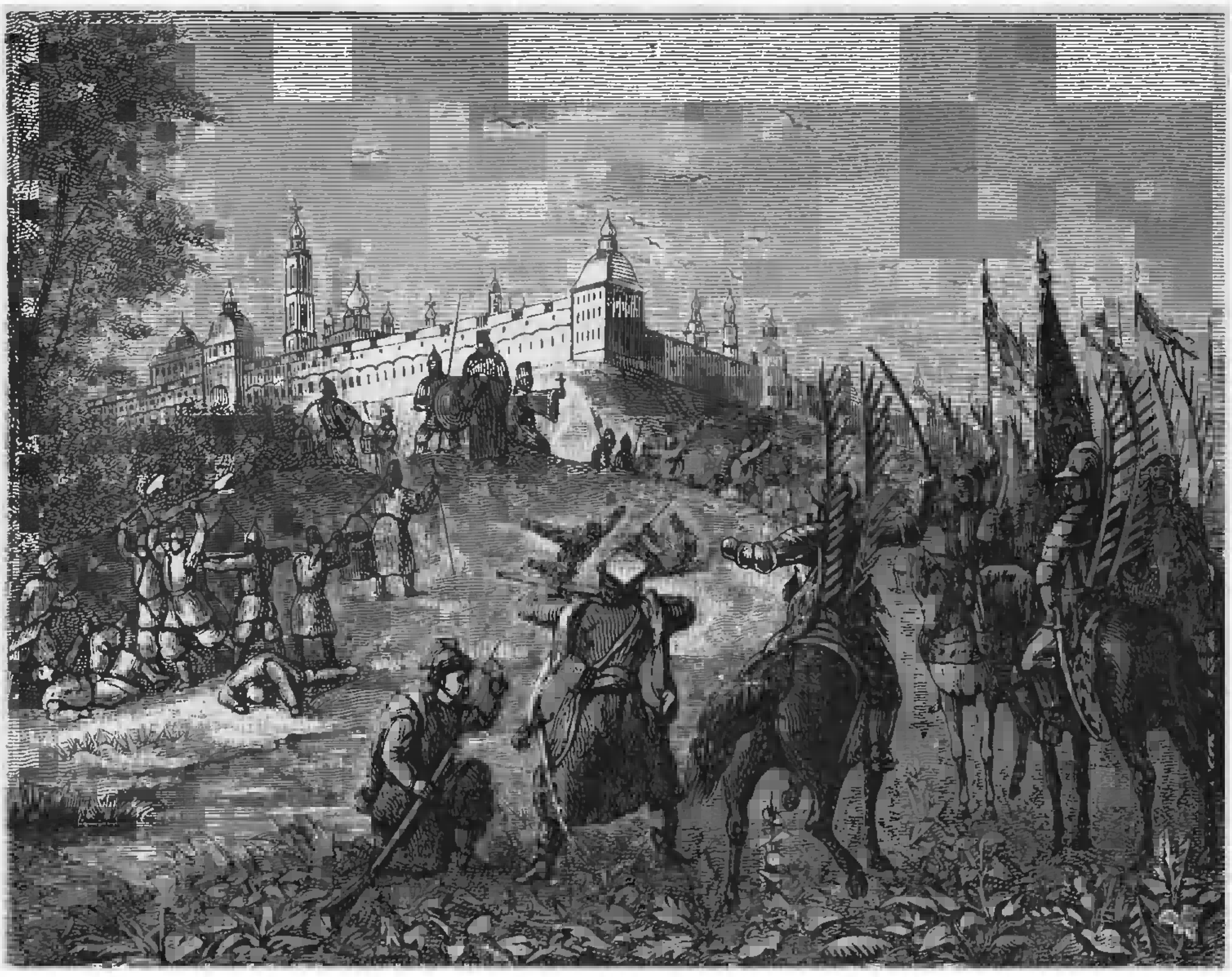
На другой же день польскія ватаги обошли вокругъ монастыря и, высмотрѣвъ лучшія мѣста, расположились такимъ образомъ: Сапѣга—на Дмитровской дорогѣ, Лисовскій—за Терентьевской рощей; оба стана прикрыли крѣпкими окопами, на всѣхъ дорогахъ поставили заставы. Польскіе и литовскіе люди, прежде чѣмъ начать осаду, сдѣлали попытку взять монастырь обманомъ. Они прислали въ обитель грамоту, въ которой прельщали защитниковъ лестью и

въ то же время грозили карой. «Мы вамъ добра хотимъ, они писали, отдайте лучше стѣны; а не отдадите, такъ знайте, что мы съ тѣмъ пришли, чтобы не отходить, пока не возьмемъ монастыря и не перебьемъ всѣхъ до послѣдняго!»—Осадные воеводы, посовѣтовавшись съ архимандритомъ, послали такой отвѣтъ: «Напрасно вы насъ прельщаете! Развѣ намъ можно оставить нашу святую, истинную, православную вѣру и покориться еретическимъ законамъ? Ни за какія блага въ семъ мірѣ мы не откажемся отъ своего крестнаго цѣлованія и останемся вѣрны царю нашему Василію Ивановичу». — Сапѣга, получивъ отвѣтъ, немедленно приступилъ къ осаднымъ работамъ. Въ ночь на Покрова, онъ велѣлъ прикатить туры и ставить батареи, числомъ девять, у Красной горы; кромѣ того, приказалъ выкопать широкую и глубокую траншею, вплоть до Глинянаго оврага. Когда батареи были готовы, 63 орудія открыли пальбу въ монастырь каленными и обыкновенными ядрами. Однако стрѣляли цѣлый день попустому: если каленыя ядра и попадали иногда въ келіи, то монахи бережно выносили ихъ вонъ и кидали въ лужи. Лисовскому хотѣлось прежде всего занять мельницу близъ Подольнаго монастыря. Но, къ счастью, ночь случилась лунная: наши замѣтили его умыселъ, сдѣлали вылазку и не только отбили мельницу, но еще самого Лисовскаго ранили въ руку. Черезъ нѣсколько дней ляхи вывели сзади монастыря подступной ровъ, изъ котораго повели подкопъ подъ Круглую башню,—на планѣ № 7. Сапѣга, въ надеждѣ, что дѣло идетъ къ концу, устроилъ большой пиръ на все войско. Цѣлый день у нихъ въ станѣ пѣли, играли на трубахъ, пили, скакали на лошадяхъ кругомъ монастыря, стрѣляли ради удальства; съ наступленіемъ же ночи двинулись на приступъ. Пьяные ратники тащили лѣстницы, катили передъ собой на колесахъ рубленые тарасы или прикрывались досчатыми щитами; они шли безъ всякаго порядка, съ шумомъ, крикомъ, трубнымъ звукомъ; многіе едва держались на ногахъ. Со всѣхъ сторонъ грянули монастырскія пушки: приступъ былъ отбитъ; непріятель побросалъ свои лѣстницы, тарасы, щиты, а наши утромъ все это подобрали и пожгли на дрова.

План осады Троицко-Сергиевского монастыря.



Недалеко отъ обители былъ монастырскій огородъ: капуста росла, не успѣли ее снять. Черезъ недѣлю послѣ приступа литовскіе люди забрались въ огородъ за капустой. Какъ только наши ихъ увидѣли, спустились на веревкахъ и кинулись въ огородъ: многихъ побили, перераниля, а тутъ же, кстати, воеводы вышли на вылазку. Выйдя изъ Конюшенныхъ воротъ (на планѣ № 2),



Осада Троицко-Сергіева монастыря

вылазка раздѣлилась: одна часть пошла черезъ огородъ къ Служней слободѣ, другая — на Княжее поле, а потомъ влѣво, черезъ Глиняный оврагъ, противъ батарей на Красной горѣ. Съ обѣихъ сторонъ бой былъ большой, и многіе пили смертную чашу. Въ концѣ октября воеводы опять вышли изъ обители; на этотъ разъ они намѣтили двѣ дальнихъ заставы — ротмистра Брушевскаго, у

Мишутина оврага, и ротмистра Сумы, на Княжемъ полѣ. Рота Брушевскаго была захвачена врасплохъ, самъ ротмистръ попался въ плѣнъ; рота Сумы опрокинута въ оврагъ и разсѣяна. Съ торжествомъ воеводы вернулись въ обитель. Здѣсь стали пытать пана Брушевскаго, съ намѣреніемъ вывѣдать, сколько у непріятеля войска и что онъ намѣренъ дѣлать. Ротмистръ подъ пыткой показалъ, что войска у нихъ до 30 тыс., что они положили не отходить отъ стѣнъ, пока не возьмутъ монастыря; взять же хотятъ долгою осадою, частыми приступами и подкопомъ. И правда, съ каждымъ днемъ защитникамъ становилось все труднѣе и труднѣе. Непріятель осѣлъ вокругъ обители такъ близко, что монастырскимъ людямъ нельзя было выйти зачерпнуть воды или напоить скотъ. Въ обители настала тѣснота великая. Народу набралось, какъ сказано, много, а укрыть его было негдѣ. Время стояло осеннее, дождливое: холодъ, слякоть; народъ жался, гдѣ попало; больныя женщины лежали на вѣтру, на дождѣ. Кто успѣлъ захватить лѣсу, сдѣлалъ себѣ шалашикъ, а большею частью оставались безъ всякаго крова. Богатства лежали кучами на монастырскихъ дворахъ, никто ихъ не трогалъ. Но пуще всего устрашило показаніе Брушевскаго насчетъ подкопа; никто не зналъ, откуда и куда онъ будетъ направленъ. Воеводы, больше по догадкамъ, приказали Власу Корсакову, искусному въ горномъ дѣлѣ, устроить подъ башнями и подъ нижними камерами слуховые колодцы, а на задней сторонѣ выкопать передъ всей оградой большой ровъ. Поляки хотѣли-было помѣшать этимъ работамъ, но ихъ прогнали. Чтобы разсѣять уныніе, воеводы сдѣлали нѣсколько вылазокъ; въ одной изъ такихъ вылазокъ имъ посчастливилось захватить какого-то израненаго казака. Онъ передъ смертью пожелалъ очистить душу и сказалъ, что подкопъ ведется подъ Круглую башню. Тотчасъ позади этой башни вывели стѣнку изъ тарасовъ, насыпанныхъ землей, прикрыли ее частоколомъ, а сверху поставили пушки. Съ общаго совѣта, осажденные назначили вылазку съ такимъ разсчетомъ во времени, когда подкопъ будетъ заряженъ, но входъ въ него еще не заложенъ.

Наступила 7-я недѣля осады. Ни разу еще не было такой жестокой пальбы, какъ наканунѣ праздника Архистратига Михаила. Одно ядро попало въ образъ Архистратига, другое разбило подсвѣчникъ, третье ударилось въ образъ Николая чудотворца, выше лѣваго плеча, а четвертое разбило колоколъ въ Троицкомъ соборѣ. Народъ стоялъ въ это время въ церкви, обливая помостъ слезами; служилъ самъ отецъ архимандритъ, и, какъ всегда, торжественно, благоговѣйно. Между тѣмъ, на стѣнахъ послышались радостные крики: искуснымъ пушкарямъ удалось въ этотъ день подбить ненавистную имъ пушку, подъ названіемъ «Трещеры», стоявшую въ Терентьевской рощѣ. Она досаждала имъ больше всѣхъ. На другой день защитники устроились на вылазку и стали потихоньку выходить часа за три до разсвѣта. Главный отрядъ, въ присутствіи воеводъ, тихо выступалъ возлѣ сушильной башни (на планѣ № 5), черезъ потаенный ходъ прикрытый желѣзными воротами; они открывались прямо въ ровъ. Тутъ во рву и собиралась вылазка подъ начальствомъ Внукова. Въ это же время изъ Конюшенныхъ воротъ выступалъ другой отрядъ, состоявшій изъ пѣшихъ и конныхъ сотенъ, подъ общимъ начальствомъ Ходырева; а изъ Пивного двора выходили остальные головы со своими поселянами. Во всѣхъ трехъ отрядахъ находились иноки; «ясырь», или лозунгъ былъ объявленъ «святой Сергій». — Темныя густыя тучи застилали небо. Когда же все было готово, вѣтеръ разогналъ облака, погода прояснилась. Въ эту минуту трижды ударили осадные колокола, ратники съ кликомъ: «Святой Сергій!» ринулись впередъ. Ходыревъ съ товарищами обогнули монастырь и ударили на Литву отъ Служней слободы, голова Внуковъ повелъ свою сотню прямо къ Подступному рву, выбилъ литовцевъ и погналъ ихъ подъ гору, за мельницу. Въ погонѣ за непріятелемъ наши добрались до того мѣста, гдѣ начинался подкопъ. Сейчасъ же два клементьевскихъ крестьянина, Никита Шиловъ и Слота, снустились въ подземелье, зажгли порохъ, но сами, къ несчастью, не успѣли выскочить,—оба погибли геройскою смертью. Подкопъ взорвало безъ вреда для монастырскихъ стѣнъ. Царскіе воеводы, услыхавши взрывъ, хотѣли-было вернуть

отряды, но ихъ не послушали. Особенно усердно подвизались иноки. Чашникъ Нифонтъ взялъ 200 воиновъ, въ томъ числѣ 30 монаховъ, вышелъ изъ Пивного двора и устремился прямо противъ батарей на Красную гору. Когда изъ монастыря увидѣли этихъ витязей, конныя и пѣшія сотни, несмотря на запрещеніе воеводъ, вышли изъ воротъ, приняли на себя отбитый отрядъ Нифонта и вмѣстѣ съ нимъ поднялись опять на Красную гору. Однако тутъ они попали подъ сильный перекрестный огонь: батареи съ Волкушиной горы били имъ во флангъ, изъ Терентьевской рощи — въ тылъ. Наши сбились, стали отступать. Тутъ отличился крестьянинъ Суета, парень здоровый, сильный. Ухватилъ обѣими руками свой огромный бердышъ и сталъ имъ размахивать надъ головой. «Стой, братцы! Нечего бояться враговъ Божіихъ!» кричалъ Суета. Онъ кидался какъ тигръ, то направо, то налѣво, и какъ ни рвался Лисовскій — не могъ врубиться въ отступавшій отрядъ. Спустились наши внизъ и, наученные теперь опытомъ, повернули направо, скрытно подъ горой пробрались въ овраги — Глиняный, Косой, Благовѣщенскій, — гдѣ на время и засѣли. На Красной горѣ уже праздновали побѣду: заиграла музыка, послышались пѣсни, какъ вдругъ голова Ходыревъ съ малочисленной конной дружиной выскочилъ изъ Косого оврага и прямо черезъ поле помчался въ тылъ крайней батареи (на планѣ № IX). Вслѣдъ за Ходыревымъ выскочили остальные конные и пѣшіе люди. Непріятель въ переполохѣ бросилъ крайнюю батарею, перебѣжалъ въ слѣдующую (№ VIII); однако и тутъ не удержался, батареи, одна за другой, переходили въ руки нашихъ, хотя подъ-конецъ прибылъ съ подкрѣпленіемъ Сапѣга, и пришлось имъ выдержать бой не малый. Поляки скрылись въ таборъ. Тогда русскіе пожгли всѣ батареи на Красной горѣ, взяли 8 пушекъ, множество оружія, ядеръ, бочки съ порохомъ и все это съ торжествомъ ввезли въ обитель. Обходя поле, насчитали убитыхъ полторы тысячи, но и своихъ потеряли 174 человѣка, въ томъ числѣ храбраго голову Внукова, убитаго какимъ-то измѣнникомъ.

Наступала зима. Непріятель не возобновлялъ осадныхъ работъ,

но первое время поддерживалъ обложеніе. Наши ежедневно ходили въ Мишутинскій оврагъ за рощу рубить на обитель дрова; конные и пѣшіе стояли въ охранѣ. Литовцы, замѣтивши это, сѣли въ засаду. Вотъ, какъ-то монастырскіе пошли за дровами, литовцы на нихъ нагрянули, побили человѣкъ 40, остальныхъ заставили вернуться съ пустыми руками. Скоро случилась другая бѣда: двое боярскихъ дѣтей изъ Переяславля перебѣжали къ Лисовскому и сказали панамъ, что монастырь взять не трудно, нужно только перехватить трубы съ водой. Они же, измѣнники, указали и мѣсто въ прудѣ, гдѣ начинались трубы. Паны обрадовались, приказали прежде всего окопать это мѣсто валомъ, чтобы укрыть свои работы. Какъ только перехватили одну трубу, въ монастырѣ сейчасъ замѣтили убыль, но нашлись охотники, которые ночью пробрались къ рабочимъ, перебили ихъ и поправили трубы. Вода побѣжала пуще прежняго, наполнила запасные пруды да еще побѣжала черезъ край. Непріятель бросилъ эти работы. Съ наступленіемъ холодовъ, польскіе и литовскіе люди разбрелись по деревнямъ; лишь на проѣзжихъ путяхъ оставались заставы. Наши выходили теперь безъ опаски, могли рубить дрова, полоскать на прудахъ бѣлье или просто отдохнуть отъ великой тѣсноты. Между тѣмъ, наступала бѣда великая, страшная. Еще въ концѣ ноября стала обозначаться цынга, какъ всегда она бываетъ отъ тѣсноты, отъ недостатка свѣжей пищи, кислой капусты. Сначала умирало въ день по 20 — 30 человѣкъ, потомъ стало умирать по 50 и по 100 въ день. Съ утра до вечера отпѣвали покойниковъ, и не было покоя ни днемъ, ни ночью, ни больнымъ ни здоровымъ. Служащіе иноки совсѣмъ истомились; ихъ держали подъ руки, пока они отчитывали мертвыхъ или пріобщали больныхъ. И былъ смрадъ великій не только въ келіяхъ, но и по всему монастырю, въ службахъ, въ святыхъ церквахъ—отъ мертвыхъ, отъ больныхъ, отъ палаго скота. Здоровые не знали, что имъ дѣлать: оберегать ли стѣны монастырскія, ходить ли за больными, которые валялись въ подвалахъ, по сараямъ, землянкамъ или же погребать покойниковъ? Непріятель все это зналъ отъ нашихъ пе-

ребѣжчиковъ; шайки литовскихъ людей подъѣзжали къ стѣнамъ и задирали защитниковъ бранью, насмѣшками, угрозой; но если изъ воротъ выѣзжалъ на возу безоружный инокъ, они спѣшно уходили прочь: это вывозилась смрадная и зараженная одежда отъ покойниковъ; ее зарывали въ ямы, чтобы спасти отъ заразы остальныхъ. Да и здоровыхъ оставалось въ обители немного, если не считать женщинъ и дѣтей, а отъ нихъ помощь небольшая, особенно на стѣнахъ. Посовѣтовались воеводы съ архимандритомъ Іоасафомъ и отписали въ Москву къ Авраамію Палицыну. Келарь ужаснулся, когда узналъ, что дѣлается въ обители св. Сергія. Онъ упросилъ царя Василія Ивановича послать хоть малую подмогу; вырядили 60 казаковъ подъ начальствомъ атамана Останкова, дали 20 пуд. пороху, да келарь отъ себя прибавилъ 12 монастырскихъ слугъ. Вотъ все, что могла дать Москва; она сама была въ великой бѣдѣ. Люди эти благополучно прошли въ обитель; Лисовскому удалось отхватить только четырехъ казаковъ. Ни за что, ни про что онъ велѣлъ ихъ казнить у монастырскихъ стѣнъ; тогда воеводы вывели на гору 40 чел. литовцевъ и поляковъ и казнили ихъ смертью да еще вывели 19 чел. казаковъ Лисовскаго—тоже казнили, у верхняго пруда.

Часто бродячія шайки ратныхъ людей подходили къ монастырскимъ стѣнамъ для торга: приносили вино, овощь, а взамѣнъ получали крѣпкій монастырскій медъ. При этой торговлѣ затѣвались ссоры, случались драки и даже убійства. Вотъ однажды пришелъ трубачъ Сапѣги, по имени Мартьяшъ, попросилъ дать ему самаго крѣпкаго меду. Его напоили и захватили въ плѣнъ. Этотъ Мартьяшъ полюбился воеводамъ, потому что бранилъ свою вѣру, ругалъ поляковъ и заранѣе предсказывалъ, что́ они будутъ дѣлать сегодня или завтра, и какъ онъ говорилъ, такъ все и сбывалось. Стали брать его на вылазки, и тутъ онъ показалъ себя добрымъ рубакой; въ монастырѣ ходилъ по стѣнамъ, указывалъ пушкарямъ, куда лучше брать цѣль, однимъ словомъ, считался самымъ вѣрнымъ и полезнымъ человѣкомъ. Воевода князь Григорій души въ немъ не чаялъ, спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, одѣвалъ въ

богатую одежду и даже посылалъ по ночамъ въ дозоръ. Припелъ какъ-то въ обитель и другой панъ, глухонѣмой отъ рожденія. Неизвѣстно, отчего онъ передался, но только послужилъ обители вѣрой и правдой. Гдѣ показывался глухой, тамъ все бѣжало. Онъ не боялся ни пѣшихъ, ни конныхъ враговъ; пальбы не слыхалъ, крику тѣмъ больше—рубилъ какъ машина, пока не вываливался мечъ. Больше всего онъ принесъ пользы тѣмъ, что выдалъ Мартьяша. Долго не вѣрилъ извѣту воевода, наконецъ приказалъ его пытать. И показалъ Мартьяшъ подъ пыткой, что дѣйствительно хотѣлъ попортить пушки, поджечь порохъ, что онъ пересылался со своими и на дняхъ готовился впустить ихъ въ обитель; повинился во всемъ и умеръ подъ пыткой. Еще славился между защитниками Ананій Селевинъ, монастырскій слуга, и никто изъ самыхъ смѣлыхъ поляковъ не смѣлъ нападать на него прямо, а старались убить его изъ ружья. Ананія всѣ знали, и конь былъ у него примѣтный: такой быстрый, что выносилъ его изъ самой середины литовскихъ полковъ. Если изъ монастыря шли за дровами или косить траву, или полоскать бѣлье, то всегда ужъ съ ними — глухой панъ пѣшкомъ и Ананій па конѣ. Вдвоемъ они останавливали цѣлую роту польскихъ копейщиковъ. Однажды налетѣлъ на Ананія самъ Лисовскій; но тотъ не подпустилъ его даже близко: спустилъ стрѣлу, которая оторвала ему кусокъ уха, и самъ ускакалъ. Сначала поляки убили у него лошадь, а когда онъ сталъ выѣзжать на другой, ранили его самого въ ногу одинъ разъ, потомъ — другой, и нашъ богатырь какъ слегъ въ постель, такъ больше и не всталъ. Въ началѣ мая пришло въ обитель двое слугъ и принесли отъ старца Авраамія грамоты къ архимандриту, братіи, воеводамъ и всѣмъ людямъ. Келарь писалъ: «Помнить крестное цѣлованіе; стоять противъ невѣрныхъ крѣпко и непоколебимо, жить неоплошно и накрѣпко беречься литовскихъ людей».

Съ праздника св. Николая Чудотворца, когда расцвѣла весна, цынга стала уменьшаться и мало-по-малу прекратилась вовсе. Зато и непріятель собрался къ концу этого мѣсяца; набралось его столько же, сколько было осенью. Явились Сапѣга съ Лисовскимъ.

27-го мая они объѣхали со всѣхъ сторонъ обитель, осмотрѣли, а вечеромъ литовскіе и польскіе люди скрытно подползли къ стѣнамъ: лѣзли по канавамъ, оврагамъ, прятались по ямамъ, таща съ собой принадлежности для приступа. Защитники не дремали. Какъ только на Красной горѣ грянули пушки, въ тотъ же мигъ вскочилъ непріятель на ноги, сталъ приставлять лѣстницы и подниматься наверхъ. Поляки разсчитывали взять обитель сразу: они знали, что число ея защитниковъ не превышало одной тысячи. Однако они ошиблись. Отбивались не только ратные люди, но даже женщины и подростки. Такъ же, какъ и въ первый разъ, защитники пуще всего не допускали ставить лѣстницы, палили изъ пушекъ, громили изъ пищалей, кололи черезъ окна, метали камни, лили кипящую смолу, бросали горящую сѣрку и засыпали глаза известью. Бились всю ночь. Утромъ непріятель отступилъ; защитники отворили ворота и кинулись въ ровъ, гдѣ поймали до 30 чел. живыми да подобрали много раненыхъ и мертвыхъ. Плѣнниковъ сейчасъ же засадили за ручные жернова, чтобъ мололи на братію зерно: эта работа продолжалась до конца осады. — Незадолго до Спаса Преображенія подошли къ непріятельскимъ ватагамъ панъ Зборовскій со своими полками да русскіе измѣнники Левъ Плещеевъ и Ѳедоръ Хрипуновъ. Сейчасъ же явились отъ нихъ посланные и объявили воеводамъ, что Москва уже сдалась, и такъ какъ царь Василій Ивановичъ въ плѣну, то они бы, воеводы, не мѣшкая сдавали обитель; иначе къ ней подойдутъ всѣ польскіе и литовскіе люди, сколько ихъ есть: тогда ужъ челобитья не примутъ и возьмутъ обитель силой, не оставятъ камня на камнѣ. Наши отвѣчали, что скорѣе перебьютъ другъ друга, чѣмъ сдадутся. На томъ переговоры и кончились. Между тѣмъ, панъ Зборовскій, за кружкой меду, подсмѣивался надъ Сапѣгой и Лисовскимъ: «Что вы, говорилъ онъ, тутъ безъ дѣла стоите надъ этимъ лукошкомъ? Взять бы его, опрокинуть да всѣхъ воронъ передавить». — Подстрекнулъ онъ пановъ, и пошли они на приступъ, въ ночь на 1-е августа. Хотя въ монастырѣ оставалось не болѣе двухсотъ защитниковъ, однако и эта горсть умѣла

отбиться почти безъ всякаго урона; убита на стѣнахъ лишь одна женщина; непріятель же, напротивъ, потерпѣлъ большой уронъ, особенно въ полкахъ Зборовскаго, который теперь самъ сдѣлался посмѣшищемъ у польскихъ пановъ. Это былъ послѣдній приступъ. Непріятель прослышалъ, что царскій племянникъ Михаилъ Скопинъ-Шуйскій со шведскою подмогой идетъ на выручку Москвы. Польскіе воеводы сняли осаду и пошли по Переяславской дорогѣ; но у Калязина монастыря попались навстрѣчу Скопину и потерпѣли пораженіе, послѣ котораго разсыпались. Въ это же время на помощь обители явился царскій воевода Давидъ Жеребцовъ, а съ нимъ 900 отборныхъ стрѣльцовъ; послѣ Новаго года подошелъ еще воевода Валуевъ съ пятью сотнями стрѣльцовъ. Оба воеводы вышли на Клементьевское поле и напали на польскія шайки, вернувшіяся изъ-подъ Калязина; разомъ смяли ихъ, вогнали въ таборъ Сапѣги и подожгли всѣ непріятельскія постройки. Бились на прудахъ, и на Валкушѣ, и на Красной горѣ — бились цѣлый день; много нашихъ побито, зато непріятельскія ватаги разбѣжались до послѣдняго пахолка, или слуги. Это было уже въ 1610 г., черезъ недѣлю послѣ Крещенья, или на 16-мъ мѣсяцѣ осады.— Бѣдствія Троицко-Сергіевской Лавры окончились, хотя русская земля еще три года терпѣла смуту, пока справилась съ поляками и пока выбрала себѣ царемъ боярина Михаила Ѳедоровича Романова.

ГЕТМАНЪ БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Послѣ Сигизмунда на польскій престолъ вступилъ его сынъ, Владиславъ, тотъ самый, который чуть было не сдѣлался московскимъ царемъ. Онъ до страсти любилъ войну, томился безъ нея, скучалъ, что̀ польскимъ панамъ было не по вкусу; еще больше имъ не нравилось, что король стоялъ за казачество, за всѣхъ православныхъ людей, не похваляя противъ нихъ насилій. Недовольные паны стали противиться королю, не давали ему воли, а главное, не давали денегъ для войны. Тогда король тайно послалъ казакамъ милостивую грамоту и приглашалъ ихъ выйти въ море противъ турокъ. Старшины казацкіе утаили эту грамоту, потому что боялись пановъ, и, можетъ быть, на этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось, еслибъ не вышелъ такой случай. Одинъ задорный шляхтичъ сдѣлалъ наѣздъ на родовой хуторъ Богдана Хмѣльницкаго, войскового писаря казацкаго войска. Подобные наѣзды были тогда дѣломъ обычнымъ. Шляхтичъ разорилъ на хуторѣ пасѣку, сжегъ мельницу, избилъ до смерти сына Хмельницкаго. Войсковой писарь вступился за обиду, за оскорбленіе своего званія.

Зиновій Богданъ Хмельницкій приходился по матери внукомъ славнаго казацкаго гетмана Богдана, о которомъ разсказано раньше. По своему времени, онъ былъ человѣкъ ученый, говорилъ по-латыни, по-польски, но характеръ имѣлъ скрытный и часто говорилъ одно, а дѣлалъ другое, увѣрялъ недруга въ дружбѣ и готовилъ ему зло. Хитрость въ то время уважалась, особенно если она соединялась съ природнымъ умомъ. А Богданъ Хмельницкій былъ уменъ; къ тому же, какъ истинный казакъ, онъ былъ необычайно храбръ. Однажды въ битвѣ съ турками Хмельницкій увидалъ, что его отецъ, сотникъ Черкасскаго полка, упалъ подъ ятаганами. Онъ врѣзался въ ряды враговъ и много ихъ скосилъ, пока его успѣли окружить и накрѣпко связать. Таковъ былъ человѣкъ, съ которымъ пришлось Польшѣ посчитаться за старые грѣхи. Обиженный неправдой, поруганный и осрамленный, Хмельницкій воскликнулъ: «Еще жива казацкая мать! Не все отнялъ Чаплинскій: сабля осталась!» — и поѣхалъ въ Варшаву. Однако польскіе сенаторы не только не взяли его сторону, но даже смѣялись надъ нимъ; зато король принялъ Хмельницкаго ласково и сказалъ ему: «Знаю объ утѣсненіяхъ казаковъ, хотя помочь вамъ не въ силахъ. У васъ есть сабли; кто вамъ запрещаетъ постоять за себя? А я всегда буду вашимъ благодѣтелемъ». Самъ король научилъ Хмельницкаго, что дѣлать. По возвращеніи на родину, онъ, въ ночное время, собралъ знатнѣйшихъ казаковъ въ лѣсу и, держа въ рукахъ грамоту короля, подробно разсказалъ, что видѣлъ въ Варшавѣ и что слышалъ по пути, описалъ бѣдствія русскаго народа, угнетеніе казачества и въ такихъ словахъ призывалъ казаковъ на борьбу: «Соединимся, братья! Возстанемъ за церковь и вѣру православную, истребимъ ересь и напасти и будемъ единодушны. Призывайте казаковъ и всѣхъ вашихъ земляковъ; я васъ поведу. Возложимъ упованіе на Всевышняго: Онъ намъ поможетъ». — «Умремъ другъ за друга! — крикнули казаки. — Отомстимъ за обиды наши; освободимъ отъ ярма братій нашихъ! Соберемся, начнемъ! Да поможетъ намъ Всевышній!» — Такъ началось возстаніе казаковъ, погубившее Польшу.

Въ декабрѣ 1647 г. Хмельницкій бѣжалъ въ Запорожье, откуда пробрался въ Крымъ. Татарскимъ ханомъ былъ тогда воинственный Исламъ-Гирей, впрочемъ, не особенно довѣрявшій казакамъ. Онъ заставилъ Хмельницкаго въ присутствіи всѣхъ мурзъ присягнуть на своей саблѣ, послѣ чего протянулъ ему руку со словами: «Теперь мы вѣримъ тебѣ», и позволилъ пригласить перекопскаго мурзу Тугай-Бея. Тотъ годъ случилась въ Крыму засуха, падежъ скота, и Тугай-Бей охотно согласился. Это былъ наѣздникъ дикій, свирѣпый, любившій войну, а пуще всего — грабежъ. Въ половинѣ апрѣля его орда стояла уже на рѣчкѣ Бузулукѣ, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи. Хмельницкій опять заѣхалъ къ запорожцамъ; тутъ его ждала самая радушная встрѣча. Особенно одушевились запорожцы послѣ рѣчи кошевого, который подробно описалъ на радѣ, что терпитъ Украйна, какія обиды претерпѣлъ самъ Хмельницкій: какъ его, войскового писаря, лишили достоянія, засѣкли сына, отняли жену, лишили даже походнаго коня и, напослѣдокъ, присудили къ смерти; какъ онъ теперь ѣздилъ въ Крымъ и привелъ оттуда помощь. «Слава и честь Хмельницкому! Пусть онъ будетъ нашей головой, а мы до послѣдняго издыханія будемъ ему помогать!» — отвѣчали запорожцы въ одинъ голосъ. На особомъ совѣщаніи со старшиной было условлено, что 8 тыс. запорожцевъ выступятъ въ походъ немедленно, а прочіе будутъ на-готовѣ.

Такимъ образомъ Хмельницкій, ополчаясь противъ поляковъ, пріобрѣталъ силу, и силу грозную, съ которою надо было считаться. Украйна въ ожиданіи его уже глухо волновалась: по селамъ бродили нищіе и странники; между городами сновали гонцы съ возмутительными листами. Начались тайныя сходбища, подсылки, уговоры, угрозы — и все это тихо, безъ шума. Паны скоро замѣтили, что творится что-то недоброе, лишь одни польскіе гетманы не вѣрили въ близость бѣды; они полагали, что войсковой писарь явится съ разнымъ сбродомъ степныхъ бродягъ, которыхъ безъ труда осилятъ. На всякій случай, 6 тыс. казаковъ были отправлены внизъ по Днѣпру; столько же жолнеровъ и драгунъ

направлены степью, подъ начальствомъ молодого Потоцкаго, сына короннаго гетмана. 22 апрѣля Хмельницкій выступилъ изъ Запорожья, обошелъ крѣпостцу Кодакъ, гдѣ сидѣлъ польскій гарнизонъ, и сталъ противъ поляковъ таборомъ у потока Желтыхъ водъ, возлѣ нынѣшняго с. Желтаго, Верхнеднѣпровскаго уѣзда; татары стояли въ отдаленіи, какъ будто не желая вступать въ бой. Въ то же время вдоль Днѣпра была разставлена по распоряженію Хмельницкаго стража, съ приказаніемъ переманить на сторону гетмана казаковъ, плывшихъ въ байдакахъ. Дѣйствительно, казаки перебили свою старшину и на глазахъ поляковъ прослѣдовали въ таборъ Хмельницкаго. Паны увидѣли, что дѣло плохо: отрядъ ихъ невеликъ; драгуны, которыхъ они набирали изъ тѣхъ же казаковъ, ненадежны; силы Хмельницкаго, сверхъ всякаго чаянія, далеко не малы. Они послали къ гетманамъ гонца и, въ ожиданіи подмоги, перешли обратно за Желтую, гдѣ сбили свои возы въ четыреугольникъ, вывели кругомъ валъ и поставили на немъ пушки. Хмельницкій тоже подвинулъ свой таборъ къ рѣчкѣ; началась перестрѣлка, а тѣмъ временемъ небольшой татарскій отрядъ, не замѣченный поляками, зашелъ имъ въ тылъ.

Наканунѣ Николина дня, рано утромъ, въ казацкомъ лагерѣ заиграли въ трубы, ударили въ котлы: это казаки строились къ бою. Выѣхалъ гетманъ на бѣломъ конѣ и, объѣзжая ряды, говорилъ: «Рыцари-молодцы, славные казаки-запорожцы! Пришелъ часъ постоять грудью за вѣру христіанскую. Самъ Господь вамъ поможетъ. Не устрашатъ васъ перья на шапкахъ, не убоитесь кожъ леопардовыхъ. Развѣ отцы наши не били ихъ? Вспомните славу дѣдовъ, что разнеслась по всему свѣту. И вы одного съ ними дерева вѣтки! Кто за Бога, за того Богъ!» — Казаки стремительно вырвались изъ лагеря, перешли воду и бросились съ оглушительнымъ крикомъ на польскій обозъ. Потоцкій двинулъ конныя хоругви, велѣлъ палить изъ пушекъ, какъ вдругъ, сзади у него, раздался крикъ: «Алла! Алла!» — то были татары. Тутъ только поляки узнали, что орда въ союзѣ съ Хмельницкимъ. Дружнымъ натискомъ казаки вогнали поляковъ въ ихъ четыреугольникъ, при

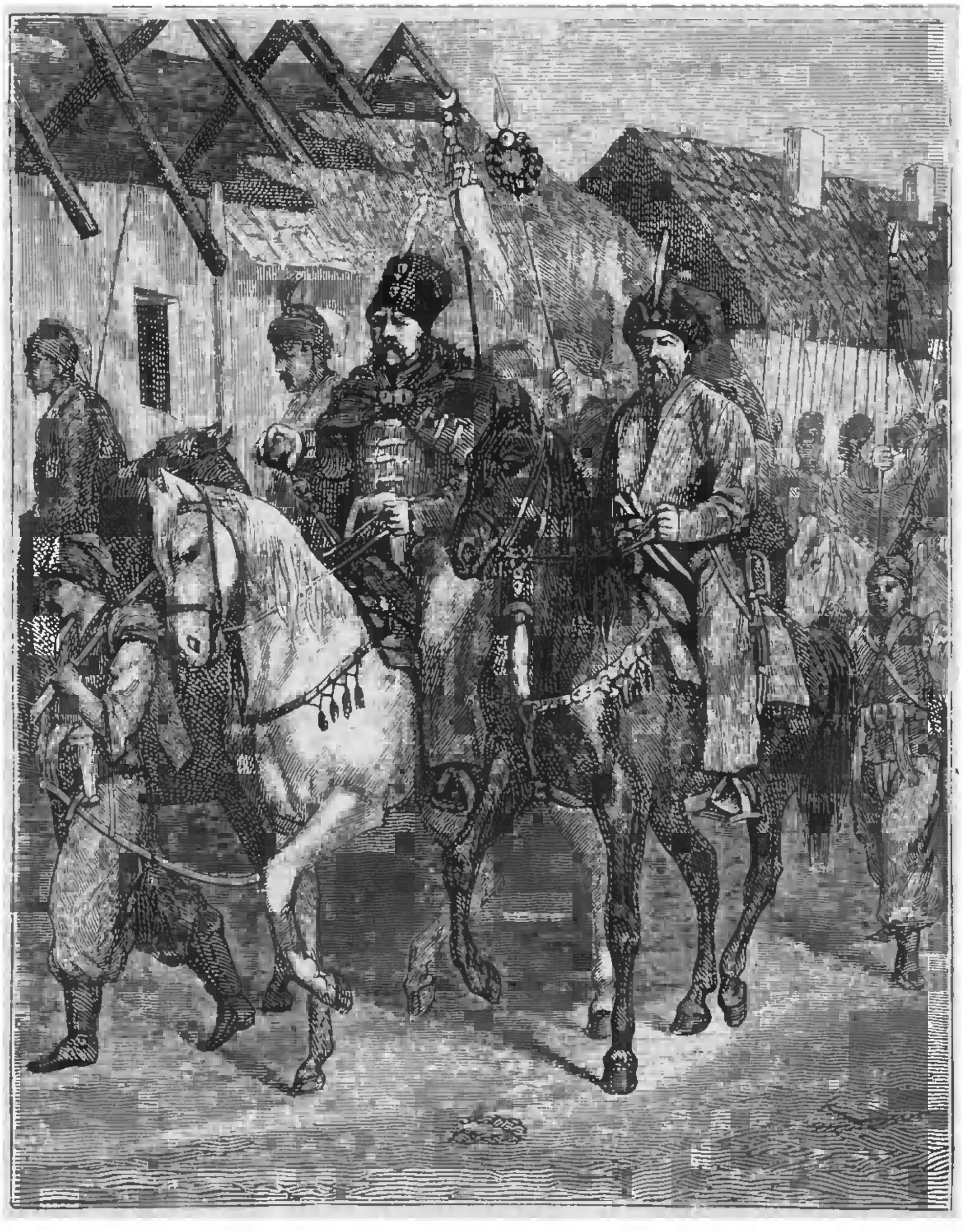
чемъ драгуны перешли къ своимъ безъ боя. Теперь паны были окружены втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ, оставались безъ воды, безъ продовольствія и безъ всякой надежды на помощь, потому что ихъ гонецъ попалъ въ руки татарамъ. На третьи сутки Потоцкій вступилъ въ переговоры и согласился выдать пушки, но съ тѣмъ, чтобъ остальное войско могло безъ всякой помѣхи отступить на Корсунь. Полякамъ дали пройти не болѣе 20 верстъ; у Княжихъ байраковъ нагналъ ихъ Тугай-Бей, непризнававшій никакихъ договоровъ. Молодой Потоцкій палъ подъ ударами сабель; остальные попали въ неволю или остались на мѣстѣ.

Ужаснулся старый Потоцкій, все войско «поблѣднѣло», какъ трава, прибитая морозомъ», когда дошла въ Корсунь вѣсть о гибели передового отряда.—«О, сынъ мой! На то ли я далъ тебѣ начальство, чтобы ты вымѣнялъ булаву на заступъ!»—горевалъ отецъ, потерявшій сына. Польское войско, числомъ отъ 8 до 10 тысячъ, расположилось въ старыхъ окопахъ на берегу Роси, между Корсунемъ и Стебловымъ, въ нынѣшней Кіевской губерніи. 15-го мая показались татары: пыль подымалась густыми клубами, закрывала солнце, и можно было думать, что тутъ вся Крымская орда. На другой день и Хмельницкій расположился на ближнихъ высотахъ, въ видѣ полумѣсяца; Кривоноса съ отрядомъ онъ отправилъ за Корсунь, въ Крутую балку, верстъ за 7, и велѣлъ ему перекопать въ этомъ мѣстѣ дорогу, завалить ее деревьями, самому же съ пушками стать сбоку; другой казакъ, по имени Галаганъ, былъ подосланъ въ польскій обозъ. На пыткѣ онъ показалъ передъ панами, что силы Хмельницкаго несмѣтны, и что съ часу на часъ ожидаютъ въ таборѣ крымскаго хана. У пановъ и руки опустились. Послѣ жаркихъ споровъ между обоими гетманами Потоцкій, какъ старшій, приказалъ начать отступленіе. Поляки поставили посерединѣ въ 8 рядовъ возы съ запасами, панскіе рыдваны, между ними пушки съ лошадьми, а по бокамъ пѣхоту. Въ такомъ порядкѣ таборъ двинулся передъ разсвѣтомъ къ Богуславу; удивительнѣе всего, что Галаганъ показывалъ дорогу. Слѣдомъ за таборомъ шли казаки и татары. Они то бросались впередъ, то тихо отходили назадъ. За д. Гро-

ховцами начиналась роща. Галаганъ завелъ поляковъ въ такую трущобу, что казаки безъ труда отбили часть обоза; войско сбилось, пришло въ безпорядокъ, но горе было еще впереди. На выходѣ изъ лѣса польскія повозки попадали на самый крутой спускъ: внизу дорога перекопана, вправо на бугрѣ стоятъ пушки Криворноса, сзади напираютъ казаки. Когда повозки покатились внизъ кубаремъ, когда люди, лошади и пушки смѣшались въ толчею, полковникъ Корецкій вывелъ изъ табора свой Полѣсскій полкъ и скомандовалъ: «Гей, кто за мной? Теперь я буду вашимъ гетманомъ!»—Лихо вынеслись поляки: половина ихъ погибла, но другая успѣла проскочить. Вотъ все, что уцѣлѣло отъ корсунскаго погрома. Гетманъ Калиновскій попался израненый, а Потоцкій захваченъ, какъ сидѣлъ, въ своей каретѣ. Хмельницкій, по приговору рады, отдалъ ихъ Тугай-Бею. Оба предводителя въѣхали торжественно въ Корсунь: больше въ Украйнѣ не было польскихъ войскъ.

Небольшія вооруженныя шайки, подъ названіемъ «загоновъ», разошлись по Волыни, Подоліи и по всей Украйнѣ. Подъ начальствомъ казачьихъ вождей онѣ разоряли помѣщичьи усадьбы, нападали на укрѣпленные замки, города, при чемъ не щадили ни старыхъ, ни малыхъ и особенно жестоко мстили жидамъ. Ихъ вѣшали, топили, рубили, кидали съ кручи, и лишь немногіе счастливцы успѣли бѣжать «съ однѣми душами». Все живое спасалось за Вислу. Хмельницкій не разсчитывалъ на такой конецъ. Подымая войну, онъ хотѣлъ только попугать поляковъ, дать имъ почувствовать казацкую силу, а потомъ жить съ панами въ мирѣ. Вышло не то: вмѣсто казацкой войны наступила народная война, истребленіе шляхетства и всего того, что съ нимъ окрѣпло. На защиту шляхетства, на защиту католической вѣры поднялся богатый польскій магнатъ Іеремія Вишневецкій, проживавшій въ Лубнахъ. Потомокъ православныхъ русскихъ князей, онъ перешелъ въ католичество; всѣ свои несмѣтныя богатства употреблялъ на постройку костеловъ, монастырей, часовенъ; православныхъ же преслѣдовалъ такъ жестоко, что имя его стало ненавистно русскому народу. Это былъ человѣкъ гордый, надменный, особенно съ выс-

шими и равными себѣ, но щедръ по-царски и ласковъ съ низшими. На войнѣ онъ отличался рыцарскою храбростью, неутомимостью, хотя былъ безжалостенъ къ врагамъ, изобрѣтая самыя мучительныя казни: «Мучьте ихъ такъ, кричалъ онъ своимъ па-



Богданъ Хмельницкій и Тугай-Бей послѣ Корсунской битвы.

лачамъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ!» — Узнавши, что многіе паны хотятъ мириться съ казаками, Іеремія, побрякивая саблей, сказалъ гнѣвно: «Вотъ чѣмъ слѣдуетъ мириться!» — и, имѣя собственныя хоругви, бросался съ ними, какъ барсъ, съ одного конца Украйны на другой. Приближеніе «Яремы», какъ называлъ

его народъ, наводило страхъ на казацкіе загоны, и лишь одинъ смѣлый Кривоносъ искалъ его отрядъ, даже пытался разбить. Однако, несмотря на свои подвиги, Іеремія не получилъ булавы; начальство надъ войскомъ, собраннымъ противъ казаковъ, вручили тремъ предводителямъ: Доминику Заславскому, Конецпольскому и Остророгу. Хмельницкій называлъ ихъ въ насмѣшку «периною», «дитиною» и «латиною»: одного за изнѣженность, другого — по молодости, послѣдняго — за ученость. Разгнѣванный Іеремія хотѣлъ было сражаться отдѣльно, но потомъ, смиривши свою гордость, присоединился къ коронным войскамъ. Ихъ собралось до 48 тыс., не считая слугъ, которыхъ было втрое больше. Это войско отличалось большимъ щегольствомъ. Гусары щеголяли своими бархатными кунтушами, конскими уборами, золочеными доспѣхами, дорогимъ оружіемъ. Въ богатыхъ шелковыхъ шатрахъ стояли столы, нагруженные дорогимъ фарфоромъ, обильные вкусными наѣдками и сладкими напитками. Можно было подумать, что паны съѣхались праздновать свадьбу, потому что серебра было больше, чѣмъ свинца. По обычаю, одинъ пиръ смѣнялся другимъ, при чемъ паны хвастали: «Противъ такой сволочи не стоитъ тратить пуль; мы ихъ плетьми разгонимъ!» другіе, болѣе заносчивые, читали такую молитву: «Боже, не помогай ни намъ, ни казакамъ, а только смотри, какъ мы съ ними раздѣлаемся».

Небольшая рѣчка Пилява отдѣляла оба табора — польскій и казацкій, по обѣ стороны рѣки тянулись болота; поперекъ ея была настлана плотина. Казаки успѣли эту плотину занять, укрѣпили ее шанцами, а болото разгрузили лошадьми и скотомъ. Въ понедѣльникъ, 20 сентября, поляки перешли въ разныхъ мѣстахъ Пиляву и овладѣли плотиной; на другой день казаки снова ее отняли. Вечеромъ въ казацкомъ таборѣ поднялся необычайный шумъ: тысячи голосовъ кричали на разные лады «Алла!» — такъ казаки встрѣчали небольшой татарскій отрядъ Карабчи-мурзы. Тотчасъ же былъ подосланъ къ полякамъ лазутчикъ, который передалъ панамъ, что явилась татарская орда въ 40 тыс. Предводители только теперь догадались, что выбрали для лагеря самое неудобное мѣсто—

яры, болото, а въ тылу у нихъ оставалась равнина, которую успѣлъ уже занять Кривоносъ. Сдавши начальство Іереміи, три предводителя бросили лагерь. Вслѣдъ за ними бѣжало въ Константиновъ и остальное войско. Утромъ выѣхали казаки погарцовать, а гарцовать-то не съ кѣмъ: лагерь былъ пустъ, только лаяли собаки. Гетманъ двинулъ всѣ свои силы въ погоню, и велика была казацкая добыча: имъ досталось 120 тыс. возовъ съ лошадьми, 80 пушекъ да на 10 мил. всякихъ драгоцѣнностей, оружія, доспѣховъ, собольихъ шубъ, персидскихъ шалей, суконъ, матерій, закусокъ, винъ. Въ 4 дня казаки выпили столько меду, что его могло бы хватить на мѣсяцъ.

Побѣда подъ Пилявой открывала путь въ беззащитную Польшу, и Хмельницкій не зналъ, что ему теперь дѣлать: идти ли впередъ, или вернуться въ Украйну? Онъ собралъ раду. «Веди на ляхівъ, кинчай ляхівъ!» кричали простые казаки, особенно тѣ, которые привыкли къ грабежу. Гетманъ распустилъ ихъ загонами, а самъ занялся осадой городовъ, выжидая, чѣмъ кончится варшавскій съѣздъ пановъ; они съѣзжались тогда на выборы короля. Казацкіе послы также явились въ Варшаву, и паны, желая сдѣлать угодное гетману, выбрали королемъ Яна Казимира, брата покойнаго Владислава. Казаки, получивъ отъ него милостивое посланіе, какъ послушныя дѣти, тотчасъ оставили польскія границы.

Въ январѣ 1649 г. Хмельницкій въѣзжалъ въ Кіевъ. Звонъ колоколовъ, пальба изъ пушекъ, радостныя восклицанія народа привѣтствовали гетмана и его сподвижниковъ. Этотъ день былъ торжествомъ не только Хмельницкаго, но торжествомъ всего народа, православной вѣры. У стѣнъ св. Софіи встрѣтилъ гетмана митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ; бурсаки пропѣли ему на латинскомъ языкѣ хвалебныя пѣсни. Бывшій въ то время въ Кіевѣ іерусалимскій патріархъ Паисій принесъ гетману поздравленіе отъ себя и отъ всей греко-россійской церкви. Самый Кіевъ, искони русскій и православный городъ, преобразился временно въ столицу Украйны. Сюда съѣхались послы Крыма, Турціи, Молдавіи; пріѣхалъ и московскій посолъ Унковскій съ богатыми подарками, съ ласко-

вымъ словомъ Государя Алексѣя Михайловича. Хмельницкій, окруженный послами державъ, понималъ, что онъ обязанъ своимъ величіемъ русскому народу, нисколько не гордился и держалъ себя по-простy, по-казацки. Онъ потчивалъ гостей изъ золотыхъ кубковъ, наполненныхъ горѣлкой или же домашней наливкой, а гетманша, разодѣтая въ глазетъ и бархатъ, растирала въ черепкѣ табакъ для своего мужа. Послѣ всѣхъ пріѣхали королевскіе послы. Торжественно, на площади, при многочисленномъ стеченіи народа, они поднесли гетману королевскую грамоту, булаву, осыпанную сапфирами, и красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла. Гетманъ, одѣтый въ богатый соболій кобенякъ, прикрытый бунчуками, стоялъ среди полковниковъ и войсковой старшины. Однако послы не принесли мира. Гетманъ требовалъ, чтобы казаки, помимо пановъ, подчинялись прямо королю, чтобы уніи, костеламъ и жидамъ—не быть, Вишневецкому—не давать начальства надъ войскомъ. Полякамъ, привыкшимъ смотрѣть на Украйну какъ на свое добро, такія условія казались продерзостны. Украинскій народъ, по ихъ понятіямъ, былъ созданъ для того, чтобы служить имъ въ холопствѣ, а казаки, если что имѣли, то не сами добыли, а получили съ панской ласки. Польша пришла въ движеніе: готовилась война на жизнь и смерть. Начальство надъ войскомъ принялъ самъ король; около 50 конныхъ хоругвей и нѣмецкая наемная пѣхота, всего отъ 10 до 12 тыс., выступили къ границамъ Волыни подъ начальствомъ трехъ почтенныхъ вождей: Фирлея, Ляндскоронскаго и ученаго Остророга; къ нимъ присоединилъ свои хоругви Вишневецкій. Разоривши, какъ водится, окрестный край, паны стали подъ Збаражемъ, въ нынѣшней Галиціи. На горѣ стоялъ збаражскій замокъ, внизу—городъ, возлѣ котораго расположилось войско. Поляки сразу же сдѣлали большую ошибку: начали окапываться очень широко. Въ то же время въ Украйнѣ весь народъ поднялся на войну. Поселянинъ забросилъ свой плугъ; орала, серпы и косы были перекованы въ оружіе; заброшены нивы, запустѣли хутора, села; дома остались лишь калѣки, старики да бабы—все ушло въ Чигиринъ, столицу Богдана. Гетманъ распи-

салъ ихъ по полкамъ и сотнямъ; въ иныхъ сотняхъ набралось по тысячѣ, а всѣхъ полковъ было 30. Въ концѣ мая Хмельницкій выступилъ въ походъ; на Черномъ шляху, за Животовымъ, къ нему присоединился крымскій ханъ Исламъ-Гирей. Въ его огромной ордѣ, кромѣ своихъ татаръ, находились крымскіе горцы, отличные стрѣлки изъ лука, степные ногаи, ѣвшіе сырую конину, буджакскіе татары — лихіе наѣздники степей, пятигорскіе черкесы, съ выпяченными глазами и закрученными за ухо длинными чубами; были здѣсь и донскіе казаки. Говорили, что такого войска не видѣла Европа со временъ Тамерлана.

Паны, захваченные врасплохъ, принялись кончать свои окопы подъ Збаражемъ. Засучивъ бархатные рукава кунтушей, рядомъ съ жолнерами и челядью, они копали всю ночь; наступило утро, а окопы не готовы. Въ этихъ случаяхъ они обыкновенно убѣгали, потому что не умѣли выдерживать долгую осаду, но всѣ пути были заняты и, кромѣ того, съ ними находился Іеремія, умѣвшій сдержать самыхъ труслиивыхъ. Вечеромъ ксендзы обошли со св. дарами, и всю ночь польскіе жолнеры провели въ молитвѣ.

На утро выступилъ изъ стана казацкій полковникъ Бурлей, который воевалъ Синопъ и задалъ страху Цареграду; теперь онъ велъ свой полкъ на венгерскую пѣхоту. Она не выдержала, бросилась назадъ; татары по ея слѣдамъ ворвались въ обозъ. Казалось, все погибло, но отважный Іеремія повернулъ венгерцевъ, бросился съ гусарскою хоругвью и приперъ казаковъ къ пруду. Много славныхъ рубакъ Бурлеева полка тутъ погибло; палъ и самъ Бурлей. На выручку бросился Морозенко, котораго поляки боялись «пуще мороза» — и его отбили, едва ушелъ самъ. Жестоко напирали казаки; упорно стояли ляхи, ободряемые Вишневецкимъ. А гетманъ обѣщалъ хану, что сегодня же заночуетъ въ обозѣ! — Тогда казаки насыпали за-ночь вокругъ польскаго обоза высокій валъ, втащили на него пушки и стали палить. Поляки выкопали себѣ другой, потѣснѣе, и только-что успѣли перейти, казаки — за ними, насыпали себѣ еще выше. Поляки не знали теперь, куда имъ укрыться отъ стрѣлъ и пули; каждый панъ сталъ окапы-

вать себя и лошадь. Они засѣли въ норы, какъ кроты. Гетманъ велѣлъ вести подкопы, но польскіе инженеры скоро это провѣдали. Они ставили на землю миски съ водой, а сверху накрывали ихъ бубномъ. Какъ только вода всколыхнется, бубны издавали звуки, и по этой примѣтѣ сейчасъ же узнавали, куда идутъ подкопы: поляки рыли тутъ колодецъ и начинали копать встрѣчную мину. При всемъ томъ, къ концу іюля, у поляковъ вышелъ весь порохъ, свинецъ, вышли запасы, и они, поѣвши конину, стали ловить въ домахъ конекъ, мышей, грызли кожу, жевали «спеклую» землю. И паны, и простые воины терпѣли одинаково. Отъ смрада гніющихъ труповъ воздухъ породилъ заразу. Тѣмъ не менѣе, крымскому хану Исламъ-Гирею надоѣло ждать, и онъ, призвавши гетмана, сказалъ ему сурово: «Если ты мнѣ въ три дня не расправишься съ поляками, отвѣчаешь своей головой!» — Послѣ этого русскіе пошли на штурмъ. Впереди гнали плѣнниковъ, связанныхъ шестами; на груди у нихъ висѣли мѣшки съ землей; вслѣдъ за ними катили гуляй-городыни изумительной величины. Пальба изъ орудій, крики, грохотъ городынь устрашили поляковъ, спертыхъ въ темнотѣ и тѣснотѣ. Князь Іеремія заступилъ дорогу бѣглецамъ: «Кто двинется назадъ, тотъ самъ погибнетъ или меня положитъ на мѣстѣ! Впередъ! — Онъ самъ выскочилъ изъ окоповъ, врѣзался въ ряды казаковъ и, положивъ многихъ на мѣстѣ, поджогъ городыни. Приступъ не удался. Гетманъ изобрѣлъ другую выдумку. Въ одно утро поляки увидѣли, что казацкіе валы сразу повысились отъ набросаннаго хвороста; сверху торчали лѣстницы, и сидѣвшіе на нихъ казаки, закидывая въ ихъ норы желѣзные крюки, вытаскивали людей, точно рыбу изъ воды.

До сихъ поръ король не особенно спѣшилъ подать помощь войску. Онъ самъ имѣлъ не болѣе 20 тыс.; ополченія прибывали къ нему очень медленно и то изъ мѣстностей, занятыхъ казаками. Когда ихъ набралось около 13 тыс., король занялся обученіемъ: училъ стрѣльбѣ, маршировкѣ, училъ стоять въ караулѣ; самъ ходилъ по ночамъ, повѣрялъ посты. Кромѣ того, движеніе

войска замедлялось проливными дождями и большимъ обозомъ. По обычаю того времени, у каждаго шляхтича была въ обозѣ своя пароконная буда, въ которой хранились ветчина, сухари, горохъ, овесъ, водка, запасное оружіе, котелокъ для варки пищи, лопата, топоръ, заступъ и лукошко, необходимое при земляныхъ работахъ. Не смотря на то, что король находился уже недалеко отъ Зборова, онъ не зналъ, гдѣ непріятель; его подъѣзды пропадали безслѣдно, жители молчали, не выдавая своихъ ни единымъ словомъ. А Хмельницкій все зналъ до малѣйшихъ подробностей. Оставивши въ окопахъ противъ Збаража пѣшихъ казаковъ, онъ ночью выступилъ съ татарами на-встрѣчу королю; не доходя Зборова, они взяли вправо и скрытно расположились за лѣсомъ. Когда войско стало въ полной готовности, гетманъ, собравши къ себѣ полковниковъ, сказалъ: «Наши отцы, братья, дѣти простираютъ руки и просятъ освободить отъ фараонскаго ига. Души замученныхъ молятъ о мщеніи; церковь поруганная взываетъ къ вамъ, сынамъ своимъ, постоять за нее. Но не дерзайте поднять убійственной руки на короля, помазанника Божія! Мы воюемъ противъ пановъ, противъ мучителей, которые подвигли его на насъ». — На другой день— это былъ праздникъ Успенія — поляки начали переправляться по двумъ мостамъ черезъ рѣчку Стрипу. Гетманъ это видѣлъ; онъ сидѣлъ на деревѣ и ждалъ удобнаго часа. Въ полдень онъ выслалъ казаковъ къ ближайшему мосту; задняя стража была сбита, казаки бросились на мостъ и начали рубить поселянъ, обѣдавшихъ у своихъ повозокъ. Нестройные, непривычные къ бою, они валились какъ снопы и имъ некуда было спасаться: сзади — казаки, спереди—татары, мостъ загроможденъ будами. Въ Зборовѣ зазвонили въ колокола; король выслалъ оттуда нѣсколько хоругвей, но ихъ смели до послѣдняго человѣка. Болѣе 20 знатныхъ пановъ погибли въ кровавой сѣчѣ; до 5 тыс. шляхтичей лежали въ разбросъ, и много тогда замковъ и палацовъ осиротѣли въ Польшѣ: тутъ погибалъ цвѣтъ польскаго рыцарства. Управившись у ближайшаго моста, казаки понеслись къ другому, но король успѣлъ уже переправиться, мостъ былъ сломанъ, и казаки попали подъ

перекрестный огонь; въ нихъ палили изъ Зборова и съ того берега. Тогда гетманъ повернулъ, поспѣшая на ту сторону. Между тѣмъ король устроилъ свое войско къ битвѣ. На лѣвомъ флангѣ онъ поставилъ ополченія подъ начальствомъ Любомирскаго; въ центрѣ стала нѣмецкая пѣхота и самъ король съ пятью хоругвями гусаръ; на правомъ флангѣ—остальныя конныя хоругви и нѣсколько полковъ пѣхоты подъ начальствомъ канцлера. На горизонтѣ показалась черная лента, потомъ она вдругъ свернулась въ клубокъ: это были татары; они остановились передъ правымъ флангомъ и стали вызывать на герцы. Поляки стояли неподвижно. Татары повернули направо, вихремъ пронеслись передъ фронтомъ поляковъ и врубились въ лѣвый ихъ флангъ. Крики «Алла! Алла»! перемѣшались съ призывомъ поляковъ: «Іисусъ! Марія!», съ гиканьемъ казаковъ. Темнота отъ стрѣлъ была такая, что поляки не различали своихъ отъ чужихъ. Полковникъ Пузовскій, у котораго стрѣла пронизала обѣ щеки, прискакалъ къ королю. Янъ Казиміръ съ обнаженной саблей поспѣшилъ на лѣвый флангъ. Онъ хваталъ за узды лошадей, поднималъ знамена, грозилъ саблей, громкимъ голосомъ призывалъ на битву. Воины устыдились своего малодушія, на мигъ остановились, но новая татарская волна поглотила ихъ безслѣдно. Тогда король двинулъ изъ центра нѣмецкую пѣхоту; канцлеръ повелъ правое крыло. Янъ-Казиміръ, въ самомъ пылу битвы, велѣлъ двинуть три хоругви.—«У насъ нѣтъ ротмистровъ!» отвѣчали ему. — «Я вашъ ротмистръ!» крикнулъ король и хотѣлъ уже броситься впередъ, но его удержали паны силой. Сумерки прекратили битву. Поляки сошлись къ обозу; ихъ окружали татары и гетманъ.

Темна и ужасна была эта ночь. Предводители Польши съѣхались верхами на совѣтъ. Они были въ отчаяніи: «Мы погибли! Спасенія нѣтъ!»—Кто-то предложилъ вывести короля тайно изъ обоза. «Никогда я не покажу примѣра гнусной низости!—сказалъ король.—Я готовъ жить съ вами и умереть».—Канцлеръ Осолинскій предложилъ написать хану примирительное письмо. Пока писалось это письмо, въ лагерѣ разнесся слухъ, что король убѣ-

жалъ. Жолнеры бросили лопаты; слуги стали запрягать повозки, все готовилось бѣжать. Утомленный долгою молитвой, король только что прилегъ, какъ прибѣжали его звать. «Коня!» крикнулъ онъ и поѣхалъ по лагерю съ открытой головой, чтобъ всѣ его видѣли. «Не бросайте меня, дѣти! Я не отстану отъ васъ, и, если угодно Богу, положу здѣсь свою голову».—Слезы текли по щекамъ короля; всѣ его видѣли, были разстроены и поклялись остаться. Утромъ татары бросились въ тылъ полякамъ. Ихъ окопы не были готовы; открытыя мѣста замыкали телѣги. Съ фронта велъ атаку гетманъ; часть казаковъ онъ послалъ взять Зборовъ. Нѣсколько сотенъ ворвались въ городъ, втащили на колокольню двѣ пушки и стали нагрѣвать поляковъ сверху; остальные, очертя голову, рвались въ окопы. Ихъ не могли удержать ни длинныя пики гусаръ, ни пальба нѣмецкой пѣхоты. Вокругъ короля столпились его послѣднія хоругви. Дружно ворвались казаки, разсѣяли стражу и приближались къ Яну-Казимиру... Вдругъ раздалась команда: «Згода!»—Гетманъ остановилъ битву. Онъ не хотѣлъ, чтобы христіанскій монархъ попалъ въ неволю къ бусурманамъ. Казаки отошли, сѣча стала утихать, и только въ дальнихъ мѣстахъ рѣзались до вечера.

На другой день начались переговоры. Ханскій визирь наотрѣзъ объявилъ: «Помиримся, если заплатятъ намъ деньги, а казакамъ простятъ ихъ вину».—И заплатили поляки въ ту пору 200 тыс. золотыхъ, да обѣщали платить ежегодно по 90 тыс. Гетманъ приказалъ положить къ ногамъ короля свои условія, которыя заключались въ слѣдующемъ: чтобы кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ польскомъ сенатѣ, наравнѣ съ другими сенаторами; чтобы церковь греческая пользовалась тѣми же правами, что и церковь римско-католическая; чтобы, наконецъ, число казаковъ было умножено до 40 тысячъ. Долго паны спорили, пока согласились принять условія гетмана, и тогда написали договоръ, извѣстный подъ именемъ Зборовскаго трактата. Гетманъ, сопровождаемый сотнею знатнѣйшихъ казаковъ, прибылъ въ польскій лагерь. Когда его ввели въ шатеръ, онъ почтительно подошелъ къ

королю и, ставъ на одно колѣно, произнесъ рѣчь, въ которой старался оправдать себя и казаковъ, поднявшихъ оружіе. «И скотъ бодается, если его мучатъ», пояснилъ гетманъ. Король, сохраняя важность своей особы, молчалъ, только ласково протянулъ руку, которую Хмельницкій поцѣловалъ. Вмѣсто короля отвѣчалъ Санѣга, объявляя его именемъ забвеніе всего прошлаго и прощеніе казацкому войску. На этомъ свиданіе кончилось, и гетманъ вернулся подъ Збаражъ, гдѣ польскіе жолнеры все еще сидѣли въ своихъ окопахъ Когда ихъ открыли, оттуда вылѣзли чахлые и блѣдные защитники, просидѣвшіе 9 недѣль въ норахъ. Они были до того слабы, что не могли держаться на ногахъ. Такъ кончилось Збаражское сидѣнье.

Пріѣхалъ кіевскій митрополитъ въ Варшаву, чтобы засѣдать въ сенатѣ, а сенаторы встрѣчаютъ его такими словами: «Никогда схизматикъ не дождется, чтобы ему сидѣть съ нами. Иначе мы оставимъ сенатъ!»—Смиренный старецъ покинулъ Варшаву. Такъ же было и съ другими статьями договора: ихъ не хотѣли исполнять ни казаки, ни поляки. Крестьяне наотрѣзъ отказались служить панамъ, которые вернулись въ свои помѣстья; они говорили: «Развѣ мы не были казаками? Гдѣ же обѣщанія гетмана?» Паны бѣжали обратно въ Польшу, а многіе и вовсе не нашли своихъ помѣстій, потому что они были отписаны на реестровыхъ казаковъ. Тамъ же, гдѣ паны пришли съ командами и разсчитывали водвориться силой, крестьяне разбѣгались: одни уходили за Днѣпръ, на новыя поселенія, въ нынѣшнія Харьковскую и Полтавскую губерніи; другіе бѣжали въ лѣса; третьи шли къ гетману, чтобы онъ ихъ записалъ въ казаки. Но гетманъ и безъ этого уже вписалъ вдвое больше, чѣмъ слѣдовало. Во всей Украйнѣ поднялся ропотъ; появились шайки мятежныхъ крестьянъ; начались насилія, своеволія. Одно время гетманъ думалъ, что можно смирить силой, но этимъ дѣла не поправилъ да еще потерялъ довѣріе къ себѣ народа. Надумавшись, онъ отправилъ въ Варшаву пословъ съ требованіемъ, чтобы унія была уничтожена и чтобы имущества бывшихъ уніатскихъ монастырей были переданы православнымъ; паны

приняли это требованіе за оскорбленіе католической вѣры и единогласно объявили войну. Все населеніе Польши было призвано къ оружію. Въ Люблинъ пріѣхалъ папскій посолъ и привезъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ призваннымъ въ походъ, а королю привезъ въ подарокъ мантію и освященный мечъ, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Поляки одушевились, точно они готовились въ крестовый походъ противъ невѣрныхъ. И гетманъ готовился къ войнѣ. Митрополитъ Коринѳскій препоясалъ его мечомъ, освященнымъ на Гробѣ Господнемъ, вручилъ ему святыя мощи и, благословивъ войска, самъ обѣщалъ идти на брань. Но казацкая старшина, получивши все, чего добивалась, подымалась на этотъ разъ неохотно да и народъ извѣрился въ своихъ вождей. Самъ Хмельницкій начиналъ войну какъ-то вяло: онъ допустилъ соединеніе польскихъ гетмановъ, ушедшихъ изъ-подъ Каменца въ лагерь короля; потомъ, остановившись подъ Збаражемъ, упустилъ случай разбить поляковъ, когда они проходили узкими прогалинами между болотъ, направляя свой путь къ р. Стыри. На переправѣ черезъ Стырь поляки перессорились съ нѣмцами; многіе хотѣли бросить войско, и вся эта неурядица сошла имъ благополучно, потому что гетманъ въ это время чествовалъ Исламъ-Гирея.

Польское войско, подъ личнымъ начальствомъ короля расположилось на равнинѣ передъ сел. Берестечкомъ, въ нынѣшней Волынской губерніи. Позиція эта была очень неудобная, тѣсная, сзади нея протекаетъ р. Стырь, справа—лѣсъ, слѣва—болотистая Пляшва; фронтъ позиціи поляки прикрыли валами и редутами, которые уцѣлѣли до сихъ поръ. Правымъ крыломъ командовалъ коронный гетманъ Потоцкій, лѣвымъ—Калиновскій; подъ его начальствомъ находился Іеремія. Въ обоихъ крыльяхъ ополченцы стали въ перемежку съ войсками. Начальство надъ центромъ принялъ самъ король. Впереди поставили артиллерію, за нею—нѣмецкую пѣхоту, прикрытую по флангамъ конницей; далѣе вглубь стали гусары и, наконецъ, король, окруженный конной дружиной изъ 500 отборнѣйшихъ дворянъ; за королемъ выстроилась гвардія и нѣсколько конныхъ полковъ. За спиной у нихъ находился ла-

герь, окруженный возами, скованными цѣпями. Число поляковъ простиралось до 300 тыс.; всѣ взрослые пошли на войну: остались дома ксендзы, старики и дѣти. Противъ лѣваго польскаго крыла устроились казаки, а лѣвѣе ихъ, по отлогостямъ равнины, татарская орда, силою до 120 тыс. Казацкая пѣхота расположилась въ четыреугольникѣ, сбитомъ изъ тройного ряда возовъ, скованныхъ цѣпями; по бокамъ этой подвижной крѣпости стала конница. У Хмельницкаго было не болѣе 80 тыс. казаковъ.

30 іюня 1651 г. разыгралась битва, несчастная для казаковъ. Густой туманъ скрывалъ до полудня оба враждебные народа. Въ польскомъ лагерѣ носили чудотворную икону Богоматери, писаную евангелистомъ Лукой. Король съ блестящей свитой объѣзжалъ войска: «Я съ вами неразлученъ, говорилъ онъ, или уничтожимъ хлопа, или всѣ поляжемъ. Лучше смерть, чѣмъ быть въ неволѣ у хлоповъ и въ посмѣяніи у всѣхъ народовъ». — Въ казацкомъ войскѣ митрополитъ Іоасафъ, въ полномъ облаченіи, ѣхалъ тихо на конѣ; впереди несли церковные хоругви и образа, дымъ кадилъ возносился къ небу. «Братія и воины! наставлялъ пастырь, стойте за церковь вашу, отродившую васъ духовнѣ!» —Гетманъ, въ горностаевой мантіи, опоясанный освященнымъ мечемъ съ булавой, осыпанной драгоцѣнными камнями, носился на дорогомъ аргамакѣ, и зычный его голосъ, призывавшій на брань, приводилъ казацкія сердца въ трепетъ. Поднялся туманъ, солнце освѣтило равнину; на одной сторонѣ пестрѣли цвѣтные флюгера, блестѣли панцыри, колыхались перья; на другой — чернѣли казацкія свитки, а тамъ вдали возвышалось бѣлое знамя повелителя крымскихъ ордъ. Враги безмолвствовали: ни гетманъ, ни король не начинали битву. Послѣ двухчасовой пальбы поляки собрались на совѣтъ и уже было порѣшили отложить битву до другого дня, но Іеремія прислалъ сказать отъ всего лѣваго крыла, что оно рвется впередъ. Король принялъ это заявленіе, какъ добрый знакъ, и благословилъ начинать. Тотчасъ забили барабаны, заиграли трубы: Іеремія двинулъ 18 хоругвей. Ударили казаки, и оба крыла какъ бы поглотили другъ друга. Безстрашный Іеремія, съ обнаженнымъ мечемъ, указывалъ

дорогу. Крѣпкій, скованный цѣпями, казачій таборъ вдругъ распался, какъ послѣ оказалось, вслѣдствіе измѣны. Поляки проскочили сквозь таборъ, и далеко за нимъ красовалось знамя герба Вишневецкихъ. Когда явились на помощь татары, таборъ успѣли кое-какъ сковать; казаки съ гикомъ бросились за Вишневецкимъ; его разорванныя хоругви стали пробиваться назадъ, къ редутамъ; но на помощь Іеремію спѣшилъ съ праваго фланга Конецпольскій, а нападеніе татаръ на центръ польской арміи было отбито. По ихъ слѣдамъ король быстро двинулъ артиллерію и нѣмецкую пѣхоту. Разомъ грянули 40 орудій; раздался страшный крикъ—татары побѣжали въ непонятномъ страхѣ. Они кидали сѣдла, бурки, казаны, торбы,—лишь бы облегчить своихъ коней. Орда скакала безъ оглядки, покинувъ въ безпамятствѣ арбы съ женами и дѣтьми, свои сокровища, больныхъ, даже мертвыхъ. Коронный хорунжій захватилъ ханскій шатеръ, экипажи и серебряный барабанъ, которымъ скликали на битву.

Наступалъ вечеръ. Король, изъ опасенія засады, приказалъ вернуться всѣмъ въ лагерь. Скоро разнеслась по полю битвы побѣдная пѣснь: «Тебе, Бога, хвалимъ!» А въ это время въ казацкомъ таборѣ, притиснутомъ къ Пляшвѣ, царило страшное смятеніе; дошло до того, что казаки палили другъ въ друга. Гетманъ поскакалъ въ догонку за ханомъ и оставилъ вмѣсто себя полковника Джеджалыка, которому предстояло въ одно время и отбиваться, и водворять порядокъ. Съ наступленіемъ ночи подулъ рѣзкій вѣтеръ; густыя облака спустились къ землѣ, полилъ дождь какъ изъ ведра; въ темнотѣ и среди невылазной грязи казаки работали лопатами, зарываясь въ землю.

При безначаліи и всеобщемъ упадкѣ духа, русскіе не могли выдержать долгой осады. Уже на 10-й день большинство казаковъ покинуло таборъ; тѣ же, которые не успѣли уйти, пали геройскою смертью. Эта предсмертная борьба изумила поляковъ, не встрѣчавшихъ такого ожесточенія, такого презрѣнія къ жизни со всѣми ея благами. Когда они ворвались въ окопы, 3 т. самыхъ отважныхъ заняли бугорокъ, гдѣ держались до послѣдней возмож-

ности: будучи со всѣхъ сторонъ окружены, они бросились на проломъ, при чемъ большею частью погибли; остальные же, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, пробились къ островку. Съ этими отборными бойцами поляки ничего не могли подѣлать, такъ что Потоцкій, видя напрасную трату людей, послалъ сказать, что если казаки сдадутся, то останутся живы. Въ отвѣтъ казаки побросали въ воду золото и серебро, захваченное въ таборѣ, и сказали: «знайте, ляхи, что казаку дороже всего свобода!» —Тогда гетманъ выслалъ противъ нихъ двѣ хоругви. Казаки прочли молитву, обняли другъ друга и бросились въ сѣчу. Цѣлая сотня радзивилова полка погибла прежде, чѣмъ перебили русскихъ; остался одинъ изъ этой горсти храбрѣйшихъ. Онъ спрыгнулъ въ лодку и отмахивался косой; 14 пуль запустили въ него—онъ оставался живъ, продолжая держаться на ногахъ. Одинъ жолнеръ кинулся-было, чтобы опрокинуть лодку—и отскочилъ. Король, бывшій свидѣтелемъ этой отваги, приказалъ сказать казаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь. «Я гнушаюсь жизнію, хочу умереть какъ казакъ!» отвѣтилъ послѣдній боецъ подъ Берестечкомъ. Нѣмцы вошли въ воду и закололи его копьями.

Прошло еще 3 года тяжелой войны. Украйна обѣднѣла, обезлюдѣла. Ея лучшія силы погибли въ битвахъ или попали на колъ; половина земледѣльцевъ ушла за Днѣпръ на новыя поселенія, и тогда гетманъ ясно увидѣлъ, что хотя Польша и безсильна для того, чтобы смирить возставшій народъ, но и казаки слишкомъ слабы, чтобъ самимъ устоять. Послѣ долгой тревожной думы за судьбу своего народа, онъ обратился къ единовѣрной Москвѣ, гдѣ царствовалъ православный благочестивый Царь Алексѣй Михайловичъ. За украинскій народъ вступился патріархъ Никонъ, ревнитель православной церкви, и всѣ русскіе люди, собравшись въ Москвѣ, просили Царя принять въ подданство казаковъ, при чемъ дали обѣщаніе идти биться противъ короля польскаго, не щадя своихъ головъ. Тогда Царь отправилъ въ Украйну двухъ именитыхъ бояръ.

На третій день Крещенья, въ 1654 г., была назначена большая рада въ Переяславѣ. На разсвѣтѣ этого дня довбиши ударили въ

котлы, и площадь стала наполняться народомъ. Въ 11 ч. вышелъ гетманъ, прикрытый бунчукомъ; за нимъ вышла старшина. Генеральный эсаулъ подалъ знакъ: все стихло. Гетманъ предложилъ народу выбрать себѣ государемъ изъ четырехъ, котораго онъ хочетъ: турецкаго султана, крымскаго хана, короля польскаго или же царя восточнаго, царя православнаго. Затѣмъ, сказавши о каждомъ, что̀ было нужно, Хмельницкій прибавилъ про Царя восточнаго; «Этотъ великій Царь склонилъ къ намъ свое милостивое сердце и прислалъ бояръ съ милостію. Возлюбимъ его съ усердіемъ. Кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благотишнѣйшаго пристанища!» Тысячи голосовъ отвѣчали: «Вòлимъ подъ Царя восточнаго!» Полковникъ Тетеря обходилъ площадь и спрашивалъ: «Чи всі такъ соизволяете?» — «Всі!» кричалъ единогласно народъ. Тогда гетманъ возгласилъ: «Буди такъ! Да укрѣпитъ Господь крѣпкою рукою!» Народъ отвѣчалъ: «Боже, утверди! Боже, укрѣпи, щобъ мы на вікы всі були едини!» — Послѣ этого начался священный обрядъ присяги.

Еще три года прослужилъ гетманъ своему народу и православному Царю; прослужилъ, можетъ быть, и больше, еслибы заѣзжій шляхтичъ не опоилъ его отравленной водкой. Онъ сталъ сохнуть, хирѣть и въ Успеньевъ день, въ Чигиринѣ, скончался, успѣвъ сказать передъ смертью: «Похороните меня въ Суботовѣ, которое я пріобрѣлъ кровавыми трудами, изъ-за котораго загорѣлась война, освободившая Украйну». Черезъ недѣлю его отпѣвали. Рыданія народа заглушали церковное пѣніе: «То не вѣтры осенніе бушевали въ дубровѣ, то плакали и вопили казаки, погребая батька своего, стараго Хмельницкаго». Гробъ поставили въ каменной церкви, построенной самимъ гетманомъ, но простоялъ онъ здѣсь недолго: польскій наѣздникъ Чарнецкій приказалъ выбросить на поруганіе кости гетмана, который освободилъ Украйну, жилъ для нея и вмѣстѣ съ нею страдалъ.

ВОИНСКІЯ ЗАБАВЫ И ПЕРВЫЕ МОРСКІЕ ПОХОДЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго, 30 мая 1672 года, молодая Царица Наталья Кириловна обрадовала Алексѣя Михайловича рожденіемъ сына. Его нарекли Петромъ, дали имя доселѣ небывалое въ царской семьѣ. Раздался въ Москвѣ колокольный звонъ, и въ 5 час. утра радостный родитель уже слушалъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, а потомъ принималъ поздравленія отъ бояръ, духовенства и ближнихъ людей. Въ тотъ же день, въ Столовой палатѣ, Царь жаловалъ бояръ, думныхъ людей, полковниковъ и стрѣлецкихъ головъ водкой, фряжскими винами, яблоками, дулями и другими плодами. На третій день былъ столъ въ царицыной Золотой палатѣ; спальники подносили боярамъ закуску, коврижки, яблоки, инбирь. Святое крещеніе новорожденный принялъ на праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, въ чудовомъ монастырѣ. По этому случаю были особые столы — родильные и крестильные. Въ оба раза Царь угощалъ до 400 чел., какъ имснитыхъ людей, такъ равно и выборныхъ людей изъ черныхъ сотенъ и слободъ двор-

цовыхъ. — Знатно отпраздновалъ добрый Царь рожденіе своего младшаго сына.

Младенческіе годы Петръ провелъ съ матерью въ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за р. Яузой. Сюда каждую осень переселялся его отецъ; здѣсь было его любимое хозяйство: скотный дворъ, пасѣка, фруктовый садъ, огородъ, водяныя мельницы и, наконецъ, — соколиный дворъ. Царь любилъ потѣшить себя соколиной охотой; по вечерамъ слушалъ актеровъ и музыку, что́ считалось тогда большой диковинкой.—Черезъ 4 года Алексѣй Михайловичъ скончался, благословивши на царство своего старшаго сына, Ѳедора. Царица Наталья, оставшись вдовой, не покидала Преображенскаго, и здѣсь маленькій царевичъ росъ на волѣ, укрѣпляясь тѣломъ и духомъ. Въ десять лѣтъ онъ выглядѣлъ отрокомъ: на щекахъ у него игралъ румянецъ; большіе черные глаза сверкали огнемъ; темнорусые кудри закрывали лобъ. Во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась особенная ловкость, смѣлость; говорилъ скоро, отрывисто; умъ имѣлъ острый, пытливый. Когда умеръ его старшій братъ, Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, то на царство вѣнчали двухъ младшихъ братьевъ: Іоанна и Петра, хотя ни тотъ, ни другой не могли править дѣлами—Іоаннъ по немощи, а Петръ по малолѣтству. Вмѣсто нихъ взялась управлять государствомъ ихъ старшая сестра, царевна Софья Алексѣевна, а юный вѣнценосецъ оставался съ матерью въ с. Преображенскомъ, гдѣ, въ тѣнистыхъ рощахъ, проводилъ цѣлые дни съ малыми ребятами; учился съ ними солдатскому строю, сооружалъ земляныя крѣпости, бралъ ихъ штурмомъ или учился защищать. Эти потѣхи стали его любимымъ занятіемъ и для нихъ собрали ему однолѣтокъ, подъ названіемъ «потѣшныхъ»; дворцовые мастера готовили ребяткамъ разное оружіе: пистолеты, карабины, ружья, сабли, палаши, топорки, а больше всего—барабанцевъ. Дальше потребовались и пушки. Когда Царю исполнилось 11 лѣтъ, онъ отпраздновалъ день своего рожденія на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ были произведены «многія огнестрѣльныя потѣшныя стрѣльбы». Огненная гранатная стрѣльба производилась изъ деревянныхъ, отчасти мѣд-

ныхъ или желѣзныхъ пушекъ. Такъ какъ ихъ нужно было заблаговременно перевозить, устанавливать, то для этого отдѣлили особую команду, которую назвали «потѣшными пушкарями», или бомбардирами. Ровесники царя, князь Ѳедоръ Троекуровъ и иноземецъ Гумартъ, вмѣстѣ съ Петромъ, считались бомбардирами первой статьи, или «начальными» людьми, т.-е. офицерами. Въ бомбардирахъ второй статьи были дѣти именитыхъ князей, бояръ, дьяковъ, стольниковъ; въ этой же статьѣ значились бомбардирами имеретинскій царевичъ Александръ и Яковъ Брюсъ — оба будущіе наши генералъ-фельдцехмейстеры, а также Меншиковъ, современемъ свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ. Учрежденіемъ бомбардировъ Петръ положилъ начало нашей гвардейской артиллеріи и Преображенскому полку. Впослѣдствіи всѣ старшіе по службѣ преображенцы были изъ числа бомбардировъ. Однажды явился къ молодому Царю 25-ти-лѣтній конюхъ, по имени Сергѣй Бухвостовъ, парень рослый, здоровый, и просилъ записать его въ потѣшные. Петръ съ радостью принялъ этого перваго охотника на царскую службу, и Бухвостовъ получилъ названіе перваго русскаго солдата. Его портретъ и теперь хранится въ Преображенскомъ полку. Послѣ Бухвостова явилось много другихъ охотниковъ. Петръ сталъ набирать пѣхоту изъ дѣтей бояръ, изъ конюховъ, стрѣльцовъ и солдатъ Бутырскаго полка. Число такихъ потѣшныхъ съ каждымъ годомъ становилось больше, такъ что ихъ пришлось раздѣлить на двѣ части—Преображенскихъ и Семеновскихъ, по названіямъ подмосковныхъ селъ. Половина бомбардировъ отошла къ Преображенскому полку, а половина къ Семеновскому, и первымъ бомбардиромъ Преображенскаго полка считался самъ царь. Потѣхи продолжались своимъ чередомъ. Такъ, когда Петру было не болѣе 12 лѣтъ, чужеземецъ Зомеръ построилъ на берегу Яузы «потѣшный» городокъ, или крѣпостцу, по всѣмъ правиламъ военной науки—съ башнями, бойницами, глубокимъ рвомъ и подъемнымъ мостомъ. Государь самъ работалъ наравнѣ со всѣми, самъ возилъ на телѣжкѣ землю, уставлялъ пушки и назвалъ эту крѣпостцу «Презбургомъ». Началась осада; за осадой послѣдовалъ штурмъ. При громѣ пушекъ,

кидавшихъ бумажные снаряды, дѣти шли на приступъ такъ храбро и утвердились въ крѣпости съ такимъ азартомъ, точно заправскіе солдаты. Первымъ учителемъ военнаго дѣла былъ голландецъ Францъ Тиммерманъ. Онъ училъ Петра математикѣ и артиллеріи; разсказывалъ, какъ умѣлъ, устройство пушекъ, лафетовъ, стрѣльбу изъ орудій. До многаго Царь доходилъ и самъ: составленныя имъ правила навѣсной стрѣльбы существуютъ до сихъ поръ.

Эти потѣхи пришлись не по вкусу правительницѣ Софьѣ Алексѣевнѣ и многимъ боярамъ, которые держали ея сторону. Она распускала повсюду слухи, что Петръ предался заморскому ученью и готовъ отступиться отъ праотеческой вѣры; потѣшныхъ она называла «озорниками». Однако это озорство сослужило государству большую службу. Шакловитый, начальникъ стрѣлецкаго приказа, набиралъ тайно единомышленныхъ стрѣльцовъ и въ ночь на 8-е августа сбирался идти на Преображенское, поджечь село и во время пожара убить Петра, Царицу Наталью Кирилловну и близкихъ имъ бояръ. Уже злодѣи собирались въ Кремль, но Богъ спасъ Своего помазанника. Между стрѣльцами нашлись вѣрные царскіе слуги, которые, прослышавъ о грозящей бѣдѣ, упредили своихъ товарищей и дали знать въ Преображенское. Петръ въ ту же ночь уѣхалъ въ Лавру, а на другой день собрались къ нему всѣ потѣшные. Тутъ-то началась ихъ первая служба. Бомбардиры съ капраломъ Хабаровымъ были тайно посланы за орудіями и снарядами; мастера Пушкарскаго приказа снабдили ихъ порохомъ, и бомбардиры, пробираясь лѣсами и пустошами, провезли благополучно въ обитель пушки, мортиры, снаряды, порохъ. По царскому указу, къ Петру явились изъ Москвы не только иноземцы съ солдатскими полками, пушкари, мастера и ихъ ученики, но даже мятежные стрѣльцы. Власть правительницы перешла въ руки молодого Царя, а ей было указано перейти на житье въ монастырь. Принявши на себя бремя царской власти, Петръ не оставлялъ и прежнихъ занятій. Въ сентябрѣ того же 1689 г. онъ ходилъ изъ Троицкаго монастыря до Лукьяновской пустыни, обучая потѣшныхъ и прочія войска примѣрнымъ боямъ. Съ этого времени

ему много помогали въ ратномъ дѣлѣ иноземцы Лефортъ и Гордонъ. Сначала они становятся дѣятельными помощниками молодого Царя, а потомъ — разумными исполнителями его воли и благихъ предначертаній. Въ с. Преображенскомъ безпрестанно производились потѣшнымъ ученья и въ пѣшемъ, и въ конномъ строю; сюда приводили часто стрѣльцовъ и полки солдатъ. Кромѣ обыкновенныхъ ученій, ходили маневрами, одна сторона противъ другой, какъ это бываетъ на войнѣ. Одну сторону составляли обыкновенно потѣшные и солдатскіе полки, обученные по новому уставу, а другую — стрѣльцы, съ ихъ прежнимъ обычаемъ; бомбардиры дѣйствовали противъ пушкарей Пушкарскаго приказа. Цѣльная стрѣльба изъ пушекъ и мортиръ деревянными снарядами шла въ Преображенскомъ безпрерывно. На Каланчевскомъ полѣ были нарочно построены для этой стрѣльбы батареи и каланчи; однѣ изъ нихъ вооружались орудіями, а въ другія палили. Иногда стрѣляло до 50-ти орудій, и все это при участіи самого Царя или подъ надзоромъ бомбардировъ. Въ праздничные, особенно торжественные дни стрѣляли холостыми зарядами и жгли увеселительные огни. Во время маневровъ бывали и несчастные случаи, потому что молодые полки дѣйствовали запальчиво, безъ мѣры рвались; деревянные штыки причиняли сильные удары, картонныя бомбы при разрывѣ обжигали лица. На примѣрномъ приступѣ Семеновскаго двора разорвало огненное ядро возлѣ самого Государя, обожгло ему лицо и ранило Гордона.

Преображенское село стало колыбелью Преображенскаго полка и гвардейской артиллеріи. Съ увеличеніемъ потѣшныхъ увеличивалось и самое село. Улицы назывались по имени поселенныхъ въ нихъ ротъ: 1-я рота, 2-я рота и т. д. Государь жилъ въ своемъ маленькомъ дворцѣ, «капитанскомъ» домѣ. Здѣсь же помѣщались и бомбардиры, такъ какъ они, находясь въ придворномъ штатѣ, несли всю дворцовую службу. Улица, гдѣ жилъ Государь, Романовскій, Стрѣшневъ и другіе чиновные люди, называлась «Генеральской». На площади, возлѣ церкви, находился полковой дворъ, посреди котораго стояла съѣзжая изба, съ башней наверху; на

высокомъ шпилѣ этой баніни красовалось знамя съ царской короной. Внутренность избы была обита алымъ сукномъ; посерединѣ стоялъ большой столъ, покрытый такимъ же сукномъ. Здѣсь засѣдалъ ближній царскій стольникъ князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромадановскій, который вѣдалъ Преображенскій полкъ. Вскорѣ началось солдатское заселеніе Семеновской слободы; она отдѣлялась отъ Преображенскаго маленькой рѣчкой Сосенкой; съѣзжая изба Семеновскаго полка во всемъ была схожа съ Преображенской. На берегу Яузы стояла бомбардирская лабораторія—любимое мѣстопребываніе юныхъ царскихъ птенцовъ.

Кромѣ артиллерійской службы, бомбардиры трудились по волѣ Царя и надъ сооруженіемъ русскаго флота. Однажды молодой Царь былъ въ с. Измайловѣ и, гуляя по амбарамъ своего дѣда, случайно наткнулся на англійскій ботикъ.—«Что это за судно?» спросилъ Царь у своего учителя Франца Тиммермана. Когда ему сказали, что этотъ ботикъ ходитъ на парусахъ, не только по вѣтру, но и противъ вѣтра, то Царь былъ непомѣрно удивленъ и спросилъ: «Есть ли такой человѣкъ, который бы съумѣлъ его починить и показать ходъ?» — На это Тиммерманъ отвѣтилъ, что есть, и отыскалъ голландскаго плотника Бранта, который работалъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ. Брантъ починилъ этотъ ботикъ и, спустивши его на Яузу, плавалъ на немъ въ присутствіи Петра. Юный Царь, придя въ неописанный восторгъ, самъ сейчасъ же усѣлся въ ботикъ. — «Отчего онъ упирается все въ берегъ?» спросилъ Петръ.—«Вода очень узка», отвѣтилъ мастеръ. Однако они катались недѣли двѣ или три въ грязной рѣчонкѣ и по тинистымъ измайловскимъ прудамъ. Послѣ Петрова дня Царь отпросился у матери къ Троицѣ, откуда проѣхалъ къ Переяславлю-Залѣсскому, гдѣ, какъ ему сказали, есть большое озеро. Дорога шла между зеленыхъ рощъ и роскошныхъ пажитей. Верстъ за 5, съ высокой горы, открылся красивый городокъ, стоявшій у озера; влѣво отъ города—другое озеро, Плещеево, верстъ 30 въ окружности; на высокомъ каменномъ мысу красовался Горѣцкій монастырь. Петръ на этотъ разъ только полюбовался видомъ и вернулся къ

матери. Нѣжная родительница испугалась новой затѣи больше, чѣмъ огненныхъ потѣхъ. Чтобы вѣрнѣе удержать сына, она задумала его женить, и 27 января 1689 г. отпраздновали его свадьбу. Однако это средство не помогло. Какъ только вскрылись рѣки, Петръ оставилъ жену и поскакалъ въ Переяславль. Тамъ уже шла работа подъ надзоромъ Бранта: два судна находились въ отдѣлкѣ. Царь въ нетерпѣніи схватилъ топоръ и застучалъ, какъ самый усердный работникъ; рядомъ съ нимъ рубилъ бомбардиръ Воронинъ и много другихъ, которыхъ онъ привезъ съ собою. Цѣлые дни они проводили въ работѣ. И теперь еще показываютъ мѣста, гдѣ жили нѣмцы-корабельщики, на горѣ, которая такъ и прозывается «Нѣмецкой». На берегу озера былъ выстроенъ для Царя домикъ о пяти горенкахъ; противъ него разбитъ садъ, а въ самомъ озерѣ еще недавно торчали сваи: это была пристань; уцѣлѣлъ колодецъ, вырытый самимъ Царемъ.—Въ ту пору, какъ кончали суда, Царь не могъ отлучиться изъ Москвы: онъ рѣшалъ свое спорное дѣло съ царевной Софьей Алексѣевной. Въ слѣдующемъ году Петръ пріѣхалъ на торжество спуска кораблей; съ нимъ явились, какъ водится, бомбардиры, прибыло много иноземцевъ, новыхъ его друзей. Ежегодно 1-го мая въ Переяславлѣ совершался крестный ходъ на озеро. Только въ этомъ году онъ происходилъ особенно торжественно. Духовенство всѣхъ церквей вышло изъ собора и потомъ шло обоими берегами Трубежа, до самаго озера, гдѣ стояла на одной сторонѣ церковь Введенія, а на другой — Сорока Мучениковъ. Въ обѣихъ церквахъ одновременно началась обѣдня, по окончаніи которой духовенство вышло на озеро, здѣсь стояли совсѣмъ готовые къ спуску два фрегата и три яхты. На возвышеніи, называемомъ «Гремячъ», ждали потѣшные. Какъ только духовенство приблизилось, раздалась пальба изъ пушекъ, изъ ружей, послышались радостные клики народа, покрывавшаго густыми толпами оба берега; потомъ началось молебствіе и окропленіе св. водою. Опять залпы и мелкая пальба, а въ это время суда, предводимыя Царемъ, выплыли на середину озера, и началась новая потѣха. Царь любилъ соблюдать во всемъ порядокъ. Такъ было и тутъ. Онъ назна-

чилъ Франца Лефорта генералъ-адмираломъ, которому всѣ морскіе чины должны были повиноваться Подъ руководствомъ такого наставника Петръ изучалъ на дѣлѣ морскую науку, и жители Переяславля часто слышали съ озера жестокую пальбу. Года три кипѣла тутъ работа; переяславская флотилія становилась все больше и больше; но скоро великому человѣку показалось Переяславское озеро тѣснымъ; сначала онъ перенесъ свои потѣхи на Кубенское озеро, а отсюда на Бѣлое море. Долго упрашивалъ Петръ Царицу Наталью Кирилловну, пока она согласилась его отпустить, при чемъ однако взяла съ него обѣщаніе въ море не ходить, а посмотрѣть лишь съ берега. Въ это время Петру было уже 22 года. Переяславскую флотилію перевели большею частью на Донъ; многое погибло отъ времени, но ботикъ, этотъ дѣдушка русскаго флота, уцѣлѣлъ до сихъ поръ и хранится, какъ святыня, въ Московской Оружейной палатѣ.

Свою первую поѣздку въ Архангельскъ Царь совершилъ до Вологды сухопутьемъ, гдѣ пересѣлъ въ карбасъ, на которомъ доплылъ до Устюга и потомъ Двиною дальше. Въ другомъ карбасѣ ѣхала его свита: бояре, стольники, священникъ съ пѣвчими, докторъ, генералъ Лефортъ, 40 стрѣльцовъ и 10 бомбардировъ; Царь имѣлъ званіе сержанта Преображенскаго полка. Въ Холмогорахъ на пристани стояли стрѣльцы, а на обрубѣ было поставлено 13 пушекъ. Какъ только показался царскій карбасъ, зазвонили въ колокола, выпалили изъ пушекъ, стрѣльцы дали залпъ; Государь отвѣчалъ нѣсколькими выстрѣлами. Высадившись на берегъ, онъ тотчасъ поѣхалъ въ соборъ, гдѣ его ожидалъ архіепископъ Аѳанасій съ духовенствомъ. Послѣ молебна Царь со всей свитой отправился въ Крестовую палату откушать хлѣба-соли, при чемъ долго бесѣдовалъ съ преосвященнымъ. На другой день поплыли къ Архангельску; проѣхавъ мимо города, остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ были нарочно приготовлены для царскаго пріѣзда «государевы свѣтлицы». У пристани стояло 12 пушекъ и яхта «Св. Петръ». Въ это самое время нѣсколько иностранныхъ судовъ, нагрузившись товаромъ, собирались уходить домой, и Петръ вызвался ихъ проводить. 4-го августа корабли снялись съ якоря, дотянулись до устья Двины,

а на Преображеніе съ пушечной пальбой вступили въ открытое море. Царь смотрѣлъ во всѣ глаза, какъ голландскіе матросы ловко управлялись своимъ дѣломъ; онъ любовался легкостью хода и красивой отдѣлкой кораблей. У «Трехъ острововъ» Петръ распрощался съ голландцами и вернулся въ Архангельскъ. Царица-мать, узнавши про эту поѣздку, загоревала пуще прежняго; она слала письмо за письмомъ, чтобы ея «свѣтъ-радость» Петруша скорѣе ѣхалъ въ Москву; Царь отписывался, но все-таки оставался въ Архангельскѣ и прожилъ тутъ недѣль шесть. Онъ поджидалъ изъ Гамбурга кораблей, да и, кромѣ того, Архангельскъ, какъ единственный нашъ морской портъ, совсѣмъ заполонилъ царя-морехода. Къ Успенской ярмаркѣ сюда приходило до ста кораблей, изъ Голландіи, Англіи и Германіи; на нихъ привозили сукна, полотна, шелковыя ткани, вина, аптекарскій товаръ, галлантерейныя вещи; въ то же время, съ другой стороны, приплывали Двиной наши барки, нагруженныя пепькой, хлѣбомъ, поташемъ, смолою, саломъ, кожами, рыбнымъ товаромъ. Въ Архангельскѣ проживали постоянно приказчики заграничныхъ конторъ; для склада товаровъ было выстроено огромное каменное зданіе, съ башнями и бойницами, даже обнесенное валомъ, съ палисадомъ. Вѣчный шумъ, толкотня торговаго люда, чужеземные корабли и заманчивый товаръ, — все это было въ новинку молодому Царю, любознательному, кипучему, искавшему моря. — «Почему вы сами не возите за границу своихъ товаровъ?» спросилъ царь у русскихъ купцовъ. Они разсказали ему, что одинъ русскій человѣкъ, Лаптевъ, нагрузилъ свой корабль дорогими мѣхами и повезъ ихъ въ Амстердамъ, да съ тѣмъ и вернулся: голландскіе купцы сговорились между собой отвадить русскихъ—и никто не взялъ ни на полтину; съ той поры наши купцы больше не ѣздили. Царь сейчасъ же приказалъ архангельскому воеводѣ построить два купеческихъ корабля къ отпуску за море; одинъ изъ нихъ снарядилъ въ путь при себѣ, а другой велѣлъ послать на будущее лѣто. Ихъ нагрузили смолой, поташемъ, рыбнымъ клеемъ, икрой. Чтобы пріучить своихъ матросовъ къ дальнему плаванію, Царь заложилъ на архангельской верфи одинъ ко-

рабль, а другой, 44-хъ-пушечный фрегатъ, поручилъ купить въ Голландіи. Работая безъ устали по буднямъ, Государь въ праздничные дни слушалъ обѣдню, при чемъ зачастую самъ читалъ Апостола и пѣлъ басомъ на клиросѣ. Послѣ службы заходилъ на перепутьи къ «батюшкѣ» или посѣщалъ архіерея, съ которымъ, сидя за трапезой, «многоразумно» бесѣдовалъ какъ о дѣлахъ мірскихъ, такъ и духовныхъ. Въ знакъ особой милости къ этому пастырю, Царь подарилъ ему карету и стругъ, на которомъ приплылъ изъ Вологды. Въ архіерейской церкви и теперь хранится штандартъ съ государственнымъ гербомъ.

18-го сентября былъ объявленъ обратный походъ въ Москву. Народъ толпился на берегу, съ крѣпости палили изъ пушекъ, въ городѣ звонили въ колокола. Царь, стоя на досчаникѣ, ласково прощался съ народомъ; за Царемъ плыла свита на трехъ карбасахъ. Противъ архіерейскаго дома пѣвчіе запѣли многолѣтіе, а преосвященный выѣхалъ съ рыбой и хлѣбомъ. — Такъ провожалъ городъ перваго русскаго Царя, который посѣтилъ далекій Архангельскъ. Всю зиму Петръ трудился, приготовляясь къ морскому походу. Въ своей токарнѣ, въ Преображенскомъ, онъ наточилъ для кораблей блоки, приказалъ отлить пушки, выбралъ изъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ самыхъ лучшихъ солдатъ для морского экипажа, наконецъ придумывалъ морскіе сигналы и назначилъ адмираловъ; себя велѣлъ вписать шкиперомъ. Въ концѣ апрѣля начались сборы въ дорогу; до Вологды приказано выставить подводы, а въ этомъ городѣ заготовить 90 стругов. Царь пріѣхалъ сюда раньше всѣхъ, осмотрѣлъ суда, поправилъ снасти и, когда подъѣхала свита, снялся съ якоря съ пушечной пальбой. Суда плыли тѣмъ же путемъ, что и прошлое лѣто, но въ указанномъ порядкѣ: «господинъ шкиперъ» шелъ на 11-мъ стругѣ, а за нимъ адмиралъ; на послѣднемъ стругѣ — контръ-адмиралъ Гордонъ. Одинъ пушечный выстрѣлъ съ адмиральскаго корабля служилъ сигналомъ къ обѣду, если это было днемъ, или къ ужину, если это было вечеромъ; два выстрѣла призывали всѣхъ офицеровъ на адмиральскій корабль для совѣта; три выстрѣла означали,

что слѣдуетъ остановиться, а частая пальба—сниматься съ якоря. Въ случаѣ несчастія на суднѣ, оно должно было поднять красный фонарь и дать выстрѣлъ. — Это были морскіе сигналы. Погода стояла все время чудесная; то на веслахъ, то на парусахъ флотилія шла благополучно, принимая отъ попутныхъ городовъ должную встрѣчу.

18-го мая на всѣхъ парусахъ и съ громкой пушечной пальбой, украшенный флагами, флотъ прошелъ мимо Архангельска и въ полдень бросилъ у города якорь. Послѣ благодарственнаго молебствія Царь сейчасъ же поѣхалъ на верфь смотрѣть новый корабль. Къ его великой радости, корабль былъ готовъ; на третій же день его спускали въ Двину. Петръ собственноручно подрубилъ подпоры, и корабль плавно соцелъ по помосту. Затѣмъ державный мастеръ угостилъ голландцевъ роскошнымъ обѣдомъ, и вся компанія веселилась безъ малаго цѣлую ночь. Въ ожиданіи корабля, который былъ заказанъ въ Голландіи, Царь задумалъ съѣздить въ Соловки поклониться мощамъ св. угодниковъ. Снарядили яхту «Св. Петръ»; преосвященный Аѳанасій, ближніе бояре, царскій духовникъ и нѣсколько солдатъ сопровождали Государя. Вышли изъ Архангельска при слабомъ попутномъ вѣтрѣ, а потомъ вѣтеръ упалъ, почему яхта простояла цѣлыя сутки въ устьѣ Двины. 1-го іюня подулъ крѣпкій восточный вѣтеръ, поставили всѣ паруса и вышли въ море. Оно грозно шумѣло, предвѣщая бурю. Только-что прошли Унскую губу, верстъ 120 отъ Архангельска, какъ поднялась страшная буря. Паруса убрали, но яхта, сокрушаемая вѣтромъ, застонала всѣмъ своимъ составомъ. Она погружалась въ морскую пучину, поднималась грузно вверхъ, вздымая громадныя волны. Опытные мореходы говорили, что приходитъ конецъ. Бояре, офицеры, солдаты стояли въ оцѣпенѣніи, призывая въ тихой молитвѣ Господа и Его святыхъ угодниковъ; преосвященный Аѳанасій, окруженный пѣвчими, громко молился о спасеніи погибавшихъ; но священное пѣснопѣніе прерывалось раздирающими криками о помощи, ревомъ бушующихъ волнъ. Царь пріобщился св. Таинъ и сталъ къ рулю. Въ это время подошелъ къ нему стрѣлецъ Соло-

вецкаго монастыря, ладенный кормщикъ Антипъ Тимоѳеевъ, бывшій здѣсь за лоцмана, и сказалъ, что единственное спасеніе—войти въ Унскую губу. «Только, говоритъ, нужно улучить въ Унскіе рога; иначе суетно будетъ наше спасеніе: тамъ разбиваются суда о подводные камни и не въ такую бурю». Государь отдалъ ему руль. Царская яхта прошла благополучно между двумя рядами подводныхъ камней и на другой день около полудня стала на якорь близъ монастыря Пертоминскаго. Когда вышли на берегъ, Петръ со всѣми спутниками отправился въ храмъ Преображенія, гдѣ принесъ благодареніе Всевышнему и объявилъ монашествующей братіи разныя милости; лоцманъ Антипъ получилъ отъ него большія деньги. Государь сдѣлалъ собственными руками крестъ въ сажень вышиной и на своихъ же могучихъ плечахъ снесъ его на то мѣсто, гдѣ высадился; этотъ крестъ стоитъ тутъ и понынѣ, на память потомству. На четвертыя сутки, когда утихла буря, Царь вышелъ въ море, побывалъ у соловецкихъ чудотворцевъ и благополучно вернулся въ Архангельскъ. Здѣсь его возвращеніе праздновали нѣсколько дней, не щадя ни вина, ни пороха.

Прошло около мѣсяца; Царь истомился въ ожиданіи своего корабля, какъ вдругъ ему дали знать, что въ Двинскомъ заливѣ появилась флотилія. Петръ немедленно выѣхалъ на встрѣчу дорогимъ гостямъ, и самъ ввелъ корабли въ Двину. Это были два англійскихъ корабля, а одинъ свой, заказанный въ Голландіи, 44-хъ-пушечный фрегатъ «Св. Пророчество». Онъ находился въ пути 6 недѣль. Въ концѣ іюля стали грузить провіантъ, 3-го августа всѣ русскіе корабли вышли на рейдъ и салютовали адмиралу, который отвѣчалъ по обычаю. По выходѣ въ море былъ данъ такой порядокъ: впереди идти вице-адмиралу Бутурлину на кораблѣ «Св. Апостолъ»; за нимъ — четыремъ нѣмецкимъ кораблямъ, возвращавшимся на родину; въ центрѣ—адмиралу Ромадановскому на фрегатѣ «Св. Пророчество». Тутъ же находился и «господинъ шкиперъ» со своими ближайшими друзьями; сзади—четыре англійскихъ судна съ грузомъ и въ арьергардѣ—контръ-адмиралъ Гордонъ, на яхтѣ «Св. Петръ». Адмиралъ управлялъ

флотомъ при помощи сигналовъ. Однако за безвѣтріемъ, флотъ простоялъ цѣлыхъ 6 сутокъ; отъ нечего-дѣлать мореходы бродили по островамъ или убивали время въ дружеской попойкѣ. Болѣе всѣхъ тосковалъ Царь, хотя ни минуты не оставался безъ дѣла. При помощи Гордона онъ готовилъ чертежи бастіоновъ, назначалъ мѣста редутовъ, траншей и подкоповъ; Гордонъ записывалъ, какой нужно заготовить матеріалъ, сколько припасти инструмента; наконецъ, придумывалъ новыя построенія войскамъ и пытался изобрѣсти такую машину, чтобъ она могла разрывать ряды непріятеля.—Это они готовились къ осеннему походу подъ Москвой.

Наканунѣ праздника Успенія Богородицы подулъ свѣжій попутный вѣтеръ, суда снялись съ якоря, заняли свои мѣста и по сигналу пошли въ «добромъ» порядкѣ. На слѣдующій день поднялся густой туманъ. Съ адмиральскаго корабля дали сигналъ держаться вмѣстѣ, для чего стрѣлять изъ пушекъ, бить въ барабаны, трубить въ трубы. Однако яхта «Св. Петръ» отстала отъ флота и чуть было не наткнулась на каменистый островъ Сосновецъ, близъ Терскаго берега. Тамъ стояли кресты, должно быть, надъ погибшими мореходами, а штурманъ принялъ ихъ за вымпелы, т.-е. маленькіе флаги на фокъ-мачтѣ. Къ счастію, яхту во́-время остановили, не болѣе сажени отъ скалы, о которую она могла разбиться въ дребезги. Ночью флотъ обошелъ «Три острова», до которыхъ доходили въ прошломъ году, а на разсвѣтѣ 17-го августа онъ достигъ св. Носа. Это былъ крайній пунктъ Бѣлаго моря; за нимъ грозно шумѣлъ Ледовитый океанъ, и наши мореплаватели съ замираніемъ сердца смотрѣли на сердитыя бѣлыя волны, вздымавшіяся подобно горамъ. Нелюдимо это море, и только опытный мореплаватель смѣло рѣжетъ путь черезъ его пучины. Къ общей радости, раздались съ адмиральскаго корабля 5 сигнальныхъ выстрѣловъ и на бизань-мачтѣ взвился флагъ. Царскія суда разомъ открыли пальбу въ знакъ прощанія съ кущами, которые отвѣчали многократными выстрѣлами, желая тѣмъ счастливаго пути великому шкиперу и его юнымъ мореходамъ. — Это второе путешествіе въ Архангельскъ незабвенно для гвардейской артилле-

ріи тѣмъ, что во время плаванія Государь пожаловалъ бомбардирамъ образъ св. Николая Чудотворца, покровителя мореходовъ.

Къ осеннему походу этого же 1694 г. уже было обучено на иноземный ладъ 4 полка: Преображенскій, Семеновскій, полкъ Гордона, полкъ Лефорта. Въ трехъ верстахъ отъ Москвы, возлѣ д. Кожухова, они построили земляную крѣпость по плану Царя, а для защиты ея собрали особые полки, на́-скоро обученные, изъ людей разнаго званія, равно и стрѣльцовъ. Собралась рать числомъ до 40 тыс. Одна половина, подъ начальствомъ Бутурлина, должна была защищать крѣпость, а другая, подъ начальствомъ генералиссимуса Ѳедора Юрьевича Ромадановскаго—атаковать крѣпость. Въ этомъ, извѣстномъ подъ именемъ Кожуховскаго, походѣ сражались не двѣ равносильныхъ стороны, а приверженцы стараго русскаго строя и новаго, иноземнаго, отчего маневры велись запальчиво, съ ожесточеніемъ. Молодые солдаты и офицеры желали отличиться на глазахъ Царя и, не разбирая средствъ, старались побольше навредить противной сторонѣ. Они кидали бомбы, ручныя гранаты, кувшины съ «зельемъ», а въ рукопашномъ бою употребляли палки съ привязанными пучками соломы, пропитанной селитрой и сѣрой; осажденные защищались. выпуская воду изъ трубъ. Собственно осада началась послѣ праздника Покрова. Батареи и укрѣпленія устраивались по всѣмъ правиламъ фортификаціи, и когда все было готово, бомбардиры открыли пальбу картонными бомбами, затѣмъ повели тайно подкопы; защитники едва пережили отъ страха эти 5 недѣль осады, пока не сдали наконецъ свою крѣпость. Всѣ дѣйствія осады въ теченіе зимы были старательно записаны въ особый журналъ и пояснены чертежами.— Кожуховскимъ походомъ кончаются «потѣхи» юнаго Петра; въ слѣдующемъ году уже происходили извѣстные азовскіе походы. «Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ идемъ играть!» говорилъ не безъ радости Петръ Алексѣевичъ, начиная войну съ турками.

НАРВА И ПОЛТАВА.

Полюбивши море, Царь Петръ Алексѣевичъ положилъ имъ овладѣть и не потѣхи ради, а по необходимости, потому что безъ доступа къ морю русское царство навсегда бы оставалось отрѣзаннымъ отъ прочей Европы. Единственный портъ въ Архангельскѣ былъ далекъ, на нелюдимомъ морѣ; Азовское море — еще дальше, мелководно, да и входы въ него — въ рукахъ турокъ. Лишь одно море, а именно Балтійское, врѣзаясь длиннымъ, широкимъ заливомъ въ русскія земли, открывало прямой и ближній путь въ Германію, Голландію, Англію и дальше на западъ. Царь самъ былъ за границей, самъ видѣлъ ихъ великія богатства, добытыя морской торговлей. Сближеніе съ берегами Балтійскаго моря было какъ бы завѣщано ему великими державцами русской земли: тамъ воевалъ съ ливонцами Царь Иванъ Васильевичъ Грозный; тамъ, на берегахъ Невы, Князь Александръ защищалъ честь и достояніе Великаго Новгорода.

Эти берега принадлежали шведамъ, а въ Швеціи царствовалъ Карлъ XII, о которомъ разсказано подробно въ другой книгѣ. Петръ,

бывши за границей, уговорился съ королями датскимъ и польскимъ начать общую войну, въ той надеждѣ, что шведскій король молодъ, неопытенъ, противъ нихъ одинъ не устоитъ. Вышло не совсѣмъ такъ. Въ сентябрѣ 1700 г. русское войско двинулось къ Нарвѣ. Въ прибрежной полосѣ, извѣстной тогда подъ именемъ Ингріи, или Ингерманландіи, этотъ городъ считался самымъ важнымъ. Овладѣвши Нарвой, Царь пріобрѣталъ отличную опору для дальнѣйшихъ дѣйствій, потому что Нарва стоитъ на перепутьи между Финляндіей съ одной стороны и Эстляндіей — съ другой. На лѣвомъ берегу рѣки Наровы расположенъ собственно городъ, окруженный въ ту пору бастіонами, а на правомъ — предмостное укрѣпленіе, или замокъ «Иванъ-городъ». Гарнизонъ крѣпости былъ невеликъ, не болѣе двухъ тысячъ, но подъ начальствомъ одного изъ храбрѣйшихъ шведскихъ офицеровъ, полковника Горна. Въ половинѣ октября 40 тыс. русскихъ войскъ обложили городъ, раскинувъ свой лагерь полукружіемъ и примкнувши оба фланга къ рѣкѣ; по обычаю того времени, лагерь окружили валами со стороны поля и крѣпости. Изъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ подъ Нарвой, только три полка, а именно: два гвардейскихъ и полкъ Лефорта, бывали въ огнѣ, участвуя при взятіи Азова, прочіе полки состояли изъ необученныхъ рекрутъ или же стрѣльцовъ; было еще нѣсколько ратныхъ ополченій служилаго класса. Осадныя работы сразу пошли ходко, такъ какъ ихъ торопилъ самъ Государь, и 20-го октября, въ 2 ч. дня, всѣ батареи открыли огонь. Въ продолженіе 15 дней 90 орудій палили съ такимъ усердіемъ, что снаряды оказались на исходѣ, а городъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало. Еще болѣе безпокоило Государя полное истощеніе продовольствія, такъ что арміи угрожалъ голодъ. Отъ распутицы дороги испортились, подвозы прекратились; вблизи же не могли ничего достать, а тутъ еще прошелъ слухъ, что на выручку Нарвы идетъ шведскій король.

Государю какъ-то не вѣрилось, чтобы Карлъ могъ такъ скоро обернуться изъ Даніи, куда, какъ было ему извѣстно, онъ направилъ первый ударъ. На всякій случай Царь выслалъ Шереметева

съ конницей удостовѣриться въ справедливости слуховъ, и, не дождавшись отъ него вѣстей, самъ уѣхалъ въ Новгородъ поторопить доставку снарядовъ и продовольствія; начальство надъ войскомъ онъ поручилъ нѣмецкому генералу де-Кроа, человѣку новому, котораго солдаты вовсе не знали. Между прочимъ, Шереметевъ провѣдавъ, что короля ожидаютъ съ часу на часъ, въ тотъ же день, вечеромъ возвратился назадъ, а на утро слѣдующаго дня шведы уже стояли передъ русскими окопами. Король шелъ такъ спѣшно, что привелъ съ собой всего 8 тыс. пѣхоты и конницы; прочія войска оставались сзади. Шведская армія считалась въ то время лучшею въ Европѣ: обученная, отлично вооруженная, послушная, она не знала, что такое опасность, особенно подъ начальствомъ полководца-короля. Русскіе вожди были захвачены врасплохъ и не знали, что дѣлать. Шереметевъ совѣтовалъ вывести войско изъ окоповъ и вступить въ открытую битву, но его не послушали, порѣшивъ защищаться между окопами. Карлъ видя, что русскіе не трогаются, приказалъ своимъ солдатамъ связать каждому по одной фашинѣ, а самъ поѣхалъ осмотрѣть окопы. Они были растянуты отъ одного конца до другаго верстъ на семь; по серединѣ окоповъ возвышалась небольшая рубленая крѣпостца. Не ожидая встрѣтить дружнаго отпора, король отдалъ приказъ открыть огонь и готовиться къ атакѣ. Свой маленькій отрядъ онъ раздѣлилъ на двѣ колонны: одну велѣлъ двинуть правѣе крѣпостцы, другую, подъ начальствомъ Реншильда—лѣвѣе, самъ съ драбантами и двумя баталіонами пѣхоты сталъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ; 12 эскадроновъ конницы были поставлены въ резервѣ. Послѣ двухчасовой пальбы, солдаты съ крикомъ: «съ нами Богъ!»—двинулись на штурмъ. До сихъ поръ ясное небо вдругъ покрылось тучами, задулъ вѣтеръ; снѣжные хлопья слѣпили русскимъ глаза; они съ трудомъ могли различать на 20 шаговъ впереди. Пользуясь этимъ, шведы живо закидали ровъ фашинами и очутились на валу. Русскіе солдаты, стоявшіе тонкой шеренгой, не оказали почти никакого сопротивленія; они бросились къ резервамъ, которые также оставались на мѣстѣ. Въ какихъ-нибудь

четверть часа шведы овладѣли всѣми укрѣпленіями; правая шведская колонна врѣзалась въ середину нашихъ войскъ и приперла лѣвый флангъ къ рѣкѣ. Конница Шереметева бросилась въ Нарову, при чемъ болѣе тысячи всадниковъ погибло. Полки пѣхоты перемѣшались; всякій порядокъ исчезъ; солдаты бросали оружіе, спасались бѣгствомъ. Среди нестройной обезумѣвшей толпы послышались крики: «Это нѣмцы виноваты! Нѣмцы — измѣнники!» На нѣмецкихъ офицеровъ посыпались удары: многихъ умертвили; другіе, чтобы спасти свою жизнь, сами отдавались шведамъ. Кое-какъ генералъ Вейде устроилъ остатки лѣваго фланга, припертые къ рѣкѣ, и приготовилъ ихъ къ защитѣ; шведы здѣсь остановились. Въ это время на другомъ концѣ окоповъ послышались залпы: шведы послали подмогу, туда поскакалъ самъ король. Лѣвая колонна въ началѣ боя и здѣсь имѣла такой же успѣхъ: солдаты трехъ новыхъ полковъ бросились частью въ поле, частью на плавучій мостъ, перекинутый черезъ Нарову. Отъ наплыва бѣглецовъ мостъ обрушился; бѣжавшихъ въ поле шведы вогнали обратно въ окопы. Но солдаты старыхъ полковъ, стоявшіе на крайнемъ флангѣ, встрѣтили шведовъ дружнымъ залпомъ. Ни смѣлыя атаки Реншильда, ни прибытіе самого короля не могли сломить мужество первыхъ питомцевъ Петра: укрывшись за повозками артиллерійскаго парка, они отбивали всѣ атаки шведовъ. Эта маленькая горсть храбрыхъ защитниковъ спасла честь русскаго оружія.— Наступила ночь. Каждая изъ оторванныхъ частей русской арміи была сама по себѣ сильнѣе шведовъ, но начальники лишены были возможности другъ съ другомъ сноситься; они не подозрѣвали, насколько изнурены и разстроены сами шведы; ихъ солдаты бродили въ окопахъ, гдѣ падали, упившись нашей же водкой.

Дѣйствуя порознь, русскіе генералы заключили ночью съ королемъ условіе, по которому они должны были оставить шведамъ пушки, а самимъ отступить черезъ Нарову, съ оружіемъ и знаменами. Мостъ починили, и на другой день корпусъ Бутурлина, въ которомъ находились гвардейскіе полки, прошелъ со всѣми почестями, по условію; но войскамъ Вейде уже было приказано

сложить знамена, оружіе и, проходя мимо короля, снимать ему шляпы. Разбитые шведами полки потянулись въ безпорядкѣ на Новгородъ, безъ теплой одежды, безъ продовольствія; много солдатъ погибло въ этомъ несчастномъ походѣ. Шведы удержали 145 орудій, артиллерійскій паркъ; кромѣ того, задержали въ плѣну почти всѣхъ нашихъ генераловъ.

Роковая вѣсть о пораженіи подъ Нарвой поселила уныніе въ сердцахъ русскаго народа; онъ обвинялъ шведовъ въ чародѣйствѣ, а Царя—въ «новшествахъ», т.-е. въ нововведеніяхъ. Самъ Царь твердо снесъ это несчастіе; онъ принялъ его какъ хорошій урокъ: «Я знаю, шведы могутъ еще разъ-другой насъ побить, но, наконецъ, и мы научимся ихъ побѣждать». И эти слова великаго полководца оправдались на дѣлѣ. Еще передъ войной Царь поднялъ страшную работу: онъ задумалъ создать въ короткое время армію, сильную числомъ, обучить ее и оставить на службѣ государству, пополняя убыль изъ охочихъ людей и рекрутъ. Учрежденіе двухъ гвардейскихъ полковъ можно принять за начало переустройства русской арміи; послѣ того Царь отдалъ указъ о сборѣ даточныхъ людей съ помѣщиковъ и монастырей; новобранцевъ раздѣлили на 27 пѣхотныхъ и два драгунскихъ полка, одѣли въ нѣмецкіе мундиры, отдали подъ начальство иноземныхъ офицеровъ. Эти-то войска и сражались подъ Нарвой. Теперь, чтобы пополнить въ нихъ убыль и усилить свою армію вообще, Царь приказалъ, кромѣ сбора охочихъ людей, набирать рекрутъ, съ 20 дворовъ по одному человѣку. Такими ежегодными наборами сила постояннаго войска возросла почти до 200 тыс.; первое время, по необходимости, приглашали на службу иноземныхъ офицеровъ, но потомъ Государь велѣлъ забирать дворянъ силой, чѣмъ мало-по-малу пріучилъ ихъ къ военной службѣ. Пѣхоту вооружили мушкетами и шпагами, драгунъ—палашами, ружьями, топорами и пистолетами. Оружіе пришлось выписывать изъ-за границы, точно такъ же, какъ выписывали разноцвѣтное сукно. Обмундированіе того времени состояло изъ длиннаго, до колѣнъ камзола, сверхъ котораго надѣвался такой же кафтанъ; шляпа и башмаки въ пѣхотѣ, сапоги въ кон-

ницѣ; по цвѣту кафтана отличали одинъ полкъ отъ другого. Такъ какъ русскіе лишились подъ Нарвой всей артиллеріи, полевой и осадной, то первой заботой Государя была отливка новыхъ орудій. По недостатку красной мѣди, переливали колокола, и черезъ годъ старикъ Виніусъ успѣлъ изготовить до 300 орудій. Въ короткое время была создана новая артиллерія, гораздо выше старой; вмѣсто множества названій ввели только три: пушки, гаубицы, мортиры, при чемъ ихъ раздѣлили по калибру на полевыя и осадныя. Въ старой артиллеріи почти каждое орудіе требовало для себя особыхъ снарядовъ. Для того, чтобы съ успѣхомъ исполнить самое трудное дѣло, а именно обученіе войскъ, Царь принялъ особый способъ войны: «чинить промыселъ надъ противникомъ, не вступая съ нимъ въ генеральную битву, а дѣйствуя противъ него партіями, когда къ тому представится удобный случай». Въ небольшихъ стычкахъ русскіе солдаты и офицеры на дѣлѣ проходили боевую школу; мелкія побѣды подымали ратный духъ молодого войска, внушая ему довѣріе къ себѣ, къ своимъ вождямъ. Успѣху такой войны много помогло и то, что шведскій король, послѣ побѣды подъ Нарвой, скрылся на нѣсколько лѣтъ въ Польшу. Видимо, онъ не давалъ большой цѣны нашимъ войскамъ: онъ ихъ презиралъ, за что, какъ увидимъ, жестоко поплатился.

Итакъ, великій Царь, неусыпный работникъ, въ короткое время создалъ регулярную армію, непохожую на ратныя ополченія прежнихъ временъ. Когда приходилось ратнымъ людямъ встрѣчаться съ татарами, они, конечно, могли брать верхъ, потому что обѣ стороны одинаково дрались казацкимъ боемъ; но при встрѣчѣ съ войсками иноземнаго строя нашимъ приходилось всегда уступать. Уже Царь Василій Ивановичъ, какъ мы видѣли, во время смуты нанималъ на службу тѣхъ же шведовъ, чтобы очистить ими русскую землю отъ бродячихъ шаекъ; отецъ и дѣдъ Петра Великаго держали на службѣ ратныхъ людей иноземнаго строя, болѣе 60 полковъ, но большинство ратниковъ также кормились помѣстьями, слѣдовательно, проживали въ нихъ большую часть службы и выходили на войну лишь послѣ долгихъ сборовъ, по особому цар-

скому указу. Это не было постоянное войско въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь.

«Малая война», или набѣги русскихъ войскъ начались въ ту же зиму. Шведы, подъ начальствомъ Шлиппенбаха, стояли на зимнихъ квартирахъ въ Лифляндіи. На нихъ нагрянулъ Шереметевъ

Штабъ-офицеръ, гренадеръ и фузелеръ Преображенскаго полка.

съ 8-ю тысячами пѣхоты и драгунъ, съ 15-ю пушками, отрядомъ казаковъ и калмыковъ. Шведы потерпѣли большой уронъ: они потеряли до 3 тыс. людей и 5 орудій. «Слава Богу, сказалъ Царь, узнавши о побѣдѣ, мы можемъ, наконецъ, бить шведовъ!» — и роздалъ щедрыя награды: офицерамъ — золотыя медали, солдатамъ — по серебряному рублю, а Шереметева сдѣлалъ фельдмаршаломъ. Въ слѣдующемъ году Шереметевъ вторично разбилъ того

же Шлиппенбаха, такъ что послѣдній едва ускакалъ съ конницей въ Перновъ; русскимъ досталась вся артиллерія и много знаменъ. Эти успѣхи заставили Государя подумать о прочномъ завоеваніи балтійскаго побережья. Онъ началъ съ береговъ Невы, а именно съ небольшой крѣпостцы «Нотебурга», прежняго русскаго «Орѣшка». Крѣпостца стояла на островкѣ, въ истокѣ Невы, и заключала въ себѣ 450 защитниковъ, при 140 орудіяхъ. Въ концѣ сентября приступили къ осадѣ. Чтобы пресѣчь шведамъ сообщеніе внизъ по Невѣ, Царь приказалъ перетащить изъ Ладожскаго озера, черезъ лѣсныя просѣки, 50 большихъ лодокъ; ихъ спустили въ Неву, пониже крѣпости. Съ праздника Покрова началась бомбардировка, которая продолжалась 11 дней; отъ частой стрѣльбы большая часть орудій пришла въ негодность, а, между прочимъ, обвалъ не былъ готовъ. Тогда, чтобы ускорить дѣло, вызвали охотниковъ, посадили ихъ на лодки и послали на штурмъ. Не смотря на слабость гарнизона и на пожаръ въ крѣпости, этотъ приступъ не удался. Послали на помощь войска, но штурмовыя лѣстницы оказались коротки, больше чѣмъ на сажень. Мужество и храбрость шведовъ задержали нашихъ подъ стѣнами ничтожной крѣпостцы на 13 часовъ. Они поражали русскихъ картечью, ручными гранатами, кидали сверху камни. Уже было послано приказаніе отступить, но пока оно дошло по назначенію, храбрый князь Голицынъ, командиръ Семеновскаго полка, велѣлъ отпихнуть суда отъ берега. Не видя спасенія, русскіе солдаты полѣзли съ новымъ жаромъ на проломъ, и въ 5 час. пополудни шведы ударили сдачу. Черезъ три дня гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости съ барабаннымъ боемъ, съ распущеннымъ знаменемъ, имѣя подъ ружьемъ 75 здоровыхъ солдатъ. Царь отписалъ въ Москву: «Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ; однакоже, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Онъ назвалъ эту крѣпость Шлиссельбургомъ, что значитъ по-русски: «Ключъ-городъ». Этимъ ключомъ Петръ Великій открылъ себѣ выходъ въ Балтійское море. На слѣдующій годъ, ранней весной, русская армія, подъ начальствомъ Шереметева, подвигалась лѣсами и болотами вдоль праваго берега Невы;

при впаденіи въ нее Ижоры наши наткнулись на земляной городокъ, по имени «Ніеншанцъ»; за которымъ стоялъ посадъ въ 400 дворовъ. Послѣ непродолжительной бомбардировки, городокъ сдался на тѣхъ же условіяхъ, что и въ Шлиссельбургѣ. Только-что это случилось, со стороны моря подошли два непріятельскихъ корабля и дали два сигнальныхъ выстрѣла. Шереметевъ приказалъ имъ отвѣчать. Тотчасъ снарядили 30 лодокъ, посадили оба гвардейскіе полка, и флотилія, подъ начальствомъ «бомбардирскаго капитана», т.-е. самого Царя, вышла въ тотъ же вечеръ на взморье. Часть лодокъ пошла на-встрѣчу кораблямъ, а другія стали у нихъ сзади. Шведы, замѣтивши переднія лодки, открыли пальбу изъ пушекъ. Имъ отвѣтили ружейнымъ залпомъ, послѣ чего оба отряда двинулись на-абордажъ. Корабли достались русскимъ. «Небывалая викторія, писалъ Царь Апраксину: два корабля взяли!» За этотъ подвигъ на бомбардирскаго капитана и на поручика Меншикова были возложены знаки Андрея Первозваннаго; солдатамъ выдали особыя медали.

Пустынные и непривѣтливые берега Невы показались Петру краше рая небеснаго. Долго онъ разъѣзжалъ по рѣкѣ, пока облюбовалъ небольшой островокъ, по имени «Заячій», наиболѣе возвышенный и удобный. 16-го мая 1703 года, при собраніи всего генералитета и войска, Царь срубилъ собственными руками березу, обложилъ ее дерномъ и, сдѣлавъ крестъ, поставилъ его на самомъ берегу, при громѣ пушекъ, ружейныхъ залпахъ и восклицаніяхъ войска. Таково было начало крѣпости, получившей названіе Санкт-Петербурга. Послѣ веселаго пира, которымъ отпраздновали это торжественное событіе, началась работа по возведенію верковъ; въ этой спѣшной работѣ принимала участіе вся русская земля. По царскому указу, сошлись сюда изъ ближнихъ и дальнихъ концовъ землекопы, каменьщики, плотники, столяры—и закипѣла работа: крѣпость возвышалась; рядомъ съ нею и по сосѣдству строились дома, каменныя палаты, церкви. На берегу Невы, въ полуверстѣ отъ крѣпости, хранится и понынѣ голландскій домикъ о двухъ комнатахъ съ кухней: это дворецъ Петра Великаго. Еже-

дневно онъ собираетъ къ себѣ сотни богомольцевъ, желающихъ поклониться его главной святынѣ, образу Спаса Нерукотворнаго, который сопровождалъ Государя во всѣхъ его походахъ. Въ томъ же году, по осени, вошелъ въ Неву первый корабль, прибывшій изъ Голландіи; его товары раскуплены безъ пошлины; шкиперъ и матросы, послѣ знатнаго угощенія въ губернаторскомъ дворцѣ, получили въ награду 500 золотыхъ. Такъ возникъ Петербургъ, разросшійся до нынѣшнихъ своихъ размѣровъ, людный, богатый и самый красивый между городами Сѣвера.

Покончивши съ Польшей, шведскій король въ серединѣ лѣта 1708 г. поднялъ войска съ зимнихъ квартиръ въ Литвѣ и направилъ ихъ къ Минску. Онъ составилъ себѣ планъ пройти въ Украйну, войти въ союзъ съ гетманомъ Мазепой, донскими казаками, калмыками и вмѣстѣ съ ними двинуться на Москву, разрушить наше государство. Подъ начальствомъ короля шло 35 т. шведскихъ солдатъ, закаленныхъ въ битвахъ, привычныхъ къ походамъ. Русская армія, подъ начальствомъ Шереметева, заступила шведамъ дорогу у м. Головчина, по пути къ Днѣпру. Войска, прикрывшись болотистой рѣчкой Бабичемъ, укрѣпили свою длинную позицію окопами; главныя части арміи отстояли одна отъ другой довольно далеко и, что всего хуже, раздѣлялись болотами. Шведскій король подвелъ скрытно войска, уставилъ на горкѣ 22 орудія и подъ прикрытіемъ жестокаго огня самъ повелъ въ атаку 5 полковъ пѣхоты. Русскіе, возлагая всю надежду на окопы, потеряли случай атаковать шведовъ, когда они вязли въ болотѣ. Теперь, атакованные сами, они отступили къ лѣсу. Шведы выждали и, улучивъ минуту, когда наши разстрѣляли всѣ патроны, ворвались въ лѣсъ и обратили ихъ въ бѣгство. Въ то же время генералъ Рееншильдъ заставилъ русскую конницу, стоявшую на лѣвомъ флангѣ, отступить къ Могилеву; тогда и Шереметевъ со всѣми войсками праваго фланга, не принимавшими участія въ дѣлѣ, потянулся на Шкловъ. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этой побѣды шведскій король перешелъ Днѣпръ и остановился въ раздумьи, куда ему идти.—Съ одной стороны,

изъ Лифляндіи, онъ поджидалъ Левенгаупта съ боевыми запасами и продовольствіемъ. Между тѣмъ, край весь разоренъ, солдаты голодаютъ, ждать нельзя. Со стороны Смоленска стоялъ Шереметевъ: король попытался, было, его разбить — не дается, уходитъ дальше, разоряя край. Въ третью сторону зоветъ Мазепа, обѣщаетъ отдыхъ войскамъ, большіе запасы, помощь казаковъ, — и Карлъ, понадѣявшись на эти приманки, пошелъ черезъ дремучіе лѣса и болота сѣверской земли. Бѣдствія этого похода уже извѣстны *).

Одновременно съ извѣстіемъ, что король повернулъ на Украйну, русскіе узнали, что на помощь къ нему идетъ изъ Риги Левенгауптъ. Царь направилъ Шереметева вслѣдъ за Карломъ, а самъ, отдѣливши 10 драгунскихъ и 3 пѣхотныхъ полка, пошелъ навстрѣчу Левенгаупту. Этотъ генералъ велъ транспортъ въ 7 тыс. повозокъ, съ прикрытіемъ около 11 тыс. пѣхоты и конницы. Онъ успѣлъ благополучно переправиться черезъ Днѣпръ, но на пути къ Пропойску, близъ д. Лѣсной, русскія войска нагнали его и принудили къ бою. Левенгауптъ услалъ свой обозъ дальше; самъ же, слѣдуя обычаю короля, первый напалъ на наши полки—ингерманландскій и невскій драгунскій, который дрался въ пѣшемъ строю. Царь подкрѣпилъ ихъ гвардейскими полками, самъ перешелъ въ наступленіе и, послѣ горячаго боя, вогналъ шведовъ въ ихъ повозки, стоявшія на берегу Лѣсянки. Ночная темнота и вьюга прекратили сраженіе. Ночью Левенгауптъ развелъ множество бивачныхъ огней и, покинувши орудія съ повозками, ушелъ на Пропойскъ. Здѣсь онъ узналъ, что мостъ уже сломанъ, слѣдовательно переправить транспортъ нельзя; тогда онъ приказалъ его сжечь и, посадивъ свою пѣхоту на лошадей, двинулся другой дорогой въ догонку за Карломъ.

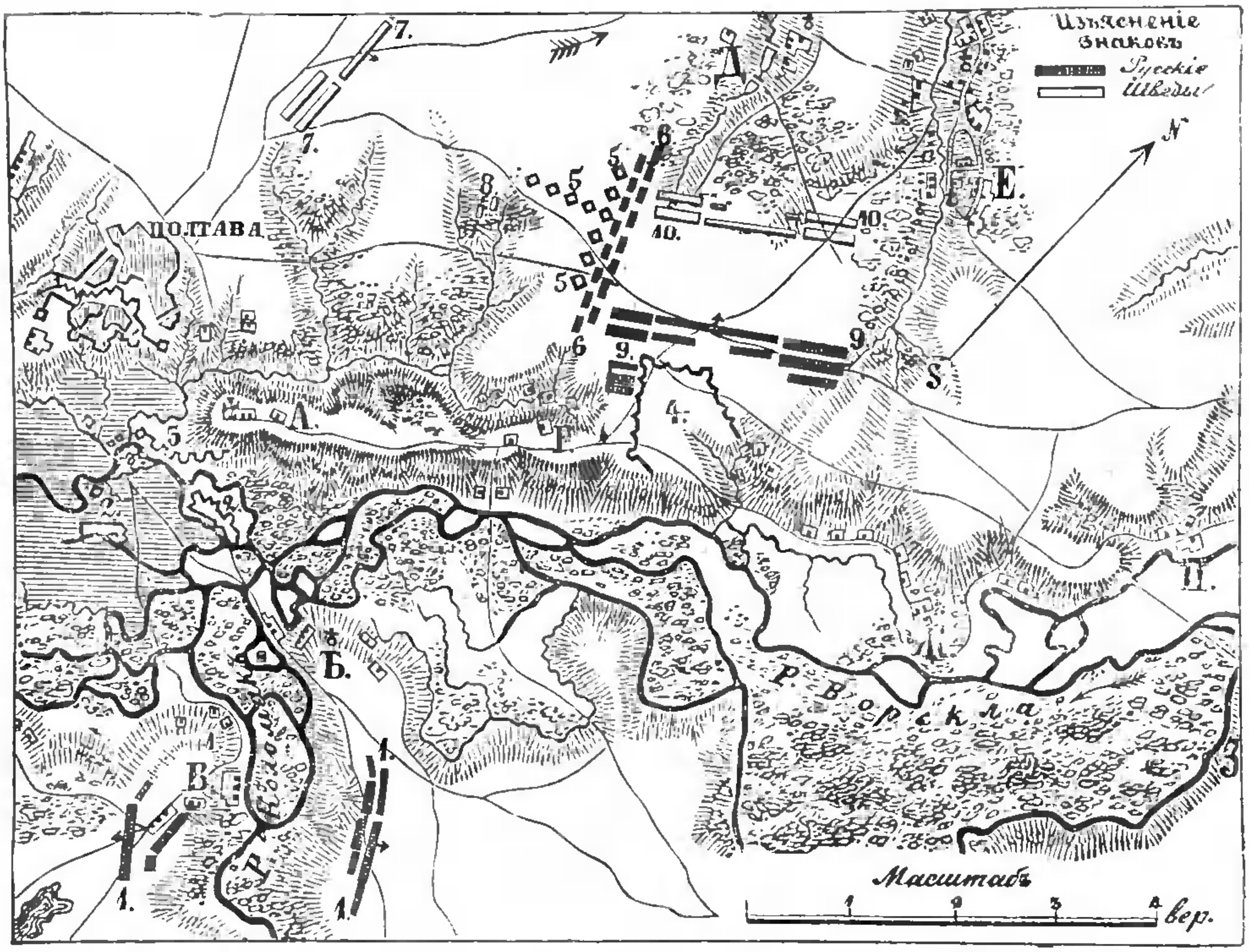
Въ концѣ октября, близъ Новгородъ-Сѣверска, прибылъ въ квартиру короля гетманъ Мазепа съ отрядомъ казаковъ въ 4 или 5 тыс., не больше; прочіе казаки остались вѣрны Царю. Эта ни-

*) См. „Шведскій король Карлъ XII“. Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада, стр. 274.

чтожная помощь повергла короля въ еще большее уныніе, чѣмъ пораженіе при Лѣсной. Спасеніе арміи требовало отдыха, подкрѣпленій, а, между прочимъ, она очутилась безъ боевыхъ припасовъ, безъ продовольствія и безъ надежды на помощь. Во второй половинѣ ноября шведы стали на зимнія квартиры въ нынѣшней Полтавской губерніи—между Ромнами, Прилуками, Гадячемъ и Лохвицей. Русскія войска окружили ихъ летучими отрядами, готовыми при всякомъ удобномъ случаѣ отрѣзать небольшой отрядъ, сжечь магазинъ, отхватить транспортъ, отнять квартиры. И шведы, запертые какъ въ западнѣ, должны были вырывать боемъ каждую четверть муки, при чемъ они слабѣли въ силахъ, погибая въ схваткахъ или отъ лютыхъ морозовъ. Вмѣсто отдыха Карлъ нашелъ въ Украйнѣ, вдали отъ родины, окруженный враждебными войсками, свою могилу. Правда, къ нему явилось 8 тыс. запорожцевъ, прельщенныхъ гетманскими обѣщаніями, но король смотрѣлъ на нихъ какъ на толпу головорѣзовъ, сражавшихся особымъ, непонятнымъ ему обычаемъ. Въ то время шведская армія видимо таяла въ числѣ, въ ней погасалъ боевой огонь, тогда какъ русская армія возростала числомъ и подымалась духомъ. Небольшія успѣшныя стычки, въ которыхъ нападали уже не шведы, а наши, увеличили довѣріе къ своимъ силамъ, убѣдили въ слабости нѣкогда грозныхъ враговъ. Съ наступленіемъ весны король осадилъ Полтаву, гдѣ, по словамъ предателя-гетмана, хранились большіе запасы и лежали казенныя деньги; кромѣ того, король разсчитывалъ, что русскіе прійдутъ на выручку, а онъ ихъ разобьетъ.

Полтава стоитъ на правомъ, высокомъ берегу Ворсклы; лѣвый же берегъ покрытъ большими, топкими болотами. Та часть города, которая поближе къ рѣкѣ, называлась крѣпостью. Она была обнесена земляннымъ валомъ и деревяннымъ палисадомъ. Въ городѣ сидѣло нашего войска тысячи четыре; комендантомъ у нихъ былъ храбрый полковникъ Келлинъ. Казаки совѣтовали Карлу броситься на штурмъ, чтобы сразу овладѣть городомъ; но онъ ихъ не послушалъ, а приказалъ копать траншеи, подвигаться къ городу издалека. Работа у нихъ шла медленно, неудачно: запорожцы къ

этому дѣлу были непривычны, да и какая могла быть осада безъ осадной артиллеріи! Наше войско подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, расположилось на другомъ берегу рѣки Ворсклы, какъ показано на планѣ цифрами 1—1. Надѣялись, что съ этого берега



ПЛАНЪ ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛІИ.

Буква А означаетъ монастырь; Б — сел. Крутой Берегъ; В — дер. Савки; Г — дер. Яковцы; Д — сел. Будищи; Е — дер. Тахтауловку и Осьмячки; Ж—дер. Семеновку; З — русское укрѣпленіе, построенное передъ переправой; И — дер. Петровку.

Цифры 1—1 означаютъ положеніе русской арміи на лѣвомъ берегу Ворсклы; 2—2—наши передовыя укрѣпленія; 3—шведскіе окопы; 4 — укрѣпленный лагерь; 5—5—5—наши редуты; 6—6—конница передъ битвой; 7—7—шведская армія наканунѣ битвы; 9—9—русская армія и 10—10—шведская армія—одна противъ другой.

можно подать помощь полтавцамъ и выручить ихъ изъ осады; тогда шведы перекопали свой берегъ укрѣпленіями и прервали всякое сообщеніе.

1-го іюня шведы стали кидать въ Полтаву бомбы, подожгли

деревянную башню и пошли на приступъ. Уже шведское знамя стояло на валу и солдаты толпами врывались въ городъ, но полтавцы устояли. Старики и бабы бросились тушить пожаръ, а солдаты и мѣщане кинулись на непріятеля. Бились часа два и заставили его отступить, съ потерей 400 человѣкъ. На другой день полтавцы сами сдѣлали вылазку и отбили 4 пушки, на третій день притащили еще 4 пушки.

4-го іюня пріѣхалъ изъ Воронежа Царь, осмотрѣлъ земляныя работы и послалъ въ Полтаву вѣсточку. Стрѣляли въ городъ пустыми бомбами, а въ середину клали записочку. Полтавцы этой вѣсточкѣ обрадовались, точно своему освобожденію: собрались въ церковь, отпѣли молебенъ и потомъ присягнули на крестѣ, чтобы защищаться до послѣдняго, а кто заговоритъ о сдачѣ, того человѣка казнить безъ пощады. Однако имъ все-таки было худо: шведы вкопались подъ самый палисадъ и сидѣли, что называется, на носу. Дали знать Царю, что дѣло плохо, и онъ собралъ военный совѣтъ. Одни думали, что лучше оставаться на старыхъ мѣстахъ и вредить непріятелю издали; другіе находили, что настала пора сразиться съ нимъ въ генеральной битвѣ, т.-е. выступить въ открытое поле всѣми наличными силами. И Царь такъ думалъ: ему давно этого хотѣлось, но онъ остерегался, берегъ свою армію, собранную тяжкими трудами. Онъ хорошо видѣлъ, что передъ нимъ уже не тѣ шведы, которые были подъ Нарвою, девять лѣтъ тому назадъ. Они истомились отъ безпрестанныхъ походовъ, упали духомъ, дисциплина ослабѣла, солдаты не слушали своихъ офицеровъ и даже про своего короля говорили между собою неуважительно: «Ишь, лѣзетъ подъ пули: знаетъ свой худой конецъ!»

19-го іюня русское войско оставило свои позиціи и потянулось вправо, по дорогѣ къ дер. Черняхово. Этой деревни на планѣ не видно. Пройдя верстъ 9 или 10, оно переправилось по мосту, перешло три брода у деревни Петровки (смотри букву И) и окопалось на правомъ берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ на планѣ цифра 4, верстахъ въ пяти отъ города. Наши стали спиною къ рѣкѣ, а фронтомъ къ большой равнинѣ, версты на двѣ покатой

къ дер. Будищамъ (на планѣ—буква Д). Эта равнина была тогда окружена лѣсомъ и имѣла выходы только съ двухъ сторонъ — вправо и влѣво. Здѣсь шла дорога на Полтаву; эту дорогу можно видѣть на планѣ. Такова была позиція русской арміи.

Какъ только наша армія ушла со старыхъ позицій, шведы бросились на Полтаву и два раза ходили на штурмъ. Чуть было не взяли: уже въ крѣпости кричали шведскіе солдаты, били непріятельскіе барабаны; но полтавцы напрягли всѣ силы и опрокинули шведовъ. Даже женщины дрались. Непріятель отступилъ поздней ночью, положивши до двухъ тысячъ. Это было послѣднее испытаніе полтавцевъ: больше ихъ не трогали. Узнавши, что Петръ поджидаетъ изъ астраханскихъ степей 30 тысячъ калмыковъ, король положилъ атаковать раньше, чѣмъ явятся калмыки. 26-го числа онъ бросилъ осаду и занялъ своими войсками позицію, показанную на планѣ цифрами 7—7. Тѣмъ временемъ наши окопались въ лагерѣ и перегородили редутами полтавскую дорогу. Какъ видно на планѣ, ихъ было десять (смотри цифры 5, 5, 5), одинъ отъ другого на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Здѣсь засѣло 2 баталіона пѣхоты, а 17 кавалерійскихъ полковъ стали за редутами; они помѣчены цифрами 6—6. Прочія войска и артилерія оставались въ лагерѣ (цифра 4). Еще далеко была шведская армія, когда наши солдаты стали подъ ружье и слушали царскій приказъ: «Воины, пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи, для благосостоянія вашего». Царь самъ объѣзжалъ полки, собиралъ генераловъ и офицеровъ: «Порадѣйте, товарищи! говорилъ онъ, вѣра, церковь и отечество того отъ васъ требуютъ!»

Между рядами шведской арміи носили раненаго короля, который также ободрялъ солдатъ, шутилъ съ офицерами и звалъ ихъ пировать въ царскіе шатры. Самъ онъ былъ спокоенъ и веселъ.

Солдаты тоже прибодрились; они любили своего короля, который столько лѣтъ дѣлилъ съ ними послѣдній кусокъ хлѣба, всѣ труды походовъ, опасности битвъ. Въ два часа ночи шведы тронулись съ мѣста и пошли на редуты. Пѣхота шла у нихъ посрединѣ, кавалерія—по флангамъ. Передніе два редута скоро были взяты, а въ прочихъ они встрѣтили упорное сопротивленіе и позадержались. Наша кавалерія стала кидаться изъ-за редутовъ на шведскую пѣхоту. Тогда Карлъ пустилъ впередъ свою конницу, и между редутами завязалось кавалерійское дѣло. Русскіе генералы бросались по нѣсколькy разъ въ атаку, но не могли удержать всю шведскую армію и, по приказанію Царя, отвели конницу назадъ, поставивъ ее правѣе лагеря. Карлъ, чтобы не терять даромъ времени, приказалъ своей пѣхотѣ бросить редуты и идти за нашей конницей. Такъ она и сдѣлала, но, бросившись сгоряча впередъ, попала подъ огонь 72 орудій, которыя громили ее изъ лагеря. Шведская пѣхота разстроилась и отошла влѣво, къ Будищенскому лѣсу, гдѣ стала собираться и строиться къ бою. Только не вся пѣхота послѣдовала приказу короля. Часть ея осталась между редутами и, претерпѣвши уронъ, отступила въ Яковецкій лѣсъ, гдѣ укрылась между двумя ручейками (на планѣ — цифра 8). Царь сейчасъ это замѣтилъ и послалъ на нее князя Меншикова съ 5 баталіонами и 5 драгунскими полками; они заставили шведовъ отступить еще дальше, къ самой Полтавѣ, и тамъ забрали ихъ въ плѣнъ. Теперь у шведовъ осталось всего 18 баталіоновъ пѣхоты и 14 полковъ кавалеріи. Они построились въ одну линію (смотри 10—10); кавалерія стала по флангамъ въ двѣ линіи. Русскія войска также вышли изъ своихъ окоповъ и стали передъ лагеремъ въ двѣ линіи: пѣхота по серединѣ, конница—по флангамъ. Въ 9 часовъ наша армія двинулась впередъ, шведы пошли ей на-встрѣчу.

Правый флангъ шведской пѣхоты въ присутствіи своего короля дружно кинулся на баталіоны новгородскаго полка и потѣснилъ ихъ назадъ. Здѣсь грозила намъ опасность. Тогда Царь взялъ изъ 2-й линіи одинъ баталіонъ, сомкнулъ ряды и самъ повелъ его впередъ. На него со всѣхъ сторонъ сыпались пули: одна пуля по-

пала ему въ сѣдло, другая пострѣлила шляпу, а третья повредила крестъ, висѣвшій у него на груди. Не смотря на это, мужественный Царь несся впередъ: опасность его не страшила; видъ онъ имѣлъ грозный, глаза его горѣли огнемъ отваги и мести. Черезъ полчаса шведы были отбиты. Тогда Царь двинулъ всѣ полки 1-й линіи и обхватилъ шведовъ справа и слѣва, точно клещами. Раненый король также не щадилъ себя. Его возили въ качалкѣ между полками, какъ вдругъ ядро разбило качалку въ дребезги: король упалъ на землю. Солдаты думали, что онъ убитъ; полками овладѣлъ ужасъ. Но король остался живъ. Онъ приказалъ поднять себя и посадить на скрещеныя пики. Тутъ-то, сверху, увидѣлъ полное разстройство своихъ полковъ, онъ закричалъ: «Шведы, шведы!» Но шведы не слыхали своего короля. Въ это время ужъ всякій порядокъ исчезъ, полки перемѣшались и бросались толпами въ лѣсъ. Наши рубили направо и налѣво, забирали въ плѣнъ генераловъ, офицеровъ, цѣлыми баталіонами солдатъ. Побѣда была полная. Болѣе девяти тысячъ полегло на поляхъ полтавскихъ, да три тысячи попались въ плѣнъ; еще досталось 137 знаменъ, 4 пушки, канцелярія короля и вся его прислуга, королевская казна, артиллерійскій паркъ, множество обоза. Самъ король и остатки его арміи бѣжали къ Днѣпру, по дорогѣ въ Рѣшетиловку, какъ показано на планѣ стрѣлкою.

Царь приказалъ трубить сборъ своимъ войскамъ на мѣстѣ побѣды. Радостный, объѣзжалъ онъ послѣ молебствія полки и благодарилъ всѣхъ за подвиги, за понесенные труды. Потомъ приказалъ собирать убитыхъ и раненыхъ и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ плѣнныхъ шведовъ. Явился фельдмаршалъ Реншильдъ, министръ короля Пиперъ, явились генералы и старые полковники. За столомъ Царь возвратилъ имъ шпаги, выхвалялъ ихъ храбрость и, наливши кубокъ виномъ, поднялъ его за здоровье гостей. «Пью за здоровье ваше, моихъ учителей въ военномъ дѣлѣ!» — «За кого?» спросили шведы. — «За васъ пьетъ Государь», отвѣчали имъ. — «Хорошо же отблагодарили ученики своихъ учителей!» сказалъ старый фельдмаршалъ.

На другой день войска выстроились передъ высокимъ курганомъ; здѣсь были погребены всѣ павшіе въ бою. Ихъ насчитали больше тысячи. Отслужили панихиду, и Царь собственноручно водрузилъ большой крестъ съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровью вѣнчавшіеся. Лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27-го дня». Послѣ панихиды Царь поспѣшилъ въ Полтаву: городскіе жители встрѣтили его со слезами радости. Царь сошелъ съ коня, обнялъ и расцѣловалъ храбраго коменданта; потомъ всѣ вмѣстѣ отправились въ маленькую деревянную церковь Спаса, гдѣ отпѣли молебенъ при звонѣ колоколовъ и пальбѣ изъ пушекъ. Эта церковь сохраняется и по-нынѣ; какъ чехломъ она покрыта каменными стѣнами и такимъ же куполомъ.

На разсвѣтѣ, въ день апостоловъ Петра и Павла, шведы добрались до Сенжаровки. Раненаго короля внесли въ казацкую хату и сдѣлали ему перевязку. Только онъ успѣлъ заснуть, какъ вбѣжали драбанты со словами: «Ваше Величество, русскіе приближаются! Прикажете дальше идти?» — «Да, да, отвѣчалъ король: дѣлайте что̀ хотите». — Онъ былъ совсѣмъ безъ силъ и съ трудомъ говорилъ. Шведы сожгли свои повозки, которыя у нихъ были въ обозѣ, лошадей отдали подъ пѣхоту и тронулись дальше. На другой день они увидѣли Днѣпръ. Городокъ Переволочна весь лежалъ въ развалинахъ, людей — ни души; бросились къ рѣкѣ — лодокъ нѣтъ, а на горахъ показываются русскіе. Карлъ долго не соглашался покинуть свою армію, и только когда пригрозили ему русскимъ плѣномъ, онъ воскликнулъ: «Въ плѣну у русскихъ! О, лучше бѣжать къ туркамъ!» — Запорожцы переправили сначала Мазепу, потомъ королевскую коляску и небольшой отрядъ драбантовъ.

Войско, оставленное королемъ на берегу Днѣпра, находилось въ самомъ жалкомъ видѣ. Пытались-было генералы собрать его и дать русскимъ отпоръ; но солдаты не слушали своихъ генераловъ: кто лежалъ ничкомъ на землѣ, кто стоялъ и безсмысленно смотрѣлъ, все равно, что ему ни говори. Они были изнурены до крайности и, кромѣ того, хорошо знали, что у нихъ нѣтъ ни по-

роху, ни снарядовъ. Князь Меншиковъ все это провѣдалъ отъ плѣнныхъ и растянулъ свое войско, точно у него было не девять тысячъ, а вдвое больше; затѣмъ послалъ къ генералу Левенгаупту парламентера съ бѣлымъ флагомъ, требуя сдачи. «Если же не сдадутся, велѣлъ онъ сказать, то истреблю всѣхъ до единаго». Шведы подумали, подумали—и согласились. Обѣ стороны заключили капитуляцію, по которой вся шведская армія сдалась на волю побѣдителя: 5 тысячъ пѣхоты и 8 тысячъ кавалеристовъ сложили оружіе, выдали 28 пушекъ, 128 знаменъ.—«И такъ, съ Божьей помощью, вся непріятельская, столь въ свѣтѣ славная армія Государству Россійскому въ руки досталась», — такъ записали въ то время это великое событіе въ русской исторіи.

ПОБѢДЫ РУМЯНЦОВА НАДЪ ТУРКАМИ.

Со временъ Императрицы Екатерины Второй турки считались страшными не только для Россіи, но и для всей Европы. Особенно боялись янычаръ, этой лучшей турецкой пѣхоты, объ учрежденіи которой разсказано въ своемъ мѣстѣ. Вообще, турецкая пѣхота того времени не имѣла правильнаго строя, но стрѣляла всегда мѣтко; если ей случалась неудача, она быстро отступала, переходила опять въ наступленіе и такимъ образомъ часто брала верхъ, имѣя дѣло съ противникомъ не особенно стойкимъ. Собственно янычары ходили въ атаку густою толпою, самые отважные впереди, а прочіе напирали сзади; стрѣлять могли лишь только передніе. Затѣмъ, приблизившись на полсотню шаговъ, они брали въ правую руку ятаганы, въ лѣвую — кинжалы и бѣшено бросались въ рукопашную. Если имъ удавалось гдѣ-нибудь, хотя-бы въ одномъ мѣстѣ, прорваться въ каре, то они наносили тогда страшное истребленіе; спастись отъ нихъ не было возможности—ни бѣгствомъ, ни мольбой. Кромѣ силы натиска, турецкая пѣхота отлично обороняла окопы; ни въ одной арміи

не умѣли солдаты такъ быстро и искусно строить окопы, какъ турки: они окапывались въ одну ночь, въ нѣсколько часовъ. Во время штурма турецкихъ окоповъ ихъ конница имѣла обычай выскакивать, направляя свой ударъ на оба непріятельскіе фланги, т.-е. съ боковъ. У турецкихъ всадниковъ были лучшія лошади въ Европѣ, и въ одиночномъ бою они не знали себѣ соперниковъ: никто лучше турка не ѣздилъ, не правилъ конемъ и не стрѣлялъ съ коня такъ мѣтко. Въ атаку они неслись всегда угломъ, впереди храбрѣйшіе наѣздники; кидались по нѣскольку разъ и съ такимъ азартомъ, что проскакивали иногда по два раза черезъ пѣхотныя каре. Такъ какъ въ бою турки старались всегда охватить непріятеля со всѣхъ сторонъ, то австрійцы, русскіе и всѣ, кому приходилось съ ними встрѣчаться, стали строить свои войска въ одно общее каре, или длинный четырехугольникъ. Такое каре, будучи удобно для обороны, съ трудомъ могло двигаться, слѣдовательно было неудобно для наступательныхъ дѣйствій. И помимо того, каре, прорванное въ одномъ мѣстѣ, съ трудомъ смыкалось, часто погибало цѣликомъ. Тѣмъ не менѣе, турки были страшны до тѣхъ поръ, пока не побилъ ихъ русскій полководецъ временъ Екатерины графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ. Онъ первый показалъ, что гораздо страшнѣе хорошо обученныя войска, доказалъ на дѣлѣ, что сила, хотя бы и грозная, устрашающая, должна уступить искусству. Румянцовъ указалъ дорогу другимъ: Орловъ-Чесменскій, Потемкинъ, Суворовъ—добили турокъ окончательно, такъ что ихъ перестали бояться. Графъ Петръ Александровичъ былъ человѣкъ большого ума; соображалъ быстро, дѣло велъ спокойно, безъ суеты доводилъ его до конца; распоряжался толково, дѣловито; каждый понималъ, что̀ ему надо сдѣлать, и не бывало случая, чтобы Румянцовъ отмѣнилъ свое же приказаніе. Кромѣ того, онъ, какъ добрый работникъ, на другихъ не полагался, самъ хотѣлъ все видѣть и часто появлялся среди солдатъ, какъ днемъ, такъ и ночью; послѣ трудныхъ переходовъ, послѣ жаркой битвы, онъ часто просиживалъ всю ночь за служебными бумагами. Но

больше всего заботился Румянцовъ о благоустройствѣ войскъ, ихъ обученіи, довольствіи, поддержаніи дисциплины. Онъ говорилъ, что потворствомъ можно испортить самую лучшую армію, а потому былъ строгъ, когда того требовала дисциплина, хотя всегда справедливъ. За это его любили офицеры и солдаты. Послѣдніе отзывались о немъ такъ: «Онъ прямой солдатъ!»—что̀ было лучшею наградой полководцу.

Русская пѣхота временъ Императрицы Екатерины дѣлилась такъ же, какъ теперь: на роты, батальоны, полки, бригады, дивизіи и корпуса. Но составъ ихъ былъ иной: въ полку считалось только два батальона, по 400 или 500 чел. въ каждомъ; въ батальонѣ такъ же, какъ и теперь—4 роты, при чемъ или всѣ четыре гренадерскія, или одна гренадерская а три мушкетерскія. Гренадеры носили въ сумкахъ по двѣ ручныхъ гранаты; у всѣхъ были ружья и шпаги. Пѣхота строилась въ 4 шеренги; при стрѣльбѣ 1-я и 2-я шеренги становились на колѣни. Колонны употребляли только въ походѣ; въ бою же строили, какъ сказано, каре, при чемъ его обносили рогатками изъ копій. По угламъ и по серединѣ длинныхъ фасовъ ставили орудія, даже цѣлыя батареи; въ серединѣ каре—резервъ. По образцу прусской пѣхоты, наши солдаты носили узкіе нѣмецкіе мундиры, трехугольныя шляпы, штаны со штиблетами, чулки и башмаки. Кромѣ драгунъ, въ русской конницѣ послѣ Петра появились кирасиры, въ желѣзныхъ кирасахъ, вооруженные палашами и парой пистолетовъ; потомъ—карабинеры и гусары, вооруженные, сверхъ карабиновъ, палашами или саблями. Конницу строили тогда не въ двѣ, а въ три шеренги; атаку она встрѣчала обыкновенно пальбой, а потомъ ужъ бралась за палаши и поднималась рысью. Вообще, наша конница, кромѣ гусаръ, была тяжела на подъемъ, надѣялась болѣе на ружье, чѣмъ на саблю. Въ бою ее располагали въ интервалахъ межру каре. Полевая артиллерія дѣлилась на роты, по 12 орудій въ ротѣ; полковая же артиллерія состояла всегда при полкахъ: на полкъ полагалось 4 пушки. Кромѣ пушекъ, въ артиллеріи были единороги, гаубицы, мортиры—разныхъ калибровъ и довольно тяжелыя.

Въ 1768 году запорожцы сожгли турецкій городъ Балту. Султанъ Мустафа III ухватился за этотъ случай, засадилъ нашего посланника въ тюрьму и объявилъ русскимъ войну. Замыслы у турокъ были большіе: одну свою армію они хотѣли двинуть на Варшаву, оттуда вмѣстѣ съ поляками идти на Кіевъ; другую армію послать изъ Крыма, а третью—на Кавказъ и на Волгу. Правда, турки собрали большія силы; но только ихъ нечѣмъ было кормить; въ первый же годъ войны войска разбѣжались. На второй годъ султанъ велѣлъ своему данщику крымскому хану Каплань-Гирею собрать всю орду подъ Кишиневомъ, перейти черезъ р. Прутъ и отрѣзать русскихъ, которые успѣли занять Молдавію. Въ маѣ этого года Румянцовъ выступилъ изъ Хотина и двинулся внизъ вдоль лѣваго берега Прута. Поперекъ пути, за маленькою рѣчкой Ларгой, Каплань-Гирей разбилъ на высотахъ свой таборъ, укрѣпивъ его, по татарскому обычаю, окопами: четырьмя окопами спереди и большимъ ретраншаментомъ сзади; кромѣ татаръ, здѣсь находился турецкій сераскиръ Абды-паша, такъ что соединенныя ихъ силы простирались до 80 тыс., тогда какъ у Румянцова было не болѣе 30 тысячъ. 4-го іюля онъ расположилъ свою армію на высотахъ, въ виду непріятеля: двѣ дивизіи, Баура и Репнина, стали впереди, главныя силы—сзади. Еще не успѣли наши занять своихъ мѣстъ, какъ густая толпа, около 5 тыс. отборной татарской конницы спустилась съ горы, опрокинула передовую цѣпь казаковъ и появилась передъ русскими. Носясь въ разсыпную, всадники мѣтко поражали людей первой шеренги; другіе подлетали къ рогаткамъ, откуда били ихъ на выборъ. Румянцовъ выслалъ нѣсколько орудій, которыя скоро прогнали этихъ наѣздниковъ. На другой день послѣ полудня вывелъ свою конницу Абды-паша; смѣлымъ и дружнымъ натискомъ на наше правое крыло онъ сбилъ его съ мѣста. Этому крылу угрожала гибель, потому что за турецкой конницей двигалась съ пушками пѣхота. Тогда храбрый генералъ Вейсманъ, взявши изъ главнаго каре 2 батальона гренадеръ и при помощи 12-ти эскадроновъ конницы, ударилъ туркамъ во флангъ; они было кинулись на лѣвое крыло, но и тутъ

Вейсманъ встрѣтилъ ихъ картечью. Сераскиръ спустился въ балку и исчезъ. На слѣдующій день Румянцовъ сдѣлалъ распоряженіе къ приступу. Онъ торопился, зпая, что на нижнемъ Дунаѣ въ сборѣ большая турецкая армія, которая не сегодня-завтра можетъ появиться. Послѣ обѣда всѣ повозки были отправлены назадъ, но палатки оставлены на мѣстѣ; съ наступленіемъ сумерекъ развели множество костровъ, чтобы ввести непріятеля въ обманъ. Въ величайшей тишинѣ и въ порядкѣ войска Баура и Репнина перешли по наведеннымъ мостамъ Ларгу; за ними, ровно въ полночь, послѣдовалъ съ главнымъ каре Румянцовъ; сзади шелъ съ дивизіей Племянниковъ, получившій приказаніе ударить на лѣвый окопъ, въ то время, когда Бауръ и Репнинъ поведутъ атаку на правый флангъ; арнауты и казаки должны были заскакать въ тылъ. Всѣ войска выступили изъ лагеря безъ рогатокъ; генералы согласились, что штыкъ — лучшая и надежнѣйшая защита для солдата. Какъ только Бауръ поднялся на высоты, передовая татарская цѣпь бросилась назадъ, въ таборъ: тамъ, не исключая часовыхъ, спало все глубокимъ сномъ. Послышались крики, вопли; со всѣхъ батарей раздались пушечные залпы. Но въ это время Бауръ уже бросился на первый окопъ; онъ живо имъ овладѣлъ и перешелъ во второй; князь Репнинъ атаковалъ третій. Чтобы привлечь на себя наши силы, татарская конница, выйдя изъ главнаго ретраншамента, спустилась въ лощину и пошла на большое каре, гдѣ находился самъ Румянцовъ; генералъ Мелиссино сразу осадилъ ее картечью. Въ это время Племянниковъ атаковалъ четвертый окопъ. Татары, особенно турки, сражались отчаянно, но, видя, что всѣ четыре окопа потеряны, что русскіе готовятся штурмовать ихъ ретраншаментъ, послѣднее убѣжище, они покинули лагерь и бѣжали въ безпамятствѣ. Въ пылу первой погони много ихъ погибло въ камышахъ, но затѣмъ наши утомленныя войска были неспособны къ дальнѣйшему преслѣдованію, тѣмъ болѣе, что конница не могла угнаться за степными конями. Русскіе захватили 33 орудія, 8 знаменъ и нѣсколько тысячъ палатокъ съ разнымъ добромъ, которое солдаты дѣлили между собой до поздней ночи.

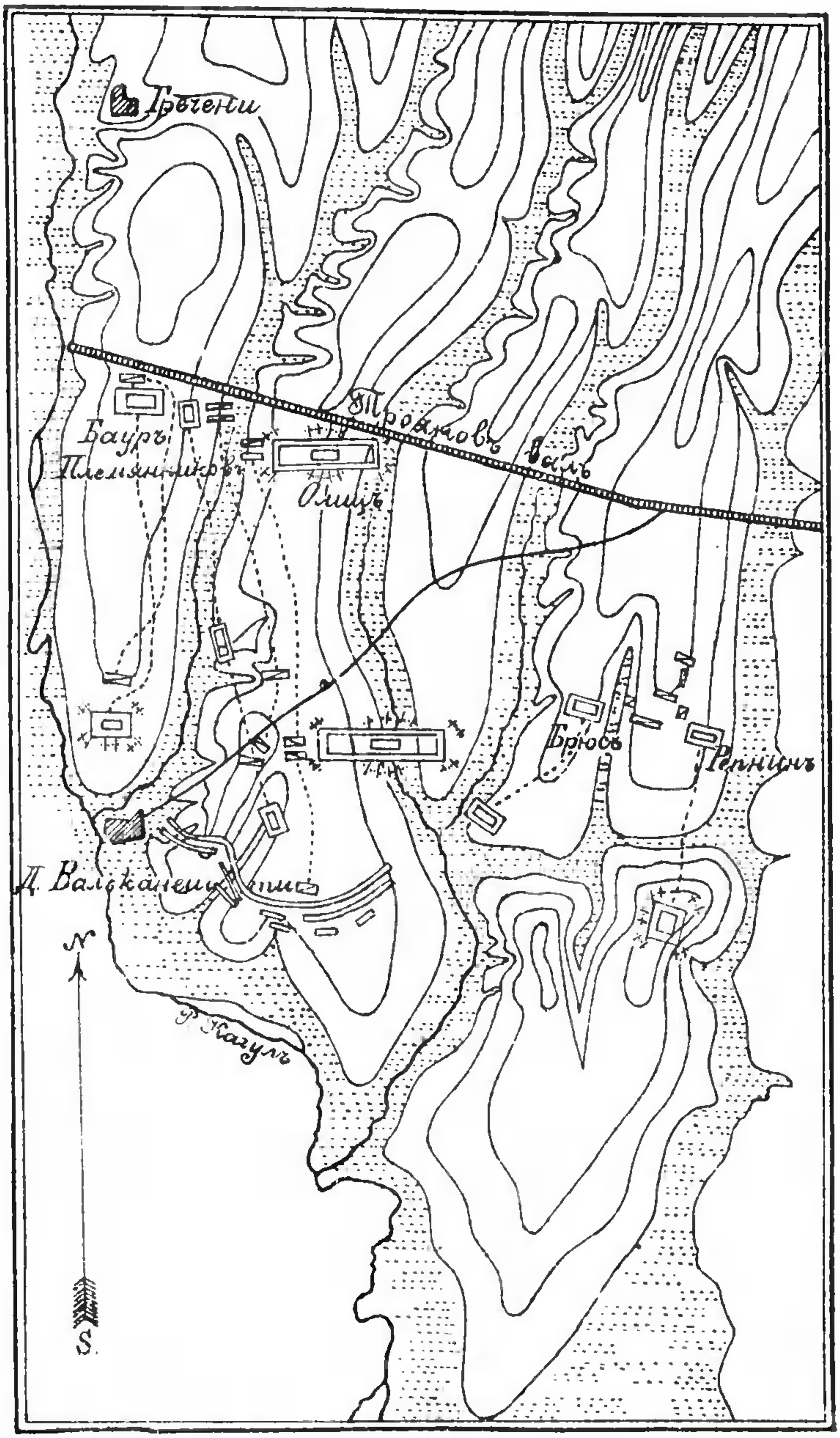
Верховный визирь Халиль-Бей, узнавши о пораженіи татаръ на Ларгѣ, перенесъ это извѣстіе съ твердостью, достойною военачальника. Онъ объявилъ своимъ войскамъ, что Аллахъ лишилъ побѣды правовѣрныхъ за то, что они безпечны и не хотѣли подчиняться новымъ правиламъ для боя. Капланъ-Гирею онъ написалъ, что самъ скоро явится отомстить невѣрнымъ. Разбитые татары собирались въ это время въ бессарабской степи, за рѣкою Ялпухомъ, недалеко отъ нынѣшняго Болграда.

Дѣйствительно, великій визирь переправился на лодкахъ черезъ Дунай и пошелъ берегомъ рѣчки Кагула на сближеніе съ татарскимъ ханомъ. Онъ велъ съ собой 150 тысячъ, въ томъ числѣ 50 тысячъ пѣхоты; у татаръ собиралось почти то же, что было подъ Ларгой. Нашъ полководецъ торопился помѣшать соединенію двухъ армій; онъ прошелъ въ недѣлю почти всю Бессарабію и 17-го іюля перешелъ рѣчку Кагулъ. Обѣ арміи шли на-встрѣчу; въ день пророка Иліи онѣ находились въ 8 верстахъ одна отъ другой—наши къ сѣверу, турки къ югу. Вечеромъ этого дня Румянцовъ замѣтилъ, что турки сразу остановились и сказалъ своимъ генераламъ: «Если турки осмѣлятся на этомъ мѣстѣ разбить хоть одну палатку, то я въ эту же ночь пойду на нихъ атакой». Оказалось, что Румянцовъ угадалъ: турки стали окапываться на трехъ продольныхъ буграхъ, раздѣляемыхъ между собой балками; изъ нихъ одна довольно глубокая *). Великій визирь самъ располагалъ напасть на русскихъ, при чемъ Капланъ-Гирей, стоявшій, какъ сказано, за р. Ялпухомъ, верстъ за 10 или за 12, получилъ приказаніе дѣйствовать во флангъ и тылъ. Но Румянцовъ предупредилъ. Отъ своихъ ничтожныхъ силъ онъ долженъ былъ отдѣлить небольшой отрядъ для наблюденія за татарами; затѣмъ остальное войско, около 17 тыс., онъ построилъ въ пять каре: среднее, сильнѣйшее, подъ начальствомъ Олица; на правомъ флангѣ два каре: Племянникова и Баура, а на лѣвомъ—Брюсса и Репнина; въ интервалахъ—небольшіе отряды конницы. Князь Репнинъ получилъ приказаніе обойти турокъ

*) Смотри планъ сраженія при Кагулѣ.

слѣва и взять ихъ въ тылъ, тогда какъ остальнымъ идти вдоль бугровъ, атакуя стоящіе противъ нихъ окопы. На разсвѣтѣ всѣ пять каре подошли къ старинному перекопу, который называется Траяновымъ валомъ, по имени римскаго императора Траяна. Этотъ валъ сохранился до сихъ поръ. Турки видимо были озадачены появленіемъ русскихъ каре, но скоро оправились и выслали на встрѣчу конницу. Каре Брюсса и Реннина очутились точно острова во время наводненія: на нихъ, какъ волны, со всѣхъ сторонъ набѣгали съ дикимъ крикомъ нестройныя толпы турецкихъ спаговъ. Мѣткіе залпы пѣхоты и пушечный огонь заставили спаговъ бросить пѣхоту; они повернули противъ нашей конницы, но эта встрѣтила ихъ также огнемъ, а подбѣжавшіе два батальона гренадеръ съ шестью орудіями — и вовсе ихъ прогнали. Спаги спустились влѣво, въ балку, и окружили каре Олица, гдѣ находился самъ Румянцовъ. Главнокомандующій приказалъ резерву этого каре занять съ шестью орудіями Траяновъ валъ. Нѣсколько продольныхъ залповъ заставили спаговъ очистить тылъ; каре со всѣхъ сторонъ, откуда бы они ни подскакивали, встрѣчало ихъ дружнымъ ружейнымъ огнемъ. Атака конницы не удалась: всѣ каре двинулись впередъ и около 8 час. утра приблизились на пушечный выстрѣлъ къ окопамъ. Съ обѣихъ сторонъ гремѣли не умолкая орудія, но наша артиллерія стрѣляла лучше: многія турецкія орудія уже были сбиты. Каре Баура, сблизившись на половину ружейнаго выстрѣла, бросилось въ штыки, и 25-ти-пушечная турецкая батарея перешла въ руки солдатъ; они разбѣжались вдоль окоповъ, работая то штыкомъ, то прикладомъ; подполковникъ Воронцовъ ворвался въ окопы первымъ. Каре Племянникова и Олица тоже готовились броситься въ окопы, какъ вдругъ около 10 тыс. янычаръ выскочили изъ-за бруствера и врѣзались съ ятаганами въ каре Племянникова. Атака была такъ нежданна и стремительна, что каре было вмигъ разстроено и притиснуто къ сосѣднему каре Олица, куда наши полки стали спасаться бѣгствомъ. Турки отняли два знамени; въ пылу кровавой сѣчи раздалось ликованье, побѣдные крики янычаръ. Румянцовъ во-время

Сраженіе при Кагулъ.



АНГЛ. БИБЛІОГРАФІЯ Т. II. 6

выскочилъ на-встрѣчу бѣгущимъ: «Стой, ребята!» раздалась грозная команда. Солдаты остановились, устроились. Присутствіе любимаго вождя дало дѣлу иной оборотъ. Каре сомкнуло свои ряды; 1-й гренадерскій полкъ, нынѣ лейбъ-гренадерскій, подъ начальствомъ бригадира Озерова, вышелъ изъ каре Олица и со штыками на перевѣсъ пошелъ въ атаку; конница бросилась на янычаръ съ другой стороны; въ обоихъ каре раздались крики: «Да здравствуетъ Екатерина!» и ужъ ничто не могло ихъ остановить. Орудія осыпа́ли картечью, конница врубалась въ ряды янычаръ, пѣхота очищала путь штыками. Турки скрылись въ окопы. Каре Олица и Племянникова заняли ихъ почти безъ боя; лѣво-фланговое каре Репнина обошло непріятельскій лагерь и стало громить его своей артиллеріей; лѣвый флангъ окоповъ былъ уже раньше въ нашихъ рукахъ. Турки оторопѣли, бросили лагерь, всю свою артиллерію, запасы и бѣжали къ Дунаю; великій визирь поскакалъ въ Измаилъ; крымскіе татары скрылись къ Аккерману. Румянцовъ побѣдоносно прошелъ черезъ весь лагерь и остановился на той сторонѣ, чтобы дать утомленнымъ войскамъ отдыхъ; дивизіи Баура и Репнина ушли въ погоню за турками и гнали ихъ почти до самаго Дуная.

Турки потерпѣли страшное пораженіе. Они потеряли болѣе 20 тыс., считая раненыхъ и плѣнныхъ, но самою чувствительною потерею осталось безпримѣрное истребленіе янычаръ и конныхъ спаговъ. Ихъ боевая слава пропала; ихъ перестали считать непобѣдимыми. Съ тѣхъ поръ турки предпочитали драться за стѣнами или укрываться за окопами. Побѣдителямъ досталось 200 пушекъ, 60 знаменъ, а прочей добычѣ, нельзя было сдѣлать и смѣты, «многія тысячи набрано». Нашъ уронъ былъ чрезвычайно малъ: меньше тысячи убитыхъ и раненыхъ. Кагульская побѣда прославила русское оружіе на всю Европу. Румянцовъ получилъ отъ своей Императрицы фельдмаршальскій жезлъ и Георгія I-го класса; король прусскій Фридрихъ Великій встрѣтилъ Румянцова, когда онъ явился въ Берлинъ, такими словами: «Привѣтствую побѣдителя отомановъ!» и приказалъ устроить маневры, изображавшіе Кагульскую битву.

Войсками командовалъ самъ король, представляя въ своемъ лицѣ почетнаго гостя.

Побѣда при Кагулѣ открыла дорогу за Дунай, въ нѣдра Турціи; сдались крѣпости: Измаилъ, Килія, Аккерманъ, Браиловъ. Нѣсколько новыхъ побѣдъ заставили турокъ просить мира, и 10-го іюля 1774 г. въ дер. Кучукъ-Кайнарджи, недалеко отъ Силистріи, былъ заключенъ славный миръ, по которому Россія пріобрѣла: Азовъ, Керчь, Еникале и Кинбурнъ; получила степь между Днѣстромъ и Бугомъ и право держать свой флотъ на южныхъ моряхъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ новороссійскому генералъ-губернатору графу Воронцову пришло на мысль построить памятникъ на мѣстѣ Кагульской битвы, въ которой участвовалъ его отецъ. Мѣсто для памятника выбрали на томъ самомъ бугрѣ, гдѣ стоялъ шатеръ великаго визиря. Если стать возлѣ памятника лицомъ къ Россіи, спереди видѣнъ Траяновъ валъ, откуда наступали наши каре, налѣво—одинъ изъ бугровъ, гдѣ отличился подполковникъ Воронцовъ; еще лѣвѣе, въ глубокой ложбинѣ—рѣчонка Кагулъ, съ большимъ селомъ Волканешти, населеннымъ болгарами. Въ 1848 году памятникъ былъ готовъ. Колонна въ 12½ саж. увѣнчана луной, съ поширающимъ ее чугуннымъ вызолоченнымъ крестомъ, вышиной въ 4 аршина. Внизу памятника, по четыремъ сторонамъ его подножія, сдѣланы надписи. Вотъ одна изъ нихъ: «Памятникъ сей незабвенной битвы, въ которой пали навсегда свирѣпые янычары, нѣсколько столѣтій страшившіе Европу, Азію и Африку, поставленъ по велѣнію Николая Императора, Самодержца всея Россіи, при новороссійскомъ и бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ».—Въ Петербургѣ сохранился другой памятникъ «Побѣдамъ Румянцова», поставленный еще въ царствованіе Императрицы Екатерины. Онъ извѣстенъ подъ именемъ «Румянцовскаго обелиска» и окруженъ небольшимъ садомъ, въ которомъ, въ лѣтнюю пору, съ утра до поздней почи рѣзвятся дѣти, тогда какъ его собратъ въ бессарабской степи стоитъ одинокъ и угрюмъ.

ЗАПОРОЖСКОЕ БРАТСТВО.

Земли, принадлежавшія запорожскимъ казакамъ, составляютъ двѣ нынѣшнія губерніи: Екатеринославская и Херсонская, за исключеніемъ уѣздовъ Тираспольскаго, Аначьевскаго и градоначальства Одесскаго. Поляки называли эти мѣста «Дикимъ полемъ», а русскіе — Заднѣпровской Украйной. Богатый пастбищами, степной край издавна занимали кочевники, и слѣды ихъ кочевьевъ стоятъ донынѣ въ видѣ кургановъ, или «могилъ», часто окопанныхъ рвомъ. Съ высокихъ кургановъ далеко видна эта степь, широкая, привольная, выгодная для пастуха-кочевника. Съ заселеніемъ края, съ порубкой лѣсовъ, прежняя благодать исчезла; только ранней весной степь похожа на цвѣтистый коверъ, а дальше, къ лѣту, она сначала желтѣетъ, потомъ чернѣетъ или, какъ говорятъ, «выгораетъ». Невесело тогда въ степи. Вѣчно зелеными остаются только плавни: это низкія мѣста, по обѣимъ берегамъ Днѣпра покрытыя сочной травой, камышомъ и деревьями: ивой, тополемъ, шелковицей, иногда дубомъ. Въ половодье плавни покрываются

водой; лѣтомъ же вода спадаетъ, и начинается покосъ, раза два до осени. Самая большая изъ днѣпровскихъ плавень, верстъ 40 въ длину, называется «Великій Лугъ», между Днѣпромъ и Конкой, пониже нынѣшняго г. Александровска. Великій Лугъ съ его густыми зарослями, озерами, лиманами, обросшими камышемъ или ситникомъ, былъ самымъ привольнымъ и любимымъ мѣстомъ запорожскихъ казаковъ. Тутъ водились дикія козы, кабаны, волки, лисицы, лоси, дикія кошки, барсуки, буйволы; на озерахъ плавали дикія утки, гуси, лебеди; въ рѣкахъ ловилась рыба: осетры, сомъ, севрюга, сазанъ, линь, стерлядь, щука, тарань, бѣлуга; въ дуплахъ деревьевъ гнѣздились дикія пчелы. Недалеко отъ этой плавни, на островѣ Хортицѣ, остались слѣды перваго поселенія запорожцевъ: два кладбища да земляныя укрѣпленія. Днѣпровскія плавни, перерѣзанныя множествомъ протоковъ, укрытыхъ камышами, съ топкими болотами въ низовьяхъ Днѣпра, служили надежною защитой отъ нападенія враговъ. Здѣсь могъ проходить лишь опытный пловецъ; одинъ невѣрный поворотъ — и человѣкъ погибъ. Однажды забрались въ плавни турецкія галеры, запутались и не могли найти выхода. Казаки гряпули изъ ружей со своихъ скрытыхъ челновъ, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что навсегда отбили у нихъ охоту подыматься Днѣпромъ. Съ другой стороны Днѣпра, съ сѣверной, еще болѣе надежною защитою служили пороги, отчего и казаки получили названіе «запорожскихъ». Пороги начинаются ниже города Екатеринослава. Поперекъ рѣки тянутся грядки гранита въ нѣсколько рядовъ, или «лавъ», одинъ ниже другого, уступами; издали они похожи на высокіе дома. Въ весеннее время вода покрываетъ всѣ пороги, кромѣ одного, а лѣтомъ спадаетъ, и тогда они особенно страшны для морехода. Самый большой и самый опасный порогъ называется «Ненасытецкимъ», или по-просту «Дѣдомъ». Двѣнадцать каменныхъ грядокъ, идущихъ дугою, преграждаютъ теченіе Днѣпра отъ праваго берега до лѣваго. Еще за нѣсколько верстъ слышенъ страшный шумъ: водяная пыль и бѣлая пѣна расходятся вдаль; вода ищетъ себѣ выхода: она рвется волной, бьетъ въ стороны, образуетъ водовороты и пу-

чины. Сила теченія здѣсь такъ велика, что въ полую воду суда пробѣгаютъ весь порогъ въ полторы минуты, а онъ тянется на двѣ версты. Вода падаетъ сверху безъ малаго на три сажени.

Въ открытой, безбрежной, какъ океанъ морской, степи старинные курганы служили вышками, съ которыхъ запорожцы далеко открывали своимъ зоркимъ глазомъ хищнаго ногайца или крымскую орду. Эти недобрые сосѣди имѣли обычай наѣзжать на запорожскія степи скрытно, внезапно, пробираясь вдоль глубокихъ балокъ, какъ степные волки. Если удавалось прокрасться, они отбивали табуны лошадей, стада овецъ, а не то нападали на рабочихъ людей, угоняя ихъ въ неволю. Но какъ только съ кургана запорожецъ подавалъ сигналъ объ опасности, работники сдвигали возы, загоняли воловъ въ середину—и таборъ готовъ; каждый спѣшилъ снять съ воза ружье и встрѣтить хищника мѣткою пулей. Ногайцы трусливы: увидѣвъ грозный таборъ, они никогда не нападутъ; у нихъ даже нѣтъ ружей, стрѣляютъ изъ луковъ, какъ нѣкогда стрѣляли ихъ предки, монголы. По лѣвой сторонѣ Днѣпра, отъ рѣчки Орели и до Конскихъ Водъ, запорожцы оградили степь особыми постройками, которыя у нихъ назывались «редутами». Эти редуты отстояли одинъ отъ другого верстъ на 10, на 20 или 30, смотря по мѣстности. Для постройки редута копали кругомъ ровъ, ставили по срединѣ квадратомъ деревянное жилье на 50 казаковъ, и вотъ эти-то 50 человѣкъ, по-очереди, несли въ степи караульную службу. Сюда высылались самые трезвые, исправные и лучше другихъ вооруженные; у каждаго казака былъ мушкетъ, сабля, 4 пистолета и пика. За $^1/_4$ или за $^1/_2$ версты отъ редута стояла сложенная изъ 20 смоляныхъ бочекъ высокая «фигура»; наверху, на блокѣ, висѣла пакля, вымоченная въ селитрѣ. Съ появленіемъ орды зажигалась ближайшая «фигура», за нею зажигалась другая, третья, отчего по всей линіи редутовъ распространялась тревога. Скачутъ по тревогѣ запорожцы; табуны и отары овецъ скрываются въ глубокія балки, а косари и всѣ рабочіе либо дѣлаютъ таборы, либо забѣгаютъ въ камыши. Ежедневно изъ каждаго редута атаманъ или асаулъ, смотря кто за

старшаго, высылалъ въ степь разъѣзды, человѣкъ по 5 — 10 въ разъ. Вотъ скачетъ подъ вечеръ степью запорожскій разъѣздъ: пики въ рукахъ, глазъ и ухо на-сторожѣ. Вчера дали знать, что ногайцы прокрались черезъ границу: ихъ надо накрыть. Впереди отряда несется хорунжій съ краснымъ значкомъ; за нимъ ѣдетъ полковникъ съ перначемъ; сзади бѣгутъ крупной рысью уже порядочно притомленные казацкіе кони. Съ утра еще казаки намѣтили широкій конскій слѣдъ, и думаютъ, что ногайцы угнали гдѣнибудь табунъ. Вотъ попадаются на дорогѣ обглоданныя кости коня, трава кругомъ мятая — это ногайцы съѣли коня, который сталъ у нихъ отставать; а вотъ и другой слѣдъ, въ балку. Отрядъ остановился; слѣзъ съ коня асаулъ, пошелъ самъ по притоптанной травѣ и говоритъ, что здѣсь было убійство. Дѣйствительно, недалеко въ балкѣ нашли двухъ пастуховъ съ ближняго зимовника: оба зарѣзаны. Начинаются разспросы: «кто видѣлъ пастуховъ послѣдній разъ?» Одинъ казакъ отвѣчаетъ, что видѣлъ ихъ всего три дня назадъ, когда возилъ камышъ въ свой зимовникъ. «Ну, братцы-товарищи, говоритъ полковникъ: хотя кони наши и потомлены, а надо догнать вражью нехристь!» Живо вскочили казаки на коней и прыткою рысью побѣжали дальше. Вотъ ужъ видна рѣка, слѣдъ все шире и шире — догонятъ-ли? Нѣтъ, на этотъ разъ не догнали: орда на той сторонѣ; лишь одинъ полуголый ногаецъ гонитъ черезъ рѣку отсталыхъ коней, связанныхъ хвостами. Зоркій глазъ узналъ издали ногайскаго мурзу. «Отъ меня ты, Тилибей, ушелъ, а отъ Коша не уйдешь!» говоритъ съ досадой полковникъ, гнѣвно покручивая сѣдой усъ.

Что́ же это за Кошъ, который можетъ притянуть къ отвѣту даже татарскаго мурзу?—Кошъ, собственно, значитъ: «казачій станъ, обозъ». Запорожскимъ кошемъ назывался военный станъ братьевъ-запорожцевъ, державшихся одного мѣста до тѣхъ поръ, пока нужда не перегоняла ихъ на другое. Мы сказали, что первое сельбище было на островѣ Хортицѣ ниже Александровска; послѣдняя или «Новая» Сѣчь, была на рѣчкѣ Подпольной, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, въ сел. Покровскомъ, принадлежащемъ Великому

Князю Михаилу Николаевичу. Въ этомъ мѣстѣ р. Подпольная дѣлаетъ крутой выгибъ и даже образуетъ заливъ, который называется «Уступомъ». Тутъ стояли на якорѣ запорожскія чайки, большіе дубы; сюда входили съ грузомъ «тумбасы»; т.-е. греческія и турецкія суда. Чтобы попасть въ сѣчь со стороны степи, нужно было проѣхать «Крамной» базаръ, гдѣ находились лавки, шинки, гдѣ помѣщался пріѣзжій людъ и жилъ базарный атаманъ. «Крамной» базаръ кончался у «брамы», или башни, укрѣпленной пушками, съ проѣздомъ внутри. Направо и налѣво отъ брамы до самой Подпольной открывались валы, обнесенные высокимъ палисадомъ и замыкавшіе собственно сѣчь, казацкое жилье. Кругомъ площади стояли 40 куреней, или длинныхъ деревянныхъ построекъ, въ родѣ сараевъ. Въ самомъ углу площади, между заливомъ и рѣчкой, въ наиболѣе защищенномъ мѣстѣ, стояла соборная церковь во имя Покрова Божіей Матери; здѣсь же помѣщалась войсковая казна, канцелярія и жилъ кошевой атаманъ съ прочимъ войсковымъ начальствомъ. Вся постройка въ сѣчи была деревянная, даже домъ кошевого—простая изба, «безъ роскоши и излишества». Курени были устроены по одному образцу: большая, длинная постройка изъ рубленаго лѣсу, съ изразцовыми печами, безъ всякихъ перегородокъ, подъ стѣнами кругомъ столы, а возлѣ нихъ—длинныя узкія лавки, или скамейки. На почетномъ мѣстѣ, подъ иконами, садился куренной атаманъ, возлѣ него—старики, а дальше — прочее товарищество. По большимъ праздникамъ передъ иконами зажигались свѣчи въ паникадилахъ и лампады. Запорожцы, какъ увидимъ дальше, были люди богобоязненные и строго соблюдали всѣ церковные уставы. За столомъ прислуживали «молодики»: такъ называли казаковъ, которые готовились вступить въ братство, но еще не были приняты. Куренной кухарь жилъ особо; онъ готовилъ пищу и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ казначеемъ куреня. Число казаковъ въ куреняхъ было неодинаково: въ одномъ больше, до 500 или 600 чел., въ другомъ меньше, около 200 человѣкъ. Всѣхъ запорожцевъ въ разные годы тоже бывало разно, но иногда доходило до 12 тысячъ, считая конныхъ и пѣшихъ.

Запорожское войско управлялось своею собственною выборною властью. Ежегодно 1-го января собирались въ сѣчь всѣ запорожцы изъ дальнихъ и ближнихъ зимовниковъ. Войсковой асаулъ обходилъ съ перначемъ курени и звалъ ихъ на раду. И вотъ, передъ обѣдней, сходились запорожцы на главную площадь. По серединѣ площади, на столѣ, лежали денежныя войсковыя книги, рядомъ съ ними—куренные реестры. Когда все было готово, выходилъ въ кругъ кошевой, при распущенномъ большомъ знамени и бунчукахъ; за нимъ — войсковой судья, войсковой писарь и прочія власти. По старинному обычаю они слагали на столъ знаки своего достоинства, или такъ-называемые клейноды: кошевой — булаву, судья—трость и печать, войсковой писарь—чернильницу, войсковой асаулъ — саблю, войсковой хорунжій — большую «царскую» хоругвь, бунчужный — бунчукъ, перначникъ — перначъ и т. д.; затѣмъ они кланялись братьямъ-товарищамъ, просили ихъ уволить отъ службы и поставить другихъ. На войсковой радѣ избиралось войсковое начальство, или войсковая старшина, а на сходкахъ по куренямъ избиралась куренная старшина. Кошевой атаманъ былъ первымъ избранникомъ и первымъ лицомъ въ запорожской сѣчи; ему принадлежало первое мѣсто, первый голосъ. Память добрыхъ атамановъ высоко чтилась на Запорожьи. Таковъ, напримѣръ, былъ кошевой атаманъ Сѣрко, гроза крымцевъ и ногайцевъ. Они учредили особыя моленія на погибель этого славнаго атамана, а запорожцы перевозили его прахъ изъ одной сѣчи въ другую, вѣруя, что онъ принесетъ имъ побѣду, даже мертвый. Какъ ни великъ былъ почетъ кошевому и всей прочей старшинѣ, однакоже дѣйствительная власть принадлежала всему войску запорожскому, отъ имени котораго рѣшались всѣ дѣла, на имя котораго писались и получались бумаги. Это были истинно-вольные люди, не признававшіе чужой власти и управлявшіеся по своимъ обычаямъ. «Сѣчь—мати, а Великій Лугъ—батько», говорили запорожцы. Семьей запорожца былъ его курень. Когда онъ поступалъ, ему показывали мѣсто, длиною въ три арш., шириною въ два, и говорили: «Вотъ тебѣ домовина (гробъ), а когда помрешь, то сдѣлаемъ еще короче».

Въ куренѣ запорожецъ какъ бы рождался, крестился и умиралъ; тутъ проходила вся его жизнь, полная тревоги, опасностей, разгула и веселья, счастья и горя. Запорожецъ не могъ имѣть собственности; онъ пользовался тѣмъ, что̀ имѣлъ курень: лавки, шинки, земли, рыбныя ловли, табуны коней и стада овецъ. Куренной атаманъ считался отцомъ этой семьи и главнымъ хозяиномъ ея имущества, хранителемъ ея казны. Это была важная должность. Казакъ, который не былъ куреннымъ атаманомъ, не могъ никогда попасть ни въ кошевые, ни на какую другую войсковую должность. И наоборотъ: бывшіе куренные атаманы, по увольненіи отъ своей должности, оставались въ силѣ, сохраняли почетъ до смерти; подъ именемъ «стариковъ», они вершили дѣла на всѣхъ сходкахъ и даже на войсковой радѣ. Кромѣ сѣчи, такъ сказать, родового гнѣзда запорожцевъ, они жили разбросанно по степи, въ зимовникахъ, занимаясь въ свою пользу хозяйствомъ. Земли пахатной и сѣнокосной было множество; хозяйство велось большое, на широкую руку: табуны считались въ 5 — 6 сотъ и болѣе того лошадиныхъ головъ. Хозяева зимовниковъ получали изъ коша особые билеты, по которымъ проживали и пользовались землей, какъ бы въ награду за долгую и вѣрную службу. По обычаю того времени, и зимовники укрѣплялись на случай нападенія. По серединѣ зимовника—3 или 4 хаты, амбаръ, погребъ, конюшни, клуня и другія хозяйственныя постройки; кругомъ—«шанцы», или редуты, съ очень глубокими рвами и высокими валами. Изъ зимовниковъ выросли впослѣдствіи села и даже города. Запорожецъ Усъ имѣлъ свой зимовникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь г. Александрія, Херсонской губерніи, а запорожецъ Пе́трикъ считается основателемъ Петриковки, или Новой Праги. Населеніе зимовника простиралось иногда до 30 или 40 казаковъ; на ихъ обязанности лежала защита границы, такъ какъ зимовники служили въ то же время пограничными крѣпостцами.

Войско запорожское составляли безсемейные казаки; дѣвки и бабы не могли даже переступать въ сѣчь; но на земляхъ, принадлежащихъ кошу, жило много людей «посполитыхъ», т.-е. по-

селянъ, считавшихся въ подданствѣ. Они платили ежегодно небольшую подать, жили семейнымъ обычаемъ, то по хуторамъ, то цѣлыми большими селеніями. Нынѣшній Екатеринославъ назывался селомъ Половицей; нынѣшній Никополь—Никитинымъ перевозомъ, Ново-Московскъ—Самарчикъ, или Новоселица. Для управленія поспольствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и защиты края, кошъ высылалъ полковника съ командой: мѣсто пребыванія полковника, а также и весь подчиненный ему округъ, назывался «паланкой». Такихъ населенныхъ паланокъ считалось на Запорожьи четыре: на правой сторонѣ Днѣпра Кодацкая, а на лѣвой остальныя три: Самарская, Орельская и Протовчанская. Изъ этого видно, что запорожцы, водворившись въ сѣчи, не только взяли на себя защиту края отъ мусульманскихъ ордъ, но сами заселяли нѣкогда пустынный край, воздѣлывали землю и давали мѣсто мирному поселянину, пришедшему изъ Украйны искать земли и воли. Избѣгая польской неволи, молодежь, холостые казаки направлялись въ сѣчь, а люди семейные искали поселеній на широкомъ просторѣ запорожскихъ степей.

Запорожское братство по своимъ уставамъ было схоже съ тѣми рыцарскими братствами, которыя возникли у западныхъ христіанъ во время крестовыхъ походовъ. Запорожцы и называли себя «лыцарями». Подобно братьямъ рыцарскихъ орденовъ, они строго держались своего православнаго вѣроученія, давали обѣты безбрачія, строгаго послушанія начальству и, наконецъ, всѣ они жили ради войны съ невѣрными. Невольно является вопросъ: откуда въ глухую запорожскую степь, въ днѣпровскія плавни, зашли обычаи рыцарскихъ братьевъ съ далекаго Запада, отъ народовъ чуждыхъ по вѣрѣ и языку?—Полагаютъ, что изъ Польши, которая была знакома съ этими обычаями, и многіе поляки, ревнующіе защитѣ христіанства, не только бывали на Запорожьи, но жили въ немъ, искали военной славы и почетной смерти въ борьбѣ неустанной, кровавой съ врагами Христа. Какъ на дальнемъ Западѣ, такъ и здѣсь, врагъ былъ общій; не мудрено, что какъ тамъ, такъ и здѣсь, особые люди выдѣлились въ братство и по-

святили себя одному и тому же дѣлу. Современемъ, когда міръ христіанскій окрѣпъ, когда турки перестали быть страшны, то рыцарскіе ордена, равно какъ и наше братство, сами собой распались. Ихъ дѣло было кончено.

Отъ всякаго вступавшаго въ сѣчь требовалось доказательство, что онъ принадлежитъ къ православной греко-россійской церкви. Вообще, запорожцы были очень набожны, заботились объ украшеніи своихъ церквей, любили церковное пѣніе и давали приличное содержаніе своимъ пастырямъ. Не смотря на свои скудные достатки, они содержали въ разныхъ мѣстахъ 14 церквей, въ томъ числѣ и свой монастырь, на р. Самарѣ. Въ церковныхъ дѣлахъ запорожцы поступали такъ же, какъ и во всемъ остальномъ. Ежегодно кіевскій Межигорскій монастырь высылалъ имъ въ сѣчь монаха, и если этотъ монахъ приходился по вкусу, былъ «великій співака и хорошій читака», да къ тому же строго соблюдалъ церковный порядокъ, то они оставляли его на другой годъ, а если нѣтъ, то принимали новаго. Не только сѣчевая церковь во имя Покрова Божьей матери, но и другіе православные храмы, особенно въ Кіевѣ, щедро обогащались доброхотными даяніями запорожскихъ братьевъ. Они прославились своей щедростью во всѣхъ православныхъ странахъ Востока: Палестинѣ, Греціи, землѣ Волошской, откуда приходили сборщики милостыни и куда они разсылали священные сосуды, кресты, хоругви, дорогія облаченія, серебро, золото, паникадила, свѣшники. Многіе еще при жизни строили храмы, а передъ смертью каждый запорожецъ завѣщалъ все, что имѣлъ лучшаго и дорогого, на Божью церковь. Наиболѣе набожные казаки, на преклонѣ лѣтъ принимали постриженіе—то въ своемъ самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, то въ кіевской Межигорской обители. И этотъ переходъ не былъ тяжелъ суровому казачеству, привыкшему съ дѣтства къ труду, воздержанію, къ повиновенію. Сѣчевая церковь считалась одною изъ богатѣйшихъ церквей въ православной землѣ. Ея высокая колокольня съ 4 окнами была вооружена пушками, какъ на случай защиты, такъ и для пальбы въ торжественныя

службы — на Пасху, Богоявленіе, храмовой праздникъ. Во время водосвятія всѣ казаки становились конным̀ъ строемъ на площади, по куренямъ, въ своемъ полномъ нарядѣ, но безъ шапокъ. У старыхъ запорожцевъ свисалъ и закручивался за ухо длинный чубъ, или «оселедецъ»; у всѣхъ головы бритыя, усы нафабрены и закручены. Вѣтеръ развѣваетъ длинные закидные рукава у кунтушей; ярко горятъ шелковые пояса съ золотыми кистями и золотой галунъ на широкихъ разноцвѣтныхъ шароварахъ, заправленныхъ въ красные «сафьянцы». У каждаго казака за поясомъ торчатъ два пистолета, за спиною виситъ «рушница», у пояса сабля, на стремени пика. Сѣдло и конская сбруя у богатыхъ запорожцевъ украшены по-турецки, камнями. Тутъ же стоятъ пѣшіе казаки, пришедшіе на праздникъ изъ далекихъ зимовниковъ, и вся большая площадь пестрѣетъ грознымъ казацкимъ строемъ. Служба кончилась. Вынесли изъ церкви богатыя хоругви; показался хоръ пѣвчихъ, изъ школярей и молодиковъ, человѣкъ 50; вышелъ отецъ архимандритъ съ крестомъ, іереи съ иконами и свѣчами; сзади чинно и съ «повагой» выступаютъ атаманы, впереди всѣхъ кошевой. За ними двинулись заѣздомъ запорожцы, и вся процессія приблизилась къ Днѣпру. Какъ только отецъ-архимандритъ погрузилъ въ Іорданъ святой крестъ, всѣ пушки разомъ дали залпъ, послѣ котораго затрещали самопалы Такимъ же порядкомъ процессія вернулась назадъ. Казаки разошлись по куренямъ, гдѣ вмѣсто обычной пшенной каши, тетери, мамалыги или галушекъ, на столахъ дымился борщъ горячій съ саломъ, лежала вяленая рыба, поросенки, «пострама́» изъ бараньихъ ножекъ, горы варениковъ, соленыхъ огурцовъ и колбасы — самые любимые казацкіе наѣдки. Но безъ горѣлки, меду или пива, безъ венгерскихъ и крымскихъ винъ, а главное безъ варенухи—и праздникъ былъ бы не въ праздникъ. Всѣ эти напитки стоятъ въ большихъ посудинахъ, поверхъ которыхъ плаваютъ черпаки. Особенно уважали запорожцы варенуху; они варили ее изъ водки, приправляя медомъ, сухими фруктами, корицей, гвоздикой и другими пряностями. Послѣ такого обѣда запорожцы отправлялись обыкновенно

цѣлыми толпами въ предмѣстье. Всю ночь шелъ разгулъ, широкій казацкій разгулъ. Тамъ, передъ шинкомъ, два казака, другъ противъ друга, взявшись въ боки, сѣменятъ мелкую дробь ногами, подаваясь на-встрѣчу то однимъ плечомъ, то другимъ. Не колыхнется казакъ, не дрогнетъ его сѣдой усъ—такъ легко, такъ плавно онъ подходитъ,—и вдругъ казакъ опустился на землю и пошелъ работать въ присядку. Свиснувъ ухарски, казакъ летитъ вверхъ на аршинъ отъ земли и опять сидитъ, опять выколачиваетъ ногами; невесело его лицо, даже сурово: нѣтъ противъ него его милой, и онъ, точно обманутый въ кровавой схваткѣ съ ногайцемъ, вскрикиваетъ: «Гей, гай-гай, гурра-га! Сѣки, коли, рѣжь врага!» — и снова опускается въ присядку. Въ другомъ мѣстѣ толпа запорожцевъ окружила слѣпца-кобзаря, усѣвшагося на землѣ; у многихъ капаютъ слезы изъ старыхъ очей. Кобзарь, перебирая струны, поетъ «думу» про несчастную судьбу Свирговскаго:

„Какъ того пана Ивана,
„Что Свирговскаго гетьма́на,
„Басурмане ловили
„До голову ему рубили.
„Ой, голову снимали
„И на бунчукъ подымали,
„И въ сурмы игравали,
„И плясы затѣвали...“

Тутъ, въ этихъ «думахъ», вся прошлая исторія славнаго Запорожья; тутъ его герои, прославленные въ битвахъ, замученные въ турецкой неволѣ.—Совсѣмъ охмѣлѣвшій казакъ, прогулявшій все до нитки, идетъ черезъ площадь и выпѣваетъ про Сагайдачнаго, какъ этотъ, любимый казаками, гетманъ промѣнялъ свою жену на табакъ да на трубку. И долго могучій голосъ гуляки покрываетъ базарную площадь, переполненную разгульнымъ казачествомъ. — Любили запорожцы погулять — и въ будни, и въ праздники. Но во время походовъ пьянство считалось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Атаманъ казнилъ виновнаго лишеніемъ жизни.

Вообще, обычаи суда были у запорожцевъ просты: судилъ кошевой, и на его судъ не было управы. Приговоры исполнялись войсковымъ асауломъ быстро, безповоротно. Наказанія у нихъ были строги, а по нынѣшнему времени даже жестоки. Воровство, грабежъ, богохуленіе, нарушеніе цѣломудрія, побѣгъ во время войны или неповиновеніе начальству—наказывались смертною казнью. Преступника сажали въ пушкарню, гдѣ онъ сидѣлъ, прикованный къ пушкѣ и ждалъ своей горькой участи. Отсюда его водили на допросъ, и если не признавался, то понуждали пыткой. Наконецъ, кошевой ставилъ приговоръ; войсковой судья дѣлалъ надпись, а довбишъ велъ преступника на казнь. Его подвозили на конѣ подъ висилицу и, накинувши петлю, уводили коня прочь. Тутъ онъ висилъ, пока не разсыпятся его кости. Чаще всего преступника привязывали къ позорному столбу, на площади. Вокругъ столба ставили разные напитки: водку, медъ, пиво, брагу; клали калачи и тутъ же пучки палокъ, или «кіи». Казаки, подходя по-очереди, брали въ руки кіи и, выпивши корякъ горѣлки или меду, били преступника приговаривая: «Вотъ тебѣ, вражій сынъ, чтобы ты не кралъ и не разбойничалъ. Мы за тебя цѣлымъ куренемъ платили». Часто забивали до смерти.—Но эти же запорожцы, послушные какъ дѣти своему отцу-атаману, становились во время войны грозны, страшны, и ихъ военная слава гремѣла далеко по бѣлому свѣту; они гордились ею, какъ лучшею наградою на землѣ. Съ наступленіемъ весны раздавался бранный кличъ. То, бывало, гетманъ изъ Украйны звалъ запорожцевъ «погулять», то они сами, не взирая ни на какіе договоры, которые заключала Москва или Польша съ турками, выбирали себѣ походнаго атамана и снаряжались въ походъ—«сшить кошулю изъ огня Стамбулу». Какъ только Днѣпръ очищался отъ льда, запорожцы дружною артелью ладятъ свои чайки, эти суденышки безъ киля, но съ двумя рулями: одинъ спереди, другой—сзади и на 10—15 веселъ каждое; дно выдалбливаютъ изъ бревна, бока обшиваютъ досками и обвязываютъ снаружи пучками камыша, обвитаго вѣтками боярышника, точно канатами; на всякій

случай ставятъ и мачту. Казаки охотнѣе плавали на веслахъ, чѣмъ подъ парусами. Кромѣ лодокъ, запорожцы въ это же время готовятъ и запасы: складываютъ въ боченки сухари, пекутъ коржи, набираютъ въ горшки тетерю, или густое квашеное тѣсто. Каждый казакъ снаряжаетъ себя въ дальнюю дорогу: насыпаетъ въ пороховницу пороху, отливаетъ пули, точитъ саблю, готовитъ двѣ пищали, а изъ одежды беретъ самую простую и грубую: двѣ пары шароваръ, двѣ полотняныхъ рубахи, куртку да суконный кафтанъ. Когда все готово, на чайку ставятъ квадрантъ, тащатъ фальконетъ, и послѣ напутственнаго молебствія казаки разсаживаются по мѣстамъ, на каждой чайкѣ отъ 40 до 50 человѣкъ. Грянулъ прощальный выстрѣлъ; атаманы и все остающееся братство сняли шапки, пожелавъ добраго пути, и флотилія, изъ сотни лодокъ, пошла внизъ. Впереди идетъ атаманская лодка, на ней развѣвается флагъ; прочія идутъ плотно одна возлѣ другой. Но турки провѣдавъ, что запорожцы двинулись, разставили свои галеры въ устьяхъ Днѣпра. И на это есть сноровка. Казаки выжидаютъ въ камышахъ, гдѣ-нибудь верстъ за 10 или 15, самой темной ночи; сидятъ тутъ часто по цѣлымъ недѣлямъ. Выждавши такую ночь, они всегда съумѣютъ проскользнуть, и черезъ 40 часовъ—на томъ берегу, въ Анатоліи. Какъ только причалятъ, тотчасъ дѣлаютъ высадку, и ужъ тутъ идетъ кровавая потѣха. Города берутъ приступомъ, врасплохъ; грабятъ, жгутъ; окрестная страна приходитъ въ трепетъ: «Аллахъ, Аллахъ! казаки вышли въ море!»—Скачутъ гонцы въ Цареградъ; разсылаетъ султанъ вѣстниковъ, дабы каждый берегъ свое добро. Даже такіе людные города, какъ Трапезонтъ, Синопъ, пылаютъ въ огнѣ; бѣда грозитъ столицѣ султана, ея предмѣстьямъ... Запорожцы были безпощадны въ битвѣ съ мусульманами: ничто не могло склонить на милость суроваго казака—ни старость, ни юность, ни красота, ни знатность. Если нельзя было убить, они ловили свою жертву на арканъ и тащили ее къ атаману, будь то самъ паша, даже великій визирь. Нагрузивши лодки добычей, удальцы быстро исчезали въ открытое море. Ихъ отвага была такъ ве-

лика, что они не боялись даже встрѣчи съ кораблями турокъ, хотя такая встрѣча рѣдко сходила имъ съ рукъ. Запорожцы зорко глядѣли въ оба, и какъ только замѣчали турокъ, раздавалась команда атамана: «Мачты долой!» Онъ двигалъ всю флотилію такъ, чтобы она до захода солнца повернулась къ нему спиной, а къ туркамъ лицомъ. Въ полночь, по крику филина или другому сигналу, вся флотилія неслась къ одной точкѣ; мигомъ поднимались казаки на корабль, отбирали все, что́ было цѣннаго: деньги, товары, пушки, а корабль съ людьми пускали на дно. Черезъ 2—3 часа все кончено: чайки несутся домой. Но турки еще пуще стерегутъ устье Днѣпра. Тогда казаки высаживаются пониже Очакова, перетаскиваютъ на себѣ всѣ лодки, тяжелую добычу и черезъ 3 дня снова въ Днѣпрѣ, выше турецкихъ галеръ. Случалось, что запорожцы натыкались среди бѣла-дня на турецкія суда. Не сами турки были страшны, а вотъ ихъ пушки: отъ нихъ челны разсыпа̀лись, какъ стая скворцовъ, и многіе гибли въ морской пучинѣ; самые удалые успѣвали спастись только бѣгствомъ, покидавши въ море всю добычу. Если же атаманъ приказывалъ начать битву, то запорожцы прежде всего привязывали весла; потомъ одна половина, не трогаясь съ лавокъ, палила неустанно, а другая только заряжала, подавая ружья. Мѣткіе выстрѣлы казаковъ держали турокъ въ дали; но все-таки пушки брали свое, и слава Богу, если послѣ такой передѣлки половина челновъ возвращалась домой. Возвратившись съ добычей, запорожцы дѣлили ее по-братски, между всѣмъ товариществомъ. Все шло въ дѣлежку: испанскіе реалы, арабскіе цехины, ковры, парча, бумажные и шелковые товары, драгоцѣнные ларцы, посуда, все, что́ успѣли нагрузить на чайки. И снова казакъ гуляетъ, гуляетъ до тѣхъ поръ, пока не спуститъ свою долю. Будущее его не заботитъ.

Запорожцы имѣли свой военный урядъ. Войско дѣлилось на тысячи—подъ начальствомъ полковниковъ, на сотни—подъ начальствомъ сотниковъ и десятки, каждый изъ 9 старыхъ воякъ и около 30 молодиковъ—подъ начальствомъ десятниковъ. Часто случалось, что полковникъ имѣлъ подъ начальствомъ около 4-хъ ты-

сячъ казаковъ. Полковники и вся войсковая старшина въ мирное время держали себя по-товарищески, но одинъ шагъ изъ сѣчи— и послушаніе становилось заповѣдью для каждаго запорожца. Онъ за него платился не только спиною, но и жизнью. Въ морскомъ походѣ атаманъ выкидывалъ ослушника за бортъ, и никто не посмѣлъ бы его оборонить. Въ походахъ степныхъ, при нападеніяхъ на врага, соблюдалась строжайшая тишина; даже кони у нихъ не ржали. Казаки рѣдко вступали въ битву днемъ: они любили ночныя нападенія, особенно въ мѣстахъ хорошо имъ знакомыхъ. Шли въ походѣ со всѣми предосторожностями, окруживъ себя бекетами и скрывая посреди отряда возы. Въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ болѣе сильнымъ они дѣлали изъ повозокъ таборъ. За таборомъ сотня казаковъ не боялась тысячи ляховъ, нѣсколькихъ тысячъ татаръ: укрывшись возами, казаки посылали пулю за пулей—мѣтко, спокойно, держа противника вдали, пока онъ не наскучитъ осадой, которая могла затянуться на недѣлю, другую, даже больше того. Къ большой наступательной войнѣ казаки не имѣли ни способностей, ни охоты: напасть, зажечь, ограбить — вотъ ихъ война, и все это въ одинъ день, въ одинъ часъ.

До 1645 года запорожцы считались на службѣ у поляковъ; въ этомъ году присягнули Бѣлому Царю. Петръ Великій за помощь шведскому королю велѣлъ разорить сѣчь. Тогда запорожцы перешли въ Алешки, противъ нынѣшняго Херсона, и пробыли тамъ, пока не воцарилась Императрица Анна Іоанновна. Она разрѣшила имъ вернуться на старыя мѣста, и вотъ эта-то «Новая» сѣчь простояла до временъ Императрицы Екатерины, когда турки уже перестали быть страшны, когда край началъ заселяться и потребовалъ мирнаго обереженія; запорожцы со своими вольностями становились неспокойнымъ и не совсѣмъ пріятнымъ сосѣдомъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1775 г. Императрица разослала манифестъ, въ которомъ объявляла объ уничтоженіи запорожской сѣчи, но еще раньше, а именно въ маѣ этого года, отряды генералъ-поручика Текелія наступали съ разныхъ сторонъ на Запорожье. Его границы

были заняты безъ сопротивленія. Самъ Текелій, съ дивизіей пѣхоты и конницы, въ Духовъ день, расположился въ двухъ верстахъ отъ сѣчи, выставивъ противъ нея всю свою артиллерію. Запорожцы уже знали, что имъ готовится конецъ. Прошло два дня; Текелій потребовалъ къ себѣ казацкую старшину. Кошевой Калнышъ собралъ раду: «А что̀, панове-атаманы, будемъ теперь дѣлать? Русскіе зовутъ насъ въ гости: идти намъ къ нимъ или не идти? Отдадимъ

Запорожскій разъѣздъ.

сѣчь или не отдадимъ?» —Въ отвѣтъ на эти слова поднялся страшный шумъ. Одни были не прочь спокойно отдаться, другіе громко кричали: «Пускай Текелій приведетъ еще столько войска,—мы разобьемъ его въ пухъ. Передавимъ москалей, какъ мухъ!» —Такъ говорили самыя буйныя головы. Тогда вышелъ изъ церкви отецъ архимандритъ Владиміръ Сокальскій, въ полномъ облаченіи, съ

крестомъ въ рукахъ. Онъ сталъ увѣщевать: «Побойтесь Бога, безумные! Вы называете себя христіанами и хотите поднять руку на христіанъ же! Смиритесь: таковъ нашъ жребій, и примемъ его какъ заслуженное наказаніе Божіе. Вотъ, видите крестъ и на немъ Распятіе: кто его не послушаетъ, да погибнетъ!»—И замолкли самые буйные, зарыдало товарищество въ одинъ голосъ. «Будетъ по твоему, отецъ-архимандритъ: зналъ ты, что́ сказать. Не только слушаемъ, а и головы свои положимъ за тебя».—«Не шутка то, братья, сказалъ Кошевой, всѣ пути намъ заняты; противъ насъ наведены пушки. Боже помоги! Пойдемъ, атаманы. Что̀ будетъ, то будетъ, а будетъ то, что̀ Богъ дастъ!» Съ хлѣбомъ-солью вошли казаки въ палатку генерала, поклонились и привѣтствовали его по русскому обычаю. Текелій принялъ хлѣбъ-соль и спросилъ, кто у нихъ старшій? Калнышъ назвалъ себя, потомъ показалъ войскового судью Косапа, писаря Глобу и куренныхъ атамановъ, числомъ 40. Текелій всѣхъ ихъ усадилъ и, мало поговоря, пошелъ вмѣстѣ съ ними въ сѣчь. «Гдѣ же ты, кошевой, меня примешь?» Калнышъ пригласилъ гостей къ себѣ, посадилъ на лавки и знатно угостилъ. Пили коряками, ѣли изъ корытъ или на деревянныхъ тарелкахъ, безъ вилокъ, безъ ножей. «Кто у васъ готовитъ такія вкусныя блюда?» спросилъ генералъ.—«У насъ по куренямъ славные есть повара!» Тогда Текелій попросилъ, чтобы и ему дали одного такого повара; онъ назначитъ ему хорошую пенсію, а кошевому и всѣмъ атаманамъ обѣщалъ подарить на память каменныя миски. На это куренной атаманъ Сторць сказалъ: «Э, ваша ясновельможность: хоть съ корыта, та до-сыта, а вы ѣдите съ блюды, да худы». Тутъ былъ намекъ на худобу генерала, но онъ нисколько не разсердился и даже, потрепавъ атамана, поблагодарилъ его за присловье. Осмотрѣвши курени, оглядѣвши житье-бытье казацкое, Текелій отблагодарилъ старшину за угощеніе и вернулся въ свой обозъ. Прошла недѣля. Съ обѣихъ сторонъ приходили гости, знакомились, угощались; все шло мирно. Наконецъ Текелій позвалъ къ себѣ Калныша, писаря Глобу, судью Косапа и объявилъ ему царскій указъ, а потомъ велѣлъ собираться въ дорогу, въ Питеръ. Пока

шли сборы, судья успѣлъ умереть; Глоба и Калнышъ уѣхали; остальныхъ запорожцевъ привели къ присягѣ. Тогда казаки задумали «москаля убрать у шоры» (обмануть), а самимъ «десь дальше мандрувать» (убираться), и вотъ, на первый разъ, пришло къ Текелію человѣкъ 50, поклонились хлѣбомъ-солью и стали просить, чтобы онъ выдалъ имъ билетъ, на рѣчку Тилигулъ, ловить рыбу.—«Нѣтъ, говорятъ, ни гроша денегъ, а нужно заработать, чтобъ было чѣмъ подать заплатить». Засмѣялся генералъ и приказалъ выдать билетъ. Темною ночью запорожцы, забравши оружіе, весь свой скарбъ, уложились въ лодки и безъ шуму ушли внизъ; кромѣ «билетныхъ», ушло до тысячи «безбилетныхъ»; ихъ насажали, сколько можно было втиснуть. И другая партія продѣлала то же самое, за ними третья, и наконецъ въ сѣчи остались лишь слѣпые, хромые и самые старые: всѣ ушли на турецкую границу. Когда офицеры донесли генералу о томъ, что сѣчь пуста, онъ страшно разсердился и заперся на цѣлый день въ свою палатку. Вечеромъ велѣлъ привести къ себѣ атамановъ: ихъ явилось десять. «Отчего не всѣ пришли?» спросилъ онъ гнѣвно. «Какъ же всѣмъ прійти», спросили, въ свою очередь, атаманы, «когда никого нѣтъ?»—«А гдѣ же они?»—«Атаманы разъѣхались по зимовникамъ, а войско разбѣжалось. И мы думаемъ себѣ, чего намъ оставаться? Старшину забрали, казаки ушли, некѣмъ и командовать!» — «Но куда же ушли ваши казаки?» — «Вы же сами, ясновельможный, давали имъ билеты, отпускали на рыбныя ловли, на Тилигулъ!»—Текелій еще больше разсердился, приказалъ выгнать атамановъ, а черезъ нѣсколько времени и самъ уѣхалъ въ столицу.—Русское войско стояло въ границахъ Запорожья 7 лѣтъ, пока новый край не заселился. Бывшія паланки запорожцевъ вошли въ составъ двухъ губерній: на правомъ берегу Днѣпра Новороссійской, а на лѣвомъ — Азовской. Въ самой сѣчи, этомъ гнѣздѣ Запорожья, стоялъ донской казачій полкъ Сулимы; курени были разобраны, пороховой погребъ засыпанъ, пушки забраны, а церковь и укрѣпленія оставлены. Черезъ два года лишь остатки

валовъ да уцѣлѣвшія могилы могли указать мѣсто, гдѣ жило и померло славное братство.

Однакоже духъ славнаго воинства не погасъ. Онъ воскресъ на берегахъ Кубани, гдѣ проявилъ себя въ полувѣковой борьбѣ съ горскими народами Кавказа — въ сторожевой службѣ на постахъ, въ залогахъ или же подъ Севастополемъ, въ секретахъ. Это были дѣти, внуки и правнуки тѣхъ же сѣчевиковъ, отъ которыхъ они переняли ихъ отвагу, удаль, даже ихъ хитрости. Вышло это такъ: князь Потемкинъ, всегда благоволившій къ запорожцамъ, во время второй войны съ турками, собралъ ихъ съ хуторовъ, зимовниковъ и снарядилъ особое войско, частью конное, частью пѣшее для службы на лодкахъ. По окончаніи войны, казаки за свою вѣрную службу получили отъ Императрицы жалованную грамоту и землю для поселенія на берегахъ Кубани, гдѣ они тогда же водворились подъ именемъ «Вѣрнаго войска черноморскаго» *); ихъ потомки живутъ тамъ и теперь, называясь Кубанскими казаками. Другая половина, тысячъ около пяти, дѣйствительно переселилась въ Турцію. Жили они тамъ хорошо, привольно, но тоска по родинѣ часто грызла казацкое сердце. При первомъ удобномъ случаѣ они покинули Турцію, получили надѣлы возлѣ береговъ Азовскаго моря и стали извѣстны подъ именемъ «Азовскихъ казаковъ». Это было уже въ царствованіе Императора Николая Павловича. Впослѣдствіи они присоединились къ своимъ братьямъ, кубанцамъ. Не такъ давно писали, что одинъ запорожецъ, по имени Коломіецъ, еще доживалъ свой вѣкъ въ Дунайской сѣчи. Ему было тогда 123 года. Можетъ быть, этотъ дубъ уцѣлѣлъ и до сихъ поръ,—неизвѣстно.

*) См. „Казаки“. Стр. 273. Войско вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ.

ШТУРМЪ ИЗМАИЛА.

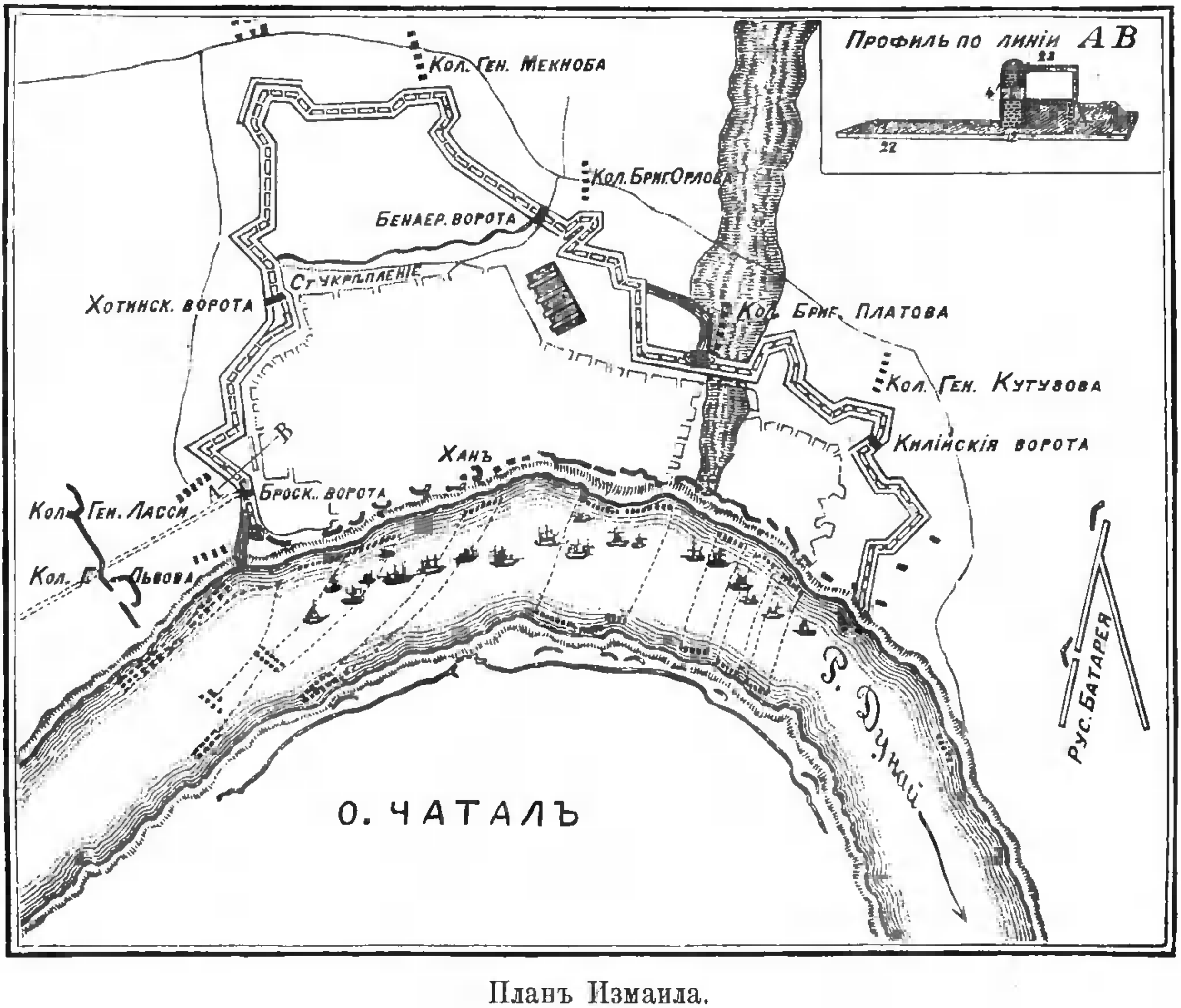
На разсвѣтѣ 2-го декабря 1790 года, къ нашимъ аванпостамъ подъ крѣпостью Измаиломъ, подъѣхалъ на казацкой лошади маленькій сухопарый старичокъ, въ курткѣ изъ толстаго солдатскаго сукна; сзади за нимъ поспѣшалъ казакъ съ узелкомъ въ рукахъ, съ длинной офицерской саблей подъ мышкой. Аванпосты пропустили всадниковъ, и въ одинъ мигъ разнеслась по русскому лагерю радостная вѣсть, что пріѣхалъ Суворовъ. На батареяхъ раздались привѣтственные залпы; все засуетилось, забѣгало; пасмурныя лица просіяли, всѣ поздравляли другъ друга точно съ побѣдой. «Если пріѣхалъ нашъ отецъ, говорили солдаты, значитъ, опять будемъ брать крѣпость. Это вѣрно».—Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ.

Суворовъ стоялъ со своимъ отрядомъ подъ Галацомъ и со дня на день поджидалъ отъ Измаила нашу флотилію, чтобы начать военныя дѣйствія. Но вмѣсто того получилъ отъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина письмо: «Извольте поспѣшить подъ Измаилъ для принятія всѣхъ частей подъ вашу команду. Моя надежда на Бога и

вашу храбрость. Поспѣшите, мой милостивый другъ»... Суворовъ отвѣчалъ, по своему обычаю, коротко: «Получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила. Боже, даруй вамъ свою помощь!» Отправивъ донесеніе, Суворовъ сталъ собираться въ путь. Его сборы были недолги, распоряженія кратки: «Фанагорійскому полку, двумъ сотнямъ казаковъ, тысячѣ арнаутовъ и ста-пятидесяти охотникамъ Апшеронскаго полка выступить подъ Измаилъ; немедля приготовить и отправить туда же 30 лѣстницъ». Вотъ и все. Черезъ два часа Суворовъ выѣхалъ съ конвоемъ изъ 40 казаковъ; дорогой опередилъ конвой и явился съ однимъ казакомъ, у котораго находился въ узелкѣ его мундиръ и парадныя регаліи. Сдѣлавши болѣе ста верстъ, онъ тотчасъ принялся за дѣло. А дѣла было много. Передъ нимъ стояла одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Турціи, «Орду-Калеси», что значитъ «войсковая крѣпость»; а подъ стѣнами этой крѣпости, съ ея отличнымъ гарнизономъ — нашъ осадный корпусъ, слабый силами, истомленный, упавшій духомъ. Часть войска уже ушла на зимнія квартиры, остальные тоскливо ждали только своей очереди; осадная артилерія была отправлена.

Измаильская крѣпость расположена на лѣвомъ берегу килійскаго гирла Дуная, на склонѣ отлогой высоты, которая обрывается у самаго берега крутымъ уступомъ. Главный валъ, замыкая площадь въ 400 десятинъ земли, состоялъ въ то время, какъ это видно на приложенномъ планѣ, изъ семи бастіоновъ, но изъ нихъ только одинъ, а именно лѣвый, примыкавшій къ рѣкѣ, былъ каменный; онъ имѣлъ двойную пушечную оборону: верхній рядъ орудій стоялъ на барбетѣ, а нижній—въ казематахъ. Одинъ изъ угловыхъ бастіоновъ, самый сѣверный, былъ только обшитъ камнемъ да имѣлъ по угламъ двѣ каменныхъ башни; его защищали 30 орудій; всѣ же остальные верки были земляные. Фронтъ крѣпости, обращенный къ рѣкѣ, оставался совсѣмъ безъ защиты; турки успѣли насыпать здѣсь нѣсколько батарей уже послѣ того, какъ подошли наши войска. Высота крѣпостного вала въ разныхъ мѣстахъ была различна, отъ 3 до 4 саж.; ширина рва доходила

до 6 саж., а глубина—до 4-хъ и даже 5-ти, хотя не вездѣ. На валгангѣ сухопутныхъ фронтовъ стояло болѣе 200 орудій разнаго колибра. За турецкими валами засѣла сорока-тысячная армія, въ томъ числѣ 15 тыс. янычаръ. Въ Измаилѣ скопились бывшіе защитники Хотина, Аккермана, Бендеръ, Киліи. Это была цѣлая



План Измаила.

армія, а не простой гарнизонъ; въ военныхъ запасахъ—изобиліе, продовольствія на полтора мѣсяца, но, что самое главное, комендантомъ крѣпости былъ посѣдѣлый въ бояхъ Айдосъ-Мехмедъ-паша, человѣкъ твердый, безстрашный, знавшій свою силу. Два раза предлагалъ ему султанъ званіе великаго визиря, и оба раза онъ отказывался; теперь же поклялся отстоять послѣдній оплотъ Турецкой Имперіи. Онъ объявилъ своимъ подчиненнымъ волю па-

дишаха, что кто переживетъ паденіе Измаила, тому отрубятъ голову. И турки знали, что страшное приказаніе будетъ исполнено. Въ числѣ защитниковъ, кромѣ многихъ знатныхъ пашей, мурзъ и бековъ, находился Канланъ-Гирей съ шестью сыновьями.

Еще въ концѣ ноября русскіе отряды подъ начальствомъ генерала Потемкина и Гудовича обложили Измаилъ съ сухого пути. Имѣя около 30 тыс. пѣхоты и казаковъ при 40 орудіяхъ, они расположились длиннымъ полукружіемъ, верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости. Нѣсколькими днями раньше подошли двѣ нашихъ гребныхъ флотиліи: одна подъ начальствомъ генерала де-Рибаса, другая—изъ черноморскихъ казаковъ, подъ начальствомъ войскового судьи Головатаго. Отрядъ пѣхоты и 600 казаковъ высадились на островъ Сулинъ, какъ разъ противъ крѣпости, гдѣ мысъ Чаталъ, и въ ночь на 19 ноября заложили здѣсь батарею. Тогда обѣ флотиліи вмѣстѣ съ прибрежной батареей открыли по крѣпости жестокій огонь, подъ прикрытіемъ котораго вырыли на островѣ траншею и насыпали еще двѣ батареи. Огнемъ этихъ батарей и неустанной пальбой съ лодокъ наши успѣли истребить около сотни непріятельскихъ лодокъ, на которыхъ находилось 120 орудій. Не смотря на искусство де-Рибаса и отвагу безстрашныхъ нашихъ моряковъ, одинъ флотъ ничего не могъ сдѣлать безъ помощи со стороны осадныхъ войскъ. А помощи большой не было. Войска держались вдали, къ тому же терпѣли недостатокъ въ топливѣ, оставались безъ зимней одежды, продовольствія, а тутъ подходила зима и, какъ всегда бываетъ въ томъ краю, — дождливая, холодная и съ лихорадками. Служба требовалась своимъ чередомъ. Въ ожиданіи вылазки, войска стояли день и ночь на-сторожѣ, не раздѣваясь. Солдаты стали хирѣть, появились больные, и число ихъ съ каждымъ днемъ все прибывало. Хотя съ сухого пути и палили въ крѣпость, но всѣ хорошо видѣли, что турки не сдадутъ ея по доброй волѣ, а принудить ихъ—нечѣмъ. Генералы, собравшись на совѣтъ, порѣшили отойти на зимнія квартиры и, отправивъ донесеніе главнокомандующему, стали потихоньку сниматься. Свѣтлѣйшій не дождался этого донесенія, но только по догад-

камъ, что оно должно быть именно такое, выписалъ, какъ сказано, изъ-подъ Галаца Суворова, предоставивъ ему главное начальство надъ всѣми войсками.

Первымъ дѣломъ Суворовъ вернулъ осадную артиллерію и отрядъ Потемкина. Работа закипѣла на сушѣ, на водѣ. Каждый часъ былъ на счету. Ежедневно Рибасъ доносилъ Суворову о постройкѣ новыхъ батарей на островѣ Сулинѣ, прибавляя въ своихъ донесеніяхъ, что̀ дѣлается у турокъ или что̀ говорятъ шпіоны. Солдаты въ это время рѣзали на топливо камышъ, заготовляли штурмовыя лѣстницы, вязали фашины; гонцы ежедневно сновали десятками — то въ Бендеры, къ свѣтлѣйшему, то въ Галацъ, съ приказаніями: выслать провизію, не задерживать штурмовыя лѣстницы и т. п. Скучный и мертвый до сихъ поръ лагерь нельзя было узнать: онъ оживился, повеселѣлъ; больные стали здоровыми, притомленные набрались силъ; явилась охота работать и служить; каждому хотѣлось показать себя великому полководцу, услышать его привѣтъ, забавную шутку. Суворовъ часто объѣзжалъ полки и толковалъ съ солдатами. Онъ не скрывалъ онъ нихъ, что затѣваетъ дѣло трудное: «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ надо его взять; такова воля матушки-Государыни!» — «Съ тобой, нашъ отецъ, какъ не взять-то? Возьмемъ, не устоять турку! Хоть онъ совсѣмъ въ землю заройся, вытащимъ его на свѣтъ Божій!» — радостно и увѣренно отвѣчали солдаты, цѣлуя руки «отцу» Александру Васильевичу. По ночамъ бывали ученья. Въ сторонкѣ отъ лагеря вывели особое укрѣпленіе, на валу котораго уставили рядами фашины, изображавшія турокъ. Сюда собирали по ночамъ отъ всѣхъ полковъ команды и, по указанію Суворова, учили ихъ переходить ровъ, взбираться на брустверъ, очищать его штыками вправо и влѣво,—все то, что придется дѣлать при настоящемъ штурмѣ. Почти ежедневно выѣзжалъ Суворовъ со всѣми генералами на осмотръ крѣпости и ближайшихъ къ ней путей; каждый начальникъ штурмовой колонны долженъ былъ знать заранѣе, куда онъ ее поведетъ, гдѣ спустится въ ровъ, гдѣ поднимется на валъ. Вначалѣ турки стрѣляли по свитѣ Суворова, но послѣ, при-

смотрѣвшись, перестали обращать на нее вниманіе. Когда осмотръ мѣстности былъ конченъ, Суворовъ велѣлъ устроить по двѣ батареи, въ 10 орудій каждая, на флангахъ осаднаго корпуса, показывая видъ, будто онъ хочетъ приступить къ правильной осадѣ. Къ этому времени были готовы лѣстницы, фашины; прибыли войска изъ-подъ Галаца, вернулся Потемкинъ со своимъ отрядомъ. Прежде чѣмъ сдѣлать окончательныя распоряженія, Суворовъ отправилъ измаильскому коменданту письмо главнокомандующаго, пересланное изъ Бендеръ, и приложилъ свое собственное. Послѣднее было такого содержанія: «Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать-четыре часа на размышленіе — воля; первый мой выстрѣлъ — уже неволя; штурмъ — смерть, что оставляю вамъ на разсмотрѣніе». Одинъ изъ подручныхъ пашей, который принималъ это письмо, разговорился съ нашимъ офицеромъ и, между прочимъ, сказалъ: «Скорѣе Дунай остановится въ теченіи и скорѣе небо упадетъ на землю, чѣмъ сдастся Измаилъ». На другой день вечеромъ полученъ отъ сераскира отвѣтъ, длинный предлинный. Айдосъ просилъ сроку не 24 часа, а 10 дней, чтобы посланный къ визирю успѣлъ вернуться; кромѣ того, отъ требовалъ, чтобы на этотъ срокъ было заключено перемиріе. Явное дѣло, турки хотѣли протянуть и при скудости нашихъ запасовъ могли выиграть. Такіе пріемы имъ удавались не разъ, но теперь они имѣли дѣло съ Суворовымъ, который заранѣе зналъ, что изъ этихъ переговоровъ никакого толку не будетъ. Однако сераскиръ прислалъ турка и на другой день, какъ будто за отвѣтомъ. Суворовъ приказалъ передать на словахъ, что если въ тотъ же день Айдосъ не прикажетъ выкинуть бѣлый флагъ, то послѣдуетъ штурмъ, и тогда пусть не ждетъ пощады. День прошелъ, бѣлое знамя не показывалось: судьба крѣпости была рѣшена.

Вечеромъ собрались къ Суворову всѣ начальники; они знали, о чемъ будетъ рѣчь, и каждый заранѣе приготовилъ свой отвѣтъ. Немного говорилъ Суворовъ, но говорилъ горячо, вдохно-

венно: «Два раза наши подходили къ Измаилу, — такъ началъ Александръ Васильевичъ, — и два раза отступали. Теперь, въ третій разъ, намъ остается только либо взять городъ, либо умереть. Правда, крѣпость сильна, гарнизонъ — цѣлая армія, но ничто не устоитъ противъ русскаго оружія. Напрасно турки думаютъ, что они безопасны за своими стѣнами. Мы покажемъ имъ, что наши воины и тамъ ихъ найдутъ. Я рѣшился овладѣть этой крѣпостью или погибнуть подъ ея стѣнами». Младшій по чину бригадиръ Платовъ сказалъ безъ запинки: «Штурмъ!» и всѣ 13 голосовъ повторили это слово 13 разъ. Суворовъ вскочилъ съ мѣста, перецѣловалъ всѣхъ присутствующихъ и сказалъ: «Сегодня молиться, завтра — учить войска, послѣ-завтра — побѣда, либо славная смерть!»... Совѣтъ постановилъ: «Сераскиру въ его требованіи отказать. Отступленіе предосудительно побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества войскамъ, по силѣ четвертой-надесять главы устава».

Днемъ штурма назначили 11-е число. Но это рѣшеніе надо было сохранить въ тайнѣ, чтобы оно не дошло до турокъ, которые и безъ того стояли въ полной готовности. Отъ перебѣжчиковъ было извѣстно, что турки ждутъ штурма каждую ночь, и что половина солдатъ сидитъ въ землянкахъ, всегда готовая броситься на валы, что сераскиръ объѣзжаетъ крѣпость по два и по три раза въ день, а по ночамъ объѣзжаютъ татарскіе султаны и янычарскіе агаси, помимо того, что особые дозоры ходятъ отъ бастіона къ бастіону. Таковы были извѣстія изъ крѣпости. Суворовъ приказалъ объявить ихъ по войскамъ, чтобы зналъ каждый солдатъ. Онъ всегда такъ дѣлалъ. Затѣмъ были отданы послѣднія распоряженія. Сигналъ къ штурму — три ракеты; овладѣвши валомъ, отнюдь не врываться въ городъ, пока не отворятъ ворота и не войдутъ резервы; начальникамъ сообразоваться въ дѣйствіяхъ другъ съ другомъ, но, начавши атаку, не останавливаться; отыскивать подъ бастіонами погреба и ставить при нихъ караулы; при движеніи внутри города не дѣлать поджоговъ; безоружныхъ христіанъ, а также женщинъ, дѣтей — не трогать.

Впереди штурмовыхъ колоннъ идти стрѣлкамъ и рабочимъ, съ топорами, кирками, лопатами; сзади колоннъ находиться резервамъ. Резервами можно подкрѣплять не только свои колонны, но и сосѣднія.

Наканунѣ штурма, съ солнечнымъ восходомъ, наши открыли сильнѣйшую канонаду: 40 орудій съ сухого пути, 100 орудій съ острова Сулина и 150 съ гребной флотиліи громили Измаилъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Турки отвѣчали горячо, но съ полудня стали стихать, а къ вечеру и совсѣмъ замолкли. Отъ рева 600 орудій земля стонала; снаряды бороздили небо по всемъ направленіямъ. Одинъ изъ нихъ попалъ въ нашу бригантину, и судно взлетѣло на воздухъ; зато и городу сильно досталось. Съ наступленіемъ темноты нѣсколько казаковъ перебѣжали къ туркамъ: нападеніе уже не могло быть неожиданнымъ; послѣ оказалось, что турки сами готовили на эту ночь три вылазки: двѣ противъ нашихъ батарей, третью—къ ставкѣ Суворова.

Ночь выдалась темная, непроглядная; по временамъ раздавались одиночные выстрѣлы, освѣщая на секунду то тотъ, то другой уголъ нашего лагеря. И эти выстрѣлы смолкли. Среди ночной тишины по-временамъ изъ крѣпости доносился какой-то неясный, зловѣщій гулъ. Мало кто спалъ въ эту ночь. Не спалъ и Суворовъ; онъ ходилъ по бивакамъ, вступалъ въ бесѣду съ офицерами, шутилъ съ солдатами. Вспоминая былыя побѣды, онъ обѣщалъ успѣхъ и на сегодня. Вернувшись къ себѣ, Суворовъ прилегъ къ огню, но не спалъ; его окружала большая свита адъютантовъ, ординарцевъ, гвардейскихъ офицеровъ, придворныхъ, знатныхъ иностранцевъ. Многіе изъ послѣднихъ принесли большую пользу во время штурма, а современемъ прославили свое имя на поляхъ Европы громкими побѣдами. Сюда они пріѣхали учиться.—Въ три часа ночи взвилась ракета. Наши войска поднялись съ биваковъ, устроились и выступили къ сборнымъ мѣстамъ. Въ $5^1/_2$ час., при густомъ туманѣ, штурмовыя колонны пошли на приступъ. Три правыя колонны находились подъ общимъ начальствомъ Потемкина, а три лѣвыя—Самойлова; 1-ю колонну велъ Львовъ, 2-ю—Ласси, 3-ю—Мэкнобъ—

генералы испытанной храбрости, бравшіе штурмомъ Очаковъ. Въ этихъ колоннахъ было 15 батал. пѣхоты да въ прикрытіи 3 полка конницы. Лѣвыя колонны вели на штурмъ по порядку нумеровъ: бригадиры Орловъ, Платовъ и генералъ-маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ—всѣ трое подвизались впослѣдствіи, въ эпоху Александра, въ тяжелые годы борьбы съ Наполеономъ. Теперь подъ ихъ начальствомъ находилось 7 батальоновъ пѣхоты, 8 тысячъ казаковъ, тысяча арнаутовъ, а въ резервѣ 4 полка казаковъ, 12 эскадроновъ карабинеровъ и гусаръ. Нужно прибавить, что спѣшенные казаки 4-й и 5-й колоннъ, потерявшіе своихъ лошадей подъ Очаковымъ, были вооружены вмѣсто ружей укороченными пиками. Колонны двигались въ порядкѣ, въ глубокой тишинѣ. Турки сидѣли смирно, не выдавая себя ни единымъ звукомъ. Раньше другихъ подошла къ назначенному ей мѣсту, именно лѣвѣе Бросскихъ воротъ, вторая колонна подъ начальствомъ Ласси. Саженъ за 300 или за 400 турки встрѣтили ее адскимъ огнемъ. Въ одну минуту загорѣлся весь валгангъ; загремѣло 700 орудій, затрещали ружья; крѣпость стала похожа на грозный вулканъ, извергавшій пламя и дымъ; небо и земля были въ огнѣ, и въ довершеніе ужаса, по всему валу раздавался протяжный, раздирающій душу крикъ: «Ал—ла! Ал—ла!», какъ послѣднее, похоронное пѣніе. Вторая колонна оробѣла, солдаты затоптались на мѣстѣ, но бывшій тутъ Потемкинъ съумѣлъ ихъ увлечь,—они бросились впередъ, живо забросали ровъ фашинами. Измайловскаго полка прапорщикъ Гагаринъ приставилъ лѣстницы, по которымъ стали подниматься: первыми вошли маіоръ Неклюдовъ, начальникъ стрѣлковъ, и Ласси. Турки съ яростью набросились на этихъ храбрецовъ; они пустили въ ходъ кинжалы, сабли, копья; но на мѣсто павшихъ прибѣжали другіе; поднялась голова колонны, успѣла утвердиться и сейчасъ же, не спускаясь въ городъ, пошла забирать влѣво, къ Хотинскимъ воротамъ. Почти въ то же время подходила первая колонна; ее вели фанагорійцы, любимыя дѣти Суворова. Передъ этой колонной возвышался каменный редутъ, табія, замыкавшій измаильскія укрѣпленія у самаго берега Дуная.

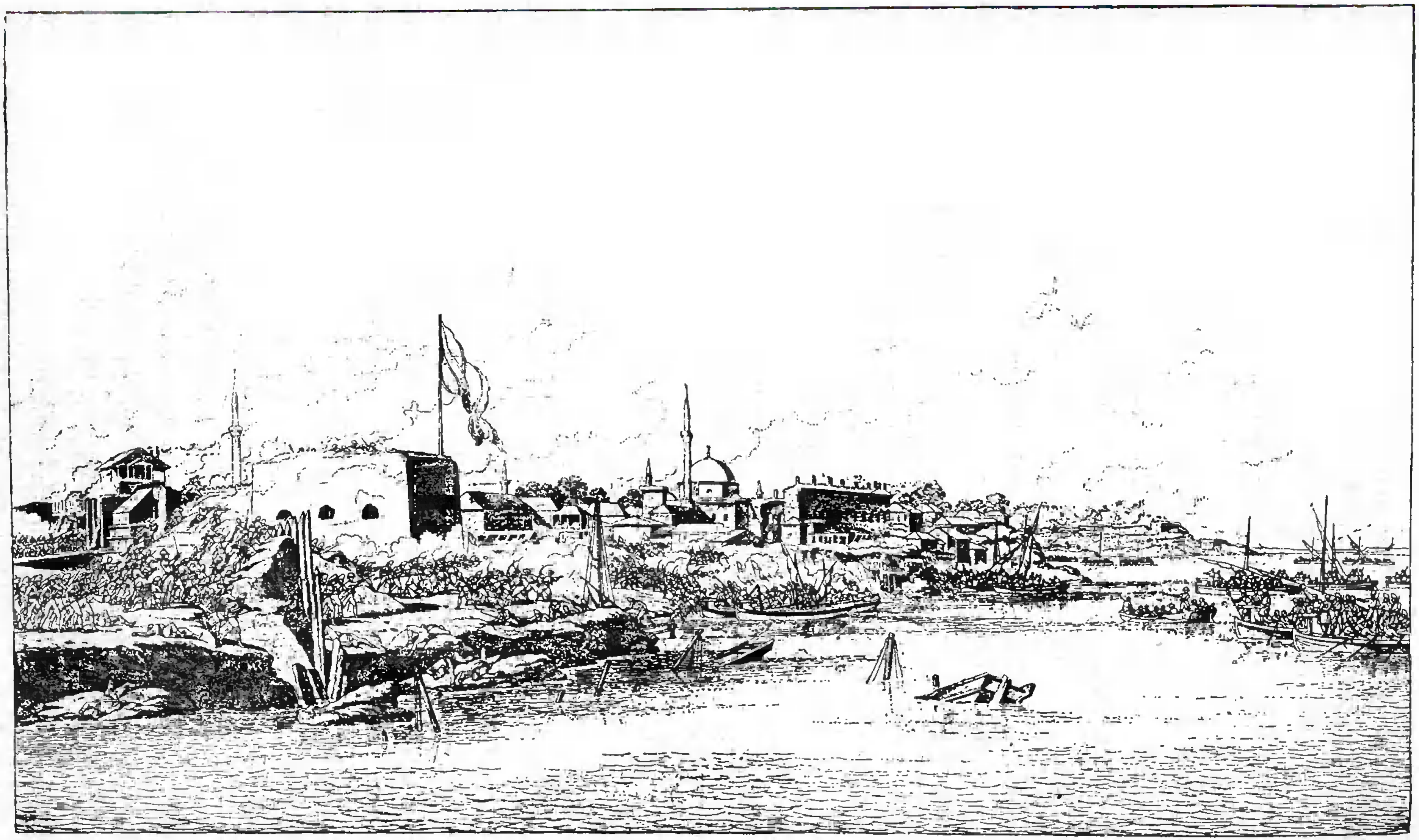
Взять его въ лобъ не было никакой возможности; колонна повернула вправо, къ палисаду, протянутому отъ редута къ рѣкѣ. Генералъ Львовъ перелѣзъ черезъ него первымъ, за нимъ фанагорійцы, потомъ апшеронскіе егеря. Не смотря на страшный картечный огонь изъ редута, они быстрымъ натискомъ въ штыки тотчасъ овладѣли съ тыла ближайшими турецкими батареями; но не успѣли солдаты оглядѣться, какъ изъ табіи выскочили янычары, потрясая въ воздухѣ своими грозными ятаганами. Колонна съ успѣхомъ отбила эту вылазку, послѣ чего обошла редутъ сзади, подъ самыми стѣнами, и, поднявшись на валгангъ, устремилась влѣво— туда, гдѣ была вторая колонна, откуда раздавались крики: «Ура! Съ нами Богъ!» Солдаты рвались съ нечеловѣческой силой; бѣшеной волной они сметали всѣхъ встрѣчныхъ. Раненый генералъ Львовъ остался за табіей, старшій полковникъ Лобановъ-Ростовскій тоже: велъ колонну Золотухинъ. На штыкахъ добрался онъ до Бросскихъ воротъ, дошелъ до Хотинскихъ, выломалъ ихъ и впустилъ резервы. Обѣ колонны, 1-я и 2-я, соединились вмѣстѣ. На долю третьей колонны выпало еще болѣе трудное дѣло: она шла съ сѣверной стороны, съ поля, гдѣ крѣпостная ограда была гораздо выше. Высота вала и глубина рва были здѣсь такъ велики, что приходилось пятисаженныя лѣстницы связывать по двѣ; кромѣ того, эту часть верковъ защищали янычары подъ начальствомъ самого сераскира. Войска поднимались съ большимъ трудомъ, съ тяжкими потерями, а поднявшись—встрѣтили такой отпоръ, что, не подоспѣй резервы, пришлось бы отступить. Начальникъ колонны Мэкнобъ и принцъ Гессенскій, который шелъ впереди, оба получили тяжелыя раны; всѣ штабъ-офицеры убыли изъ строя, и тогда Суворовъ прислалъ сюда гусарскаго подполковника Фризе.

На другомъ концѣ крѣпости, со стороны Молдаванскаго предмѣстья, во главѣ шестой колонны шелъ неустрашимый Кутузовъ. Подъ градомъ картечи колонна достигла контръ-эскарпа. Здѣсь палъ, сраженный пулей, молодой бригадиръ Рибопьеръ, на котораго возлагали такъ много надеждъ. Солдаты пріостановились, поколебались, но въ эту опасную минуту спустился въ ровъ самъ

Кутузовъ; за нимъ бросились солдаты и скоро очутились на валу. Однако на валу пришлось такъ жутко, что Кутузовъ вызвалъ резервъ; херсонскіе гренадеры дружнымъ ударомъ въ штыки заставили турокъ очистить имъ путь. Шестая колонна утвердилась теперь прочно. Колонна Орлова шла на Бендерскія ворота, что почти по серединѣ крѣпости. Когда часть ея успѣла подняться, растворились ворота, и турки, съ ятаганами въ рукахъ, бросились вдоль рва, во флангъ 4-й колоннѣ. Такимъ образомъ она была разрѣзана на-двое; тѣмъ, которые находились наверху, грозила явная гибель. Во рву завязалась кровавая схватка: казаки и турки, сбившись въ темнотѣ, рѣзались на смерть; точно изъ адской бездны раздавались по-очередно то громкое: «Алла!», то наше русское «ура!», смотря по тому, кто бралъ верхъ. Бѣдные казаки, почти безоружные, гибли подъ турецкими ятаганами сотнями; ихъ короткія пики дробились въ щепы. Въ это самое время неподалеку спустилась въ ровъ 5-я колонна, Платова. Тутъ казаки очутились по поясъ въ водѣ, и только начали было взбираться подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ на валъ, какъ услышали вправо отъ себя побѣдные крики турокъ, а вслѣдъ затѣмъ шумъ жестокой свалки. Они замялись, остановились и тотчасъ были опрокинуты назадъ, въ ровъ. Къ счастію, недалеко отъ 4-й колонны находился самъ Суворовъ: онъ послалъ резервы. Полоцкій полкъ, подъ начальствомъ храбраго Яцунскаго, ударилъ янычарамъ въ тылъ. Янычары было понятились, но въ эту самую минуту палъ Яцунскій, убитый наповалъ. Турки опомнились; опять раздался крикъ побѣды: полочане стали отступать. Тогда выскочилъ изъ заднихъ рядовъ священникъ Трофимъ Куцинскій съ крестомъ въ рукахъ. Приподнявъ его, онъ воскликнулъ: «Стой, ребята! Вотъ вамъ командиръ!»—На этотъ разъ полочане ринулись какъ тигры; въ мигъ они пронизали штыками густые ряды турокъ: многихъ уложили, остальныхъ заставили разбѣжаться.—Разстроенные, устрашенные множествомъ враговъ и гибелью своихъ товарищей, казаки топтались на мѣстѣ, не зная, что съ собой дѣлать, какъ вдругъ, среди общаго смятенія и безурядицы, раздался громовой голосъ

Платова: «Съ нами Богъ и Екатерина!» Онъ приставилъ лѣстницу и самъ полѣзъ на валъ. Вслѣдъ за Платовымъ обѣ колонны поднялись наверхъ: непріятель сброшенъ, Бендерскія ворота заняты; часть казаковъ успѣла пробраться оврагомъ до самаго берега, гдѣ оказала большую помощь нашему десанту.

Въ то самое время, когда войска штурмовали съ поля, де-Рибасъ велъ съ пальбой свою флотилію въ двѣ линіи: въ первой линіи плыла на сотнѣ казачьихъ лодокъ пѣхота, и на 45 лодкахъ черноморскіе казаки; во второй линіи шли на веслахъ большія суда: бригантины, шлюпки, ловучія батареи. Крѣпостныя батареи отвѣчали имъ огнемъ ста орудій; въ томъ числѣ одна гаубица кидала снаряды въ 15 пуд. вѣсу. Только темнота ночи спасла нашу флотилію отъ погрома. Подойдя на ружейный выстрѣлъ, вторая линія, раздѣлившись на двѣ половины, примкнула къ флангамъ первой. Въ такомъ порядкѣ лодки подошли къ берегу. Войска сдѣлали высадку быстро, отчетливо и послѣ кроваваго боя овладѣли всѣмъ прибрежьемъ Дуная. Десять тысячъ отборнаго турецкаго войска очистили всѣ батареи, чему не мало помогла колонна Львова, захватившая, какъ сказано, нѣсколько батарей съ тыла. Подъ начальствомъ де-Рибаса также находилось много иностранныхъ офицеровъ, какъ напримѣръ: графъ Дамасъ, принцъ де-Линь, сынъ генерала, Эмануэль Рибасъ и другіе; они бросались на турокъ съ рыцарской отвагой, подавая тѣмъ высокій примѣръ русскимъ солдатамъ. Эта услуга не обошлась имъ даромъ: между ними были убитые и почти всѣ переранены. Въ 8 часовъ утра вся крѣпостная ограда перешла въ наши руки; зато разстройство войска и потеря въ людяхъ были страшно велики. Большія скопища турокъ готовились защищать улицы, дома, тогда какъ нашимъ приходилось наступать слабымъ, сильно растянутымъ фронтомъ. Но Суворовъ не любилъ медлить. Получено приказаніе: перевести духъ, устроиться и продолжать атаку. Съ быстротою молніи войска спустились внизъ, и началась сѣча, какой не бывало давно. Это не то, что сраженіе, гдѣ дѣло кончается натискомъ, въ одинъ-два удара; это были тысячи дракъ—на площа-



Штурмъ Измаила съ рѣчной стороны.

дяхъ, на улицахъ, въ домахъ, во дворахъ, за каждымъ угломъ. Ночное побоище казалось теперь шуточнымъ дѣломъ, игрушкой. Турки не уступали шагу безъ борьбы; они стрѣляли изъ оконъ, изъ дверей, съ крышъ, изъ-за высокихъ заборовъ; при всякомъ удобномъ случаѣ, напримѣръ на площадяхъ, они встрѣчали русскихъ тѣснымъ фронтомъ, въ ятаганы. Наши отступали передъ натискомъ, перестраивались и шли въ атаку за атакой, пока не разгоняли скопища. Большія гостинницы, или ханы, надо было штурмовать какъ крѣпости или же разбивать ихъ ядрами. Тѣмъ не менѣе, наши войска, шагъ за шагомъ, надвигаясь кольцомъ, сжимали турокъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Этотъ тяжкій побѣдный путь особенно дорого доставался безоружнымъ казакамъ. Была минута, когда они, окруженные на площади турками, могли погибнуть всѣ до одного, если бы не выручила ихъ во-время подоспѣвшая пѣхота да отважные запорожцы. И въ другихъ мѣстахъ случались опасныя минуты. Такъ, Капланъ-Гирей, окруженный татарами и турками, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, подобно бурному потоку, устремился на-встрѣчу нашимъ войскамъ: черноморскіе казаки въ одинъ мигъ были смяты, при чемъ потеряли двѣ пушки. Имъ также угрожала гибель, если бы не подоспѣли три баталіона егерей, успѣвшихъ окружить разъяренное скопище. Капланъ-Гирей, побѣдитель австрійцевъ, сдавленный въ тискахъ, кидался какъ левъ, очищая путь; онъ, видимо, искалъ смерти: на приглашеніе сдаться—отвѣчалъ каждый разъ широкимъ взмахомъ своей сабли. Возлѣ него пало пять сыновей, много знатныхъ мурзъ, и самъ онъ умеръ на солдатскихъ штыкахъ, прикрывши собою около четырехъ тысячъ мусульманскихъ труповъ. Генералъ Ласси, добравшись до середины города, наткнулся на тысячу татаръ, вооруженныхъ пиками и засѣвшихъ за стѣнами армянскаго монастыря. Съ ними находился Максудъ Гирей, потомокъ Чангисъ-хана. Онъ защищался во славу своихъ предковъ и только тогда сдался, когда солдаты выломали ворота и перебили больше половины его отряда. Послѣ Ласси подошли остальныя войска. Къ часу дня городъ былъ занятъ; турки держались лишь въ мечети, двухъ ханахъ и редутѣ;

но это были уже остатки, которые не могли долго сопротивляться: ихъ выбили силой или заставили сдаться. Старикъ Айдосъ не пережилъ этого дня. Онъ засѣлъ въ каменномъ ханѣ, близъ Хотинскихъ воротъ, съ двумя тысячами янычаръ. Полковникъ Золотухинъ атаковалъ гостинницу батальономъ фанагорійцевъ. Штурмъ продолжался около двухъ часовъ, пока выбили ядрами ворота. Гренадеры ворвались внутрь хана, перебили многихъ турокъ, а остальные запросили пощады; ихъ вывели на дворъ и стали отбирать оружіе. Между ними находился самъ сераскиръ. Пока отбирали оружіе, кому-то изъ егерей захотѣлось поживиться богатымъ кинжаломъ паши; онъ протянулъ, было, руку, чтобы вырвать его изъ-за пояса, какъ стоявшій сзади янычаръ выстрѣлилъ по немъ, да вмѣсто егеря убилъ офицера, отбиравшаго оружіе. Въ суматохѣ наши приняли этотъ выстрѣлъ за измѣну; разсвирѣпѣвшіе солдаты перекололи почти всѣхъ турокъ.

Вслѣдъ за пѣхотой по улицамъ крѣпости проѣхала конница и окончательно очистила ихъ отъ турокъ. Въ 4 часа дня все было кончено. Измаилъ имѣлъ тогда ужасный видъ. На улицахъ и площадяхъ валялись горы убитыхъ, полураздѣтыхъ, даже совсѣмъ нагихъ; лавки и богатые дома стояли въ полномъ разрушеніи; внутри все было растащено или разрушено. Никогда еще русскіе солдаты такъ не ожесточались, какъ во время и послѣ штурма. Кромѣ того, что они были измучены долгой и тоскливой осадой, никогда побѣда не доставалась такъ дорого, какъ въ этотъ кровавый приступъ. Десять часовъ они были въ огнѣ, и третья часть убыла изъ строя. Но зато нигдѣ беззавѣтная храбрость русскихъ войскъ не была такъ очевидна, какъ при штурмѣ Измаила. Офицеры, главные начальники всегда были впереди, бились какъ солдаты, отчего перебиты или переранены въ огромномъ числѣ: изъ 600 офицеровъ уцѣлѣло только 200; солдаты рвались за офицерами безъ всякихъ понуканій, криковъ, а тѣмъ болѣе угрозъ. Многіе изъ оставшихся въ живыхъ, глядя потомъ на эти грозные валы, удивлялись, какъ они могли на нихъ взобраться. Самъ Суворовъ говаривалъ не разъ, что на такое дѣло, какъ штурмъ

Измаила, можно рискнуть разъ въ жизни, не больше. — Среди крови, дыма и огня онъ послалъ два донесенія; изъ нихъ одно Императрицѣ: «Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества»; другое—свѣтлѣйшему: «Россійскія знамена—на стѣнахъ Измаила».

Военные трофеи были велики, лучше сказать, громадны; плѣнныхъ взято 9 тыс., пушекъ 265, знаменъ и бунчуковъ 370, пороху до 3 тыс. пудовъ, лошадей до 10 тыс. Солдатамъ досталось такое множество товаровъ, денегъ, цѣнной посуды и оружія, что они не знали, куда съ ними дѣваться. Многіе щеголяли въ сорванныхъ съ древковъ красивыхъ турецкихъ знаменахъ; иные запахивались дорогими турецкими шалями или коврами; гуляки, особенно бывшіе запорожцы, кидали горстями золото, серебро, топтали ногами драгоцѣнные сосуды. Суворовъ, по своему обычаю, ни до чего не коснулся. Офицеры привели къ нему арабскаго коня, въ полномъ и богатѣйшемъ уборѣ; они просили принять его на память объ этомъ славномъ днѣ. Суворовъ отказался: «Донской конь привезъ меня сюда, на немъ отсюда и уѣду».—Не даромъ солдаты говорили: «Нашъ Суворовъ во всемъ съ нами, только не въ добычѣ».

Штурмъ Измаила устрашилъ недруговъ Россіи, подѣ рекавшихъ турокъ къ продолженію войны. Они заключили миръ, отдавши Очаковъ и земли по Кубани. Грозная твердыня, облитая русской кровью, осталась за ними, хотя не надолго. Въ то самое время, когда гостилъ въ Москвѣ Наполеонъ, Измаилъ былъ уступленъ Россіи съ частью Бессарабіи. Теперь, на мѣстѣ крѣпости, стоятъ сиротливо три церкви, изъ нихъ одна — бывшая мечеть. Нѣкогда высокіе валы осыпались, заросли бурьяномъ и по нимъ, вмѣсто часовыхъ, бродятъ овцы. Ни здѣсь, ни въ городѣ, который раскинулся по ту сторону оврага, за бывшимъ армянскимъ предмѣстьемъ, нѣтъ ничего, что́ напоминало бы о величайшемъ подвигѣ въ русской военной исторіи.

ПОХОДЫ СУВОРОВА ВЪ ИТАЛІИ.

Въ началѣ 1799 г. русскія войска получили приказаніе идти на помощь австрійцамъ противъ французовъ. Императоръ Павелъ давно уже смотрѣлъ съ негодованіемъ на насилія и захваты, которые позволяли себѣ французы. Такъ, во время похода въ Египетъ, они захватили островъ Мальту, владѣнія рыцарскаго ордена, главою котораго считался нашъ Государь. Покореннымъ народамъ они навязывали такое правленіе, котораго тѣ вовсе не желали, въ то время когда законные государи, лишенные своихъ наслѣдственныхъ земель, скитались по Европѣ, какъ бездомные. Ихъ несчастную судьбу также принялъ близко къ сердцу русскій монархъ.

По совѣту англичанъ, австрійцы обратились къ нему съ просьбой, чтобы онъ вмѣстѣ съ войсками отпустилъ и Суворова для назначенія его главнокомандующимъ. Императоръ согласился и на эту просьбу. Особымъ рескриптомъ онъ вызвалъ Суворова изъ деревни, гдѣ фельдмаршалъ жилъ на покоѣ. Получивши высочайшій рескриптъ, Суворовъ облобызалъ его, прижалъ къ старымъ ранамъ, и, отслуживши молебенъ, быстро какъ юноша полетѣлъ на

зовъ монарха. Императоръ милостиво принялъ престарѣлаго воина, своими руками возложилъ ему на шею крестъ Іоанна Іерусалимскаго, при чемъ фельдмаршалъ, стоя на колѣняхъ, воскликнулъ: «Боже, спаси царя!» — «Тебѣ спасать царей», сказалъ Государь. Въ распоряженіе Суворова было отдано два русскихъ корпуса: одинъ въ 20 тыс., подъ начальствомъ Розенберга, другой въ 9 тыс., подъ начальствомъ Ребиндера; третій корпусъ, Римскаго-Корсакова, предназначался въ Швейцарію.

Суворовъ выѣхалъ изъ Петербурга въ ту самую пору, когда начиналась распутица. Проѣздомъ черезъ Вильну, гдѣ квартировалъ тогда Фанагорійскій полкъ, карета фельдмаршала остановилась возлѣ гауптвахты. Ее окружили городскія власти, толпа народа, офицеры, солдаты. Командиръ полка подалъ почетный рапортъ. Суворовъ принялъ его, сидя въ каретѣ, и пожелалъ видѣть старыхъ сподвижниковъ. Ихъ подошло человѣкъ 50. «Здравствуйте, чудо-богатыри! Здравствуйте, мои милые!» Многихъ фельдмаршалъ узнавалъ по лицу, подзывалъ къ себѣ поближе, цѣловалъ ихъ и ласкалъ, какъ ласкаютъ любимыхъ дѣтей. Солдаты переглянулись; выступилъ впередъ гренадеръ Кабановъ и сталъ просить чтобы фельдмаршалъ взялъ свой полкъ въ Италію. «Хотимъ! Желаемъ, отецъ!» подхватили сѣдые усачи, тѣснясь возлѣ кареты. Суворовъ обѣщалъ просить объ этомъ Государя: самъ распорядиться не можетъ. Живо запрягли карету; фельдмаршалъ отправился дальше, и впослѣдствіи, на поляхъ Италіи, часто вспоминалъ фанагорійцевъ, а они напрасно ждали, что ихъ не сегодня —завтра пошлютъ туда же. Въ половинѣ марта Суворовъ пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ остановился въ домѣ нашего посланника. Въ ожиданіи высокаго гостя, зеркала, бронзу и всѣ украшенія вынесли прочь; постель приготовили на сѣнѣ. Нѣмцы воспрянули духомъ, узнавъ о пріѣздѣ Суворова; сумрачное лицо Императора прояснилось чувствомъ радости и надежды. Онъ заполучилъ вождя доселѣ непобѣжденнаго и 30 тыс. побѣдоносныхъ войскъ. Однако не смотря на боевую славу, нашему полководцу не вполнѣ то довѣряли и требовали, чтобы онъ изложилъ на бумагѣ, какъ онъ

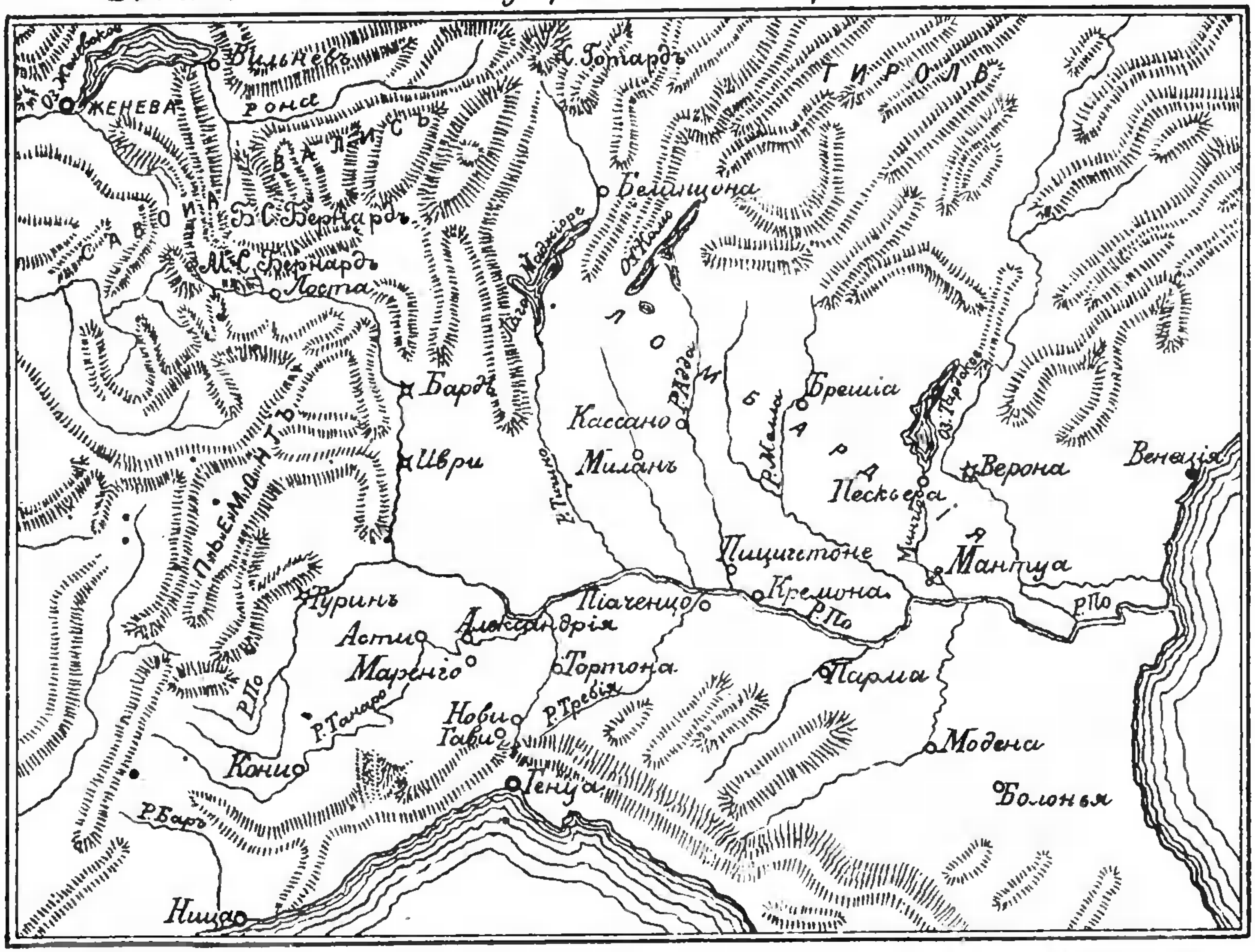
намѣренъ дѣйствовать противъ французовъ. Когда Суворовъ отвѣчалъ, что онъ будетъ дѣйствовать, какъ укажутъ обстоятельства, верховный военный совѣтъ, состоявшій изъ чиновниковъ, потребовалъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣлъ ихъ планъ кампаніи. Суворовъ взялъ карандашъ, зачеркнулъ крестомъ всю записку и приписалъ внизу слѣдующее: «Начну войну тѣмъ, что перейду рѣку Адду, а кончу ее, гдѣ Богу будетъ угодно». Такъ нѣмцы ничего отъ него и не добились; зато Суворовъ сразу нажилъ себѣ большого врага: это былъ баронъ Тугутъ, главный заправила придворнаго военнаго совѣта. Онъ привыкъ, чтобы его волю исполняли какъ законъ, даже главнокомандующіе, хотя въ военномъ дѣлѣ ничего не смыслилъ. Въ концѣ марта Суворовъ выѣхалъ изъ Вѣны. По дорогѣ въ Италію, онъ обгонялъ русскія войска, спѣшившія туда усиленными переходами. 3-го апрѣля авангардъ князя Багратіона вступилъ уже въ Верону *). Народъ узнавши, что ждутъ Суворова, повалилъ толпами за городъ. Съ радостными криками окружили итальянцы экипажъ фельдмаршала, водрузили на немъ знамя, и многотысячная толпа открыла шествіе, выражая свой восторгъ со свойственною итальянцамъ живостью. Съ трудомъ добравшись до своей квартиры, Суворовъ быстро вбѣжалъ на лѣстницу, переодѣлся въ фельдмаршальскій мундиръ и вышелъ въ пріемную, гдѣ его ожидали городскія и военныя власти. На привѣтствія отъ гражданъ Суворовъ отвѣчалъ, что Государь прислалъ его выгнать французовъ, защитить троны и вѣру, дать народамъ миръ, тишину. «Прошу, ваше высокопреосвященство, молитесь Господу за царей-государей, за насъ и за все христолюбивое воинство. А вы будьте вѣрны Богу и государевымъ законамъ», прибавилъ фельдмаршалъ, обращаясь по-очереди къ епископу и ко всѣмъ городскимъ властямъ. Затѣмъ Розенбергъ сталъ называть присутствующихъ генераловъ, переходя отъ одного къ другому. Суворовъ стоялъ на вытяжку, зажмуривши глаза: «Помилуй Богъ! Не слыхалъ, познакомимся!» говорилъ онъ, дѣлая

---

*) См. карту военныхъ дѣйствій Суворова въ Италіи.

КАРТА

Военныхъ дѣйствій Суворова и Бонапарта въ Италіи.



поклонъ тому генералу, котораго раньше не зналъ. Розенбергъ назвалъ Милорадовича. Суворовъ встрепенулся: «А! Это ты, Миша! Михайло! Знаю васъ такимъ, — и Суворовъ показалъ на аршинъ отъ земли,—и ѣдалъ у вашего батюшки пироги! О, да какіе были сладкіе! Помню, помню, какъ вы ѣздили верхомъ на палочкѣ. Поцѣлуемся, Михайло Андреевичъ! Ты будешь герой! Ура!» — «Генералъ-маіоръ князь Багратіонъ!» продолжалъ Розенбергъ. Тутъ фельдмаршалъ снова открылъ глаза и торопливо спросилъ: «Князь Петръ? Это ты, Петръ? Помнишь ли... подъ Очаковымъ?.. съ турками?.. Въ Польшѣ?..» Тутъ онъ расцѣловалъ его въ глаза, въ лобъ, въ губы, прибавивъ: «Господь Богъ съ тобой, князь Петръ!» Багратіонъ былъ тронутъ до слезъ ласками фельдмаршала: «Нельзя не помнить, ваше сіятельство, того счастливаго времени, когда служилъ подъ вашимъ начальствомъ!»

На другой же день Багратіонъ выступилъ изъ Вероны. Войска шли бодро, съ пѣснями; ихъ провожали пѣшіе и конные, повозки и кареты. Многіе итальянцы втискивались въ ряды солдатъ, пожимали имъ руки, угощали хлѣбомъ, виномъ, табакомъ; отсталыхъ подвозили въ экипажахъ. Таковъ былъ первый переходъ русскихъ въ Италіи. Въ г. Валеджіо австрійскіе генералы собрали свои войска на смотръ Суворову. Болѣе часа онъ внимательно глядѣлъ на проходившіе мимо него баталіоны, и, когда смотръ кончился, сказалъ Меласу: «Шагъ хорошъ—побѣда!» Дѣйствительно, австрійскія войска были хороши; ихъ 86-ти-тысячная армія большею частію состояла изъ старыхъ солдатъ, хорошо одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ, содержимыхъ въ порядкѣ и строгой дисциплинѣ. Австрійская пѣхота того времени строилась для боя развернутымъ фронтомъ, по-баталіонно; колонны употреблялись только въ походѣ. Главное дѣйствіе пѣхоты заключалось въ стрѣльбѣ изъ сомкнутаго строя; для разсыпного строя употреблялась легкая пѣхота, вооруженная винтовками. Конница, такъ же какъ и пѣхота, строилась въ три шеренги; въ бою стояла на флангахъ и бросалась въ атаку съ мѣста, прямо съ саблями. Но австрійскіе генералы не умѣли приспособляться къ мѣстности и, кромѣ того, слишкомъ

растягивали свои войска, въ разсчетѣ охватить фланги непріятеля. Привыкши ходить на помочахъ, какъ прикажутъ въ Вѣнѣ, они дѣйствовали вообще робко, нерѣшительно, отчего проигрывали битвы, особенно при встрѣчѣ съ такимъ противникомъ, какъ французы. Въ обѣихъ французскихъ арміяхъ, изъ которыхъ одна находилась противъ австрійцевъ, а другая въ Южной Италіи, былъ большой недостатокъ въ продовольствіи, обуви, даже въ одеждѣ; солдаты ходили въ лохмотьяхъ и зачастую голодали; но зато ихъ молодые и талантливые генералы привыкли дѣйствовать смѣло, рѣшительно, не придерживаясь устарѣлыхъ правилъ военнаго искусства, заповѣданныхъ еще Фридрихомъ Великимъ. Они ловко передвигали войска, приспособлялись къ мѣстности, искусно пускали въ дѣло стрѣлковъ, водили въ атаку колонны, и все это живо, умѣло, кстати; стрѣльбу производили не сомкнутымъ строемъ, какъ австрійцы, а больше разсыпнымъ: цѣлые баталіоны разсыпались, имѣя сзади сильные резервы. Особенно это оказывалось удобнымъ въ мѣстахъ лѣсныхъ и гористыхъ; густая цѣпь стрѣлковъ обыкновенно подготовляла успѣхъ, послѣ чего колонны бросались въ штыки, и почти всегда прорывали тонкій строй австрійцевъ. Французы совершали свои переходы быстро и налегкѣ, безъ обозовъ, безъ палатокъ, появляясь совершенно неожиданно то впереди, то на флангахъ малоподвижнаго противника; въ виду его они переходили рѣки, наводили мосты, взбирались на кручи, таща на рукахъ орудія, и кидались въ битву смѣло, беззавѣтно. Одолѣть французовъ могли только русскія войска подъ начальствомъ Суворова. Онъ обучалъ своихъ солдатъ почти такъ же, какъ обучали французы. Суворовъ пріучалъ солдатъ ничего не бояться: «Испуганъ—на-половину побѣжденъ; смерть бѣжитъ отъ сабли и штыка храбраго. Счастье дается смѣлому и отважному. Кто ожидаетъ нападенія, тотъ ужъ почти побѣжденъ. Въ атакѣ не задерживать. Непріятеля поражать штыками, саблями, пиками. Когда же непріятель сколотъ или срубленъ, тотчасъ его преслѣдовать, не давая ему времени опомниться, собраться, устроиться. Быстрота и натискъ — душа войны». Суворовъ также часто бро-

салъ обозы, сажалъ свои войска на подводы, или же шелъ самъ впереди, не обращая вниманія на отсталыхъ. «Я дѣйствую не по часамъ, говорилъ онъ, а минутами: одна минута рѣшаетъ исходъ баталіи». Таковы были главныя правила, которыхъ держался великій полководецъ. По немъ были и войска. Они не ходили, а летали, не зная никакихъ преградъ—горы ли, рѣки, болота, сытъ ли, голоденъ солдатъ, все равно: «Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ». Въ бою войска дрались со смѣлостью изумительной, они дрались какъ отчаянные, а «ничего нѣтъ страшнѣе отчаянныхъ», какъ сказалъ однажды самъ Суворовъ. Одинъ иностранецъ говорилъ, что русскія войска тверды и устойчивы, какъ бастіоны. Однако австрійцы были недовольны, когда Суворовъ велѣлъ русскимъ офицерамъ преподать имъ главныя правила своей науки. Они смотрѣли на русскихъ свысока, потому что у нихъ не было офицеровъ генеральнаго штаба, не было интендантскихъ чиновниковъ; русская конница была не такъ легка и подвижна, какъ австрійская, артиллерія — тоже; большіе обозы затрудняли движеніе арміи. Это все, что они пока могли видѣть.

Страна, гдѣ пришлось нашимъ войскамъ бороться съ французами, называется Ломбардіей, страна прославленная множествомъ походовъ и битвъ, начиная со временъ Анибала. Хотя она довольно ровная, но большое изобиліе рѣчекъ, а также болотъ мѣшало безостановочному движенію войскъ; особенно жаловались австрійцы. Было приказано дѣлать по 30 верстъ въ сутки, отдыхать по 8 часовъ. Имъ казались такіе переходы не по силамъ. Когда ихъ жалобы дошли до Суворова, онъ сдѣлалъ Меласу наго-няй: «За хорошей погодой гоняются только женщины, франты да лѣнивцы. Эка важность, что нѣхота замочила ноги!» —Въ половинѣ апрѣля союзники подошли къ р. Аддѣ, за которой остановилась французская армія, готовая къ защитѣ. Она была растянута верстъ на сто, и новый главнокомандующій, генералъ Моро, не успѣлъ исправить ошибку своего предшественника, какъ нагрянулъ Суворовъ. Онъ не только заставилъ Моро отступить, но еще отрѣзалъ у него половину дивизіи, потерявшей 250 офи-

церовъ, 5 тыс. солдатъ и 20 орудій Моро отвелъ свою армію за р. По, а Суворовъ направился къ Милану. Казаки отбили ворота, ворвались въ улицы, пахватали плѣнныхъ и окружили цитадель, въ которой оставался небольшой французскій гарнизонъ. Рано утромъ, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, вышла изъ города процессія на-встрѣчу войскамъ; впереди архіепископа несли кресты и хоругви, по бокамъ сплошною лентою двигались миланцы. Александръ Васильевичъ слѣзъ съ лошади, приложился къ распятію и поцѣловалъ руку архипастыря. Дальше продолжали путь вмѣстѣ. День выдался теплый, чудесный. Улицы, балконы и крыши домовъ сплошь были усѣяны народомъ; въ воздухѣ стоялъ торжественный и радостный гулъ. Одни радовались уменьшенію налоговъ, потому что французы таки-порядочно обдирали Италію; другіе радовались возстановленію прежнихъ порядковъ, а иные просто глядѣли съ любопытствомъ и великимъ удивленіемъ на русскихъ людей, особенно на казаковъ. Въ Европѣ думали, что мы вѣчно живемъ въ снѣгу, видъ имѣемъ дикій, звѣроподобный. Между прочимъ, миланцы видѣли, какъ наши солдаты крестились противъ каждой церкви и добродушно цѣловались, поздравляя другъ друга съ праздникомъ. На другой день, по случаю торжественнаго молебствія въ миланскомъ соборѣ, Суворовъ пріѣхалъ въ золотой каретѣ, въ мундирѣ, при всѣхъ орденахъ; на всемъ пути отъ его квартиры стояли шпалерами войска. По окончаніи службы, когда онъ выходилъ изъ собора, ему бросали подъ ноги цвѣты, зелень, цѣловали ему руки, хватались за платье. Фельдмаршалъ былъ тронутъ до слезъ. «Какъ бы не затуманилъ меня этотъ ѳиміамъ: теперь пора рабочая!» сказалъ онъ тихо. За параднымъ обѣдомъ въ числѣ гостей присутствовали три французскихъ генерала. Сначала Суворовъ со всѣми перехристосовался, заставляя по-русски отвѣчать: «Во истину воскресъ!» а потомъ ужъ пригласилъ гостей садиться за столъ. При этомъ онъ, какъ всегда, усердно потчивалъ, шутилъ, забавляя всѣхъ присутствующихъ остротой ума и живостью бесѣды.

Узнавши, что Моро увелъ свою армію въ Аппенинскія горы,

а армія Макдональда еще далеко, Суворовъ пошелъ на Туринъ, столицу короля пьемонтскаго, гдѣ находились огромные склады запасовъ, парки, большой арсеналъ. Кромѣ того, овладѣвши Туриномъ, Суворовъ разсчитывалъ отрѣзать армію Моро отъ Швейцаріи и Савойи, откуда она получала продовольствіе. Въ г. Вогерѣ нагналъ русскія войска Великій Князь Константинъ Павловичъ. Хотя ему было всего 20 лѣтъ, но Государь пожелалъ, чтобы его царственный сынъ прошелъ школу Суворова, чѣмъ оказалъ послѣднему великую честь. Когда Великій Князь пріѣхалъ являться, то Суворовъ выскочилъ къ нему на-встрѣчу въ кителѣ, въ каскѣ и съ подвязанным глазомъ. — «Что это сталось съ вашимъ глазомъ, Александръ Васильевичъ?» — «Ахъ, ваше высочество, вчера проклятые немогузнайки опрокинули меня въ ровъ и чуть было не разбили всѣхъ моихъ косточекъ». Жары въ то время стояли страшные. Суворовъ всегда находился при войскахъ, хотя больше ѣхалъ въ своей каретѣ, или въ «ковчегѣ», какъ ее называли солдаты. Этотъ ковчегъ тащили обывательскія лошаденки, на козлахъ сидѣлъ деревенскій возница, а на занятках стоялъ кривой поваръ Мишка. При такой простотѣ не мудрено было очутиться и во рву. Случалось, что Суворовъ садился верхомъ, выѣзжалъ далеко впередъ и ложился гдѣ-нибудь подъ сараемъ или въ тѣни виноградника, откуда смотрѣлъ на проходившія мимо войска. Иногда онъ вдругъ появлялся среди солдатъ. Начинались разговоры, шутки. смѣхъ; солдаты тѣснились къ нему, какъ пчелы; задніе прибавляли шагу: каждый норовилъ уловить хоть одно словечко. Подъ Туриномъ фельдмаршалъ узналъ, что французы хотятъ защищаться, а ихъ тамъ было всего 3 1/2 тысячи. Городъ окружили войсками; отдано приказаніе ставить батареи, на другой день штурмовать. Между прочимъ, среди ночной тишины раздавались изъ цитадели выстрѣлы, и ядра бороздили землю. Суворовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ у фонтана, любуясь прекрасною ночью. Атаманъ Денисовъ схватилъ фельдмаршала поперекъ туловища и, не смотря на его просьбы, угрозы, даже проклятія, не смотря на то, что онъ вцѣпился ему въ волосы, спустилъ Суворова въ ровъ и

заставилъ его тутъ переночевать. На другой день жители Турина сами открыли ворота и впустили войска. Комендантъ началъ-было палить по городу, но Суворовъ приказалъ передать, что выведетъ на разстрѣляніе всѣхъ плѣнныхъ французовъ. Послѣ такой угрозы комендантъ унялся. Союзники взяли въ Туринѣ до 400 орудій, около 20 тыс. ружей и множество военныхъ запасовъ; въ то же время получено донесеніе, что сдались Александрія, миланская цитадель и Ферара, гдѣ австрійцы пріобрѣли еще до 200 орудій. Лестно было Суворову, что вездѣ встрѣчали наши войска съ радостью, и что въ два мѣсяца почти вся сѣверная Италія была очищена отъ непріятеля. Онъ оставался только въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ, какъ напримѣръ въ Мантуѣ; армія Моро, припертая къ морю, бездѣйствовала. Но въ то же самое время командованіе союзной арміей возлагало на стараго фельдмаршала много посторонннихъ заботъ и причиняло ему не мало душевныхъ огорченій. Австрійцамъ хотѣлось удержать за собой всѣ завоеванія; они вовсе не думали о возвращеніи законныхъ государей, для чего собственно и были посланы наши войска. Суворовъ поступалъ такъ, какъ ему было указано Государемъ Императоромъ, мало обращая вниманія на распоряженія изъ Вѣны; тогда приказанія стали приходить помимо него, прямо къ подчиненнымъ ему генераламъ, что было хуже всего, потому что подрывало въ войскахъ дисциплину. Жалобы фельдмаршала доходили въ Петербургъ не скоро, и пока нашъ Государь узналъ всѣ изворотъ австрійцевъ, они довели Суворова до того, что онъ хотѣлъ отказаться отъ званія главнокомандующаго и снять фельдмаршальскій мундиръ, пожалованный ему австрійскимъ императоромъ.

Между тѣмъ, употребляя наши войска для своей выгоды, австрійцы мало о нихъ заботились. Въ такой богатой и плодоносной странѣ, какъ Италія, русскіе терпѣли нужду въ продовольствіи. На одномъ переходѣ Александръ Васильевичъ увидѣлъ на берегу кучку солдатъ. Черпая ложками воду прямо изъ рѣки, они чѣмъ-то закусывали. «Что, ребята, вы тутъ дѣлаете?» — спросилъ фельдмаршалъ. — «Итальянскій сунъ хлебаемъ, ваше сіятельство!» — отвѣ-

чали солдаты. Суворовъ слѣзъ съ лошади, взялъ ложку, самъ похлебалъ и говоритъ: «Хорошо! Помилуй Богъ, хорошо! Сытъ теперь, совсѣмъ сытъ. А вотъ недалеко французы, только бы намъ добраться до нихъ. Найдется, чѣмъ приправить супъ! Прощайте, богатыри!»—Сѣлъ на лошадь и уѣхалъ.

Во время пребыванія въ Туринѣ до Суворова дошли слухи, что Моро покинулъ морской берегъ и перешелъ въ наступленіе. Фельдмаршалъ оживился, забылъ всѣ огорченія и, поднимая войска навстрѣчу непріятелю, не упустилъ ни одной мелочи похода: котламъ выступать въ 12 ч. ночи, за 15 верстъ останавливаться и варить пищу; войскамъ трогаться въ 3 часа; на 7-й верстѣ отдохнуть часокъ; послѣ второго перехода — прямо къ котламъ; соснуть до 4-хъ; въ 9 ч. ночлегъ: «палатки разбиты, все готово—отдыхай». Русскіе сдѣлали тогда 50 верстъ въ сутки, за что получили благодарность въ приказѣ по войскамъ. Въ Александріи Суворовъ узналъ, что наступленіе Моро — пустой слухъ, но что, съ другой стороны, приближается армія Макдональда, и австрійскій отрядъ, стерегущій пути, уже потерпѣлъ отъ нихъ уронъ. Надо было спѣшить. Суворовъ повелъ свою армію и, дойдя до Страделлы, узнаетъ, что нужна немедленная помощь. Тогда фельдмаршалъ отдѣляетъ нѣсколько казачьихъ полковъ, беретъ съ собой князя Багратіона и скачетъ съ ними впередъ; прочимъ войскамъ дано приказаніе спѣшить. Уже французы перешли р. Тидону; правый флангъ австрійцевъ обойденъ, батарея въ 8 орудій захвачена; еще немного — и австрійцы погибли. Сзади показалось облако пыли: явился Суворовъ съ четырьмя полками казаковъ. Этого было мало, но тутъ находился Суворовъ. Въ одинъ мигъ онъ обозрѣлъ поле битвы: два казачьихъ полка полетѣли во флангъ полякамъ, обходившимъ австрійцевъ; два другіе, подъ начальствомъ Горчакова, племянника Суворова, кинулись на правый флангъ французовъ. Поляки смѣшались, французы остановились. Но въ это время уже показалась сзади головная колонна русскаго авангарда подъ начальствомъ Великаго Князя. Солдаты выбивались изъ силъ; многіе падали отъ палящаго зноя, отъ изнуренія, но самые зака-

ленные спѣшили на выстрѣлы и стали выстраиваться сзади австрійцевъ. Суворовъ приказалъ двинуть всѣ силы разомъ. Багратіонъ шепнулъ на ухо фельдмаршалу, что въ ротахъ не насчитается и по 40 человѣкъ,—нельзя ли повременить хотя немного? Суворовъ также отвѣчалъ ему на ухо: «А у Макдональда нѣтъ и по 20; атакуй съ Богомъ!» Вся линія ударила дружно, съ музыкой и барабаннымъ боемъ; русскіе шли съ пѣснями. Французы встрѣтили мѣткимъ огнемъ, особенно губительнымъ потому, что множество канавъ задерживали движеніе союзниковъ на каждомъ шагу; кромѣ того, французы безпрестанно бросались въ атаку. Суворовъ, разъѣзжая вдоль фронта, повторялъ: «Впередъ! Впередъ! коли!» Багратіонъ врѣзался въ польское каре; казаки кололи и рубили ихъ во всю руку. Покончивъ съ поляками, Багратіонъ понесся по фронту и наскочилъ на флангъ отступавшихъ французовъ. Передъ смертоноснымъ натискомъ казаковъ ихъ каре разорвалось: французы поспѣшно отступили за Тидону.—На другой день былъ отданъ по войскамъ пароль: «Терезія» и лозунгъ: «Ко́линъ». Эти два имени напоминали австрійцамъ ихъ любимую императрицу и побѣду надъ Фридрихомъ Великимъ. Утромъ стояло подъ ружьемъ 22 тысячи. Въ 10 ч. войска двинулись впередъ: на правомъ флангѣ князь Багратіонъ; за нимъ — дивизія Швейковскаго; сзади — резервъ; въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ—австрійцы; общій резервъ подъ начальствомъ Меласа. Двигаясь чрезвычайно медленно, войска перешли р. Тидону и только къ 2 час. завидѣли польскую дивизію, верстахъ въ 7 отъ Требіи. Суворовъ далъ вздохнуть войскамъ, послѣ чего самъ повелъ авангардъ Багратіона. Пѣхота ударила на поляковъ съ фронта, казаки — съ фланговъ. Поляки дрались отчаянно. Это были изгнанники, покинувшіе отечество и ненавидѣвшіе Суворова, побѣдителя Праги. Они работали не только штыками, но и прикладами. Наши все-таки одолѣли: отнявши знамя, 2 пушки и 600 плѣнныхъ, заставили остальныхъ уйти за Требію. На прочихъ пунктахъ французы были гораздо слабѣе. Къ вечеру оба берега рѣки Требіи освѣтились заревомъ костровъ.

Къ Макдональду подошли подкрѣпленія, больше 10 тыс. Имѣя теперь перевѣсъ въ силахъ, онъ отдалъ распоряженіе охватить союзниковъ съ обоихъ фланговъ: поляки должны были переправиться черезъ Требію повыше нашего праваго фланга, а двѣ французскія дивизіи — пониже лѣваго фланга; остальнымъ наступать спереди. Но и Суворовъ отдалъ приказъ къ атакѣ. Когда союзники стали въ ружье, французы начали переправу въ колоннахъ; въ интервалахъ шла конница; развернутые баталіоны прикрывали движеніе съ того берега. Суворовъ рано замѣтилъ обходное движеніе поляковъ и послалъ Багратіона. Пѣхота бросилась въ штыки; казаки и австрійскіе драгуны охватили ихъ съ боковъ, такъ что Домбровскій едва успѣлъ спастись за Требію, покинувъ три знамени, пушку и 400 плѣнныхъ. Въ это время французы атаковали дивизію Швейковскаго, наши стали отступать, но отступали по-суворовски: они то бросались впередъ, то встрѣчали атаки французовъ огнемъ въ упоръ. Здѣсь 5 баталіоновъ дрались противъ 15-ти. Никогда и нигдѣ французы не встрѣчали такого упорнаго сопротивленія. Розенбергъ поскакалъ къ Суворову; за нимъ помчался Багратіонъ. Фельдмаршалъ лежалъ въ изнеможеніи на землѣ, прислонивши голову къ огромному камню. «Попробуйте сдвинуть этотъ камень! Не можете?.. Ну, такъ и русскія войска не могутъ отступать!.. Извольте держаться, ни шагу назадъ!» — Съ тѣмъ Розенбергъ и отъѣхалъ. «Ну что, князь Петръ?» спросилъ фельдмаршалъ у Багратіона. Послѣдній доложилъ, что поляки отброшены, но половина людей убыла, ружья стрѣляютъ худо, а непріятель силенъ. «Не хорошо, князь Петръ! Коня! — и фельдмаршалъ, какъ былъ, въ рубахѣ, помчался къ войскамъ Багратіона. «Заманивайте, ребята, заманивайте... шибче... бѣгомъ!» кричалъ Суворовъ впереди отступавшаго баталіона. Шаговъ черезъ 200 онъ вдругъ закричалъ: «Стой! Налѣво кру́-гомъ!» Суворовъ поскакалъ дальше. Войска Багратіона, увидѣвши любимаго вождя, встрепенулись: пропала усталь, огонь участился. Съ барабаннымъ боемъ пошли они на помощь Швейковскому и появились въ тылу у французовъ, держа ружья на-руку. Положеніе дѣлъ измѣнилось:

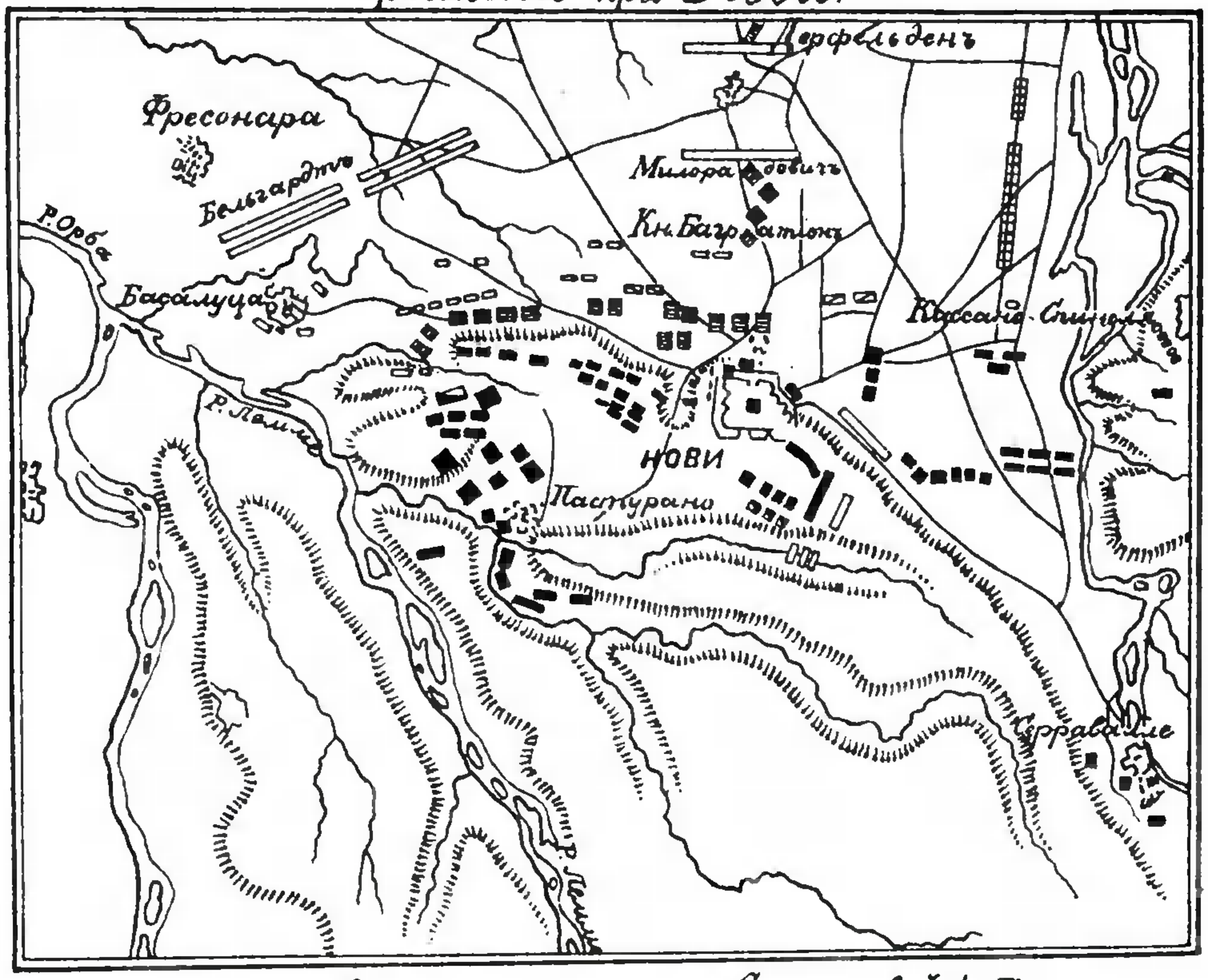
французы, принявъ ихъ за свѣжіе полки, отступили за Требію. Упрямый старикъ Меласъ, командовавшій резервами, не понималъ, гдѣ грозитъ намъ опасность, и дрожалъ все время за свой лѣвый флангъ. Только послѣ вторичнаго приказанія вынеслись 10 эскадроновъ Лихтенштейна, которые разогнали французовъ въ центрѣ и успѣли еще подать помощь лѣвому флангу. Въ 6 час. вечера французы очистили весь лѣвый берегъ Требіи. Наши измученныя войска не могли сдѣлать ни шагу; Суворовъ не слѣзалъ три дня съ лошади, хотя, впрочемъ, не показывалъ и вида усталости. Онъ весело встрѣтилъ генераловъ и, поздравивши ихъ съ третьей побѣдой, сдѣлалъ распоряженія на утро для перехода черезъ Требію. Цѣпь аванпостовъ протянулась вдоль берега. Едва забрезжилъ свѣтъ, наши казаки увидѣли, что непріятеля нѣтъ. Оказалось, что Макдональдъ, убѣдившись въ полномъ разстройствѣ своихъ войскъ и потерявши надежду на помощь со стороны Моро, рѣшился немедленно отступить. Потери французовъ, особенно въ пѣхотѣ, были велики: поляковъ, напримѣръ, осталось 300 чел., а было 4 тысячи; во время жаркаго преслѣдованія французы потеряли еще больше, почти половину своей арміи. Только Суворовъ могъ рѣшиться принять битву на Требіи, имѣя въ тылу армію Моро; австрійцы никогда бы на это не осмѣлились. Пораженіе на Требіи привело въ негодованіе всю Францію; она потребовала къ суду своихъ генераловъ. Зато нашъ Государь пожаловалъ Суворову свой портретъ, осыпанный брилліантами, при лестномъ рескриптѣ: «Портретъ мой на груди вашей да изъявитъ всѣмъ и каждому признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго. Слава Богу, слава вамъ!» — Полки корпуса Розенберга получили гренадерскій маршъ; всѣмъ солдатамъ Государь пожаловалъ по рублю и выслалъ тысячу знаковъ отличія. Нашъ Александръ Васильевичъ гордился еще тѣмъ, что онъ разбилъ французовъ почти на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ назадъ нанесъ пораженіе римлянамъ великій карѳагенскій полководецъ Аннибалъ, о чемъ разсказано въ другой книгѣ.

Теперь все свое вниманіе Суворовъ обратилъ на взятіе итальян-

скихъ крѣпостей, хотя такая медлительная война была ему не по душѣ; онъ рвался впередъ, мечталъ о вторженіи во Францію, но этого требовалъ австрійскій императоръ, и ему оставалось повиноваться. По недостатку осадной артиллеріи, австрійцы осаждали крѣпости поочередно: взявши одну, перетаскивали орудія и парки къ другой, что, разумѣется, отнимало много времени. Раньше другихъ сдалась туринская цитадель, гдѣ союзники взяли 560 орудій, 40 тыс. ружей, да столько же пудовъ пороху; за нею сдалась цитадель Александріи; наконецъ, на исходѣ 4-го мѣсяца блокады, сдалась Мантуя, самая сильная крѣпость не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Извѣстіе о взятіи Мантуи, этого послѣдняго оплота французовъ, поразило ихъ какъ громомъ: коменданта судили во Франціи какъ преступника и сняли съ него мундиръ; въ Вѣнѣ же приняли это извѣстіе съ большею радостію, чѣмъ пораженіе на Требіи. Императоръ Павелъ возвелъ Суворова въ княжеское достоинство, съ прибавленіемъ титула: Италійскій. «Пріймите воздаяніе за славные подвиги», писалъ онъ ему: «да пребудетъ память ихъ на потомкахъ вашихъ къ чести и славѣ Россіи». Войска австрійскаго генерала Края съ паденіемъ Мантуи совершенно освобождались, и, вотъ, Суворовъ, развязанный по рукамъ и по ногамъ, могъ исполнить давно задуманное, близкое его сердцу движеніе чрезъ Апеннинскія горы, въ приморскую область Генуи, гдѣ укрывалась армія Моро. Уже былъ назначенъ день выступленія, но французы предупредили и на этотъ разъ: 1-го августа показались французскія колонны на склонахъ Апеннинскихъ горъ, передъ сел. Но́ви. Ихъ велъ молодой генералъ Жуберъ, только-что вступившій въ командованіе; восемь лѣтъ тому назадъ онъ былъ еще солдатомъ въ рядахъ альпійской арміи и на 4-мъ году службы произведенъ въ генералы. Жуберъ съумѣлъ поднять упавшій духъ французовъ, но перешелъ въ наступленіе только потому, что не зналъ, какъ велики силы союзниковъ, предполагая ихъ гораздо меньше, самъ же имѣлъ только 45 тыс. Французы расположились на высотахъ. Какъ видно на приложенномъ планѣ, ихъ позиція тянулась по гребню горъ, верстъ на 8; въ ея центрѣ, у подножія

горъ, они заняли городокъ Нови, обнесенный высокою стѣною, окруженный предмѣстьями и садами. Правый флангъ французовъ былъ отброшенъ далеко назадъ, у Серравале: тамъ стояло 2 тыс. поляковъ, а лѣвый флангъ—передъ дер. Пастурано. Подступы къ позиціи, покрытые виноградниками, садами, пересѣченные заборами и канавами, были трудны сами по себѣ и, кромѣ того, хорошо обстрѣливались сверху. Съ ранняго утра,—это было 3-е августа,—Суворовъ разъѣзжалъ на конѣ, зорко высматривая положеніе французовъ; съ другой стороны выѣхалъ Жуберъ. Передъ нимъ, какъ на ладони, стояло 60 т. союзниковъ; противъ лѣваго фланга—Край съ 27 тыс. австрійцевъ; противъ Нови—Багратіонъ, за нимъ Милорадовичъ съ 10 тыс.; сзади, верстъ на 10—Дерфельденъ и Меласъ съ 15-ю тыс.; еще дальше—корпусъ Розенберга. Жубера взяло раздумье. Только тутъ онъ догадался, что Мантуя взята. Войска простояли цѣлый день въ ожиданіи боя. Еще не занималась заря другого дня, какъ правое крыло союзниковъ атаковало лѣвый флангъ французовъ, передъ Пастурано. Жуберъ поскакалъ на первые выстрѣлы и, попавши въ цѣпь, былъ убитъ пулей на-повалъ. Смерть вождя скрыли; его мѣсто опять занялъ Моро. Онъ послалъ за подкрѣпленіями; австрійцы были сбиты съ высотъ на всемъ протяженіи боевой линіи. Багратіонъ, не получая приказанія, поѣхалъ отыскивать Суворова и нашелъ его лежащимъ на землѣ, среди кучки генераловъ. Фельдмаршалъ притворился, будто спитъ. Услыхавши голосъ князя Петра, онъ вскочилъ и засыпалъ его вопросами. Край получилъ приказаніе повторить атаку, Багратіонъ — взять Нóви. Крѣпкія стѣны города, куда укрылись французы, не поддавались ядрамъ; тогда русскіе, подъ страшнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ сверху и сбоку, стали забирать вправо, чтобы подняться на высоты. Солдаты перелѣзали черезъ заборы, прыгали черезъ канавы и все-таки подвигались тихо, теряя много убитыхъ и раненыхъ. Когда французы вышли изъ города и ударили нашимъ во флангъ, они, отбивши атаку, отступили. Вторая попытка, Багратіона и Милорадовича вмѣстѣ, — также не имѣла успѣха: французы отлично отбивались, переходя при случаѣ въ

Сраженіе при Нови.



наступленіе. Суворовъ вызвалъ Дерфельдена; съ появленіемъ свѣжихъ войскъ, вся боевая линія перешла въ дружное наступленіе: французы бросились на высоты. Не останавливаясь, съ барабаннымъ боемъ, наши двинулись за ними, но скоро отхлынули, устилая путь трупами. Еще два раза подымался Дерфельденъ, и оба раза возвращался назадъ. Жаркое, палящее солнце прожигало насквозь: солдаты страдали отъ жажды, падали безъ чувствъ; многіе тутъ же умирали. Суворовъ не щадилъ себя. Онъ появлялся подъ градомъ пуль, картечи, напутствуя колонны: «Не задерживайся; иди шибко, бей штыкомъ, колоти прикладомъ!.. Ухъ, махни, головой тряхни!» При видѣ страшныхъ потерь и неудачи, огорченный фельдмаршалъ слѣзъ съ коня и катался передъ фронтомъ по землѣ: «Ройте мнѣ могилу, я не переживу этого дня!» И стыдъ, и гнѣвъ терзали его душу. Однако онъ послалъ приказаніе Меласу прибыть на помощь.

Къ 3 часамъ союзники успѣли отдохнуть, явился Меласъ, и теперь французы, громившіе съ высотъ, уже были нестрашны. Двѣ австрійскія колонны пошли долиной р. Скривіи, сбили поляковъ и поднялись сзади французовъ; русскіе солдаты, подъ начальствомъ Дерфельдена, ворвались-таки въ Но́ви, а отсюда проникли дальше въ горы, къ Пастурано. Здѣсь, въ узкихъ деревенскихъ улицахъ, загроможденныхъ обозами, еще раньше столпились французы лѣваго фланга, сбитые Краемъ. При появленіи русскихъ имъ не было другого спасенія, какъ одиночное бѣгство въ горы, потому что путь къ Генуѣ былъ уже отрѣзанъ. Одна бригада цѣликомъ положила оружіе, при чемъ взято въ плѣнъ два генерала. Равнина, скаты и гребни, лощины—все было усѣяно тѣлами бойцовъ; вокругъ Но̀ви лежали трупы, какъ снопы на урожайномъ полѣ.

Ночь прекратила жаркое преслѣдованіе; войска остановились на ночлегъ, и только дальніе выстрѣлы въ горахъ гулко отдавались среди ночной тишины. Одинъ фельдмаршалъ не спалъ и готовилъ распоряженія для движенія въ горы, къ морскому берегу, куда до сихъ поръ французы скрывались и откуда появлялись, когда имъ вздумается. На утро все было готово къ дальнѣйшему

наступленію; но каково же было негодованіе Суворова, когда интенданты объявили ему, что движеніе надо остановить, потому что нѣтъ муловъ и продовольствія! Вскорѣ затѣмъ Меласъ получилъ прямое приказаніе отъ своего императора отдѣлить свои войска и заняться устройствомъ завоеваннаго края. Такъ рухнули надежды Суворова на окончательное истребленіе французовъ и походъ во Францію! Австрійцы видимо заботились только о своихъ выгодахъ; о возвращеніи законныхъ государей они вовсе не думали, а подъ устройствомъ Италіи разумѣли ея закрѣпощеніе. Только высокія милости императора Павла утѣшали Суворова въ его душевныхъ огорченіяхъ, награждали его заботы о благѣ итальянскаго народа. Всѣмъ участникамъ битвы при Но́ви пожалованы щедрыя царскія награды; семействамъ убитыхъ офицеровъ приказано выдавать ежегодную пенсію, а Суворову Государь написалъ, что онъ поставилъ себя «выше награжденій»; однако и для него нашелъ награду, а именно, чтобы всѣ войска, даже въ присутствіи Императора, отдавали фельдмаршалу воинскія почести, присвоенныя Его Величеству: «Достойное—достойному. Прощайте, князь, живите, побѣждайте французовъ!» — такъ заканчивался Высочайшій рескриптъ. Надо сказать, что и народы Италіи достойнымъ образомъ оцѣнили нашего полководца. Въ концѣ августа прибыла въ г. Асти, гдѣ войска стояли лагеремъ, депутація изъ Турина; она поднесла Суворову золотую шпагу, осыпанную брилліантами, съ благодарственною подписью отъ имени всего пьемонтскаго народа. Изгнанные государи Италіи отъ себя награждали Суворова или почтили его письмами; даже лакей Суворова Прохоръ Дубасовъ попалъ въ милость: онъ получилъ двѣ медали за обереженіе своего «барина». Немногіе полководцы видѣли при жизни столько почестей, сколько видѣлъ ихъ Суворовъ въ послѣдній годъ своей боевой жизни. Даже надменные англичане приходили въ азартъ при одномъ имени Суворова. Его причуды пришлись имъ по душѣ; каждый хотѣлъ имѣть его портретъ, покупалъ книгу, въ которой разсказывалось о Суворовѣ, зачитывался газетой, гдѣ прославляли его дѣла. Во время трехнедѣльной стоянки въ г. Асти сюда стекались толпы

любопытныхъ со всѣхъ концовъ Европы. Пріѣзжали иностранные министры, генералы, богатые англійскіе лорды, чтобы только видѣть знаменитаго полководца, взглянуть на побѣдоносныя войска и угадать, въ чемъ кроется ихъ побѣда. Смотры и ученья производились ежедневно; одно торжество смѣнялось другимъ. Однажды, послѣ обѣдни, происходила раздача Высочайшихъ наградъ: Суворовъ возложилъ на Великаго Князя брилліантовый крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго; солдаты, подходя по очереди, становились на колѣни и получали изъ рукъ фельдмаршала знаки отличія. То же самое исполняли и австрійскіе офицеры.

Къ столу обыкновенно собирались всѣ пріѣзжіе гости, при чемъ Суворовъ безцеремонно продѣлывалъ свои обычныя причуды: кто не сказалъ «аминь» послѣ молитвы «Отче нашъ», того приказывалъ обносить водкой; смотрѣлъ, чтобы никто не просыпалъ соли. декламировалъ финскіе стихи. Многіе изъ гостей, привыкшихъ къ поварскому столу, не могли ничего ѣсть, особенно въ постные дни; если же ѣли въ угоду хозяину, то принимали послѣ лекарство. Подъ конецъ длиннаго и веселаго обѣда хозяинъ начиналъ дремать; тогда Прохоръ толкалъ его безъ церемоніи подъ бока, говоря: «Пора, сударь, спать!» — Таковъ былъ Суворовъ за столомъ, на людяхъ. Въ кабинетѣ же, занятый докладами и приказаніями, онъ былъ строгъ, сдержанъ, и тутъ со стороны подчиненныхъ требовалось большое вниманіе къ дѣлу, чтобы не навлечь его гнѣва.

Народъ итальянскій полюбилъ Суворова: онъ уже наслаждался миромъ, добытымъ русскою кровью, и съ горестью узналъ, что Суворовъ оставляетъ Италію, что онъ получилъ приказаніе выступить со всѣми русскими войсками въ Швейцарію. Къ сожалѣнію, это была правда.

ШВЕЙЦАРСКІЙ ПОХОДЪ.

Пока Суворовъ воевалъ въ Италіи, англичане вошли въ новый договоръ съ Императоромъ Павломъ. По этому договору особый русскій корпусъ долженъ былъ высадиться въ Голландіи, чтобы вмѣстѣ съ англичанами выгнать отсюда французовъ; Суворову же перейти изъ Италіи въ сосѣднюю Швейцарію, гдѣ присоединить къ себѣ русскій корпусъ Римскаго-Корсакова, а также войска австрійцевъ, и соединенными силами, наступая на французовъ, вторгнуться во Францію. Какъ только австрійскіе министры узнали о заключеніи тайнаго договора, поспѣшили включить въ него и Австрію, такимъ образомъ: швейцарскую армію, подъ начальствомъ эрцъ-герцога Карла, перевести на Рейнъ, а вмѣсто нея выставить другую, поменьше. Императоръ Павелъ, не подозрѣвая ихъ тайныхъ намѣреній, согласился. Намѣренія же ихъ были таковы: закрѣпивъ за собой окончательно Италію, занять въ свою пользу и Голландію. Въ Италіи служилъ имъ до сихъ поръ помѣхой Суворовъ, дѣйствовавшій безкорыстно, согласно указаніямъ и рыцарскому образу

мыслей своего государя. Его надо было удалить. Англичане тоже думали о себѣ: имъ хотѣлось уничтожить голландскій флотъ, отбивавшій у нихъ торговлю, да, кромѣ того, они боялись, чтобы русскіе, овладѣвши приморскимъ городомъ Генуей, не удержали ея въ своихъ рукахъ. Вотъ каковы были наши союзники. Но этого мало: какъ только прибылъ изъ Россіи корпусъ Римскаго-Корсакова, эрцъ-герцогъ Карлъ, не дождавшись Суворова, покинулъ Швейцарію и перешелъ на Рейнъ, тогда какъ по условію онъ долженъ былъ ожидать смѣны въ равныхъ силахъ. Едва его уговорили оставить хоть небольшой отрядъ въ 8 тыс. подъ начальствомъ Готце. Съ удаленіемъ австрійцевъ положеніе русскаго корпуса становилось опаснымъ: 24 тыс. не могли защищать страну противъ 80 тыс. французовъ, да еще подъ начальствомъ такого опытнаго вождя, каковъ былъ Массена. Французы, за время своего пребыванія въ Швейцаріи, успѣли изучить страну, отлично приспособились къ горной войнѣ и являлись такимъ образомъ соперникомъ сильнымъ, опаснымъ. Русскіе люди того времени смотрѣли на поступокъ эрцъ-герцога Карла какъ на измѣну; почти такъ же смотрѣлъ и нашъ Государь. Онъ сталъ опасаться за судьбу заброшенныхъ войскъ и торопилъ Суворова спѣшить изъ Италіи на выручку Корсакова.

Суворовъ могъ выбрать для похода въ Швейцарію два пути, хотя довольно кружныхъ, но они оба вели на соединеніе съ корпусомъ Корсакова и небольшими отрядами австрійцевъ, расположенныхъ по р. Линтѣ, дальше къ Цюриху и за Цюрихомъ *). Здѣсь же, въ этихъ мѣстахъ, находился лѣвый флангъ Массены. Суворовъ выбралъ третій путь, самый трудный, зато скорѣе всѣхъ сближавшій его съ французами, а именно — черезъ высокій горный узелъ Сенъ-Готардъ, гдѣ находился ихъ правый флангъ. Сбивши здѣсь непріятеля, нашъ полководецъ разсчитывалъ пройти долиной р. Рейсы, обойти Люцернское озеро и выйти главнымъ силамъ въ тылъ, въ то время когда австрійцы и войска Корсакова

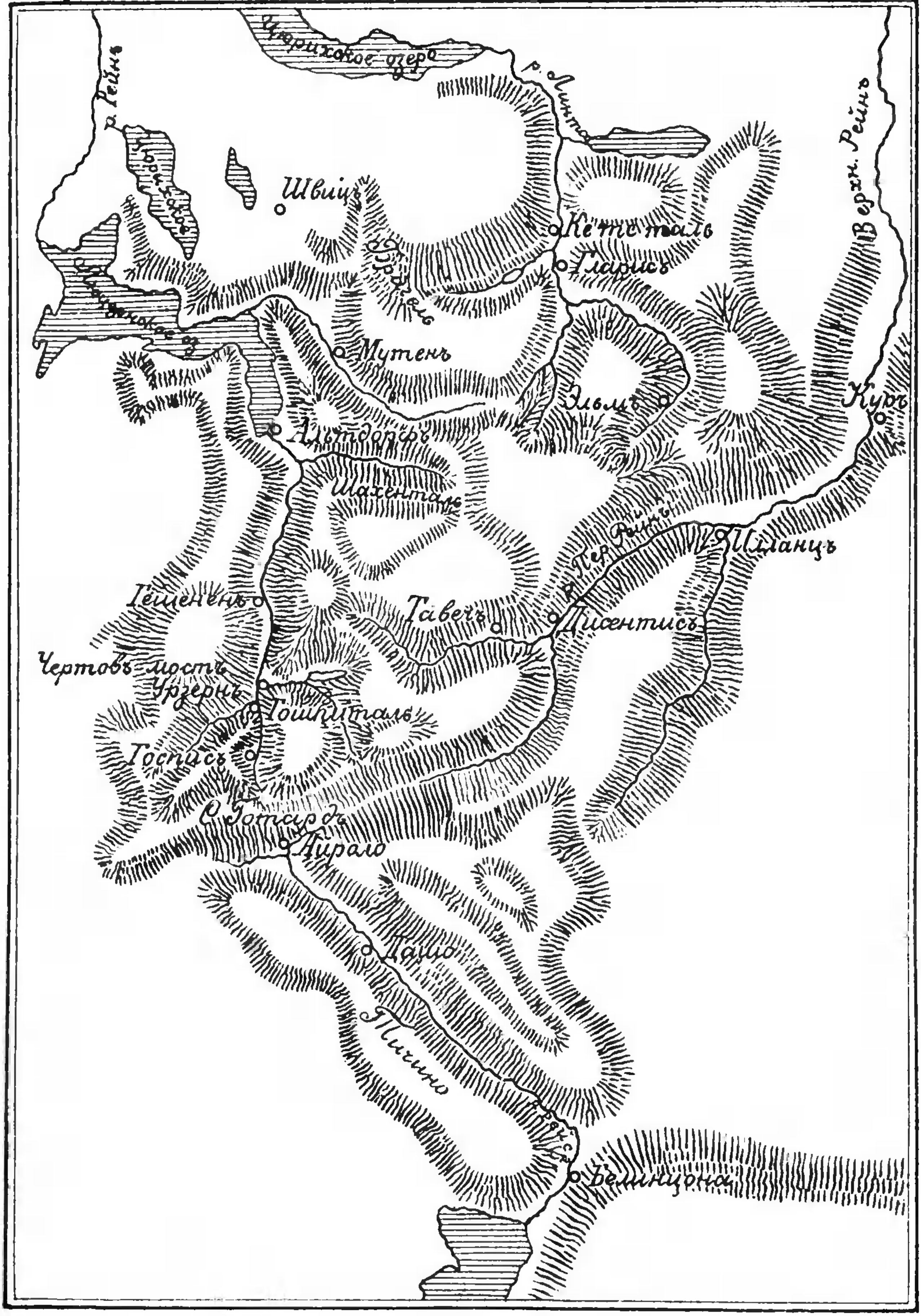
*) Смотри карту военныхъ дѣйствій Суворова въ Швейцаріи.

ударятъ на нихъ спереди. Офицеры австрійскаго генеральнаго штаба обнадежили Суворова, что избранный имъ путь хотя и труденъ, однакоже возможенъ. Послѣ, какъ увидимъ, оказалось, что они говорили о томъ, чего не знали.

Въ концѣ августа Суворовъ выступилъ изъ Александріи и 4-го сентября былъ уже за полтораста верстъ, въ Таверно. Колесный путь оканчивался, начинались горы, а, между прочимъ, обѣщанныхъ австрійцами $1^1/_2$ тыс. муловъ не оказалось. Великій Князь присовѣтовалъ пустить подъ вьюки казачьихъ лошадей. Такъ и сдѣлали: приспособили кое-какъ вьючныя сѣдла, нашли 3 тыс. мѣшковъ и навьючили казачьихъ лошадей. Работа кипѣла днемъ и ночью; кромѣ продовольствія и боевыхъ запасовъ, надо было навьючить горную артиллерію, всѣ принадлежности и на эту трудную работу ушло почти двѣ недѣли. Только въ день Рождества Богородицы могъ выступить Розенбергъ, предназначенный въ обходъ; корпусъ Дерфельдена, при которомъ находился самъ Суворовъ, выступилъ двумя днями позже. Въ авангардѣ этого корпуса шелъ Багратіонъ, за нимъ — дивизіи Швейковскаго и Форстера, всего 22 баталіона пѣхоты, 15 орудій; у Розенберга — только 10 баталіоновъ и столько же орудій. На время похода войска получили особое приказаніе: каждой дивизіи идти отдѣльной колонной, имѣя впереди 25 казаковъ и 25 піонеровъ; въ головѣ колонны — одно орудіе. При видѣ непріятеля головнымъ частямъ разсыпаться, взбираться на высоты, а прочимъ, не взирая на огонь, кидаться въ штыки. И французы готовились къ встрѣчѣ. До сихъ поръ они имѣли дѣло съ австрійцами — противникомъ робкимъ, нерѣшительнымъ. Узнавши о движеніи Суворова, военный министръ совѣтовалъ Массенѣ быть осмотрительнымъ; въ бою сохранять какъ можно долѣе резервы, бить большими частями, потому что русскіе стремительны въ натискѣ и стойки въ огнѣ. Но Массена и самъ понималъ, что передъ нимъ не австрійцы, простоявшіе цѣлое лѣто въ бездѣйствіи.

Изъ Беллинцоны Розенбергъ пошелъ въ обходъ Сенъ-Готарда. Погода стояла отвратительная: дождь лилъ ливмя, вѣтеръ прохва-

Карта военныхъ дѣйствій Суворова въ Швейцаріи.


Цюрихское озеро
р. Линтъ
р. Рейнъ
Швицъ
Кенстальъ
Гларусъ
Мутенъ
Эльмъ
Куръ
Альторфъ
Шаффгаузенъ
р. Рейнъ
Шланцъ
Гёшенень
Таведъ
Дисентисъ
Чертовъ мостъ
Урзернъ
Гошталь
Госписъ
Гоппенъ
Гоппенъ
Гоппен

тывалъ на-сквозь; ночи стояли сырыя, холодныя. Войска дрогли на бивакахъ, на ночлегахъ, а переходы были назначены большіе, суворовскіе, по 30 верстъ въ сутки. Путь ихъ шелъ черезъ снѣжный перевалъ Лукманьеръ въ долину Верхняго Рейна. Крутые спуски и подъемы, скользкіе косогоры, безпрестанныя переправы черезъ горныя рѣчки, по колѣни и даже по поясъ въ водѣ, а тутъ еще дождь, пробиравшій до нитки. Солдаты, выбиваясь изъ силъ, падали, срывались съ крутизны и погибали. Шли съ разсвѣта до ночи, но не всегда находили на ночлегѣ хворостъ, чтобы обогрѣться; за два дня до Крестовоздвиженья корпусъ ночевалъ на самомъ перевалѣ, гдѣ нельзя было достать ни лучины. Не смотря на это, войска, сдѣлавши въ три дня 75 верстъ, вступили въ назначенное время въ Тавечъ. На утро предстоялъ имъ бой.

Войска Дерфельдена шли долиной Рейсы. И тамъ, и здѣсь солдаты не теряли ни на минуту обычной бодрости. Между ними ѣхалъ все тотъ же Суворовъ, на казачьей лошаденкѣ, прикрытый легкимъ плащемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «родительскаго»; на головѣ круглая широкополая шляпа. Сзади фельдмаршала тащился на казачьей же лошади швейцарецъ Антоній Гамма, старикъ 65 лѣтъ. Въ Таверно Суворовъ стоялъ у него на квартирѣ и такъ полюбился старику, что тотъ бросилъ семью, свои дѣла и поклялся ни на шагъ не отставать отъ фельдмаршала. Честный швейцарецъ сдержалъ свое слово: онъ сдѣлалъ весь швейцарскій походъ, служа русскимъ то проводникомъ, то за переводчика.

Угрюмо смотрѣлъ Сенъ-Готардъ на дальнихъ пришельцевъ; при тогдашнемъ ненастьѣ видъ его былъ вдвойнѣ суровъ и грозенъ. Съ нашей стороны поднималась вверхъ лишь извилистая тропинка, едва доступная для вьюковъ; мѣстами она спускалась въ обрывы, въ глубокія и тѣсныя ложбины горныхъ рѣчекъ и опять взвивалась круто вверхъ промежду утесовъ и скалъ. Горе путнику, котораго застигнетъ въ этихъ мѣстахъ горная вьюга! Развѣ съ вершины горы спустится во-время монахъ съ вѣрною собакой и успѣютъ отрыть несчастнаго изъ-подъ снѣжныхъ сугробовъ. Гору обороняли три французскихъ батальона,—войска не

велики, но французы на каждомъ шагу имѣли такія позиціи, гдѣ горсть стрѣлковъ могла остановить цѣлую колонну. Наканунѣ Воздвиженія съ утра было пасмурно, густыя облака лѣпились по скатамъ горъ, въ воздухѣ стояла мгла. Колонна Дерфельдена, покинувши Даціо, разошлась въ разныя стороны. Князь Багратіонъ взялъ вправо и сталъ взбираться на кручи; Швейковскій и Форстеръ лѣзли съ фронта; французы подымались, забирая все выше и выше. Ихъ позиція на Сенъ-Готардѣ казалась неприступной: прямо передъ носомъ торчали отвѣсныя скалы. Русскіе отважно двинулись вверхъ; пули низали ихъ на выборъ, укладывали десятками; первая атака была отбита, повели вторую. Не смотря на присутствіе Суворова и Великаго Князя, одушевлявшихъ солдатъ, они не могли сдѣлать того, что̀ было выше силъ человѣческихъ; уже 1,200 труповъ лежали распростертые передъ облитыми кровью утесами, а позиція никакъ не дается. Суворовъ начинаетъ бояться за войска Багратіона: не показываются! А они тѣмъ временемъ карабкаются съ утеса на утесъ, безъ всякихъ тропинокъ, на глазъ; солдаты упираются штыками, тащатъ другъ дружку, становятся на плечи, проливаютъ пота много, а подвигаются на пядь. Суворовъ ничего этого не знаетъ. Въ 4 часа онъ повелъ третью атаку съ фронта. Въ эту самую минуту, на правой сторонѣ, на снѣжной вершинѣ, показались богатыри Багратіона. Французы, какъ только ихъ завидѣли, поспѣшно отошли: Сенъ-Готардъ остался въ нашихъ рукахъ.

На вершинѣ горы Суворова встрѣтилъ престарѣлый настоятель монастыря, пріютившагося здѣсь съ давнихъ лѣтъ для поданія помощи погибающимъ въ горахъ. Фельдмаршалъ просилъ прежде всего отслужить благодарственный молебенъ. Стоя на колѣняхъ, горячо молился Александръ Васильевичъ о дарованіи побѣды заброшеннымъ русскимъ войскамъ, его любимому дѣтищу. За трапезой, состоявшей изъ варенаго картофеля и гороха, Суворовъ былъ очень оживленъ, много говорилъ съ монахами, похваляя ихъ христіанскій подвигъ; онъ очаровалъ этихъ смиренныхъ пустынниковъ своимъ умомъ, ласковою рѣчью, добротою души. Въ

это время войска собрались, поотдохнули и стали спускаться съ горы. Между тѣмъ, къ французамъ подошли подкрѣпленія, прибылъ начальникъ дивизіи Лекурбъ, и едва успѣлъ приготовить войска къ защитѣ деревни Госпиталь, какъ узналъ, что его тылу угрожаютъ русскіе. Это былъ корпусъ Розенберга.

Въ день атаки Сенъ-Готарда Розенбергъ вышелъ изъ дер. Таveча, имѣя въ авангардѣ Милорадовича. Два французскихъ батальона, занимавшіе гору Криспальтъ, были сбиты дружнымъ натискомъ нашихъ колоннъ и спустились въ безпорядкѣ къ дер. Урзернъ, позади дер. Госпиталь. Лекурбъ, поднимаясь на Сенъ-Готардъ, оставилъ здѣсь про всякій случай резервъ; французы стали готовиться къ встрѣчѣ. Наши войска успѣли, между тѣмъ, до наступленія ночи собраться на вершинѣ горы. Густыя облака заволокли всю долину; бывшіе наверху не видѣли ни французовъ, ни деревни. Тихо стала спускаться внизъ цѣпь егерей; за нею подвигались наугадъ колонны. По сигналу боевая линія дала залпъ и бросилась въ штыки на невидимаго противника. Французы были озадачены, но не испуганы: они пытались защищаться. Однако ихъ живо смяли спереди, охватили съ фланговъ и заставили разбѣжаться; часть непріятеля скрылась въ долину, а другая поднялась къ Лекурбу. Отъ нихъ-то онъ и узналъ о появленіи у себя въ тылу русскихъ. Этотъ смѣлый генералъ собралъ остатки своего войска и, побросавши артиллерію въ Рейсу, полѣзъ на скалистыя, неприступныя горы влѣво отъ Рейсы. Какъ дикія кошки карабкались въ непроглядной темнотѣ французскіе солдаты; они перевалили черезъ гребень, высотой въ $2^1/_2$ версты, и опять стали на пути Суворова, у дер. Гешененъ. А войска Суворова и Розенберга ночевали на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ ихъ застала ночь, не подозрѣвая, что они такъ близко одно отъ другого. Суворовъ принялъ наши бивачные огни за французскіе, тогда какъ ихъ давно не было. Только утромъ оба корпуса сошлись и дальше двинулись вмѣстѣ долиной Рейсы. За версту отъ дер. Урзернъ дорога врѣзается въ скалу, въ которой пробитъ ходъ шаговъ 80 длины, 4 ширины; дальше дорога лѣпится по карнизу

скалы и круто поворачиваетъ на мостъ, извѣстный подъ названіемъ «Чертова моста». Онъ виситъ надъ пропастью саженъ на 10 или на 11; внизу бѣшено рвется рѣка, клубится, пѣнится, перепадая съ утеса на утесъ. За мостомъ дорога опять сворачиваетъ вправо, переходитъ нѣсколько разъ съ одного берега на другой и только у дер. Гешенень выходитъ на свѣтъ Божій изъ этой дикой, мрачной трещины. Впереди шелъ Милорадовичъ. Какъ только голова колонны вступила въ подземелье, спереди раздались выстрѣлы— ружейные и пушечные. Колонна остановилась. Полковникъ Трубниковъ, съ тремя сотнями охотниковъ, сталъ взбираться вверхъ, въ обходъ справа, а маіоръ Тревогинъ, съ двумя стами егерей, спустился въ самое ущелье Рейсы, перебрался черезъ бурный потокъ по поясъ въ водѣ и началъ карабкаться на горныя выси лѣваго берега. Трубниковъ раньше показался надъ головами французовъ. Они испугались, бросили въ Рейсу свою пушченку, но въ это самое время ихъ товарищи, бывшіе по ту сторону моста, кинулись разбирать каменную кладку, на самомъ спускѣ. Такимъ образомъ французы, защищавшіе подземелье, были отрѣзаны. Маіоръ Мансуровъ ворвался въ подземелье: однихъ сбросилъ штыками въ Рейсу, другіе сами туда кидались съ утесовъ, никто не спасся. Однако мостъ оказался настолько разрушенъ, что перейти по немъ не было возможности; кромѣ того, французскіе стрѣлки, разсыпавшись по берегу, били изъ-за каждаго камня. Наши тоже разсыпались по скаламъ, на берегу; началась живая перестрѣлка, всѣ ребра горъ затянулись дымкой. Но вотъ съ высотъ того берега началъ спускаться съ егерями Тревогинъ. Французы, завидя его, тотчасъ отступили. Сейчасъ же наши принялись за мостъ: натаскали бревенъ отъ бывшей по близости постройки; офицеры перевязали ихъ своими длинными шарфами, и первые же перешли по зыбкой перекладинѣ, перекинутой черезъ бездну. Маіоръ Мещерскій, шедшій впереди всѣхъ, получилъ смертельную рану, а казакъ, который слѣдовалъ за нимъ, сорвался внизъ головою. Дальше переправа шла уже безостановочно, войска потянулись узкой лентой вправо, встрѣчая по дорогѣ трупы французовъ, уби-

тыхъ егерями Тревогина. Французы отступили къ Альторфу, гдѣ, впрочемъ, не оказали большого сопротивленія. На этомъ пути къ русской колоннѣ присоединился австрійскій отрядъ, силою въ 2 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Ауфенберга.

Къ удивленію Суворова и всѣхъ русскихъ, у Люцернскаго озера дорога прекращалась: высокія отвѣсныя горы стояли поперекъ пути, преграждая прямое сообщеніе со Швицомъ; озеро находилось въ рукахъ французовъ. Суворовъ, что называется, былъ припертъ къ стѣнѣ — ни впередъ, ни назадъ. Хотя Лекурбъ имѣлъ всего около 6 тыс., но онъ, конечно, не дастъ спокойно отступить къ Сенъ-Готарду, да и вся эта дорога была теперь занята растянувшимися войсками. Вотъ въ какомъ положеніи очутились русскіе, благодаря тому, что довѣрились австрійцамъ: назначая прямое движеніе къ Швицу, они не знали, что берегомъ озера нѣтъ никакой дороги. Оставалось идти безъ дорогъ. Съ правой стороны въ долину Рейсы открывается мрачное Шахенское ущелье, съ тропинкой къ верховьямъ р. Линты; были, правда, еще изъ этого же ущелья двѣ тропинки на снѣговой Ростокскій хребетъ съ переваломъ въ Муттенскую долину, но по этимъ тропинкамъ могли взбираться лишь смѣлые альпійскіе охотники, привыкшіе съ дѣтства карабкаться по ледникамъ. Суворовъ выбралъ именно этотъ путь, какъ болѣе прямой и короткій: онъ разсчитывалъ, что раньше прибудетъ въ Швицъ, подастъ помощь Корсакову и оставленнымъ союзникамъ. Такъ могъ поступить полководецъ, не только вѣрный данному слову, но смѣлый, рѣшительный, увѣренный въ своихъ войскахъ.

Въ 5 час. утра, 16 сентября, тронулся Багратіонъ, за нимъ — Дерфельденъ, потомъ австрійцы; въ арьергардѣ Розенбергъ. Съ первыхъ же шаговъ дали себя знать альпійскія горы: дикія, сумрачныя, скалистыя. Солдаты шли больше гуськомъ, то скользя по голымъ камнямъ или глинѣ, то погружаясь въ рыхлый снѣгъ. По временамъ голыя ноги измѣняли; солдатъ цѣплялся руками, карабкался на четверенькахъ, и хорошо если подвигался хоть малость впередъ; мало-мальски зазѣвался — онъ летѣлъ внизъ,

сбивая заднихъ товарищей. А дождь льетъ своимъ чередомъ; вѣтеръ рветъ и мечетъ, пронизывая до костей продрогшихъ солдатъ. Доберутся они, бывало, до площадки, остановятся отдохнуть, но какой это отдыхъ? — Ни обогрѣться, ни обсушиться, — ндти куда лучше. Шинелишки истрепались, сапоги безъ подошвъ, ноги почти у всѣхъ голыя! Французамъ куда было лучше: каждый солдатъ имѣлъ башмаки съ гвоздями, а нашимъ никто ихъ не припасъ. И провизія давно была истрачена; у рѣдкаго оставался запасецъ муки или картофеля, да и лепешку-то испечь негдѣ. Офицеры терпѣли больше, чѣмъ солдаты, потому что солдатъ все-таки запасливѣе. Милорадовичъ съѣлъ на привалѣ у одного солдата пригорѣлую лепешку, поблагодарилъ и прислалъ ему кусокъ сыру; а сыръ наши солдаты не взлюбили, называя его «гнилью». Все капральство сложилось по сухарику, прибавили еще кусочекъ сухого бульона и отнесли въ узелкѣ генералу. Онъ не побрезговалъ, взялъ. — Все-таки и на альпійскихъ утесахъ русскій солдатъ оставался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ на равнинахъ Польши или въ знойной турецкой степи. Какъ только стихалъ дождь и становилось полегче, солдаты ободрялись; затягивалась залихватская пѣсня, гудѣли сопѣлки, играли рожки. Великій Князь сдѣлалъ съ авангардомъ цѣлый переходъ пѣшкомъ; Суворовъ то шелъ пѣшкомъ, то садился на свою лошадку, постоянно оставаясь на виду у солдатъ. Случилось ему остановиться возлѣ одной кучки, ужъ больно измученной труднымъ подъемомъ. Суворовъ самъ затянулъ: «Что съ дѣ-ѣ-ѣ-вушкой сталось, что съ кра-а-сною случилось?» — Раздался дружный хохотъ, солдаты повеселѣли и пошли, напирая молодецкою грудью. Черезъ 12 часовъ такого подъема авангардъ сталъ спускаться къ дер. Муттенъ. Короткій путь обошелся дороже длиннаго: онъ былъ весь усѣянъ трупами муловъ и казацкихъ лошадей; но солдаты, благодаря Бога, почти всѣ уцѣлѣли. Этотъ безпримѣрный походъ поразилъ даже смѣлаго Лекурба: онъ два раза атаковалъ арьергардъ Розенберга и потомъ оставилъ его въ покоѣ; весь вьючный обозъ, подъ прикрытіемъ казаковъ, успѣлъ безъ помѣхи втянуться въ Шахенское ущелье и подняться на хребетъ. Вскорѣ

по прибытіи въ Муттенскую долину Суворовъ получилъ страшныя вѣсти: Римскій-Корсаковъ и австрійцы разбиты на голову подъ Цюрихомъ, сильный французскій корпусъ занимаетъ вправо г. Гларисъ, Массена стягиваетъ войска къ Швицу! Это значило, что русская армія окружена, надежды на помощь—никакой.

Дѣйствія Массены были искусны и сохранялись въ глубокой

Суворовъ пропускаетъ мимо себя войска.

тайнѣ. Имѣя подъ рукой 40 тыс., онъ переправилъ одну дивизію за Лиматъ, разрѣзалъ наши войска и приперъ ихъ къ Цюриху. Страшная рѣзня на улицахъ Цюриха закончила двухдневное кровавое побоище; солдаты спасались въ одиночку, а весь обозъ, парки, казна, канцелярія, 9 знаменъ, 26 орудій съ зарядными ящиками достались непріятелю. Остатки корпуса отступили къ Рейну. Въ то же самое время французы разбили возлѣ Гларис

австрійскій отрядъ Готце, о которомъ уже было упомянуто; два прочіе въ страхѣ ушли сами. Массена зналъ цѣну времени: тотчасъ послѣ пораженія Корсакова спустился Люцернскимъ озеромъ къ Альторфу и, узнавши, что Суворовъ уже прошелъ, вернулся опять назадъ, чтобы приготовить ему встрѣчу въ Швицѣ и такимъ образомъ уловить всю нашу армію въ западню. Массена былъ увѣренъ, что Великій Князь и фельдмаршалъ будутъ у него въ плѣну. Какое сопротивленіе могла оказать ему босая, оборванная и изнуренная армія, безъ полевой артиллеріи и безъ патроновъ?..

Фельдмаршалъ собралъ военный совѣтъ. Въ бѣдную швейцарскую хижину вошли 10 генераловъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. Суворовъ, бѣгавшій по компаткѣ, остановился, окинулъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ и началъ говорить, торжественно, съ одушевленіемъ: «Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Рейнъ! Готце пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ! Прочіе ушли! Весь планъ нашъ разстроенъ. Какъ нѣкогда армія Петра Великаго заведена была измѣной къ берегамъ Прута, такъ и теперь мы, среди горъ, окружены сильнымъ непріятелемъ. Что предпринять намъ? Идти назадъ — постыдно: никогда еще не отступалъ я. Идти впередъ къ Швицу — невозможно: у Массены свыше 60-ти тысячъ, а у насъ нѣтъ и 20. Къ тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ артиллеріи... Помощи намъ ждать не отъ кого... Мы на краю гибели!» Сказавши эти тяжкія слова, старый фельдмаршалъ былъ убитъ горемъ; его душа страдала невыносимо. Онъ продолжалъ: «Теперь одна остается надежда на Всемогущаго Бога, да на храбрость и самоотверженіе моихъ войскъ. Мы—русскіе! Съ нами Богъ!»—Встрепенулись всѣ присутствующіе. «Спасите честь Россіи! Спасите сына нашего Императора!» Съ этими словами 70-ти-лѣтній фельдмаршалъ бросился къ ногамъ Великаго Кпязя и залился слезами. Константинъ Павловичъ въ смущеніи поднялъ Суворова, обнималъ его, цѣловалъ и, самъ рыдая, не могъ сказать ни слова. И всѣ присутствующіе были потрясены до глубины души: испытанной храбрости полководецъ, съ закаленной какъ желѣзо волей, плакалъ

какъ дитя! — Дерфельденъ первый пришелъ въ себя и заговорилъ отъ имени прочихъ. Онъ ручался за неизмѣнную храбрость и безропотную покорность всего войска: оно пойдетъ, куда бы ни повелъ его великій полководецъ. Солдаты и офицеры не посрамятъ русскаго оружія; если не одолѣютъ врага силой, то лягутъ всѣ до единаго, со славой. — Раздался общій кликъ: «Не посрамятъ! Клянемся: всѣ умремъ!» Слова Дерфельдена, горячій дружный откликъ генераловъ были истиннымъ наслажденіемъ для измученной великой души Суворова. Онъ оживился, глаза его снова заблистали: «Да, мы — русскіе: съ помощью Божьей мы все одолѣемъ!» — Послѣ этого начались совѣщанія, на которыхъ принятъ совѣтъ Великаго Князя, пробиваться къ Гларису.

Въ тотъ же день выступили въ авангардѣ австрійцы подъ начальствомъ Ауфенберга; на другой день остальныя войска; Розенбергъ получилъ приказаніе отбиваться, пока не спустятся съ горъ всѣ наши вьюки. Австрійцы благополучно перевалили черезъ гору Брагель; но когда спустились въ долину Клеталь, тутъ насѣли на нихъ французы, такъ что Ауфенбергъ хотѣлъ уже сдаваться. Его выручилъ Багратіонъ. Не смотря на усталость, русскія войска сейчасъ же перешли въ наступленіе. Велико было изумленіе французовъ, когда они услышали на обоихъ флангахъ дружное «ура!» и увидѣли блеснувшіе русскіе штыки. Генералъ Молиторъ отвелъ ихъ назадъ и засѣлъ за каменной церковной оградой; справа защищалъ французовъ высокій гребень горы, слѣва — озеро: позиція довольно сильная; и безъ того узенькій путь спереди наполовину преграждался выступомъ скалы. Нѣсколько разъ бросался Багратіонъ въ атаку — безуспѣшно. Спускалась ночь; войска были утомлены до крайности; нападеніе отложили до утра. Въ это время подошла дивизія Швейковскаго. Потихоньку, крадучись, нѣсколько баталіоновъ вскарабкались въ темнотѣ наверхъ и стали на спускѣ; храбрый полковникъ Цукато съ пѣхотой и двумя сотнями пѣшихъ казаковъ забрался еще дальше, занявши утесы въ головахъ французовъ. Въ такомъ угрожающемъ положеніи обѣ стороны ожидали разсвѣта.

Незавиденъ былъ ночлегъ. Крупныя капли холоднаго дождя падали въ перемежку съ хлопьями снѣга; туманъ, точно пелена, все застилалъ передъ глазами, знобило; нестерпимый голодъ мучилъ солдатъ и офицеровъ. Костровъ не разводили; всю ночь никто не спалъ, а при малѣйшемъ шорохѣ французы осыпали градомъ пуль. Князь Багратіонъ сидѣлъ прижавшись къ скалѣ: его мучила рана; кругомъ стояли солдаты: «Подождите только, немного подождите! Скажу: впередъ! и дружно ударимъ! Пардона нѣтъ».—«Слушаемъ, ваше сіятельство! Охъ, какъ бы поскорѣе!» — Въ это время раздался чей-то голосъ: «Гдѣ князь Петръ? Гдѣ князь Петръ?»— Это былъ фельдмаршалъ въ своей худенькой шинелькѣ, обмокшій, прозябшій.—«Ради Бога, тише, ваша свѣтлость!» сказалъ Багратіонъ и потащилъ его къ скалѣ.—«Князь Петръ! я хочу непремѣнно ночевать въ Гларисѣ! И мнѣ, и имъ холодно и голодно. Петръ, непремѣнно хочу ночевать въ Гларисѣ!»—«Мы скоро будемъ тамъ, ваша свѣтлость», отвѣчалъ Багратіонъ, «Ломоносовъ съ гренадерами обойдетъ сзади, и какъ только дастъ залпъ, Дендригинъ ударитъ съ гребня, а мы спереди. Головой ручаюсь, будете ночевать въ Гларисѣ!»—«Спасибо, князь Петръ! Спасибо! Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!» И пошелъ тихо отецъ Александръ Васильевичъ ночевать въ овчій хлѣвъ, гдѣ ждалъ его Великій Князь.

Незадолго до разсвѣта Молиторъ послалъ въ гору сильный отрядъ, но гора была уже въ нашихъ рукахъ. Тогда французы дали по всей линіи залпъ, и русскіе, не смотря на темноту, бросились впередъ, сбили противника и гнали его верстъ шесть, не давая опомниться. Французы потеряли 3 пушки, 2 знамени и 400 плѣнныхъ. Багратіонъ остановился въ д. Нетсталь, удерживая натискъ французовъ, получившихъ подкрѣпленіе; въ это время фельдмаршалъ отвелъ остальныя войска въ Гларисъ, уже очищенный непріятелемъ.

Пока здѣсь половина русской арміи пробивала себѣ дорогу, другая ея часть, подъ начальствомъ Розенберга, защищала тылъ передъ грозными силами Массены. Розенбергъ имѣлъ всего 4 тыс., считая пѣшихъ казаковъ; три полка арьергарда еще не

успѣли спуститься съ Ростокскаго хребта, такъ какъ наши вьюки продолжали тянуться по горной тропѣ. 19-го числа, въ 2 часа дня, показались французскія колонны, имѣя впереди густыя цѣпи застрѣльщиковъ. Наши отбили атаку, прогнавши ихъ до самаго Швица. Но это была только рекогносцировка; Массена хотѣлъ узнать силы русскихъ. Рѣшительный ударъ онъ готовилъ на-завтра. Къ вечеру подтянулись вьюки, спустился арьергардъ, такъ что у Розенберга собралось тысячъ до семи; Массена имѣлъ въ это время уже около 10 тыс. Часовъ 11 утра три французскихъ колонны двинулись обоими берегами горной рѣчонки; по скатамъ горъ наступали застрѣльщики. Нашъ авангардъ сталъ отходить; храбрецы кидались изъ цѣпи, осаживая французскихъ стрѣлковъ. Между тѣмъ Розенбергъ выдвинулъ свои главныя силы, построилъ поперекъ долины въ двѣ линіи и въ такомъ порядкѣ ожидалъ французовъ. Когда нашъ авангардъ раздался по обѣ стороны, французы очутились передъ грознымъ неподвижнымъ строемъ. Ихъ пѣхота начала развертываться въ линіи, артиллерія открыла пальбу; забили барабаны, заиграла музыка — французы повели атаку. Наши подпустили на ружейный выстрѣлъ, дали залпъ и разомъ, съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Одно время французы были ошеломлены, мѣстами открыли бѣглый огонь, но это колебаніе продолжалось недолго: дрогнулъ ихъ центръ, повернулъ спину, и началось бѣгство, безтолковое, поспѣшное. Русскіе батальоны рвались впередъ, опережали другъ друга, поражая французовъ въ спины. Пять орудій было захвачено по пути, два орудія у выхода изъ ущелья, и эти орудія, повернутыя хоботами, били теперь своихъ же частыми залпами. Французы могли устроиться только позади Швица, за 8 верстъ. Побѣда была полная, блестящая. Этою побѣдою Розенбергъ спасъ русскія войска—и свои, и тѣ, что сражались передъ Гларисомъ. Всю ночь шла уборка раненыхъ, погребеніе убитыхъ; непріятельскія орудія и фуры были зарыты въ землю. Въ сумкахъ убитыхъ французовъ наши солдаты находили водку, вино, хлѣбъ, сухари, а недалеко отъ Швица казаки нашарили въ лѣсу нѣсколько мѣшковъ съ рисомъ, ящики съ

сыромъ, колбасою и виномъ. Эта счастливая находка позволила нашимъ разговѣться: въ авангардѣ сварили супъ и похлебали горяченькаго. Розенбергъ послалъ приказаніе въ Швицъ заготовить продовольствіе на 12 тыс. войска, а самъ съ ранняго утра началъ подыматься на гору Брагель, по слѣдамъ Суворова. Массена, прождавши цѣлый день, только вечеромъ узналъ, что въ Муттенѣ остались лишь раненые; Розенбергъ былъ уже далеко.

Въ то время, когда наши генералы обходили фронтъ безъ обуви, уже нельзя было думать о повыхъ побѣдахъ. Съ тоскою въ сердцѣ Суворовъ рѣшился для спасенія арміи отступить на Рейнъ. Только великая нужда могла заставить его позабыть о своихъ союзникахъ, хотя они сами позорно бросили русскія войска. Ночью съ 23 на 24-е сентября русскія войска выступили къ г. Иланцу. Поперекъ пути пролегалъ высокій горный хребетъ. Еще не успѣлъ вьючный обозъ втянуться въ тѣснину, замыкавшую долину р. Линты, какъ французы начали преслѣдованіе. Но въ арьергардѣ шелъ князь Петръ. Нашъ маленькій отрядъ, совсѣмъ безъ артиллеріи, сберегая каждый патронъ, то кидался въ штыки, то стоялъ неподвижно, выжидая противника на близкій ружейный выстрѣлъ. Солдаты дрались отчаянно; они забывали, что отступаютъ, и часто зарывались далеко впередъ, больше, чѣмъ слѣдовало. За время боя въ арьергардѣ, главныя силы успѣли уйти къ Эльму, верстъ за 20, и здѣсь расположились на ночлегъ; авангардъ Милорадовича продолжалъ идти дальше, открывая путь черезъ снѣговой хребетъ. У Эльма наши всю ночь ждали нападенія: французы были наверху, на утесистыхъ горахъ; а русскіе стояли поперекъ долины, занимая оба берега рѣки. Солдаты отдыхали поочереди, если можно назвать отдыхомъ такое время, когда ждешь непріятеля каждую минуту. Снѣгъ падалъ густыми хлопьями, вѣтеръ рѣзалъ лицо, рвалъ лохмотья. Послѣ полуночи войска снялись и верстъ за 5 отъ Эльма полѣзли въ гору. Одна узенькая дорожка, пролегавшая по косогору, мѣстами приближалась къ отвѣсной кручѣ, мѣстами спускалась въ промоины. Въ началѣ подъема наши вязли по колѣно въ грязи, но чѣмъ выше подыма-

лись, тѣмъ больше погружались въ снѣжные сугробы. Вьюга заносила свѣжій слѣдъ; каждый человѣкъ прокладывалъ себѣ свою тропу и чуть отступался — летѣлъ въ бездну. Съ высоты горъ слышались глухіе раскаты грома; сквозь густой туманъ блистала молнія; огромные камни, срываемые бурей, катились съ грохотомъ внизъ, грозя встрѣчнымъ смертью. Никакими словами нельзя описать того, что̀ вынесли наши генералы, офицеры и солдаты—босые, изнуренные голодомъ, тяжкими трудами и душевными муками. Орудія побросали въ бездны; болѣе 300 вьюковъ погибло. Въ то время, когда Милорадовичъ успѣлъ перевалить черезъ вершину, остальныя войска только подбирались къ ней. Солдаты выбились изъ силъ: кто падалъ прямо въ снѣгъ, кто садился на камнѣ, иные забились подъ скалы,—гдѣ кто падалъ, тамъ и оставался, пока не разсвѣло. Къ несчастью захолодало. Морозъ крѣпчалъ больше и больше: многіе отморозили себѣ ноги, руки; многіе уснули вѣчнымъ сномъ, наканунѣ спасенія. На другой день вечеромъ, послѣ тяжелаго спуска, на которомъ покалѣчились оставшіеся мулы, русскія войска достигли Иланца, на берегу Рейна. Тутъ они обогрѣлись, отдохнули и перешли въ городокъ Куръ, гдѣ ужъ нашли во всемъ изобиліе. Скоро были забыты тягости похода! Мгновенно русскій лагерь оживился; пришлось чинить обувь, «справлять» амуницію, чистить заржавѣвшія ружья; отдохнувшіе солдаты шутили надъ минувшемъ горемъ и распѣвали удалыя солдатскія пѣсни.

Таковъ былъ конецъ швейцарскаго похода. Онъ прославилъ русское войско больше, чѣмъ самая блестящая побѣда. Заброшенная въ глубь Альпъ, наша маленькая армія 16 дней боролась съ непогодой, дикими, неприступными горами и дралась вездѣ, гдѣ только встрѣчала непріятеля. Смѣло проходили наши солдаты съ артиллеріей и вьюками тамъ, гдѣ ступала нога только привычнаго охотника. По нѣскольку дней они оставались безъ провіанта и братски дѣлились съ офицерами тѣми крохами, которыя находили въ ранцахъ убитыхъ французовъ. А сколько разъ, дрожа отъ стужи, перебирались въ-бродъ черезъ быстрые горные потоки!

Промоченные до костей, они были застигаемы снѣгомъ или вьюгой; мокрая одежда покрывалась ледяной корой, и при всемъ томъ— ни малѣйшаго ропота, ни единой жалобы! Правда, ругали непогоду, ругали французовъ, а пуще всего австрійцевъ, но унынія, безнадежнаго отчаянія—никто не видалъ. Доставалось и Суворову. Разъ на походѣ, взбираясь на кручу, солдаты кричали: «Старикъ нашъ выжилъ изъ ума; Богъ вѣсть, куда завелъ насъ!»... Фельдмаршалъ, ѣхавшій недалеко, услышалъ это и, оберпувшись къ своей свитѣ, громко сказалъ: «Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ: такъ точно они хвалили въ Туречинѣ и Польшѣ!»—Солдаты разсмѣялись, готовые въ эту минуту броситься за отца-Суворова хоть съ этой самой кручи.

Спасеніе русскихъ войскъ Государь Императоръ поставилъ Суворову въ величайшую заслугу, почему пожаловалъ ему званіе генералисимуса и повелѣлъ воздвигнуть въ честь его памятникъ; Великій Князь Константинъ Павловичъ получилъ титулъ Цесаревича, а всѣ прочіе участники — щедрое воздаяніе за свои труды и доблести.

БОРОДИНСКАЯ БИТВА.

Императоръ Александръ, подобно своему родителю, продолжалъ войну съ французами, которые подъ знаменами одного изъ талантливѣйшихъ генераловъ, принявшаго титулъ императора, выступили на завоеваніе всей Европы. Наполеонъ и Александръ первый разъ встрѣтились въ Моравіи, на поляхъ Аустерлица, куда русскія войска явились на помощь австрійцамъ. Объ этой встрѣчѣ и пораженіи нашихъ войскъ разсказано въ другомъ мѣстѣ. Въ слѣдующемъ году великодушный Государь послалъ свои войска на помощь Пруссіи; но прежде чѣмъ они стянулись къ границѣ, пруссаки потерпѣли въ одинъ и тотъ же день, въ разныхъ мѣстахъ, два пораженія. Вся тяжесть войны, какъ и въ былые годы, пришлась на долю русскихъ, и хотя русскіе вышли съ честью изъ нея, но Государь, видя безсиліе своего союзника, заключилъ съ французами миръ, довольно для себя тягостный. Своимъ недавнимъ врагамъ онъ обязался оказывать военную помощь и, кромѣ того, прервать торговыя сношенія съ англичанами, которые до сихъ поръ считались

нашими союзниками. Не прошло и трехъ лѣтъ со времени заключенія этого мира, какъ обѣ стороны стали готовиться къ войнѣ. Наполеонъ не могъ выносить могущества Россіи; во всей Европѣ лишь одинъ русскій Императоръ отстаивалъ достоинство своей власти, оберегалъ интересы своего народа. Всѣ же прочіе монархи должны были думать и поступать такъ, какъ требовалъ Наполеонъ. Народы Европы жили не для себя, а для того, чтобы исполнять его причудливыя затѣи. Мечтая о созданіи всемірной монархіи, Наполеонъ разсчитывалъ черезъ покореніе Россіи приблизиться къ Индіи, откуда онъ могъ всего вѣрнѣе угрожать Англіи, этой до сихъ поръ неуязвимой его соперницѣ. Нашлись и другія причины къ войнѣ.

Въ началѣ 1812-го года было собрано противъ нашей границы 608 тыс. войска, именно: 604 батальона пѣхоты, 530 эскадроновъ кавалеріи, 1240 полевыхъ и 130 осадныхъ орудій. Для подвоза продовольствія потребовалось около 6 тыс. повозокъ; для переправъ черезъ рѣки везли готовые мосты, множество канатовъ, якорей. Никогда еще Европа не видѣла такихъ обширныхъ приготовленій, такъ хорошо обдуманныхъ и искусно исполненныхъ; ни одинъ завоеватель не располагалъ до сихъ поръ такими обширными средствами, какъ Наполеонъ, которому были открыты всѣ арсеналы, порты, казначейства и для котораго готовили вспомогательныя войска португальцы, итальянцы, нѣмцы, поляки, датчане, швейцарцы — почти всѣ народы Европы. Въ половинѣ мая Наполеонъ пріѣхалъ въ Дрезденъ. Сюда явились по его приглашенію императоръ австрійскій, король прусскій и другія владѣтельныя особы. Среди блестящаго двора, окруженный покорными ему монархами, Наполеонъ чувствовалъ себя могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Онъ былъ увѣренъ, что сокрушитъ Россію. «Я иду въ Москву, говорилъ онъ, и въ одно-два сраженья все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колѣняхъ просить у меня мира». Почти всѣ окружавшіе Наполеона думали такъ же, какъ онъ. Генералы и офицеры добивались какъ особой милости, чтобы ихъ назначили въ «Великую армію»; солдаты одинаково

съ ними мечтали о славѣ, о богатой добычѣ, которую сулила имъ предстоящая кампанія: короткая, побѣдоносная.

По окончаніи праздненствъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена и въ половинѣ іюня былъ уже на берегахъ Нѣмана. Здѣсь его ожидали, кромѣ гвардіи и резервной кавалеріи, 450 тыс., или 8 корпусовъ, предназначенныхъ дѣйствовать по главному направленію, къ Москвѣ; особый корпусъ Макдональда долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ Великой арміи, а австрійскій корпусъ Шварценберга—ея правый флангъ. Передовые непріятельскіе разъѣзды стояли въ разныхъ мѣстахъ по лѣвому берегу Нѣмана. Къ одному изъ этихъ разъѣздовъ подъѣхала карета, изъ которой вышелъ Наполеонъ. Это былъ сорока-двухлѣтній человѣкъ, довольно полный, широкоплечій; глаза — живые, свѣтлые; отмѣтная прядь волосъ прикрывала его широкій лобъ. Онъ носилъ обыкновенно синій съ отворотами мундиръ, поверхъ бѣлаго жилета, бѣлые лосинные штаны и высокіе по колѣни сапоги; на головѣ трехугольную шляпу, а сверхъ мундира — сѣрый сюртукъ. Переодѣвшись въ платье польскаго офицера, Наполеонъ сѣлъ верхомъ и, окруженный большой свитой, проѣхалъ вдоль берега, осматривая въ подзорную трубу окрестности Ковно. Возвратился онъ веселый, напѣвая старинную пѣсенку. Вечеромъ было приказано навести три моста между Ковно и мѣстечкомъ Понѣмуни; огней не разводить, войскамъ соблюдать величайшую тишину. Послѣ полуночи, на 12-е іюня, построенные на лодкахъ мосты заколыхались подъ тяжестью конницы, артиллеріи и колоннъ пѣхоты. На другомъ берегу все было тихо, никакихъ слѣдовъ присутствія русскихъ. Наполеонъ проскакалъ верстъ шесть по сыпучему песку, среди еловаго лѣса, не встрѣтивъ ни души. Утромъ французы заняли Ковно. — Такъ, безъ объявленія войны, императоръ французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи.

Противъ громадныхъ силъ Наполеона она могла выставить лишь 200 тыс. и то раздѣленныхъ между собой значительнымъ разстояніемъ вдоль западной границы. Первая армія, силою въ 120 тыс., подъ начальствомъ военнаго министра Барклая, защищала линію

р. Нѣмана. Вторая армія, силою въ 40 тыс., подъ начальствомъ Багратіона, расположенная между Нѣманомъ и Бугомъ, предназначалась для дѣйствія во флангъ непріятелю. Третья армія, около 46 тыс., получила назначеніе защищать Волынь, на случай появленія большихъ непріятельскихъ силъ изъ Галиціи. Общаго вождя надъ русскими войсками не было. Нашъ военный министръ, какъ человѣкъ осторожный, разсудительный, считался наиболѣе способнымъ вести войну съ такимъ рѣшительнымъ противникомъ, какъ Наполеонъ: его быстрымъ дѣйствіямъ Барклай считалъ необходимымъ противоставить дѣйствія медленныя, т.-е. затягивать войну, утомлять противника, изводить его голодомъ, жаждою битвы, но въ то же время нападать и бить его мелкими отрядами, съ боковъ или съ тыла,—однимъ словомъ, дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовалъ сто лѣтъ тому назадъ Петръ Великій, имѣя дѣло со шведами. Главнокомандующій Второй арміей, князь Багратіонъ, «генералъ по образу и подобію Суворова», какъ человѣкъ пылкій, держался правилъ своего великаго учителя: искать непріятеля, идти ему навстрѣчу, кидаться на него первымъ. Такимъ образомъ, оба главнокомандующіе думали розно, отчего выходило часто несогласіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

Въ ту же памятную ночь Императоръ Александръ находился на балѣ, устроенномъ въ его честь въ г. Вильно, на дачѣ Бенигсена. Всѣ веселились, ничего не подозрѣвая, какъ вдругъ, вошелъ министръ полиціи и доложилъ Государю, что непріятель переправляется черезъ Нѣманъ. Незамѣтно удалившись съ бала, Государь всю ночь провелъ въ работѣ. Онъ сразу увидѣлъ, въ какомъ опасномъ положеніи находились наши разъединенныя арміи, почему прежде всего послалъ повелѣніе Барклаю отступить отъ береговъ Нѣмана и Виліи къ Двинѣ, а Багратіону спѣшить на соединеніе или черезъ Вильно, или, если уже поздно, то на Минскъ. Въ ту же ночь Государь подписалъ приказъ войскамъ: «Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ». Въ письмѣ

къ фельдмаршалу Салтыкову Государь писалъ: «Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».—Черезъ пять дней послѣ этого Наполеонъ былъ уже въ Вильно и расположился въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя занималъ Императоръ Александръ. Не желая войны, скорбя о грядущихъ бѣдствіяхъ, нашъ Государь прислалъ къ нему своего министра съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ начать мирные переговоры, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы французы отошли за Нѣманъ. Наполеонъ сказалъ на это Балашеву: «Неужели вы думаете, что я пришелъ къ вамъ только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ?»—Его первыя распоряженія заключались въ томъ, чтобы отрѣзать наши арміи, Первую отъ Второй, для чего онъ направилъ въ разрѣзъ между ними своего младшаго брата, короля Іеронима, давши ему подъ начальство 80 тысячъ. Изъ Вильно Наполеонъ выслалъ къ Двинѣ 150 тыс. подъ начальствомъ Мюрата, а Даву съ 40 тыс. послалъ на Минскъ, чтобы перехватить дорогу Багратіону. Переправившись черезъ Двину, Барклай отошелъ къ Витебску, и, не зная, что сталось съ Багратіономъ, долженъ былъ остановиться, а чтобы задержать французовъ, выдвинулъ верстъ за 20, къ Островнѣ, корпусъ Остермана. Справа и слѣва наши войска защищалъ болотистый лѣсъ. Остерманъ, будущій герой Кульма, мужественно отбивалъ всѣ атаки французовъ. Въ нѣкоторыхъ полкахъ ядра и картечь вырывали цѣлые ряды. «Что дѣлать?» спрашивали Остермана. — «Ничего не дѣлать, отвѣчалъ онъ: стоять и умирать». На другой день Остермана смѣнилъ Коновницынъ, на третій день—Паленъ. Наконецъ французы, имѣя большой перевѣсъ въ силахъ, приблизились къ главной позиціи: надо было или уходить, или принять бой. Къ счастью, пришло изъ Второй арміи извѣстіе, что она не могла пройти на Могилевъ, потому что тутъ ее предупредилъ Даву, и теперь идетъ черезъ Мстиславль на Смоленскъ. Дѣйствительно, 22 іюля обѣ арміи соединились въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, не смотря на быстроту маршей, на такомъ длинномъ

пути Наполеону не удалось не только разрѣзать наши арміи, но даже отрѣзать хотя бы малую ихъ часть. Этому помѣшало, кромѣ искусныхъ распоряженій Императора Александра, ненастье, дожди, вслѣдствіе чего повозки съ провіантомъ отстали, и французскіе солдаты должны были промышлять грабежомъ. Въ тылу арміи накопились шайки мародеровъ, что уменьшало боевыя войска на полтораста тысячъ. Разрушеніе «Великой» арміи началось не въ Москвѣ, а тотчасъ со времени ея вступленія въ границы Россіи. Впереди ожидала Наполеона народная война, самая страшная война, силу которой онъ испыталъ на другомъ концѣ Европы, въ маленькой Испаніи.

Когда уже обозначились непріятельскія силы, нашъ Государь призвалъ на борьбу съ Наполеономъ весь русскій народъ. 6-го іюля онъ подписалъ манифестъ, который заканчивался слѣдующими словами: «Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ—и никакія силы васъ не одолѣютъ». Императоръ пріѣхалъ въ Москву грустный, подавленный тяжестью заботъ. Но здѣсь, на другой же день, онъ увидѣлъ, что, какъ ни велика бѣда, народъ ее вынесетъ на своихъ плечахъ. Съ восходомъ солнца весь Кремль наполнился народомъ. Въ 9 ч. утра, при звонѣ колоколовъ, Императоръ появился на Красномъ крыльцѣ, чтобы идти въ Успенскій соборъ слушать молебствіе по случаю заключенія мира съ турками. Тысячи голосовъ загремѣли ему на-встрѣчу: «Ура! Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, нашъ отецъ!» Идя среди густой толпы народа, Царь какъ бы слился съ ней въ одну семью. Не то купецъ, не то мѣщанинъ, выкликнулся изъ толпы: «Не упывай! Видишь, сколько насъ въ одной Москвѣ, а сколько же во всей Россіи! Всѣ за тебя помремъ!» — Манифестъ объ ополченіи одушевилъ всю Россію. Вездѣ набирали и снаряжали ратниковъ. Каждый жертвовалъ, что могъ: приносили деньги, золотыя и серебряныя вещи, ружья, сабли, пистолеты, съѣстные припасы. Одна Московская губернія пожертвовала до 4-хъ мил. и въ одинъ мѣсяцъ поставила 12 полковъ ратниковъ. Ихъ одѣли въ сѣрые суконные кафтаны; на шапкахъ нашили крестъ, съ изображе-

ніемъ имени Государя и надписью: «За вѣру и царя». Вся Россія приняла близко къ сердцу защиту родной земли; она пожертвовала до 100 мил. деньгами и поставила 320 тыс. ратниковъ. Донъ вооружился отъ мала до велика *).

Для того, чтобы дать время вооружиться народу, Барклай, по соединеніи обѣихъ армій, рѣшился перейти въ наступленіе. Этого желалъ Государь, ждалъ весь русскій народъ и особенно войска. Постоянное и томительное отступленіе по пыльной дорогѣ, подъ жгучими лучами солнца, поселило въ рядахъ арміи уныніе, даже ропотъ; молча, угрюмо шагали солдаты по столбовой дорогѣ; не слышно было обычной пѣсни, веселыхъ разговоровъ. Между тѣмъ, сзади приходилось отбиваться, и тутъ больше всего доставалось казакамъ: «Нѣтъ ужъ мочи больше держаться», разсказывалъ одинъ казакъ: «такъ и садится окаянный на шею... Право, ужъ и Матвѣй Ивановичъ скоро откажется»... Рѣчь шла о Платовѣ. И такъ, 26 іюля, обѣ арміи пошли въ трехъ колоннахъ по дорогѣ къ Витебску; для обезпеченія лѣваго фланга выставили къ г. Красному дивизію Невѣровскаго. Однако Наполеонъ успѣлъ собрать свои растянутыя войска и направилъ ихъ не противъ главныхъ силъ, а противъ Невѣровскаго, въ надеждѣ занять Смоленскъ, прежде чѣмъ обѣ арміи успѣютъ туда отступить. Этимъ движеніемъ онъ угрожалъ отрѣзать ихъ отъ Москвы. Въ авангардѣ французскихъ войскъ шелъ съ 15 тыс. начальникъ всей резервной кавалеріи лихой Мюратъ, король неаполитанскій, за нимъ двигался пѣхотный корпусъ Нея. Взявши безъ труда Красный, занятый батальономъ егерей, Мюратъ обошелъ городъ съ лѣвой стороны и всею своею конницею ударилъ на Невѣровскаго. На-встрѣчу французамъ бросились наши драгуны, но были отбиты съ потерей 5 орудій. Въ самомъ началѣ боя Невѣровскій остался съ одной пѣхотой. Онъ объѣхалъ свою дивизію, напоминая солдатамъ, чему ихъ учили: «Никакая кавалерія васъ не побѣдитъ, только стрѣляйте мѣтко, не торопясь. Никто не смѣй начинать безъ моей команды!» — Войска стали отступать къ Смоленску, по большой дорогѣ, усаженной де-

*) См. „Казаки“.—„Какъ донцы постояли всѣмъ войскомъ за русскую землю“.

ревьями и окопанной канавами. Сначала они шли въ трехъ каре, потомъ въ одной густой колоннѣ. Французскіе эскадроны налетали одинъ за другимъ спереди, заскакивали сзади, но на-встрѣчу имъ раздавалась звучная команда: «то-б-овсь, пли! жжаай!» — и эскадроны разлетались врозь. «Видите, какъ легко справиться съ конницей! кричалъ Невѣровскій: благодарю! Поздравляю васъ!» — «Рады стараться! ура!» отвѣчали солдаты и, сплотясь еще болѣе, чутко слушали команду начальника. На разстояніи 12 верстъ они отбили до 40 атакъ. Наступила ночь; французы прекратили преслѣдованіе.

Когда Ней съ Мюратомъ подступили къ Смоленску, обѣ наши арміи находились еще верстъ за 30 отъ города, на Витебской дорогѣ. На защиту ветхихъ стѣнъ города первымъ явился Раевскій; его смѣнилъ потомъ Дохтуровъ. Солдаты Багратіона, можно сказать, рвались впередъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи встрѣчи съ врагомъ, и Наполеонъ, увидя за Днѣпромъ походныя колонны, пришелъ въ восхищеніе, при чемъ воскликнулъ: «Наконецъ-то русскіе въ моихъ рукахъ!» Онъ думалъ, что главнокомандующій хочетъ дать битву, но Барклай, имѣя на рукахъ единственную русскую армію и зная, что резервы не готовы, не могъ отважиться на битву; онъ рѣшилъ защищать Смоленскъ лишь до тѣхъ поръ, пока войска успѣютъ отступить дальше, къ Москвѣ.

Наканунѣ праздника Успенья, съ утра 150 тыс. французовъ стояли подъ городомъ въ ожиданіи боя. Наступилъ полдень; Наполеону дали знать, что русскіе отступаютъ. Тогда полтораста орудій открыли огонь, и 11 дивизій, съ разныхъ сторонъ, пошли на приступъ. Предмѣстья были взяты, а городъ, благодаря мужественной защитѣ, устоялъ, хотя весь былъ охваченъ огнемъ. Жители спасались въ церкви, гдѣ служили всенощную, но и церкви загорались. Наши войска, среди пожара, воплей и криковъ горожанъ, среди лопавшихся гранатъ, встрѣчали непріятеля картечью, а онъ, смѣняя колонны, неослабно наступалъ съ побѣднымъ крикомъ: «Да здравствуетъ императоръ!» — Битва продолжалась до 11 час. ночи; французы безъ пользы потеряли около 9

тыс. потому что въ ту же ночь Дохтуровъ очистилъ Смоленскъ. Вѣсть о гибели Смоленска смутила всѣхъ русскихъ людей. «Подъ Смоленскомъ, толковали въ народѣ, соединилось наше войско, и Смоленскъ сдали! Отворены ворота къ Москвѣ!»... Отступавшія войска также роптали; слышалась обычная рѣчь, что Барклай—измѣнникъ... Тяжело было главнокомандующему видѣть угрюмыя, нахмуренныя лица солдатъ, мрачно шагавшихъ по столбовой дорогѣ; еще тяжелѣе было слышать такія обидныя рѣчи, но онъ терпѣливо страдалъ, не зная, чѣмъ помочь. Онъ былъ готовъ дать битву, если бы встрѣтилась подходящая мѣстность; пока же такой не попадалось...

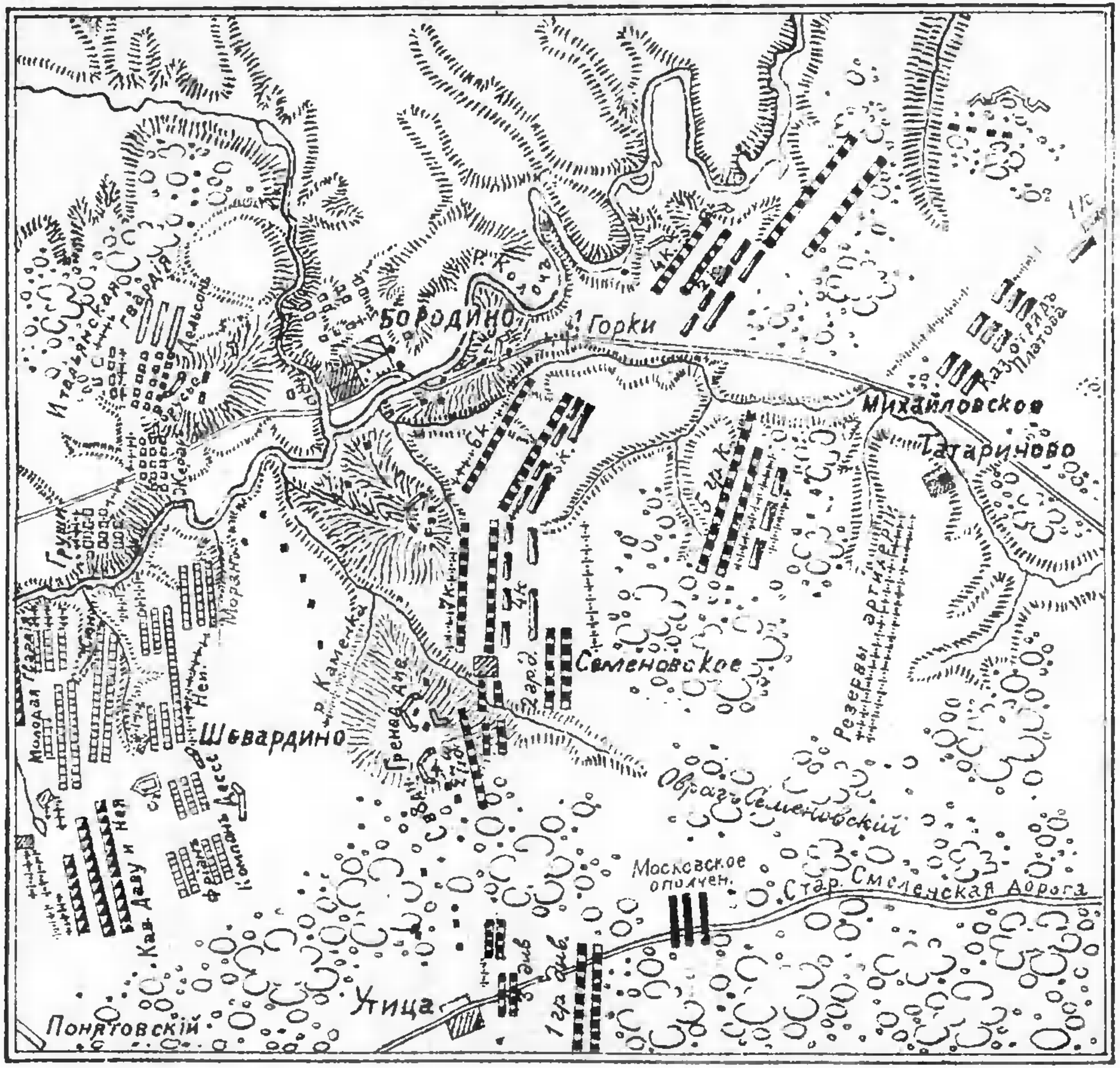
Въ с. Царево-Займище пріѣхалъ въ армію новый главнокомандующій, Кутузовъ, который 22 года тому назадъ, въ чинѣ генералъ-маіора, велъ одну изъ штурмовыхъ колоннъ на валы Измаила, и 7 лѣтъ назадъ командовалъ союзной арміей подъ Аустерлицемъ. Не смотря на свои годы, Михаилъ Илларіоновичъ былъ еще бодръ, а что главное, его знали и любили русскія войска. — «Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ», шутили солдаты. Старики, вспоминая былые походы, говорили, что недаромъ Наполеонъ обозвалъ его «старой лисицей». Одѣтый въ сюртукъ, безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ ногайкой черезъ плечо, объѣзжалъ Кутузовъ ряды повеселѣвшихъ солдатъ. Разосланные офицеры скоро ему донесли, что не доходя верстъ 10 до Можайска, за с. Бородинымъ есть позиція, выгодная для оборонительнаго боя. Главнокомандующій самъ поѣхалъ впередъ и, признавши ее подходящей, остановилъ здѣсь наши арміи.

Село Бородино лежитъ въ углу между двухъ рѣчекъ—Вонной и Калочей. Дорога къ селу спускается внизъ и за Калочей опять поднимается вверхъ черезъ д. Горки. Влѣво отъ моста — крутые обрывистые берега Калочи дѣлаютъ часть этой высоты почти неприступной. Если же подняться къ д. Горкамъ, то на правой рукѣ видна д. Семеновское, у Семеновскаго оврага; между этими двумя деревнями, поближе къ рѣкѣ, поднимается высокій курганъ, на которомъ наши вырыли укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ «кур-

ганной батареи», или «батареи Раевскаго». Еще дальше, за Семеновскимъ, поляна, поросшая тогда мелкимъ кустарникомъ, вдоль опушки большого лѣса; въ этомъ лѣсу — сел. Утица, гдѣ проходила Старая смоленская дорога, на Ельню и Можайскъ. Нашъ правый флангъ, какъ видно на приложенномъ планѣ, примкнулъ къ лѣсу между рѣками Москвой и Калочей; лѣвый флангъ оканчивался въ кустахъ у д. Утицы; фронтъ всей позиціи простирался на 7 верстъ, выступая по серединѣ угломъ. Наиболѣе важные пункты, наканунѣ прибытія французовъ, были усилены укрѣпленіями, хотя выкопанными на скорую руку и съ довольно слабой обороной. Кромѣ курганной батареи, приспособленной на 10 орудій, немного далѣе, впереди Семеновскаго, вырыли еще три укрѣпленія, или флеши, названныя по имени Багратіона, а впереди отъ нихъ, версты за двѣ, у сел. Шевардина — такъ-называемый шевардинскій редутъ, на 12 орудій, предназначенный собственно для обозрѣнія непріятельской арміи. Правое крыло и центръ позиціи заняли войска Первой арміи, а лѣвый флангъ — войска Багратіона; въ самомъ укрѣпленіи и лѣвѣе его, до д. Семеновское, сталъ корпусъ Раевскаго; Багратіоновы флеши должна была занять сводная дивизія Воронцова, за которою расположиться войскамъ Невѣровскаго. Пѣхотные полки каждаго корпуса были построены въ батальонныхъ колоннахъ, въ двѣ линіи; за ними, также въ двѣ линіи, построилась конница, имѣя позади главные резервы. Общее число нашихъ войскъ простиралось до 104 тыс., не считая ратниковъ и казаковъ. У Наполеона было больше.

24-го августа французскія войска подходили по большой дорогѣ къ с. Бородино. Егерскіе полки, разсыпанные берегомъ Калочи, встрѣтили наступающія колонны ружейными выстрѣлами во флангъ. Наполеонъ скоро замѣтилъ, что наше правое крыло совершенно недоступно и приказалъ переправить черезъ Калочу три дивизіи корпуса Даву и два кавалерійскихъ корпуса для занятія шевардинскаго редута, а корпусъ Понятовскаго послалъ вправо, по Старой смоленской дорогѣ. Подготовивши атаку мѣткимъ огнемъ 8-ми-орудійной батареи, французы въ превосходномъ числѣ пошли

Планъ сраженія при Бородинѣ 1812 г.



1, Укрѣпленія.

1.2 - Батареи передъ дер. Горки.
3 - Батарея Раевскаго, или Курганная.
4 - Шевардинскій редутъ.

2, Русскія войска.

27 д. - 27 дивизія
2 к. д. - 2-я кавал. див.
1 гр. д. - 1-я гренад. див.
2 гр. д. - 2-я —"— —"—
7 к. - 7-й корпусъ
6 к. - 6-й —"—
4 к. - 4-й —"—
3 к. - 3-й —"—
2 к. - 2-й —"—
1 к. - 1-й —"—
5 гр. к. - 5-й гренад. корп.

на редутъ, обходя справа и слѣва занимавшія его войска: 14 батальоновъ пѣхоты и 38 эскадроновъ кавалеріи. Въ 8 ч. вечера храбрый Компанъ съ полками своей дивизіи овладѣлъ редутомъ, въ то время, когда Моранъ, другой французскій генералъ, взялъ Шевардино. На смѣну 27-й дивизіи явились гренадеры, которыхъ подвелъ самъ Багратіонъ; кирасиры на лѣвомъ флангѣ, драгуны на правомъ поочередно кидались на-встрѣчу наступавшимъ колоннамъ французовъ. Спорный редутъ переходилъ изъ рукъ въ руки, хотя нельзя было утвердительно сказать, кто въ настоящую минуту его хозяинъ: темнота покрывала поле битвы, а противники точно старались наверстать потерянное время, не уступая другъ другу ни въ храбрости, ни въ стремительности. Въ 11 ч. ночи, когда поляки уже серьезно грозили лѣвому флангу, пришло отъ Кутузова приказаніе отойти на главную позицію.

Канунъ Бородинской битвы прошелъ безъ выстрѣла, какъ будто обѣ стороны безмолвно согласились собраться съ силами. Это была та зловѣщая тишина, которая обыкновенно предшествуетъ бурѣ. Французскій императоръ не сходилъ съ коня, внимательно изучая поле битвы. Онъ съѣздилъ къ вице-королю, стоявшему со своимъ корпусомъ за Калочей, передъ Бородинымъ, побывалъ у Шевардина, гдѣ должны были собраться главныя силы, посѣтилъ корпусъ Понятовскаго. Солдаты всѣхъ націй встрѣчали его обычными криками; ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался въ побѣдѣ. Взрывы веселаго хохота раздавались у огромныхъ костровъ, ярко пылавшихъ по случаю мелкаго дождя, который моросилъ съ утра. Имѣя въ виду атаковать Багратіоновы флеши, Наполеонъ призвалъ къ себѣ Компана и лично передалъ ему это лестное для него приказаніе. — Русскіе воины молча и серьезно готовились къ предстоящей битвѣ, священной, по мнѣнію каждаго. Русскій солдатъ чувствовалъ обиду, нанесенную его Государю, его отечеству этимъ дерзкимъ пришельцемъ, поправшимъ родную землю, оскорблявшимъ его вѣковую святыню. Затая въ душѣ свои чувства, онъ готовилъ на завтра кровавую месть за поруганіе храмовъ, за разореніе Руси, за посягательство на ея древнюю столицу. Вдоль

линіи войскъ, по ихъ бивакамъ, носили икону Смоленской Божіей Матери, спасенную отъ пожара усердіемъ нашихъ солдатъ. Тысячи головъ склонялись до земли, поручая себя Заступницѣ, и тихое торжественное шествіе иконы, сопровождаемое церковнымъ пѣснопѣніемъ, направлялось дальше, напоминая воинамъ близость послѣдняго часа. Наступила ночь: все смолкло—и шумные восторги, и молитвенные звуки. На пространствѣ квадратной версты было собрано 250 тыс. бойцовъ, болѣе 60 тыс. лошадей, 1,200 орудій. На этомъ клочкѣ земли готовилась разыграться одна изъ кровопролитныхъ битвъ, какую могли запомнить люди, при чемъ одна сторона сражалась изъ-за пустой амбиціи своего кумира, а другая сражалась по необходимости, защищая то, что̀ дорого каждому.

Въ 3 ч. утра французы стали разбирать оружіе и становиться въ ряды; густой туманъ скрывалъ передвиженіе колоннъ, которыя спѣшили занять свои мѣста: итальянскій корпусъ — противъ Бородина, Ней и Даву — противъ флешей; кавалер'я — у нихъ въ тылу, гвардія — въ резервѣ; поляки—вдали, на правомъ флангѣ. «Что̀ дѣлается у русскихъ?» — спросилъ первымъ дѣломъ Наполеонъ, выйдя изъ палатки. Получивши отвѣтъ, что русскіе стоятъ на мѣстѣ, онъ, видимо, остался доволенъ. «Сегодня немножко холодно, но ясно; это солнце Аустерлица!» — прибавилъ онъ, указывая на востокъ. Въ 5 ч. Наполеонъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ къ Шевардину. Всѣ на мѣстахъ; ротные и эскадронные командиры читаютъ на тотъ день приказъ: «Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она намъ нужна... Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвой!»—Въ $5^1/_2$ ч. раздался первый пушечный выстрѣлъ, нарушившій глубокую тишину; за нимъ послѣдовалъ другой, третій... потомъ они слились въ канонаду: французская батарея, придвинувшись на версту, открыла убійственный огонь изъ ста ору-

дій, поражая флеши; черезъ нѣсколько времени изъ центра начали громить курганную батарею, а на лѣвомъ флангѣ — с. Бородино. Подъ прикрытіемъ такого огня двѣ французскія дивизіи двинулись на флеши. Но только-что Компанъ вышелъ изъ лѣса и, опустивъ штыки, устремился на крайнюю флешь, какъ палъ, сраженный картечью. Его солдаты пришли въ замѣшательство. Зоркій Даву издали замѣтилъ колебаніе въ рядахъ, прискакалъ къ дивизіи, самъ сталъ во главѣ 57-го полка и повелъ его дальше. Однако и маршалъ, получивъ сильную контузію, свалился безъ чувствъ: его унесли; Наполеону доложили, что онъ убитъ. Французы, лишившись всѣхъ главныхъ начальниковъ, не могли удержаться въ захваченной флеши: ихъ оттуда выбили гренадеры Воронцова, а драгуны и ахтырскіе гусары отняли у нихъ во время преслѣдованія 12 пушекъ. Въ то же время войска крайняго лѣваго фланга ворвались съ двухъ сторонъ въ с. Бородино; наши егеря въ какія-нибудь четверть часа потеряли 30 офицеровъ и половину солдатъ. Оставивши одну дивизію для занятія селенія, вице-король перевелъ всѣ остальныя войска черезъ Калочу. Канонада на нашемъ лѣвомъ флангѣ не умолкала ни на минуту. Въ исходѣ 8-го пошли на флеши и войска Нея, въ батальонныхъ колоннахъ; корпусъ Жюно расположился лѣвѣе Шевардина, кавалерія двигалась сзади. Багратіонъ успѣлъ усилить свое слабое крыло всѣми войсками, бывшими въ его распоряженіи, даже потребовалъ помощи отъ Барклая. Пренебрегая страшнымъ огнемъ, поражавшимъ ихъ въ упоръ, французы приближались къ флешамъ. Ней, въ головѣ полка пѣхоты, овладѣлъ крайнею лѣвою флешью; почти всѣ гренадеры, защищавшіе ее, были истреблены. Багратіонъ двинулъ полки принца Мекленбургскаго: ихъ встрѣтилъ Мюратъ съ конными егерями; бывшіе на-готовѣ кирасиры опрокинули конныхъ егерей, ворвались въ укрѣпленія, выбивая палашами французскую пѣхоту. Мюратъ спрыгнулъ съ коня и спрятался въ лѣвой флеши. Въ тѣсныхъ флешахъ сбились войска обѣихъ сторонъ, палили чуть не въ лицо другъ другу, бросались за 10 шаговъ въ штыки. Багратіонъ, какъ могучій орелъ, защи-

щалъ свое гнѣздо, но въ ту самую минуту, когда отъ его присутствія зависѣло спасеніе лѣваго крыла, онъ получилъ смертельную рану. Лѣвое крыло осиротѣло, и хотя по прежнему русскія колонны шли съ величайшею отвагою по трупамъ своихъ и чужихъ, но, не слыша привычнаго оклика, онѣ шли молча, уподобляясь грознымъ шанцамъ, сверкавшимъ пламенемъ и сталью. Ихъ били картечью, на нихъ бросалась пѣхота, палетала конница, а онѣ все двигались, исчезая въ этомъ смѣшеніи народовъ, напоминавшемъ послѣдній день міра. Около 11 1/2 ч. французы окончательно завладѣли флешами; Коновницынъ отвелъ остатки русскихъ войскъ за Семеновскій оврагъ, гдѣ прикрылъ ихъ тремя гвардейскими полками и поставилъ на краю оврага сильную батарею.

Овладѣвши флешами, Ней послалъ дивизію Фріана выбить нашихъ гренадеръ изъ Семеновскаго. Эта атака была отбита; Фріанъ, потерявши сначала сына, самъ свалился, пронизанный пулей. Тогда Мюратъ, по совѣщаніи съ Неемъ, рѣшилъ ввести въ дѣло конницу. Задрожала земля подъ копытами 50-ти эскадроновъ, направленныхъ отважнымъ Мюратомъ. «Желѣзные люди», какъ называлъ Наполеонъ своихъ кирасиръ, перешли оврагъ выше Семеновскаго, гдѣ наткнулись на шесть нашихъ каре; измайловцы и литовцы встрѣтили ихъ батальнымъ огнемъ; они отбили одну за другой, три стремительныхъ атаки. Солдаты Литовскаго полка кидались въ штыки съ крикомъ: «ура!» Латники запосились на батареи, гдѣ ихъ били банниками, хлестали пальниками. Но защита этихъ развалинъ обошлась намъ дорого: Литовскій полкъ въ продолженіе часа потерялъ тысячу человѣкъ. Несравненно успѣшнѣе была атака Латуръ-Мобура, въ составѣ 30-ти эскадроновъ. Они, перебравшись черезъ оврагъ, скрытые буграми, подымались по-одиночкѣ наверхъ и неслись уступами, сметая все, что уцѣлѣло отъ 2-й Гренадерской дивизіи. Во время кавалерійскаго боя дивизія Фріана окончательно утвердилась въ Семеновскомъ. Сильныя батареи, поставленныя теперь на высотахъ, поражали лѣвое крыло русскихъ съ фронта, а центръ — во флангъ. Къ счастью, густая

пыль и облака дыма мѣшали французамъ видѣть сильное разстройство лѣваго крыла.

Войска итальянскаго корпуса своевременно предприняли наступленіе на курганную батарею, въ центрѣ нашей позиціи. Раевскій, выславши егерскіе полки къ Калочѣ, расположилъ дивизіи Паскевича и Васильчикова по обѣ стороны укрѣпленія. Французы прогнали разсыпавшихся егерей, подготовили атаку артиллерійскимъ огнемъ и бросились въ штыки. Въ самую рѣшительную минуту у насъ не хватило на батареѣ зарядовъ: генералъ Бонами выбилъ защитниковъ и отбросилъ ихъ за Горицкій оврагъ. Смѣлый Мюратъ, завидя издали успѣхъ своихъ солдатъ, уже спѣшилъ къ нимъ на помощь... Положеніе русской арміи стало опаснымъ: непріятель овладѣлъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ бородинскаго поля. Утвердившись, онъ могъ разрѣзать наши войска и притиснуть правый флангъ къ р. Москвѣ. Бѣду отвелъ Ермоловъ, случайно проѣзжавшій съ порученіемъ Кутузова. Завидя смятеніе на курганной батареѣ, онъ поскакалъ туда съ двумя конными ротами, схватилъ по дорогѣ свѣжій батальонъ Уфимскаго полка и, повернувши бѣжавшихъ къ нему на встрѣчу егерей, бросился съ ними на укрѣпленіе. Черезъ четверть часа оно было въ нашихъ рукахъ; генералъ Бонами попался въ плѣнъ; три тысячи труповъ устилали высоту. Солдаты Васильчикова и Паскевича гнались за французами такъ далеко, что Ермоловъ приказалъ драгунамъ ихъ обскакать и завернуть. На смѣну войскамъ Раевскаго явилась 24-я дивизія Лихачева и 4-я принца Виртембергскаго; пріѣхалъ Барклай, окончательно водворившій порядокъ. Подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ, какого ветераны не запомнятъ за 20 лѣтъ, этотъ мужественный гепералъ спокойно дѣлалъ распоряженія, не заботясь, что вокругъ него падали раненые, убитые, что изъ его свиты уцѣлѣлъ лишь одинъ офицеръ. Онъ видимо искалъ смерти, точно хотѣлъ отомстить за тяжкіе и несправедливые упреки.

Наступалъ рѣшительный моментъ боя; битва, по выраженію Наполеона, созрѣла. Ней и Мюратъ вторично послали къ императору, настойчиво требуя помощи. На этотъ разъ онъ уступилъ,

отдавши въ ихъ распоряженіе молодую гвардію и дивизію Клапареда; вице-королю послано приказаніе атаковать вторично батарею Раевскаго. Былъ часъ по полудни. Грозныя колонны пѣхоты облегли нашу центральную позицію; 400 орудій, пѣшихъ и конныхъ, громили ее въ-перекрестъ; строилась въ ряды конница, готовая поддержать атаку пѣхоты. Все обѣщало французамъ несомнѣнный успѣхъ, какъ въ минуту наступленія удара произошло у нихъ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, за с. Бородинымъ, непонятное смятеніе. Всѣ обратили въ ту сторону вниманіе: туда поскакалъ вице-король, гнѣвно пришпорилъ свою лошадь императоръ. Оказалось, что съ разрѣшенія главнокомандующаго, нѣсколько казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ Платова, съ 28 эскадронами корпуса Уварова перешли черезъ Калочу и произвели сумятицу въ тылу у французовъ. За два часа времени, пока все пришло въ порядокъ, мы успѣли усилить позицію центра: ее занялъ корпусъ Остермана; за нимъ стали преображенцы и семеновцы; сзади—кавалерія изъ общаго резерва. Опасный промежутокъ между Семеновскимъ и курганной батарей былъ во-время прикрытъ.

Къ 2 ч. французы возобновили атаку. Сближеніе резервовъ съ боевыми линіями, необходимое для успѣшнаго отраженія частыхъ атакъ непріятеля, повело къ тому, что ядра и гранаты съ батарей возлѣ Семеновскаго безжалостно разрывали наши густые ряды; смерть уносила свои жертвы сотнями; генералы, одинъ за другимъ, выбывали изъ фронта. Въ это время изъ-за Семеновскаго оврага, слѣва, пошли кирасиры на Курганную батарею; 5-й полкъ, во главѣ котораго летѣлъ Коленкуръ, перенесся черезъ ровъ и брустверъ. Огонь пѣхоты, расположенной сзади укрѣпленія, заставилъ кирасиръ его очистить; Коленкуръ былъ убитъ. Теперь пошли полки Латуръ-Мобура: на правомъ флангѣ легкіе польскіе уланы, въ центрѣ конныя батареи, на лѣвой рукѣ кирасиры. Въ то время, когда саксонскіе кирасиры, имѣя во главѣ генерала Тиллемана, направились прямо на укрѣпленіе, остальные налетѣли на три нашихъ полка: Перновскій, Кексгольмскій и 33-й Егерскій. За 60 шаговъ пѣхота дала губительный залпъ, прямо въ лицо

латникамъ: тѣ отхлынули. Зато въ укрѣпленіи шла предсмертная борьба; кирасиры рубили пѣхоту, артиллеристовъ, очищали ненавистную имъ батарею отъ ея послѣднихъ защитниковъ. Въ углу, на походномъ стулѣ, сидѣлъ больной Лихачевъ, старый кавказскій генералъ, возвышавшій свой слабый голосъ среди кроваваго побоища. Видя, что все потеряно, старикъ бросился впередъ навстрѣчу смерти, но враги, почтившіе его сѣдины, опустили палаши. Пѣхота вице-короля была въ это время уже на высотѣ, гдѣ утвердилась окончательно; наши разстроенные полки отступили за Горицкій оврагъ. Еще нѣсколько пылкихъ атакъ, въ которыхъ попеременно принимали участіе почти всѣ наши полки, — и битва стала утихать. Лошади павшихъ всадниковъ носились цѣлыми табунами, топча копытами раненыхъ и мертвыхъ; ѣдкій запахъ дыма стоялъ въ горлѣ; закоптѣлыя лица бойцовъ, покрытыхъ слоемъ пыли, голодныхъ, изнуренныхъ долгимъ напряженіемъ, были страшны; въ воздухѣ висѣла мгла, въ которой сверкали красно-багровымъ свѣтомъ залпы семисотъ орудій...

Армія Барклая ушла за оврагъ, къ д. Горки; лѣвое крыло, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ Семеновскаго, примкнуло къ лѣсу. Такое положеніе нашихъ войскъ, потерявшихъ почти двѣ трети первоначальнаго состава, не представляло уже никакихъ выгодъ для дальнѣйшей обороны. Еще солнце стояло высоко, когда маршалы просили Наполеона ввести въ дѣло свою гвардію. «Я не дамъ гвардію, приказалъ онъ передать; за 3 тыс. верстъ отъ Франціи надо беречь резервы». И вслѣдъ затѣмъ выѣхалъ самъ на Семеновскія высоты, откуда ему видны были въ глубинѣ поля русскіе, прикрывавшіе опушку окрестныхъ лѣсовъ. «Они, вѣрно, еще хотятъ артиллеріи?» спросилъ Наполеонъ, пораженный этой неслыханной стойкостью, «такъ дайте имъ!» — Выдвинулись всѣ резервы, небывшіе въ дѣлѣ, и адская канонада еще на нѣсколько часовъ потрясала всю окрестность, пока не наступила ночь.

Такъ кончился этотъ ужасный день. Обѣ стороны считали себя побѣдителемъ—и были правы, потому что сдѣлали все, что могли.

НАШИ ПАРТИЗАНЫ.

Гусарскій полковникъ Давыдовъ первый придумалъ вести партизанскую войну. Это значитъ: дѣйствовать малыми отдѣльными отрядами, нападать на непріятеля, когда случится, больше врасплохъ, и нападать живо, налетомъ; напавши же — бить, отхватывать отсталыхъ, ловить мародеровъ, отрѣзывать транспорты; при неудачѣ — скрываться, но такъ скрываться, чтобы непріятель не могъ найти и слѣдовъ. Кутузовъ согласился послать на первый разъ только 50 гусаръ и 150 казаковъ, и то по просьбѣ Багратіона: онъ былъ человѣкъ опасливый, на смѣлыя предпріятія рѣшался туго. Давыдовъ же остался очень доволенъ; послѣ бородинской битвы онъ свернулъ съ большой дороги и направился въ Калужскую губернію. Изъ Медыня онъ вышелъ на Скугарево, и тутъ у него былъ первый притонъ. Отсюда вплоть до Медыня тянулся въ ту пору лѣсъ, а самое село расположено на высотѣ, открытой со всѣхъ сторонъ верстъ на 8. Непріятельская армія тянулась къ столицѣ. По обѣ стороны большой дороги, верстъ на 30 или на 40, двигалось не-

счетное число обозовъ, парковъ съ прикрытіемъ и грабительскихъ шаекъ, или мародеровъ. Богатая хлѣбородная страна вмигъ опустѣла. Пожары, грабежи, убійства шли по слѣдамъ французовъ. Русскіе люди стали сами себя оберегать, сдѣлались осторожны, бдительны, хотя въ то же время очень подозрительны. Куда ни придетъ Давыдовъ—ворота заперты; при нихъ стоятъ старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, а иные даже съ ружьями. Подъѣдутъ казаки, начнутъ говорить, а имъ въ отвѣтъ летитъ топоръ или картечь изъ ружья. Давыдовъ же не хотѣлъ обходить ни одного попутнаго селенія: распуская слухъ, что за нимъ идетъ войско, онъ требовалъ, чтобы жители защищались пока сами и, кромѣ того, давали бы вѣсти, что дѣлается у французовъ. Какъ только крестьяне поймутъ, что передъ воротами стоятъ свои, сейчасъ ворота настежь, и ужъ тутъ начиналось угощенье: хлѣбъ, пиво, пироги, калачи—что у кого было въ печи. Когда Давыдовъ спрашивалъ, отчего ихъ принимаютъ за французовъ, ему вездѣ давали одинъ отвѣтъ: «Ваша одежа на нхнюю похожа». — «Но развѣ я вамъ не русскимъ языкомъ говорю?» — «Да, вѣдь, у нихъ всякаго сброда людей».—Тогда Давыдовъ надѣлъ чекмень и отростилъ себѣ бороду.

Какъ только французы узнали, что въ тылу у нихъ появился нашъ отрядъ, стали его повсюду искать. Но Давыдовъ былъ не промахъ. Его партизаны проводили цѣлый день на высотѣ села Скугарева; подъ вечеръ раскладывали недалеко отъ села огни, переходили дальше, опять раскладывали огни, а на ночь—въ лѣсъ, безъ огня. Если случалось встрѣтить прохожаго, то брали подъ арестъ, пока не выступали въ походъ; если прохожій сбѣжитъ, сейчасъ же перемѣняли стоянку. Какъ только получалась вѣсточка, что виденъ непріятельскій обозъ, отрядъ подымался часа за два до разсвѣта, срывалъ на транспортѣ, что было по силѣ, и окружными путями возвращался въ тотъ же спасительный лѣсъ.—Такъ они сражались и кочевали съ 29 августа до Рождества Богородицы.

2-го сентября Давыдовъ напалъ на шайку мародеровъ въ с. Токарево и захватилъ 90 чел. въ плѣнъ. Они прикрывали обозъ съ

награбленнымъ добромъ. Только-что крестьяне и казаки стали дѣлить между собою имущество, какъ пикеты дали знать, что на Токарево идетъ другая шайка. Непріятель шелъ прямо, безъ малѣйшей осторожности. Партизаны сѣли на коней и скрылись за избами, а за нѣсколько саженъ отъ селенія кинулись на шайку съ гикомъ и стрѣльбой. Обозъ захваченъ; еще сотня французовъ очутилась въ плѣну. Давыдовъ созвалъ токаревскихъ крестьянъ, роздалъ имъ ружья и патроны, съ такимъ наставленіемъ: «Если къ вамъ будутъ находить враги, то примите ихъ дружелюбно, съ поклонами, угостите, какъ слѣдуетъ и уложите ихъ пьяными спать. Какъ только они заснутъ, бросайтесь, и ужъ тутъ не давайте имъ пощады. Мертвыя тѣла не кидайте зря, а заройте гдѣ мѣсто поукромнѣе—въ хлѣву, въ лѣсу, чтобы не было примѣтно свѣжаго слѣду. А ты, староста, держи всегда на-готовѣ 3 или 4 парня, и какъ только завидятъ они француза, чтобъ сейчасъ скакали меня искать: я приду къ вамъ на помощь».—Такія наставленія давалъ Давыдовъ всѣмъ деревнямъ, только не на бумагѣ, а на словахъ: боялся, чтобы его тактику не провѣдали французы.

Однажды онъ пробирался на смоленскую дорогу и въ 6 верстахъ отъ Царева-Займища повстрѣчалъ непріятельскій разъѣздъ. Наши шли лощиной, вдоль опушки лѣса, скрытно; но такъ какъ нужно было добыть языка и узнать, что́ дѣлается въ Царевѣ, то Давыдовъ отрядилъ урядника и 10 доброконныхъ казаковъ на перехватъ, вдоль по лощинѣ, а другихъ 10 послалъ прямо на разъѣздъ. Этотъ сдался безъ боя. Отъ унтеръ-офицера узнали, что въ селѣ имѣетъ дневку транспортъ съ снарядами и конное прикрытіе. въ 250 человѣкъ. Давыдовъ свернулъ съ дороги и пошелъ на Царево; версты за три отъ села они встрѣтились съ фуражирами, человѣкъ около 40. Французы, завидя нашихъ, круто повернули и ускакали назадъ. Давыдовъ взялъ 20 гусаръ, 70 казаковъ и полетѣлъ въ погоню; съ французами вмѣстѣ онъ въѣхалъ и въ Царево. У страха глаза велики, а дѣло было вечеромъ; все разсыпалось передъ отрядомъ: кого захватили въ плѣнъ, кого пришибли на мѣстѣ да вывезли съ собой въ Скугарево 10 провіантскихъ фуръ и одну фуру

съ патронами. Давыдовъ далъ своей партіи отдохнуть, такъ какъ она была въ движеніи 30 часовъ, а отдыхали у него такимъ образомъ: партія раздѣлена на 2 части, по 48 человѣкъ, и въ каждой партіи только 2 лошади разсѣдланы, остальные же стоятъ готовыя; пройдетъ часъ—разсѣдлываютъ другую пару, такъ что въ сутки очередь доходила одинъ разъ до каждой лошади. На пикетахъ стояли 4 казака, кромѣ того 20 въ резервѣ,—эти всегда на-готовѣ. Еще нѣсколько дѣлъ, и подвиги Давыдова стали извѣстны. Главнокомандующій теперь убѣдился, какой великій вредъ можетъ нанести непріятелю малая война, особенно послѣ занятія французами Москвы. Имъ нужно было кормиться, посылать въ разныя стороны фуражировъ, а тѣ, не зная дорогъ, шутались и сами натыкались на казацкую пику. Да и вообще, французскія войска были не способны къ малой войнѣ: они привыкли къ большимъ битвамъ, въ которыхъ войска дѣйствуютъ правильнымъ строемъ, гдѣ непріятель на-лицо, тогда какъ здѣсь нужна особая сноровка. Въ это же время отъ самой границы тянулись вплоть до Москвы ихъ парки, обозы, безпрестанно скакали курьеры: это была богатая добыча партизанамъ. Главнокомандующій выбралъ нѣсколько отважныхъ офицеровъ, далъ имъ небольшіе летучіе отряды и поручилъ дѣйствовать на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ Москвѣ. Въ то время, когда Давыдовъ леталъ между Можайскомъ и Вязьмой, князь Вадбольскій, съ маріупольскими гусарами и нѣсколькими казачьими сотнями, основался возлѣ Можайска; поручикъ фонъ-Визинъ съ казаками—на боровской дорогѣ; капитанъ Сеславинъ—поближе къ Москвѣ, на той же дорогѣ. Артиллерійскій капитанъ Фигнеръ, съ болѣе значительнымъ отрядомъ — гусаръ, уланъ, драгунъ и казаковъ—истреблялъ непріятеля подъ стѣнами столицы; князь Кудашевъ дѣйствовалъ по серпуховской дорогѣ. Такимъ образомъ, наши летучіе отряды занимали къ югу отъ Москвы все разстояніе между Вязьмой и Бронницами. Такіе же отряды рыскали и съ сѣверной стороны—отъ Клина, Русы, Дмитрова, Ярославля. Можно сказать, что армія Наполеона была окружена со всѣхъ сторонъ партизанскими отрядами. Они соблюдали особыя правила: передвигались

больше по ночамъ, проселками, либо даже тропинками, безъ всякаго шума; переходы дѣлали быстрые; отдыхали или въ лѣсахъ, или въ оврагахъ, не выставляя передовыхъ постовъ. Никто кромѣ начальника не зналъ, куда идетъ отрядъ и зачѣмъ. Получивши свѣдѣніе, что непріятель близко, начальникъ отряда выѣзжалъ на рекогносцировку, старался высмотрѣть окрестную мѣстность, силу противника и потомъ или дѣлалъ нападеніе, или давалъ знать ближайшимъ отрядамъ; иногда же посылалъ донесеніе въ главную квартиру,—все это смотря по силѣ противника. Посылки дѣлались черезъ офицеровъ и крестьянъ. Крестьяне часто приходили къ партизанамъ, водили ихъ по лѣсамъ и трущобамъ, находились въ розыскахъ, водили сдавать плѣнныхъ, вооружались при помощи партизанъ и дѣйствовали съ ними сообща. Налеты партизаны дѣлали быстро, неожиданно и съ разныхъ сторонъ. Тутъ ужъ пощады не давали. Особенно страшно было попасться Фигнеру.

Главнокомандующій приказалъ усилить отрядъ Давыдова: ему дали еще 2 казачьихъ полка, 1-й Бугскій и Тентярскій. Ставши теперь смѣлѣе, онъ сдѣлалъ 12-го числа поискъ къ Вязьмѣ, и на разсвѣтѣ, въ виду города, атаковалъ непріятеля, который прикрывалъ транспортъ провіанта и артиллерійскихъ снарядовъ. Случилось то, чего не ожидалъ и самъ Давыдовъ: 270 солдатъ и 6 офицеровъ положили оружіе, 100 чел. легло на мѣстѣ; досталось въ добычу 20 подводъ съ провіантомъ и 12 артиллерійскихъ повозокъ съ снарядами. Сейчасъ же двѣ фуры съ патронами и 340 ружей пошли на руки калужскимъ ополченцамъ. Дня черезъ два, утромъ, казачьи пикеты замѣтили, что отъ села Тарбѣева подвигается множество фуръ, покрытыхъ бѣлымъ холстомъ. Давыдовъ проскакалъ впередъ, и ему показалось, точно цѣлый флотъ идетъ на парусахъ. Гусары и казаки помчались на-перерѣзъ. Передніе ударили на прикрытіе; французы, выпаливъ изъ пистолетовъ, обратились въ бѣгство, но бугцы успѣли ихъ охватить. Кромѣ прикрытія партизаны взяли 20 фуръ съ овсомъ и хлѣбомъ. Французскій губернаторъ, назначенный Наполеономъ, жилъ тогда въ Вязьмѣ, такъ что всѣ описанныя дѣла происходили у него подъ

носомъ. Онъ рѣшился дѣйствовать: разослалъ вездѣ циркуляры, съ описаніемъ примѣтъ Давыдова и строгимъ приказаніемъ поймать его и разстрѣлять. Затѣмъ, собравши изъ разныхъ командъ сильный отрядъ, до двухъ тысячъ, поручилъ одному изъ своихъ старшихъ офицеровъ непремѣнно разбить партію Давыдова, а его самого доставить живымъ или мертвымъ. — Давыдовъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ отлично зналъ и во-время получилъ свѣдѣніе о движеніи непріятеля. Первымъ его дѣломъ было, что называется, запутать свой слѣдъ, и онъ сдѣлалъ это такъ ловко, что его не сыскали бы гончія. Когда же французы были сбиты съ толку окончательно, Давыдовъ, безъ особаго труда, разбилъ ихъ въ два пріема подъ той же Вязьмой. Тутъ много помогъ Давыдову высланный въ его распоряженіе еще одинъ донской полкъ, Попова 13-го, состоявшій изъ пяти сотенъ добровольныхъ казаковъ. Прежде чѣмъ пустить его въ дѣло, Давыдовъ обучалъ казаковъ по-своему, а именно: по первому сигналу вся партія должна разсыпаться; по второму каждый казакъ скачетъ на утекъ, верстъ 8—10, иногда даже 20, и потомъ уже поворачиваетъ на сборный пунктъ, который ему заранѣе извѣстенъ.

Были и неудачи; Давыдовъ самъ о нихъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ. Когда Наполеонъ уже двигался обратно по той же самой дорогѣ, по которой пришелъ въ Россію, наши партизаны шли рядомъ съ непріятелемъ и, слѣдя за каждымъ его шагомъ, доносили все, что видѣли, не пропуская случая самимъ выскочить на большую дорогу. Въ началѣ ноября Наполеонъ, оставивши Смоленскъ, двигался къ Красному. На разсвѣтѣ разъѣзды дали знать, что непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стѣсною. Партизаны полетѣли на большую дорогу и покрыли ордой разстояніе на нѣсколько верстъ. Непріятельская колонна пріостановилась, чтобы подтянуть свой хвостъ; графъ Орловъ-Денисовъ, главный начальникъ всѣхъ партизанскихъ отрядовъ, приказалъ сдѣлать ударъ. Партизаны затоптали всѣхъ отсталыхъ, взяли въ плѣнъ двухъ генераловъ, отбили 4 орудія и множество повозокъ. Но вотъ подошла старая гвардія, посреди которой на-

ходился самъ Наполеонъ. Солнце стояло на полдень; въ воздухѣ тишина и только гулко отдавалась мѣрная поступь тяжелой пѣхоты. Французы, замѣтивши присутствіе партизановъ, взяли ружье подъ курокъ и гордо продолжали свой путь, не прибавляя шагу. Какъ ни старались наши оторвать хоть одного солдата — нѣтъ, это не люди, а гранитныя стѣны, твердыя, несокрушимыя. Въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, въ синихъ сюртукахъ, перекрещенныхъ на груди бѣлыми ремнями, и красныхъ султанахъ съ эполетами, они красовались какъ макъ среди снѣжнаго поля: поступь свободная, осанка грозная, и смерть ихъ не брала. Казаки славныхъ партизановъ Давыдова, Сеславина, Фигнера — всѣ тутъ спасовали. Будь регулярная кавалерія да нѣсколько ротъ конной артиллеріи, французы такъ бы не прошли. Часть казаковъ разсыпалась по дорогѣ ломать мостки, портить гати; другіе кружились возлѣ; графъ Орловъ-Денисовъ, окруженный ординарцами и ахтырскими гусарами Давыдова, гарцовалъ на своемъ рыжемъ конѣ передъ самымъ фронтомъ колонны. Полковники, офицеры, урядники и простые казаки бросались впередъ, съ намѣреніемъ хоть ущипнуть француза, — напрасно: колонны валили одна за другою, и гвардія Наполеона проходила среди казачьей толпы, какъ стопушечный корабль проходитъ среди рыбачьихъ лодокъ — гордо и спокойно.

Артиллерійскій капитанъ Фигнеръ съ самаго начала войны съ Наполеономъ готовился къ смерти. Онъ ежедневно посѣщалъ церкви, крѣпко молился и плакалъ. Наполеона, какъ главнаго виновника войны, возненавидѣлъ. Когда французы заняли Москву, Фигнеръ отпросился у главнокомандующаго и пошелъ пѣшкомъ въ столицу. Днемъ бродилъ по городу, одѣтый то во фракъ, то въ сермягу, пробирался въ дома, занятые французами, высматривалъ, что было ему нужно, а по ночамъ нападалъ съ крестьянами и побивалъ ихъ безъ жалости. Говорятъ, онъ хотѣлъ убить Наполеона. Вернувшись въ армію и получивши партизанскій отрядъ, Фигнеръ дѣйствовалъ съ нимъ кругомъ Москвы. Онъ истреблялъ продовольствіе, нападалъ на фуражировъ, взрывалъ зарядные ящики, отби-

валъ орудія, и при всемъ томъ давалъ главнокомандующему самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, какъ въ Москвѣ, такъ и подъ Москвой. Всякое движеніе непріятеля было ему извѣстно. Партизаны переносили голодъ и холодъ; двигались по ночамъ какъ волки, въ лѣсахъ, не зная иного пріюта. Самъ Фигнеръ не разъ переодѣвался во французскій мундиръ и переговаривался съ непріятелемъ. Тутъ онъ узнавалъ такія секретныя распоряженія, о которыхъ нельзя было узнать черезъ шпіоновъ. Однажды Фигнеръ, переодѣтый кирасиромъ, въ бѣлой шинели, поставилъ скрытно свой отрядъ въ лѣсу, а самъ выѣхалъ на просѣку и остановился въ тѣни на опушкѣ лѣса. Скоро раздался конскій топотъ, и показались французскіе кирасиры въ колоннѣ по-шести. Фигнеръ самъ ихъ окликнулъ по-французски: кто идетъ? Тогда фланговый офицеръ подъѣхалъ къ нашему партизану: они поговорили и разъѣхались, какъ ни въ чемъ не бывало. Сейчасъ же отрядъ прошелъ глухими и топкими тропинками довольно большое разстояніе и остановился вторично; коней разсѣдлали; Фигнеръ съ двумя уланскими офицерами поѣхалъ дальше. Одинъ изъ этихъ уланъ немного зналъ по-французски, и Фигнеръ приказалъ ему отвѣчать и за себя, и за товарища, если встрѣтятся французы. Дѣйствительно, какъ только выѣхали изъ лѣса, всѣ трое увидѣли кругомъ села большой французскій лагерь.—«Поѣдемъ къ нимъ»,—сказалъ Фигнеръ и пустилъ коня рысью. Офицеры не отставали. Часовой даже не остановилъ ихъ: ему и въ голову не могло придти, чтобы это были русскіе. Подъѣхали къ тѣмъ же кирасирамъ. Фигнеръ пожелалъ имъ добраго утра и началъ разговоръ; а нашихъ уланъ окружила другая кучка, засыпая ихъ вопросами. Жутко приходилось этимъ бѣднымъ уланамъ. Наконецъ Фигнеръ распрощался, повернулъ лошадь назадъ и уже порядочно отъѣхалъ, какъ вдругъ опять возвратился къ знакомымъ кирасирамъ, спросилъ еще что-то и вторично повернулъ въ лѣсъ къ своему отряду. — Въ другой разъ онъ взялъ съ собой гусарскаго поручика Орлова, и оба, въ французскихъ мундирахъ, отправились въ село Вороново, гдѣ стоялъ авангардъ Великой арміи. Тутъ же была и главная квар-

тира Мюрата. Черезъ цѣпь ведетовъ имъ удалось пробраться незамѣтно, но на мосту, передъ самыми биваками, ихъ окликнулъ часовой и нотребовалъ отзыва. Фигнеръ, вмѣсто отзыва,—онъ его, конечно, не зналъ, — сталъ ругать часоваго, за то, что тотъ не знаетъ службы, не умѣетъ спрашивать; часовой испугался, а Фигнеръ съ Орловымъ проѣхали спокойно на биваки. Тутъ онъ подъѣзжалъ ко многимъ офицерамъ, разговаривалъ съ ними и, выпытавъ, что̀ ему надо было, вернулся назадъ. На мосту Фигнеръ еще разъ далъ наставленіе часовому, какъ слѣдуетъ спрашивать, и, отъѣхавши съ полъ-версты шагомъ, оба партизана проскакали черезъ цѣпь въ карьеръ.

Партизанскія дѣйствія наносили непріятелю большой вредъ. Трудно навѣрное сказать, сколько потерялъ Наполеонъ своихъ солдатъ за время стоянки въ Москвѣ, но Кутузовъ доносилъ Государю, что за 10 дней было захвачено болѣе пяти тысячъ. А сколько осталось убитыхъ, раненыхъ? — Можетъ быть, не менѣе того. Особенно тяжко доставался французамъ фуражъ для лошадей. Ихъ отряды, разсылаемые за сѣномъ, истреблялись или партизанами, или крестьянами. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы за фуражемъ посылались сильные отряды, съ артиллеріею, но отъ этого ослаблялись его главныя силы. Вмѣсто отдыха, который сулили войскамъ, ихъ служба становилась горше, чѣмъ была въ походѣ. Часть французской арміи, которая занимала Москву, въ особенности гвардія, успѣла отдохнуть; она запаслась теплою одеждою, ѣла солонину, сухари; была и водка. Тѣ же войска, которымъ пришлось стоять не въ самой Москвѣ, бѣдствовали страшно. Солдаты французскаго авангарда несли тяжелую аванпостную службу, дѣлали далекія фуражировки, ѣли крупу и конину. Если попадалась изрѣдка рожь либо пшеница, то они толкли зерно на камняхъ и варили изъ него похлебку; соли почти не было: вмѣсто соли клали порохъ, а вмѣсто масла — сальныя свѣчи. Дровъ тоже не было, и въ сырыя холодныя ночи солдаты дрогли отъ стужи, заболѣвали и уходили изъ строя. Лошади перебивались соломой, которую тащили съ крышъ, но и такую не всегда могли достать.

Летучіе партизанскіе отряды не только дѣйствовали сами, но и поднимали на борьбу съ врагомъ мирныхъ поселянъ. Они раздавали имъ оружіе, научали, какъ дѣйствовать, помогали и выручали ихъ въ бѣдѣ. Крестьяне сражались не хуже настоящихъ воиновъ и не мало истребили враговъ. Первою поднялась Смоленская губернія. Тутъ крестьяне перехватывали фуражировъ, шпіоновъ, мародеровъ, которые бродили въ тылу Наполеоновской арміи; мѣщанинъ Манчинковъ захватилъ курьера съ важными бумагами и получилъ за это крестъ. По разореніи Смоленской губерніи, крестьяне стали собираться въ отряды и дѣйствовать общими силами. Такіе отряды причиняли непріятелю столько же вреда, сколько и партизанскіе налеты. Въ особенности прославилась дружина маіора Емельянова, воина временъ Суворовскихъ. Въ его дружинѣ были и дворяне, и крестьяне. Сражались они сначала пиками и косами, но потомъ у нихъ явилось огнестрѣльное оружіе, добытое у непріятеля же. Емельяновъ устроилъ особые маяки, съ которыхъ подавались сигналы; колокольный звонъ давалъ знать—уходить ли изъ домовъ, собираться ли въ бой, или быть на сторожѣ. Въ стычкахъ Емельяновъ всегда бился впереди и въ одной жаркой перестрѣлкѣ былъ пораженъ на смерть пулей. Между сычевскими поселянами былъ еще извѣстенъ бурмистръ сельца Левшина, что на вяземской дорогѣ. Однажды непріятельская партія вошла въ это сельцо и заняла избу. Бурмистръ послалъ сзывать народъ, а самъ приперъ въ избѣ двери. Испуганные французы стали стрѣлять сквозь двери и ранили насмерть отважнаго бурмистра. Сбѣжались крестьяне и заставили французовъ сдаться. Чувствуя, что приходитъ смерть, левшинскій бурмистръ просилъ земляковъ пощадить плѣнныхъ французовъ, не мстить за него, и самъ умеръ. Въ Гжатскомъ уѣздѣ прославился своими подвигами партизанъ Самусь. Онъ служилъ въ Елисаветградскомъ гусарскомъ полку, былъ раненъ въ дѣлѣ подъ Смоленскомъ и оставленъ на полѣ битвы. Кое-какъ добрался онъ до сосѣдней деревни, излечился и поднялъ сосѣдній народъ. Въ отрядѣ Самуся считалось до 2 тыс. конныхъ и пѣшихъ ратниковъ, и, что всего удивительнѣе, у нихъ была пушка, отбитая у францу-

зовъ же. Самусь, истребивъ со своимъ отрядомъ болѣе трехъ тысячъ непріятелей, сдѣлался извѣстенъ графу Милорадовичу, который произвелъ его въ унтеръ-офицеры и хлопоталъ о немъ дальше. Сражались за родину дворяне, мѣщане, крестьяне и отставные солдаты—всѣ званія, всѣ сословія, всякій по своему достатку и силамъ. Въ числѣ смолянъ, поднявшихся на брань, были одними изъ первыхъ помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ. Отставной полковникъ Энгельгардтъ, проживая въ своей порѣченской деревенькѣ, помогалъ казакамъ истреблять бродячія шайки французовъ, а Шубинъ напалъ съ казанскими драгунами на непріятельскихъ мародеровъ, при чемъ захватилъ 20 чел. въ плѣнъ. Двоимъ мародерамъ удалось уйти въ Смоленскъ, и здѣсь они донесли своему начальнику о всемъ случившемся. На Энгельгардта также сдѣланъ былъ доносъ. Его привезли въ Смоленскъ, посадили въ тюрьму и приговорили къ смертной казни. Передъ исполненіемъ приговора французы стали его прельщать полковничьимъ чиномъ и уговаривать, чтобы онъ перешелъ къ нимъ на службу. Энгельгардтъ сорвалъ съ себя платокъ, которымъ завязали ему глаза, и сказалъ съ негодованіемъ: «Стрѣляйте въ меня поскорѣе!» Французы сначала ранили его въ ногу, но ни боль, ни льстивыя обѣщанія не поколебали твердости духа русскаго дворянина. Тогда французы дали по немъ залпъ: изъ 18 пуль 2 попали въ животъ, одна въ грудь. Энгельгардтъ еще дышалъ, и одинъ солдатъ пристрѣлилъ его въ високъ. Шубина тоже разстрѣляли, такъ какъ онъ, подобно Энгельгардту, наотрѣзъ отказался перейти къ французамъ.

Вслѣдъ за Смоленской губерніей поднялись Калужская, Московская, Владимірская и Тверская. Въ этихъ губерніяхъ подвиги сельскихъ партизановъ были труднѣе, потому что приходилось имѣть дѣло съ непріятелемъ болѣе сильнымъ, лучше вооруженнымъ и смѣлымъ. А потому здѣсь крестьяне дѣйствовали сообща: давали присягу цѣлой деревней истреблять французовъ и крѣпко стоять другъ за друга. Малѣйшая угодливость французамъ считалась измѣною. Однажды крестьяне какой-то глухой деревеньки

встрѣтили французовъ хлѣбомъ-солью. Когда они явились вмѣстѣ съ прочими въ церковь и подходили къ кресту, священникъ укорялъ ихъ слѣдующими словами: «Зачѣмъ вы сюда пришли? Вы не наши. Вы предали православныхъ, припяли враговъ, какъ желанныхъ гостей»... Крестьяне устыдились своего малодушія. Вообще, они вели малую войну такъ же, какъ и настоящіе партизаны. За околицей, на высокихъ мѣстахъ, ставили стражу; чуть завидятъ непріятеля, да еще и въ малыхъ силахъ, крестьяне обходили его и старались накрыть такъ, чтобы никто не ушелъ; если же непріятель былъ силенъ, то стража давала знать въ ближайшее село. Въ случаѣ опасности били въ набатъ, по которому всѣ малыя команды спѣшили на сборное мѣсто. Каждая команда имѣла своего партіоннаго начальника. Въ свалкѣ крестьяне били враговъ съ ожесточеніемъ, но въ плѣнъ брали неохотно, потому что плѣнныхъ надо было беречь, потомъ сдавать, да и, кромѣ того, народъ былъ очень озлобленъ. Добычу, какая случалась, дѣлили всегда поровну, по-братски; но добыча мало ихъ привлекала: не жадность, а любовь къ родинѣ и месть къ врагу ополчили народныя силы.

Наполеона страшно пугала эта война, и, правда, нѣтъ ничего страшнѣе народной войны. Не зная русскихъ людей, онъ писалъ и разсылалъ прельстительныя воззванія, въ которыхъ обѣщалъ мирную и спокойную жизнь, зазывалъ крестьянъ на московскіе рынки, гдѣ у нихъ все будетъ покупаться по вольной цѣнѣ и за большія деньги. Однако русскіе люди остались вѣрны престолу и не пошли на измѣну. У нихъ были свои увѣщанія, отъ своихъ властей, призывавшихъ на борьбу до послѣдняго, и эти увѣщанія приходились имъ больше по душѣ: въ нихъ говорилось то же самое, что у каждаго было на умѣ и на сердцѣ.

АСЛАНДУЗСКАЯ ПОБѢДА И ВЗЯТІЕ ЛЕНКОРАНИ.

Какъ ни труденъ былъ для Россіи Двѣнадцатый годъ, но онъ былъ еще труднѣе для странъ закавказскихъ. Только недавно единовѣрная намъ Грузія признала «бѣлаго» Царя своимъ Государемъ, и Россія переступила Кавказскія горы для того, чтобы устроить эту несчастную страну, защитить ее отъ набѣговъ сосѣдей, отъ покушеній персіянъ. Царство Грузинское, нѣкогда грозное, было теперь окружено мелкими владѣніями татарскихъ хановъ, по природѣ хищныхъ, жадныхъ и лукавыхъ, привыкшихъ жить грабежемъ на счетъ слабаго сосѣда, какъ тутъ сталъ среди нихъ врагъ новый, сильный, взявшій подъ свою защиту такую легкую для нихъ добычу, какъ царство Грузинское. Встрепенулись не только мусульмане, испугались французы, англичане. Ихъ послы явились въ Персію, доставили пушки, ружья, патроны, сукна на обмундированіе солдатъ; иностранные офицеры взялись за обученіе персидскаго войска, а персидскій шахъ, подсылая тайно лазутчиковъ, мутилъ мелкихъ татарскихъ владѣтелей и поднималъ ихъ противъ русскихъ. Нѣ-

которые изъ нихъ уже считались въ подданствѣ Россіи, другіе—только подъ ея покровительствомъ, а были и такіе, которые, лишившись своихъ владѣній, въ наказаніе за измѣну, скитались бездомовниками, напримѣръ: ханы бакинскій, дербентскій, кубинскій. Въ то время, когда миръ съ Персіей висѣлъ, какъ говорится, на волоскѣ, Россія, напрягая всѣ свои силы для борьбы съ Наполеономъ, ничѣмъ не могла помочь далекому краю—ни войскомъ, ни деньгами; и нашимъ ничтожнымъ силамъ, заброшеннымъ на Закавказье, пришлось вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть неравной борьбы. Здѣсь одинъ-два батальона уже считались сильнымъ отрядомъ; продовольствіе для войска приходилось добывать силой: пересылку съ Россіей затрудняли горцы, а кругомъ народъ предательскій, на который никакъ нельзя было положиться: обѣщаютъ, даже клянутся—и обманутъ. Таковы были тамъ дѣла въ тяжелую годину нашествія Наполеона.

Персіяне держались особаго способа войны. Они не выходили въ открытое поле, какъ нѣкогда встарину, а вели войну больше похожую на разбой: отбивали скотъ, увозили оплошныхъ жителей, переправляя ихъ поспѣшно за рѣку Араксъ, отбивали табуны лошадей и т. д. Къ счастію, въ ту пору на стражѣ Закавказья стоялъ молодой генералъ Котляревскій, сынъ священника, родомъ изъ Харьковской губерніи, хотя настоящей его родиной слѣдуетъ считать Кавказъ, гдѣ онъ провелъ свою юность и получилъ первый офицерскій чинъ. Смѣлый въ бою, даже дерзкій, онъ не зналъ, что́ такое страхъ передъ непріятелемъ: грозный и настойчивый по отношенію къ татарскимъ ханамъ, онъ держалъ ихъ въ рукахъ, внушая уваженіе и страхъ къ силѣ русскаго оружія; солдаты его боготворили и готовы были всюду за нимъ слѣдовать. Имя Котляревскаго стало страшно хищнымъ сосѣдямъ; передъ нимъ трепетали ханы, враждебные Россіи, уважали и были спокойны дружелюбные къ ней. Въ половинѣ августа 1812 года сынъ персидскаго шаха Абасъ-Мирза появился съ многочисленнымъ войскомъ на берегахъ р. Аракса. Онъ то переходилъ эту рѣку, то переправлялся обратно, какъ бы поддразнивая русскихъ, то начи-

налъ мирные переговоры съ главнокомандующимъ, то прерывалъ ихъ своими, ни съ чѣмъ несообразными требованіями. Въ то же время отдѣльные отряды персіянъ расходились въ разныя стороны, грабили сосѣднія ханства и возмущали жителей противъ русской власти. Главнокомандующимъ Кавказскаго края былъ въ то время генералъ Ртищевъ, человѣкъ миролюбивый; онъ надѣялся путемъ переговоровъ урезонить персіянъ. Котляревскій же, который стоялъ въ это время съ своимъ отрядомъ въ пограничномъ ханствѣ Карабагскомъ, нынѣшней Эриванской губерніи, думалъ совсѣмъ иначе: онъ говорилъ, что персіянъ нужно сначала побить, а потомъ ужъ толковать о мирѣ. Случилось такъ, что Ртищеву пришлось уѣхать въ Тифлисъ, гдѣ грузинскій царевичъ Александръ поднялъ мятежъ; Котляревскій остался лицомъ къ лицу съ нахальнымъ противникомъ. Абасъ-Мирза задумалъ съ главными силами идти къ Тифлису черезъ Талышинское ханство, на соединеніе съ царевичемъ Александромъ, а отдѣльными отрядами удерживать Котляревскаго въ Карабагѣ. Удайся этотъ дерзкій походъ, за нимъ послѣдовало бы возстаніе всѣхъ закавказскихъ народовъ и потеря Грузіи. Котляревскій рѣшился на отчаянное дѣло: предупредить нападеніе Абасъ-Мирзы и самому его атаковать, не смотря на то, что въ его распоряженіи находилось всего 3 батальона пѣхоты, 6 орудій и 500 казаковъ, тогда какъ Абасъ-Мирза располагалъ огромнымъ полчищемъ въ 30 тыс., въ томъ числѣ 14 тыс. сарбазовъ, т.-е. обученныхъ регулярному строю. Это войско было расположено лагеремъ, недалеко отъ укрѣпленія Асландузъ, по ту сторону Аракса.

18-го октября, въ лагерѣ на рѣчкѣ Агъ-Угланѣ, раздался барабанный бой, означавшій легкій походъ. Слѣдовало взять съ собой на 4 дня сухарей и по 40 патроновъ; шинели оставить. Когда отрядъ былъ готовъ, Котляревскій вошелъ въ середину и сказалъ солдатамъ: «Братцы! Намъ нужно идти за Аракъ и разбить персіянъ. Ихъ на одного десять, но храбрый изъ васъ стоитъ десяти, а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ же, братцы, и разобьемъ».—Отрядъ тронулся; впереди шелъ проводникъ Муратъ-

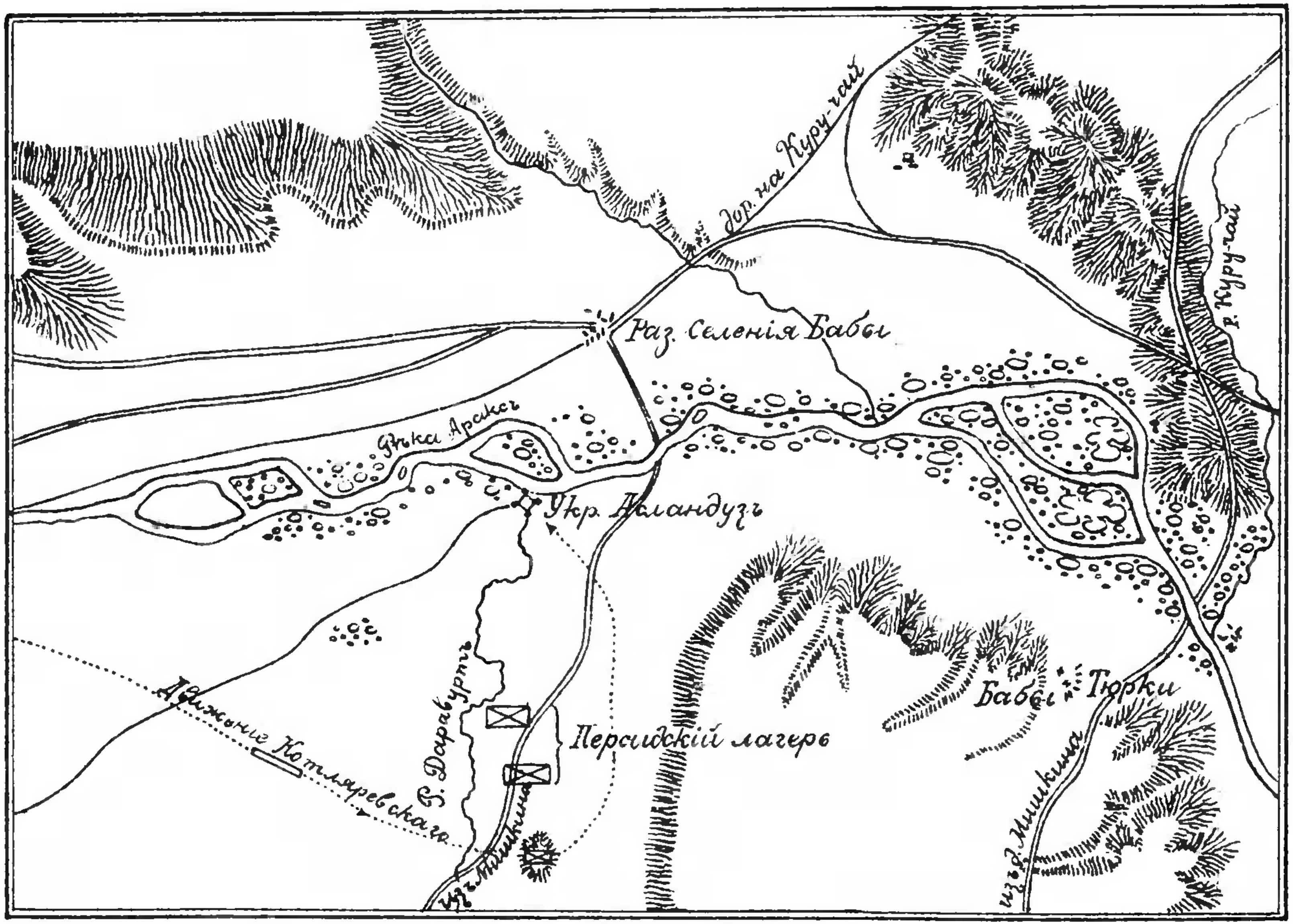
ханъ, который взялся указать дорогу и бродъ черезъ р. Араксъ. Котляревскій разсчитывалъ напасть на непріятеля ночью, но, чтобы обойти его караулы, надо было переправиться выше лагеря верстъ на 15, что составляло суточный переходъ почти въ 70 верстъ. На другой день на зарѣ войска начали переправу. Первое орудіе прошло благополучно; второе провалилось въ яму съ людьми и лошадьми. Людей-то вытащили, а орудіе оставили. Къ счастью, другихъ остановокъ не было. На противоположномъ берегу отрядъ собрался, построился въ каре и тронулся впередъ. Казаки и татарская конница рысили впереди, забирая въ тылъ непріятеля, т.-е. со стороны Персіи. На пути попадались персіяне,—ихъ брали безъ выстрѣла. Наконецъ, показался персидскій лагерь и часть войска, бывшаго на ученьи. Разсказываютъ, что Абасъ-Мирза, сидя у своей палатки съ англійскимъ офицеромъ за чашкой кофе, сказалъ: «Вотъ какой-то ханъ ѣдетъ ко мнѣ». Англичанинъ посмотрѣлъ въ трубу и отвѣчалъ: «Нѣтъ, это не ханъ, а Котляревскій». Тогда Абасъ-Мирза сердито замѣтилъ: «Пусть лѣзутъ поросята на ножъ». Въ лагерѣ, разумѣется, никакъ не ожидали столь смѣлаго нападенія. Русскіе уже были совсѣмъ близко, когда персидскіе солдаты бросились въ-разсыпную. Однако офицеры успѣли ихъ удержать и стали строить въ колонны. Нашъ отрядъ подвигался въ трехъ каре, съ растянутыми передними фасами, каждый въ 4 взвода; между взводами — орудія; на флангахъ перваго и третьяго каре—егеря, а между каре—конница. Котляревскій скоро замѣтилъ, что бывшій за лагеремъ курганъ занятъ лишь конницей; онъ занялъ этотъ курганъ и открылъ по лагерю огонь. Абасъ-Мирза поздно спохватился, что сдѣлалъ ошибку. Теперь онъ выступилъ со всѣми своими войсками, направляя ихъ въ обходъ, чтобы отрѣзать русскихъ отъ Аракса. Котляревскій оставилъ наверху по одному фасу и орудія, а съ прочими войсками спустился на-встрѣчу персіянъ. Грянуло громовое ура, началась штыковая работа, и такая страшная, что персіяне не долго выдержали и бросились спасаться за рѣчку Дараурть. 36 фальконетовъ, весь персидскій лагерь со многими сокровищами и снарядами, 400 тю-

ковъ англійскихъ патроновъ достались побѣдителямъ; артиллерія, благодаря быстротѣ своихъ коней, успѣла ускакать. Котляревскій, расположившись въ персидскомъ лагерѣ, обдумывалъ свои дальнѣйшія дѣйствія, какъ привели къ нему русскаго унтеръ-офицера, бывшаго въ плѣну у персіянъ. Онъ принесъ персидское знамя и вызывался провести скрытно нашъ отрядъ тою стороною, гдѣ не было у непріятеля пушекъ. — «На пушки, братецъ! На пушки!» вскричалъ Котляревскій, вскочилъ съ того самаго стула, на которомъ часъ назадъ сидѣлъ Абасъ-Мирза.

Въ это же время персидскій принцъ, «подобный Александру Македонскому», какъ величали персіяне Абасъ-Мирзу, успѣлъ устроиться возлѣ укрѣпленія Асландуза, расположеннаго при впаденіи рѣчки Дараурта въ Араксъ *). Отсюда онъ сталъ высылать стрѣлковъ и артиллерію, чтобы безпокоить русскихъ. Ночью явились въ нашъ отрядъ перебѣжавшіе плѣнные и сказали, что изъ персидскаго лагеря разосланы гонцы собрать всѣ разсѣянные за Араксомъ отряды. Это извѣстіе ускорило рѣшимость Котляревскаго: въ ту же ночь войска выступили къ Асландузу и до разсвѣта переправились черезъ р. Дарауртъ. Котляревскій, выславъ казаковъ къ р. Араксу, пресѣчь дорогу бѣглецамъ, раздѣлилъ остальныя войска на три части, имѣя въ виду охватить непріятеля съ трехъ сторонъ: 7 ротъ грузинскихъ гренадеръ шли со стороны Персіи, егеря обходили съ лѣвой стороны, резервъ слѣдовалъ внизъ по теченію Дараурта. Въ глухую, темную ночь тихо подвигались русскіе отряды къ Асландузу: малѣйшій шопотъ былъ строго запрещенъ. Персіяне, по своей безпечности, даже не разставили пикетовъ; они сидѣли возлѣ костровъ, и вдругъ, точно во снѣ, увидѣли надъ собой блеснувшіе штыки, суровыя лица мохнатыхъ гренадеръ. Раздались вопли ужаса и отчаянія; снова грянуло ура, и началось кровопролитіе: персіяне падали подъ ударами штыковъ; гренадеры, не взирая на мольбы, косили цѣлые батальоны, какъ сухую траву. Самъ Котляревскій кричалъ: «Полно, полно, гренадеры! Довольно!»—его не слушали солдаты, озлоблен-

*) Смотри планъ сраженія при Асландузѣ.

План сражения при Асландузъ.



ные хищными повадками азіятовъ. Вдругъ генералъ слышитъ жалобный вопль: «Котляревскій! Спаси меня! Я Арасланъ-ханъ!» — Это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ персидской арміи, командовавшій полкомъ конницы. Котляревскій бросился въ толпу и спасъ ему жизнь. Въ эту страшную ночь напалъ столбнякъ на самыхъ храбрыхъ. Кто-то закричалъ: «Въ Асландузъ, въ укрѣпленіе!» — и вся персидская армія бросилась туда, какъ стадо перепуганныхъ овецъ. Оно было обнесено палисадами и окружено двумя глубокими рвами. Однако Котляревскій по слѣдамъ враговъ ворвался въ укрѣпленіе и мигомъ его взялъ. Самъ Абасъ-Мирза едва ускакалъ по направленію къ Тавризу, съ конвоемъ изъ 20 человѣкъ. Въ дѣлѣ подъ Асландузомъ наши взяли 11 пушекъ, 5 знаменъ и 600 плѣнныхъ; раненыхъ и убитыхъ подобрано 9 тысячъ. Непріятельскія пушки оказались англійскаго издѣлія и имѣли такую надпись: «Отъ короля надъ королями — шаху надъ шахами, въ даръ», что означало подарокъ короля Англіи. Наши потеряли всего 127 чел. Съ поля битвы генералъ отправилъ въ Тифлисъ донесеніе, которое начиналось слѣдующими словами: «Богъ, ура и штыки даровали и здѣсь побѣду войскамъ всемилостивѣйшаго Государя». Въ два дня укрѣпленіе Асландузъ было разрушено, и Котляревскій возвратился за Аракъ.

Главнокомандующій, получивши подробное донесеніе о побѣдѣ при Асландузѣ, донесъ Государю, испрашивая Высочайшей милости на награжденіе Котляревскаго слѣдующимъ чиномъ и Георгіевскимъ крестомъ 3-го класса. Государь немедленно подписалъ его производство въ генералъ-лейтенанты и повелѣлъ изготовить патентъ на Георгіевскій крестъ; главнокомандующій получилъ Александровскую ленту. Добрый Ртищевъ никогда не могъ забыть, кому онъ былъ обязанъ этой наградой.

Хотя Асландузская побѣда и дала хорошій урокъ персіянамъ, но Котляревскій не считалъ войну оконченной. Персіяне оставались еще въ Талышинскомъ ханствѣ, составляющемъ нынѣ часть Шемахинской губ., гдѣ они утвердились во время переговоровъ и гдѣ, при помощи англичанъ, сильно укрѣпили Ленкорань. Война

могла окончиться только взятіемъ Ленкорани: такъ понималъ Котляревскій и сталъ готовиться къ новому походу. Пока подошли къ нему подкрѣпленія, паступилъ декабрь. 17-го числа отрядъ, силою въ полторы тысячи пѣхоты, 470 казаковъ, при 6 орудіяхъ, выступилъ изъ лагеря. За рѣкою Араксомъ тянется верстъ на 80 Муганская степь. Солдаты то вязли по грудь въ болотахъ, то попадали въ снѣжные сугробы. Вѣтеръ, гуляя на просторѣ, крутилъ снѣжные вихри, заметавшіе человѣческій слѣдъ; шли наощупь, полагаясь больше на Бога, чѣмъ на проводниковъ. За 4 дня до праздниковъ отрядъ вступилъ уже въ границы ханства. Персидская конница, завидя приближеніе русскихъ, разбѣжалась, и отрядъ подошелъ къ крѣпостцѣ Аркевань. Персидскій гарнизонъ бросилъ укрѣпленіе. Нашимъ достались всѣ орудія, снаряды, порохъ и патроны.

Занявши крѣпость небольшимъ гарнизономъ, Котляревскій двинулся дальше, присоединивъ къ себѣ по пути небольшой отрядъ моряковъ, подъ начальствомъ Веселаго, и на 2-й день праздника сталъ подъ Ленкоранью. Грозно поднимались ея высокіе валы; еще выше стояли каменныя стѣны, между зубцами которыхъ выглядывали жерла орудій; кругомъ крѣпости на далекое разстояніе разстилалась болотистая, безлюдная, печальная равнина; 4 тыс. отборныхъ воиновъ подъ начальствомъ сардаря Садыкъ-хана засѣли за стѣнами Ленкорани. Котляревскій приказалъ сейчасъ же устроить батареи и открыть канонаду, а на другой день утромъ послалъ сардарю письмо: «Какой вы ни на есть отличный полководецъ, а все же не лучше Абасъ-Мирзы, и войска у васъ не больше, чѣмъ у него. У меня же тѣ самые солдаты, которые разбили Абасъ-Мирзу. Чтобы не проливать даромъ крови, лучше сдайте крѣпость; черезъ три часа ожидаю отвѣта». На это письмо сардарь отвѣчалъ: «Напрасно вы, генералъ, думаете, что несчастіе, которое случилось съ моимъ государемъ, должно служить мнѣ примѣромъ. Одинъ Богъ располагаетъ судьбою и знаетъ, кому пошлетъ Свою помощь!» —Началась пальба изъ всѣхъ пушекъ и одной мортиры, свезенной съ русскаго корабля, стоявшаго на взморьѣ.

Однако ядра увязали въ землѣ, не причиняя веркамъ никакого вреда. Котляревскій попробовалъ еще одно средство: онъ отправилъ всѣмъ защитникамъ увѣщаніе, въ которомъ писалъ, что «русскій солдатъ, не имѣя ни жены, ни дѣтей, ни богатства, вступилъ на службу Государя лишь съ одною чистою душою и съ намѣреніемъ положить свою жизнь ради побѣды. А у васъ, у всякаго есть жена, дѣти, родственники и всякое имѣніе. И теряете вы больше, чѣмъ мы. Пощадите же себя, вашихъ женъ и дѣтей, ваше имущество. Я и мои войска не отступимъ отъ крѣпости, не покоривъ ея оружіемъ». — Отвѣта не было. Тогда Котляревскому оставалось выбирать между побѣдой и смертью: «ибо отступить отъ крѣпости, по его мнѣнію, значило бы посрамить честь русскаго оружія».—Онъ написалъ слѣдующій приказъ: «Рѣшаюсь приступить къ этому послѣднему средству и даю знать о томъ войскамъ. Считаю нужнымъ предварить всѣхъ солдатъ и офицеровъ, что отступленія не будетъ. Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть,—за тѣмъ мы сюда присланы. Докажемъ, храбрые солдаты, непріятелю, что русскому штыку ничто противиться не можетъ. Не такія крѣпости брали русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіяне: сіи противъ тѣхъ ничего не значатъ. Предписывается всѣмъ первое: послушаніе; второе: помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ меньше терпишь урону. Опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣрятъ; третье: не бросаться на добычу подъ страхомъ смертной казни, пока совершенно не окончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла, на добычѣ напрасно солдата убиваютъ»... Въ особой диспозиціи было сказано: «Барабанщикамъ тревоги не бить, пока люди не будутъ на стѣнахъ; когда всѣ батареи и стѣны будутъ заняты, то въ середину крѣпости безъ приказанія не ходить, а бить непріятеля картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя,— его не будетъ, пока непріятель совершенно истребится; если и ударятъ отбой, прежде чѣмъ будутъ заняты всѣ стѣны и батареи, то считать оный за обманъ, такой же, какой непріятель сдѣлалъ въ Асландузѣ».—Для предстоящаго

штурма отрядъ былъ раздѣленъ на три штурмовыя колонны: въ первой, подъ начальствомъ полковника Ушакова, шесть ротъ Грузинскихъ гренадеръ; во второй 350 человѣкъ Троицкаго полка; въ третьей 300 егерей, подъ командой маіора Терешкевича; одна рота Грузинскаго полка назначалась для фальшивой атаки. Каждой колоннѣ точно указано, по какому направленію идти, съ какой стороны подниматься.

Наканунѣ Новаго года, въ 5 ч. утра, тихо выступилъ отрядъ, но не успѣлъ еще дойти до назначенныхъ мѣстъ, какъ былъ встрѣченъ пальбой. Смѣло подвигаясь, войска́ спустились въ ровъ и приставили лѣстницы. Тутъ персіяне ожидали ихъ съ пиками, рогатинами, подсвѣтами, ручными гранатами. Передніе ряды были сброшены въ ровъ. Ушаковъ свалился мертвый; многіе офицеры убиты. Персіяне все подваливали да подваливали: первая колонна остановилась во рву, не зная, что дѣлать. Котляревскій, стоявшій на ближайшей батареѣ, замѣтилъ, что колонна гибнетъ; онъ самъ бросился въ ровъ и надъ трупомъ Ушакова ободрялъ растерявшихся солдатъ. Вокругъ него валились люди; надъ крѣпостью стояло красное зарево отъ несмолкаемой пальбы и висѣвшихъ по стѣнамъ рѣшетокъ, напитанныхъ смолой. Одна пуля засѣла храброму генералу въ ногу. Придерживая рукою колѣно, онъ по прежнему ободрялъ грузинцевъ и, указавши на лѣстницы, громко крикнулъ: «Сюда!»—Солдаты бросились впередъ, но въ эту самую минуту непріятель всадилъ ему двѣ пули, изъ которыхъ одна раздробила челюсть. Обливаясь кровью, Котляревскій упалъ на груду мертвыхъ тѣлъ, и въ то же время, въ сладкомъ забытьи, услыхалъ надъ головой побѣдный крикъ русскихъ и проклятія персіянъ. Храбрый маіоръ Грузинскаго полка Абхазовъ съ одной ротой этой же колонны успѣлъ овладѣть непріятельской батареей и повернуть ея орудія въ крѣпость. Персіяне бросились отнимать ее, но были встрѣчены картечью; штыки покончили дѣло. Вторая и третья колонны также взяли назначенныя имъ батареи; солдаты, въ пылу боя, карабкались прямо на стѣны, хватались за дула непріятельскихъ ружей: они подтягивались на нихъ вверхъ, такъ какъ персіяне

не выпускали ружей. Когда всѣ уцѣлѣвшіе очутились въ укрѣпленіи, начался новый, отчаянный бой; ожесточенные солдаты дрались съ остервенѣніемъ: кололи штыками, били прикладами, палили въ упоръ. Сардарь палъ въ битвѣ, съ нимъ убито еще 10 хановъ. Персіяне, не видя иного спасенія, стали кидаться черезъ стѣну, въ рѣчку Ленкорань; но на другой сторонѣ ихъ ожидали два орудія, заряженныя картечью; они повернули вправо — и наткнулись на рогу съ орудіемъ, назначенную для фальшивой атаки. Несчастные бѣглецы попали подъ перекрестный огонь; рѣчка окрасилась кровавымъ цвѣтомъ отъ множества убитыхъ. Всего потеряли персіяне 3,700 чел.; у насъ убито болѣе 300 да ранено 500, т.-е. болѣе чѣмъ половина всего отряда: въ штурмѣ участвовало 1,400 чел., въ крѣпости взято 8 орудій, булава сардаря и магазинъ съ провіантомъ. Изъ захваченныхъ бумагъ узнали, что Абасъ-Мирза далъ такой приказъ сардарю: «Ежели и цѣлыя горы войска стануть противъ тебя, то не колебайся, а защищай до послѣдней капли крови сей ключъ къ сердцу Персіи». — Тотчасъ по взятіи крѣпости густой снѣгъ покрылъ землю, политую кровью русскихъ, что послужило добрымъ знакомъ на будущее.

Печально возвращался побѣдоносный отрядъ въ Карабагъ. Офицеры и солдаты, опустивъ головы, мрачно шли за носилками, на которыхъ лежалъ страдалецъ Котляревскій. И чуяло сердце кавказцевъ, что молодой генералъ не будетъ больше водить ихъ къ побѣдамъ. Они были правы: штурмомъ Ленкорани закончилась служба Котляревскаго, въ расцвѣтѣ его жизни и громкой славы. Награжденный Георгіемъ 2-го класса, 30-лѣтній генералъ-лейтенантъ долженъ былъ покинуть дорогой ему Кавказъ, своихъ друзей, сподвижниковъ и кавказскихъ солдатъ для того, чтобы прожить еще 39 лѣтъ въ уединеніи и тяжкихъ страданіяхъ. А на Кавказѣ скоро былъ заключенъ славный Гюлистанскій миръ, по которому Персія навсегда отказалась отъ всѣхъ ханствъ, составляющихъ почти все нынѣшнее Закавказье.

ВЫСТУПЛЕНІЕ НАПОЛЕОНА ИЗЪ МОСКВЫ.

Какъ только французы вошли въ Москву, она загорѣлась. Сперва загорѣлись москательныя лавки и гостиный дворъ, потомъ запылалъ въ Земляномъ городѣ каретный рядъ, который подожгли сами хозяева. Погасить пожаръ не было никакой возможности; пока тушили въ одномъ мѣстѣ, начинало горѣть гдѣ-нибудь по сосѣдству. Пламя, врываясь въ улицы, поднималось клубомъ, въ видѣ огненнаго вихря, подъ городскія строенія и перебѣгало съ крыши на крышу, истребляя въ одинъ мигъ прожорливымъ змѣемъ то, что люди копили вѣками. Когда было пойманно нѣсколько русскихъ поджигателей, Наполеонъ махнулъ рукой: «Ну, теперь Москва погибла! Нечѣмъ мнѣ наградить свою армію!» — Первое время Наполеонъ жилъ въ Кремлѣ, но загорѣлись дворцовыя конюшни, запылала арсенальная башня; нѣсколько головешекъ упали на дворъ, гдѣ стояли зарядные ящики всей гвардейской артиллеріи. Тогда генералы уговорили Наполеона выѣхать. Онъ вышелъ изъ Кремля пѣшкомъ, спустился къ рѣкѣ и тутъ приказалъ подвести верховыхъ лошадей себѣ и своей свитѣ. За ними шла гвардія, кромѣ одного ба-

тальона, оставленнаго въ Кремлѣ; солдатъ московской полиціи служилъ проводникомъ: онъ шелъ впереди, хотя не зналъ, куда ведетъ, не узнавая улицъ—все сгорѣло или разрушилось. Вечеромъ кое-какъ добрались до Петровскаго дворца, гдѣ стоялъ биваками 4-й корпусъ.

На четвертыя сутки огонь сталъ утихать, и то потому, что нечему было горѣть: три четверти Москвы лежали въ развалинахъ.

Наполеонъ оставляетъ Кремль.

Узнавши, что пожаръ прекратился, Наполеонъ опять переѣхалъ въ Москву. Это было 6-го сентября. На пути, между бивуаками, онъ видѣлъ нищету рядомъ съ роскошью. Горѣли костры изъ дорогой мебели, картинъ, книгъ, святыхъ иконъ, и на этихъ кострахъ варилась конина; на землѣ валялись въ кучахъ головы сахару, мѣшки съ кофе, разныя пряности, тогда какъ хлѣба не

было. Повсюду были видны слѣды грабежа, насилія, безтолковой корысти. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы не пускать солдатъ въ Москву по-одиночкѣ, а наряжать командами, снабжая ихъ свидѣтельствами, что они дѣйствительно посланы за припасами. Стали ходить въ командахъ, но также забирали зря, а больше того истребляли безъ нужды все, что̀ попадалось подъ руку. Въ то время, когда полкъ нуждался въ хлѣбѣ, мясѣ или въ овощахъ, фуражиры тащили вина, сахаръ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Войска терпѣли нужду не оттого, что не находили запасовъ,—ихъ было много, — но потому, что на первыхъ же порахъ допустили безпорядокъ. Въ особенности потерпѣла французская конница отъ недостатка фуража; уже черезъ три недѣли она сдѣлалась никуда негодною. Французскіе генералы больше всего заботились о сбереженіи главной квартиры, т. е. Кремля, гдѣ находился императоръ. Тутъ постоянно находился одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, отряжавшій караулы и пикеты. Никому изъ русскихъ не дозволялось входить въ Кремль, за исключеніемъ тѣхъ, кого требовалъ самъ Наполеонъ; часовые получили приказаніе, въ случаѣ ослушанія, стрѣлять. По всѣмъ стѣнамъ стояли цѣпи часовыхъ; патрули ходили день и ночь внутри Кремля, все равно какъ бы въ виду непріятеля. Наконецъ вышелъ приказъ, запрещавшій и посылку командъ, а велѣно было всѣ припасы, находимые въ городѣ, сдавать въ магазины и оттуда уже выдавать войскамъ, по мѣрѣ надобности. Будь это сдѣлано въ самомъ началѣ, армія Наполеона не терпѣла бы такой нужды. Самая же главная бѣда заключалась въ томъ, что грабежи и безчинства породили своевольство, дисциплина исчезла. Солдаты перестали слушать своихъ офицеровъ; офицеры не оказывали уваженія не только генераламъ, но даже императору. Грабежи продолжались, не смотря ни на какіе приказы; даже гвардейскіе солдаты занимались мародерствомъ, и Наполеонъ ничего не могъ подѣлать, хотя бы и желалъ. Для поддержанія въ войскахъ бодрости духа, онъ ежедневно дѣлалъ смотры. Такъ, 6-го октября, около полудня, онъ смотрѣлъ корпусъ Нея, незадолго передъ этимъ прибывшій въ

Москву. Уже съ ранняго утра была слышна въ городѣ канонада, а во время смотра прискакалъ адъютантъ съ донесеніемъ, что русскіе сдѣлали нападеніе на авангардъ Мюрата, расположенный на р. Чернишнѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы. Наполеонъ крайне встревожился и приказалъ сейчасъ же начать выступленіе. До послѣдней минуты онъ все еще надѣялся, что русскій Царь согласится на миръ; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался завести объ этомъ рѣчь съ Кутузовымъ и даже писалъ съ нарочнымъ къ Государю. Отвѣта не было, вмѣсто отвѣта — нападеніе. За время шестинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ Наполеонъ потерялъ до 30 тысячъ человѣкъ—отъ пожара, болѣзней и партизанскихъ дѣйствій, но въ то же время онъ получилъ подкрѣпленіе почти въ такихъ же силахъ, такъ что передъ выступленіемъ имѣлъ тѣ же 105 тыс. и 600 орудій. Пѣхота, составленная изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, успѣла оправиться отъ труднаго похода; она находилась въ отличномъ видѣ, но кавалерія ослабѣвшая отъ безкормицы, совершенно потеряла свои боевыя свойства; то же самое слѣдуетъ сказать и объ артиллерійскихъ лошадяхъ. Французскіе генералы совѣтовали Наполеону даже бросить часть орудій; но онъ не согласился.

Два корпуса вышли въ тотъ же вечеръ; гвардія и прочія войска на другой день. Маршалъ Мортье долженъ былъ оставаться въ Москвѣ съ 8-ю тысячами пѣхоты и конницы. Онъ получилъ приказаніе вооружить какъ можно поспѣшнѣе кремль, собирать муку, картофель, капусту, водку и печь сухари. Наполеонъ въ концѣ своего приказанія приписалъ: «Быть можетъ, я еще возвращусь въ Москву». Однако, этимъ словамъ никто не повѣрилъ, ни генералы, ни солдаты. Выступившія войска тащили на себѣ и за собой непомѣрную добычу. Если бы Наполеонъ двинулся на-легкѣ, онъ успѣлъ бы упредить нашу армію на пути отъ Калуги къ Смоленску; но огромные обозы, да еще на изнуренныхъ лошадяхъ, замедляли походъ на каждомъ шагу. За войсками ѣхали болѣе 10 тыс. каретъ, колясокъ, дрожекъ, бричекъ и фуръ, нагруженныхъ добычей; вмѣсто

продовольствія, маркитантки везли товары, посуду, серебро; тѣмъ же были наполнены артиллерійскія повозки и госпитальныя фуры; кавалеристы навьючили сверхъ силъ своихъ жалкихъ лошадей, а пѣхота еле двигалась подъ тяжестью ранцевъ и узловъ. Это было не движеніе арміи, всегда готовой къ бою, а переселеніе народовъ со всѣмъ ихъ имуществомъ. На протяженіи 30-ти верстъ тянулись въ 3—4 ряда артиллерійскія орудія, потомъ казенныя фуры и, наконецъ, пестрый, безконечный обозъ, вокругъ котораго толпилась другая армія изъ разнаго сброда. Тутъ были иностранцы со своими семействами, проживавшіе прежде въ Москвѣ; потомъ, нестроевые, маркитантки, больные, раненые, женщины, дѣти — все это толкалось, толпилось, налѣзало другъ на друга, производя тѣсноту и страшный безпорядокъ. Если случалось встрѣтить по пути мостъ или гать, то обозы останавливались, чтобы пропустить впередъ войска, и тутъ начиналось такое столпотвореніе, которое невозможно описать и которымъ отлично умѣли пользоваться наши партизаны: такихъ случаевъ они не пропускали. Медленное и безтолковое движеніе нагоняло на солдатъ уныніе; самыя лучшія войска стали терять необходимую бодрость и довѣріе. Наполеонъ долженъ былъ сносить терпѣливо такой безпорядокъ, потому что у него не было запасено продовольствія, не было впереди магазиновъ, а прокормить стотысячную армію, да еще въ непріятельской странѣ, гдѣ поднялся весь народъ, дѣло не легкое. Самъ императоръ тащилъ за арміей несоразмѣрное число артиллеріи и артиллерійскихъ обозовъ; особыя повозки везли, напримѣръ, персидскія и турецкія знамена, взятыя въ церквахъ столицы, неизвѣстно для чего.

Изъ Москвы идутъ на Калугу двѣ дороги: «Старая» калужская и «Новая» калужская; первая—на Тарутино, гдѣ находилась наша армія, а вторая—правѣе, на Боровскъ и Малоярославецъ. Наполеонъ хотѣлъ обмануть русскихъ, исполнивши скрытное передвиженіе своей арміи со Старой дороги на Новую, а именно: выйти по Старой калужской дорогѣ, сдѣлать верстъ 30 и проселками выйти на Новую, а потомъ, черезъ Малоярославецъ, поспѣшно пройти на Ка-

лугу. Если бы это движеніе удалось, онъ отрѣзалъ бы нашу армію отъ Калуги и могъ въ ней зимовать, тѣмъ болѣе, что тамъ находились большіе запасы продовольствія. Въ случаѣ чего, онъ могъ отсюда идти на Смоленскъ, краемъ еще неразореннымъ. Таковы были выгоды этого движенія. Для насъ же было выгодно не допустить французовъ на Калугу, а заставить ихъ идти въ Смоленскъ по старой дорогѣ, по которой они шли въ Москву, черезъ Можайскъ и Бородино. Это удалось, благодаря бдительности партизанъ. 7-го октября генералъ Дороховъ, стоявшій недалеко отъ Новой калужской дороги, у Ка́това, донесъ фельдмаршалу, что непріятель, въ числѣ 8—10 тысячъ, появился у с. Ѳоминскаго. Тогда Кутузовъ выслалъ корпусъ Дохтурова, съ придачей кавалеріи и артиллеріи. Эти войска выступили изъ тарутинскаго лагеря 10-го числа утромъ. Дорога была скверная, грязная; артилерія вязла по ступицы, такъ что батарейныя орудія пришлось бросить. Пройдя верстъ 15, Дохтуровъ заночевалъ, но скрытно, не разводя огней и разсчитывая съ разсвѣтомъ неожиданно атаковать непріятеля у с. Ка̀това. Уже прошла полночь, надо было выступать, какъ прискакалъ партизанъ Сеславинъ и привезъ важныя вѣсти. Онъ разсказалъ, что былъ за 4 версты отъ Ѳоминскаго, скрывшись въ лѣсу, и видѣлъ самого Наполеона; пропустилъ мимо себя его свиту, за ней французскую гвардію и много другихъ войскъ. Изъ числа отсталыхъ Сеславинъ захватилъ нѣсколько гвардейцевъ, а одного изъ нихъ, самаго расторопнаго капрала, привезъ съ собой къ Дохтурову. Этотъ капралъ тутъ же и показалъ, что вышли они изъ Москвы четыре дня назадъ, что Мортье оставленъ въ Кремлѣ, и что вся армія Наполеона идетъ черезъ Боровскъ на Малоярославецъ. Этимъ извѣстіемъ Сеславинъ не только разъяснилъ скрытное движеніе Наполена, но спасъ отрядъ Дохтурова, который, наткнувшись на всю французскую армію, легко былъ бы разбитъ. Генералъ Дохтуровъ сейчасъ же послалъ донесеніе фельдмаршалу, а самъ повернулъ влѣво, чтобы поскорѣе занять Малоярославецъ. Услыхавъ, что Наполеонъ оставилъ Москву, Кутузовъ, потрясенный этимъ извѣстіемъ, зарыдалъ

и, повернувшись къ образу Спасителя, произнесъ: «Боже, Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей: съ сей минуты Россія спасена!» Тотчасъ были сдѣланы нужныя распоряженія: Платову съ казаками идти теперь же; остальнымъ войскамъ спѣшно готовиться. Къ вечеру 11-го числа, тарутинскій лагерь опустѣлъ, тронулись даже обозы.

Вице-король, шедшій въ авангардѣ французской арміи, успѣлъ захватить Малоярославецъ; Дохтуровъ немедленно его атаковалъ и вытѣснилъ французовъ. Съ прибытіемъ остальныхъ войскъ вице-короля, а также другихъ корпусовъ, бой возобновился и продолжался до глубокой ночи съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ. Семь разъ Малоярославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки; къ вечеру его развалины остались въ рукахъ французовъ. Съ обѣихъ сторонъ легло болѣе 12-ти тысячъ. Ночью два русскихъ артиллериста при помощи пороха и фитилей подожгли крайнія строенія; пожаръ разлился широкой полосой, и въ то время, когда французы собирались въ кучи его тушить, въ нихъ палили изъ пушекъ. Трудно разсказать, на что сталъ похожъ этотъ городъ, подъ стѣнами котораго должна была рѣшиться судьба кампаніи. Улицы обозначались не домами, а грудами труповъ, истерзанныхъ, раздавленныхъ колесами; погибло множество раненыхъ, больныхъ; живые вопили о помощи... Между прочимъ, по ту и другую сторону несчастнаго города, послѣдней жертвы, принесенной русскими въ эту памятную войну, сосредоточились обѣ арміи: одна искала выхода, спасенія; другая—съ рѣшимостью умереть, но не пускать дальше ни шагу. Въ ту же ночь Платовъ перевелъ черезъ рѣчку Лужу 6 казачьихъ полковъ и вслѣдъ за ними переправилъ 20-й егерскій полкъ. Этотъ полкъ занялъ на берегу Лужи лѣсъ, чтобы беречь переправу. Казаки тихо двинулись къ столбовой дорогѣ и скоро увидѣли бивачные огни. Зорко всматриваясь въ даль, они замѣтили, что по дорогѣ къ Малоярославцу тянулось войско, пѣшее и конное. Начальники партій съѣхались въ одно мѣсто, переговорили между собой и рѣшили сдѣлать ударъ. Сперва шагомъ, потомъ рысью, наконецъ въ карьеръ, съ пронзительнымъ гикомъ,

вынеслись донцы на большую дорогу, гдѣ наскочили прямо на артиллерію. Французы свернули-было въ сторону, въ поле, но казаки живо ихъ настигли и отбили 40 пушекъ. Пока одни поворачивали орудія, другіе кинулись въ обозы; иные понеслись дальше, распространяя въ тылу французской арміи страхъ и ужасъ. Въ это же самое время Наполеонъ выѣхалъ изъ Городни, гдѣ онъ ночевалъ, на большую дорогу, въ сопровожденіи трехъ гвардейскихъ взводовъ. Онъ ѣхалъ къ Малоярославцу, намѣреваясь тамъ окончательно рѣшить, что ему дѣлать: пробиваться ли впередъ, или отступать назадъ? Только-что онъ, озабоченный тяжелою думою, поднялся на пригорокъ, какъ конные егеря, бывшіе впереди него, завидѣли множество всадниковъ, скакавшихъ въ разсыпную. Едва начинало свѣтать, и егеря, больше по догадкѣ, смекнули, что это, должно быть, казаки. Когда дали знать императору, онъ вынулъ свою шпагу и свернулъ въ поле... Тутъ поднялась страшная суматоха: казаки, найдя въ обозѣ боченки съ золотомъ, склоняли товарищей; вся свита императора и конные егеря бросились на-встрѣчу тѣмъ, которые скакали по дорогѣ. Во время свалки подоспѣлъ конвой императора, а вскорѣ прибыла и вся гвардейская кавалерія. Однако казаки успѣли увернуться и, кромѣ 11 орудій, отправленныхъ раньше, захватили и золото въ боченкахъ. Такимъ образомъ едва не удалось захватить и самого Наполеона: тогда бы и войнѣ конецъ. Почти въ это самое время генералъ Кутейниковъ отбилъ близъ Боровска обозъ съ церковнымъ серебромъ. Изъ этого серебра сдѣлали впослѣдствіи въ Казанскомъ соборѣ красивую рѣшетку.

13-го октября обѣ арміи простояли въ бездѣйствіи. Наполеонъ не рѣшился атаковать русскихъ, потому что не очень надѣялся на свои разстроенныя войска; и хотя побѣда могла дать ему на зиму пріютъ, зато малѣйшая неудача могла лишить его послѣдняго пути отступленія. Послѣ долгаго раздумья онъ велѣлъ 14-го числа начать движеніе къ Можайску—путь, на которомъ до самаго Смоленска не было никакихъ запасовъ; то, что взято изъ Москвы, давно истреблено. Великой арміи угрожалъ голодъ; она должна

была развалиться сама собой. Такъ и случилось. Молча, уныло тронулись солдаты въ обратный путь; посреди печальныхъ полковъ ѣхалъ императоръ, разсчитывая со своимъ начальникомъ штаба, когда они доберутся до Смоленска и Минска, гдѣ надѣялись найти запасы продовольствія.

Еще 8-го октября Мортье, оставленный, какъ сказано, въ Москвѣ, получилъ отъ своего императора приказаніе зажечь кремлевскій дворецъ и всѣ казенныя зданія; кромѣ того, кремлевскія стѣны взорвать, лафеты и колеса у зарядныхъ ящиковъ изрубить, ружья переломать и выступить съ войсками, прежде чѣмъ взлетятъ стѣны Кремля.

Между жителями Москвы скоро распространились слухи, что подъ стѣны Кремля подведены мины и что съ каждой минутой нужно ожидать взрыва. На всѣхъ нашелъ такой страхъ, что никто не оставлялъ своего убѣжища; всѣ сидѣли взаперти: ворота и двери были забиты. Нѣсколько человѣкъ, случайно проходившихъ мимо Кремля, были застрѣлены португальскими солдатами. Между прочимъ, генералъ Винценгероде, наблюдавшій съ партизанами тверскую дорогу, зналъ, что̀ дѣлается въ столицѣ. На другой же день послѣ выступленія Наполеона, переодѣтый полицейскій донесъ ему, что французы подводятъ подъ Кремль мины; генералъ вскочилъ съ мѣста и съ негодованіемъ воскликнулъ: «Нѣтъ! Бонапартъ не взорветъ Кремля! Я объявлю ему, что всѣ плѣнные французы будутъ повѣшены, если только хоть одна церковь взлетитъ на воздухъ!»

Саксонецъ по происхожденію, Винценгероде ненавидѣлъ Наполеона за разореніе его отечества. На другой день, взявши съ собой адъютанта Нарышкина, онъ поѣхалъ въ Москву, чтобы свидѣться съ Мортье; но излишняя пылкость повредила генералу: караульные солдаты схватили его лошадь подъ уздцы и потащили въ Кремль. Мортье, выслушавши гнѣвные упреки генерала, спокойно отвѣтилъ: «Я пошлю къ императору курьера. А теперь пожалуйте вашу шпагу и идите подъ арестъ». Въ тотъ же день французы стали выходить изъ Кремля; за нимъ тянулся такой же обозъ,

какъ и за войсками Наполеона. Между солдатъ затесалось множество иностранцевъ покидавшихъ Москву; среди отборныхъ жандармовъ везли нашего партизана Винценгероде съ его адъютантомъ. Въ самую полночь, когда непріятель былъ уже далеко, въ ночномъ мракѣ, запылалъ кремлевскій арсеналъ и другія зданія, обреченныя безразсудной злобой на разрушеніе. Вслѣдъ за тѣмъ раздался страшный взрывъ—одинъ, другой, третій, всѣхъ шесть. Дома поколебались, многія стѣны треснули во всю вышину, во всѣхъ ближайшихъ зданіяхъ разломаны двери, выбиты стекла, раздроблена мебель. Нѣсколько башенъ и часть кремлевской стѣны взлетѣли на воздухъ. Немногіе жители Москвы, охваченные ужасомъ, выскочили на площади, большею частью раздѣтые. Израненые осколками стекла́, бревнами или камнями, они кидались безъ памяти то въ одну, то въ другую сторону. Эта ужасная ночь была послѣднею для многихъ москвичей, уцѣлѣвшихъ среди грабежей и насилій. Страдальцы, лишенные крова, покрытые рубищемъ, голодные и холодные, погибали на развалинахъ родного города. А тутъ опять начались грабежи, убійства и всякаго рода насилія. Къ счастью, вошли казаки и скоро прекратили эти безчинства: они ловили пьяныхъ мародеровъ, какъ мышей въ порахъ, при чемъ однихъ безпощадно били, другихъ забирали въ плѣнъ.

Печальный видъ имѣла наша первопрестольная столица. Отъ одной заставы до другой она лежала въ развалинахъ, только кое-гдѣ сіяли позолоченные куполы церквей да торчали колокольни и немногіе уцѣлѣвшіе дома; на всякомъ шагу попадались трупы людей и лошадей, обломки, груды мусора и хлама. Велико было разрушеніе и въ Кремлѣ. Но соборы истиннымъ чудомъ уцѣлѣли: огонь не коснулся храмовъ Божіихъ, хотя, напримѣръ, древняя церковь Спаса-на-Бору была вся заметана головешками. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ церквахъ остались слѣды поруганія святыни; святыя мощи выброшены на помосты, надгробія изрублены, иконы разбросаны, святые престолы повалены, и вмѣсто нихъ гдѣ лежала палая лошадь, гдѣ награбленное добро; въ Архангельскомъ соборѣ грязнилось вино изъ разбитыхъ бочекъ, валялась рухлядь,

стащенная изъ дворцовой и оружейной палаты; между рухлядью— 12 чучелъ ратниковъ. Только на третій день по вступленіи нашихъ войскъ можно было приготовить къ божественной службѣ большую церковь въ Страстномъ монастырѣ. Серебряныхъ сосудовъ не было, взяли стеклянные. Въ 9-мъ часу вечера ударили въ колоколъ, и пошелъ благовѣстъ по всѣмъ уцѣлѣвшимъ колокольнямъ. Вся Москва какъ бы встрепенулась послѣ омертвѣнія. Не только церковь, но паперть и дворъ монастыря наполнились народомъ. Никогда, можетъ-быть, москвичи не молились съ такимъ усердіемъ, какъ въ ту минуту, когда началось молебствіе. Пали на колѣни не одни русскіе люди, повергліись на землю и чужеземцы: башкиры, калмыки. Общее рыданіе сливалось съ священнымъ пѣснопѣніемъ, трезвономъ въ колокола и пальбой изъ пушекъ. И всѣ молились объ одномъ — да сохранитъ Господь православную Русь, ея Царя и людей.

Чуднымъ и величественнымъ памятникомъ этой тяжелой годины стоитъ нынѣ среди Москвы, на возвышенномъ берегу рѣки, златоглавый храмъ Спасителя. Его задумалъ построить еще Императоръ Александръ; начали постройку при Императорѣ Николаѣ, продолжали все царствованіе Александра II и освятили при его преемникѣ, въ Бозѣ почившемъ, Императорѣ Александрѣ III. Русскій человѣкъ, входя въ этотъ «небеси подобный» храмъ, на стѣнахъ котораго начертана вся Отечественная война, вспоминаетъ съ гордостью, какъ велики были жертвы, принесенныя русскимъ народомъ для спасенія достоинства, независимости и благосостоянія отечества, на которыя такъ дерзко посягнулъ Наполеонъ. И знай онъ, на что способенъ русскій, онъ никогда бы не переступилъ нашу границу. Онъ думалъ, что Россію такъ же легко завоевать, какъ нѣкогда Александръ Македонскій завоевалъ Персидскую монархію. За эту ошибку Наполеонъ горько поплатился, — о чемъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

НАСТУПЛЕНІЕ ВЪ ЧЕЧНЮ И ДАГЕСТАНЪ.

Между коренной Россіей и Закавказьемъ, гдѣ мы недавно утвердились, прямой путь лежалъ черезъ горы, населенныя непокорными племенами горцевъ. Военно-грузинская дорога, пролегающая между Владикавказомъ и Тифлисомъ, дѣлила нашихъ враговъ на двѣ половины: влѣво отъ нея—Чечня и Дагестанъ, вправо—Кабарда и Черкесы. Другой путь въ Закавказье, болѣе кружный, шелъ берегомъ Каспійскаго моря на Дербентъ и Кубу. Страна между р. Терекомъ и отрогами Андійскаго хребта населена чеченскимъ племенемъ. Сейчасъ за Терекомъ, вплоть до Сунжи, тянется полоса безводная и безлюдная, а за Сунжей, верстъ на 25 вглубь, начинается такъ-называемая чеченская плоскость. Эта равнина покрыта вѣковыми лѣсами, съ продольными и поперечными прогалинами. На ея дальней окраинѣ возвышаются отроги Черныхъ горъ, не столь высокихъ, какъ главный Кавказскій хребетъ и, кромѣ того покрытыхъ чинаромъ, кленомъ, ясенью. Крутые и обрывистые скаты соединяютъ эти горы

съ снѣговымъ Андійскимъ хребтомъ, за которымъ начинается чисто горная страна Дагестанъ. Тутъ много высокихъ и обширныхъ котловинъ, дающихъ начало большимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Сунжу: Мартанъ, Аргунъ, Фортанга, Асса и другія. Въ началѣ незначительныя рѣчонки пополняются по пути множествомъ горныхъ рѣчекъ и, бурля на днѣ овраговъ, прорѣзаются черезъ горы, образуютъ ущелья и быстро несутъ свои воды на чеченскую плоскость.

Богатая водою и обильная лѣсами, Чечня способна къ земледѣлію, а также скотоводству. Воинственное чеченское племя выселилось изъ горъ и распространилось до самаго Терека, при чемъ распалось на вольныя общества. У нихъ нѣтъ ни князей, ни дворянъ; каждое небольшое общество управлялось отдѣльно и сосѣди не мѣшались въ его дѣла. Чеченцы, жившіе надъ Терекомъ и Сунжей, давно уже признавали власть русской державы и носили названіе мирныхъ. Но это не мѣшало имъ прорываться черезъ нашу Линію, грабить транспорты, отгонять скотъ, хватать плѣнныхъ и потомъ слагать вину на дальнихъ собратій. Они дѣлали еще хуже, укрывали разбойничьи партіи абрековъ, указывали имъ путь или прятали награбленное добро. Кроткія внушенія не вели ни къ чему: хищные, какъ волки, и неукротимые, какъ тигры, чеченцы принимали кроткое обращеніе за слабость, а подарки разжигали еще больше природную ихъ алчность. Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ, въ 1816 году, былъ назначенъ на Кавказъ одинъ изъ прославленныхъ героевъ этихъ достопамятныхъ войнъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Казалось, сама судьба предназначала Ермолова для Кавказа,—этой, до него грозной и неприступной, твердыни; она же дала ему тотъ богатырскій обликъ, который сразу внушилъ страхъ горскимъ народамъ. При необычайной силѣ, могучемъ тѣлосложеніи и громадномъ ростѣ, Алексѣй Петровичъ своею большою, круглою головой и сѣдыми густо спадавшими волосами напоминалъ грознаго льва. Суровыя, спокойныя черты лица его выражали неутомимую энергію и непреклонную волю, хотя въ то же время, большіе голубые глаза глядѣли лас-

ково, спокойно. Онъ смотрѣлъ на всѣ мирныя и немирныя племена, населяющія Кавказъ, какъ на будущихъ подданныхъ русской державы, и требовалъ отъ нихъ повиновенія. Онъ говорилъ, что золото и подарки служатъ лишь приманкой и что для укрѣпленія власти русскаго Царя желѣзо гораздо надежнѣе. Ермоловъ началъ съ Чечни.

Въ 1817 году онъ приказалъ заложить укрѣпленіе «Преградный станъ», на р. Сунжѣ, для защиты Военно-грузинской дороги. Чеченцы отвѣтили рядомъ набѣговъ, распространяя опустошеніе по Тереку, гдѣ стало опасно выходить за ворота станицъ. Въ серединѣ мая слѣдующаго года прибылъ на линію *) Ермоловъ и остановился въ станицѣ Червленной, откуда должно было начаться движеніе въ Чеченскую землю. Онъ вызвалъ къ себѣ старшинъ всѣхъ ближнихъ ауловъ, раскинутыхъ по Тереку, и объявилъ имъ, что если они пропустятъ чрезъ свои земли хоть одну партію хищниковъ, то ихъ заложники будутъ повѣшены, а сами они загнаны въ горы, гдѣ перемрутъ отъ голода и моровой язвы. «Мнѣ не нужны мирные мошенники: выбирайте любое — покорность или истребленіе ужасное». За угрозой послѣдовало дѣло: въ концѣ мая авангардъ русскаго отряда перешелъ Терекъ и двинулся на Сунжу; въ шести верстахъ отъ Ханкальскаго ущелья должна была вырости новая крѣпость. Тѣ изъ жителей окрестныхъ селеній, которые считали себя виновными, бѣжали въ горы, остальные сидѣли въ домахъ. 10-го іюня въ русскомъ лагерѣ было совершено торжественное молебствіе, а затѣмъ, при громѣ пушекъ, заложена сильная крѣпость о шести бастіонахъ, которую Ермоловъ назвалъ Грозною. Тогда чеченцы бросились укрѣплять и безъ того неприступное Ханкальское ущелье. Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги. Но постройка крѣпости подвигалась быстро, солдаты работали неутомимо, а чеченцы, между тѣмъ, день ото дня становились отважнѣе и дерзче. Безсонныя ночи и тяжелая работа днемъ сильно утомляли солдатъ, почему Ермоловъ рѣшился проучить чеченцевъ. Онъ приказалъ казакамъ вывести за крѣпость пушку: пушка

*) „Кавказская линія“, см. „Казаки“: стр. 287.

могла служить отличною приманкою. Чеченскіе караулы дали знать о томъ въ сосѣдніе аулы, и передъ разсвѣтомъ большая партія вынеслась изъ лѣсу. Казаки обрубили гужи, бросили пушку и поскакали въ лагерь. Чеченцы даже не преслѣдовали, а столпились возлѣ пушки, прилаживаясь, какъ бы ее ловчѣе увезти. Въ эту минуту 6 батарейныхъ орудій ударили по нимъ изъ лагеря картечью, другія шесть — гранатами: ни одна картечь, ни одинъ осколокъ не пропали даромъ. Чеченцы оторопѣли, не зная, что дѣлать, и только тогда опомнились, когда грянулъ второй залпъ. Они мигомъ исчезли, оставивъ около 200 раненыхъ, столько же убитыхъ. Послѣ этого ночи стали спокойнѣе.

Чеченцы, привыкшіе къ прежнимъ порядкамъ, ожидали, что войска пойдутъ въ ихъ землю на-проломъ, будутъ гоняться за ними по лѣсамъ, штурмовать завалы, а, между прочимъ, они спокойно стояли на мѣстѣ, подвигая постройку. Бездѣйствіе утомляло чеченцевъ; штурмовать же русскій лагерь они сами не рѣшались, и стали искать помощи въ горахъ Дагестана. Дагестанцы откликнулись: большая толпа лезгинъ, подъ предводительствомъ Нуръ-Магомета, появилась среди чеченцевъ, распаляя въ нихъ ненависть къ русскимъ. Чеченцы оживились, стали нападать на наши команды, ходившія въ лѣсъ за дровами, а въ день апостоловъ Петра и Павла чеченская конница бросилась на наши караулы и едва не ворвалась въ лагерь. Донской генералъ Сысоевъ успѣлъ выскочить съ казаками и принять ихъ шашками. Болѣе крупное дѣло готовилось на 4-е августа. Въ этотъ день ожидали въ лагерь большой транспортъ съ продовольствіемъ, боевыми запасами и съ разнымъ товаромъ, который везли маркитанты. Чеченцы рѣшились сдѣлать нападеніе на транспортъ, поведя это дѣло такъ скрытно, что лазутчики дали знать о немъ, когда наши и сами замѣтили движеніе большой партіи за Сунжу. Ермоловъ выслалъ на-встрѣчу транспорту сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова. Въ это время чеченская конница уже понеслась на транспортъ; за нею двигались густыя толпы пѣшихъ, оставивъ на переправѣ сильные резервы. Внезапное появленіе отряда

Вельяминова заставило ихъ повернуть всѣми силами назадъ. Загорѣлась перестрѣлка. Бѣшено кидались въ шашки чеченцы и лезгины, но Вельяминовъ держалъ ихъ въ отдаленіи мѣткой стрѣльбой изъ орудій, не допуская до рукопашной. Солдаты стояли съ ружьемъ у ноги. Напрасно чеченцы кидались на пушки: картечь поражала ихъ сотнями. Непріятельская конница покинула поле битвы, пѣхота колебалась, но когда Вельяминовъ пошелъ впередъ съ тѣмъ, чтобы захватить переправу, тогда и пѣхота обратилась въ поспѣшное бѣгство. Этимъ дѣломъ кончилось участіе лезгинъ: они поссорились съ чеченцами и ушли въ Дагестанъ. Тѣмъ временемъ постройка крѣпости быстро приближалась къ концу; для гарнизона были выкопаны землянки, на валгангѣ поставлены орудія. Всѣмъ владѣльцамъ чеченскихъ деревень на правомъ берегу Терека объявлено, чтобы они, подъ страхомъ наказанія, не терпѣли у себя вредныхъ людей, не пропускали черезъ свои земли хищниковъ и содержали въ извѣстныхъ мѣстахъ караулы; по первому требованію они должны высылать на службу конныхъ людей на собственныхъ лошадяхъ; въ случаѣ нападенія съ горъ, жители обязаны защищаться какъ бы противъ своихъ враговъ. «Лучше отъ Терека до Сунжи оставлю пустыя мѣста, сказалъ Ермоловъ, чѣмъ потерплю разбои въ тылу укрѣпленій».—Когда всѣ распоряженія были окончены, 9 ротъ егерей, 6 орудій и 400 линейныхъ казаковъ, подъ командой храбраго полковника Грекова, заняли Грозную въ видѣ гарнизона. Пользуясь зимнимъ временемъ, Грековъ занялъ близъ лежащій лѣсъ и вырубилъ въ немъ широкую просѣку. Въ двое сутокъ почти все Ханкальское ущелье было вырублено; широкая просѣка въ версту шириной открывала входъ въ землю чеченцевъ. Эта первая просѣка положила начало правильному покоренію горцевъ и указала, что въ дѣлѣ умиротворенія края топоръ такъ же необходимъ, какъ и штыкъ.

Всѣ эти, до сихъ поръ неслыханныя мѣры, повели къ частымъ сношеніямъ между горскими народами, затѣвавшими вооруженное сопротивленіе. Ермоловъ отвѣчалъ на нихъ въ слѣдующемъ году заложеніемъ другой крѣпости, которая получила названіе «Вне-

запной». Мѣсто для нея выбрано было въ землѣ кумыковъ, въ с. Андреевскомъ, гдѣ шла бойкая торговля, снабжавшая горцевъ всѣмъ для нихъ необходимымъ; черезъ это же селеніе проходилъ путь на Терекъ, которымъ чеченцы пользовались для своихъ набѣговъ, за что бѣдные кумыки платились вдвойнѣ. Весною 1819 года два баталіона кабардинцевъ, 8-й егерскій полкъ, 16 орудій и 300 линейныхъ казаковъ прибыли въ Андреевское, подъ командой Вельяминова; 2-го іюля пріѣхалъ главнокомандующій. Работы были уже въ ходу, и 18 числа этого же мѣсяца заложена сильная крѣпость на батальонъ пѣхоты, съ блокгаузами въ два яруса. Она росла, какъ грибъ: солдаты рубили лѣсъ, дѣлали сырцовый кирпичъ, возводили стѣны, копали рвы, насыпали брустверъ. Ермоловъ ежедневно обходилъ работы, при чемъ имѣлъ привычку побалагурить, пошутить съ солдатами. Они очень его любили, называли между собой не иначе, какъ «батюшкой Алексѣемъ Петровичемъ», или просто «Петровичемъ». Между тѣмъ, отрядъ, заброшенный далеко въ глубь Чечни, окружала измѣна. Почти всѣ окрестныя селенія опустѣли; жители образовали мятежное скопище, которое увеличилось съ прибытіемъ аварскаго хана; чеченцы, спустившись съ горъ, окружали лагерь мелкими партіями. Однажды ночью, въ концѣ августа, они накинулись на отрядный табунъ и угнали до 400 казенныхъ лошадей. Сообщеніе съ Линіей производилось не иначе, какъ подъ прикрытіемъ сильныхъ конвоевъ. Когда прибыли изъ Россіи подкрѣпленія, Ермоловъ выступилъ 29-го августа на встрѣчу мятежному скопищу. Лезгины, послѣ перваго удара, отраженнаго храбрыми кабардинцами, засѣли въ утесахъ за крѣпкими завалами; наши войска расположились по окрестнымъ высотамъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Не желая тратить на штурмѣ людей, Ермоловъ приказалъ лишь поддерживать огонь артиллеріи. На 3-й день осады, между горцами, стѣснепными въ окопахъ, начались ссоры, драки и убійства; аварскій ханъ бѣжалъ, скопище само собой разсѣялось. Въ половинѣ сентября крѣпость была окончена, вооружена и занята гарнизономъ. Настала очередь расплаты съ чеченцами. Ермоловъ рѣшился освобо-

дить земли кумыковъ отъ непрошеныхъ гостей и заставить ихъ уйти въ горы. На первый разъ онъ намѣтилъ аулъ Дады-Юртъ, какъ притонъ отчаянныхъ разбойниковъ. 15-го сентября, на разсвѣтѣ, маіоръ Сысоевъ подошелъ къ аулу и предложилъ жителямъ добровольно перебраться за Сунжу. Шесть кабардинскихъ ротъ, пять орудій и 700 казаковъ, развернувшись въ боевой порядокъ, молча ждали отвѣта. Чеченцы отказались, и кабардинцы пошли на приступъ. Начался кровавый бой, какого не запомнятъ кавказскіе солдаты. Каждый дворъ, окруженный высокимъ каменнымъ заборомъ, приходилось брать какъ отдѣльную крѣпость: сначала палить изъ пушекъ, потомъ штурмовать. Солдаты на рукахъ перетаскивали орудія изъ одного дома къ другому и устанавливали ихъ подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, стрѣлявшаго почти въ упоръ; почти всѣ артиллеристы были перебиты: ихъ замѣнили казаки и солдаты. Пробивши брешь, солдаты врывались въ сакли, гдѣ въ духотѣ и темнотѣ бились на смерть, работая штыками, отражая смертельные удары кинжаловъ. Нѣкоторые чеченцы, видя, что имъ не устоять, на глазахъ солдатъ рѣзали женъ и дѣтей; многія изъ женщинъ сами бросались съ кинжалами или же погибали въ пламени. Несмотря на то, что снѣшенные казаки вовремя подкрѣпили кабардинцевъ, ужасная рѣзня продолжалась еще нѣсколько часовъ. Аулъ былъ взятъ только тогда, когда изъ его многочисленнаго населенія осталось 14 человѣкъ, и то израненыхъ. Мы потеряли болѣе четверти всего отряда. Грозный примѣръ Дады-Юрта внушилъ чеченцамъ такой страхъ, что при появленіи русскихъ, они, уславши заранѣе въ горы женъ и дѣтей, оказывали весьма слабое сопротивленіе, сознавая, что не стоитъ защищать деревянныя сакли въ этой странѣ, обильной лѣсомъ. Многіе аулы встрѣчали нашихъ съ хлѣбомъ-солью, и въ нѣсколько дней окрестная страна безмолвно признала власть русскаго Царя.

Въ началѣ ноября Ермоловъ получилъ извѣстіе изъ Дагестана, что акушинцы намѣрены напасть на городъ Тарки и вырѣзать семейство шамхала тарковскаго. Этотъ владѣтель вѣрно служилъ Россіи, почему былъ ненавистенъ горцамъ. Ермоловъ сейчасъ же

отправилъ въ Тарки небольшой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ляховича, а самъ сталъ собираться къ походу въ Дагестанъ, чтобы наказать акушинцевъ на мѣстѣ. 11-го ноября отрядъ выступилъ изъ крѣпости Внезапной, имѣя 9 батальоновъ пѣхоты, 34 орудія и 400 казаковъ, кромѣ отряда князя Мадатова, который долженъ былъ присоединиться на походѣ. Надо сказать, что акушинцы считались наиболѣе сильными и опасными изъ всѣхъ народовъ Дагестана. Они до сей поры вспоминали съ гордостью, что нѣкогда разбили знаменитаго завоевателя шахъ-Надира и съ тѣхъ поръ не видали въ своей землѣ непріятеля. Ненастная погода и глубокій снѣгъ задержали Ермолова недѣли на двѣ въ г. Таркахъ, а когда прибыли транспорты съ провіантомъ и оружіемъ, Ермоловъ выступилъ къ границамъ Акуши. Болѣе трехъ тысячъ рабочихъ расчищали дорогу. 12-го декабря авангардъ, подъ начальствомъ князя Мадатова, перешелъ высокій горный кряжъ, служившій границею акушинскаго народа; почти трое сутокъ ушло на то, чтобы перетащить орудія и тяжести. Въ селеніи Урума Ермоловъ взялъ 400 казаковъ, татарскую конницу и въ свѣтлую лунную ночь осмотрѣлъ расположеніе непріятеля. Въ серединѣ его позиціи видны были окопы, лѣвый флангъ оканчивался укрѣпленнымъ бугромъ, а правый примыкалъ къ тѣсному ущелью, по которому протекала рѣчка Манасъ. За рѣчкой, на высотахъ, видны были также отряды, но небольшіе. Эти-то высоты Ермоловъ рѣшилъ занять; отрядъ приблизился къ передовому укрѣпленію на пушечный выстрѣлъ, а князь Мадатовъ въ ту же ночь спустился съ пятью баталіонами влѣво по глубокому оврагу, занялъ тотъ берегъ и быстро прошелъ около двухъ верстъ, сбивая непріятеля. На разсвѣтѣ горцы съ ужасомъ увидѣли, что ихъ правый флангъ обойденъ, путь въ г. Акушу отрѣзанъ. Большими толпами они двинулись за рѣчку, но стоявшіе внизу два батальона встрѣтили ихъ штыками и заставили подняться назадъ. Продольный огонь со стороны князя Мадатова и фронтальный огонь спереди скоро заставили горцевъ очистить передовое укрѣпленіе. Татарская конница сейчасъ же вскочила туда, за ней вбѣжалъ батальонъ Ширванскаго полка и

поставилъ батарейныя орудія. Съ этого мѣста видно было лѣвую сторону ущелья, по которому непріятель переходилъ партіями на тотъ берегъ. Густая стрѣлковая цѣпь изъ отряда князя Мадатова, овладѣвъ утесами, нависшими надъ самой дорогой и рѣчкой Манасомъ, била сверху на выборъ толпы акушинцевъ; сзади ихъ поражали огнемъ артиллеріи. Моздокскіе казаки бросились впередъ, обскакали толпу и крошили ее шашками; татарская конница, которой хотѣлось отличиться на глазахъ Ермолова, пустилась въ догонку, не обращая вниманія на скалы и ущелья. Пораженіе было полное; горцы разсыпались въ ближнихъ и дальнихъ ущельяхъ. Разгромивши это скопище, Ермоловъ двинулся дальше, не встрѣчая ни души въ обширныхъ и богатыхъ селеніяхъ акушинскаго народа; главный ихъ городъ также былъ пустъ, но уже на другой день явились старшины и просили прощенія; они соглашались считаться подданными Бѣлаго Царя, пребывать ему вѣрными. Болѣе всего ихъ удивляло, что русскіе солдаты не только не трогали ихъ имущества, но даже сберегали забытыхъ младенцевъ, которыхъ матери приходили разыскивать въ лагерь. Одному почтенному старику возвратили его дочь, красивую дѣвушку. Враждебное настроеніе акушинскаго народа живо смѣнилось уваженіемъ къ великодушію побѣдителей, особенно когда Ермоловъ именемъ Государя Императора объявилъ имъ прощеніе, принялъ отъ нихъ присягу и, взявши заложниковъ, оставилъ ихъ при старыхъ порядкахъ.

Въ то время, когда Ермоловъ громилъ акушинцевъ, одинъ изъ владѣтелей южнаго Дагестана, по имени Сурхай-ханъ, напалъ на Чирахскій постъ, въ которомъ находились двѣ роты Троицкаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Овечкина. Часть гарнизона, по тѣснотѣ редута, помѣщалась въ селеніи того же имени, занимая казарму. Въ темную декабрскую ночь 6 тыс. лезгинъ спустились съ горъ, ворвались въ селеніе и вырѣзали большую часть спавшихъ въ казармѣ солдатъ; около 50 человѣкъ съ прапорщикомъ Щербиной успѣли спастись въ мечеть, обращенную въ магазинъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, занявшимъ

селеніе и преградившимъ всѣ окрестныя дороги, осажденные сразу очутились въ безвыходномъ положеніи. Овечкинъ сдѣлалъ-было изъ редута вылазку, но Щербина просилъ его возвратиться: «Береги людей для охраны крѣпости! Я обрекъ себя на смерть!».— Цѣлый день осажденные били горцевъ на выборъ, но число храбрыхъ защитниковъ уменьшалось; наконецъ, горцы отбили двери, ворвались въ мечеть и съ кинжалами въ рукахъ напали на русскихъ. Отбиваясь штыками, наши полегли геройскою смертью; Щербина съ нѣсколькими солдатами взбѣжалъ на минаретъ, и каждый горецъ, который пытался туда проникнуть, летѣлъ внизъ съ раздробленной головой. Тогда лезгины стали подрывать минаретъ. Два дня продолжалась эта пытка, во время которой Щербина и его доблестные сподвижники оставались безъ пищи, въ ежеминутномъ ожиданіи смерти. Наконецъ она наступила: минаретъ рухнулъ, придушивъ обломками послѣднихъ его защитниковъ. Обрадованные горцы сейчасъ же кинулись на редутъ: однако ихъ живо осадили картечью; тогда они спустились въ ровъ и завязали перестрѣлку. Солдаты вылѣзали на брустверъ, подвергая себя явной опасности, чтобы только достать лезгина, отчего сами терпѣли больше, чѣмъ непріятель, скрытый во рву; почти всѣ офицеры были убиты или ранены. Такъ прошелъ день, другой, наступилъ третій; въ редутѣ не осталось ни капли воды; солдаты глотали порохъ, но все-таки посылали пулю за пулей, изнемогая въ неравной борьбѣ. — «Товарищи, говорилъ Овечкинъ, обходя ряды солдатъ со своей прострѣленной ногой: я дѣлилъ съ вами всѣ труды и славу, не разъ видѣлъ васъ впереди и никогда не видѣлъ въ побѣгѣ. Не дайте же при концѣ моей жизни видѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ постыдномъ плѣну! Убейте начальника, если не хотите бить враговъ!»—Солдаты, выслушавъ Овечкина, бросились на валъ, и снова посыпались пули. Прошло еще нѣсколько часовъ; Овечкинъ, истекая кровью, впадалъ въ безпамятство. Тогда фельдфебель одной изъ ротъ предложилъ солдатамъ сдаться. Какъ ужаленный, встрепенулся Овечкинъ и приказалъ связать фельдфебеля: «Я застрѣлю

того, кто первый упомянетъ о сдачѣ!» — Онъ велѣлъ поднести себя къ орудію, сдѣлалъ самъ выстрѣлъ и тутъ же свалился на платформу, простр ѣленный двумя пулями. Пораженные твердостью начальника, солдаты дрались отчаянно; они навѣрно послѣдовали бы его примѣру, если бы въ эту рѣшительную минуту не засверкали на склонѣ горъ русскіе штыки: два небольшихъ отряда изъ сосѣднихъ укрѣпленій спѣшили на выручку товарищей. Велика была радость первой встрѣчи; особенно когда наши увидѣли, какъ поспѣшно скрылся Сурхай-ханъ, избѣгая битвы въ открытомъ полѣ. Однако изъ двухъ ротъ Троицкаго полка уцѣлѣло только 70 чел., въ томъ числѣ лишь 8 перанепыхъ.

Ермоловъ никогда не прощалъ подобныхъ покушеній: черезъ мѣсяцъ появилась его прокламація, въ которой Сурхай-ханъ былъ объявленъ лишеннымъ своихъ владѣній; его сынъ, бывшій аманатомъ, заключенъ въ тюрьму, вся его свита и слуги отправлены въ Сибирь. Въ то же время князь Мадатовъ получилъ приказаніе вступить въ Казикумухское ханство. Дорога изъ Ширвани въ южный Дагестанъ считается одной изъ самыхъ трудныхъ на Кавказѣ. Узкія мрачныя ущелья, засыпанныя обломками скалъ, отвѣсныя каменныя горы, вѣковые лѣса и бурные потоки заграждали путь нашимъ солдатамъ. Все это они одолѣли и, когда уже вскарабкались на высоту Дибрара, встрѣтили пропасть, шесть саженъ ширины и съ полверсты въ глубину. Черезъ нее были перекинуты три старыхъ дуба. Князь Мадатовъ, ѣхавшій всегда впереди, не остановился ни на минуту: его маленькая горная лошадка не безъ труда перебралась по качавшимся бревнамъ. У всѣхъ присутствующихъ замерло сердце при видѣ начальника на-волосъ отъ смерти. Но когда онъ былъ на той сторонѣ, офицеры и солдаты пошли по его слѣдамъ. За пропастью начинался спускъ; утесы по краямъ дороги были такъ круты и дикій лѣсъ, покрывавшій ущелье, такъ густъ, что свита Мадатова сошла съ лошадей и пробиралась пѣшкомъ. Былъ полдень, ярко свѣтило знойное кавказское солнце, а въ этомъ мрачномъ ущельѣ было темно и сыро, какъ въ пещерѣ. У подошвы этихъ горъ начиналась Кубинская

провинція, въ главномъ городѣ которой присоединилось къ отряду 800 отличныхъ наѣздниковъ, подъ начальствомъ Асланъ-хана. На дальнѣйшемъ пути къ Шираху предстояла трудная переправа черезъ рѣчку Самуръ. Потребовалось пять часовъ, чтобы перетащить артиллерію черезъ нѣсколько быстрыхъ потоковъ, которыми ниспадалъ Самуръ съ высотъ Чіакура. За Самуромъ дорога пролегала по узкому ущелью и по крутымъ утесамъ каменистыхъ горъ. Всѣ тяжести солдаты везли на рукахъ. Въ Кухарѣ, главномъ городѣ Кюринскаго ханства, присоединилось къ отряду еще 400 всадниковъ Асланъ-хана, нашего союзника и вѣрнаго друга. Между прочимъ, лазутчики дали знать Мадатову, что Сурхай-ханъ собралъ поголовное ополченіе и что съ вольными лезгинскими обществами его силы, расположенныя у с. Хозрека, простираются до 20 тыс. Никто въ отрядѣ не бывалъ въ Хозрекѣ, даже не зналъ, что это за мѣсто; однако пошли дальше. Два плѣнныхъ лезгина, захваченные татарскими наѣздниками, показали, что вся непріятельская конница расположена въ семи верстахъ передъ Хозрекомъ, прикрывая такимъ образомъ дорогу; самъ же Сурхай-ханъ, съ отборнѣйшей пѣхотой, защищаетъ окопы до самаго Хозрека. Войска тронулись, прикрытыя густымъ туманомъ; въ шесть часовъ утра, когда солнце освѣтило вершины горъ, увидѣли линію конницы, растянутой по возвышеніямъ. Князь Мадатовъ послалъ на нее татаръ и три роты Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Мартиненки. Татары, имѣя во главѣ лихого наѣздника Гассана-агу, брата кюринскаго хана, вынеслись живо впередъ, перебрались черезъ обрывы, овраги и, наскакавъ на лезгинъ, обратили ихъ въ бѣгство. Во время бѣшеной погони Гассанъ-ага вдругъ остановился и грянулся о-земь; мѣткая пуля лезгина понала ему въ сердце. Наѣздники, потерявши начальника, окружили его, сбились въ толпу, чѣмъ воспользовались лезгины и стали уже брать верхъ. Но за ними слѣдилъ князь Мадатовъ; онъ прискакалъ самъ, явились три роты апшеронцевъ, и татары, въ глазахъ любимаго начальника, опять ринулись въ битву, такъ что апшеронцамъ оставалось только провожать бѣглецовъ залпами. Съ высоты горъ

открылась вся линія непріятельскихъ завало въ, весь лагерь Сурхая, его пестрая ставка, украшенная знаменами и окруженная множествомъ другихъ палатокъ изъ цвѣтныхъ шелковыхъ матерій. Тутъ же стояли самые надежные резервы. На разстояніи пушечнаго выстрѣла князь Мадатовъ приказалъ открыть пальбу; черезъ два часа наши замѣтили большую сумятицу. Тогда князь Мадатовъ, раздѣливши свой отрядъ на три части, послалъ ихъ въ атаку на непріятельскіе окопы, а татарскую конницу, подъ начальствомъ Асланъ-хана, направилъ въ обходъ Хозрека, чтобы отрѣзать бѣглецамъ дорогу въ ихъ столицу, Казикумухъ. Съ барабаннымъ боемъ пошла пѣхота прямо на окопы; Асланъ-ханъ, спѣшивъ татаръ, ворвался въ окопы сбоку и сзади; въ это время на нихъ ужъ развивалось знамя храбрыхъ апшеронцевъ. Лезгины бросились на Казикумухъ, но дорога была перехвачена; тогда они стали карабкаться изъ ущелья вверхъ на скалу. Подъѣхавшая артиллерія открыла по нимъ такой сильный огонь, что многіе искали спасенія у Асланъ-хана, отдавая ему въ руки свое оружіе и жизнь. Улицы Хозрека и окрестныя поля были усѣяны убитыми, ранеными, оружіемъ, разными пожитками. Лезгины потеряли до двухъ тысячъ ранеными и убитыми; они бросили свой лагерь съ богатой ставкой Сурхай-хана, 11 знаменъ и 12 мѣдныхъ орудій, принадлежавшихъ когда-то персидскому шаху. Всѣмъ плѣнникамъ, по приказанію Мадатова, объявлена свобода, и они спокойно разошлись по домамъ; раненыхъ лезгинъ отдали на попеченіе ихъ женамъ, либо поручили муллamъ, при чемъ князь Мадатовъ даже назначилъ для нихъ особаго доктора. Скоро жители убѣдились, что русскіе ведутъ войну не съ ними, а съ ихъ коварнымъ ханомъ; они возвращались въ свои дома, гдѣ находили все въ такомъ же видѣ, въ какомъ оставили. Сурхай-ханъ съ поля битвы прискакалъ съ десяткомъ нукеровъ къ стѣнамъ своей столицы, но старшины не впустили его въ городъ. Они отдали хану его женъ, дѣтей и сказали, чтобы онъ ѣхалъ дальше, куда хочетъ. Тогда Сурхай-ханъ бѣжалъ въ Аварію. Затѣмъ трое старшинъ явились въ Хозрекъ и заключили съ княземъ Мадатовымъ договоръ, по

которому казикумухцы обязаны были принять къ себѣ новаго хана. На другой же день отрядъ вступилъ въ столицу. У воротъ ожидали депутаты со знаменами и высокими шестами, перевитыми зеленью. Старшины поднесли городскіе ключи на богатомъ блюдѣ, наполненномъ рисомъ, и князь Мадатовъ, по обычаю страны, долженъ былъ его отвѣдать. Послѣ этого ему подвели богато осѣдланную лошадь, съ просьбою принять въ подарокъ, а, кромѣ того,— ружье, пистолетъ, шашку и кинжалъ превосходнѣйшей работы. Князь Мадатовъ, свободно говорившій по-лезгински, умѣлъ сразу очаровать жителей и привлечь ихъ на свою сторону: большою толпою лезгины провожали его до ханскаго двора, гдѣ вся лѣстница была украшена персидскими коврами и златотканными дорогими матеріями. Водворивъ въ этомъ дворцѣ Асланъ-хана, князь Мадатовъ вернулся въ лагерь. На третій день растворились настежь двери большой мечети, въ нее вошелъ Асланъ-ханъ, сопровождаемый многочисленною и блестящею свитою. Посреди мечети лежалъ на барабанѣ коранъ, подъ знаменемъ Апшеронскаго полка, одна рота котораго стояла у дверей мечети въ видѣ почетнаго караула. Старшины поочередно подходили къ корану, клали на него правую руку, при чемъ произносили слова присяги на вѣрность Императору Александру и своему новому хану. По окончаніи обряда, новый казикумухскій ханъ, Аслапъ, появился на крѣпостной стѣнѣ въ богатой пурпуровой одеждѣ; громъ русскихъ пушекъ и крики народа служили ему радостнымъ привѣтомъ. — Такъ успѣшно наступали русскіе во времена Ермолова на плоскость Чечни и грозныя выси Дагестана.

ЗАЩИТА ГЁРГЕБИЛЯ.

Черезъ десять лѣтъ послѣ походовъ Ермолова вглубь Чечни и Дагестана среди горцевъ стало распространяться новое ученіе, которое сплотило ихъ въ одинъ народъ и ополчило противъ русскихъ. Это ученіе получило названіе мюридизма. Первымъ его проповѣдникомъ былъ мулла изъ с. Гимры, по имени Кази-мулла. Онъ говорилъ: «Я посланъ отъ Бога спасти васъ. Итакъ, во имя Его и пророка призываю васъ на брань съ невѣрными. Казаватъ (священная война) русскимъ! Казаватъ всѣмъ, кто забываетъ вѣру!»—Въ 1832 году баронъ Розенъ подступилъ къ Гимрамъ, гдѣ заперся пророкъ съ шестью сотнями вѣрныхъ. Дрались отчаянно съ обѣихъ сторонъ отъ восхода до захода солнца; было холодно, дулъ ужасный вѣтеръ. Горцы не выдержали и разбѣжались; но Кази-мулла, Шамиль и самые преданные мюриды, числомъ 15, вошли въ башню и стали отстрѣливаться черезъ бойницы. Наконецъ, Кази-мулла сказалъ: «Здѣсь насъ всѣхъ перебьютъ, и мы погибнемъ, не сдѣлавъ вреда невѣрнымъ; лучше выйдемъ и умремъ пробиваясь». Съ этими

словами онъ надвинулъ на глаза шапку и бросился изъ дверей. Только-что онъ успѣлъ выскочить изъ башни, какъ солдатъ ударилъ его въ затылокъ камнемъ; онъ упалъ и тутъ же былъ заколотъ штыками. Шамиль, видя, что противъ дверей стоятъ два солдата съ прицѣленными ружьями, выпрыгнулъ какъ тигръ и очутился сзади обоихъ. Они тотчасъ повернулись къ нему, но онъ зарубилъ ихъ шашкой, а третій солдатъ убѣжалъ; въ это время четвертый вонзилъ ему штыкъ, такъ что конецъ штыка вышелъ на спинѣ. Шамиль схватилъ правой рукой дуло ружья, выдернулъ штыкъ и, зажавъ рану, началъ махать шашкой. Солдаты боялись въ него стрѣлять, чтобъ не попасть въ своего, но успѣли его ранить еще два раза: въ затылокъ и разбили на груди кость. Вдругъ сзади Шамиля раздался крикъ: «Аллахъ!» и послышался лошадиный топотъ: это были мюриды. Тогда Шамиль пустился бѣжать въ сопровожденіи мюрида Мухамеда-Али. Выбѣжавъ изъ деревни, онъ упалъ на землю и, отдавая свою шапку, сказалъ Мухамеду: «Сохрани шапку, я умираю!» Но Мухамедъ не ушелъ, а отойдя немного, поджидалъ, пока русскіе оставили деревню. Когда стемнѣло, Шамиль пришелъ въ сознаніе и вспомнилъ, что нора молиться; только-что началъ читать молитвы, какъ кровь хлынула у него изъ раны и горла. Тогда съ помощью мюрида, онъ приподнялся и кое-какъ добрался до Унцукуля, гдѣ, пролежавъ три мѣсяца, выздоровѣлъ, а еще черезъ два мѣсяца уже сидѣлъ на копѣ.

Шамиль имѣлъ дарованія воина и правителя. Черезъ 8 лѣтъ онъ стоялъ во главѣ чеченскаго народа, многочисленнаго, единомышленнаго и воинственнаго. Поселившись въ Дарго, среди дремучихъ лѣсовъ, онъ сталъ тревожить своими набѣгами нашу Линію и въ то же время подчинялъ своей власти вольный Дагестанъ. Въ концѣ 1843 года Шамиль считался неограниченнымъ повелителемъ всей восточной половины Кавказа, располагая тридцати-тысячнымъ войскомъ. Въ одно и то же время онъ былъ старшій мулла и военачальникъ, поучалъ въ мечети и обучалъ войска, управлялъ совѣстью народа и его грознымъ ополченіемъ.

Каждый горецъ долженъ былъ служить отъ 16 до 60 лѣтъ; выходить на войну съ винтовкой, пистолетомъ и шашкой, а кто побогаче — на собственномъ конѣ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ число воиновъ распредѣлялось по наибствамъ, но въ случаѣ большой опасности выходили старъ и младъ, и горе тому, кто осмѣлился ослушаться имама: ему грозила сѣкира палача, сопровождавшаго Шамиля во всѣхъ его походахъ.

Въ августѣ 1843 года Шамиль собралъ по окончаніи жатвы около десяти тысячъ горскихъ народовъ и въ самое короткое время взялъ и разорилъ въ горахъ Дагестана 6 нашихъ укрѣпленій. Отряды, спѣшившіе на выручку, были уничтожены. Много мы потеряли въ этотъ тяжелый годъ: 50 офицеровъ, полторы тысячи солдатъ, 12 полевыхъ орудій, не считая чугунныхъ, бывшихъ въ крѣпостяхъ. Аварія, за исключеніемъ Хунзаха, была очищена отъ русскихъ; аулы лежали въ развалинахъ, укрѣпленія срыты, посѣвы истреблены, фруктовые сады срублены, оставленъ камень и голая пустыня. Въ безлѣсной и скалистой Аваріи посѣвы дѣлались на уступахъ, по крутымъ скатамъ горъ; на эти уступы трудолюбивые аварцы взвозили землю издалека, или на ослахъ, или втаскивали на своихъ собственныхъ плечахъ. Небольшое число деревьевъ да кукуруза кормили жителей Аваріи. Шамиль порубилъ всѣ фруктовыя деревья; велѣлъ раскидать и стѣнки, которыя поддерживали плодоносную землю; горные потоки смыли ее окончательно. Было очевидно, что вслѣдъ за покореніемъ Аваріи, Шамиль набросится на прикаспійскія ханства: Мехтулинское и Шахмальское; дорогу въ эти ханства заслоняли два русскихъ укрѣпленія: Зыряны и Гергебиль...

Гергебиль лежитъ въ глубокомъ ущельѣ на правомъ берегу Аварскаго Койсу, при сліяніи ея съ Кара-Койсу. Собственно аулъ Гергебиль — на отдѣльномъ большомъ курганѣ, а укрѣпленіе — у самаго берега, гдѣ изъ него можно было обстрѣливать переправу. Для защиты отъ выстрѣловъ съ ближайшихъ террасъ, на одной изъ нихъ, былъ построенъ небольшой редутъ, на роту солдатъ. Укрѣпленія были вообще слабы: рвы неглубоки, брустверa сло-

жены изъ камня, на глинѣ. Двѣ роты Тифлисскаго гренадерскаго полка, подъ командой маіора Шаганова, при пяти орудіяхъ, составляли весь гарнизонъ этой одинокой крѣпостцы, отрѣзанной отъ Дагестана. Еще въ началѣ октября маіоръ Шагановъ послалъ нѣсколько донесеній въ Темиръ-Ханъ-Шуру, что кругомъ крѣпости стало неспокойно; но ни одно изъ его донесеній не дошло по назначенію. Наконецъ, онъ узналъ, что даже акушинцы, этотъ самый вѣрный намъ народъ, ни разу не измѣнившій со временъ Ермолова, вошелъ въ сношеніе съ Шамилемъ. Задумался маіоръ: не о себѣ онъ думалъ, а о судьбѣ страны, обреченной на гибель. Онъ собралъ весь гарнизонъ, разсказалъ все, что зналъ, и потомъ спросилъ: «Не найдется ли, братцы, между вами такой, который взялся бы доставить рапортъ въ Шуру́, только надо знать по-лезгински: бе́зъ этого не пройдешь». На этотъ вызовъ вышелъ изъ рядовъ молодой красивый солдатъ Александръ Павловъ. Ласково потрепалъ его по плечу сѣдой маіоръ и приказалъ зайти къ себѣ вечеромъ. Солдаты тотчасъ окружили Павлова; пошли шутки, догадки, взрывы веселаго хохота; никто бы со стороны не повѣрилъ, что эти люди обречены на вѣрную смерть.

Какъ только смерклось, Павловъ переодѣлся въ истрепанный бешметъ, привѣсилъ съ боку кинжалъ и, выйдя за укрѣпленіе, направился къ обрыву. Заглянувши внизъ, онъ крикнулъ филиномъ. Въ отвѣтъ раздался вой шакала, пронзительный, надрывающій душу. Тогда Павловъ закутался въ бурку, прилегъ на землю и покатился внизъ. Тамъ ждала его невѣста, молодая акуши́нка. Солдатъ разсказалъ ей, что сегодня ночью долженъ идти въ Шуру́ съ важными бумагами; пути онъ не знаетъ, лучше бы идти имъ вмѣстѣ. — «Хорошо, ага! Я готова, идемъ сейчасъ». Солдатъ велѣлъ ей подождать, а самъ взобрался наверхъ и черезъ четверть часа былъ дома. Тутъ онъ перекинулъ черезъ плечо винтовку, набралъ патроновъ, заткнулъ себѣ за поясъ два пистолета, осмотрѣлъ кинжалы и послѣ этого отправился къ маіору.—«Ну, братъ, молодчина!» сказалъ маіоръ, осматривая съ ногъ до головы солдата. «Вотъ тебѣ пакетъ, а на всякій случай запомни, что мы просимъ

помощи. Если же вòйска у нихъ нѣтъ, скажи: и не надо; маіоръ Шаганов̀ъ не отдастся, молъ, живымъ, такъ и скажи. Ну, прощай, съ Богомъ!» — Павловъ поспѣшилъ въ оврагъ. Ночь была темная, туманная, моросилъ мелкій дождь. Акуши́нка повела Павлова такой дорогой, по которой могъ ходить только звѣрь дикій; даже не всякій горецъ вылѣзъ бы изъ этихъ трущобъ. Акуши́нка, одѣтая по-мужски, ползла какъ змѣя, расчищая дорогу жениху. Такъ дошли они до пропасти, на днѣ которой слышалось журчанье ручейка. Отдохнувши съ полчаса, Акуши́нка свернула свою бурку и привязала ее ремнемъ къ себѣ за спину; то же самое сдѣлалъ и Павловъ. Тогда она спустилась внизъ, ухватилась за вѣтку и, какъ векша, повисла надъ пропастью; за нею спрыгнулъ Павловъ. Шагъ за шагомъ, цѣпляясь то руками, то ногами, добрались они до рѣчки, гдѣ непривычный солдатъ свалился какъ снопъ. Однако Акуши́нка заставила его подняться и, жуя на ходу кукурузную лепешку, полѣзла наверхъ; потомъ они углубились въ густой лѣсъ. Стало свѣтать, надо было переждать, потому что горцы на всѣхъ путяхъ сторожили русскихъ лазутчиковъ. Акуши́нка залѣзла въ дупло стараго орѣшника, а Павловъ, подославши возлѣ свою бурку, въ тотъ же мигъ заснулъ какъ убитый. На закатѣ солнца они пошли дальше и въ самую полночь добрались до Шуры. Павловъ вручилъ пакетъ генералу Гурко, отцу того самаго Гурко, который бралъ Горній-Дубнякъ и билъ турокъ на Балканахъ; онъ былъ тогда начальникомъ войскъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Невелики были эти войска: собственно въ Шурѣ находилось всего 3 батальона пѣхоты, 5 горныхъ орудій, сотня казаковъ и татарская конница. Съ этимъ отрядомъ генералъ Гурко выступилъ 1-го ноября къ Гергебилю, послави́ предписаніе князю Аргутинскому слѣдовать туда же изъ Кумуха. Дорòгу пересѣкалъ высокій Кутижинскій хребетъ, прорѣзанный глубокою и непомѣрно узкой расщелиной, извѣстной подъ именемъ Аймякинскаго ущелья; полсотни ружей было бы совершенно достаточно для обороны его въ любомъ мѣстѣ.

Сдѣлавши сто верстъ, отрядъ остановился; генералъ Гурко по-

слалъ одного изъ офицеровъ впередъ узнать, что дѣлается въ Гергебилѣ. Торновъ,—такъ звали офицера,—поднялся съ 40 охотниками на Кутижинскій кряжъ, откуда гергебильская котловина и атакованная крѣпость видны были какъ на ладони. Горцы густыми толпами облегали крѣпость; ихъ было отъ 8 до 10 тыс. Они вели атаку разомъ и на главное укрѣпленіе, и на верхній редутъ, по которому палили изъ своихъ трехъ орудій, поставленныхъ въ аулѣ. За нѣсколько сотъ шаговъ отъ крѣпости стояли дрова; изъ этихъ-то дровъ горцы устроили себѣ первое закрытіе и потомъ стали подвигаться къ брустверу, перекидывая полѣшки, точно подвижные костры. Плотный рядъ высокихъ костровъ съ каждымъ часомъ тѣснѣе и тѣснѣе охватывалъ Гергебиль. Изъ главнаго укрѣпленія, бывшаго внизу, наши солдаты отвѣчали еще бодро на непріятельскій огонь, но верхній редутъ оборонялся уже слабо. Его бруствeръ и крытый ходъ къ нижнему укрѣпленію были разбиты; орудія стрѣляли рѣдко, ружья едва отзывались: видимо, не доставало ни людей, ни пороху. Если горцы пойдутъ на штурмъ, редуту не устоять... Однако Тóрновъ видѣлъ, что два штурма были отбиты. Онъ видѣлъ, какъ вся долина покрывалась толпами, бѣжавшими изъ крѣпости, какъ поочередно вспыхивали крѣпостныя орудія, какъ пробѣгала огненная нитка ружейныхъ залповъ; слышалось гиканье, дробная пальба, глухіе пушечные удары... Затѣмъ наступала глубокая тишина: обѣ стороны отдыхали; но это продолжалось недолго; снова гремѣли орудія, снова загорался бой. Ночная тьма заставила Тóрнова вернуться въ отрядъ; онъ доложилъ генералу все, что̀ видѣлъ. Въ 2 часа ночи отрядъ выступилъ. Не весело шли солдаты; офицеры пытались ихъ ободрять, но у самихъ было жутко на сердцѣ. Не доходя версты двѣ до обрыва, спускавшагося въ Аймякинское ущелье, отрядъ остановился. Здѣсь начинался одинъ изъ труднѣйшихъ спусковъ: единственная тропинка ведетъ въ глубокіе овраги, проходитъ тѣсниной между огромныхъ камней, свалившихся нѣкогда сверху, и черезъ 3—4 версты приводитъ къ подножію Кутижинскаго хребта. По обѣ стороны этой тропинки виднѣлись завалы; каждый изъ каменныхъ

заваловъ, занимая крутой гребень или шпилемъ выдающуюся скалу, составлялъ какъ бы отдѣльное укрѣпленіе. Если и можно было спуститься къ Гергебилю, то выбраться изъ него никакъ нельзя: на обратномъ пути отряду угрожала полная гибель. Ночь выдалась темная, морозная; рѣзкій вѣтеръ гудѣлъ въ ущельѣ, вырываясь вихремъ и занося оледенѣлымъ снѣгомъ печальный русскій бивакъ. Это мѣсто считалось неприступнымъ: правый флангъ упирался въ отвѣсный обрывъ; съ лѣвой стороны—каменный гребень, а спереди—первый завалъ. Отрядъ расположился скрытно; солдаты улеглись кучками на снѣгу. На утренней зарѣ наши стали смотрѣть въ трубу и увидѣли, что верхній редутъ уже взятъ; изъ него непріятель кидаетъ гранаты въ середину нижняго укрѣпленія; дровяные костры замѣтно умножились, приблизившись почти къ контръ-эскарпу; крѣпость обороняется слабѣе вчерашняго. Порѣшили ждать Аргутинскаго.

Безъ палатокъ, на снѣгу и на голомъ камнѣ расположились наши войска; двое сутокъ стояли они на безводной и безлѣсной горѣ; воду и дрова добывали съ трудомъ, отряжая большія команды, поочередно спускавшіяся въ Аймякинское ущелье. Отрядъ бодро переносилъ голодъ и холодъ, но жутко было смотрѣть, какъ погибали защитники Гергебиля. «Не гоже стоять скрестя руки, говорили солдаты, и смотрѣть, какъ свою православную братію рѣжетъ нехристь. Хошь бы поплатиться своимъ животомъ, а пытнуть: все бы легче стало на душѣ». И не однихъ солдатъ грызла тоска; генералъ Гурко ходилъ понуря голову, насупя брови: щемило и его отзывчивое сердце. Какъ солдатъ, онъ десять разъ умеръ бы съ радостью подъ кинжаломъ лезгина, но, какъ генералъ, онъ долженъ былъ беречь каждаго солдата, составлявшаго отрядъ, этотъ послѣдній резервъ Дагестана; больше войскъ не было. Между тѣмъ, вокругъ Гергебиля безъ умолку трещали ружья и гремѣли орудія. Раза два въ теченіе дня огонь усиливался, поднимался страшный крикъ и потомъ наступала гробовая тишина: это означало — крѣпость штурмуютъ, штурмъ отбитъ. На третьи сутки, часа за два до заката солнца, было получено отъ Аргу-

тинскаго донесеніе, что онъ не можетъ прибыть на выручку Гергебиля раньше восьми дней, по случаю волненій въ южномъ Дагестанѣ. Двое сутокъ уже прошло! приходилось ждать еще шесть «Ну, теперь надо намъ идти домой!» сказалъ твердо генералъ. И видно было, что прежде, чѣмъ это сказать, онъ много передумалъ, много перестрадалъ. «Гергебиль погибнетъ, пояснилъ Гурко, но мы спасемъ весь край и своихъ послѣднихъ солдатъ». — Дѣйствительно, взявши Гергебиль, Шамиль могъ окружить отрядъ или запереть ущелье.

Съ нашего бивака отлично видѣли, что наступаетъ послѣдній часъ безпримѣрной защиты: еще одинъ приступъ—и конецъ. Непріятель подошелъ къ самому брустверу; изъ крѣпости почти не отвѣчали. Совсѣмъ уже смерклось, войска начали трогаться, вытягиваясь на тропинку. Въ Гергебильской котловинѣ вдругъ заклокотало: ружейные выстрѣлы, пушечные удары, визгъ, крикъ... потомъ дрогнула земля, пошелъ гулъ въ горахъ—и все смолкло. Отъ генерала до солдата, всѣ сняли шапки и перекрестились. Каждый понялъ безъ словъ, что не стало храбрыхъ защитниковъ. Мрачно и угрюмо торчали скалистыя горы; такъ же мрачно и угрюмо смотрѣли солдаты, покидая проклятую гору.

Прошло пять лѣтъ. Наши войска опять собрались брать Гергебиль, и вотъ, въ одну изъ темныхъ дагестанскихъ ночей, пришелъ въ русскій лагерь худой какъ смерть, оборванный акушинецъ. Солдаты схватили его, думая, что это лазутчикъ. «Какой же я, братцы, лазутчикъ! сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я унтеръ-офицеръ Тифлисскаго полка, былъ въ плѣну и не чаялъ, что доберусь сюда. Какъ заслышалъ, что наши идутъ брать Гергебиль, такъ просто душа хотѣла выскочить отъ радости. Крѣпко меня держали, а все-таки задумалъ я бѣжать. На ту пору захворалъ лихорадкой, такъ перестали сажать ночью на цѣпь: онъ, дескать, больной, куда ему уйти! А я, вотъ, и ушелъ: все больше ползкомъ, ползкомъ...» Солдаты и офицеры обступили бѣднягу; всѣмъ хотѣлось узнать, какъ и когда онъ попался въ плѣнъ. Оказалось, что это былъ единственный, чудомъ уцѣлѣвшій, солдатъ изъ слав-

ныхъ защитниковъ Гергебиля. Знали, что уцѣлѣло двое офицеровъ, а про солдата никто не слыхалъ. Онъ разсказалъ слѣдующее: «Когда посыпалъ въ укрѣпленіе непріятель, все равно, что горохъ изъ мѣшка, маіоръ сразу увидѣлъ, что пришелъ капутъ. Взялъ онъ фитиль и пошелъ въ паркъ: «Прощайте, братцы, до скораго свиданія!» говоритъ. Мы было всѣмъ за нимъ, да мехтулинцы и подлые акушинцы обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Было ихъ человѣкъ по сорокъ на одного нашего. Какъ зачали они насъ рубить — и порѣшили всѣхъ бы до единаго; только недолго тѣшились. Что-то треснуло, бухнуло огнемъ, стряслась земля, а дальше я ужъ ничего не помню, обезпамятѣлъ. Очнулся я въ оврагѣ; на мнѣ и кругомъ видимо-невидимо убитыхъ, разодранныхъ людей. Пробовалъ я изъ-подъ нихъ вылѣзти—моченьки нѣтъ; я и застоналъ. Ко мнѣ сейчасъ бросились, хотѣли зарубить, да старшій не позволилъ: велѣлъ осмотрѣть мою рану и лѣчить. Съ мѣсяцъ пробылъ я съ ними въ аулѣ; которые изъ нихъ остались поправлять укрѣпленіе, другіе ушли въ горы; эти взяли и меня съ собой. Днемъ я работалъ, ночью сажали на цѣпь, какъ собаку... Наконецъ-то я дожилъ до радости добраться къ своимъ! Эхъ, кабы теперь еще былъ живъ нашъ маіоръ!..» и слезы градомъ потекли по изнуренному, страдальческому лицу добраго солдата.

Гонецъ маіора Шаганова Александръ Павловъ, узнавши о гибели своихъ товарищей, такъ затосковалъ, что хотѣлъ наложить на себя руки, но за нимъ слѣдила акушѝнка и во-время спасла его отъ грѣха. Это была кроткая и рѣдкой доброты женщина. Въ скоромъ времени она приняла святое крещеніе и, обвѣнчавшись съ Павловымъ, осталась для него тѣмъ же вѣрнымъ другомъ, какимъ была въ горахъ Дагестана.

КЮРЮКЪ-ДАРА.

Въ то время, когда англичане и французы свозили свои войска въ Цареградъ, подготовляя высадку на берега Крыма, небольшая кавказская армія побѣдоносно наступала въ глубину азіятскихъ владѣній Турціи. Это была славная армія, прошедшая трудную боевую школу, обученная въ горахъ и ущельяхъ Кавказа и, подъ начальствомъ своихъ доблестныхъ вождей, способная на такіе подвиги, какіе рѣдко встрѣчаются въ лѣтописяхъ военной исторіи. Ядромъ этой арміи служили кавказскіе гренадеры — пѣхота, съ которою можно сравнить развѣ только старую гвардію Наполеона; украшеніемъ кавалеріи были нижегородскіе драгуны. Не только офицеры, но каждый солдатъ этого полка зналъ отлично свое дѣло, не теряясь во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, какихъ на Кавказѣ, бывало, не оберешься. Зачастую босые и оборванные, нижегородцы такъ сроднились съ походной жизнью и ежечасной встрѣчей съ непріятелемъ, что никогда не разставались съ оружіемъ, даже на своихъ квартирахъ. — Турецкая армія, собранная противъ нашей границы и извѣстная подъ

именемъ Анатолійской, была лучшею изъ всѣхъ войскъ, которыми располагала Турція. Здѣсь находились солдаты, обвыклые въ бояхъ противъ курдовъ, лазовъ и другихъ воинственныхъ народовъ Азіи; въ этой же арміи были храбрые арабистанцы, принадлежавшіе къ войскамъ гвардіи. Турецкая пѣхота вообще хорошо держалась въ бою, даже подъ огнемъ артиллеріи; и артиллерія была не худа, зато кавалерія гораздо хуже. Уланы, на своихъ маленькихъ безсильныхъ лошаденкахъ, потѣшали нашихъ солдатъ своимъ жалкимъ видомъ; курды и баши-бузуки нападали, правда, смѣло, порывисто, но такъ какъ никогда не получали поддержки, то скоро перестали вѣрить въ свою силу. Въ Анатолійской арміи къ серединѣ лѣта считалось 45 баталіоновъ пѣхоты, 38 эскадроновъ конницы, 84 орудія и до 14 тыс. баши-бузуковъ, всего же около 60 тыс. Въ нашемъ александропольскомъ отрядѣ было втрое меньше, хотя орудій почти столько же.

15-го іюня 1854 года русскій корпусъ выступилъ изъ Александрополя и потянулся по дорогѣ къ Карсу, на армянское селеніе Мешко. На первомъ привалѣ показалось облако пыли, скрывавшее толпу всадниковъ, войска стали въ ружье: это былъ князь Бебутовъ, корпусный командиръ. Радостными криками встрѣтили и проводили солдаты своего любимаго начальника, котораго, по старой кавказской привычкѣ, называли по имени и отчеству, Василіемъ Осиповичемъ; его сопровождали князь Барятинскій, генералъ Бѣлявскій, Багговутъ, полковникъ Ольшевскій и нѣсколько адъютантовъ. Послѣ объѣзда начался молебенъ. Горячо молились солдаты, не разъ оглядываясь въ ту сторону, гдѣ протекалъ Арпачай. Тамъ оставалась родина, впереди — война, походы и битвы, награды и увѣчья, слава и смерть. Вотъ забили барабаны, шапки надѣты, и весь корпусъ сталъ вытягиваться въ походную колонну. На девятый день похода войска стянулись на позиціи возлѣ селенія Кюрюкъ-Дара. Всякій зналъ, что непріятель недалеко, и всякій чувствовалъ, что тутъ, на этой равнинѣ, покрытой густою, сочною травою, разыграется кровавая битва. Влѣво отъ нашей позиціи возвышалась гора Караялъ, отъ которой понижался длинный

рядъ холмовъ, окаймлявшихъ эту луговую равнину; за холмами, на большой карской дорогѣ, верстахъ въ 15 отъ русскаго лагеря, стояла анатолійская армія. Отъ нечего-дѣлать, турки копали рвы, возводили бруствера, разсчитывая въ случаѣ неудачи за ними укрыться. Наши также укрѣпили свою позицію. На вершинѣ горы Караяла былъ заложенъ небольшой редутъ, въ который посылали каждую ночь пѣхоту, а для поддержки ставили внизу эскадронъ кавалеріи.

Прошло двѣ недѣли; кромѣ небольшой схватки на аванпостахъ все было тихо. 10-го іюля, на самомъ разсвѣтѣ, барабаны забили тревогу. Встрепенулся отрядъ, войска стали въ ружье и увидѣли, что на одной изъ окрестныхъ горъ показалась турецкая конница; самыя большія силы скопились какъ разъ противъ лагеря нижегородскихъ драгунъ. «Ну, что, нижегородцы, спите?.. Вставайте! Постойте-ка, мы разбудимъ васъ!»—такъ кричали наши измѣнники. Лихіе нижегородцы вскочили на коней, и турки тотчасъ успокоились. Но за драгунами уже собирались линейцы подъ командой своихъ безстрашныхъ командировъ, Скобелева и Камкова. Вихремъ вынеслись они изъ-за драгунъ и поскакали въ гору. Послѣ жаркой сѣчи турки были сброшены внизъ; линейцы гнали ихъ по полю, пока генералъ Багговутъ не подалъ сигнала вернуться. Послѣ этой встрѣчи турки, будто, ободрились и даже искали случая схватиться еще. Пошли наши какъ-то на рекогносцировку, подъ начальствомъ генерала Багговута и, не доходя аула Хаджи-вали, остановились; офицеры генеральнаго штаба стали снимать планъ окружающей мѣстности. Въ это время на холмѣ показалась толпа турокъ; между ними одинъ на красивой бѣлой лошади, въ красномъ плащѣ. Отъ толпы отдѣлился баши-бузукъ, остановился шаговъ за 200 противъ драгунъ, выпалилъ изъ пистолета и какъ вѣтеръ—назадъ. Нашлись охотники продѣлать то же самое: одинъ за другимъ спускались всадники, гарцовали передъ фронтомъ, вызывая въ нашихъ задоръ. Солдаты весело поглядывали на бѣшеную джигитовку: «Ишь разобрало его какъ! Смотри, ребята, вонъ на рябой лошаденкѣ кружится!.. Вонъ, опять пошелъ, словно

немочь его схватила. Ну, народецъ же развеселый въ этой Азіи, даромъ штуку ломаетъ передъ тобой, право слово, даромъ». — Генералъ подъѣхалъ къ орудію и спросилъ у фейерверкера: «А что, братъ, достанетъ ли ядро до той кучки?» — «Достанетъ, ваше превосходительство!» — «А ну-ка, попробуй!» — Грянулъ выстрѣлъ, вылетѣла граната и, точно остановившись надъ кучей, разсыпалась осколками. Бѣлая лошадь взвилась на дыбы, мелькнулъ красный плащъ--и все скрылось. — «Попалъ!» закричали присутствующіе въ одинъ голосъ. Сзади послышался гикъ: это сотня линейцевъ понеслась на холмъ. Очень имъ хотѣлось схватить краснаго пашу, но едва они взлетѣли на холмъ, какъ на-встрѣчу имъ высыпали изъ засады баши-бузуки. Не успѣли изъ отряда выслать на помощь эскадронъ, какъ баши-бузуки уже удирали, а казаки возвращались съ краснымъ плащемъ. Онъ принадлежалъ англійскому генералу, служившему начальникомъ штаба въ турецкой арміи.

Послѣ этого случая турки нѣсколько дней не выходили изъ своего лагеря; все затихло, обѣ стороны готовились къ битвѣ. Продолжительное бездѣйствіе русскихъ войскъ побудило пылкаго англичанина склонить турецкаго главнокомандующаго атаковать русскихъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е іюля всѣ турецкіе обозы были отправлены въ Карсъ; въ ту же ночь появились на нашихъ аванпостахъ два армянина и сообщили эту важную вѣсть, прибавивши, что турки выступаютъ, но куда — неизвѣстно. Князь Бебутовъ, полагая, что турки хотятъ отступить, рѣшился преслѣдовать непріятеля и атаковать его во флангъ и тылъ. Въ самую полночь корпусъ выстроился передъ лагеремъ, помолился и, свернувшись въ колонны, сталъ вытягиваться по направленію къ Карсу; впереди пошли охотники Лорисъ-Меликова и линейные казаки Скобелева; за ними, въ двухъ колоннахъ, вся пѣхота, имѣя въ интервалахъ артиллерію; сзади — драгуны, конная артиллерія и донцы. Разговоры, куреніе трубокъ было строго запрещено; шли тихо, осторожно, къ тому же и ночь выдалась темная-претемная. На разсвѣтѣ одинъ изъ офицеровъ замѣтилъ

на Караялѣ множество значковъ и какія-то ползущія пятна. Схватились за бинокли—турецкая пѣхота. Князь Бебутовъ взялъ дивизіонъ нижегородцевъ и поднялся на возвышенность: передъ нимъ открылась вся турецкая армія, наступавшая на русскій лагерь. Князь Бебутовъ сейчасъ же приказалъ разсыпать линейныхъ казаковъ, чтобы сколько-нибудь замедлить наступленіе турокъ; пѣхотѣ велѣлъ подвинуться назадъ, сдѣлать поворотъ налѣво и стать лицомъ къ непріятелю. Поскакали ординарцы, понеслись адъютанты, и все поле мигомъ зашевелилось. Заря пышно разгоралась, обѣщая чудный день; холодное утро освѣжило усталыхъ отъ безсонной ночи солдатъ. Войска передвигались, становились на назначенныя мѣста, безъ суеты, стройно, въ порядкѣ. Въ центрѣ стали 7 гренадерскихъ батальоновъ, съ тремя батареями впереди; правый флангъ состоялъ почти весь изъ кавалеріи; на лѣвый флангъ были направлены также 7 батальоновъ пѣхоты, 13 драгунскихъ эскадроновъ и донская батарея. Турки имѣли намѣреніе атаковать насъ съ фронта и съ праваго фланга въ то время, когда баши-бузуки должны были обойти съ обоихъ фланговъ и, отрѣзавши отъ Александрополя, овладѣть нашимъ ваген-бургомъ. Каждое изъ двухъ крыльевъ турецкой арміи въ отдѣльности было сильнѣе, чѣмъ весь корпусъ Бебутова.

Для насъ въ эту минуту было весьма важно не позволить туркамъ утвердиться на высотахъ Караяла, почему батальоны Бѣлевскаго полка, прибывшіе раньше другихъ на лѣвый флангъ, получили приказаніе занять эту высоту; въ подкрѣпленіе имъ посланы на рысяхъ тверской и нижегородскій драгунскіе полки. Но непріятель уже успѣлъ поставить двѣ батареи; онъ пронизывалъ картечью ряды тверскихъ драгунъ, которые шли правѣе нижегородцевъ, слѣдовательно ближе къ туркамъ. Одна изъ турецкихъ батарей, перемѣнивши фронтъ, брала ихъ въ-перекрестъ. Солдаты, не бывшіе въ дѣлахъ, стали колебаться. Тогда выскочилъ впередъ графъ Нироdъ, приказалъ полковнику Куколевскому атаковать эту батарею и, повернувъ коня, самъ помчался впереди; за нимъ ринулись 10 эскадроновъ. Около 40 орудій били полкъ

съ фронта и съ фланга; но драгуны молча неслись прямо на пушки. Турецкая пѣхота быстро разсѣялась, и драгуны начали рубить артиллеристовъ. Но въ эту минуту изъ-за Караяла вынеслись турецкіе уланы съ пиками на-перевѣсъ. Драгуны, разсыпанные между орудіями, были заняты другимъ дѣломъ; Куколевскій замѣтилъ опасность: «Что вы дѣлаете, ребята?» закричалъ онъ на все поле: «не въ пушкахъ дѣло, а въ побѣдѣ! Ко мнѣ!» Раненый въ руку храбрый Куколевскій опять повелъ драгунъ и дружнымъ натискомъ сломилъ турокъ; на этотъ разъ драгуны занеслись еще дальше. Турецкіе батальоны успѣли устроиться, забѣжали имъ въ тылъ и стали посылать одинъ залпъ за другимъ. Утомленные въ конецъ, разстроенные драгуны повернули и, провожаемые залпами въ спину, все-таки увезли четыре турецкихъ орудія. Турки оправились; они перешли въ наступленіе: артиллерія громила теперь бѣлевскіе батальоны, штуцерные шли въ атаку, уланы кидались впередъ, смѣняя свои эскадроны. Старый кавказскій офицеръ Ольшевскій, командовавшій бѣлевцами, очевидно не могъ удержать своими ничтожными силами ввѣренныя ему позиціи. Въ эту рѣшительную минуту появились въ пылу боя непобѣдимые нижегородцы. Впереди двигался 5-й пикинерный дивизіонъ подъ командою извѣстнаго всему Кавказу полковника Тихоцкаго; за нимъ шелъ дивизіонъ Шульца, сзади—Петрова. Выскочили пикинеры на возвышенность и сейчасъ же круто повернули назадъ. Тамъ оказалось 6 батальоновъ турецкой пѣхоты, которая залегла за гребнемъ и встрѣтила драгунъ залпомъ. Драгуны развернули фронтъ, и это не помогло: стали появляться раненые, убитые. Завидя издали опаспое положеніе полка, полковникъ Долотинъ выслалъ сюда взводъ донской батареи. Съ визгомъ пронеслась картечь за возвышенность; турки поднялись на ноги, осыпали донцовъ бѣглымъ огнемъ, и черезъ нѣсколько секундъ артиллеристы лежали у своихъ орудій; почти всѣ лошади были перебиты. Тогда турки бѣгомъ спустились внизъ и съ громкими криками захватили оба орудія. — «Нижегородцы! смотрите, какъ берутъ ваши пушки!» закричалъ есаулъ Кулыга-

чевъ, прискакавъ къ драгунамъ. Заговорила въ сердцахъ храбрыхъ нижегородцевъ старая слава полка. Они привыкли брать непріятельскія орудія, но никогда не отдавали своихъ. Шесть эскадроновъ ринулись на цѣлую пѣхотную линію. Ударъ былъ ужасный: переднія шеренги батальоновъ свалились въ одинъ мигъ подъ грозными шашками; орудія брошены. Но только-что драгуны взялись ихъ увозить, какъ турки бросились въ штыки, при чемъ снова овладѣли пушками. Драгуны отскочили, устроились: одна атака смѣняла другую, пѣхота теряла сотни убитыхъ, но стояла твердо, смыкалась на тѣлахъ товарищей и подставляла штыки. Это былъ одинъ изъ арабистанскихъ батальоновъ. Нижегородцы уже потеряли 23 офицера; эта огромная потеря еще болѣе одушевляла ихъ местью. Привычные къ боевой службѣ солдаты разсыпались при неудачѣ, скоро находили свои мѣста или тутъ же строились во взводы и, подъ командою унтеръ-офицеровъ, снова бросались въ атаку. Наконецъ драгуны отступили, но не съ тѣмъ, чтобы уйти, а только отдохнуть, собраться съ силами. Туркамъ не дешево достались наши орудія: весь арабистанскій батальонъ лежалъ лоскомъ, прикрывши ихъ своими тѣлами. Правое крыло турецкой арміи не могло больше держаться: оно медленно отступало на глазахъ драгунъ. Въ эту минуту храбрый Чавчавадзе напомнилъ драгунамъ о потерѣ двухъ орудій, и въ одно мгновеніе весь полкъ понесся въ атаку. Турки остановились, но ужъ этого удара не выдержали: нижегородцы прорубились сквозь батальоны, настигли свои орудія да отбили еще 4 турецкихъ. Было 8 часовъ утра; все правое крыло турокъ обратилось назадъ, и мы одержали здѣсь явную побѣду. Славный полкъ потерялъ въ этотъ памятный день половину бойцовъ.

Какъ только драгуны пошли въ атаку на нашемъ лѣвомъ флангѣ, князь Бебутовъ одновременно двинулъ впередъ и войска центра подъ начальствомъ Бриммера. У непріятеля пѣхота стояла въ двѣ линіи, имѣя сзади резервы; 30 турецкихъ орудій, расположенныхъ по дугѣ круга, били съ фронта, поражали перекрестнымъ огнемъ. Наши три батареи—Лагоды, Брискорна и Ворон-

кова—подскочивши на 250 саж., палили почти-что въ упоръ въ густые ряды турецкой пѣхоты. Поле застлало густымъ дымомъ страшной канонады: все скрылось въ дыму, ничего не видно; но вотъ открылось глазамъ необычайное зрѣлище: показались стройные ряды кавказскихъ гренадеръ. «Братцы, сказалъ имъ обернувшись Бриммеръ, теперь мы подвинемся ближе; дружнѣе работать штыками!» — «Ура!» отвѣчали гренадеры. Надвинувъ на глаза

Атака кавказскихъ гренадеръ.

свои мохнатыя шапки, они взяли ружья на-руку и молча, забирая своимъ могучимъ шагомъ, пошли въ атаку. На близкомъ картечномъ выстрѣлѣ раздался оглушительный залпъ: земля заходила подъ ногами, кони становились на дыбы, храпѣли, кидались въ стороны. Гренадеры скрылись въ дыму; съ ними шли лучшіе вожди Кавказа: Барятинскій, Бриммеръ, Кишинскій. Имъ предстоялъ труднѣйшій подвигъ: семью батальонами сломить 20 ту-

рецкихъ батальоновъ. Мужественные арабистанскіе батальоны, несмотря на страшный картечный огонь, съ удивительной отвагой врѣзались въ наши ряды съ фронта, но никакая пѣхота въ мірѣ не могла сломить кавказскихъ гренадеръ. Генералъ Кишинскій, изнемогая отъ потери крови, провелъ 1-й батальонъ карабинеръ съ двумя ротами 4-го гренадерскаго батальона сквозь всѣ турецкія линіи, при чемъ ему помогали — съ одной стороны, Дударовъ, съ двумя орудіями, а съ другой—Тархановъ, съ 3-мъ батальономъ эриванцевъ. Тотъ сыпалъ туркамъ въ лицо картечь, а этотъ ударилъ имъ во флангъ. Громовое побѣдоносное ура заглушило крики турокъ; карабинеры выхватили красное знамя, украшенное стихами изъ корана; гренадеры кинулись на высоту— турецкіе батальоны бѣжали густыми толпами; ихъ артиллерія уходила въ карьеръ. Въ 9 ч. правый корпусъ турецкой арміи, подъ начальствомъ Керима-паши, былъ въ полномъ и безпорядочномъ отступленіи.

Тѣмъ азартнѣе набросились турки другимъ своимъ крыломъ, гдѣ у нихъ находилось 22 баталіона, столько же эскадроновъ и 48 орудій. Противъ этихъ подавляющихъ силъ Бебутовъ могъ выставить на своемъ правомъ флангѣ лишь полкъ новороссійскихъ драгунъ, линейцевъ, мусульманскій полкъ да шесть батальоновъ Ряжскаго полка. Начальство надъ кавалеріей этого крыла князь Бебутовъ довѣрилъ Багговуту, придавши ему съ лѣваго фланга дивизіонъ тверскихъ драгунъ, три сотни донцовъ и ракетныя команды. Весь нашъ правый флангъ сразу сталъ подаваться, загибая назадъ все больше и больше, хотя артиллерія палила, не умолкая, а казаки поминутно кидались на турецкую пѣхоту, стрѣляя почти-что въ упоръ изъ своихъ короткихъ винтовокъ. Все это мало помогало. Густыми полчищами заходила орда баши-бузуковъ, имѣя намѣреніе ударить на нашъ вагенбургъ; Багговутъ едва ихъ удерживалъ ракетными станками. Выдвинутые впередъ ряжскіе батальоны погибали подъ сильнымъ натискомъ густыхъ турецкихъ колоннъ; ихъ оставалось немного, подкрѣпить нечѣмъ. Въ сторонѣ стояли два орудія, безъ передковъ, безъ при-

крытія; прислуга валялась изрубленная. Баттовутъ вызвалъ пикинерный дивизіонъ Новороссійскаго и 3-й дивизіонъ Тверского полковъ. Прискакалъ командиръ полка: «Ради Бога, атакуйте ихъ скорѣе, поддержите мои батальоны, мы не въ силахъ больше держаться!» Драгуны рысью объѣхали пѣхоту; передъ ними разстилалось поле, покрытое измятой травой, земля была точно вспахана отъ снарядовъ, избороздившихъ ее по всѣмъ направленіямъ. Двѣ турецкихъ батареи прикрывали наступленіе своей пѣхоты; одинъ батальонъ шелъ спереди, другой сбоку; только одна безотлагательная атака могла спасти наши орудія и нашихъ несчастныхъ ряжцевъ. Раздалась команда: «Строй фронтъ! карьеръ!» — Батальоны дали залпъ, и еще не успѣли исчезнуть густые клубы дыма, какъ наши драгуны, имѣя впереди своихъ лихихъ командировъ, очутились среди батальона. Маіоръ Парчевскій ворвался спереди, прапорщикъ Костровицкій — сзади. Закипѣлъ страшный рукопашный бой; и конные, и пѣшіе — все перемѣшалось, все столпилось, истребляя другъ друга съ злобнымъ остервенѣніемъ. Въ воздухѣ стоялъ какой-то гулъ, зловѣщій, смутный. Турки разсыпались кучками и продолжали отбиваться въ-одиночку; одна большая кучка тихо отступала, держа надъ головой красное знамя. Пикинеры бросились впередъ, зарубили знаменосца и съ торжествомъ вынесли изъ боя мусульманскую святыню. Въ то время, когда драгуны рысью отъѣзжали назадъ, стоявшій сбоку другой турецкій баталіонъ готовился отрѣзать имъ путь и открыть пальбу во флангъ; кромѣ того, за ними бросились въ догонку турецкіе уланы. Пикинеры развернули фронтъ налѣво, нагнули пики и помчались на-встрѣчу; какъ двѣ громовыя тучи, неслись два кавалерійскихъ строя одинъ противъ другого. Казалось, вотъ-вотъ эти живыя стѣны столкнутся—ничуть не бывало: уланы повернули назадъ и помчались во весь духъ, чтобы поскорѣе открыть фронтъ своей пѣхотѣ. Въ то же мгновеніе батальонъ открылъ пальбу залпами: наши всадники слетали съ сѣделъ десятками; пикинеры, вмѣстѣ съ прискакавшими линейцами, стали-было кидаться въ ряды турокъ, но каждый разъ натыкались на не-

подвижные, плотно сомкнутые штыки. Генералъ Багговутъ, замѣтивъ эту свалку, взялъ дивизіонъ артиллеріи и маршъ-маршемъ подвелъ его къ пикинерамъ: «Пикинеры назадъ!» закричалъ онъ что было силы; но тѣ, разгоряченные боемъ, ничего не слыхали. Генералъ приказалъ пустить гранату черезъ голову: «Ребята, наши стрѣляютъ!» — и тотчасъ повернули назадъ. Фронтъ былъ теперь очищенъ; четыре орудія дали залпъ картечью: батальонъ наполовину порѣдѣлъ. «Теперь во славу нашему Государю, съ Богомъ!» —Пикинеры и линейцы понеслись вторично, разорвали ряды, захватили три орудія, а четвертое только заклепали. Съ потерей артиллеріи, непріятельская пѣхота потеряла голову: сначала отступала, а потомъ обратилась въ бѣгство. Но дивизіону тверскихъ драгунъ не посчастливилось. Проходя глубокую ложбину, они не замѣтили, что на гребняхъ окружающихъ холмовъ лежали въ густой травѣ турецкіе батальоны. Турки пропустили драгунъ и, едва тѣ успѣли развернуться и пойти въ атаку, какъ взяли ихъ въ тылъ. Полковникъ Корфъ упалъ съ лошади, драгуны повернули назадъ; но турки, спустившись съ гребней, точно прогоняли ихъ сквозь строй: драгуны оставили на турецкихъ штыкахъ третью часть дивизіона. Багговутъ послалъ опять пикинеровъ, а вслѣдъ за ними—тѣхъ же линейцевъ. Измученные драгуны подвигались тяжело, однако турки поспѣшили приблизиться къ своимъ резервамъ, двигавшимся имъ на-встрѣчу. Вдругъ, какъ ураганъ, пронеслись линейцы, опережая драгунъ: «Помогите, братцы! Ну, еще! Ну, еще разъ!» —затѣмъ гикнули и припустили во весь духъ. На всемъ скаку они дали мѣткій залпъ и, закинувъ винтовки, обнажили шашки... Пока подъѣхали драгуны, четыре турецкихъ батальона бѣжали безъ оглядки; почти никто изъ нихъ не спасся.—Линейцы и тутъ держались своихъ обычаевъ: они зорко слѣдили за раненымъ врагомъ, который валяется въ полѣ, не разставаясь съ ружьемъ; такихъ линейцы били изъ своихъ длинныхъ пистолетовъ. «Не пропускайте, братцы, прикалывайте ихъ хорошенько!» кричали они драгунамъ. Много нашихъ драгунъ было убито воровскимъ образомъ: получивши пощаду,

раненый турокъ соберетъ послѣднія силы, облокотится на руку и выпалитъ въ спину тому самому, который его пощадилъ.

Новороссійскій полкъ получилъ приказаніе нанести послѣдній ударъ хотя и отступавшимъ, но не бывшимъ еще въ дѣлѣ турецкимъ батальонамъ. Весь полкъ развернулся въ линію и подъ командой генерала Тапутрова пошелъ на-рысяхъ. Два турецкихъ батальона остановились отразить атаку; на правый батальонъ пошелъ первый эскадронъ, на лѣвый—второй. Впереди оказался оврагъ, усѣянный камнями. Первый эскадронъ спустился шагомъ, устроился внизу и вынесся въ карьеръ. Молча, съ опущенными ружьями, стояло турецкое каре. Уже видны смуглыя лица солдатъ, ихъ красныя фески: они стоятъ какъ мертвые. Вдругъ блеснули на солнцѣ стволы, страшный залпъ грянулъ драгунамъ въ лицо... Люди, лошади повалились къ ногамъ турецкой пѣхоты. Однако турки ошиблись въ разсчетѣ и подпустили эскадронъ слишкомъ близко: онъ былъ уже на штыкахъ. Послѣ небольшой рукопашной схватки, каре, по турецкому обычаю, разбилось на кучки, которыя одна за другой были истреблены. Второй эскадронъ обогнулъ оврагъ слѣва и поскакалъ на другой батальонъ. Этотъ встрѣтилъ слишкомъ рано, отчего драгуны почти безъ потери врѣзались въ каре, обскакали его сзади и также истребили. Пораженіе двухъ батальоновъ, прикрывавшихъ отступленіе, заставило турокъ ускорить движеніе; они бросали обозы и зарядные ящики, стараясь увезти только артиллерію; они бѣжали къ своему лагерю, въ надеждѣ укрыться за его окопами. Анатолійская армія, недавно еще грозная, была похожа на обломки корабля, плывущіе за вѣтромъ. Слѣдомъ за нею, съ барабаннымъ боемъ, двигалась русская пѣхота, мелькали какъ молніи линейцы...

Былъ двѣнадцатый часъ дня, когда по всей линіи загремѣли барабаны; трубачи хоромъ подхватывали сигналъ въ разныхъ мѣстахъ боевого поля. Сраженіе при Кюрюкъ-Дара кончилось: турецкая армія разбита. Она покинула 2 знамени, 25 значковъ, 15 орудій, 2 тысячи плѣнныхъ. Этой блестящей побѣдой кавказцы закончили кампанію 1854-го года.

ЧЕРНОМОРСКІЕ ПЛАСТУНЫ ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ.

Второй и восьмой пластунскіе батальоны прибыли въ Севастополь спѣшно, съ подтыканными полами; ихъ обозъ остался далеко позади. Они его и не видали больше. На-встрѣчу батальонамъ выѣхалъ Корниловъ, бывшій начальникъ штаба Черноморскаго флота. Онъ, какъ водится, поздоровался съ пластунами, проѣхалъ по фронту и потомъ спросилъ: «А нѣтъ ли между вами, молодцы, такихъ казаковъ, которые были въ Анапѣ, въ двадцать-восьмомъ году?» Въ обоихъ батальонахъ нашлось только двое, правда, старенькихъ, совсѣмъ сивыхъ, но еще бодрыхъ и крѣпкихъ пластуновъ. Имъ тогда была «перва паша», что́ значитъ первый годъ службы; зато 8-й батальонъ имѣлъ знамя съ надписью: «За отличіе при взятіи Анапы». Посмотрѣлъ Корниловъ это знамя и сказалъ пластунамъ такъ: «Главнокомандующій помнитъ и доселѣ молодецкую службу черноморскихъ полковъ подъ Анапой и надѣется, что ваши батальоны съ такимъ же отличіемъ сослужатъ службу здѣсь, при севастопольскомъ гарнизонѣ». Казаки замотали себѣ на усъ эти слова. На другой же

день они пошли къ Бахчисараю. 13-го октября 1854 г., въ дѣлѣ подъ Балаклавой, 120 пластуновъ шли въ застрѣльщикахъ впереди цѣпи Владимірскаго полка противъ французской батареи. Въ лощинѣ, усѣянной мелкимъ кустарникомъ, налетѣлъ на нихъ полуэскадронъ африканскихъ конныхъ егерей. Высоко подняли лихіе егеря свои сабли и вихремъ неслись на пластуновъ. Но пластуны не стали строить кучекъ, а каждый казакъ далъ съ мѣста вѣрный выстрѣлъ и снялъ съ коня по одному егерю; прочіе проскакали порѣдѣлымъ строемъ цѣпь, при чемъ немногіе изъ нихъ успѣли вернуться: человѣкъ съ десятокъ, не больше. Тогда пошелъ второй полуэскадронъ. Опять казаки встрѣтили его въ-разсыпную. Егеря перемѣшались съ цѣпью, многіе попались въ плѣнъ, остальные были изрублены. Пластуны же не дали зарубить у себя ни одного человѣка. На Кавказѣ не такіе рубаки какъ эти, и сабли у нихъ другой выточки, да и то рѣдко случалось, чтобы пластунъ, со штуцеромъ въ рукахъ, былъ изрубленъ въ бою.

Въ Севастополѣ пластунамъ дали первыя мѣста: сначала на Малаховомъ курганѣ, а потомъ на 4-мъ бастіонѣ. Этотъ бастіонъ сильно выдавался впередъ противъ всей линіи и на него-то пало больше тягостей, чѣмъ на всѣ остальные. Въ ночь на 5-е октября, пластуны, бывшіе въ передовыхъ секретахъ, дали знать, что у непріятеля большое движеніе и слышенъ шумъ артиллерійскихъ колесъ. Полковникъ Головинскій, командиръ 2-го батальона, думалъ, что будетъ штурмъ, сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія и потомъ приказалъ вѣстовому поставить самоварчикъ. Только-что раскипѣлся треногій самоварчикъ, раздались первые пушечные выстрѣлы: началось памятное бомбардированіе. Одно изъ первыхъ ядеръ, попавшихъ на 4-й бастіонъ, угодило на излетѣ въ самоварчикъ, опрокинувъ его вверхъ ножками. «Отъ таке, сказалъ пластунъ ухмыльнувшись, не буде полковнику чаю, бо ядро випило!» Подобравъ перваго страдальца, пластунъ надѣлъ аммуницію и пошелъ на бастіонъ. Здѣсь одинъ за другимъ падали моряки у своихъ орудій; прислуги не доставало, некому было отвѣчать, и вотъ пластуны, стоявъ-

ніе пока сложа руки, приступили къ орудіямъ. Хоть неловко, безъ сноровки, взялись они за мудреное для нихъ дѣло, однако славно палили, и на первыхъ же порахъ показали, какая кроется въ нихъ сила. На видъ это были самые спокойные люди, но борцы надежные, никогда не терявшіе голову, что бы ни случилось. Труды, лишенія, опасности, даже тяжелыя раны — выносили они съ такимъ терпѣніемъ, что начальство удивлялось; ничто ихъ не страшило: они точно не чуяли, гдѣ скрывалась опасность и какъ она велика. Разъ Головинскій шелъ по траншеѣ, за нимъ — орденарецъ Степанъ Назаренко, изъ Екатеринодарской станицы. Надъ ихъ головами стала спускаться бомба. Головинскій остановился и, согнувшись, прислонился къ стѣнкѣ; то же самое сдѣлалъ по его приказанію Назаренко. Бомба упала на покатый край траншеи и скатилась Назаренкѣ на спину. Трубка горитъ. «Ваше высокоблагородіе! Вона на мене злізла!» — «Не шевелись!» крикнулъ ему полковникъ, и самъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Назаренко не дрогнулъ, пока бомба скатилась съ его спины и шлепнула очкомъ въ лужу, гдѣ, къ счастію, потухла. Какъ-то въ ночной вылазкѣ ранили въ животъ и взяли въ плѣнъ казака Полянскаго. Отвезли его во Францію и назначили въ Тулонѣ на работы. Не желая поступать въ госпиталь, къ тому же непріятельскій, Полянскій никому не сказалъ, что онъ раненъ; залѣпитъ, бывало, себѣ рану мякишемъ, стянетъ животъ башлыкомъ и ходитъ на работу, перенося самыя мучительныя боли. Какъ ужъ его попадилъ антоновъ огонь, Богъ его вѣдаетъ. На бастіонахъ житье было казакамъ неважное, хуже чѣмъ на аванпостахъ, въ полувыстрѣлѣ отъ черкеса; не было у нихъ ни палатокъ, ни бараковъ, ни даже куреней, къ которымъ они привыкли въ закубанскихъ походахъ. Здѣсь они жили въ ямахъ, выкопанныхъ съ превеликимъ трудомъ въ каменистомъ грунтѣ, между бастіоновъ; сверху эти ямы прикрывались досками и присыпались щебенкой. Тамъ, какъ въ норахъ, нельзя было ни стоять, ни сидѣть, почему пластуны окрестили ихъ по-своему: «бирючьи логвы», что́ значитъ волчьи ямы, и не очень-то любили въ нихъ засиживаться. Ихъ служба была больше впереди

батарей—въ дозорахъ, въ секретахъ, въ перестрѣлкахъ изъ передовыхъ ложементовъ, на развѣдкахъ по осаднымъ работамъ непріятеля, откуда они приходили на бастіоны лишь передохнуть или поѣсть. Зато ни одна работа у французовъ не начиналась и не кончалась безъ вѣдома пластуновъ. Закладка ли траншеи, или что другое всегда производилось у нихъ ночью,—пластуны ужъ тутъ, какъ тутъ, невидимками: слышатъ всѣ разговоры, видятъ, какъ копаютъ, какъ носятъ землю или таскаютъ пушки. И хочется имъ объявиться, ударить разомъ, да не приказано... Слѣдили они и за подземными работами: приладутъ ухомъ къ землѣ и слушаютъ, въ какую сторону ведутъ мину. Разумѣется, во время такихъ развѣдокъ пластуны не упускали случая снять зѣваку-часоваго, а не то такъ и цѣлый постъ, забывшій про службу. Одинъ разъ они накрыли команду за супомъ, взяли ее вмѣстѣ съ котлами и потомъ сами разсказывали, какъ «поминали родителей чужими пирогами».

Первое время осады трудно было видѣть расположеніе непріятеля и судить о его силахъ, потому что онъ прикрывалъ себя сильными караулами и редутами. Послали развѣдать пластуновъ. Они пробрались малыми партіями за передовую цѣпь, миновали сильные караулы въ двѣ линіи, прошли резервы съ артиллеріей и, высмотрѣвъ доскопально, донесли: гдѣ бараки, гдѣ склады и парки, гдѣ больше пѣхоты, а гдѣ кавалеріи или артиллеріи,—ничего не пропустили, при чемъ сами потеряли только одного человѣка. За рѣчкой Черной остался большой складъ нашего сѣна, и главнокомандующему очень хотѣлось его уничтожить; но какъ это сдѣлать? Всѣмъ было извѣстно, что сѣно охраняется сильною цѣпью часовыхъ. Поручили пластунамъ. Дождавшись, когда вѣтеръ дуетъ на себя, въ темную ночь, урядникъ Демьяненко и 20 пластуновъ перебрались за Черную и устроили здѣсь залогу, а трехъ человѣкъ послали ползкомъ къ сѣну, съ наказомъ залѣзть непремѣнно въ середину и оттуда поджечь. Дѣло сдѣлано, пластуны пошли на утекъ, но французы — за ними. Залога, пропустивши своихъ, дала дружный залпъ и сразу осадила противника; пока подоспѣли

резервы, пластунская партія подобралась, успѣла вернуться на бастіонъ, а французы долго еще палили по оставленнымъ папахамъ. Между непріятельскими батареями, осыпавшими 4-й бастіонъ своимъ губительнымъ огнемъ, особенно допекала одна мортирная батарея, стоявшая скрытно, хотя и не особенно далеко. Утромъ 28-го ноября дали перемиріе, и пока убирали съ обѣихъ сторонъ мертвыхъ, пріѣхалъ на 4-й бастіонъ главнокомандующій. Собралось все начальство; стали толковать о томъ, о семъ, и зашла рѣчь о мортирной батареѣ. Головинскій сказалъ, что ее нужно непремѣнно взять. «А съумѣете-ли вы это сдѣлать, полковникъ, съ вашими казаками?» спросилъ князь Меншиковъ. «Съумѣемъ, ваше сіятельство, только дайте намъ въ придачу артиллеристовъ, чтобы заклепать орудія. Мои казаки не знаютъ». Вечеромъ того же дня составили отрядъ изъ охотниковъ: 390 пластуновъ, 50 моряковъ и до 100 пѣхотинцевъ изъ Колыванскаго и Екатеринбургскаго полковъ. Въ полночь Головинскій вывелъ отрядъ за бастіонъ; пластуны сейчасъ полѣзли высмотрѣть расположеніе передовыхъ карауловъ непріятельской траншеи. Когда они вернулись, отрядъ двинулся въ обходъ; шли тихо, пригнувшись до пояса и затая духъ. Добравшись до траншей, дали залпъ по полусонной цѣпи, а потомъ, по сигналу, какъ одинъ человѣкъ, ринулись въ траншею. Непріятель бросился къ своимъ резервамъ: его гнали, кололи, пока не загремѣла тревога. Тогда началось отступленіе; въ это время моряки успѣли заклепать три мортиры. «Жаль, братцы, такое добро портить», сказалъ урядникъ Екатеринодарской станицы Иванъ Герасименко, да съ этимъ словомъ поднялъ одну изъ мортиръ и перебросилъ ее черезъ траншею. Правда, человѣкъ онъ былъ не маленькій: безъ малаго сажень въ плечахъ. Теперь стало жалко остальныхъ: высадили еще двѣ мортиры да вмѣстѣ съ ними и самого хозяина. Тоже тяжело было, не хуже мортиры: пять человѣкъ его подсаживали, пока онъ выкарабкался изъ землянки. Это былъ французскій полковникъ; кромѣ него, взяли еще одного поручика и 14-ть солдатъ, не мало ружей, ранцевъ, одѣялъ. Когда вернулись домой и начали выворачивать французскіе ранцы, то

нашли въ нихъ помаду, духи, столовые ножи съ вилками, селитру... — «Зазнаются они противъ своего солдатскаго званія, говорили между собой пластуны: тутъ у нихъ точно дѣвичій уборъ!» А про селитру такъ и не довѣдались, зачѣмъ ее носятъ французы. Между прочимъ, въ непріятельской траншеѣ осталось трое убитыхъ. На другой же день пластуны увидѣли изъ ложемента тѣло одного изъ товарищей, приставленное къ стѣнѣ точно на разстрѣлъ. Это горестное зрѣлище огорчило пластуновъ до глубины души: не измѣнникъ какой, а свой же братъ-казакъ, честно павшій въ бою,—за что же такое поруганіе? Французскія пули сыпались градомъ, да и самая-то насмѣшка была сдѣлана нарочно, чтобы подзадорить паших на вѣрную гибель. Казаки положили ждать вечера: «противъ силы пескомъ не сыпать». Вечеромъ «позычили» (взяли въ займы) у артиллеристовъ саженъ 50 фитиля, у моряковъ раздобыли веревку и состряпали длинный арканъ. Одинъ конецъ этого аркана привязали за поясъ Порфирію Семаку, при чемъ дали ему такой наказъ: ползти съ оглядкой въ траншею, спуститься въ ровъ,—а ровъ-то былъ въ сажень вышиною,—добраться до покойника, крѣпко увязать ему ноги, и послѣ того лѣзть назадъ. По слѣдамъ Семака поползъ другой казакъ, чтобъ подтягивать веревку. Доброе дѣло удалось, какъ нельзя лучше. Далеко за полночь оба казака вернулись и донесли, что все готово. Тогда покойникъ былъ притянутъ въ ложементъ, принятъ на руки обрадованныхъ товарищей и снесенъ къ мѣсту честнаго погребенія.

Непріятельскія работы подвигались все ближе да ближе, и служба пластуновъ съ каждымъ днемъ становилась труднѣе. Ежедневно на ночь высылались на позицію, т.-е. за линію нашихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, свѣжія войска; пластуны же находились безсмѣнно впереди войскъ. Обыкновенно непріятель надвигался ночью: выставитъ впередъ туры или мѣшки съ землей, прикроется ими и начинаетъ копаться. На утро и готова батарея. Пластуны заблаговременно открывали эти работы и первые давали знать на бастіонъ. Отсюда же, не смотря на темную ночь, начинали палить и палили довольно мѣтко, потому что мѣсто уже указано; гляди—

и помѣшали непріятелю, задержавъ его работу. Вотъ въ чемъ заключалась служба пластуновъ на позиціи; но когда имъ пришлось копать свои ложементы за поль-выстрѣла отъ непріятельскихъ работъ, то смѣнамъ приходилось оставаться по цѣлымъ суткамъ. И въ ложементы-то попадали ползкомъ, иначе нельзя было, потому что въ мигъ разстрѣляютъ. Съ вечера человѣкъ обмокнетъ, къ утру промерзнетъ, да цѣлый день еще сидитъ впроголодь, особенно если забылъ прихватить сухарей. Тяжелая и опасная служба уменьшила число пластуновъ почти вдвое; но до самаго конца осады они оставались такъ же страшны врагу, хранили тотъ же бодрый духъ, что и вначалѣ.

Въ ночь на 5-е апрѣля пластуны лежали, какъ и всегда, въ ложементахъ; за ними, во второй линіи, рота екатеринбуржцевъ. Непріятель въ то время велъ мину къ 4-му бастіону и, провѣдавъ контръ-мину, т.-е. встрѣчную для него, порѣшилъ взорвать свою. Не только вся мѣстность впереди, но и самый бастіонъ нѣсколько разъ содрогнулся, какъ бы отъ землетрясенія: глыбы земли и камней взлетѣли на воздухъ; особенно досталось крайнему ложементу, ближайшему къ воронкѣ, гдѣ былъ заложенъ порохъ. Въ то же мгновеніе непріятель открылъ по всей линіи жестокій огонь, при чемъ пустилъ въ ходъ и ракеты. Рота, бывшая въ прикрытіи, тотчасъ отступила на бастіонъ; здѣсь переполошились, барабанщики оторопѣли; одинъ только Моргунецъ, барабанщикъ 2-го батальона, схватилъ барабанъ и живо забилъ тревогу. Всѣ ждали приступа. Между тѣмъ, отъ пластуновъ вѣстей нѣтъ; стали за нихъ и побаиваться. Тогда Макаръ Шульга, тоже пластунъ, вызвался ихъ провѣдать. Ловко и отважно пробрался храбрый казакъ и черезъ часъ донесъ, что въ пяти ложементахъ пластуны на своихъ мѣстахъ и шибко ведутъ перестрѣлку, а шестого, крайняго, онъ не замѣтилъ: должно быть, его засыпало. Распорядились послать и къ этимъ молодцамъ. Что же оказалось? Ихъ, дѣйствительно, присыпало-таки землей, но, пустивши въ ходъ свои шапки да пригоршни, пластуны успѣли пообчиститься и теперь берегутъ воронку: ни одинъ еще фран-

цузъ не посмѣлъ къ ней подойти. А извѣстно, что послѣ взрыва непріятель первымъ дѣломъ бросается занять свою воронку, какъ уже готовую яму. Такъ какъ у смѣльчаковъ не хватало патроновъ, то къ нимъ послали и патроновъ, и подкрѣпленіе изъ трехъ человѣкъ. Шибко рвались непріятельскіе стрѣлки, однако не могли занять воронку и оставили возлѣ нея кучу своихъ же убитыхъ. Вице-адмиралъ Новосильскій, бывшій свидѣтелемъ этого подвига, предста-вилъ всѣхъ трехъ пластуновъ къ знакамъ отличія и такую же награду выхлопоталъ барабанщику Моргунцу. Неустрашимость пластуновъ Новосильскій выставилъ въ приказѣ, какъ примѣръ, достойный подражанія всѣмъ войскамъ своего бастіона. Самое же лестное было для пластуновъ то, что въ пѣхотныхъ полкахъ заводились по ихъ образцу особыя пластунскія команды. Дали этимъ командамъ питу-цера, высылали по ночамъ впередъ, въ волчьи ямы, освобождая въ то же время отъ всякой другой службы. Солдаты стали пере-нимать отъ казаковъ ихъ ухватки, привычки и даже старались одѣваться «по-пластуньски». Пластуны подсмѣивались у себя за кашей надъ младшими братьями, но при людяхъ не подавали и виду; напротивъ, обращались съ ними по-отечески. Больше дружили пла-стуны съ моряками. Это народъ бывалый, больше видѣлъ свѣту и встрѣчалъ людей не по одной одеждѣ. Пластуны и потому еще дружили съ моряками, что вмѣстѣ съ ними ходили въ охотникахъ на самыя отважныя дѣла, а нужда, какъ извѣстно, близитъ людей. Какъ народъ домовитый и запасливый, моряки могли по-братски дѣ-литься хлѣбомъ-солью и даже винцомъ. Покажетъ иной разъ пластунъ пустой кашукъ и покручинится моряку, что третій день нечѣмъ на-бить его маленькую люльку (трубочку); морякъ сейчасъ выверт-нетъ ему весь свой запасъ, оставивъ себѣ развѣ самую малость. А то ужъ дѣло зауряднос, коли идетъ пластунъ мимо блин-дажа, моряки зазовутъ его къ себѣ, сунутъ ему ложку въ руку, накормятъ борщомъ съ саломъ и какъ бы тамъ ни было тѣсно, а потѣснятся еще больше, обогрѣютъ казака, дадутъ ему отдохнуть. Давали они пластунамъ и парусину на подстилку — не взяли: лишнее, говорятъ; такъ и спали на землѣ. Служба въ закубан-

скихъ укрѣпленіяхъ *) тоже была не медъ: днемъ въ прикрытіи скота на пастьбѣ или въ цѣпи при рубкѣ лѣса; ночью—на брустверѣ или въ секретѣ; но тамъ, по крайности, играли утреннюю и вечернюю зорю, читали «Отче нашъ», пѣли пѣсни. На севастопольскихъ позиціяхъ ничего этого не было, барабаны и рожки оставались только для тревоги да сигналовъ. Конечно, на бастіонахъ было полегче, чѣмъ въ залогахъ: придутъ послѣ смѣны на бастіонъ, все равно, какъ домой, особенно, если найдутъ борщъ, либо кашу. Но и тутъ случались нежданныя оказіи. Только-что усядутся пластуны въ кружокъ и только урядникъ скажетъ: «Господи благослови!» какъ бомба бухъ! въ середину кружка, лопнетъ на досаду голоднымъ людямъ, опрокинетъ борщъ, прольетъ горѣлку... И не знаютъ пластуны, о комъ жалѣть—о товарищѣ ли, который пошелъ на тотъ свѣтъ, о борщѣ ли, о горѣлкѣ?.. Выходило по пословицѣ: И кума жаль, и нива жаль. Еще бывало и такъ: пошлютъ въ городъ за обѣдомъ и винной порціей и ждутъ. Ждутъ, ждутъ, «ажъ тошшить начнетъ», и накладутъ съ три короба сердитой брани «неповоротнямъ», а они, бѣдные, совсѣмъ не виноваты: съ ними повстрѣчалась вѣдьма-бомба и отняла даже то, что отпустила казна. — Да, добрые товарищи-моряки не разъ выручали голодныхъ пластуновъ.

Старики и теперь, въ часы зимней бесѣды, вспоминая о прошломъ, сличаютъ французовъ и англичанъ со своимъ домашнимъ противникомъ, кавказскими горцами. — «Наши, говорятъ они, стрѣляютъ лучше, хотя конечно, не тѣ у нихъ ружья, что у англичанъ или французовъ. Не мало было и у нихъ хорошихъ стрѣлковъ, но съ горцами не сравняться, потому главное, что тѣ не понимаютъ, какъ нужно стрѣлять, когда слѣдуетъ выждать, все равно какъ и наши солдаты. Насчетъ рукопашки и говорить нечего: горцы смѣлѣе и завзятѣе; одинъ лѣзетъ на тебя спереди, двое—съ боковъ; притомъ же раненыхъ не станутъ подбирать, а докончатъ и въ куски изрубятъ, за тѣмъ, что молодежь на нихъ

*) Происхожденіе и подвиги пластуновъ на Кавказѣ разсказаны въ книгѣ „Казаки“, стр. 250—266.

шашки пробуетъ и къ рубкѣ пріучается. Еще скажемъ, что французы—народъ помолодцоватѣе, а англичане зато степеннѣе и добронравнѣе. Коль скоро нашъ братъ наскочитъ врасплохъ на англичанина, вырвалъ ружье изъ рукъ и сказалъ: «Гайда, мусю!» онъ идетъ смирно. Если у него есть что въ сумкѣ, онъ вынетъ и подѣлится съ тобой, а французъ станетъ еще брыкать, фыркать; не далъ Богъ силенки, чтобъ размахнуть руками, такъ онъ брыкаетъ. Попадались такіе сердитые, что и кусались; ну, съ этимъ не церемонились: стащилъ долой панталоны—на руки ему, а галстукъ на усы, вотъ онъ и маршируетъ тогда въ порядкѣ. Начальство приказывало, чтобы плѣнныхъ не обижать. Мы и не обижали ихъ, а баламутника надо унять. Народы-то эти сами по себѣ не опасны, а вотъ ихъ бомбы треклятыя, вотъ въ чемъ ихъ сила... Ни за понюшку табаку народъ губили. Безъ бомбъ никогда имъ не взять бы нашъ Севастополь!»

БЛОКАДА КАРСА,

въ 1855-мъ году.

Въ 1828-мъ году русскія войска уже брали Карсъ, но въ ту далекую пору Карсъ былъ не то, что 27 лѣтъ спустя. Расположенный на южной покатости крутой горы, самая возвышенная часть которой увѣнчана древнею цитаделью, Карсъ былъ обнесенъ теперь земляными укрѣпленіями и на такомъ далекомъ разстояніи, что между городскими стѣнами и этими укрѣпленіями турецкія войска могли расположиться лагеремъ. Руководили работами англійскіе инженеры. На горахъ Карадага они возвели сильный фортъ, подъ названіемъ «Арабъ-табія», отстоящій дальше другихъ, надъ кручами р. Карсъ-чая *); выше по теченію рѣки, примѣрно верстъ за 6 отъ городскихъ предмѣстій, былъ устроенъ большой, укрѣпленный лагерь. По угламъ и по серединѣ трехъ его фасовъ возвышались реданты (выступающіе углы) и редуты, вооруженные артиллеріей большого калибра. Въ случаѣ, если бы главный валъ былъ отнятъ, его

*) Смотри планъ г. Карса.

можно было поражать изъ укрѣпленій 2-й и 3-й линіи, ближе къ берегу; тутъ находился главный лагерь турокъ. Высоты лѣваго берега также имѣли сильныя укрѣпленія. Такъ, фортъ Вели-паша могъ разгромить цитадель, обстрѣливать весь городъ, Чакмахскія высоты и даже дорогу къ нимъ; вправо отъ этого форта, если смотрѣть изъ Карса, тянулся версты на полторы валъ, упи-

Видъ Карса съ юго-западной стороны.

равшійся въ каменный обрывъ Карсъ-чая. За нимъ помѣщался другой, хотя небольшой, турецкій лагерь. На высотахъ Шарахскихъ, выступая далеко впередъ, торчали два грозныхъ редута—Тахмасъ-табія и Юксасъ-табія, оба вооруженные артиллеріей, прикрытые спереди батареями, съ боковъ—завалами; вправо отъ дальней батареи тянулся еще валъ, извѣстный подъ именемъ англійскихъ линій. Всѣ укрѣпленія праваго и лѣваго берега, имѣя 17

верстъ въ окружности, охраняли послѣдній оплотъ Турціи, ея армію, и, правду сказать, они были устроены мастерски: откуда бы ни шелъ противникъ, всюду его встрѣчалъ губительный перекрестный огонь. Въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года Карсъ имѣлъ подъ ружьемъ болѣе 30 тыс. защитниковъ, подъ начальствомъ Вессифа-паши, по душой обороны былъ англійскій полковникъ Вилліамсъ, извѣстный у турокъ подъ именемъ «Инглизъ-паши».

Главнокомандующій русской арміей, генералъ Муравьевъ, скоро убѣдился, что брать Карсъ приступомъ теперь нельзя, а потому рѣшился принудить его къ сдачѣ блокадой, т.-е. тѣснымъ обложеніемъ. Съ началомъ блокады были высланы партизанскіе отряды, которые уничтожили больніе запасы зернового хлѣба, муки, фуража, приготовленные для перевозки въ крѣпость; генералъ Бакланов захватилъ транспортъ съ сухарями и рисомъ. Главныя наши силы расположились по обоимъ берегамъ р. Карсъ-чая, выше крѣпости верстъ на шесть; однимъ отрядомъ командовалъ Ковалевскій, другимъ—Бриммеръ. Отряды сообщались по хорошо устроенному мосту, на козлахъ, хотя имѣлось много бродовъ. На сѣверной сторонѣ Карса стоялъ Баклановъ съ конницей; съ запада берёгъ пути Дондуковъ, а кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны летучіе отряды, которые всѣ смыкались своими пикетами.

Съ первыхъ чиселъ августа прекратилось сообщеніе гарнизона съ окрестностями. Правда, что на окружности 50 верстъ было трудно усмотрѣть, особенно въ мѣстности гористой, пересѣченной оврагами и рытвинами, и одиночки всегда успѣвали прокрасться; зато подвозъ продовольствія прекратился вовсе. Впослѣдствіи наши отряды смыкались все тѣснѣе и тѣснѣе, что̀ и послужило главною причиною паденія крѣпости. Уже съ самаго начала осады Вилліамсъ приказалъ уменьшить солдатамъ дачу провіанта на треть и скупить весь скотъ, бывшій въ крѣпости; ячменя не оказалось, кормить лошадей было нечѣмъ. Все это навело на гарнизонъ упыніе; изъ крѣпости начались побѣги. По словамъ дезертировъ, Вилліамсъ цѣлые дни проводилъ въ лагерѣ среди войскъ, въ городѣ же только ночевалъ; войска̀ тосковали отъ безлѣлья,—

ПЛАНЪ
г. КАРСА
и
укрѣпленнаго лагеря Турецкой арміи.

Р.Д. Дасъ Баши

Р.Д. Кала Калисси

Тифлисъ табіе

Талышъ-табіе

Горы Чикмахакія

Талышъ табіе

Зорабъ табіе

Арабъ-табіе

Англійскія миніи

Карадагъ табіе

Вели паши табіе

Каретъ-табіе

Кутузовъ-табіе

Юксакъ табіе

Горы Шарахскія

Кая табіе

Гюрбжи табіе

Теке-табіе

Тахмасъ табіе

КАРСЪ

Чинъ

Хафизъ паши табіе

Ени-орта-табіе

Фези-бей-табіе

Р.Д. Кичикъ Кёвъ

Кинзы табіе

Ичи-Карсъ-Чай

они хотѣли сражаться, а начальство не очень-то имъ довѣряло. На военномъ совѣтѣ турецкихъ военачальниковъ арабистанскіе паши ручались головой за свои батальоны, но остальные на-отрѣзъ отказались выступать въ поле. Все это было извѣстно отъ перебѣжчиковъ, которыхъ подробно осматривали, отбирали оружіе и потомъ снимали съ каждаго допросъ. Такъ какъ въ крѣпости кормовъ оказывалось все меньше и меньше, а фуражировки, въ виду одительности нашихъ постовъ, становились съ каждымъ днемъ опаснѣе, то Вилліамсъ рѣшился выслать изъ города свою конницу въ дальнія мѣста, на поправку. Въ первый разъ удалось проскочить тремъ сотнямъ всадниковъ; на другой день разыгралось цѣлое дѣло. 22-го августа Дондуковъ узналъ черезъ лазутчиковъ, что въ Карсѣ приказано кавалеріи готовиться къ выступленію. Дѣйствительно, въ этотъ же день къ вечеру была составлена колонна изъ 1,200 арабистанскихъ всадниковъ, 400 артиллерійскихъ лошадей съ 200 рядовыхъ и отрядомъ баши-бузуковъ. Ночью колонна выступила изъ крѣпости подъ начальствомъ трехъ пашей; Вилліамсъ и Керимъ-паша проводили ихъ и дали на прощанье строгій приказъ, чтобы люди шли не размыкаясь, стройно, тихо. Ночь была такая темная, что въ трехъ шагахъ не видно всадника; до восхода луны оставалось часа три. Часовъ въ 10 вечера въ мусульманской цѣпи услыхали движеніе войска по дорогѣ къ Джаврѣ. Дали окликъ, отвѣта нѣтъ; напи выстрѣлили вверхъ и сейчасъ же узнали турокъ. Подполковникъ Ломаковъ съ сотней донцовъ мигомъ ударилъ, но въ темнотѣ атака пришлась на хвостъ передней колонны; артиллеристы съ заводными лошадьми повернули въ Карсъ. На выстрѣлы прискакали нижегородскіе драгуны, которые сейчасъ же врѣзались съ другой стороны; съ третьей стороны налетѣлъ полковникъ Дондуковъ съ ракетными станками. Мѣсто боя освѣтилось ракетами, почему турки, не смотря на темноту, не имѣли возможности скрыться въ сосѣднихъ оврагахъ; но тѣ, которымъ это удалось, защищались упорно, пока ихъ не разогнали тѣми же ракетами. Бѣглецы наткнулись на нашъ отрядъ, бывшій на покосѣ, за нѣсколько верстъ отъ Карса. Полковникъ Шульцъ

выскочилъ имъ на-перерѣзъ съ сотней конно-мусульманскаго полка; турки сейчасъ же засѣли за камни. Тогда Шульцъ послалъ конницу въ тылъ, а солдатамъ Бѣлевскаго полка велѣлъ выбить ихъ съ фронта. Турки сѣли опять на лошадей, бросились назадъ, но тутъ наткнулись на конницу, которая принудила ихъ сдаться. Это было уже незадолго до разсвѣта. Когда днемъ разсмотрѣли мѣсто побоища, гдѣ произошла первая встрѣча, то увидѣли, что оно состояло изъ скалистыхъ балокъ, изрытыхъ поперекъ и усѣянныхъ камнями. Преслѣдовать по такой мѣстности чрезвычайно трудно: въ одномъ мѣстѣ 10 драгунъ, въ жару погони, сорвались съ крутизны и хорошо еще, что отдѣлались ушибами. Болѣе сотни убитыхъ турокъ валялось по пути ихъ бѣгства, 200 взято въ плѣнъ, отбито 800 лошадей, 3 штандарта и знамя баши-бузуковъ. Больше всѣхъ поживились наши татары: они первымъ дѣломъ набросились на вьюки, а въ этихъ вьюкахъ карскіе купцы отправляли дорогіе товары—шелкъ, бархатъ, сукно, посуду, серебро. Все это добро татары скрытно переслали на родину или распродали на базарѣ. Случилось такъ, что въ Карсѣ не скоро узнали о разгромѣ своей кавалеріи; начальство долго было увѣрено, что она на поправкѣ.

Между тѣмъ наступали холода; высокія Саганлугскія горы уже покрылись снѣгомъ. Въ то время, когда наша конница была занята аванпостной службой и развлекалась частыми стычками то съ фуражирами, то съ бѣглецами, пѣхота скучала безъ дѣла. Всѣмъ хотѣлось приступа. Особенно смутно стало въ лагерѣ, когда узнали о сдачѣ Севастополя и узнали это изъ Карса. Въ цитадели началась пальба, на пикетахъ турки кричали ура, однимъ словомъ, весь Карсъ пришелъ въ движеніе. Перебѣжчики и сказали, въ чемъ дѣло. Въ этотъ же день неутомимому Бакланову удалось, что называется, сорвать паше горе. Онъ давно уже замѣтилъ, что турки по ночамъ пасутъ своихъ лошадей, но до поры до времени оставлялъ ихъ въ покоѣ. 11-го сентября, на разсвѣтѣ, онъ скрылъ подъ горой казаковъ и милицію съ однимъ орудіемъ, а драгунамъ велѣлъ быть на-готовѣ. Какъ только фуражиры разсыпались по горѣ, казаки и горцы понеслись на верхъ; впереди

скакалъ на лихомъ кабардинскомъ конѣ молодой Казбекъ. Казаки положили на мѣстѣ человѣкъ 30 да 12 взяли въ плѣнъ; остальные успѣли спастись. Вскорѣ послѣ этого Вилліамсъ приказалъ перерѣзать всѣхъ оставшихся лошадей; многіе хозяева выпустили ихъ на волю, что̀ было на-руку нашимъ татарамъ: они гонялись за ними вокругъ крѣпости по цѣлымъ днямъ. — Вмѣстѣ съ паденіемъ Севастополя, подъ Карсомъ было получено и другое тревожное извѣстіе, а именно, что въ Трапезонтѣ высадились турецкія войска. Они могли угрожать всему Закавказью, и потому главнокомандующій рѣшился штурмовать крѣпость. Прежде онъ разсчитывалъ выждать, пока ея защитники въ конецъ обезсилятъ, но теперь обстоятельства измѣнились: надо было поднять упавшій духъ войска, хотѣлось порадовать успѣхомъ Царя и Россію. Намѣреніе главнокомандующаго оставалось въ тайнѣ.

16-го сентября, въ 8 час. вечера, войска получили приказаніе быть готовыми къ походу; велѣно взять сухарей на два дня. Пробили зарю, въ лагерѣ стемнѣло; звѣзды загорѣлись въ ясномъ небѣ. Солдаты были одѣты въ шинеляхъ поверхъ полушубковъ, въ походныхъ сапогахъ и фуражкахъ съ козырьками; за плечами мѣшокъ съ сухарями, шанцовый инструментъ. Послѣ молитвы полки пошли на сборныя мѣста. Впереди лагеря Бѣлевскаго полка собиралась колонна Ковалевскаго. Подъѣхалъ генералъ, окруженный свитой: «Ребята! вы идете на славное дѣло, на дѣло, о которомъ будетъ говорить вся Россія: вы идете брать Карсъ. Я надѣюсь, вы будете драться, какъ храбрые солдаты». Молча выслушала колонна слово любимаго начальника; каждый понималъ, что тишина — первое дѣло. Съ опущенными штыками тихо двинулись батальоны, имѣя между собой орудія. Стала подыматься двурогая луна; ея косые лучи освѣщали наши колонны, бросавшія отъ себя длинныя тѣни. Ночь была тихая, ясная; шли молча, полнымъ, широкимъ шагомъ; лишь изрѣдка раздавался стукъ колеса, наскочившаго на камень. Первая колонна двигалась по ровному мѣсту, переходила болотные луга, ручьи; вправо отъ нея, вдали, чернѣли высоты. Отъ бивачныхъ огней Дондукова присоеди-

нились къ этой колоннѣ казаки и драгуны. Дальше шли вмѣстѣ, направляясь на Шарахскія высоты. Вскорѣ колонна повернула лѣвымъ плечомъ и остановилась въ небольшой лощинѣ на отдыхъ. Многіе солдаты, не смотря на холодъ, прилегли на землю; другіе шопотомъ вели бесѣду; лошади, понуря головы, дремали. Прошло два часа. Ковалевскій вызвалъ всѣхъ офицеровъ Виленскаго полка и сказалъ имъ: «Господа! главнокомандующій сдѣлалъ мнѣ и вамъ большую честь: онъ назначилъ Виленскій полкъ въ первую линію. Мы пойдемъ въ атаку въ ротныхъ колоннахъ. Какимъ бы огнемъ непріятель насъ ни встрѣтилъ—не стрѣлять, а выбивать его штыками. Раненыхъ подберутъ сзади. Назначить по 12 охотниковъ изъ роты: они пойдутъ впереди и послужатъ примѣромъ для прочихъ. Господа! Я надѣюсь на васъ!» — Войска перестроились въ боевой порядокъ. Безмолвно, какъ тѣни, двигались сѣрыя массы батальоновъ и ротъ по волнистой мѣстности. Они спустились въ глубокую лощину, потомъ поднялись на скатъ и здѣсь остановились; орудія сняли съ передковъ. Впереди лежала возвышенность, которую слѣдовало атаковать. Заря чуть начинала заниматься. Среди глубокой торжественной тишины раздался ружейный выстрѣлъ: солдатъ 2-й роты, надѣвая капсюль, нечаянно хлопнулъ куркомъ. У непріятеля заигралъ рожокъ: первая колонна была открыта. Сразу застонала земля отъ гула непрерывной стрѣльбы; съ заунывнымъ визгомъ проносились гранаты и трескались одна за другой, то между нашихъ колоннъ, то сзади у нихъ. Пѣхоту совсѣмъ занесло дымомъ. «Вставай! Маршъ!» раздалась команда. Солдаты вскочили, барабанщики забили къ атакѣ, колонны пошли штурмовымъ шагомъ, офицеры впереди. «Сомкнись, ребята, прибавь шагу!» Ряды разрывались; солдаты и офицеры валились; не обращая на нихъ вниманія, остальные шли да шли, поднимаясь на высоты. «Ура!» закричали впереди. Съ побѣднымъ, оглушительнымъ крикомъ бросились колонны въ гору, въ надеждѣ скорѣе схватиться съ непріятелемъ, скорѣе выскочить изъ-подъ смертельнаго огня. Не тутъ-то было: пришлось бѣжать далеко въ гору и между камнями. Пробѣжали, сколько было силы, снова

пошли, еле переводя духъ. Трескъ батальоннаго огня сдѣлался громче; сквозь дымъ виднѣлись бруствера, отъ мелькавшихъ какъ свѣчи частыхъ огоньковъ. Мѣстами вырывались пушечные выстрѣлы: подъ-конецъ запрыгала по камнямъ картечь—чистый адъ! Солдаты валились уже не въ одиночку, а кучками, другъ на друга. Вторая линія колонпъ смѣшалась съ первой; все столпилось. Ковалевскій и полковникъ Шимкевичъ шли впереди съ обнаженными шашками; офицеры, солдаты бросались за ними; наши охотники уже вскочили на брустверъ, но, проколотые штуцерными ножами, полетѣли кувыркомъ. Вотъ и Ковалевскаго вынесли за-мертво, свалился въ ровъ Шимкевичъ мертвый... Солдаты потеряли голову, начали стрѣлять. Одни бросались за тѣла убитыхъ товарищей, другіе—за камни, за лошадей и оттуда палили безъ всякой пользы. Мало-по-малу, подъ завѣсой густого дыма, они начали отступать, пригнувшись къ землѣ. Весь скатъ горы покрылся сѣрыми шинелями; раздавались стоны, слышались вздохи; подать помощи некому. Все дѣло длилось не больше получаса, а многимъ оно показалось годами муки. Виленскій полкъ медленно собирался внизу; онъ насчитывалъ теперь не болѣе 300 чел., подъ командой штабсъ-капитана; у бѣлевцевъ уцѣлѣло 250, у тульцевъ — только полтораста.

Въ то время, когда колонна Ковалевскаго наступала на англійскія линіи, генералъ Майдель велъ свою колонну правѣе, противъ редутовъ Юксасъ-Табія, Тахмасъ-Табія и крайнихъ лѣвыхъ ложементовъ. У Майделя были эриванцы, гренадеры, мингрельцы, ряжскіе батальоны, саперы и 20 орудій. Войска первой линіи, не дрогнувъ подъ жестокимъ картечнымъ огнемъ и подъ градомъ штуцерныхъ пуль, послѣ крутого подъема, подбѣжали къ укрѣпленіямъ, выбили турокъ и вскочили на валъ, захвативши часть орудій. Лѣвый флангъ ретраншамента былъ взятъ, но сильный редутъ Тахмасъ-Табія далъ отпоръ. Тогда Майдель взялъ часть пѣхоты, обогнулъ съ нею занятый ретраншаментъ и ударилъ на толпы турокъ сзади. Они побѣжали въ свой лагерь, — и лагерь былъ взятъ; конные грузины съ линейцами проскакали еще дальше,

ворвались въ другой турецкій лагерь, гдѣ отбили знамя. Больше этого наши ничего не могли сдѣлать до самаго конца боя. 7-я рота гренадерскаго полка бросилась на батарею подлѣ самаго редута, шагахъ въ десяти; захвативши три орудія, она пыталась вскочить отсюда на брустверъ грознаго редута. Штуцерный огонь турокъ косилъ гренадеръ безжалостно. Тогда они стащили съ батареи два взятыхъ орудія, а третье перебросили за валъ. Они ихъ не покинули. Съ часу на часъ подходили резервы, кидались порывисто на редуты, потомъ отваливали и смѣшивались съ прежними бойцами, залегавшими за отнятыми ретраншаментами. Не было уже того стройнаго, сомкнутаго строя, устрашающаго враговъ; не было уже старшихъ начальниковъ: они перебиты или переранены. Храбраго Майделя давно унесли; Серебрякова, который его замѣнилъ, ранили. За полтораста саженъ отъ редута стояла батарея Брискорна, стрѣлявшая картечью по толпамъ турокъ, перебѣгавшимъ изъ лагеря. Эта славная батарея снасла остатки нашихъ полковъ, пріютившіеся въ ретраншаментѣ. Въ нее направляли турки свой огонь спереди, посылали ядра изъ форта Вели-Табія, осыпали картечными гранатами изъ Чинъ-Табія и навѣсными выстрѣлами изъ зарѣчныхъ батарей. Только удивительное мужество и хладнокровіе Брискорна спасло батарею отъ разрушенія, а наши войска отъ погрома. Онъ не тратилъ ни одного заряда даромъ и съумѣлъ ихъ сберечь до послѣдней минуты. Полуразрушенная батарея, безъ прислуги, заваленная тѣлами убитыхъ, посылала выстрѣлъ за выстрѣломъ — мѣтко, съ разсчетомъ и даже въ то время, когда турки уже сами стали на нее кидаться. Прибыли подкрѣпленія, по два батальона гренадеръ и бѣлевцевъ. Полковникъ Ганецкій, не слѣзая съ коня, выбивался изъ силъ, чтобы дать порядокъ. Схвативши знамя, онъ призывалъ солдатъ: «Пойдемъ, ребята! Не давайте туркамъ заряжать ружья!» — Толпа смѣльчаковъ рванулась съ крикомъ: «идемъ!», но осаженная штуцернымъ залпомъ, скрылась въ тотъ же ретраншаментъ, за которымъ толпились солдаты разныхъ полковъ. На этой горѣ все таяло. Ганецкій былъ раненъ; смѣнившій его Москалевъ

тотчасъ убитъ. Около 11 ч. утра поднялся на высоту генералъ Бриммеръ и, обозрѣвъ побоище, приказалъ начать отступленіе. Мы потеряли 250 офицеровъ, болѣе 7 тыс. солдатъ. Зато велика была радость турокъ: стрѣлки султанской гвардіи и лазы плясали подъ музыку впереди Тахмасъ-Табія, среди раненыхъ и убитыхъ. Набожные мусульмане говорили, что во время боя видѣли въ небѣ священную дружину пророка, въ зеленыхъ одеждахъ, поражавшую гяуровъ. Наши бѣдные солдаты утѣшали себя тѣмъ, что «турку нельзя сразу побить».

Блокада Карса, прекратившаяся лишь на время штурма, возобновилась въ прежнемъ порядкѣ. Мало-по-малу все пошло своимъ чередомъ; солдаты стали играть въ городки, въ кошку-мышку. Съ 20-го сентября въ лагерѣ открылся базаръ, на который окрестные жители привозили сѣно, разные продукты, а солдаты выносили на продажу шитыя рубашки, сапоги, рукавицы и прочія издѣлія своего мастерства. Скоро явилось новое развлеченіе. Войска получили приказаніе ежедневно наряжать въ горы команды для рубки лѣсу. Срубленный лѣсъ возили въ лагерь, пилили на доски, распиливали на бревна и сейчасъ же ставили бараки. Цѣлые дни и ночи раздавался визгъ пилы, стукъ топоровъ, кирокъ, звонкія лихія пѣсни домашнихъ мастеровъ. Какъ бы по волшебству, исчезли палатки; вмѣсто нихъ явился цѣлый городокъ, съ улицами, съ лавочками, съ вывѣсками или надписями, гдѣ кто живетъ. Пришлись эти постройки весьма кстати: холода начинались большіе; на аванпосты и въ секреты ходили въ полушубкахъ. Аванпостная служба стала еще бдительнѣе, исполнялась еще строже, чѣмъ прежде. Ночью съ 13-го на 14-е число казачій разъѣздъ нагналъ двухъ курьеровъ, пробиравшихся въ крѣпость изъ Эрзерума. Это были не простые почтари, а люди ловкіе, отважные и ѣхали не скрытыми путями, а прямо мимо лагеря. Пока казаки гнались за ними, они разбросали почти всѣ свои бумаги по бурьянамъ и оврагамъ. Однако ихъ послѣ подобрали. Въ теченіе октября почти каждую ночь происходили на аванпостахъ стычки; непріятельскіе фуражиры всегда почти уходили ни съ чѣмъ. Но болѣе всего

тревожили турокъ ночныя тревоги. На эти тревоги посылали обыкновенно одного армянина, Данила Арютинова. Онъ пускался съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей и бралъ съ собою три или четыре ракеты: установитъ ихъ въ ночной тишинѣ недалеко отъ вала, пуститъ и скачетъ во весь духъ въ другую сторону. Турки сейчасъ же начинали пальбу, при чемъ всегда поднималась тревога: барабаны били дробь, трубы играли что-то заунывное, а собаки всего города поднимали вой. Голодныя, утомленныя войска не имѣли покоя и ночью. Съ наступленіемъ холодовъ число перебѣжчиковъ стало доходить до 30-ти человѣкъ въ день, и такъ какъ большинство изъ нихъ приходило обыкновенно безъ оружія, то въ Карсѣ былъ пущенъ слухъ, что каждому бѣглецу будетъ выдаваться по червонцу за штуцеръ. Послѣ этого, являясь на аванпосты, турецкіе солдаты просили, чтобы ружье и всю аммуницію подвергали осмотру, послѣ чего требовали обѣщанный червонецъ. «Видишь ли, говорили они: я во всемъ исправенъ: какъ мнѣ султанъ выдалъ оружіе, такъ я и сдаю». Эти простодушные люди думали, что пока султанъ ихъ кормилъ, они обязаны ему служить, а какъ пересталъ кормить, такъ имъ вольно уходить, куда хотятъ. Наконецъ, стали появляться бѣглые изъ арабистанскихъ батальоновъ; люди эти были лучше одѣты и красивѣе собой; прочіе же являлись въ самомъ жалкомъ видѣ. Въ ихъ сумкахъ находили куски смрадной конины, вырѣзанной изъ падали; вмѣсто овощей они употребляли ныpейный корень. Отъ недостатка пищи у турокъ свирѣпствовала цынга. Многіе впадали въ такое разслабленіе, что не могли даже бѣжать, являясь ползкомъ, но всѣ, которые являлись, просили прежде всего хлѣба и табаку. Наши солдаты никогда не отказывали въ кускѣ хлѣба: «На́, братъ, ѣшь на здоровье; хоть ты и турокъ, а все же человѣкъ!» Чтобы поддерживать и безъ того великое терпѣніе солдатъ, турецкое начальство распустило ложный слухъ, что къ нимъ идетъ выручка и вотъ-вотъ, не сегодня-завтра появится у стѣнъ крѣпости. Сначала это помогало; но такъ какъ недѣля проходила за недѣлей, а выручки не было, то солдаты извѣрились и пуще прежняго упали духомъ.

Эти ненадежныя средства могли только на короткое время отдалить неизбѣжный конецъ, т.-е. сдачу крѣпости.

Въ первыхъ числахъ ноября пріѣхалъ изъ крѣпости парламентеромъ адъютантъ Вилліамса. Онъ привезъ отъ своего генерала записку съ просьбой разрѣшить ему, Вилліамсу, повидаться съ главнокомандующимъ. На другой же день была отправлена изъ лагеря почетная встрѣча желанному гостю: драгуны, разодѣтые въ мундиры, въ каскахъ съ султанами; казаки въ своихъ высокихъ папахахъ, два офицера и чиновникъ канцеляріи. Около полудня генералъ переѣзжалъ уже мостъ, на которомъ столпилось множество любопытныхъ. Въ это самое время отворилась въ банѣ дверь; оттуда густымъ облакомъ хлынулъ паръ и выскочило десятка два солдатъ; красные, какъ раки, они по русскому обычаю, бросились въ рѣку, по которой уже шелъ ледъ. Англичанинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ, пожалъ плечами и улыбнулся. Вилліамсъ былъ принятъ главнокомандующимъ наединѣ. «Я человѣкъ прямой и искренній, сказалъ англичанинъ: лгать не умѣю и не буду. Карсъ находится въ бѣдственномъ положеніи. Мы сдѣлали все, что́ могли сдѣлать; дольше держаться мы не можемъ. Войско изнурено; каждый день полтораста человѣкъ идетъ на убыль. Помощи намъ ожидать не откуда; хлѣба осталось на три дня. Я прибылъ къ вамъ предложить сдачу Карса».—Главнокомандующій потребовалъ, чтобы крѣпость была сдана со всѣмъ оружіемъ и казеннымъ имуществомъ, и чтобы вся армія, положивши оружіе, считалась военноплѣнной. Англичанинъ согласился, но просилъ только уволить на родину лазовъ, баши-бузуковъ, какъ войска нерегулярныя, и просилъ, чтобы офицерамъ было оставлено оружіе. Пока составлялись письменныя условія, Вилліамса пригласили пройтись по русскому лагерю. Онъ входилъ въ казармы, заходилъ въ офицерскіе бараки, удивляясь порядку и довольству русскихъ солдатъ. День былъ ясный, теплый, на небѣ ни облака; во всемъ станѣ пѣли пѣсни, играла музыка. Грустно было все это видѣть Вилліамсу, котораго въ Карсѣ окружала нищета, болѣзни, уныніе. По слѣдамъ англичанина ходила огромная толпа: «А вотъ и аглицкій паша пріѣхалъ къ

намъ! Должно быть, погрѣться и пообѣдать; дома-то, вишь, у нихъ нечего ѣсть». — «Да и молодецъ же, говорили въ другой кучкѣ, еще бы немножко, такъ совсѣмъ бы русскій!» —За обѣдомъ Вилліамсъ познакомился со всѣми нашими генералами. Особенно ему хотѣлось видѣть генераловъ Лорисъ-Меликова и Бакланова; послѣдняго турки боялись какъ чорта, называя его по-своему, «Баклань-паша» *).

16-го ноября, къ девяти часамъ утра, наша армія вытянулась длиннымъ полукружіемъ; передъ ея центромъ стали заряженныя орудія, готовыя выстрѣлить по данному знаку. Было пасмурно; сырой холодный вѣтеръ пробиралъ до костей. Турки начали спускаться съ Шарахскихъ высотъ гораздо позже, чѣмъ было назначено по условію. Разсказываютъ, что солдаты неохотно повиновались начальникамъ; въ присутствіи офицеровъ они разбивали ружья о камни, произнося проклятія: «Да погибнутъ также паши наши, да ляжетъ на нихъ проклятіе Божіе и гнѣвъ пророка!» —Въ два часа турецкая армія построилась на равнинѣ, такъ что мы окружали ее съ трехъ сторонъ, какъ въ ящикѣ; впереди ея стоялъ со своей свитой старикъ Керимъ-паша, замѣнявшій главнокомандующаго; возлѣ него толпа нарядныхъ курдовъ, немного подальше — старшины города, въ богатыхъ костюмахъ. Вдоль лѣваго берега рѣки тянулись на дальнее разстояніе котлы, въ которыхъ варили голоднымъ гостямъ супъ. Съ обѣихъ сторонъ было собрано до 50 тыс. молча стоявшихъ въ ожиданіи приказаній. Мертвую тишину окрестностей нарушалъ лишь порывистый вѣтеръ, трепавшій полотна знаменъ.

Пріѣхалъ русскій главнокомандующій въ парадномъ мундирѣ, окруженный блестящей свитой и въ сопровожденіи Вессифа-паши. Поздравивъ войска съ великимъ, торжественнымъ днемъ, онъ остановился возлѣ мостика, по которому должна была проходить турецкая армія, и подозвалъ къ себѣ Керима-пашу. Муравьевъ принялъ его очень ласково, подалъ ему руку и вспомнилъ при этомъ,

---

*) Прошлое Бакланова разсказано въ книгѣ „Казаки“, стр. 127—143.

какъ они познакомились, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Константинополѣ. Потомъ онъ спросилъ ключи отъ крѣпости. «Ключей нѣтъ», отвѣчалъ Керимъ. Тогда главнокомандующій приказалъ вынести знамена. Въ одно время, какъ бы по сигналу двинулись изъ рядовъ турецкой арміи знамена. Большія красноватыя полотна съ бѣлыми надписями изъ Корана, на высокихъ древкахъ, развѣвались въ рукахъ рослыхъ и красивыхъ унтеръ-офицеровъ. Пока они сходились, были вызваны изъ Тульскаго полка 24 унтеръ-офицера и одна карабинерная рота съ музыкой. Едва только знамена перешли въ наши руки, громкое ура огласило воздухъ, музыка заиграла по всей линіи войскъ и провожала знамена до ставки главнокомандующаго. Теперь турки должны были сдать по описи все казенное имущество, но они отвѣчали: «Зачѣмъ вамъ описи? теперь все ваше: войско, оружіе, запасы и городъ съ обывателями — берите и считайте сами». По приказанію Вессифа-паши, начали проходить черезъ мостъ войска́, отпущенныя на родину. На измученныхъ лицахъ турецкихъ солдатъ видно было уныніе; одежда въ лохмотьяхъ, вмѣсто обуви на ногахъ тряпки, даже у офицеровъ. Проходя мимо главнокомандующаго, солдаты поднимали головы, оглядывая съ любопытствомъ русскаго сардаря. На другой сторонѣ моста они валили въ груду ятаганы, ружья, пистолеты, барабаны, трубы и значки. Не дождавшись длиннаго хвоста колонны, главнокомандующій проѣхалъ по рядамъ остальной турецкой арміи, стоявшей на мѣстѣ. Съ изумленіемъ глядѣли турки на нашего генерала и жадно слушали его успокоительную рѣчь. Когда объѣздъ кончился, ихъ пригласили къ котламъ пообѣдать; сначала турки не поняли, въ чемъ дѣло. но приказаніе было повторено муширомъ и нѣкоторыми изъ пашей. Тогда они ринулись впередъ, и въ одно мгновеніе овладѣли котлами; наши кашевары отступили. Болѣе 8 тыс. голодныхъ солдатъ было накормлено, хотя многіе изъ нихъ, поѣвши не въ мѣру, поплатились жизнью за это угощеніе. Пока турки обѣдали, главнокомандующій произвелъ своимъ войскамъ смотръ въ присутствіи всѣхъ турецкихъ пашей. Лихо выѣзжала артил-

лерія; стройно неслись драгуны; быстро они спѣшивались и открывали пальбу; пѣхота кидалась въ атаку, заглушая побѣднымъ крикомъ грохотъ барабановъ. Смотръ вышелъ блестящій, на удивленіе туркамъ. Во время смотра шесть батальоновъ пѣхоты съ одной батареей заняли цитадель и городъ. Каждый русскій часовой смѣнялъ турецкаго, который, скинувъ перевязь и передавъ ружье, отправлялся къ сборному мѣсту.

Съ паденіемъ Карса, этой главной твердыни Малой Азіи, и съ уничтоженіемъ 30-ти-тысячной анатолійской арміи, завѣтный Цареградъ, столица Турціи, оставался беззащитнымъ. Путь къ нему былъ теперь открытъ; но среди приготовленій къ новой кампаніи пришло извѣстіе о заключеніи мира. Карсъ, добытый трудами и кровью, пришлось опять уступить въ обмѣнъ за Севастополь, еще болѣе дорогóй сердцу русскаго человѣка. Черезъ 23 года наши овладѣли Карсомъ въ третій разъ, но это ужъ навсегда.

ЭКСПЕДИЦІЯ ГЕНЕРАЛА ЕВДОКИМОВА ВЪ АРГУНСКОЕ УЩЕЛЬЕ.

Походы русскихъ войскъ въ странахъ кавказскихъ носятъ названіе набѣговъ и экспедицій. Набѣгами называли движенія къ близкимъ ауламъ, предпринятыя нечаянно, съ быстротой; экспедиціями же называли наступательныя дѣйствія болѣе отдаленныя и продолжительныя, напримѣръ: наказать за измѣну, привести къ покорности, прорубить просѣку или построить укрѣпленіе. Для экспедицій выбирали больше зимнее время, когда нѣтъ на деревьяхъ листьевъ, когда непріятелю негдѣ укрыться. При движеніи войскъ соблюдался извѣстный порядокъ. Такъ въ лѣсахъ Чечни главную колонну русскаго отряда прикрывали справа и слѣва особыми боковыми отрядами, съ непрерывною цѣпью стрѣлковъ—отъ авангарда до арьергарда; кавалерія шла сбоку или въ серединѣ. Въ мѣстахъ открытыхъ непріятель обыкновенно исчезалъ, но какъ только вступали въ лѣсъ, онъ открывалъ жаркую перестрѣлку и чаще всего въ арьергардѣ, оставаясь самъ невидимъ. Когда цѣпь ослаб-

нетъ, когда разстроится арьергардъ или боковой отрядъ, тутъ лѣзутъ сотни кинжаловъ прямо въ грудь, сверкаютъ шашки, забирая все глубже и глубже въ нашу колонну. Если она встрѣтила первую атаку стойко, опять все исчезло: непріятеля нѣтъ, не слышенъ его потрясающій, пронзительный гикъ; теперь чеченецъ скрылся за деревья, откуда будетъ посылать пулю за пулей. Въ случаѣ же, если наши не устояли, тогда бѣда: если не подоспѣетъ помощь, колонна погибла. Чеченцы гибки какъ змѣи, стремительны и безпощадны какъ тигры. Въ дѣвственныхъ дремучихъ лѣсахъ Чечни только тотъ кусокъ земли привыкли считать своимъ, на которомъ стояли; спереди, сзади, съ боковъ — за кустикомъ или камнемъ, въ оврагѣ или ущельѣ—вездѣ непріятель. Отрядъ какъ корабль: все разрѣжетъ, а слѣда нѣтъ!

Въ горахъ Дагестана ходили безъ боковыхъ цѣпей, по трудности доступовъ; въ опасныхъ случаяхъ занимали отдѣльныя высоты надъ дорогой; при входѣ или выходѣ изъ ущелій, на перевалахъ черезъ гребни, при переправахъ оставляли особые отряды для свободнаго отступленія. Здѣсь непріятель встрѣчалъ спереди; онъ преграждалъ входъ въ ущелье или подъемъ на гору, укрѣплялъ аулы. Каждый важный пунктъ находился подъ наблюденіемъ особаго мюрида, выставившаго свой значокъ. Гораздо легче бывало разогнать скопище въ нѣсколько тысячъ, чѣмъ взять десятокъ разбросанныхъ завало̀въ, за которыми укрѣпились мюриды. Они наводили по нѣскольку ружей на каждый поворотъ, извилину тропинки, и кто ни пойдетъ—смерть. Одно спасеніе—броситься колонной, но это не всегда возможно. Не всегда выручала и безвѣтная храбрость; даже случалось, что она вредила успѣху. Въ горной войнѣ требуется особая сметка; малѣйшее упущеніе, напримѣръ, забыли занять пустяшную высоту, можетъ имѣть губительныя послѣдствія, повести къ истребленію отряда. Къ атакѣ наши обыкновенно приступали только тогда, когда есть обходы или если непріятель утомленъ долгимъ ожиданіемъ; атакуя же, наступали быстро, рѣшительно. Какъ чеченцы, такъ и лезгины умѣли отлично пользоваться мѣстностью. Но лезгины искуснѣе

укрѣпляются; ихъ завалы всегда имѣли сильный перекрестный огонь. Противъ нашей артиллеріи они рыли канавы съ крѣпкими навѣсами, прикрытыми землей; дѣлали крытые ходы, иногда подземные, въ нѣсколько ярусовъ. Чеченцы всегда были дерзки въ нападеніи, преслѣдованіи, но зато не обладаютъ стойкостью и хладнокровіемъ; они болѣе способны къ наѣздничеству: послѣ ряда быстрыхъ переходовъ сдѣлать набѣгъ, напасть на фуражировъ, на обозъ или на партію, тревожить наши аванпосты, цѣпи—вотъ ихъ война. Лезгины ведутъ настоящую войну, или для защиты, или для завоеванія; встрѣчаютъ открытымъ боемъ на крѣпкихъ позиціяхъ, усиливаютъ ихъ завалами, башнями, канавами съ навѣсомъ; занимаютъ пещеры, переправы черезъ рѣки, овраги. Ихъ родина, горный Дагестанъ, наполнена тѣснинами, отвѣсными скалами; часто ведетъ въ гору единственная тропинка; въ пещеру можно спуститься только по веревкѣ; переправа—къ которой подойдешь только по карнизу скалы, подъ огнемъ изъ-за завалов. У лезгинъ и аулы особенные; ихъ брать дѣло отчаянное. Постройки сложены на глинѣ—изъ камня, плитъ или голышей. Лезгинскія сакли въ родѣ замковъ, въ 1 — 2 яруса, часто съ башней; многія сакли обнесены стѣной; въ каждомъ домѣ, въ каждой стѣнѣ бойницы, и весь аулъ та же крѣпость. Ихъ обыкновенно располагаютъ въ ущельяхъ или на уступахъ горъ, примыкая къ скаламъ, окруженнымъ кручами. И доступы въ такіе аулы, и въѣзды очень трудны; улицы такъ узки, что нельзя повернуть коня; нѣкоторыя сакли стоятъ поперекъ улицы, раскрывая проѣзжему всаднику свои узкія ворота. Трудно доставались такія аулы, да и вообще мало-мальскій успѣхъ покупался на Кавказѣ дорогою цѣною. Со временъ Ермолова много русской крови утекло, пока можно было подумать о прочномъ и окончательномъ завоеваніи этой, какъ называлъ Кавказъ тотъ же Ермоловъ, неприступной крѣпости. Счастье окончить полувѣковую борьбу выпало на долю князя Барятинскаго. Какъ тогда, такъ и теперь, русскія войска наступали на Чечню и Дагестанъ, эти два гнѣзда, насиженныя Шамилемъ; но это наступленіе было ужъ послѣднее.

Генералъ Евдокимовъ всегда держалъ чеченцевъ въ невѣдѣніи, куда онъ хочетъ идти и когда пойдетъ. Такъ же было и теперь. Онъ приказалъ распустить слухъ, что идетъ занять аулъ Ахтуры, даже подрядилъ у мирныхъ черкесовъ сколько-то сотъ арбъ, чтобы они доставили туда провіантъ, инструментъ и прочія тяжести. Мирные тотчасъ дали знать въ горы, гдѣ большія партіи чеченцевъ стали собираться къ аулу Ахтуры. Между прочимъ, вечеромъ, 15 января 1858 года, отрядъ Евдокимова выступилъ изъ Бердикеля двумя колоннами, направился не влѣво, какъ бы слѣдовало, а вправо отъ укрѣпленія, по правому берегу Аргуни. Въ глубокомъ снѣгу, при жестокомъ морозѣ, безъ всякихъ дорогъ, шли войска всю ночь и на разсвѣтѣ добрались до башни, устроенной противъ крѣпости Воздвиженской. Изъ этого укрѣпленія выступила третья колонна подъ начальствомъ самого генерала. Пошли дальше обоими берегами Аргуни. По мѣрѣ приближенія къ воротамъ ущелья, чинаровый лѣсъ становился все гуще и гуще; войска вязли въ глубокомъ снѣгу. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, за земляным валомъ, засѣла партія чеченцевъ и встрѣтила колонну Евдокимова такимъ жестокимъ огнемъ, что ей пришлось остановиться, чтобы выдвинуть артиллерію. И артиллерія не помогла: они держались до тѣхъ поръ, пока вышли изъ лѣсу двѣ другія колонны. Въ 7 ч. утра отрядъ вступилъ въ ущелье, въ которомъ еще ни разу не бывала русская нога. Передъ глазами открылась чудная мѣстность, богатая отъ природы, укрѣпленная руками человѣка. Правая широкая сторона ущелья была защищена густымъ лѣсомъ и широкими завалами; лѣвая же, очень узкая, была укрѣплена природнымъ валомъ, который, спускаясь съ горъ, упирался въ обрывъ, саженъ 35 вышины надъ р. Чанты-Аргунь. Этотъ валъ имѣлъ только два прохода, аршина по два, не больше и былъ весь уставленъ турами. Немного дальше ущелье раздѣляется на-двое, вправо и влѣво. Ихъ раздѣляетъ высокій снѣговой хребетъ, у подошвы котораго лежитъ богатѣйшій изъ всѣхъ ауловъ Малой Чечни, Дачу-Борзой, покрытый садами. У этого-то аула сливаются двѣ рѣчки: Чанты-Аргунь и Шары-Аргунь; обѣ

онѣ вытекаютъ изъ мрачныхъ лѣсистыхъ ущелій, шумно вьются въ крутыхъ берегахъ и, обогнувши Дачу-Борзой, текутъ дальше вмѣстѣ, подъ общимъ названіемъ Аргуни.

Пройдя еще версты двѣ внутрь ущелья, войска расположились биваками. Одна колонна заняла аулъ; обѣ другія стали на берегахъ рѣчекъ. Разложивши на глубокомъ снѣгу большіе костры, солдаты отдыхали и отогрѣвались подъ открытымъ небомъ. Такъ прошелъ первый день въ знаменитомъ ущельѣ. На второй же день началась рубка лѣса: валились столѣтнія чинары, и мало-по-малу очищалась окружающая мѣстность. Непріятель собрался дня черезъ три, когда русскій лагерь стоялъ уже на открытомъ мѣстѣ, близъ высокой горы, откуда не могли долетать пули. Чеченцы переходили толпами изъ одной лощины въ другую, съ горы на гору, чѣмъ дѣло и кончалось. Съ мѣста стоянки колонны ходили порознь для истребленія сосѣднихъ ауловъ. Тогда были преданы огню богатые аулы Измаилъ-Юртъ, Улусъ-Керти и Дуготель; сады вырублены, все оставшееся имущество истреблено, оставлены лишь голыя сакли... А работа въ ущельѣ тѣмъ временемъ продолжалась. На самомъ нереходѣ по лѣвой сторонѣ ущелья начата оборонительная башня; отъ нея огромный спускъ къ Чанты-Аргуни; черезъ рѣку деревянный мостъ, а далѣе—огромный подъемъ на высоту аула, гдѣ было заложено сильное укрѣпленіе. Не смотря на трескучіе морозы, наѣхали въ арбахъ мирные чеченцы забирать лѣсъ; изъ Воздвиженской крѣпости спѣшили жители для сбыта припасовъ. Въ ущельѣ открылись лавочки, выстроились харчевни. появились пирожницы, сбитеньщики, пряничники и всякіе торгаши. Доселѣ мрачное ущелье оживилось людомъ, быстро снующимъ; потянулись цѣлые обозы, которые скоро проложили въ невылазномъ снѣгу торныя дороги.

Между прочимъ, силы непріятеля возрастали все больше и больше; начальствовалъ сынъ Шамиля Кази-Магома и еще двѣнадцать наибовъ. Утромъ 11-го февраля, когда колонна полковника Алтухова, бывшая впереди отряда, стала сниматься съ позиціи на мѣстѣ разореннаго аула Дуготель, непріятель поду-

малъ, что мы хотимъ совсѣмъ оставить ущелье и сталъ насѣдать на нашихъ стрѣлковъ. Прилежащія снѣговыя горы почернѣли отъ множества чеченцевъ, набѣгавшихъ какъ муравьи. Они какъ бы спѣшили обойти кругомъ, давши себѣ зарокъ не выпустить изъ ущелья ни одного человѣка. Отрядъ подошелъ къ бывшему аулу Измаилъ-Юртъ, откуда начиналась очень узенькая дорожка, лѣсистая и подъ самыми горами. Чеченцы начали быстро спускаться съ вершинъ и по колѣно въ снѣгу бросались въ шашки; но наши стрѣлки спокойно отходили, отражая врага мѣткою пулею. Тогда чеченцы опередили отрядъ съ другой стороны и открыли сильный огонь сверху. Полковникъ Алтуховъ, вмѣсто того, чтобы ускорить движеніе — на что разсчитывали чеченцы — поворотилъ войска въ сторону, занялъ позицію у Измаилъ-Юрта и съ высоты открылъ орудійный огонь. Гики чеченцевъ сразу замолкли; бѣготня остановилась; горцы смотрѣли сверху, какъ бы стараясь угадать, что́ будутъ дѣлать русскіе. Когда же они увидѣли, что солдаты принялись разбивать палатки, то удалились съ ругательствами. При этомъ отступленіи колонна потеряла 14 чел. Но и послѣ такого урока чеченцы не оставляли въ покоѣ русскаго отряда; каждую ночь они лазили по лѣсистымъ горамъ, стрѣляли, гикали, бранились: имъ было досадно, что наши не отвѣчаютъ. Наконецъ, не зная чѣмъ досадить, они стали кричать: «Иванъ, Иванъ! Ступай скорѣе домой... твоя мулла кричитъ!» намекая этими словами на то, что наступилъ великій постъ. Шамиль, узнавши про взятіе ущелья, говорятъ, заплакалъ. Да и чеченцы не съ охотой оставляли насиженныя мѣста: тутъ не было ровнаго клочка земли, не засѣяннаго кукурузой или пшеницей; нѣсколько тысячъ семействъ оставались на нынѣшній годъ безъ всякаго продовольствія.

28-го февраля генералъ Евдокимовъ двинулся дальше по рѣкѣ Шары-Аргунь черезъ разоренные аулы, имѣя съ правой стороны рѣку, съ лѣвой высокія горы, а спереди снѣжный хребетъ съ крутыми обрывами. Не успѣла главная колонна спуститься въ кручу, какъ авангардъ началъ уже подниматься къ подошвѣ хребта. Дороги не было; ѣхать верхомъ нельзя; лошаденки съ горными ору-

діями еле-еле карабкались; солдаты цѣплялись другъ за друга, упирались штыками и черезъ каждые десять шаговъ останавливались. Попадались такія крутизны, что вьючныя лошади обрывались внизъ. Отрядъ тянулся въ гору гуськомъ, иначе было нельзя. Чѣмъ выше подымались, тѣмъ глубже становился снѣгъ, тѣмъ больше крѣпчалъ морозъ. При всемъ томъ, потъ лилъ градомъ, поясница трещала отъ ранца, подкашивались ноги; но лишь только взобрались наверхъ, какъ все было забыто. На снѣгу растянулись въ-растяжку, точно въ пуху, и заснули какъ убитые. Генералъ Кемферъ былъ впереди съ авангардомъ, версты за двѣ, и уже успѣлъ разорить аулъ. Съ утра же началась работа. Приказано весь пройденный путь очистить отъ лѣса. Солдаты разсыпались по лѣсу и, окруживъ деревья, человѣкъ по восьми, точили ихъ топорами подъ самый корень. Какъ только дерево начинало трещать, они отскакивали прочь и, глядя на него, ожидали, куда упадетъ. А между тѣмъ великанъ стоитъ. Тогда два-три смѣльчака разомъ подбѣгали и, рубнувши топоромъ, удирали во весь духъ, съ крикомъ: «идетъ, берегись!» И дѣйствительно, на этотъ разъ валится деревцо до 45 саженъ въ вышину да саженъ 5 въ обхватѣ. Шумъ, трескъ, земля трясется... и такихъ чинаръ нужно свалить цѣлыя тысячи, чтобы прорубить широкую просѣку, удобную для движенія не только пѣхоты или кавалеріи, но артиллеріи или обозовъ. Работали съ утра и до ночи, работали по поясъ въ снѣгу и въ водѣ, смотря по тому, гдѣ шла работа—наверху или внизу. Скоро начались туманы, непроглядные туманы; въ пяти шагахъ ничего не видно. Случалось и такъ, что на горѣ пекутся солдаты отъ солнца, а внизу позиціи плаваютъ облака, изъ которыхъ падаетъ проливной дождь. Съ горы Даргань былъ виденъ въ подзорную трубу аулъ Ведень, столица Шамиля и сборное мѣсто его скопища. Чеченцамъ, плохо одѣтымъ и обутымъ, надоѣло мерзнуть, и они, какъ сказывали лазутчики, стали разбѣгаться по ауламъ.

Въ первыхъ числахъ марта работы приходили къ концу: на всемъ пути свѣтилась широкая просѣка; дорога спускалась уже

внизъ, оставалось скатить срубленные чинары да взорванные порохомъ пни, какъ тутъ наступилъ праздникъ. Въ страстную субботу, въ крѣпости Воздвиженской, были освящены пасхи и передъ вечеромъ съ нарочной оказіей доставлены въ отрядъ. Передъ каждой ротой, какая гдѣ стояла на позиціи, выровняли чистенько площадки. Длинные столы покрылись бѣлымъ холстомъ; сверху появились пасхи, яйца, куличи, водка и все, что слѣдуетъ. Всю ночь на позиціяхъ горѣли костры, и войска съ нетерпѣніемъ ожидали утра. Ночь хотя была и темная, но теплая, безъ вѣтру; снѣгъ давно уже стаялъ и залегалъ лишь въ темныхъ, бездонныхъ кручахъ. Стало разсвѣтать. Войска выстроились на линейкахъ. Какъ только выкатилось солнышко, тысячи голосовъ сразу запѣли «Христосъ Воскресе!», а потомъ — «Воскресеніе Христово видѣвши». Лица просіяли; солдаты кидались другъ къ другу, христосовались со своими офицерами, и во истину всѣ были братья въ этой магометанской землѣ, гдѣ впервые послышались слова христіанской молитвы и раздались христіанскія лобзанья. Первые три дня не умолкали игры, пѣсни, барабаны, бубны — день и ночь, ночь и день; на четвертый принялись доканчивать работу. 27-го марта просѣка была готова; по страшнымъ крутизнамъ пролегала прекрасная дорога, съ отлогими спусками къ мостамъ. Къ тому же времени было окончено Аргунское укрѣпленіе; предмостная башня стояла почти готовая. Оставивши здѣсь гарнизонъ и часть отряда для окончанія работъ, генералъ Евдокимовъ направилъ экспедицію черезъ крѣпость Воздвиженскую, вправо отъ ущелья, къ Черными горамъ. Въ аулахъ, разбросанныхъ на высотахъ, въ лощинахъ и ущельяхъ не замѣтно было ни малѣйшаго движенія. Когда отрядъ подошелъ къ первому аулу и сталъ расходиться въ стороны, то со всѣхъ ущелій и горъ потянулись къ позиціи сотни чеченскихъ арбъ, нагруженныхъ имуществомъ. За арбами шли старики, старухи, женщины и дѣти; каждый тащилъ еще на себѣ столько, сколько могъ поднять. Дальше, по тѣмъ же дорогамъ, гнали множество рогатаго скота, барановъ. Все это свозилось и пригонялось подъ защиту русскихъ; богатые чеченцы, покинувши свое добро, ѣхали

опять въ горы забираться, возвращаясь оттуда по нѣсколько разъ. До сихъ поръ они были нашими врагами, теперь становились друзьями; на ихъ лицахъ не было замѣтно ни малѣйшаго унынія или сожалѣнія о покинутыхъ горахъ. Съ занятіемъ Аргунскаго ущелья, они лишались помощи со стороны Большой Чечни, которая была для нихъ теперь отрѣзана; имъ оставалось или уходить дальше въ горы, или переселиться на плоскость, въ низовья Сунжи. Такъ они и сдѣлали. Разбойники, бродяги—всѣ ушли въ горы и присоединились къ Шамилю. Ихъ шайки рыскали по ауламъ, мѣшали мирнымъ жителямъ переселяться, грабили, разоряли и довели ихъ до того, что они съ нетерпѣніемъ ждали появленія русскихъ войскъ. Почти на каждой позиціи приходилось принимать по тысячѣ переселенцевъ, а не то и болѣе. Шамиль, узнавши о покореніи Малой Чечни, прислалъ ей на помощь племя тавлинцевъ; но было уже поздно: теперь и самъ Шамиль ничѣмъ бы не помогъ. Жители скрывались отъ тавлинцевъ, даже вступали съ ними въ перестрѣлку, а въ концѣ-концовъ ихъ выгнали. Въ скоромъ времени мѣста по рѣчкѣ Гойтѣ, въ Дубахъ, Гехахъ, на Валерикѣ и далѣе до крѣпости Владикавказа—мѣста, на которыхъ было пролито столько русской крови, покорились безъ всякаго сопротивленія. Быстрое и удачное занятіе Аргунскаго ущелья открывало пути на Владикавказъ, Закавказье и въ густые лѣса Ичкеріи, къ аулу Ведень, 14-ти-лѣтнему мѣстопребыванію Шамиля. Участь послѣдняго была теперь рѣшена.

ГУНИБЪ.

Въ странѣ, извѣстной подъ именемъ Горнаго Дагестана, возвышается гора Гунибъ. Ея верхняя площадка, немного покатая, имѣетъ около тысячи десятинъ, а окружность горы внизу равняется почти 50-ти верстамъ. На этой горѣ, по ручейку, сбѣгающему съ крутыхъ скалъ, лѣпится небольшой аулъ въ сотню дворовъ. Жители имѣли подъ рукой воду, лѣсъ и пашни; имъ не было надобности спускаться внизъ, по кручамъ. Окружная страна состояла изъ голыхъ скалъ, на уступахъ которыхъ горцы построили аулы и натаскали земли, необходимой для разведенія садовъ. Сообщеніе съ сосѣдними аулами возможно только верхомъ, и при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всадникъ долженъ непремѣнно вставать. Чѣмъ выше подниматься, тѣмъ горы кажутся пустыннѣе; наконецъ, попадаются лишь мхи да ягели, серебристаго, яркозеленаго и красноватаго цвѣта. Воздухъ рѣдокъ, дышать трудно, и какъ только скроется солнце, становится сыро, холодно; когда густыя облака окутаютъ окрестныя горы, ничего не видать, ни вблизи, ни вдали. Эти облака

сгущаются въ темныя, свинцовыя тучи; блеснетъ молнія, раздастся первый ударъ грома—и пошли гулять раскаты по всѣмъ ущельямъ. Громъ гремитъ не прерываясь, а тутъ еще страшный ливень смѣняется то градомъ, то вьюгой; вѣтеръ, срывая съ верхушекъ горъ снѣгъ, крутитъ имъ, какъ въ зимнюю мятель. Страшна такая гроза въ горахъ. Заглянемъ внизъ. Тамъ шумятъ, брызжутъ и пѣнятся черныя рѣчки; онѣ извиваются подъ горой, или же сразу обрываются шумнымъ водопадомъ. Немного рѣкъ въ Нагорномъ Дагестанѣ, и всѣ онѣ носятъ названіе Койсу: Андійское Койсу, Аварское, Кара-Койсу и Кази-Кумухское Койсу. Жители Дагестана, или лезгины, бѣдны, какъ ихъ голыя скалы; въ нѣкоторыхъ обществахъ имѣются пастбища; другія разводятъ на своихъ утесахъ виноградъ, а хлѣба не сѣютъ вовсе; самая населенная страна въ Дагестанѣ—Аварія, но у аварцевъ также мало земли, способной къ воздѣлыванію; главная и доходная статья ихъ хозяйства лукъ и чеснокъ, которые они развозятъ по всему Дагестану. Вотъ сюда-то удалился Шамиль, когда наши войска, подъ начальствомъ того же неутомимаго Евдокимова, заставили его очистить Чечню. Здѣсь, въ Нагорномъ Дагестанѣ, Шамиль приготовился къ послѣдней и отчаянной борьбѣ.

Въ половинѣ іюля 1859 г. Шамиль, въ ожиданіи русскихъ, приказалъ горцамъ очистить лѣвый берегъ Андійскаго Койсу и перебраться съ семействами въ аулы праваго берега. Аулъ Килятль, въ которомъ помѣщалось семейство Шамиля, былъ хорошо укрѣпленъ; въ немъ находилось 13 орудій; весь правый берегъ рѣки былъ укрѣпленъ завалами. Кази-Магома наблюдалъ дорогу изъ Аргунскаго ущелья. Къ сторонѣ Каспійскаго моря находились укрѣпленные пункты: Бурундукъ-Кале, Кикуны и Чохъ; они защищали дороги и переправы внутрь Дагестана. Съ южной стороны защищалъ доступы Ирибъ, гдѣ находился зять Шамиля; тутъ помѣщались большіе запасы пороху, снарядовъ и продовольствія.

Русскія войска, направляемыя фельдмаршаломъ Барятинскимъ, вступили въ Дагестанъ съ трехъ сторонъ. Чеченскій отрядъ шелъ прямо на Шамиля, черезъ аулъ Ведень, на снѣжный Андійскій

перевалъ; дагестанскій отрядъ вступалъ въ непокорную область со стороны Шуры, а лезгинскій началъ дѣйствовать со стороны главнаго кавказскаго хребта, направляясь на лѣвый флангъ Шамиля. Въ половинѣ іюля къ чеченскому отряду прибылъ главнокомандующій и на другой же день со всей кавалеріей произвелъ осмотръ дорогъ, ведущихъ въ Андію. Непріятельскіе пикеты, занимавшіе перевалъ, дали сигнальный выстрѣлъ, затѣмъ скрылись. Наши увидѣли Андію и окружающіе ее 4 аула въ огнѣ; вся мѣстность была какъ на ладони: открывались андійскія ворота, путь въ Дарго; правѣе гора Килятль, съ новыми укрѣпленіями, а дальше—синѣли горы Аваріи. Теперь Шамиль не могъ уже разсчитывать на Чечню; всѣ пути туда были заперты. Русскія войска видѣли повсюду слѣды губительнаго огня: всѣ ближніе и дальніе аулы были выжжены, на мѣстѣ которыхъ торчали голыя стѣны. Жители были озлоблены жестокостью имама: онъ лишалъ ихъ продовольствія, заставлялъ насильно угонять скотъ, перетаскивать скудные ножитки. Между тѣмъ отрядъ потихоньку подвигался къ рѣкѣ, разрабатывая на каждомъ шагу дороги. Спускъ къ Андійскому Койсу оказался очень крутъ, такъ что пришлось прокладывать обходную дорогу. Противоположный берегъ, бѣлѣвшій аулами въ густой зелени садовъ, окруженными террасами полей, занимали горцы подъ предводительствомъ Кази-Магомы.

Въ дагестанскомъ отрядѣ барона Врангеля весь іюль прошелъ въ разработкѣ дорогъ по Салатавіи и подвозѣ съ плоскости провіанта, снарядовъ, инструмента. Между отрядомъ барона Врангеля и Шамилемъ пролегалъ высокій Салатавскій хребетъ, составляющій продолженіе Андійскаго: за нимъ сейчасъ же начиналось лезгинское общество Гумбетъ. Лазутчики дали знать въ отрядъ, что дороги попорчены, что всѣ жители призваны къ оружію, а семейства ихъ и стада, по приказанію Шамиля, отправлены въ Аварію, т. е. вглубь Дагестана. Войскамъ барона Врангеля нужно было исполнить самое трудное дѣло, захватить въ свои руки Сагрытловскую переправу по теченію Койсу,—это ниже, чѣмъ расположился самъ Шамиль. Солдаты принесли на рукахъ мостъ, сдѣланный еще въ

Буртунаѣ; едва они, въ-конецъ измученные, добрались вечеромъ до рѣки, какъ съ другой стороны открыли по нимъ жестокую пальбу; оказалось, что навести мостъ нельзя. На другой день — это было 15-е іюля—наши увидѣли, что Койсу протекаетъ здѣсь въ глубокихъ, отвѣсныхъ скалахъ, подступить къ которымъ нѣтъ никакой возможности; единственное мѣсто, гдѣ рѣка съуживалась до двухъ саженъ и гдѣ у горцевъ былъ уже мостъ, находилось подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ. На томъ берегу тянулась вверхъ крытая галлерея, изъ которой торчали сотни дулъ; другая галлерея, изъ толстаго тесанаго камня, была устроена вдоль берега. Наша артиллерія не могла раскрыть эти галлереи, потому что спускъ къ рѣкѣ оказался сорванъ саженъ на семь. Генералъ Ракусса, командовавшій передовымъ отрядомъ, рѣшился переправиться ниже Сагрытловскаго моста, гдѣ берегъ былъ доступнѣе, хотя сама рѣка гораздо шире, до 15 саж.; на другой сторонѣ, за кручей, засѣло въ пещерѣ не болѣе 20 горцевъ, никакъ не ожидавшихъ, чтобы здѣсь могла совершиться переправа. Въ ночь на 16-е число съ нашей стороны были насыпаны завальчики, въ которыхъ залегли стрѣлки отъ Дагестанскаго полка и 21-го стрѣлковаго баталіона, а противъ самой пещеры устроили батарею изъ трехъ единороговъ. Горцы, увидя себя отрѣзанными, просили пощады, причемъ даже обѣщали укрѣпить канатъ. Для того, чтобы подать на ту сторону канатъ, вызвалось трое охотниковъ. Рядовой Дагестанскаго полка Кочетовъ, уже старикъ лѣтъ 50-ти, и юнкеръ Шпейеръ кинулись въ стремнину рѣки, чрезвычайно быстрой, какъ и всѣ кавказскія рѣки. Долго они барахтались въ пучинѣ, между камнями, пока добрались до берега; горцы сидѣли въ пещерѣ не шевелясь, подъ страхомъ, что ихъ разстрѣляютъ. Когда канатъ былъ укрѣпленъ, къ нему подвѣсили на кольцахъ деревянную доску, по которой стали одинъ за другимъ перетягиваться охотники. Собравшись въ кучку, 23 человѣка, подъ командой офицеровъ, вскарабкались по скаламъ до пещеры, ворвались въ середину и истребили всѣхъ мюридовъ. Они дали Шамилю клятву надъ кораномъ, что не уступятъ переправы, а когда уви-

дѣли, что русскіе не въ шутку занимаютъ берегъ, открыли изъ пещеры пальбу. Теперь нашимъ оставалось совладать съ бѣшеной рѣкой. На первыхъ порахъ, что ни придумывали, не удавалось, а между прочимъ, непріятель скоплялся къ мѣсту переправы, хотя пока держался въ отдаленіи, за буграми. Тогда подполковникъ Девель приказалъ сдѣлать изъ коновязей плетенку, 14 саж. длины; на двѣ сажени подвели плотину и, перетащивши плетенку по канату, устроили висячій мостъ. Къ разсвѣту 18-го числа 8 ротъ Дагестанскаго полка, по-одиночкѣ, ползкомъ на животѣ перебрались черезъ Койсу. Храбрыя кавказскія войска, завидя непріятеля, рвались въ бой; генералъ Ракусса рѣшился съ этими ротами атаковать горцевъ. Съ восходомъ солнца дагестанцы были уже на завалахъ, но нашли ихъ пустыми: горцы ночью сбѣжали. Утвердившись на правомъ берегу, русскіе выбрали для устройства переправы болѣе удобное мѣсто, а именно, гдѣ висящія надъ бездной скалы сходятся всего на пять аршинъ. Такъ какъ спускъ черезъ скалу былъ взорванъ, то къ ней придѣлали деревянный срубъ, и тогда переправа пошла безостановочно. Послѣ двухдневнаго отдыха Ракусса двинулся для занятія Белитлинской горы. Подъемъ защищали тысяча аварцевъ, сидѣвшихъ за завалами. Извѣстный своею удалью сотникъ Гайдаръ-бекъ обошелъ гору слѣва и сталъ подниматься; солдаты лѣзли на четверенькахъ, хватаясь за колючки, за камешки. Къ вечеру они уже стояли лицомъ къ лицу съ передовымъ постомъ. Горцы такъ оторопѣли, что не знали, за что взяться: они, было, схватились за лопаты, чтобы рыть завалъ, какъ тутъ ихъ всѣхъ перебили, а потомъ кинулись на остальныхъ защитниковъ этой неприступной горы, съ которыми такъ же скоро управились. На 4-й день къ войскамъ барона Врангеля подошелъ отъ Темиръ-Ханъ-Шуры его помощникъ, генералъ Манюкинъ, съ довольно значительнымъ отрядомъ пѣхоты и конницы.

Въ это же самое время съ юга, отъ кавказскихъ горъ, наступалъ лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Машкова. Въ короткое время главная непріятельская позиція была обойдена съ обоихъ фланговъ, отрядами чеченскимъ и лезгинскимъ; съ тыла

угрожалъ ей отрядъ Врангеля. Тогда въ наши лагери ежедневно стали появляться старшины отъ непокорныхъ обществъ и просили мира; наибы Шамиля, или его областные правители, приносили главнокомандующему пожалованные имъ значки. Наступило время, когда сами жители стали помогать завоеванію края. Такъ, въ концѣ іюля отрядъ генералъ-маіора Тарханъ-Мауравова подошелъ къ сильному укрѣпленію Чохъ. Засѣвшіе въ немъ горцы хотѣли обороняться и уже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но сосѣди забрались имъ въ тылъ и заставили ихъ сдаться. Въ другое время этотъ аулъ обошелся бы намъ дорого: наверху, въ скалѣ, былъ вырубленъ пороховой погребъ, цистерна для воды и казарма; отъ главнаго укрѣпленія шли во всѣ стороны сводчатыя галлереи, изъ которыхъ одна къ роднику; собственно же для стрѣльбы были выстроены особыя галлереи, съ бойницами и барбеты съ блиндажами (крытыя насыпи); послѣдніе — для артиллеріи.

Шамиль, узнавши про эти событія, бросилъ свое укрѣпленіе съ 13-ю орудіями и скрылся; Кази-Магома тоже оставилъ завалы противъ чеченскаго отряда, очистивъ неприступное Койсу. Во время бѣгства Шамиль ясно увидѣлъ, что время его власти миновало. Тамъ, гдѣ его слова были до сихъ поръ закономъ, онъ встрѣчалъ уже непріязнь. Жители Куяды затѣяли съ нимъ перестрѣлку, отбили у него лошадей и мѣру серебра. Шамиль съ четырьмя сотнями мюридовъ укрылся на Гунибъ, подъ защиту оставшихся у него 5 пушекъ. Одинъ изъ самыхъ его способныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ Даніэль-Бекъ, управлявшій южными племенами Нагорнаго Дагестана, сдалъ 2-го августа сильно укрѣпленный аулъ Ирибъ, съ 9 орудіями, съ большими запасами пороха и свинца, а самъ явился безъ оружія, съ повинной головой, къ князю Барятинскому. Главнокомандующій, именемъ Государя Императора, его простилъ. Съ небольшимъ конвоемъ начальники главныхъ отрядовъ съѣзжались со всѣхъ сторонъ на совѣтъ къ главнокомандующему, и нигдѣ, ни въ горахъ, ни въ ущельяхъ, они не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія, ни даже насилія или обиды; видимо, населеніе Дагестана, утомленное борьбой, смиренно ожидало своей

участи въ надеждѣ на лучшія времена. Въ двѣ недѣли Дагестанъ покорился; полувѣковая война приходила къ концу. Неприступныя тѣснины, крѣпкіе природой и искуствомъ аулы, крѣпости замѣчательной постройки, 50 орудій, большое число снарядовъ, значковъ и разнаго оружія—сданы въ самое короткое время. Край, въ которомъ до сихъ поръ гудѣли выстрѣлы, долженъ былъ умиротвориться. Для нашихъ храбрыхъ войскъ настала пора другой работы, хотя мирной, но все-таки тяжелой: проложить дороги, устроить мосты, выбрать мѣста для укрѣпленій, заложить ихъ и вывести,—все то, что могло насъ сблизить съ вѣковымъ врагомъ лезгиномъ, заставить его забыть самое имя Шамиля и показать ему, что мы остаемся здѣсь навсегда. Послѣ невѣроятныхъ трудностей войска чеченскаго отряда проложили колесную дорогу черезъ Андійскія горы и хребетъ Гаркалай-Ламъ,—этимъ путемъ соединялись Чечня и Дагестанъ, на границѣ которыхъ было воздвигнуто укрѣпленіе Преображенское, защищавшее переправу черезъ Койсу. Теперь можно было приступить къ овладѣнію Гунибомъ.

Хотя гора Гунибъ и безъ того была неприступна по своей природѣ, Шамиль приказалъ подорвать всѣ мало-мальски ненадежныя скалы; тропинки укрѣпилъ толстыми стѣнами и башнями; надъ обрывами были приготовлены груды камней для скатыванія на случай приступа. Было сдѣлано все, что только могли придумать искусные въ горной войнѣ лезгины. 9-го августа войска Дагестанскаго отряда, въ числѣ десяти батальоновъ пѣхоты и семи сотенъ конницы, растянулись на 50 верстъ кругомъ Гуниба; резервъ сталъ особо, у Кегера. Въ отрядѣ со дня на день ожидали пріѣзда главнокомандующаго. Онъ въ это время спустился по теченію Койсу, видѣлъ мѣсто славной переправы Дагестанскаго отряда, проѣхалъ мимо Ахульго въ Гимры. Отсюда, по пути въ Аварію, провожали князя одни лезгины: конвой изъ драгунъ былъ отпущенъ. Все населеніе страны спѣшило на-встрѣчу главнокомандующему. Онъ приносилъ не только освобожденіе отъ Шамиля, но и возвращеніе къ старымъ порядкамъ, о которыхъ аварцы сохранили воспоминаніе: было время, когда аварскіе ханы считали

себя повелителями всего Дагестана. Князь Барятинскій, именемъ Государя Императора, назначилъ имъ новаго хана. Изъ Хунзаха, бывшей столицы Аваріи, князь спустился въ долину Койсу, къ аулу Голотль, откуда его провожалъ со своей милиціей до самаго Гуниба смѣлый наибъ Кибитъ-Магома, защищавшій теченіе Андійскаго Койсу.

Здѣсь, подъ Гунибомъ, въ глазахъ Шамиля, окрестные жители встрѣчали князя ружейными залпами, оглашали воздухъ радостными криками. Черезъ два дня присоединился къ войскамъ и лезгинскій отрядъ, подъ начальствомъ Лорисъ-Меликова. Еще до пріѣзда главнокомандующаго Шамиль пытался вступить въ мирные переговоры, но они ни къ чему не привели. Мюриды, высланные Шамилемъ, держали себя такъ надменно, какъ послы великаго владыки; они требовали, чтобы на время пріостановки военныхъ дѣйствій одинъ изъ нашихъ генераловъ съ полковникомъ Лазаревымъ оставались у нихъ въ заложникахъ. Разумѣется, такое дерзкое требованіе не могло быть уважено, и когда отъ Шамиля потребовали короткаго отвѣта, согласенъ ли онъ оставить Гунибъ, или нѣтъ? — Шамиль отвѣчалъ съ важностью имама: «Наверху Богъ, а на Гунибѣ его правовѣрные мусульмане и въ рукахъ ихъ мечи для священной войны». — Главнокомандующій приказалъ начать военныя дѣйствія.

Восточный скатъ горы былъ самый доступный, но его-то и укрѣпилъ Шамиль, его-то и оберегалъ самымъ бдительнымъ образомъ. На совѣтѣ главнокомандующаго было рѣшено съ этой стороны не штурмовать и только для виду вести осадныя работы. Въ ночь на 24-е августа стрѣлки Ширванскаго полка, подъ огнемъ горцевъ, выдвинулись съ этой неприступной стороны впередъ и расположились за камнями, имѣя резервы въ заброшенномъ хуторѣ. Прочія войска получили приказаніе занять нѣкоторые пункты близъ скалистыхъ обрывовъ верхней части горы. Передъ разсвѣтомъ на 25-е число, командиръ 1-го батальона Апшеронскаго полка, подполковникъ Егоровъ, подошелъ съ южной стороны къ обрыву, что́ не было замѣчено по случаю большого тумана. Тогда Егоровъ

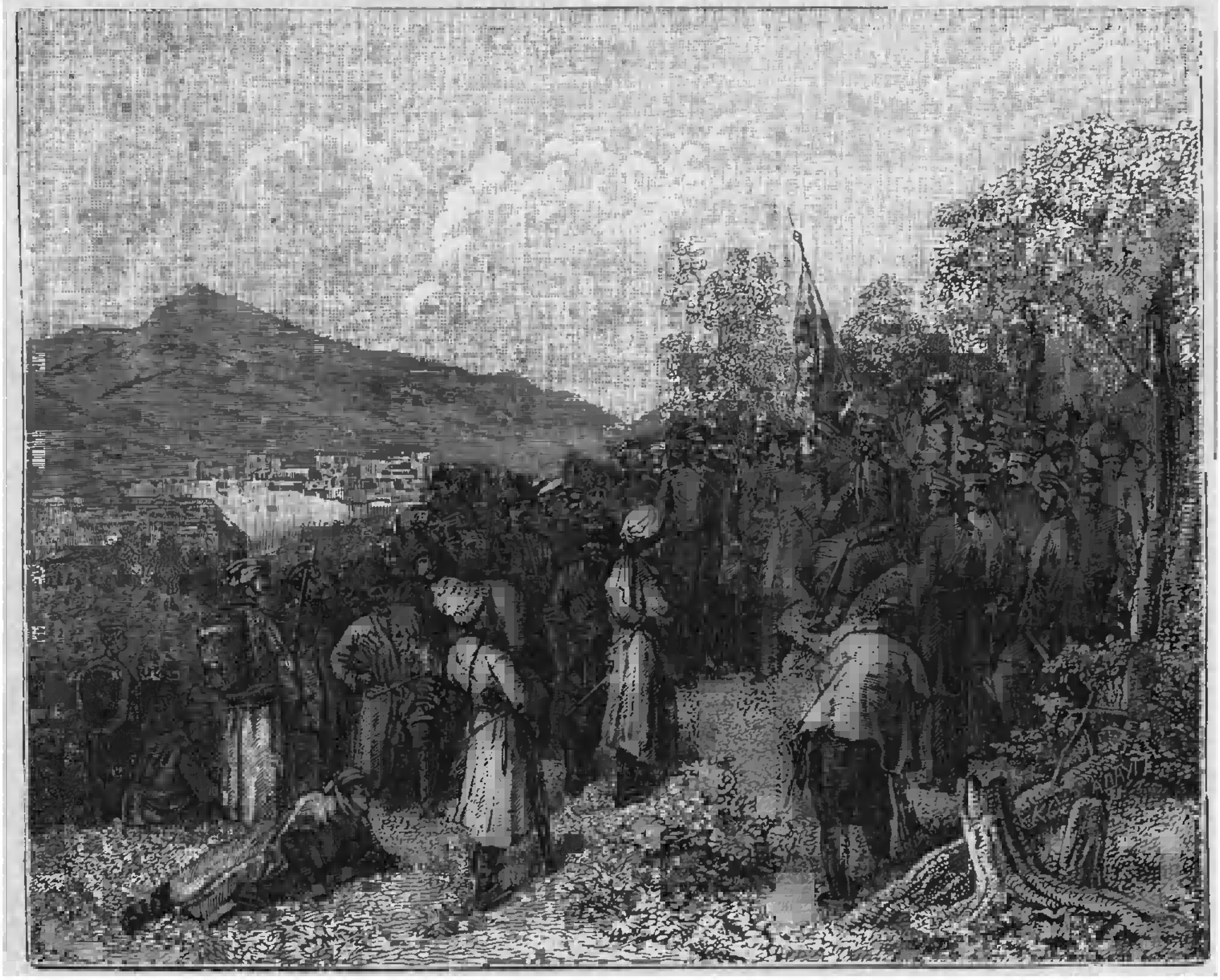
повелъ свой батальонъ дальше, на вершину горы. Горцы никакъ не ожидали нападенія съ этой стороны; здѣсь у нихъ былъ только небольшой караулъ. Передъ апшеронцами торчали три скалистыхъ обрыва, одинъ надъ другимъ до десяти саженъ вышины. Охотники, обутые въ лапти, съ лѣстницами и крючьями, вскарабкались на нижній обрывъ; они шли на-вѣрняка, побывавши здѣсь раньше съ капитаномъ Скворцовымъ и прапорщикомъ Кушеревымъ. За ними двинулся батальонъ. Охотники полѣзли дальше, но непріятель ихъ уже замѣтилъ и открылъ пальбу. Однако это не могло остановить отважныхъ апшеронцевъ: они лѣзли какъ кошки, подсаживали другъ друга, и къ 6-ти часамъ утра весь батальонъ былъ на верхней площадкѣ Гуниба. Въ это время охотники уже успѣли захватить непріятельскій караулъ: 7 чел. взяли въ плѣнъ, а 15, въ томъ числѣ три лезгинки, были изрублены; остальные скрылись въ туманѣ. Когда подошло еще двѣ роты 4-го батальона, полковникъ Тергукасовъ повелъ ихъ къ аулу, до котораго считалось восемь верстъ; по дорогѣ къ нимъ присоединился 21-й стрѣлковый батальонъ, который поднялся правѣе апшеронцевъ, съ той же южной стороны Гуниба. Еще больше помогли апшеронцамъ войска, стоявшія на противоположной сторонѣ Гуниба. Какъ было сказано, ширванцы залегли наверху, подъ отвѣсной скалой. Ночь была темная, хоть глазъ коли; мертвое молчаніе нарушалось ревомъ клокочущей внизу Кара-Койсу; наверху изрѣдка раздавались заунывные оклики часовыхъ да по временамъ, для острастки, скатывались камни. Часа въ два ночи ударили внизу тревогу: загрохотали барабаны, заиграли сигнальныя трубы, раскатилось грозное ура въ перемежку съ частой пальбой. Горцы сначала молчали, недоумѣвая, въ чемъ дѣло. Когда же ширванцы, залегшіе подъ скалой, приняли тревогу, то горцы съ остервенѣніемъ стали кидать сверху камни: покатились громадныя глыбы съ трескомъ и шумомъ; онѣ то раздроблялись въ куски, то увлекали съ грохотомъ твердую землю и мелкіе камешки. Внизу пальба, наверху палятъ — гора одѣлась облакомъ пыли и дыма. Такъ продолжалось два часа, въ которые горцы успѣли израсходовать свои

камни: теперь они скатывались все рѣже и рѣже. Наступилъ разсвѣтъ; ширванцы оставались за выступомъ скалы, гдѣ преспокойно вырубали себѣ ступеньки. Тревога оказалась фальшивой, съ цѣлью отвлечь вниманіе и силы горцевъ въ эту сторону. Вотъ почему апшеронцы могли такъ легко подняться. На выступѣ скалы показались два горца: они махали папахами и кричали: «Взойдите, Шамиль хочетъ бѣжать!» Ширванцы крикнули ура! и полѣзли, цѣпляясь за кустики, за каждый выступъ; упираясь колѣнями въ стѣну, многіе держались на-вѣсу, надъ пропастью, пока снизу не толкнутъ штыкомъ — тогда или мигомъ наверхъ, или съ трескомъ внизъ. Такъ поднимались ширванцы. Устроившись на горѣ, отрядъ князя Тарханъ-Мауравова пошелъ въ обходъ аула съ восточной стороны.

Одновременное появленіе нашихъ войскъ на площадкѣ Гуниба привело въ изумленіе горцевъ; покинувъ свои позиціи, они бѣжали въ селеніе; самъ Шамиль съ сыновьями заперся въ саклѣ. Партія мюридовъ, человѣкъ около ста, оказалась отрѣзанной; она заняла лѣсистый холмъ, откуда открыла пальбу по ширванцамъ. Полковникъ Кононовичъ послалъ двѣ роты выбить ихъ изъ-за камней; тогда горцы бросились съ шашками и, встрѣтивъ отпоръ на штыкахъ ширванцевъ, кинулись въ другую сторону, гдѣ наткнулись на нашъ караулъ и были истреблены всѣ до единаго, кромѣ маленькаго ребенка на рукахъ у матери; какимъ-то чудомъ малютка уцѣлѣлъ. Уже войска готовы были ворваться въ аулъ, но генералъ Кеслеръ, начальникъ осадныхъ работъ, желая въ точности исполнить приказаніе главнокомандующаго, взять Шамиля живьемъ, остановилъ войска и расположилъ ихъ такъ, чтобы не ушелъ ни одинъ мюридъ. Въ это время прибылъ на высоту самъ Барятинскій. Онъ приказалъ остановить перестрѣлку съ мюридами, засѣвшими въ сакляхъ, и послалъ имъ предложеніе сдаться, чтобы не губить напрасно ихъ женъ и дѣтей. Переговоры тянулись часа два. Шамиль колебался и медлилъ. Наступалъ вечеръ, войска рвались впередъ; ихъ трудно было сдержать. Наконецъ вышелъ мюридъ и закричалъ, что Шамиль сдается, но не выйдетъ изъ аула

безъ Лазарева. Послали туда Лазарева. Вступивши на площадь, онъ увидѣлъ толпу мюридовъ, около 40 человѣкъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ мрачными лицами; неподалеку, прислонившись къ саклѣ, стоялъ высокій красивый горецъ, съ важной осанкой и печальнымъ выраженіемъ лица. Лазаревъ сейчасъ же призналъ въ немъ имама. «Шамиль! сказалъ онъ ему: всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ не померкнетъ, если ты покоришься назначенной тебѣ судьбѣ. Этимъ спасешь ты себя, свое семейство и всѣхъ оставшихся вѣрными тебѣ. Во имя Бога, пойдемъ!» Шамиль не зналъ, что дѣлать: онъ не вѣрилъ — «Иди къ моимъ сыновьямъ и останься, пока я вернусь». — «Я пришелъ сюда по твоему желанію, а не присланъ заложникомъ. Пойдемъ вмѣстѣ, а не то я уйду назадъ». Въ толпѣ мюридовъ поднялся-было ропотъ, уже приподымались руки, сверкали грозно глаза, но Лазаревъ нисколько не смутился: спокойно и убѣдительно онъ доказалъ самымъ непримиримымъ нашимъ врагамъ, что они накличутъ лишь новую бѣду и себѣ, и своему имаму. Тогда Шамиль попросилъ, чтобы на его пути не было ни одного мусульманина. Лазаревъ послалъ бывшаго при немъ переводчика исполнить эту просьбу. Наконецъ шествіе тронулось: впереди Лазаревъ, за нимъ Шамиль, окруженный толпой мюридовъ, съ засученными по локоть рукавами, съ ружьями на-готовѣ. Когда войска завидѣли владыку Чечни и Дагестана своимъ плѣнникомъ, единодушное оглушительное ура покрыло площадку Гуниба, отозвалось въ окрестныхъ горахъ, многократно откликнулось въ недоступныхъ ущельяхъ и безднахъ. Каждый русскій человѣкъ, отъ генерала до солдата, почувствовалъ въ ту минуту, что онъ присутствуетъ при одномъ изъ величайшихъ событій своего отечества. Шамиль встревожился, остановился, потомъ повернулся къ аулу. «Развѣ не понимаешь, спросилъ его Лазаревъ, что войска, по приказанію сардаря, отдаютъ тебѣ привѣтствіе?» Шамиль продолжалъ путь. За полторы версты отъ аула, въ рощѣ, сидѣлъ князь Барятинскій. «Шамиль! Ты не хотѣлъ пріѣхать ко мнѣ на Кегерскія высоты, такъ я самъ пришелъ къ тебѣ съ войсками. Теперь твоя участь зависитъ отъ воли Госу-

даря Императора; но я надѣюсь, что Его Величество уважитъ мое ходатайство о тебѣ...» — «Сардарь! Прости, не осуждай. Я простой уздень, дрался 30 лѣтъ за вѣру; теперь сталъ старъ, утомился: народы мои мнѣ измѣнили, наибы разбѣжались. Поздравляю васъ съ побѣдой и отъ души желаю съ успѣхомъ править горцами на ихъ благо!» — Когда Шамилю объявили, что онъ теперь военно-



Шамиль передъ главнокомандующимъ княземъ Барятинскимъ.

плѣнный и долженъ ѣхать въ лагерь, имамъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, схватился было за кинжалъ. И тутъ Лазаревъ съумѣлъ его успокоить, сказавши, что нужно подчиниться волѣ главнокомандующаго. Имамъ сѣлъ на тотъ же самый камень, на которомъ только-что сидѣлъ князь Барятинскій, и долго не хотѣлъ сходить съ этого мѣста. Съ трудомъ графъ Евдокимовъ могъ уговорить

его подняться. Въ сопровожденіи эскадрона драгунъ Шамиль былъ отправленъ на Кегерскія высоты.

При овладѣніи Гунибомъ наши взяли 4 пушки, сѣкиру Шамиля и сотню мюридовъ. Не велики эти трофеи, но они были дороги, какъ послѣдніе трофеи въ пятидесятилѣтней кавказской войнѣ. Вся восточная часть Кавказа, отъ военно-грузинской дороги до береговъ Каспія, покорилась Россіи на вѣчныя времена. Въ память этого великаго событія Государь Императоръ учредилъ особый кавказскій крестъ, которымъ могъ украсить свою грудь всякій, кто дожилъ до этихъ славныхъ дней. Извѣстіе о плѣнѣ Шамиля разнеслось по всему Кавказу, поразивши умы горцевъ. Горныя племена западнаго Кавказа, одно за другимъ, стали изъявлять покорность. Бжедухи, самые упорные, покорились первые; за ними— племена, живущія между рр. Лабой и Бѣлой. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и весь Кавказскій перешеекъ, между морями Чернымъ и Каспійскимъ, уже пользовался благодѣтельнымъ миромъ.

Въ концѣ августа Шамиль выѣхалъ со своимъ семействомъ въ Шуру, въ сопровожденіи двухъ эскадроновъ драгунъ, двухъ конныхъ сотенъ и батальона пѣхоты. Горцы выходили тысячами навстрѣчу имаму, въ чемъ имъ не дѣлали препятствій. Женщины плакали на-взрыдъ; мужчины старались прикоснуться губами къ его одеждѣ. Изъ Шуры поѣхали дальше, въ Россію, въ экипажахъ. Государь Императоръ принялъ имама въ Чугуевѣ и принялъ его ласково, со свойственною ему привѣтливостью; на другой же день Шамиль присутствовалъ на Высочайшемъ смотру двухъ кавалерійскихъ дивизій. Множество конницы, ея стройныя движенія, быстрота и легкость построеній привели Шамиля въ неописанный восторгъ. Побывавши въ обѣихъ столицахъ, Шамиль поселился на житье въ Калугѣ и до конца дней благословлялъ великодушіе и царскія щедроты Монарха, успокоившаго его старость.

ДѢЛО ДВАДЦАТИ КАЗАКОВЪ ПРИ МЫСѢ ЧАГРАѢ.

За городомъ Орскомъ, туда подальше въ степь, начинаются солончаки, сыпучій песокъ, глина. Жара лѣтомъ такая, что человѣкъ задыхается; кое-какая травка выгораетъ до-чиста, земля накаливается точно желѣзо, причемъ даетъ трещины въ четверть аршина. Рѣчки лѣтомъ пересыхаютъ и только въ самомъ глубокомъ мѣстѣ русла остаются ямы съ водой, въ родѣ не то озеръ, не то лужъ. Въ этихъ только мѣстахъ и зелень: растетъ трава, воздухъ свѣжѣе, дышется легче. Киргизы-кочевники, извѣстные обитатели зауральскихъ степей, переходятъ съ мѣста на мѣсто, подыскивая корма своимъ верблюдамъ и баранамъ: они то поднимаются на бугры, то спускаются внизъ, смотря по погодѣ, по времени года. Бродятъ еще здѣсь дикія лошади и сайгаки, или степныя козы. Одно время киргизы перестали повиноваться властямъ, пустились на грабежи и разбои; дошло дѣло до того, что для усмиренія ихъ потребовалось войско. Это было въ 1870 году.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ небольшой русскій отрядъ выступилъ изъ Эмбенскаго поста на поиски. Онъ состоялъ изъ одной роты стрѣл-

ковъ, роты линейнаго батальона, казачьей сотни и взвода донской № 8 батареи. Отрядъ дошелъ до урочища, извѣстнаго подъ именемъ Орженецъ, получившаго свое названіе отъ травы, похожей на рожь. Это мѣсто было покрыто сочною зеленью версты на двѣ кругомъ озеръ и лужъ, которыми кончается степная рѣчка Чеганъ. Здѣсь отрядъ остановился и ежедневно высылалъ во всѣ стороны небольшія команды. Киргизы, избѣгая встрѣчи, обыкновенно углублялись въ степь. Гоняться за ними было опасно, потому что и знающій эти степи часто проѣзжаетъ сотню верстъ безъ кормовъ и безъ воды. Однако отрядъ отбилъ въ разное время до 10 тыс. овецъ, которыхъ частью побросали въ степи, частью доставили на Орженецъ. Въ іюлѣ кормъ былъ съѣденъ, вода въ лужахъ стала портиться, пришла пора возвращаться на Эмбу, на свой постъ. Не имѣя возможности сразу поднять всѣ тяжести, начальникъ отряда полковникъ Байковъ оставилъ на мѣстѣ роту стрѣлковъ со взводомъ артиллеріи, а съ остальными пошелъ вверхъ по Чегану, къ озеру Чушка-Куль, съ тѣмъ, чтобы отсюда выслать на Орженецъ верблюдовъ и забрать остальныя тяжести. Отрядъ Байкова благополучно припелъ на новую стоянку, и черезъ два дня, когда солдаты отдохнули, фейерверкеръ Коржовъ получилъ приказаніе отвести на Орженецъ 135 верблюдовъ; при нихъ 13 вожатыхъ и небольшая команда, которую составляли 13 артиллеристовъ, 2 уральца, 3 оренбургскихъ казака, и вмѣсто переводчика казакъ Халиловъ, изъ татаръ, всего 19 человѣкъ. 24-го числа рано утромъ команда выступила къ Орженцу.

Киргизы отлично знали черезъ погонщиковъ, что дѣлалось въ отрядѣ. Какъ только колонна Байкова оставила Орженецъ, они на слѣдующую же ночь сдѣлали два нападенія на оставленный отрядъ; но оба раза были отбиты. Байковъ ничего не подозрѣвалъ, иначе онъ не отправилъ бы верблюдовъ съ такимъ ничтожнымъ прикрытіемъ. Транспортъ двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 4 казака съ бомбардиромъ Кирѣевымъ, въ 150 саженяхъ сзади Коржовъ съ тремя донцами, за нимъ верблюды съ вожатыми и казаки, еще за сто саженъ — 4 артиллериста съ бомбардиромъ

Ерофѣевымъ. Пройдя знакомымъ путемъ верстъ 30, команда расположилась ночевать у рѣчки Чегана: славная, густая трава, покрывавшая берегъ, обѣщала добрую стоянку; казаки даже выкупались и перемѣнили бѣлье. Послѣ ужина старшій вожакъ уложилъ верблюдовъ въ каре, головами въ середину, причемъ перевязалъ ихъ веревкой; девять казаковъ стали на всю ночь пикетами кругомъ транспорта, а прочіе легли въ середину. Однако никто почти не спалъ изъ опасенія тревоги. Утромъ пошли дальше, въ надеждѣ сразу добраться до Орженца. Дорога шла теперь надъ Чеганомъ, то приближаясь къ руслу, то отдаляясь отъ него. Такъ прошли верстъ десять до мѣста, называемаго мысомъ Чаграй; это крутой скалистый выступъ на буграхъ Мугоджарскихъ, которые тянутся поперекъ уральской степи. Часовъ около девяти утра передовые казаки замѣтили что-то подозрительное и дали знать Коржову: не то киргизы, не то сайгаки — имъ не распознать. Прошло нѣсколько минутъ, и всѣ увидѣли толпу киргизовъ, человѣкъ полтораста, которая неслась прямо на отрядъ. Авангардъ отступилъ; вожатые получили приказаніе класть верблюдовъ. Киргизы остановились: они думали, что въ отрядѣ есть пушки, которыхъ, между прочимъ, страшно боятся. Тогда Коржовъ приказалъ опять поднять верблюдовъ, съ тѣмъ, чтобы подвинуться къ рѣчкѣ. Но только транспортъ тронулся, киргизы стали наскакивать: пришлось остановиться. Снова начали укладывать верблюдовъ, по пяти рядовъ въ общее каре, и такимъ образомъ, что каждый верблюдъ слѣдующаго ряда приходился не въ затылокъ, а въ промежутокъ между двумя передними; въ этихъ случаяхъ еще соблюдается одно правило, а именно, что арканъ привязываютъ къ одной ногѣ верблюда, перекидываютъ ему черезъ плечо и увязываютъ выше колѣна другой ноги; тогда верблюдъ никакъ не можетъ подняться. Коржовъ скоро замѣтилъ, что старшій вожакъ выбираетъ арканы похуже; онъ отдулъ его нагайкой и велѣлъ сказать черезъ переводчика, что первую пулю всадитъ ему въ лобъ. Послѣ такой угрозы верблюды были живо уложены и перевязаны; лошадей помѣстили въ середину каре; казаки залегли въ

промежуткѣ между четвертымъ и пятымъ рядами. Покуда строилось каре, первая партія киргизовъ успѣла приблизиться, а съ лѣвой стороны показалась другая. Положеніе безоружнаго транспорта становилось отчаяннымъ; артиллеристы были вооружены шашками и гладкоствольными пистолетами; казаки имѣли только шесть ружей и не болѣе 200 патроновъ. Находясь въ 25 верстахъ отъ Орженца, они не смѣли разсчитывать на какую бы то ни было помощь: еще нужно прибавить, что изъ артиллеристовъ никто кромѣ Коржова никогда не участвовалъ въ дѣлахъ. Киргизы наѣзжали все ближе, ближе и шаговъ за четыреста открыли пальбу. Коржовъ отдалъ приказаніе отнюдь не стрѣлять раньше, чѣмъ киргизы наскочатъ на полсотни шаговъ.

— Ну-ка, братцы, благословите! — сказалъ уралецъ Петръ Любимовъ.

— Богъ тебя благословитъ, и мы тебя благословляемъ!—отвѣтилъ за всѣхъ Коржовъ.

Раздался первый выстрѣлъ: лошадь мятежника повалилась, киргизы сейчасъ же его подхватили; другой выстрѣлъ свалилъ самого всадника. Впереди шайки гарцовалъ наѣздникъ со значкомъ въ рукахъ, въ бархатномъ кафтанѣ, расшитомъ золотомъ и серебромъ; дорогое оружіе и нарядный конскій уборъ обличали въ немъ начальника.

— Смотри-ка, сказалъ Коржовъ казаку Косопожкину, нельзя ли ссадить этого молодца съ лошади?

— Попробую, отвѣтилъ казакъ. И всадникъ, и лошадь повалились. Человѣкъ 20 киргизовъ бросились поднимать джигита; съ сѣдла сняли дорогой арчакъ, всѣ украшенія, взяли значокъ. Казакамъ сильно хотѣлось дать залпъ въ эту толпу, но Коржовъ не позволилъ: «Нечего терять понапрасну заряды на сто шаговъ; лучше поберечь ихъ, пока понадобятся на десять». — Киргизы, отъѣхавши съ версту, скрылись за курганомъ.

Казаки съ артиллеристами сошлись въ кружокъ и держали совѣтъ, что имъ теперь дѣлать. Надумали послать казака Волошинова на Орженецъ, кстати у Волошинова былъ добрый бѣгунъ;

онъ и не отказывался. Сейчасъ же выбрали другую лашадь, посадили на нее вожака-киргиза и, выряжая обоихъ въ путь, дали наставленіе, чтобы они не ѣхали напрямикъ, а держались бы дороги,—такъ безопаснѣе. Киргизы наблюдали издали, и какъ только наши всадники отъѣхали, толпа конныхъ пустилась за ними въ догонку. Дрогнула сухая киргизская степь подъ копытами киргизскихъ скакуновъ, послышался гикъ, ржанье коней, поднялось облако пыли. Казаки стали креститься; у каждаго сдавило въ груди: а что если не уйдутъ?—Киргизъ-вожакъ, должно быть, испугался, потому что повернулъ коня. Мятежники бросились ему па-перерѣзъ, живо его поймали, а въ это время Волошиновъ успѣлъ взять впередъ примѣрно версту. Самые доброконные киргизы гнались за нимъ верстъ пять и потомъ бросили. Наши казаки, за большою пылью, ничего этого не видѣли; они видѣли уже, какъ киргизы ѣхали мимо каре, ведя въ поводу донскаго коня. — «Аникій Ѳедоровичъ! Никакъ это наша лошадь?»—Коржовъ и самъ видитъ, что лошадь казачья, сѣдло съ подушкой и все прочее, однако сталъ увѣрять казаковъ, что это заводная лошадь.

Отъѣхавши на старую стоянку, киргизы наѣзжали на каре въ одиночку, причемъ палили изъ ружей; другіе выходили изъ-за кургана пѣшіе, клали ружья на сошки и также цѣлили въ каре. По дальности разстоянія эти выстрѣлы не причиняли никакого вреда. Ружья у киргизовъ были разныя: начиная съ фитильныхъ, самыхъ тяжелыхъ и кончая охотничьими дробовиками, двустволками; были даже штуцера; многіе имѣли шашки, пистолеты; у всѣхъ же остальныхъ — пики, длинныя, аршинъ до пяти, съ желѣзными острыми копьями на концѣ и длиннымъ ножемъ пониже копьеца. Пострѣлявши нѣсколько времени, киргизы пустились на продѣлки. Десятка по два сразу они спускались къ рѣкѣ и, скрывшись съ глазъ, проѣзжали мимо каре логомъ, а потомъ выѣзжали на ровное мѣсто съ другой стороны, точно поспѣшая изъ степи на помощь. Казаки подумали, что это прибываютъ новыя партіи, но Коржовъ смекнулъ въ чемъ дѣло и разсказалъ казакамъ, что такую же штуку продѣлали однажды на Кавказѣ наши линейцы:

дня два кружились возлѣ турокъ, такъ что совсѣмъ сбили ихъ съ толку. Казаки успокоились, хотя не надолго. Часа черезъ два изъ-за горъ показалась партія въ 500 или 600 чел. И прежняя, и эта новая обѣ разомъ бросились на каре. Казаки помолились Богу на всѣ четыре стороны, попрощались другъ съ другомъ и приготовились къ смертному бою. На одного русскаго приходилось по сорока враговъ.—«Ну, братцы, не робѣйте! сказалъ Коржовъ, послужите Богу и Государю! Живыми не сдаваться!» Донцы забрали у уральцевъ ружья: они стрѣляли лучше; киргизамъ же дали дрючки, которые кладутся подъ вьюки. Мятежники густою толпою окружали каре; между ними видны были въ своихъ высокихъ бараньихъ шапкахъ хивинцы, одѣтые и вооруженные гораздо лучше чѣмъ киргизы.

«Сдавайтесь, коли хотите жить!» кричали изъ толпы. Переводчикъ отвѣчалъ за казаковъ, что они не для того укрѣпились, чтобы сдаться. — «Переходи на нашу сторону!» кричали киргизы переводчику.—«И тогда не перейду, когда у насъ будетъ кровь по-колѣно!» отвѣтилъ Халиловъ.

Казаки были хорошо защищены отъ выстрѣловъ, но ихъ бѣднымъ лошадямъ на первыхъ же порахъ стало сильно доставаться. Израненыя, перепуганныя, онѣ начали ржать, биться, потомъ кидаться вонъ изъ каре, черезъ верблюдовъ, которые, въ свою очередь, подняли жалобный крикъ отъ нестерпимой боли. Наконецъ, когда нѣсколько канатовъ лопнуло, лошади вырвались на просторъ, и сейчасъ же попали въ руки киргизовъ. Видя, что казаки мало терпятъ, а больше достается лошадямъ, киргизы отошли назадъ; тогда ихъ пули стали перелетать черезъ каре и бить своихъ же, что стояли на другой сторонѣ. Скоро, впрочемъ, они замѣтили свою ошибку: собрались къ одной сторонѣ и стали готовиться къ штурму. Тѣ, которые имѣли пики, слѣзли съ лошадей, а конные продолжали палить. Въ это время изъ-за горъ подскакало еще нѣсколько партій. Пѣшіе киргизы, двумя большими толпами, человѣкъ по двѣсти, съ гикомъ бросились на каре. — «Какой же, братцы, нужно смерти краше: по 40 человѣкъ на

одного!» закричалъ казакъ Косоножкинъ, когда киргизы уже лѣзли въ каре. Въ эту самую минуту вожаки-киргизы выпрыгнули изъ каре и перебѣжали къ мятежникамъ. — «Не робѣйте. братцы! крикнулъ Коржовъ, не давайтесь живыми въ руки, вырывайте у нихъ пики!» — Казаки стали вырывать у киргизовъ пики, которыми они неуклюже тыкали изъ-за перваго ряда верблюдовъ, нахватали штукъ 70, хотя при этомъ накололи себѣ руки. Тогда киргизы начали метать пики; казака Косоножкина ранили въ бокъ. Видя малочисленность команды, мятежники становились все смѣлѣе: врывались въ каре сначала по-одиночкѣ, потомъ кучками; завязалась общая свалка. Казаки отбивались чѣмъ попало: шашками, обломками пикъ, работали кулаками. У казака Богомолова выбили шашку; два дюжихъ киргиза схватили его за волосы и потащили изъ каре. Онъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и хватилъ куркомъ по головѣ сначала одного киргиза, потомъ другого: оба упали съ проломленной головой. А тамъ вскочилъ киргизъ съ ружьемъ; только онъ успѣлъ его поднять, чтобы выстрѣлить, Косоножкинъ выхватилъ ружье и ударилъ его прикладомъ. Въ другомъ мѣстѣ Карташевъ рубнулъ шашкой здороваго киргиза, но шашка, попавши на кольчугу, согнулась; Карташевъ не потерялся: обернулъ шашку и полоснулъ киргиза эфесомъ по лицу. Ворвался еще одинъ щапцыршикъ съ двустволкой на-перевѣсъ; онъ пробѣжалъ мимо семи человѣкъ, — всѣ согнули свои шашки объ его кольчугу. «Бей его, ребята, по рукамъ ниже локтя! крикнулъ Коржовъ. Посыпались на киргиза удары: руки у него опустились, двустволка упала, и самъ онъ покатился черезъ верблюдовъ. — Славно дрались казаки, но ихъ было мало, а киргизовъ все прибывало да прибывало. Кровь лилась ручьями, сила казаковъ слабѣла... Одно имъ было облегченье, что киргизы подхватывали своихъ раненыхъ и убитыхъ; лѣзло-то ихъ много, а дрались не всѣ. Казаки пуще всего боялись, чтобы киргизы не порѣзали веревокъ и не испортили каре. Съ пиками въ рукахъ, разомъ, они выскочили впередъ, не допуская киргизовъ въ середину. Тѣ скоро замѣтили, что Коржовъ старшій

въ партіи и стали въ него цѣлить больше, чѣмъ въ другихъ. Перебили въ его рукахъ двѣ пики, а когда онъ нагнулся поднять третью, его пырнули сзади, съ коня, копьемъ въ спину, повыше пояса. Коржовъ распоряжался по прежнему, но вскорѣ почувствовалъ вторую рану, картечью, въ правую руку, повыше кисти. Отважный фейерверкеръ свалился на землю: «Братцы, не робѣйте, хоть я вамъ не помощникъ!» Казаки отбивались изъ послѣднихъ силъ; надежда на помощь оставила, всякій готовился умереть. Коржовъ, прислонившись къ спинѣ верблюда, тяжело дышалъ; онъ самъ видѣлъ, что наступаютъ послѣднія минуты предсмертной борьбы, что у казаковъ опускаются руки... Вдругъ киргизы бросились къ лошадямъ и стали отступать. Казаки оторопѣли: они не знали, что̀ и подумать. А дѣло было просто.

Волошиновъ, удравши отъ киргизовъ, проскакалъ благополучно верстъ 10; близъ Орженца онъ наткнулся на трехъ всадниковъ, стоявшихъ пикетомъ и наблюдавшихъ за отрядомъ. Пока киргизы соображали, откуда и что это за человѣкъ, Волошиновъ успѣлъ проскочить. Тутъ только они опомнились и погнались за нимъ. Волошиновъ на всемъ скаку сталъ стрѣлять, но выстрѣлы его пропадали даромъ; киргизы опустили пики и совсѣмъ ужъ изловчились приколоть казака. Къ несчастью, онъ уронилъ еще шомполъ отъ пистолета. Тогда Волошиновъ попробовалъ зарядить безъ шомпола: всыпалъ въ дуло порохъ, вложилъ пулю — все это на скаку — ударилъ пистолетъ объ луку и, обернувшись выстрѣлилъ назадъ. Одинъ киргизъ сейчасъ же повисъ на шеѣ своей лошади; товарищи подхватили его подъ руки и остановились.— Оставалось недалеко. Волошиновъ добѣжалъ русломъ Чегана и, явившись въ отрядъ, первое время ничего не могъ сказать; его конь упалъ отъ изнуренія Живо собрались два взвода стрѣлковъ и побѣжали къ Чаграю; одно орудіе, подъ командой сотника Ѳомина, догнало стрѣлковъ ужъ на ходу. Въ $3^1/_2$ часа отрядецъ сдѣлалъ 25 верстъ; кто уставалъ, садился на лафетъ или артиллерійскую лошадь; казакъ Волошиновъ ѣхалъ на свѣжей лошади.

— «Слава Богу, ребята, сказалъ вздохнувши Коржовъ:

вотъ и наши!» — Толпа конныхъ киргизовъ еще разъ бросилась на несчастную команду, но изъ каре раздался дружный залпъ, съ другой стороны шлепнула граната, и толпа разсѣялась — Какъ подошли стрѣлки къ транспорту, какъ осмотрѣлись да заглянули въ середину, такъ у нихъ защемило сердце отъ боли: вокругъ побоища лежали убитые киргизы, раненыя и убитыя лошади, кучи изломаннаго оружія; внутри каре — все залито кровью. Два казака лежали мертвые, семь тяжело раненыхъ, а прочіе, тоже израненые, точно выскочили изъ адскаго огня. Ихъ бѣлыя рубахи изодраны, окровавлены; лица измучены долгимъ страданіемъ; одинъ проситъ, чтобы ему дали пить, а другой умоляетъ Христомъ - Богомъ, чтобы его прикончили. Остался невридимъ лишь казакъ Кирѣевъ. — «Гдѣ Коржовъ? Живъ-ли?» спросилъ первымъ дѣломъ сотникъ Ѳоминъ. А Коржовъ и отвѣта не даетъ: сидитъ на томъ же мѣстѣ, такъ же тяжело дышетъ. Взялись теперь наши солдаты за перевязку раненыхъ: порвали свои рубахи, забинтовали, какъ умѣли и, поднявши верблюдовъ, устроили на нихъ носилки. Кого посадили, кого положили, и въ такомъ видѣ повезли отважныхъ казаковъ. Шли всю ночь. Киргизы, напуганные первою гранатою, не посмѣли и приблизиться. Въ Орженцѣ всѣ вышли на-встрѣчу печальному шествію, и всѣ почти плакали, глядя на носилки. Сняли ихъ осторожно, напоили страдальцевъ чаемъ; фельдшеръ перевязалъ имъ раны. Прошло два дня: трое умерло, остальные оправились и готовы были выступить въ новый походъ, на Чушка-Куль.

Государь Императоръ изволилъ произвести Коржова въ чинъ хорунжаго и наградить знакомъ отличія 2-й степени, Волошинова — званіемъ урядника и знакомъ отличія 3-й степени, а всѣмъ остальнымъ пожаловалъ знаки отличія 4-й степени.

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ

въ 1873-мъ году.

Походъ генерала Кауфмана въ Хиву по счету шестой. Говорятъ, первый походъ былъ также удаченъ. Уральскіе казаки подъ начальствомъ одного изъ своихъ смѣлыхъ атамановъ, сдѣлали лихой наѣздъ на владѣнія хивинскаго хана. Его самого въ ту пору не было дома; они заняли столицу, и казацкій атаманъ правилъ цѣлымъ народомъ 2 или 3 мѣсяца, причемъ захватилъ ханскую казну и даже женился на одной изъ ханскихъ женъ, принявшей христіанскую вѣру. Однако, ханъ, собравши большое войско, подступилъ къ столицѣ. Казаки вынуждены были ее покинуть и, обремененные добычей, принять на переправѣ черезъ Сыръ-Дарью невыгодный для себя бой. Въ жестокой сѣчѣ палъ атаманъ, заколовъ предварительно свою молодую жену; всѣ остальные были перебиты или перерѣзаны страшными хивинскими ножами. Уцѣлѣло не болѣе 3 — 4 человѣкъ: они-то послѣ и разсказали, какъ было дѣло.

Царь Петръ Великій, помышляя завязать торговлю съ далекою Индіей, избралъ на первый разъ Хиву, какъ попутное владѣніе;

онъ вырядилъ туда торговый караванъ и подъ видомъ прикрытія— сильный воинскій отрядъ, поручивъ общее начальство князю Бековичу Черкасскому. Объ этомъ несчастномъ походѣ сохранилось у терскихъ казаковъ трогательное сказаніе *). Бековичъ выступилъ по веснѣ и проходилъ пустыню въ самую знойную пору, такъ что еще не дойдя до Хивы, потерялъ четвертую часть своего отряда. Уже одно это несчастье могло помрачить его разсудокъ, но горе было еще впереди. Хивинцы встрѣтили русскихъ недружелюбно, не смотря на то, что они явились болѣе купцами, чѣмъ вооруженной силой; отрядъ, припертый къ рѣкѣ, 3 дня отбивался пушками отъ скопища непріятельской конницы. Видя неудачу, ханъ прикинулся, будто это нападеніе случилось безъ его вѣдома, и заключилъ съ русскими мирный договоръ; онъ даже поклялся надъ раскрытымъ кораномъ, что будетъ соблюдать его вѣчно. Русскіе пошли къ столицѣ, и дорогой ханъ уговорилъ Бековича развести русскія войска по разнымъ городамъ: такъ, говоритъ, легче ихъ довольствовать. Бековичъ, мало знакомый съ коварствомъ азіятовъ, согласился. Случилось то, что и надо было ожидать: небольшіе русскіе отряды, разбросанные по городамъ, были вырѣзаны до послѣдняго человѣка; самого Бековича таскали на пытку, потомъ отрубили несчастному голову. Съ этого времени хивинцы стали чрезвычайно дерзки; не проходило года, чтобы они не ограбили нашъ торговый караванъ, не угнали скотъ или верблюдовъ; казаковъ и мирныхъ людей таскали сотнями, обращая ихъ въ неволю. Чтобы напугать этихъ разбойниковъ, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ генералу Перовскому снарядить новую экспедицію. На этотъ разъ приготовились основательно и выступили зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ; думали, что лѣтомъ не пройти пустыней. Однако вышло еще хуже: наступили страшные морозы, снѣгу нанесло цѣлые сугробы; вихри и бураны задували въ степи по цѣлымъ недѣлямъ. Сдѣлавши половину пути и потерявши до 5 тыс. верблюдовъ, Перовскій долженъ былъ вернуться назадъ; еще долго

*) См. „Казаки“.—„Какъ гребенцы жили и отправляли государеву службу“. Стр. 283 –286.

послѣ того пройденный имъ путь обозначался трупами дохлыхъ верблюдовъ, къ которымъ сбѣгались волки, лисицы, слетались хищныя птицы.

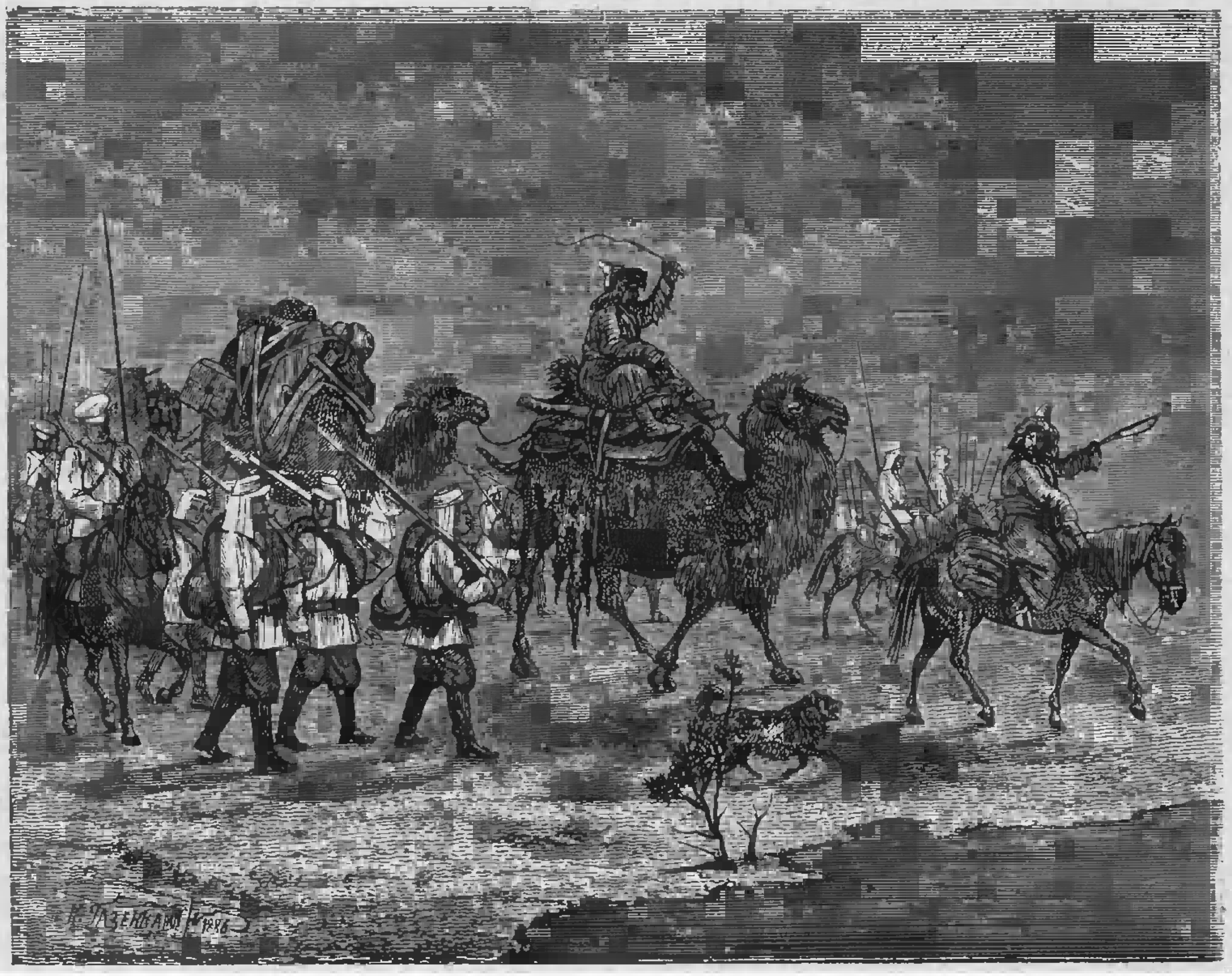
Ставши твердою ногою на берегахъ Сыръ-Дарьи, утвердившись въ центрѣ бывшихъ владѣній великаго Тамерлана, Императоръ Александръ II, для чести и достоинства своей державы, также не могъ оставить безъ наказанія гнѣздо разбойниковъ, не могъ дать въ обиду своихъ повыхъ подданныхъ. Въ половинѣ декабря 1872 г. было получено изъ Петербурга приказаніе идти въ Хиву четырьмя колоннами: одной изъ Туркестана, другой изъ Оренбурга, третьей отъ береговъ Каспія, а четвертой съ Кавказа; выйти имъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы всѣмъ одновременно вступить въ границы хивинскаго ханства; общее начальство надъ всей экспедиціей поручено туркестанскому генералъ-губернатору Константину Петровичу Кауфману. Раньше другихъ, а именно въ февралѣ, выступилъ отрядъ полковника Веревкина, изъ Оренбурга. Въ этомъ отрядѣ находилось $3^1/_2$ тыс. войскъ, безъ малаго 2 тыс. лошадей и до 5 тыс. верблюдовъ; солдатамъ дали полушубки, теплые сапоги; по всему пути до Эмбы стояли войлочныя кибитки, у которыхъ заранѣе было заготовлено киргизами топливо и сѣно; запасовъ везли съ собой на $2^1/_2$ мѣсяца. Каспійскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ломакина, былъ силами поменьше; кромѣ пѣхоты и казаковъ, подъ его начальствомъ находилось 12 сотенъ кавказскихъ горцевъ. На первыхъ же порахъ этому отряду пришлось жутко. Жары стояли страшные, пески раскалились, жгли ноги, слѣпили глаза; людей обдавало точно варомъ. А тутъ недостатокъ въ водѣ: колодцы попадались рѣдко, да и вода въ нихъ была мутная, соленая или же совсѣмъ черная, въ родѣ чернилъ. Скоро стали падать верблюды; начали болѣть солдаты: солнечный ударъ, поносы, горячки — случались чаще всего. Въ такой бѣдѣ выручала лишь помощь товарищей; часто можно было видѣть, какъ казакъ велъ въ поводу своего измученнаго коня, на которомъ сидѣлъ больной пѣхотинецъ. 27-го апрѣля отрядъ Ломакина подошелъ къ колодцу и такому глубокому, что успѣли напиться

лишь немногіе, а слѣдующій колодецъ отстоялъ верстъ на 50. Утромъ пошли дальше, но къ полудню, подъ сильнымъ припекомъ, стали изнемогать и люди, и лошади. Когда дали привалъ, весь отрядъ повалился въ изнеможеніи на раскаленный песокъ; воды ни капли; кругомъ ничего не видно, кромѣ бѣлаго песку. Но вотъ показались два киргиза, которые привезли радостную вѣсть, что недалеко есть колодецъ. Только-что успѣли немного освѣжиться, какъ прискакалъ изъ арьергарда казакъ и доложилъ, что солдаты не могутъ подняться, валяются на припекѣ безъ силъ. Ломакинъ приказалъ собрать всю посуду, какая нашлась въ отрядѣ, наполнить ее водой и, навьючивши на верблюдовъ, отправить назадъ. Отрядъ былъ спасенъ.

Въ первыхъ числахъ мая Ломакинъ подступилъ къ хивинскому городу Кунграду, гдѣ уже нашелъ нашихъ казаковъ изъ отряда Веревкина. Кунградскій губернаторъ выслалъ просить, чтобы русскіе остановились на три дня, пока привезутъ ему пушку, иначе онъ разсердится и не будетъ воевать. Однако русскіе не захотѣли ждать, пока явится грозная пушка и пошли дальше. За Кунградомъ стали встрѣчаться туркмены. Эти лихіе наѣздники, на своихъ чудныхъ коняхъ, не давали покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ походѣ, ни на бивакѣ. То они наскакивали сбоку, то появлялись сзади или спереди; нападали на обозъ, стрѣляли изъ-за деревьевъ, изъ-за стѣнъ. Такой лихости, такой неутомимости русскія войска до сихъ поръ не встрѣчали еще ни разу. Тѣмъ не менѣе, отстрѣливаясь на каждомъ шагу, отрядъ Ломакина приближался къ Хивѣ.

Главный отрядъ, подъ начальствомъ Кауфмана, въ составѣ 18-ти ротъ пѣхоты, одной роты саперъ, $5^1/_2$ сотенъ казаковъ и 18 орудій, двигался отъ береговъ Сыръ-Дарьи, перерѣзая ту же песчаную пустыню съ сѣвера на югъ. На первыхъ порахъ допекали наши войска проливные дожди и вѣтры; промочитъ до нитки дождемъ, а потомъ начнетъ леденить холодный вѣтеръ, въ то время какъ снѣгъ или градъ забиваетъ лицо. Поставитъ солдатъ на привалѣ шинельку, — она стоитъ точно кукла. Только это

продолжалось недолго: отрядъ втянулся въ безводную пустыню, въ которой всѣ колодцы на счету, въ которой вмѣсто топлива колючка, а корма́, какъ говорятъ, верблюжьи. Погода стала жаркой, удушливой; степной вѣтеръ поднималъ тучи песку; доходило до того, что днемъ ничего не видно, ни человѣка, ни палатки. Если же и утихала эта песчаная метель, то солнце не жгло, а



Степной походъ.

просто палило огнемъ, обжигая лицо, шею, кисти рукъ; почти у каждаго были на шеѣ волдыри. На урочищѣ Адамъ-Крылганъ, что̀ значитъ по-русски «человѣческая гибель», ночью затрубили тревогу. Живо построились стрѣлковыя роты и стали кругомъ на песчаныхъ холмахъ. На утренней зарѣ наши увидѣли, какъ туркмены то собирались въ кучки, то кидались въ-разсыпную, точно готовились къ атакѣ. Однако стрѣлки держали ихъ все время

на разстояніи выстрѣла. Погарцовавши, туркмены черезъ часъ исчезли. Эта стоянка верстъ на 60 кругомъ считалась самымъ страшнымъ мѣстомъ пустыни; здѣсь погибали не только караваны, погибло разъ цѣлое бухарское войско. Русскому отряду оставалось до рѣки Аму-Дарьи верстъ 70, и это разстояніе надо было пройти не иначе, какъ въ два перехода. Въ три часа ночи стали вьючить верблюдовъ; люди, лошади, орудія—утопали въ пескѣ. Какъ только тронулись, наступила жара невыносимая, жгучая, точно душилъ кто за горло. Артиллерія еле тащится, верблюды падаютъ десятками, сотнями. Нѣсколько разъ генералъ пропускалъ мимо себя войска; опять ихъ обгонялъ и опять пропускалъ. Часу въ 10-мъ передніе остановились на привалъ, а задніе подходили до самаго вечера; болѣе 200 верблюдовъ остались въ пустынѣ, на разстояніи какихъ-нибудь 19 верстъ! Стали искать кругомъ воды; офицеры и солдаты рыли колодцы — нѣтъ воды, не показывается. Одинъ изъ джигитовъ объявилъ, что тутъ недалеко, верстахъ въ семи, должны быть колодцы. Ему пообѣщали большую награду, и въ свѣтлую лунную ночь выѣхалъ джигитъ на поиски.

Видъ отряда былъ мрачный: кто сидѣлъ насупившись, кто тяжко стоналъ; иные старались забыться во снѣ. Вдругъ всѣ сразу всполошились, послышались радостные крики, смѣхъ, плачъ: «Вода, вода! Джигитъ нашелъ воду!» Въ часъ ночи стали вьючиться и на зарѣ подошли къ колодцамъ: «Алты-Кудукъ», т. е. «шесть колодцевъ», хотя ихъ оказалось только пять. Сейчасъ поставили къ колодцамъ часовыхъ и назначили для порядка дежурнаго офицера: иначе никому бы не досталось. Цѣлый день таскали воду; колодцы глубокіе, саженъ по 60 — 70, тащить трудно, а солдаты стоятъ да стоятъ, каждому хочется хлебнуть хоть разокъ. Къ вечеру было видно, что всѣхъ не напоить, не говоря ужъ о животныхъ: отряду угрожала гибель. Генералъ, страдавшій больше другихъ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ порѣшили отправить всѣхъ верблюдовъ съ лошадьми на прежнюю стоянку, Адамъ-Крылганъ, тамъ ихъ напоить и привезти въ турсукахъ свѣжей

воды. Такъ и сдѣлали. Напоить оставшихся людей было теперь гораздо легче, хотя таскали воду цѣлый день, таскали всю ночь. Солдаты повеселѣли; сначала послышались шутки, разговоры, а на третій день нельзя было узнать отряда: все шло такъ, какъ будто войска стоятъ лагеремъ гдѣ-нибудь въ Россіи. Солдаты запѣли пѣсни, принялись чинить сапоги, рубахи; заиграла музыка...

Въ этотъ же день на отрядъ генерала Бардовскаго, стоявшаго съ верблюдами у Адамъ-Крылганъ, напали на ранней зарѣ туркмены. Стрѣлки, вытянувшись густою цѣпью, дали по нимъ залпъ, а ракетная батарея окончательно разогнала толпу въ 400 человѣкъ. Казаки гнали ихъ по сыпучему песку версты 4 и привели въ отрядъ двухъ плѣнниковъ. Имъ давно хотѣлось поймать живьемъ хоть одного туркмена, да все не давались. Плѣнные сейчасъ же стали молить, чтобъ имъ дали воды: они три дня ужъ не пили; всѣ колодцы въ пустынѣ были заняты нашими отрядами. Туркмены показали, что до Аму-Дарьи не болѣе 40 верстъ, что тамъ ожидаетъ насъ хивинское войско въ $3^1/_2$ тыс., а эти наѣзды дѣлаетъ киргизъ Садыкъ, самый первый разбойникъ въ степи. На 6-й день стоянки весь отрядъ Кауфмана поднялся съ Алты-Кудукъ, при чемъ лишнія тяжести были оставлены на мѣстѣ. Вечеромъ опять показались туркмены, но на этотъ разъ въ бо̀льшемъ числѣ. Войска построились въ каре, частью на бугрѣ, частью въ лощинѣ; семь сотенъ конницы стали за однимъ изъ фасовъ. Туркмены всю ночь наѣзжали на пикеты. Стало свѣтать. Навьючили верблюдовъ, тронулись въ такомъ же порядкѣ, какъ ночевали. Обозъ двигался, оцѣпленный стрѣлками; посерединѣ шли сомкнутыя роты, готовыя броситься въ штыки, сзади 2 горныхъ орудія. Давши вытянуться, туркмены свернулись въ темную тучу и съ дикимъ крикомъ стали кидаться, повторяя атаки одну за другой. При всякой атакѣ цѣпь открывала усиленную пальбу, а сомкнутыя части посылали залпы; по временамъ кидали грапату, отъ которой туркмены мигомъ разсыпались. Такимъ образомъ отрядъ продвинулся верстъ на 10, какъ вдругъ впереди обозначились берега и зеркальная поверхность большой воды, не то рѣки,

не то озера. Кто можетъ описать радость отряда? Забыты труды дальняго похода, забыты муки, которыя довелось каждому претерпѣть за эти долгіе палящіе дни и душныя безсонныя ночи! Солдаты подтянулись, офицеры пріободрились, радостная надежда освѣтила лицо главнокомандующаго; все прибавило шагу, спѣша къ завѣтнымъ берегамъ азіятской рѣки. Но это оказалась не рѣка, а озеро, у котораго уже два мѣсяца стояло хивинское войско, высылая въ степь разъѣзды. Раздался выстрѣлъ фальконета, картечная пуля провизжала надъ головой генерала. Наши пустили нѣсколько гранатъ: за облакомъ пыли и песку все скрылось, а когда пыль улеглась, туркменъ уже не было. Отрядъ расположился на берегу озера. Объѣзжая войска, Кауфманъ благодарилъ ихъ за понесенные труды, за молодецкую службу; онъ поздравлялъ ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ похода. Никогда, быть можетъ, не были такъ отзывчивы сердца солдатъ, жадно провожавшихъ глазами своего генерала. Здѣсь, вдали отъ отечества, стоялъ небольшой русскій отрядъ, который два мѣсяца боролся съ ураганами, съ палящимъ и удушливымъ зноемъ, и все это вытерпѣлъ, готовый во всякую минуту броситься на врага. Ни одинъ солдатъ въ мірѣ не вынесъ бы того, что̀ вынесли русскіе солдаты въ этомъ походѣ. Такъ думалъ и такъ говорилъ самъ генералъ, раздѣлявшій всѣ ихъ труды и страданія. Со временъ Александра Македонскаго ни одно европейское войско не было на берегахъ Аму-Дарьи, къ которой приблизились теперь русскіе.

Составивши ружья, стали варить пищу, поить верблюдовъ. Бѣдныя животныя не пили четвертыя сутки. Кавалерія ушла на развѣдку; командующій войсками проѣхалъ со свитой къ рѣкѣ, до которой оставалось еще 10 верстъ. Тихо протекала Аму въ своихъ отлогихъ песчаныхъ берегахъ; вода мутная, желтоватая, но вкусная. На отмели рѣки сидѣлъ каюкъ съ десяткомъ туркменъ, изъ числа тѣхъ, которыхъ разогнали наши казаки. Уральцы вызвались завладѣть этимъ каюкомъ. Они раздѣлись до рубашекъ и, держась за гривы лошадей, пустились вплавь; перешли черезъ мель, опять поплыли. Туркмены, видя бѣду, спрыгнули въ рѣку:

человѣкъ пять доплыли до другого берега, остальные потонули. Тогда уральцы стащили каюкъ съ мели и вернулись обратно; въ каюкѣ оказалось 30 барановъ, лошадь и корова. Кауфманъ, кромѣ живности, подарилъ лихимъ уральцамъ сто рублей; каюкъ же долженъ былъ служить для переправы войскъ. У насъ съ собой было только 3 понтона, четвертый бросили дорогой. Изъ нихъ снарядили маленькую флотилію, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Зубова, бывшаго моряка; нашлось еще два матроса, посадили стрѣлковъ и приказали имъ нахватать побольше каюковъ. Туркмены слѣдили за ними съ того берега и пустили штукъ 25 ядеръ, но Зубовъ отлично лавировалъ, такъ что ни одно не попало. Оказалось, что у хивинцевъ, на той сторонѣ, стояла крѣпостца, подъ стѣнами которой былъ разбитъ ихъ лагерь. Генералъ вызвалъ къ берегу конный дивизіонъ. Орудія скоро пристрѣлялись, и каждая граната производила сильное разрушеніе; мало-по-малу хивинцы очистили и свой лагерь, и крѣпостцу. Было видно, какъ уходя, они потащили за собой два подбитыхъ орудія. Тѣмъ временемъ флотилія Зубова успѣла наловить каюковъ и 18-го числа началась переправа. Она шла цѣлый день, безъ всякой помѣхи, изъ чего можно было заключить, что хивинцы вовсе не способны къ оборонѣ. Переправой русскихъ войскъ распоряжались саперы. Славный народъ! Во время похода они рыли колодцы, спускались на дно, вымѣривали глубину воды, а теперь молодецки нагружали на этомъ берегу и разгружали на томъ: безъ нихъ ка́къ бы плохо! Отрядъ расположился лагеремъ возлѣ крѣпостцы, въ песчаной котловинѣ; кругомъ въ два яруса тянулись бугры напоснаго песку, а версты за двѣ отъ лагеря начинались уже кишлаки, или сады. Наши фуражиры скоро добыли порядочно клевера, но жителей не видали: всѣ попрятались. На другой же день они явились сами; въ лагерѣ открылся базаръ. Хивинцы навезли муки, цыплятъ, овецъ, овощей, пшеничныхъ лепешекъ, абрикосовъ, рису, сахару, чаю, травы для лошадей. Солдаты разсыпались между телѣгами; кто зналъ по-татарски или по-киргизски, тотъ живо кончалъ дѣло; большинство же обходилось какими-то непонятными для посторон-

няго знаками и жестами. Хивинцы не хотѣли брать нашихъ бумажекъ; за все платили имъ серебромъ. Народъ этотъ—не высокій, худой, съ длинной черной бородой и недобрымъ выраженіемъ лица; одѣвается въ широкія шаровары, рубашку и халаты до пятъ; почти всѣ босы, на головѣ высокая мерлушечья шапка; халаты стеганые, на ватѣ. Нашихъ солдатъ они нисколько не боялись и лупили за каждый пустякъ втри-дорога, а прежде думали, что вотъ придетъ урусъ, все даромъ заберетъ. Таковы ужъ всѣ азіяты.

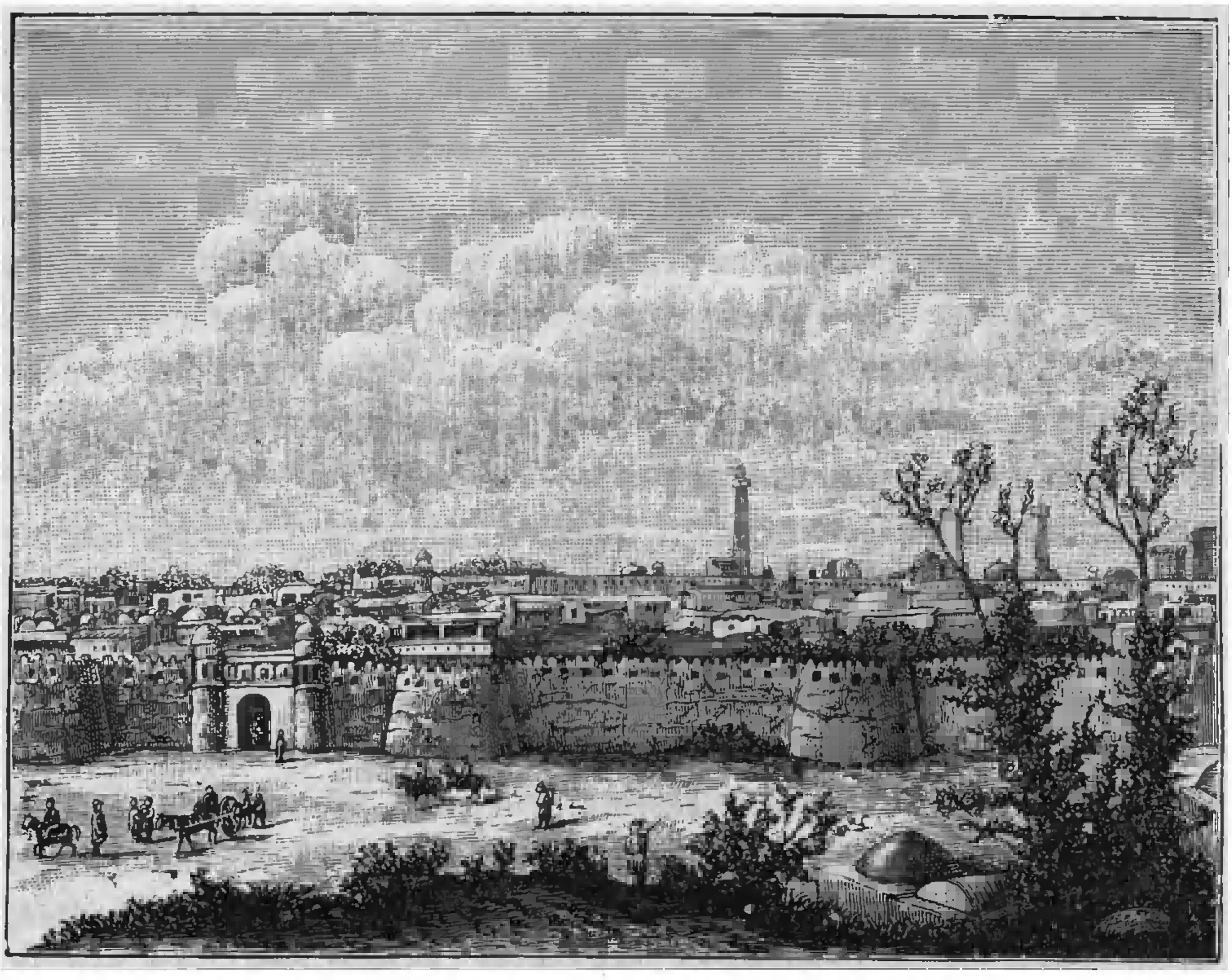
Прошло три дня; хивинцы прекратили подвозъ. Послѣ знали, что ханскія войска пригрозили жителямъ, чтобы они не смѣли выѣзжать на базаръ. Тогда командующій войсками отрядилъ полковника Чайковскаго узнать мѣстность и запастись фуражемъ. Черезъ полчаса пути отрядъ вступилъ въ плодородную страну, гдѣ по обѣ стороны тянулись поля, засѣянныя хлѣбомъ; немного дальше начинались сады, въ которыхъ росли яблони, груши, абрикосы, вишни, высокіе столѣтніе вязы, подъ которыми журчали ручейки; надъ дорогой свѣшивалась шелковица, обсыпанная сладкими бѣлыми ягодами. Изъ-за зелени выглядывали сѣрыя глиняныя жилища узбековъ. Такъ называются коренные жители ханства, помѣщики. Ихъ жилища огорожены крѣпкими глиняными стѣнами, сажени три высотой, а по бокамъ башенки; входъ запирается тяжелою дверью. Въ домахъ темно, мрачно, оконъ нѣтъ, а просто дырки въ стѣнѣ; у богатыхъ узбековъ дома убраны коврами, яркими цыновками, одѣялами и подушками. Начальникъ отряда самъ заходилъ въ дворы и, гдѣ хозяева были дома, объявлялъ имъ, чтобы везли въ лагерь на продажу свои продукты; гдѣ же хозяевъ не было, тамъ разрѣшалось брать кормъ для лошадей даромъ. По дорогѣ безпрестанно попадались мостики, перекинутые черезъ арыки, или оросительныя канавы. Если бы хивинцы съумѣли приспособить такую мѣстность къ оборонѣ, то наши потери могли быть очень велики: что́ ни домъ, то крѣпость; деревья, кустарники, канавы, — есть ли что-нибудь выгоднѣе для упорной обороны? Выйдя изъ садовъ, отрядъ увидѣлъ подъ стѣнами крѣпостцы толпу туркменовъ; послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ

изъ горныхъ орудій она укрылась за стѣны Хазаръ-аспа́. Такъ называлась хивинская крѣпостца. Постоявши около часа другъ противъ друга, наши повернули въ лагерь.

На другой день выступилъ по той же самой дорогѣ весь туркестанскій отрядъ; Хазаръ-аспа́ заняли безъ выстрѣла. Это оказалась довольно порядочная крѣпость, лучше самой столицы; окружена со всѣхъ сторонъ озеромъ и прилегающими садами; стѣны высокія, съ зубцами; ворота также высокія, по обѣ стороны которыхъ кирпичныя башни. Жителей въ этомъ городѣ тысячъ шесть; многіе перебрались сюда, заслышавъ о походѣ русскихъ, въ надеждѣ, что крѣпость будутъ защищать. Сначала они робѣли, но когда Кауфманъ объявилъ, чтобы они продолжали заниматься своимъ дѣломъ, то сейчасъ въ этотъ же день открылся базаръ. Въ крѣпости нашли нѣсколько пушекъ, множество фальконетовъ, пороху, фуража и старинную карету на высокихъ рессорахъ. 27-го мая отрядъ двинулся дальше. По всему пути народъ высыпа́лъ на дорогу, заявляя свою покорность; въ знакъ мира, жители подавали хлѣбъ, абрикосы; иные тащили ягнятъ, даже барановъ. Только-что успѣли разбить для ночлега палатки, какъ было получено отъ хана письмо; онъ писалъ, что хивинцы драться не желаютъ и сдаютъ свою столицу безъ боя. Главнокомандующій написалъ отвѣтъ и требовалъ, чтобы ханъ завтра выѣхалъ на-встрѣчу, но что русскія войска все-таки пойдутъ впередъ. Старикъ-хивинецъ, взявши это письмо, сказалъ, что русскіе уже берутъ городъ, причемъ убили двухъ хивинскихъ богатырей. Тутъ только командующій войсками узналъ, что отрядъ Веревкина стоитъ подъ стѣнами столицы. Наши успѣли въ этотъ день отнять 4 орудія и готовили въ стѣнѣ проломъ; самъ Веревкинъ получилъ тяжелую рану въ голову, такъ что долженъ былъ сдать начальство старшему послѣ себя полковнику Скобелеву. Тогда генералъ послалъ въ Оренбургскій отрядъ приказаніе прекратить бомбардировку. Рано поднялись войска на послѣднемъ переходѣ; всѣмъ хотѣлось поскорѣе добраться до этой, точно заколдованной Хивы. На половинѣ дороги повстрѣчалась толпа всадниковъ, на чудесныхъ же-

ребцахъ, украшенныхъ богатѣйшей сбруей и съ щегольскими на сѣдлахъ чепраками. Всѣ думали, что выѣхалъ ханъ, но оказалось, что это былъ его дядя Сеидъ-Умаръ, старикъ лѣтъ 70-ти, одѣтый въ ярко-зеленый халатъ и большіе сапоги изъ бѣлой кожи съ острыми, загнутыми вверхъ носками. Когда всѣ усѣлись въ кружокъ, Сеидъ-Умаръ объявилъ, что его племянникъ бросилъ столицу, и что ни онъ, ни его подданные не желаютъ сражаться. Командующій войсками сказалъ на это, что онъ очень огорченъ бѣгствомъ хана; пусть его возвращается въ столицу, въ противномъ случаѣ будетъ посаженъ другой ханъ. Только что кончилась бесѣда, какъ явился офицеръ и доложилъ генералу, что отряды Веревкина и Ломакина находятся неподалеку и готовы къ встрѣчѣ. Кауфманъ, вся его свита и хивинскіе послы подъѣхали къ этимъ войскамъ; сзади тронулись туркестанцы. Черезъ четверть часа открылись стройные ряды пѣхоты, конницы и артиллеріи; войска были одѣты щеголевато, въ парадной формѣ, выглядѣли молодцами. Полковникъ Саранчевъ скомандовалъ: «на-караулъ», музыка апшеронскаго полка заиграла встрѣчу. Генералъ началъ объѣздъ. Онъ останавливался передъ каждою отдѣльною частью и благодарилъ за молодецкую службу. Тутъ стояли бородатые оренбургцы и уральцы, лихіе сунженцы, мусульманская сотня въ своихъ нарядныхъ костюмахъ, боевые кавказскіе и привыкшіе къ степной войнѣ линейные батальоны. Уралъ, Терекъ и Сунжа, Кавказскія горы — всѣ выслали своихъ дѣтей поглядѣть на Хиву. Послѣ блестящаго смотра солдаты и офицеры всѣхъ трехъ отрядовъ перемѣшались, разыскивая друзей, знакомыхъ, земляковъ. Въ глубинѣ Азіи, передъ непріятельской столицей и послѣ тяжкихъ трудовъ, многихъ ожидала радостная встрѣча. Четвертому отряду, полковника Маркозова, не суждено было добраться до Хивы: онъ вернулся съ половины дороги. На пути этой колонны колодцевъ оказалось еще меньше, чѣмъ встрѣчали прочіе отряды; жары доходили до 60 градусовъ; это все равно, что въ банѣ, на полкѣ; солдаты мучались отъ жажды, верблюды падали сотнями. Для спасенія отряда, Маркозову ничего больше не оставалось, какъ вернуться назадъ.

Когда доложили генералу, что его послѣднее приказаніе исполнено, т. е. пушки сняты, войска стали въ ружье, и послѣ захожденія головныя части шибко пошли впередъ. Вотъ наконецъ и Хива: ея высокія, зубчатыя стѣны, за которыми виднѣются верхушки деревьевъ, торчатъ остроконечныя вершины минаретовъ, возвышаются круглые куполы мечетей; посрединѣ — огромная, круглая



Видъ города Хивы.

башня, блестящая какъ фарфоръ. На улицахъ и перекресткахъ уже стояли наши войска; музыка играла вступающимъ встрѣчу, громкое единодушное «ура» потрясало стѣны азіятскаго города, никогда не слыхавшаго ничего подобнаго. Улицы въ Хивѣ узкія, кривыя, покрыты страшною пылью; у домовъ и стѣнъ толпился народъ, но выглядѣлъ какъ-то тупо; лица у всѣхъ бронзовыя,

хмурыя, съ тѣми же нахлобученными высокими бараньими шапками. Голова отряда вступила на просторную площадь, къ которой примыкали ханскій дворецъ, мечеть и лавки. Здѣсь остановилась пѣхота и дивизіонъ конной артиллеріи; остальное пространство занялъ народъ. Выѣхалъ на площадь генералъ Кауфманъ, еще разъ раздалось громкое «ура», хивинцы сняли шапки... Народу было объявлено, что онъ можетъ заниматься своимъ обычнымъ дѣломъ, ничего не опасаясь: войско «Бѣлаго» Царя пришло не для разрушенія, а для того, чтобы устроить въ ихъ землѣ порядокъ; всѣ же старыя провинности будутъ забыты. Затѣмъ, оставивъ караулы въ разныхъ частяхъ города, войска расположились лагеремъ версты за полторы отъ Хивы, въ большомъ, тѣнистомъ саду, принадлежавшемъ хану. Тутъ стоялъ его лѣтній дворецъ.

Первымъ распоряженіемъ русскаго «сардаря» было освобожденіе рабовъ. Въ Хивѣ, до прихода русскихъ, существовалъ особый невольничій рынокъ, на которомъ продавались персіяне, русскіе... Русскій человѣкъ шелъ въ цѣнѣ отъ 15 до 30 рублей, персіянинъ дешевле. Тяжка была участь этихъ несчастныхъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ достигали высокаго положенія въ ханствѣ: командовали войсками, завѣдывали артиллеріей или стрѣлковымъ обученіемъ пѣхоты. Большинство же ихъ влачило свою жалкую жизнь въ оковахъ, на черной работѣ, питаясь въ-проголодь остатками хивинской стряпни. Сколько было радости, когда эти страдальцы только узнали о приближеніи русскихъ!

2-го іюня возвратился изъ бѣгства ханъ и явился къ русскому сардарю. Генералъ принялъ его передъ своей палаткой, на мощеной кирпичной площадкѣ, устланной коврами. Когда ханъ подъѣхалъ къ своему же дворцу, то слѣзъ съ коня и смиренно шелъ пѣшкомъ; поднявшись на площадку, онъ, по хивинскому обычаю, усѣлся на коврѣ, поджавъ подъ себя ноги. По виду это былъ крѣпкій и здоровый мужчина, безъ малаго сажень ростомъ; широкій въ плечахъ, пудовъ семи вѣсу, въ шелковомъ, ярко-синемъ халатѣ, безъ оружія. Ханъ сидѣлъ, поникши головой, едва осмѣливаясь поднять глаза на русскаго генерала.

— «Великій Бѣлый Царь, сказалъ ему Кауфманъ, не желаетъ свергать васъ съ престола. Онъ слишкомъ великъ, чтобы мстить вамъ. Онъ показалъ вамъ свое могущество и теперь хочетъ васъ простить».

— «Я знаю, что поступалъ очень дурно, отвѣтилъ ханъ. Мнѣ давали дурные совѣты. Впередъ я буду знать, что мнѣ дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость ко мнѣ; я всегда буду ихъ другомъ».

— «Теперь вы можете возвратиться въ свою столицу. Скажите своимъ поддапнымъ, что русскіе—не разбойники и не грабители, а честные люди. Они ничего не тронутъ, ни ихъ женъ, ни ихъ имущества. Пусть мирно живутъ и занимаются своимъ дѣломъ».—Затѣмъ ханъ уѣхалъ.

Послѣ того онъ бывалъ еще много разъ вмѣстѣ со своимъ братомъ и однажды присутствовалъ на смотру русскихъ войскъ. Съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ удивленіемъ смотрѣлъ онъ, когда проходили мимо него наши солдаты твердымъ мѣрнымъ шагомъ подъ звуки музыки! Особенно удивительнымъ ему казалось, когда войска дружно, какъ одинъ человѣкъ, отвѣчали на привѣтствіе генерала: «Рады стараться, ваше превосходительство!» Этотъ откликъ поражалъ его своею необычайностью; онъ казался ему чѣмъ-то волшебнымъ. — «Такъ вотъ, думалось ему, урусы, которые покоряютъ мусульманскіе народы! Одна ихъ горсть валила въ Самаркандѣ цѣлыя полчища, нѣсколько сотенъ взяли приступомъ великій Ташкентъ съ его стотысячнымъ населеніемъ, а теперь—много ли ихъ тутъ?—однако хозяйничаютъ у меня, какъ дома!...» Такъ думалъ ханъ, пока проходили мимо него стройными рядами славныя русскія войска.